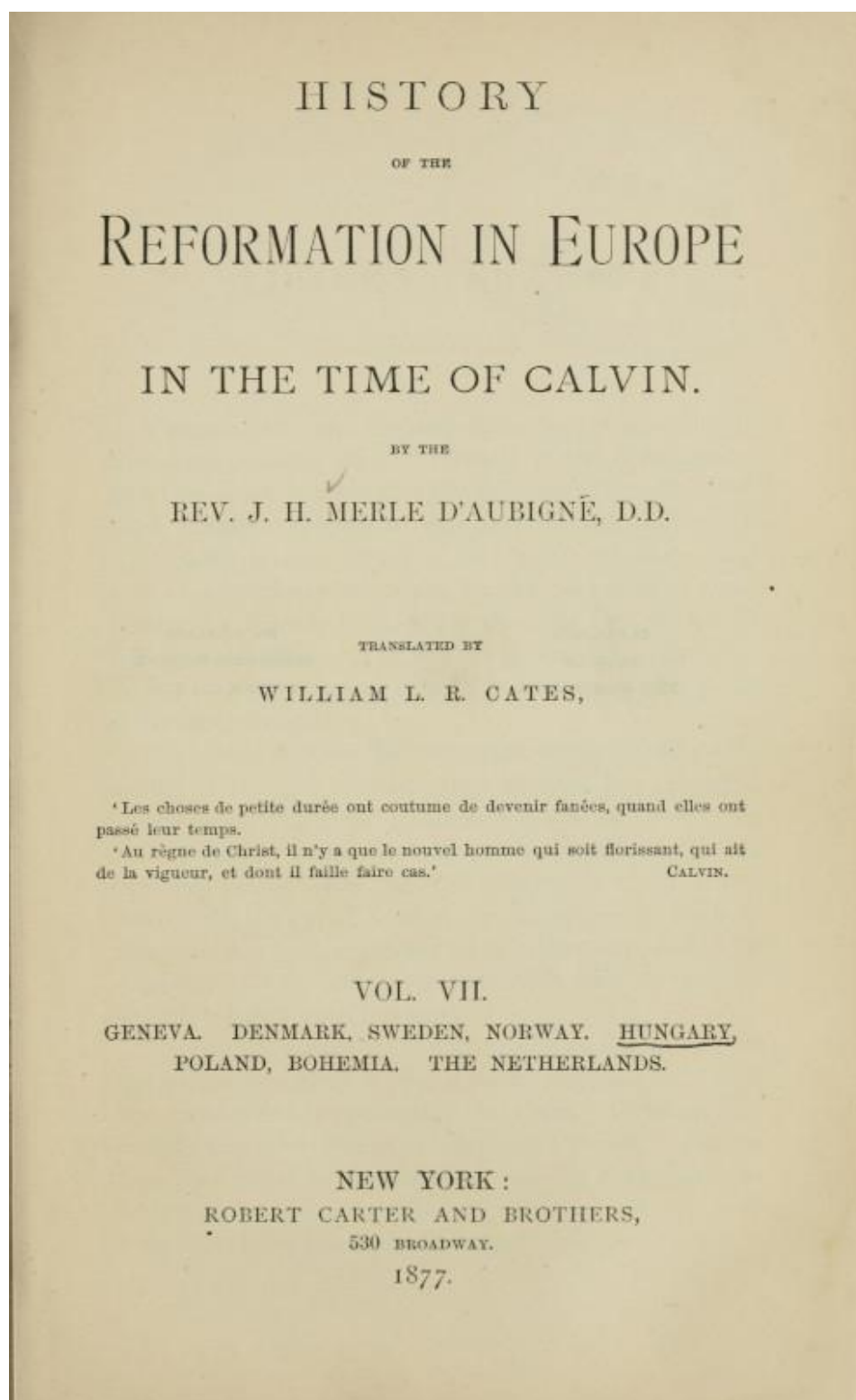

История реформации в Европе во времена Кальвина, Том 7 (из 8)

Ж. Х. Мерль д'Обинье

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории Реформации в Европе во времена Кальвина, том 7 (из 8)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Реформации в Европе во времена Кальвина, Том 7 (из 8)

Автор: Ж. Х. Мерль д'Обинье

Переводчик: Уильям Л. Р. Кейтс

Дата выхода: 24 апреля 2020 г. [Электронная книга № 61913]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Брайан Уилсон, Дэвид Эдвардс, Колин Белл, Дэвид Кинг и команда онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net>. (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА", ТОМ 7 (ИЗ 8) ***

История реформации в Европе во времена Кальвина, Том 7 из 8

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ ДОКТОРА МЕРЛЯ Д'ОБИНЬЕ.

1. История Реформации в Шестнадцатом веке. В 5 т. \$6.00

2. История Реформации во ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА. 7 томов. \$14.00

[Из обзора профессора Ф. Годе из Невшателя.]

Какая разница между прочтением произведения такого рода и прочтением одного из религиозных романов, которыми наша публика сейчас пресыщена. В этих последних, несмотря на всю добрую волю авторов, всегда или почти всегда есть что-то нездоровое. Воображение, этот замечательный дар Божий, используется для того, чтобы перенести нас в *светотень* вымышленных сцен, которые передают некое очарование, от которого трудно освободиться, вернуться к рутине повседневной жизни и ограничить себя узкими рамками наших повседневных обязанностей. Здесь, напротив, мы находим полный свет исторической правды, воображение возвращается к своей истинной цели — оживлению реальных фактов. Вера этого мученика, она действительно боролась, действительно восторжествовала — эта кровь, она действительно лилась — эта гора, ее пламя осветило окружающую страну, но при этом они действительно поглотили свою жертву. Когда мы читаем эти правдивые истории, наши сердца не переполняются тщеславными амбициями и не стремятся к недостижимому идеалу. Мы не говорим: “Если бы я был этим или той”. Мы обязаны общаться с самими собой, исследовать свою совесть, смириться с вопросом: что было бы со мной, если бы я был призван исповедовать свою веру через подобные страдания? Таким образом, каждый из нас призван к меньшему самодовольству, к большему смирению, но в то же время к большему удовлетворению своей судьбой, к большему стремлению служить своему Богу с большей верностью и большей активностью.

Мы горячо рекомендуем эту работу тем, кто рад найти полезную пищу для укрепления своей веры, тем, кто, соприкасаясь с живительным потоком, желает придать новую силу своей духовной жизни. Они найдут в его повествованиях всю энергию и яркость, которые живая вера передала автору, чей ум сохранил всю свою юношескую свежесть и в то же время ту мудрость, которую христианский опыт довел до полной зрелости.

РОБЕРТ КАРТЕР И БРАТЬЯ.

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА.

ПРЕПОДОБНЫМ Дж. Х. Мерлем Д’Обинье, доктором медицинских наук,

ПЕРЕВОД УИЛЬЯМА Л. Р. КЕЙТСА,

‘Les choses de petite durée ont coutume de devenir fanées, quand elles ont passé leur temps.

‘Au règne de Christ, il n’y a que le nouvel homme qui soit florissant, qui ait de la vigueur, et dont il faille faire cas.’

Кальвин.

ТОМ VII.

АНГЛИЯ, ЖЕНЕВА, ФРАНЦИЯ, ГЕРМАНИЯ И ИТАЛИЯ.

НЬЮ-ЙОРК:

РОБЕРТ КАРТЕР И БРАТЬЯ,

БРОДВЕЙ, дом № 530.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

Прошел целый год с момента публикации шестого тома *Истории реформации*. Но эта задержка вызвана тем фактом, что редактор был не в состоянии посвятить этому начинанию больше, чем скудные часы досуга активного служения; а не, как некоторые предполагали, необходимостью составления *Истории* из более или менее несовершенных заметок, оставленных автором. Нижеследующий рассказ, как и предшествующий ему, полностью написан самим месье Мерлем д'Обинье.

Редактор повторяет заявление, сделанное при публикации последнего тома, — что его задача состояла исключительно в проверке многочисленных цитат, встречающихся в тексте или в виде примечаний, и в сокращении в двух или трех местах некоторых общих размышлений, которые мешали быстрому течению повествования и которые автор, несомненно, либо убрал, либо сжал бы, если бы ему позволили внести последние штрихи в свою работу.

Мы можем только выразить нашу благодарность публике за прием, оказанный посмертному изданию, которое мы им уже представили. Критика, конечно, повсюду сопровождала похвалу. Оценки, сформированные автором того или иного персонажа, были приняты не всеми читателями, и журналы были органами общественного мнения.

В одном важном английском обзоре^[1] автор порицает автора за то, что он слишком сильно придерживается евангельской точки зрения. Несомненно, что именно такой точки зрения придерживался месье Мерль д'Обинье. Это не было для него обязательным условием; он не мог поступить иначе. По убеждению, по чувству, по натуре, всем своим существом он был евангелистом. Но была ли эта точка зрения наиболее подходящей для того, чтобы дать ему реальное понимание эпохи, историю которой он намеревался изложить? Это правильный вопрос, и ответ кажется очевидным. Если мы примем во внимание тот факт, что теологов возрождения в Женеве особенно обвиняли в том, что они были слишком привязаны к богословию шестнадцатого века, мы признаем, что эта евангельская точка зрения была наиболее благоприятной для точного понимания движения Реформации и для справедливого выражения ее идей и тенденций. Никто не мог бы лучше передать нам облик шестнадцатого века, чем один из тех людей, которые, если можно так выразиться, восстановили его в девятнадцатом веке.

Критика, наиболее часто применяемая к месье Мерлю д'Обинье, заключается в том, что он проявил предвзятость в пользу людей Реформации, и особенно в пользу Кальвина. Можно допустить, что автор *Истории Реформации* испытывает к Кальвину определенную нежность и что он склонен в определенной степени извинять его ошибки и даже промахи. Но не менее бесспорно и то, что эта тенденция никогда не приводила его к смягчению или сокрытию этих ошибок. Он выносит суждение: и это иногда служит оправданием. Но, во-первых, он рассказывал; и это повествование было совершенно точным. Добрые чувства или, как говорят

некоторые, пристрастность автора, возможно, лишили его оценку той строгости, которую другие сочли бы необходимой; но это не изменило его точку зрения. Его взгляд остался острым и ясным, а историческая правда в рассказах автора проявляется с полной беспристрастностью. Эти повествования сами по себе дают читателю возможность прийти к выводу, отличному от того, к которому пришел сам автор.

Не можем ли мы добавить, что любовь месье Мерля д'Обинье к своему герою, признающая бесспорную искренность историка, отнюдь не является основанием для подозрений, а придает особую ценность его суждениям? Почти шестьдесят лет месье Мерль жил в тесной близости с Кальвином. Он тщательно исследовал его малейшие труды, ухватился за все его мысли и ассимилировал их, и вступил, так сказать, в личное общение с великим реформатором. Кальвин совершил несколько ошибок. Кто с этим спорит? Но он не совершал этих ошибок с преднамеренным умыслом. Он должен был поддаться побуждениям, которые считал благими, и, хотя бы только в ослеплении страсти, должен был оправдать свои действия перед собственной совестью. В основном, именно это самооправдание со стороны Кальвина месье Мерле д'Обинье удалось донести до нас лучше, чем кому-либо другому. Он изобразил для нас живого Кальвина; он раскрыл нам его сокровенную мысль; и когда в работе, которую я редактирую, я встречаюсь с одобрительным суждением, к которому не могу присоединиться без некоторых оговорок, я, тем не менее, воображаю, что если бы Кальвин, восстав из могилы, мог сам изложить мне свои доводы, он не привел бы мне ничего другого, кроме тех, которые я нахожу изложенными на этих страницах. Если эта точка зрения верна, а мне кажется, в этом трудно усомниться, разве автор не решил одну из труднейших проблем истории — представить подлинные физиономии персонажей и показать их такими, какими они были; под внешним видом фактов раскрыть и изобразить умы людей?

Более того, большая часть этих общих критических замечаний связана со вкусом, тенденциями, взглядами и темпераментом. Есть и другие, которые были бы важны, если бы были хорошо обоснованы. Таковы те, которые влияют на точность работы, почти на правдивость автора. К счастью, их легко опровергнуть быстрым изучением.

"Месье Мерль, - было сказано,^[2] "использует свои обширные знания работ реформаторов, чтобы заимствовать из них отрывки, которые он произвольно вводит не к месту и независимо от обстоятельств, к которым они относятся. Таким образом, предложения, взятые из произведений Кальвина, написанных в последние периоды его жизни, трансформируются в предложения, произнесенные им двадцатью или двадцатью пятью годами ранее. То, что в одном случае было написано его пером, в другом случае вложено в его уста. Мы можем без педантизма отказаться рассматривать этот процесс в строгом соответствии с той отраслью истины, которая называется точностью".

Верно, что в томе VI г-н Мерль д'Обинье относит к 1538 году слова, произнесенные Кальвином примерно двадцать пять лет спустя, в момент его смерти в 1564 году: 'Я жил здесь, участвуя в странных состязаниях. В насмешку над вечером перед моей собственной дверью мне салютовали пятьюдесятью или шестьюдесятью выстрелами из аркебуз. Вы можете себе представить, как это должно поражать бедного ученого, каким бы робким я ни был и, признаюсь, всегда был. Но эти слова, сказанные Кальвином много лет спустя после этого события, относились именно к тому 1538 году. Историк процитировал их в ту самую дату, к которой они относятся; и он не мог бы опустить их без нарушения точности.

Однако следующее является единственным доказательством этого предполагаемого недостатка точности:—

‘В то время, когда Кальвину только что удалось установить в Женеве то, что он считал существенными условиями христианской церкви, он опубликовал от имени своих коллег заявление о том успехе, которого они только что достигли, и выразил чувства удовлетворения и надежды, которые они испытывали. Это утверждение, которому события почти сразу же привели к жестокому противоречию, месье Мерль использовал для изображения личных чувств и расположения Кальвина после проверки, которой подверглась его работа. Условия полностью изменились. Вместо триумфа реформатора изгоняют; и, тем не менее, язык, который он использовал в дни триумфа, используется для характеристики его стойкости и постоянства в дни изгнания”.

Документ, о котором здесь говорится, является предисловием Кальвина к латинскому изданию его Катехизиса. В первоначальном издании на нем стоит дата марта 1538 года. Она сейчас перед нами; мы читали и перечитывали ее и не можем представить, в силу какой странной иллюзии в ней можно было усмотреть *свидетельство успеха, которого только что достигли Кэлвин и его коллеги*. В нем нет ни малейшего *удовлетворения или надежды*, ни следа *триумфа*. Было бы необъяснимой ошибкой предполагать, что это было написано *в дни триумфа*. Оно было написано в марте 1538 года, в самый разгар бури, которая несколькими днями позже, 23 апреля, должна была привести к изгнанию реформатора и мгновенному уничтожению его работы в Женеве. Эта буря начала разгораться 25 ноября 1537 года на генеральном совете (народном собрании), на котором самые яростные нападки были направлены против Кальвина и правительства республики. С этого времени, говорит месье Мерль, “дни партии у власти были сочтены”.^[3] Фактически правительство, благоприсягающее Кальвину, было свергнуто 3 февраля 1538 года. В тот день к власти пришли самые непримиримые враги реформатора. Таким образом, в марте Кальвин, далекий от мысли о триумфе, думал о самозащите. Предисловие, стоящее во главе его катехизиса, - это не констатация успеха, которому уже нанесен серьезный ущерб, а *апология* его действий и его веры, ответ на “клевету, направленную против его невиновности и его честности”,^[4] на “ложные обвинения, жертвой которых он является”.^[5] Ниже приводится анализ предисловия, данного профессором Ройссом из Страсбурга в “Пролегоменах” к т. V. *Оперы Кальвини*, стр. 43:—

Повод для публикации этой книги на латыни был предоставлен Питером Кароли, доктором и приором Сорбонны. Этот врач, после того как распространил за границей несправедливые слухи против Фареля, Вирета и Кальвина, разразился страстными открытыми обвинениями против этих людей, своих коллег, которые в равной степени отличались своей верой и своим моральным обликом, вменяя им арианскую и сабеллианскую ереси и другие подобные пороки. В то время не существовало другого публичного памятника веры женевской церкви, кроме *Исповедания Фареля* и *Катехизиса Кальвина*; и они, поскольку были написаны по-французски, были почти неизвестны остальным швейцарским церквям. По этой причине Кальвин перевел на латынь свой собственный *Катехизис* и *Исповедь Фареля*, чтобы через эту версию донести до всех своих братьев в Швейцарии учение, которое он до сих пор исповедовал в Женеве, и показать, что обвинение в ереси, выдвинутое против него, было беспочвенным”.^[6]

Следует добавить, что Кальвин в этом предисловии не ограничивается опровержением обвинений в ереси, выдвинутых против него Кароли; но он отстаивает свой собственный курс в

Женева, особенно в том неприятном деле о присяге, которое привело к дебатам 25 ноября 1537 г., свержению правительства 3 февраля 1538 г. и изгнанию Кальвина и его друзей 23 апреля следующего. Этот документ, наряду с письмами, написанными Кальвином в этот период, является самым ценным источником информации о чувствах реформатора во время этой жестокой борьбы; и, цитируя его в этом месте, автор разумно использовал его.

Процитируем далее несколько слов из статьи в *Athenæum*, о которой мы уже говорили. В ходе критики, иногда суровой, автор признает, что 'в этом томе с неизменной энергией можно найти качества, которыми мы восхищались в его предшественниках. Мало найдется более трогательных повествований, чем простая история о смерти Гамильтона, первого из шотландских мучеников; и то же самое можно сказать о главе, посвященной Уишарту.' В отношении Кальвина тот же автор сообщает нам— 'М. Мерль обладал, как мы уже отмечали, поистине изумительными познаниями в трудах Кальвина; и мало найдется книг, которые позволяют нам так же хорошо, как "Месье Мерль", понять ум реформатора — возможно, не такого, каким он был во всех случаях, но такого, каким он хотел бы быть".

Профессор Ф. Года из Невшателя придерживается того же мнения и настаивает на нем.^[7] После того, как он упомянул "тот виртуозный росчерк карандаша, который был одним из самых замечательных дарований месье Мерля д'Обинье", он добавляет— 'Это всегда тот простой и величественный стиль, спокойный и в то же время полный серьезности, величественный, как течение великой реки, можно сказать, как и весь облик самого автора. Но что, как нам кажется, прежде всего отличает манеру месье Мерля, так это его нежная и благоговейная любовь к своему предмету. Работа, которую он описывает, вызывает у него полное сочувствие. Он любит это как дело своего Спасителя и своего Бога. Иисус больше не был бы тем, кем он является для веры автора, если бы он не освобождал, не помогал, не исправлял, не наказывал, не управлял и не побеждал, как он делает в этой истории. Святой Иоанн в Апокалипсисе показывает нам Агнца, снимающего печати с книги, содержащей замыслы Бога относительно его церкви. М. Мерль, пишущий историю, по-видимому, видит в событиях, о которых он рассказывает, так много печатей, которые были сломаны рукой Царя Царей. В каждом факте он усматривает один из этапов своего пришествия в качестве супруга церкви или судьи мира. И точно так же, как листы божественного свитка были исписаны не только снаружи, но и внутри, месье Мерль не удовлетворяется изображением внешней стороны событий, а стремится проникнуть в божественную идею, составляющую их суть, и раскрыть ее перед глазами своего читателя. Поэтому не требуйте от него того, что называется объективным историком, и держаться холодно в стороне от фактов, которые он вспоминает. Разве эта вера шестнадцатого века, пробуждение которой он прослеживает, борьбу, поражения и победы, не является *его собственной верой и жизнью его собственной души*? Разве эти люди, которых он описывает, Кальвин, Фарель, Вирет, не кость от кости его, плоть от плоти его? Разве эти церкви, о рождении и первых шагах в жизни которых он рассказывает, не его собственная духовная семья? Сам читатель, к которому обращено его повествование, является для него бессмертной душой, которую он хотел бы сделать пленницей веры Реформации. Как рассказчик, он ни на мгновение не отказывается от своего достоинства служителя Христа. Должность историка в его случае является священством. Не то чтобы он впадал в ошибку, решив любой ценой прославить своих героев, смягчить их слабости, извинить их ошибки или представить факты в свете, отличном от той объективной истины, к которой его привело добросовестное изучение документов. Благополучие современной церкви, для которой он желает трудиться, с такой же уверенностью может быть

результатом откровенного признания и сурового осуждения совершенных ошибок, как и восхищения всем, что было сделано по воле Божьей".

Такое же суждение недавно высказал автор большого труда по французской литературе, недавно опубликованного,^[8] подполковник Штааф. Автор представляет М. Мерля д'Обинье французской публике в следующих выражениях: "М. де Ремюза сказал об этой работе: "Возможно, она имела успех среди протестантов (*un succès de secte*), но она заслуживает гораздо более широкого освещения, поскольку это одна из самых замечательных книг на нашем языке". Мы могли бы добавить, что это одна из самых строгих работ, поскольку это одновременно работа историка и служителя Евангелия. Было бы ошибкой предполагать, что автор принес повествовательную часть своей истории в жертву изложению и защите доктрин Реформации. Не гонясь за эффектами окраски, не заботясь о форме отдельно от мысли, он преуспел в воспроизведении истинного облика эпохи, о великих и плодотворных движениях которой он поведал. Все христианские общины, над которыми пронеслось неистребимое дыхание Реформации, вновь ожили духом и действиями в этой великой драме, главные эпизоды которой разыгрываются Германией, Францией, Швейцарией и Англией. Чтобы так глубоко проникнуть в нравственную жизнь реформаторов, как это ему удалось, месье Мерль не удовлетворился простым изучением истории шестнадцатого века; он черпал информацию из источников, о существовании которых едва ли подозревал до того, как они были ему открыты'.... 'Итак, с какой бы точки зрения мы ни стояли, не вызывает сожаления тот факт, что при написании истории конфликтов и, слишком часто, казни стольких людей, движимых самыми благородными и неизменными убеждениями, перо держал скорее верующий, чем скептик. Только потомок и духовный наследник апостолов Реформации мог уловить и передать огонь их чистого энтузиазма в книге, в которой их страсти не оставили отзвуков. Месье Мерль д'Обинье — и это одна из характерных черт его творчества — с античной простотой удовлетворил требованиям своей двойной миссии. Только когда совесть историка дала все гарантии справедливости и беспристрастности, которых можно было ожидать от нее, пастор позволил себе изливания своей веры".

Мы завершаем словами профессора Ф. Бонифаса из Монтобана:^[9] "В этом томе можно найти выдающиеся качества, которые позволили Мерлю д'Обинье занять первое место среди французских историков Реформации: богатство и достоверность информации, живописная живость повествования, широта и возвышенность взглядов, взвешенная оценка о людях и вещах, и в дополнение ко всему этому глубоко религиозное и христианское вдохновение, оживляющее каждую страницу книги. Писательские способности оставались молодыми, несмотря на годы; и этот плод его преклонного возраста напоминает о лучших произведениях его юности и возмужания".

Последний том выйдет (Д.В.) до конца текущего года.

Н.э. Дюшен.

Лион, май 1876 г..

СОДЕРЖАНИЕ СЕДЬМОГО ТОМА.

КНИГА XI.—(продолжение.)

КАЛЬВИН И ПРИНЦИПЫ ЕГО РЕФОРМЫ.

ГЛАВА XIX.

ОТЗЫВ КАЛЬВИНА В ЖЕНЕВУ.

(Август 1540-март 1541 гг.)

Министры Женевы—Отъезд Морана и Маркура из города—Великий голод—Совет Кальвина—Его отзыв определен—Послание Луи Дюфура—Первый ответ Кальвина—Поездка в Вормс—Письмо Синдиков и Совета Женевы—Опасения Кальвина—Консультации его друзей—Его ответ—Его условия—Вире вызван в Женеву—Вире в Женеве—Министр Бернар—Его письмо Кальвину—Кальвин в Вормсе—Кальвин и Меланхтон—Их близость—Их взаимное доверие—Разговор в Вормсе —Песнь Победы—Триумф Христа—Доверие Кальвина к Вире—Письмо Кальвина Бернарду—Кальвин возвращен в Женеву Фарелом—Испытания—Смирение и вера¹

ГЛАВА XX.

КАЛЬВИН В РАТИСБОНЕ.

(1541.)

Беспокойство Кальвина—Уступки лютеран—Стойкость Кальвина—Выступление кардинала Фарнезе—Ответ Кальвина—Папская тирания—Истинное согласие—Единство и разнообразие—Римский престол не является Апостольским Престолом—Несдержанность—Профанация религии—Великое чудовище—Истинные служители—Церковная собственность—Папский посох—Протестанты и турки—Роль Кальвина в Ратисбоне—Теология Рима—Зло, которое необходимо исправить—Умеренность Кальвина—Ссылка на Генеральный совет — Отъезд Кальвина из Ратисбона²⁴

ГЛАВА XXI.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЛЬВИНА В ЖЕНЕВУ.

(июль -сентябрь 1541 г.)

Отмена Генеральным советом приговора об изгнании—Письмо Синдиков и Совета Женевы пасторам и Советам Цюриха и Базеля—Строгость их формулировок—Выражение общих чувств—Все трудности устранены письмами из Женевы—Девиз Кальвина—Его отъезд из Страсбурга—Его пребывание в Невшателе—В Берне—Прибытие в Женеву—Избегание показухи—Дом Кальвина—То, что он приобрел в Страсбурге—Его появление перед Советом—Продвижение вперед—Совершение Таинств—Начало работы Кальвина—Помощь церкви Фарел и Вирет просили —Милость Божью и Труд Человека —День унижения—Правду с милосердием⁴²

ГЛАВА XXII.

ЦЕРКОВНЫЕ ТАИНСТВА.

(Сентябрь 1541 г.)

Проект Постановлений—Его представление Советам—Принят на Генеральном совете—Дух и цель Постановлений—Модель Кальвина "Первобытная церковь"—Женева, евангельский оплот—Христианская жизнь—Увещевания—Служение—Наставление молодежи—Бедных и больных—Заключенных—Выборы пасторов—Клятва служителей—Врачи—Старейшины—Консистория—Богослужение—Общая молитва—Дисциплина—Способ оценки этой дисциплины—Управление Женевской церковью—Теократия идемократия—Всемогущество государства—Правительство Церковь, взятая на себя государством—Кальвин не несет ответственности —Невидимая им опасность [60](#)

ГЛАВА XXIII.

ПРОПОВЕДЬ КАЛЬВИНА.

Проповедь Основная служба Кальвина—От двух до трех тысяч проповедей—Его толкование Священного Писания—Цитаты—Как молодому Человеку очистить свой Путь—Любовь к деньгам—Чужой на Земле—Преходящая преданность—Себялюбие—Заблудший Агнец—Божья воля на спасение всех—Его Благодать безгранична—Как прийти к Богу—Кровь Христа—Предопределение—Незнание этого является обучением—Кальвин не играл политической роли—Его ясная концепция евангельского служения [81](#)

ГЛАВА XXIV.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛЬВИНА.

(Февраль 1542 г.)

Настроение в Женеве—Кальвин — Душа Консистории—Его внимание к мелочам—Католицизм в Женеве—Вера в то, во что верит Церковь—Пресвятая Дева и Церковь—Политика Консисторию не касается—Регулирование морали — ее дело—Беспристрастность—Умеренность—Кальвин миротворец—Кротость и сила—Скрытая враждебность бывших министров—Новые министры—Ами Поррал—Его Торжествующая вера—Его христианская смерть—Живое христианство—Процветающая работа—Развитие религиозной жизни—Дисциплинарные меры—Примирение—Завершение Реформации—Лютер Часть—Часть Кальвина—Лютер, Основатель Реформации—Кальвин, ее Законодатель—Кальвин Посредник-Эпохи света-Средства национального возвышения [96](#)

КНИГА XII.

РЕФОРМАЦИЯ Среди СКАНДИНАВСКИХ НАРОДОВ —ДАНИИ, ШВЕЦИИ, НОРВЕГИИ.

ГЛАВА I.

ПРОБУЖДЕНИЕ ДАНИИ.

(с 1515 по 1525 гг.)

Джон Таусен—Его юность—Его вступление в монастырь—Его отъезд в Германию—Его Учеба в Лувене и Кельне—В Виттенберге—Кристиан II.—Его брак—Индульгенции—Восстание Швеции—Королевская месть—Мартин Рейнхард—Его иностранный язык—Подвергся насмешкам—Его

отъезд из Дании—Либеральные законы, принятые христианами—Религиозные реформы—Карлштадт в Дании—Его увольнение—Новое восстание в Швеции—Бегство короля—Напрасно просили помощи у его союзников—Сестра Карла Пятого—Ее смерть вереси [120](#)

ГЛАВА II.

РЕФОРМАЦИЯ, ОСНОВАННАЯ ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ СВОБОДЫ.

(с 1524 по 1527 гг.)

Фридрих, герцог Гольштейнский—Его призвание к трону—Его склонность к евангелической доктрине—Его Беспристрастность по отношению к Риму и Реформации—Провозглашение свободы вероисповедания—Новый Завет на датском языке—Предисловие переводчика—Беспокойство духовенства—Сын короля в Германии—Его приверженность реформации—Растущее решение короля—Проповедь Таусена—Таусен в Выборге—Продолжение его работы—Реформация в Копенгагене—Решимость епископов преследовать—Заключение Таусена—Его проповедь через вентиляционное отверстие—Его освобождение королем—Реформация в Мальмо—Красноречивый Тондебиндер—Евангелие, принятое всем городом Мальмо—Перевод гимнов Лютера на датский—Растущий прогресс во всех частях страны—Приглашение епископов Эку и Кохлеусу—Их отказ ехать в Данию—Обращение короля к епископам—Полная свобода вероисповедания—Тщетные усилия епископов—Королевский указ—Явная покорность духовенства [140](#)

ГЛАВА III.

ТРИУМФ РЕФОРМАЦИИ При ПРАВЛЕНИИ ФРИДРИХА I. МИРНЫЙ.

(с 1527 по 1533 гг.)

Борьба и противоречия—Труды Таусена—Новый епископ—Различные реформы—Рвение Таусена—Копенгагенский сейм—Епископы и министры—Увеличение числа проповедей священников—Молчание епископов—Таусен и его коллеги—Их исповедание веры—Статьи—Удивление прелатов—Обвинения епископов—Ответ евангелистов—Их требование публичного обсуждения—Отказ епископов—Представление министрами Памятника королю—Отсутствие ответа на него—Триумф евангелического дела—Беспорядки—Политическая позиция Фредерика усиленный—Интриги бывшего короля—Вторжение Кристиана II в Норвегию.—Короткая борьба—Кристиан взят в плен—Его требование предоставить охранную грамоту—Его письмо Фредерику—С ним обращаются как с государственным узником—Приговорен к пожизненному заключению—Заключен в замурованную крепость—Покинут—Заступничество Лютера за него—Смерть Фредерика—Его четверо сыновей [166](#)

ГЛАВА IV.

МЕЖДУЦАРСТВИЕ. ГРАЖДАНСКАЯ И ВНЕШНЯЯ ВОЙНА.

(1533.)

Возрождение надежды епископов—Их усилия—Их интриги—Ограничение свободы вероисповедания—Их цель избрать четвертого сына короля—Отсрочка выборов—Таусен приговорен к смертной казни—Восстание горожан—Спасение Таусена—Епископы под

угрозой—Изгнание Таусена—Бригитта Джоэ—Преследование евангелистов—Полемика—Популярные произведения—Нападение Любека на Данию—Быстрое продвижение захватчиков—Сейм в Ютландии—Долгие дебаты—Избрание Кристиана III. вопреки епископам [194](#)

ГЛАВА V.

КРИСТИАН III. ПРОВОЗГЛАШЕН КОРОЛЕМ —ТРИУМФ РЕФОРМАЦИИ В ДАНИИ, НОРВЕГИИ И ИСЛАНДИИ.

(с 1533 по 1550 гг.)

Энергичное ведение войны новым королем—Враг изгнан из провинций—Осада Копенгагена—Крайние страдания осажденного города—Вступление Кристиана в его столицу—Его решимость сокрушить светскую власть епископов—Арест епископов—Генеральный совет нации—Обвинительный акт против епископов—Их лишения —Их освобождение—Приглашение короля в Померанус—Реорганизация Церкви Померанусом—Новая конституция Церкви—Реформация в Норвегии—В основном Работа правительства—Реформация в Исландии—Два епископа Исландский перевод Нового Завета, сделанный Оддуром—Епископ—евангелист—Его смерть—Реакция папистов—Триумф Евангелия [211](#)

ГЛАВА VI.

ПЕРВЫЕ РЕФОРМАТОРЫ ШВЕЦИИ.

(с 1516 по 1523 гг.)

Различные влияния—Братья Олаф и Лоуренс—Их ранние исследования—Их применение в теологии—Олаф в Виттенберге—Его близость с Лютером—Его возвращение в Швецию—Два брата и епископ Матиас—Присутствовали при резне в Стокгольме—Матиас одна из жертв—Преемник Матиаса Лоуренс Андерсон —Он благосклонен к Реформации—Олаф и Лоуренс на похоронах своего отца—Их отказ от услуг монахов—Яростное сопротивление—Их смерти потребовал епископ Браск [231](#)

ГЛАВА VII.

РЕФОРМАТОРЫ, ПОДДЕРЖИВАЕМЫЕ ОСВОБОДИТЕЛЕМ ШВЕЦИИ.

(с 1519 по 1524 гг.)

Густавус Васа Заключенный в Дании—Его побег из заключения—Его борьба за независимость Швеции—Его бегство с места на место—Новости о резне в Стокгольме—Укрытие в горах—Работа на ферме—Признание Его—Предательство—Преследуемый, как дикий зверь—Его попытка поднять народ—Безуспешные усилия—Наконец восстание—Скорый триумф—Густавус назначен королем—Его склонность к реформам—Его прием реформаторам—Канцлер королевства Андерсон—Проповедник Олаф в Стокгольме—Сторонники и противники—Заговоры епископов—Епископ Браск—Цитата Олафа и Лоуренса перед Главой—Их отношение—Анафема [244](#)

ГЛАВА VIII.

БОРЬБА.

(с 1524 по 1527 гг.)

"Просвещенные" в Стокгольме — Их изгнание—Женитьба Олафа—Его отлучение епископом Браском—Его защита, предпринятая королем—Доходы духовенства уменьшены королем—Хвастовство архиепископа Магнуса—Праздник Святого Эрика—Духовенство унижено королем—Опасения епископов—Публичный диспут, предложенный Магнусом—Принятый королем—Олаф и Галле—Сожаления католиков—Накал страстей с обеих сторон—Претендент—Поддержка епископов—Декларация короля—Его решение завершить свою задачу—Созыв парламента государства Королевства—Королевский банкет—Унижение епископов²⁶⁵

ГЛАВА IX.

ПОБЕДА.

(1527.)

Заговор епископов—Сейм 1527 года—Жалобы короля—Поборы духовенства—Дерзость епископа Браска—Отречение короля—Триумф епископов—Волнение народа—Диспут перед решением Сейма—Король умолял вернуть себе Скипетр—Его долгое сопротивление—Его окончательное согласие—Политические реформы—Религиозные реформы—Вестераасский мирный договор—Разоружение римской иерархии—Подавление вооруженного восстания—Коронация Густава I.²⁸³

ГЛАВА X.

"ЦЕЗАРОПАПИЯ".

(с 1528 по 1546 гг.)

Ассамблея Эребру—Авторитет Священных Писаний—Образование пасторов—Церковные обряды—Уступки—Препятствия—Недовольство—Прогресс—Лоуренс Петерсен—Его назначение архиепископом Упсалы—Женитьба короля—Женитьба архиепископа—Враждебность монахов—Желание Олафа провести полную реформацию—Желание короля отложить ее —Охлаждение между королем и Реформатором—Жалобы Олафа—Раздражение короля—Фальшивые Солнца 1539 года—Буря, бушующая против Олафа—Предстал перед судом вместе с Андерсоном—Оба приговорены к Смерть—Выкуп, принятый королем—Отставка и восстановление Олафа—Короля, главы Церкви—Советы Лютера—Церковный порядок наполовину епископальный, наполовину пресвитерианский—Строгость Густава—Оправдания—Отказ Густава присоединиться к Лиге Смалькальда²⁹⁸

ГЛАВА XI.

СЫНОВЬЯ ГУСТАВА ВАЗЫ.

(1560-1593 гг.)

Прощание короля с народом—Его болезнь—Его смерть—Эрик, новый король Швеции—Дебаты о Вечере Господней—Разногласия—Безумие короля Эрика—Массовые убийства—Смерть Берри—Низложение Эрика—Его суровое заключение—Католицизм— поддерживаемый королем

Иоанном-Католицизм на подъеме —Прибытие иезуитов-Их исповедание евангелических доктрин—Их попытка обратить короля—Братоубийство—Смерть бывшего короля Эрика—Обращение Иоанна III. к папству—Внезапная смена короля—Его смерть—Ассамблея в Упсале в 1593 году—Принятие Аугсбургского исповедания [322](#)

КНИГА XIII.

ВЕНГРИЯ, ПОЛЬША, БОГЕМИЯ, НИДЕРЛАНДЫ.

ГЛАВА I.

ПЕРВЫЕ РЕФОРМАТОРЫ И ПЕРВЫЕ ГОНИТЕЛИ В ВЕНГРИИ.

(с 1518 по 1526 гг.)

Первые проблески—Людовик II.—Мария Венгерская—Начало Реформации—Первые проповедники—Их желание видеть Лютера—Угрозы преследований—Нетерпимость католического духовенства—Людовик II. и Фридрих Мудрый—Евангелие в Германштадте—Заметный прогресс—Суровый указ против Реформы—Первый акт сожжения книг—Бегство Гринеуса—Новые усилия—Казнь в Буде—Еще одна буря[342](#)

ГЛАВА II.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА СОЛИМАНА.

(1526.)

Армия Солимана—Венгрия совершенно неподготовлена—Тщетные попытки собрать армию—Небольшой отряд короля Людовика—Битва при Мохаче—Смерть Людовика II.—Скорбь королевы—Утешение, предложенное Лютером—Гимн смирения—Два короля Венгрии—Мученики в Либетене—Эдикт о преследованиях [356](#)

ГЛАВА III.

ДЕВАЙ И ЕГО КОЛЛЕГИ ПО РАБОТЕ.

(с 1527 по 1538 гг.)

Матиас Биро Девай —Студент в Виттенберге—Различные лорды—защитники реформы—Ослабление преследований—Реформа в Германштадте—Отказ Солимана притеснять протестантов—Признание Аугсбурга приветствуется венграми—Возвращение Девая в Венгрию—Его пасторство в Буде—Его коллеги по работе—Девай брошен в тюрьму—Его появление перед епископом Вены—Его защита и оправдание —Снова заключен в тюрьму—Убежище, предложенное Ему графом Надашди—Споры с Сегеди—Девай в Виттенберге—Письмо Меланхтона Надасди—Девай в Базеле—Типография и школы-Стефан Шантай—Его враги епископы—Конференция, назначенная Фердинандом—Смущение арбитров—Смущение Фердинанда—Усилия епископов—Изгнание Шантая[366](#)

ГЛАВА IV.

ПРОГРЕСС ЕВАНГЕЛИЗАЦИИ И ШВЕЙЦАРСКОЙ РЕФОРМАЦИИ В ВЕНГРИИ.

(1538-1545 гг.)

Доктрины Цвинглиуса в Венгрии —Повод для беспокойства у некоторых умов—Политические разногласия—Новое вторжение турок—Рассеяние евангельских богословов—Ослабление мусульманского насилия—Возрождение мужества христиан—Прогресс Реформации—Девай в Швейцарии—Принятие им доктрин Кальвина—Скорбь Лютера—Мартин де Кальманс—Враждебность, возбужденная против него—Преследования, спровоцированные священниками—Постановления Фердинанда—Мужество христиан Лейчау—Стефан Сегедин—Его Знания и красноречие—Его труды—Его принятие доктрин Кальвина—Ненависть папистов—Его изгнание388

ГЛАВА V.

ЕВАНГЕЛИЕ В ВЕНГРИИ ПОД ТУРЕЦКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ.

(с 1545 по 1548 гг.)

Рим—гонитель—Терпимый к исламу—Тридентский собор—Союз христиан Венгрии—Исповедания веры—Сегедин на юге Венгрии—Его второе изгнание—Эмерик Эшеки—Евангелие в Толне—Отказ турок от преследований—Распространение Евангелия—Правление турок, благоприятствующее Евангелию—Вера, распространенная по всей Трансильвании406

ГЛАВА VI.

БОГЕМИЯ, МОРАВИЯ И ПОЛЬША.

(с 1518 по 1521 гг.)

Объединенные братья—Отношения с Лютером—Добрая воля Лютера—Дискуссии о Вечере Господней—Каликстинцы—Польша, благовествуемая богемцами—Первые успехи—Реформация Лютера в Польше—Якоб Кнаде в Данциге—Евангелие было хорошо принято—Свобода вероисповедания—Революция в Данциге—Реорганизация Церкви—Обращение католиков к королю—Жестокость Сигизмунда—Окончательный триумф Евангелия—Евангелие в Кракове—Поддержано многими выдающимися личностями—Слова Лютера—Попытка реформации в России417

ГЛАВА VII.

ПОЛЬСКИЙ РЕФОРМАТОР.

(с 1524 по 1527 гг.)

Джон Аласко—В Цюрихе—Его общение с Цвинглиусом—Его пребывание в Базеле—Его Близость с Эразмом—Изучение Священного Писания—Его Усердие и прогресс—Духовные наслаждения его жизни в Базеле—Хвала Эразму—Аласко вынужден покинуть Базель—Его Путешествия—Возвращение в Польшу—Его жизнь при дворе—Его Слабость—Подозрение в ереси—Расследование—Отказ Аласко от реформ—Его падение—Почести—Пробуждение совести—Его лучшее познание Истины—Свобода—Новые почести—Отказ Аласко от них—Его отъезд из Польши — На пути в Нидерланды433

ГЛАВА VIII.

ПОЛЬСКИЙ РЕФОРМАТОР В НИДЕРЛАНДАХ И ФРИСЛАНДИИ.

(с 1537 по 1546 гг.)

Брак Аласко—Испытания и утешения—Религиозное состояние Фрисландии—Аласко в Польше—Его возвращение во Фрисландию—Его отношения с Харденбергом—Стремление отделиться от Рима—Аласко Суперинтендант Фрисландии—Благоразумие и рвение—Обвинения—Угрозы—Ненависть к монахам—Письмо Аласко—Бог или Мир—Победа реформатора—Терпение и успех—Различные секты—Разоблаченный ложный Христос—Управление Церковью—Доктрина—Противостояние—Новая сила—Невзгоды—Скрытый Защитник—Виглий Зуйхемский—Его высокое положение—Секретный отчет о его склонностях—Его настоящие чувства—Контраст [455](#)

ГЛАВА IX.

НАЧАЛО РЕФОРМАЦИИ В НИДЕРЛАНДАХ.

(с 1518 по 1524 гг.)

Свобода и богатство—Амбиции Карла V.—Предшественники реформации—Реформация в Антверпене—В Лувене—Нападение на Эразма—Жестокие преследования монахов—Указ о преследовании—Арест Якоба Спренга—Его отречение—Его горе и раскаяние—Инквизиция—Корнелиус Графеус, эразмианец—Его тюремное заключение—Бесполезное отречение—Генрих Зютфенский, евангелист—Его пребывание в Виттенберге—Его проповедь в Антверпене—Его арест—Его спасение народом—Его судьба в Гольштейне—Снос монастыря августинцев—Многочисленные сторонники реформы—Небесный супруг—Вера и мужество—Условности—Мученик—Терпимость некоторых епископов—Один из "Просветленных"—Советы Лютера [480](#)

ГЛАВА X.

НАДВОРНЫЕ ПОСТРОЙКИ.

(с 1525 по 1528 гг.)

Карл V. —Его политика в Нидерландах—Письмо Карла Эгмонтского Папе Римскому—Ответ Папы Римского—Ян ван Баккер—Его вера—Его разрыв с Римом—Его тюремное заключение—Его Судебный процесс—Отказ отречься—Осуждение—Мученичество—Легенда—Бесплодная попытка внешнего преобразования—Новый эдикт о преследованиях—Гуманист Гнафей—Вдова Вендельмута—Попытка заставить ее уступить—Ее осуждение—Казнь—Обновленное Евангелие [506](#)

ГЛАВА XI.

ЖЕРТВЫ КАРЛА V.

(с 1529 по 1535 гг.)

Сострадание Карла V.—Гнев Карла Эгмонтского—Количество казней увеличилось—Мученичество Вильгельма Звольского—Жертвы Карла V.—Смерть Маргариты Австрийской—Марии Венгерской, правительницы Нидерландов—Ее ложное положение—Корнелиус Крокус—Джон Сарториус—Споры—Некоторые книги Сарториуса—Новый Эдикт о преследованиях—

Мужественный город—Семья мучеников—Преступления и ужасы—Скорбь и страдания—Энтузиасты—Жестокий фанатизм—Нездоровое брожение —"Просвещенные" Пророки—Портной Бокхольд — Эксцессы и безумия—Иллюминизм — порождение преследований—Нидерланды откололись от лютеранства, чтобы принять кальвинизм [524](#)

ГЛАВА XII.

LOUVAIN.

(с 1537 по 1544 гг.)

Питер Брули в Генте—Евангелисты—Антуанетта и Гудула—Пастор Ян ван Усберген—Верующие—Невинная прогулка—Собрания—Смелость скульптора Бейертса—Эпидемия в Лувене—Аресты—Ночные аресты—Двадцать три заключенных—Экзамены—Мудрец, сбитый с толку простыми женщинами—Поль де Рувер—Оскорбленный—Напуганный—Его отречение—Новые жертвы—Демонстрация силы—Казни—Антуанетта ван Розмальс—Похороненная заживо—Джайлс Тилманс—Его простая Вера—Его безграничная Благотворительность—Его евангелическое рвение—Беспокойство и ужас среди верующих—Тюремное заключение Джайлза Тилманса—Евангелист Усберген—Его арест—Суд—Страхи—Осуждение—Великий Свет—Казнь Усбергена—Казнь Джайлза Тилманса[546](#)

КНИГА XI.—(продолжение.)

КАЛЬВИН И ПРИНЦИПЫ ЕГО РЕФОРМЫ.

ГЛАВА XIX.

ОТЗЫВ КАЛЬВИНА В ЖЕНЕВУ.

(Август 1540-март 1541 гг.)

Друзья реформаторов снова были в большинстве в Женеве. Сами ошибки их врагов восстановили их моральный авторитет и расширили их влияние. Было бы трудно за столь короткое время совершить большее количество ошибок или ошибок более серьезного характера. Беза, несомненно, выражает общее настроение, когда заявляет, что "город снова начал требовать своего Кальвина и своего Фарела".

Министры, занявшие их места, не были людьми, способными заставить забыть своих предшественников. Они не справились со своей задачей. В их проповеди было мало единства, мало понимания Священных Писаний; и люди в Женеве не хотели, чтобы они осознали свою неполноценность. Для них это был период неприятностей, унижений, борьбы и несчастья. Ветер переменился. Эти бедные пастыри, в свою очередь, были объектами недоброжелательства; и они горько жаловались на порицания и оскорбления, которым им приходилось подвергаться. Совет не сделал ничего большего, чем выслал из города бедного слепого человека, который их оскорбил, и приказал им мирно продолжать выполнять обязанности своего служения. Но министры к этому времени осознали ошибку, которую они совершили,

согласившись занять место таких людей, как Фарел и Кальвин. Моран, обладавший восприимчивой натурой, был потрясен, обнаружив, что подвергается тому, что он назвал 'невыносимой клеветой и отвратительным богохульством'. В то же время он был возмущен тем, что над 'ложью' не восторжествовало правосудие. Он подал в отставку совету, выразив свое желание, 'чтобы у его добрых братьев было больше причин остаться с ними; в противном случае, - сказал он, - не ждите ничего, кроме разорения и голода'. Затем он уехал без дальнейшего разрешения. Это было 10 августа.^[10]

Когда Маркур услышал об уходе своего коллеги, он был расстроен и возмущен. Что? оставьте его одного на поле боя! и это без всякого предупреждения (два других пастора ушли ни за что)! Он облегчился, дав волю своим чувствам. 'Плохой человек!' - воскликнул он, 'Предатель!' И он громко осудил при всем народе пастора, который ушел из церкви. У них все шло вполне сносно, и они могли, по крайней мере, пожаловаться друг другу. Перед собором Маркур взял повышенный тон. 'Прекратите эти оскорбления, ' сказал он, - или я тоже уйду'. Совет просто поручил ему пригласить Вире прийти и занять место Морана. Иметь такого коллегу было бы честью для Маркура, но Вире не собирался ехать в Женеву, пока Кальвин находился в изгнании. Маркур принял решение и, подобно Морану, внезапно уехал, без разрешения. Это было 20 сентября.

Бегство Морана и Маркура.

После ухода этих двух министров, единственных, кто обладал каким-либо талантом, совету, в свою очередь, пришлось сказать: "Что с нами будет?" Их лучшие пастыри покинув их, остались только два неспособных человека, Де ла Мар и Бернар. Господа из совета чувствовали себя в большом затруднении. Нужда была крайней, опасность неотвратимой, а бедствие великим. Тогда раздался крик: крик не страдания, а надежды. Кальвин! они сказали: Кальвин! Теперь только Кальвин мог спасти Женеву. На следующий день после отъезда Маркура друзья Реформатора в совете набрались смелости назвать его имя; и было постановлено, 'что после ухода мастера А. Маркура сеньору А. Перрену было поручено найти способы заполучить мастера Кальвина и приложить для этого все усилия'. Таким образом, Реформатор был проинформирован о возникшем желании его возвращения. Когда народ изгнал своего самого могущественного защитника, самым неотложным долгом является вернуть его обратно. Женевцы предавались своим печальным, но полезным размышлениям.

С отъездом Морана и Маркура Женева оказалась в состоянии крайней нищеты, и друзья Кальвина не преминули заявить об этом. Порраль упрекнул Де ла Мара в ниспровержении Священного Писания. Проповедник поспешил пожаловаться в совет. "Джентльмены, - сказал он (29 сентября), - Поррал утверждает, что то, что я проповедую, является ядом; но я готов ценой своей жизни утверждать, что мое учение от Бога". Затем Поррал, чрезмерно усердствуя, начал открывать каталог того, что он называл *ересями* проповедника. 'Он сказал, что магистрат не всегда должен наказывать нечестивцев. Он сказал, что Иисус Христос пошел на смерть более радостно, чем когда-либо мужчина шел на бракосочетание', и т.д. и т.п. 'Я утверждаю, что эти утверждения ложны', - добавил Поррал. Де ла Мар был разгневан и потребовал справедливости. "Но были неотложные дела, и в этом вопросе ничего не было сделано".^[11]

Кальвин не одобрял эти нападки, направленные против действующих пасторов.

"Возлюбленные братья, - писал он своим друзьям в Женеву, ' ничто так не опечалило меня, как известие о ваших распрях и спорах со священниками, которые пришли нам на смену, по сравнению с бедами, которые почти сокрушили вашу церковь. Эти разногласия раздирают не только вашу церковь, но и более того — и это вопрос величайшей важности — служение подвергается позору. Там, где существуют раздоры, едва ли может быть хоть малейшая надежда на прогресс в лучших вещах. Не то чтобы я хотел лишить вас права, которое Бог дал вам как всему своему народу, подвергать всех пасторов проверке с целью различения хороших и плохих,^[12] и умирять тех, кто под маской пасторов демонстрирует волчью алчность. Мое желание состоит только в том, чтобы, когда есть люди, которые в достаточной степени выполняют обязанности пастора, вы скорее думали о том, что вы должны другим, чем о том, что другие должны вам. Не забывайте, что призвание ваших служителей было дано не без воли Божьей; ибо, хотя наше изгнание должно быть приписано коварству дьявола, все же Божья воля не заключалась в том, чтобы вы были полностью лишены служения или чтобы вы снова попали под иго Антихриста. Более того, не забывайте еще об одном, а именно о ваших собственных грехах, которые, несомненно, не заслуживают легкого наказания.

'Этот предмет требует большой дискриминации. Конечно, я не тот человек, который привнесет тиранию в церковь.^[13] Я бы не согласился с тем, чтобы хорошие люди были вынуждены подчиняться пасторам, которые не выполняют своего призвания. Если уважение, которым Господь удостоивает служителей своего слова и только их, оказывается определенным людям, которые их не заслуживают, это невыносимое унижение. Всякий, кто не учит слову Господа нашего Иисуса Христа, какими бы титулами и прерогативами он ни хвастался, недостойн считаться пастырем. Но наши братья, ваши нынешние служители, действительно учат вас Евангелию; и я не понимаю, почему вам должно быть позволено пренебрегать ими или отвергать их. Если вы говорите, что в их учении и характере есть черты, которые вам не нравятся, помните, что невозможно найти человека, в котором не было бы много возможностей для совершенствования. Если вы непрестанно спорите со своими служителями, вы попираете ногами их служение, в котором должна сиять слава Господа нашего Иисуса Христа".

Посольство Дюфура.

Если совет не пришел к решению по вопросу, который решил Кальвин, то это потому, что, как он заявил, у него были другие дела; и самым важным из всех был отзыв этого великого учителя, проявившего столько справедливости и умеренности. Совет все больше и больше чувствовал, что мощный ум и высокий авторитет Кальвина необходимы в Женеве; и поэтому они снова и снова настаивали на его возвращении. 20 сентября Малый Совет дал Перрену поручение, о котором мы говорили. 13 октября Двести постановили, что Реформатору должно быть написано письмо, 'умоляющее его согласиться помочь нам'. Мишель Дюбуа должен был вручить письмо и 'обратиться с серьезными призывами к друзьям Реформатора, чтобы убедить его приехать'. 19-го тот же совет постановил, "что для продвижения чести и славы Божьей необходимо сделать все возможное, чтобы вернуть мастера Кальвина'. На следующий день люди, собравшиеся на Генеральном совете, постановили, что "для продвижения и распространения слова Божьего в Страсбург должна быть отправлена депутация за мастером Кальвином, который очень образован, чтобы стать евангелическим служителем в этом городе". 22 октября Луи Дюфуру, члену Двухсот, было поручено доставить послание советов в Страсбург; а 27-го ему было вручено двадцать золотыхэкю с солей для того, чтобы забрать мастера Кальвина. Они настаивали на этом; они подтвердили свою решимость; они решили этот вопрос, а затем

решили его снова; они не колеблясь повторяли это снова и снова. Вопрос был настолько важен, что просьбы должны были быть срочными. Дюфур отправился в путь. Добьется ли он успеха? Вот в чем был вопрос, и это было очень сомнительно.^[14] Когда Кэлвин получил первое сообщение, предшествовавшее сообщению Дюфура, он был так взволнован и повергнут в такое сильное замешательство, что в течение двух дней едва владел собой.^[15] Вспоминая душевные страдания, которые он перенес в Женеве, вся его душа сжималась от ужаса при мысли о возвращении туда. Разве его совесть не была подвергнута пыткам? Разве его не терзали тревоги? "Я боюсь этого города, - воскликнул он, - как места, рокового для меня."^[16] Кто будет винить меня, если я не захочу снова окунуться в эту смертельную пропасть? Кроме того, могу ли я верить, что мое служение принесет там пользу? Дух, который движет большинством жителей, таков, что будет невыносим для меня, и я буду в равной степени невыносим для них'. Затем, обратив свои мысли в другое русло, он воскликнул— 'Тем не менее я так искренне желаю блага Женевской церкви, что скорее сто раз рискну своей жизнью, чем предам ее дезертирством.'^[17] Поэтому я готов следовать советам тех, кого я считаю надежными и преданными проводниками.' Именно Фарелу Кэлвин таким образом излил свое сердце. Он искал его совета, и не было никаких сомнений в том, каким будет этот совет.

Кальвин в Вормсе.

Реформатор также посоветовался со своими страсбургскими друзьями и согласился с ними, что он не может внезапно покинуть церковь, пастором которой он тогда был; и, прежде всего, что он должен присутствовать на ассамблее в Вормсе, как он уже присутствовал весной на ассамблее в Хагенау. Поэтому он написал лордам Женевы: 'Джентльмены из совета этого города договорились, что я отправлюсь с некоторыми из моих братьев в ассамблею Вормса, чтобы служить не только одной церкви, но и всем церквям, в число которых входит и ваша. Я, действительно, не считаю себя настолько мудрым, великим или опытным, чтобы быть там как-то особенно полезным; но, поскольку на карту поставлено дело столь высокой важности и поскольку не только совет этого города, но и другие договорились, что я поеду туда, я обязан повиноваться. Но я могу призвать Бога в свидетели, что я с таким уважением отношусь к вашей церкви, что никогда бы не отказался от нее, когда она будет нуждаться в чем-либо, за что я мог бы взяться'.^[18]

Письмо Кальвина было написано 23 октября; и Дюфур принес ему письмо от совета, датированное предыдущим днем. Когда делегат прибыл в Страсбург, Кальвин уже был в Вормсе, где должна была состояться важная конференция между протестантскими и католическими теологами с целью попытаться прийти к взаимопониманию друг с другом в соответствии с планом, согласованным в Хагенау. Женевский посланник предстал перед сенатом Страсбурга и сообщил им о цели своего путешествия. Сенат ответил, что Кальвин отсутствует и что без его согласия они не могут давать никаких обещаний. Тогда Дюфур решил последовать за Реформатором в город, который Лютер прославил своим христианским героизмом. "Я точно выясню, - сказал он, - что он думает о нашем визите". Курьер доставил в Вормс известие о прибытии женевской депутации, и магистрат Страсбурга передал ему письмо для его заместителей, Якоба Штурма и Матиаса Пфаррера, в котором он предписывал им сделать все возможное, чтобы помешать Кальвину вступить в какие-либо отношения с женевами. Высокая оценка Кальвина в Германии, тот факт, что имперский город направил этого француза в качестве депутата на собрания, созываемые императором для учета глубочайших интересов Империи, вполне могли способствовать изменению мнения некоторых граждан маленькой

республики по отношению к Кальвину, о котором до сих пор можно было сказать: 'Пророк не бывает без чести, кроме как в своей собственной стране'. Женевский депутат прибыл через два дня после курьера и передал Кальвину письмо Женевского совета. Он прочитал его, и легко представить, какое впечатление оно должно было произвести на него. Оно гласило следующее:

- Доктору Кальвину, евангелическому служителю.

‘Наш превосходный брат и особый друг, мы с большой любовью вверяем себя тебе, потому что мы полностью уверены, что у тебя нет другого желания, кроме увеличения и преумножения славы и чести Бога и его святого Слова. От имени наших Малого, Великого и Генерального Советов (все из которых настоятельно призывали нас сделать этот шаг) мы с большой любовью молим вас, чтобы вы были рады перейти к нам и вернуться к своему прежнему посту и служению; и мы надеемся, что с Божьей помощью этот курс станет большим преимуществом для продвижения святого Евангелия, видя, что наш народ очень желает вас, и мы будем так обращаться с вами, что у вас будут основания быть довольными.

- 22 октября 1540 года.

-Твои хорошие друзья,

"Синдикаты и Женевский совет".^[19]

Это письмо было скреплено печатью с надписью "*Post tenebras spero lucem*".

Недоумение Кальвина.

Приглашение в Женеву было ясным, ласковым и настоятельным. Но курьер, прибывший в Вормс двумя днями ранее, привез страсбургским депутатам письмо от их сената, смысл которого был совершенно противоположным. Все, кто слышал чтение письма, и Кальвин в первую очередь, были поражены стремлением сохранить Реформатора, которое выразили магистраты этого свободного города. "Я никогда не предполагал, - сказал он, - что они так ценят меня".^[20] Таким образом, он оказался зажатым с двух сторон, в Женеве и Страсбурге: и если бы фантазия не была слишком возвышенной, мы могли бы сказать, что латинская и германская расы в этот момент боролись за человека, которого незадолго до этого изгнали из города, в котором он жил. Решение, которое предстояло принять Кальвину, было торжественным и трудным. На карту была поставлена вся его карьера в этом мире. Он созвал своих друзей, находившихся тогда в Вормсе, чтобы посоветоваться с ними. Вернуться в Женеву означало, по его мнению, пожертвовать своей жизнью, но он был полон решимости избрать этот курс, если так посоветуют его друзья. 'Верующие, - думал он, - должны от всего сердца отказаться от своей жизни, когда это мешает им приблизиться ко Христу. В таком случае они должны вести себя как человек, который сбрасывает со своих плеч тяжелую и утомительную ношу, когда хочет быстро отправиться в другое место. Давайте возьмем нашу жизнь в свои руки и принесем ее Богу в жертву'.^[21]

Поскольку советники Кальвина не были единодушны, было решено подождать прибытия депутации из Женевы.^[22] Но, получив письма от Фареля и Вирета, Кэлвин снова созвал своих друзей и, изложив им все доводы, которые смог найти, сказал: "Я заклинаю вас, давая свой совет, вообще не затрагивать мою персону".^[23] В этом самом городе Вормсе, где Лютер в присутствии Карла V. не побоялся пожертвовать своей жизнью, Кальвин заявил, что готов

сделать то же самое. Его речь была глубоко патетична. "Слезы текли из его глаз обильнее, чем слова из его уст".^[24] Его друзья были тронуты при виде искренности и глубины его чувств. Его речь не раз прерывалась из-за волнения. Душа его была глубоко взволнована. Он понял, что в этот момент зависело решение, которое должно повлиять на всю его жизнь. Это были не те ужасы воображения, которые беспокоили его. Борьба и страдания, через которые он прошел в Женеве, вероятно, превзошли его ожидания. Он был совершенно подавлен и, желая скрыть от друзей всю глубину своего горя и свободно излить свое сердце только перед Богом, дважды выходил из комнаты и искал уединения.^[25] Его друзья считали, что пока ему не следует вступать в бой, но что он может дать надежду женецам. Кальвин, однако, пошел дальше. В разгар конфликта, через который только что прошла его душа, он избрал путь, который приводил его в ужас. Он собирался поехать в Женеву и сказал друзьям Реформации: 'Я умоляю вас пообещать, что, когда закончится эта диета, вы не станете чинить никаких препятствий на пути моей поездки в Женеву'. Мысль о том, что на то была воля Божья, чтобы он был там, постоянно возвращалась к его совести, и это даже вопреки его желанию. Страсбургские депутаты неохотно согласились. Капито хотел оставить его у себя. Буцер пожелал, чтобы он был свободен принять вызов, "если, конечно, - добавил он, - какой-нибудь встречный ветер не подует с вашей стороны".^[26]

Его ответ Женеве.

Кальвин написал в Женеву 12 ноября 1540 года следующее: "Великолепные, могущественные и благородные лорды, если бы это было только из-за вежливости, с которой вы обращаетесь со мной, моим долгом было бы попытаться удовлетворить ваши пожелания. Но есть, кроме того, особая любовь, которую я питаю к вашей церкви, которую Бог когда-то вверил моему попечению, так что я навсегда обязан способствовать ее благу и спасению. Тем не менее, будьте так добры, помните, что я нахожусь здесь, в Вормсе, с целью служить, с теми небольшими способностями, которые дал мне Бог, всем христианским церквям. По этой причине я в настоящее время не могу прийти и служить вам".^[27] Был один момент, который Кальвин выдвигал во всех своих письмах совету. Он поедет в Женеву не только как учитель и проповедник, но и как проводник (*conducteur*), обладающий властью действовать таким образом, чтобы члены церкви могли соответствовать заповедям Божиим. 23 октября 1540 года он писал: "Я не сомневаюсь, что ваша церковь находится в большом бедствии и ей грозит еще большее опустошение, если не придет помощь. По этой причине я буду стремиться со всей благодатью, которую дал мне Бог, *привести его в лучшее состояние*." 12 ноября в письме, которое мы цитируем, он написал: "Беспокойство, которое я испытываю по поводу того, что вашей церковью *следует хорошо управлять*, побудит меня испробовать все средства для удовлетворения ее потребностей". 19 февраля 1541 года он говорит им: "Я прошу вас подумать обо всех средствах *мудрого устройства вашей церкви, чтобы ею можно было управлять в соответствии с повелением нашего Господа*".^[28] Поэтому Кальвин стремился заставить правителей Женевы понять, что одним из условий его возвращения было то, что церковь должна быть хорошо управляемой, а мораль - строго регламентированной. Он не хотел никого застать врасплох. Если ему суждено стать пастором в Женеве, *он будет обличать непослушных*, как повелевает слово Божье.

Тем не менее он предвидел, что это будет нелегко, и его отчаяние не уменьшилось. Доводы "за" и "против" боролись друг с другом в его голове. Он был окутан смятением и тьмой. Он был отягощен тяжким бременем. Его возбуждение не позволяло ему судить спокойно, в

соответствии с правом и рассудком. 'Что касается этого звонка из Женевы, ' писал он своему другу Николя Парану, - то моя душа настолько полна недоумения и тьмы, что я не смею даже думать о том, что мне делать. Когда я все-таки касаюсь этой темы, я не вижу пути к отступлению. Погруженный в это бедствие, я не доверяю самому себе и предоставляю себя другим направлять меня". Он был в состоянии, описанном поэтом, в котором

Erreurs et vérités, ténèbres et lumière

Flottent confusément devant notre paupière,

Où l'on dit: C'est le jour! et bientôt: C'est la nuit!

Он добавил: "Давайте помолимся Богу указать нам правильный путь".^[29] Нам напоминают, что Лютер также пережил аналогичный период страданий в этом самом городе Вормс в 1521 году.^[30]

Вирет В Женеве.

В то время как все это происходило в Страсбурге и Вормсе, возрождение Евангелия в Женеве становилось все более и более очевидным. В декабре 1540 года совет, стремясь позаботиться о благе церкви, обратился к лордам Берна с искренними просьбами прислать им Вире, тогдашнего пастора в Лозанне. Письмо было также написано самому Вирету. Кальвин выразил желание увидеть этого друга за работой в Женеве, на что водуазский евангелист ответил, что готов сделать все, что в его силах; даже добавив, что *"он охотно пролил бы свою кровь за Женеву"*: и он прибыл туда в начале 1541 года. Он немедленно посвятил себя проповеди слова Божьего - задаче, для которой он был очень хорошо приспособлен, говорят the registers, - и его проповедь принесла много плодов. Вирет, безусловно, был тем человеком, которого искали в этом городе, месте стольких конфликтов и бурь. "Он хорошо разбирался в Священном Писании, - говорит Розет, которая, несомненно, слышала его, - и был одарен красноречием, которое очаровывало людей".^[31] Он учил кротости тех, кто придерживался противоположного мнения, и думал, как говорит Кальвин, что доброту следует проявлять даже к тем, кто ее недостоин. Его мягкий акцент проникал в сердца людей, а его действия придавали силу его словам. Для детей Жана Филиппа, погибших на эшафоте, он получил разрешение вернуться. Эти дети, по несправедливым законам того времени, стали жертвами преступлений своего отца. Он посвятил себя восстановлению порядка в церкви и восстановлению почитания Евангелия в Женеве. Гражданский судья был одним из первых, кто воспользовался его увещеваниями; и в середине января было постановлено, что 'поскольку Господь Бог сделал так много добра Женеве, его святое имя должно быть призвано при открытии заседаний совета и должны быть приняты мудрые постановления, чтобы каждый мог знать, как ему следует поступать'. Люди в целом желали возвращения Кальвина и все более дружелюбно относились к новому порядку вещей.

Так было и с Жаком Бернаром, самым влиятельным из двух министров, все еще остававшихся в Женеве. Наблюдая за переменами, происходившими в общественном мнении, он тоже столкнулся с проблемой. Мы даже можем предположить, что его побудили к этому серьезные причины. В первое воскресенье февраля он с тяжелым сердцем отправился в *Аудиторию* в Риве, где собирался проповедовать. Бедственное положение церкви, уход Морана и Маркура, сокращение служения до двух пасторов, Де ла Мара и его самого, сознание их несоответствия столь масштабной задаче для столь многочисленного народа давили ему на сердце.^[32] Он появился за кафедрой перед аудиторией, печальной и удрученной, которая, подавленная горем

из-за своего ужасного одиночества, разрыдалась.^[33] Бедный старый женевец и бывший кордельер, любящий свою родину, был сильно тронут. Он почувствовал побуждение призвать своих слушателей обратиться к Господу своему Богу; и он начал произносить смиренную и искреннюю молитву, умоляя Христа, верховного епископа душ, сжалиться над Женевой и послать в город такого пастыря, в котором нуждалась церковь. Люди очень преданно следовали его молитве.

6 февраля Бернард написал Кальвину и, рассказав ему о вышеприведенных обстоятельствах, добавил: 'По правде говоря, я не думал о тебе, я не ожидал, что ты окажешься тем человеком, которого мы просили у Бога. Но на следующий день, когда собрался Совет Двухсот, все пожелали видеть Кальвина. На следующий день собрался Генеральный совет, и все воскликнули: *Нам нужен Кальвин, честный человек и ученый служитель Христа.*'^[34] Когда я услышал это, я вознес хвалу Богу и понял, что это было делом Господа и было чудесно в наших глазах, *что камень, от которого отказались строители, стал краеугольным камнем угла.* Приди же, мой почитаемый отец в Иисусе Христе; ты принадлежишь нам; Господь Бог дал тебя нам. Все жаждут вас, и вы увидите, насколько желанным будет ваше прибытие для всех. Вы обнаружите, что я не такой человек, как некоторые, возможно, заставили вас предположить, но что я ваш искренний друг и верный брат. Что я могу сказать? Вы увидите, что я всецело предан вам и полон уважения к вашим желаниям. Откладывать не следует. Вы увидите Женеву обновленной нацией, несомненно, благодаря работе Бога, но также и благодаря служению Вирета. Господь Иисус дарует вам скорейшее возвращение! Согласись прийти на помощь нашей церкви. Если ты не придешь, Господь Бог потребует нашей крови от твоих рук, ибо он поставил тебя стражем над домом Израиля в наших стенах.' Маркур написал Кальвину похожее письмо.^[35]

Кальвин И Меланхтон.

Совет Страсбурга назначил Кальвина депутатом Вормса из-за способностей, которые он проявил во Франкфурте и Хагенау. На этих двух конференциях он присутствовал исключительно в своем личном качестве. Но совет понял, говорит Штурм, 'что его присутствие могло бы оказать большую честь Страсбургу в этом собрании выдающихся людей'. Герцоги Люнебургские, важные представители империи, также избрали его своим представителем, так что он был наделен двойной должностью.^[36] Кальвин, несмотря на свою молодость и робость, иностранное гражданство и язык, чувствовал, что не может устоять перед назойливостью, можно сказать, насилием, которые были применены, чтобы заставить его принять это важное призвание. "Как бы сильно, - говорил он впоследствии, - я ни оставался самим собой, не желая посещать большие собрания, *меня, тем не менее, как будто насильно* доставили на императорский сейм, на котором, нравилось мне это или нет, я не мог избежать общения со многими мужчинами".^[37] Более того, он имел счастье встретить там двух людей, общество которых доставляло ему большое удовольствие, двух коллег и друзей Лютера, которых он видел ранее, одного из них во Франкфурте, другого в Хагенау, но с которыми он теперь общался более тесно. Это были Меланхтон и Крузигер. Первый признал свое согласие с ним по поводу учения о вечере Господней. Крузигер попросил его о частной беседе на ту же тему; и после того, как Кальвин изложил свою точку зрения, он заявил, что одобряет ее, как это сделал Меланхтон. Таким образом, два теолога из Виттенберга и один из Женевы легко пришли к соглашению. Поэтому искренние и благоразумные люди не считают согласие такой уж трудной вещью, как это предполагается.

В Вормсе между Меланхтоном и Кальвином завязалась та тесная дружба, которая могла бы оказаться столь полезной как для каждого из них, так и для Церкви. Но в этом городе не было недостатка в беспокойных духах. Среди других был настоятель Пассау Роберт из Мошама, у которого в Страсбурге уже была дискуссия с Кальвином, в которой преимущество не осталось за римско-католическим чемпионом. Он считал делом чести отомстить, и ученый и могущественный доктор избил его еще раз. Превосходство Кальвина и воспоминание о его прежнем поражении вселили ужас в сердце декана, и он вышел из себя.^[38] Меланхтон, присутствовавший на их конференции, следил за Кальвином с таким же горячим интересом, какой он проявил двадцать один год назад при диспуте Лютера с доктором Эком в Лейпциге. Он восхищался ясностью, точностью, глубиной и силой теологических положений и доказательств молодого французского врача; и, сразу очарованный столь ясным интеллектом и столь глубокими знаниями, он провозгласил его **БОГОСЛОВОМ по преимуществу**. Это определение имело тем большую ценность, что исходило от Меланхтона; но все врачи-евангелисты, которые его слушали, были поражены не только его языком, но и богатством и весомостью его мыслей и аргументов.

Их взаимное доверие.

Со времени этого общения в Вормсе между Меланхтоном и Кальвином всегда существовали та теплая привязанность и то особое уважение, которые испытывают самые близкие друзья. Уважение, возможно, было превыше всего у Меланхтона, а привязанность - у Кальвина. С одной стороны, дружба была основана скорее на размышлениях (*рефлексии*), с другой - она была более спонтанной. Но с обеих сторон это было результатом их благородных и прекрасных качеств. Они уважали и любили друг друга, потому что у них обоих было одинаковое рвение ко всему истинному, хорошему и прекрасному, и потому что с благородным соперничеством они стремились обрести эти благословения и распространить их по миру. Когда лучшие из людей собираются вместе, и особенно когда христианство очищает и освящает их союз, тогда их характеры и сердца возвышаются, и их взаимная любовь не может не оказывать благотворного влияния. Дружба между двумя такими людьми поначалу удивляет нас. Обычно они противопоставляются друг другу; на француза смотрят как на пример крайней суровости, а на немца - как на образец чрезвычайной мягкости. Как же тогда, можно сказать, мягкие, сладостные тона души Меланхтона могли заставить вибрировать железную душу Кальвина? Причина в том, что у него не было железной души. Действительно, в том, что касалось великих истин спасения, Кальвина можно было согнуть не больше, чем железный прут; за них он был готов умереть. Но в своих отношениях как мужа, отца и друга у него было самое нежное сердце. Даже если в спорах того времени дискуссия касалась вопросов учения, не влияющих на спасение, он мог терпеть и даже любить своих оппонентов, как это делали немногие христиане.

Дружба Меланхтона и Кальвина не была одной из тех земных уз, которые исчезают с годами; эта привязанность была глубоко укоренившейся, и узлы ее были прочны. Два друга подолгу беседовали друг с другом в Вормсе. Меланхтон никогда их не забывал. 'Если бы я мог говорить с тобой полностью и свободно,' писал он Кальвину позже, 'как мы это делали, когда были вместе!'^[39] Получив работу Кальвина, в которой он упоминался, Меланхтон сказал ему— 'Я восхищен твоей любовью ко мне; и я благодарю тебя за то, что ты подумал о том, чтобы увековечить ее в столь известной книге, как на почетном месте'. 'Да, дорогой брат,' писал он по другому поводу, 'я жажду поговорить с тобой о самых важных вещах, потому что я высокого

мнения о твоём суждении и потому что я знаю прямоту твоей души, твою совершенную искренность. Теперь я живу здесь, как осел в осином гнезде".^[40]

Кальвин, хотя и любил Меланхтона, в то же время не преминул открыто высказать ему свое мнение всякий раз, когда тот казался слишком уступчивым. Ему сказали, что в одном случае подобного рода Меланхтон разорвал свое письмо в клочки; но он обнаружил, что это была ошибка. 'Наш союз,' сказал он ему, 'должен оставаться святым и нерушимым; и поскольку Бог освятил его, мы должны верно хранить его до конца, ибо в данном случае на карту поставлено процветание или гибель Церкви. О! если бы я мог поговорить с тобой! Я знаю твою искренность, возвышенность твоих чувств, твою скромность и твоё благочестие, явные ангелам и людям'.^[41] Часто Меланхтон, измученный тяжелым трудом, налагаемым на него посещением ассамблей в компании Кальвина, обеспокоенный католическими теологами и не всегда соглашающийся с лютеранами, охваченный усталостью, бежал к своему другу, бросался в его объятия и восклицал: "О, если бы Бог, если бы Бог, Я мог бы умереть на твоей груди!"^[42] Кэлвин тысячу раз желал, чтобы они с Меланхтоном имели счастье жить вместе. Он без колебаний сказал Меланхтону, "что чувствует себя намного ниже его", и тем не менее он верил, что, если бы они чаще бывали вместе, его друг был бы более мужественным в конфликте.

Дружба, соединившая Меланхтона и Кальвина в Вормсе, а затем в Ратисбоне, не осталась без плодов. Если Меланхтон, возглавлявший протестантскую делегацию, проявил в тот раз больше энергии, чем обычно, если римские богословы были почти приведены к евангельским доктринам, то это следует отнести на счет влияния Кальвина. Металл, до тех пор слишком ковкий, приобрел при закалке большую степень твердости.

Однако Кэлвин был опечален тем, что увидел. Возможно, было бы возможно прийти к какому-то соглашению с папством, которое, по-видимому, пошло бы на некоторые уступки; но он не сомневался, что если протестантизм однажды попадет в сети Рима, ему конец. Именно это, по-видимому, привлекло его внимание в последние дни года, когда печальные мысли обычно омрачают разум. Но на этом он не остановился. Он знал, что Христос действительно победил и будет побеждать мир. "Когда мы будем почти переполнены самими собой, - сказал он, - если мы только взглянем на ту славу, к которой Христос возвысил нашу голову, мы наберемся смелости смотреть с презрением на все зло, которое надвигается на нас".^[43] Одно обстоятельство могло бы также напомнить ему о победах, которые дарует Христос. В первый день 1541 года он был в Вормсе. Именно здесь двадцать лет назад Лютер предстал перед императором и сеймом и своей верой одержал славную победу. Кэлвин, несомненно, помнил это. "Более того, - говорит очевидец Конрад Бадиус, которого допустили в дом протестантских врачей, - приверженцы папы были настолько поражены и сбиты с толку одним присутствием слуг Иисуса Христа, что не осмеливались поднять головы, чтобы произнести хоть слово".^[44]

"Песнь победы" Кальвина.

Глубоко тронутый грозной борьбой, продолжавшейся почти четверть века, и убежденный в том, что Христос повергнет всех своих врагов к его ногам, Кальвин выразил эту мысль в *Победной песне (Эпиницион)*. Это единственное его стихотворение, которым мы располагаем, и в нем есть несколько прекрасных строк. 'Да,' пел Кальвин, 'победа будет за Христом, и сейчас начинается год, который возвещает нам день триумфа. Пусть благочестивые языки нарушат неблагодарное молчание и выплеснут наружу свою радость. Его враги скажут: "Что это за безумие?" Одерживают ли они победу над нацией, которая еще не покорена, захватывают ли они корону

до того, как разгромят армию? Воистину, нечестие надменно восседает на высоком троне. Все еще существует тот, кто одним кивком подчиняет своей воле самых могущественных монархов, его рот извергает смертельный яд, а руки запятнаны невинной кровью. Но для Христа смерть - это жизнь, а крест - победа. Дыхание его рта - это оружие, которым он сражается, и вот уже *пятьлюстр* он энергично размахивает своим мечом, не переставая наносить удары. Папа, предводитель кощунственной армии, наконец-то раненный, стонет от неожиданных бедствий, которые только что обрушились на него, а нечестивая толпа дрожит от ужаса. Если это великое дело - победить своих врагов силой, то что же должно быть в том, чтобы свергнуть их простым знаком? Христос низвергает их, не нарушая своего собственного покоя: он рассеивает их, сохраняя молчание. Мы - жалкая группа, немногочисленная, без одежды, без оружия, овцы перед хищными волками. Но победа Христа, нашего царя, именно по этой причине еще более чудесна. Пусть тогда его голова будет увенчана лавром победы, пусть он воссядет на колесницу, запряженную четырьмя всадниками в ряд, чтобы его слава воссияла перед всеми.

Que tous ses ennemis qui lui ont fait la guerre

Aillent après, captifs, baissant le front en terre:

Экк, все еще разгоряченный своими вакхическими оргиями, некомпетентный Кохлей, Вызывающий тошноту своими многословными произведениями, Пеларг, чей рот полон дерзости, — это не вожди, но бесстыдная толпа выставила их знаменосцами в битве. Тогда пусть они научатся склонять свои шеи под непривычным ярмом. И вы, о священные поэты, воспевайте в великолепной песне славную победу Иисуса Христа, и пусть вся толпа вокруг него восклицает *Io Pæan!*^[45]

Кальвин И Вирет.

В конце февраля Кальвин отправился в Ратисбон, куда император перенес Вормсскую конференцию. Он сообщил Женевскому совету об этом отсутствии 1 февраля 1541 года. "Я назначен депутатом, - сказал он, - ратисбонского сейма, и поскольку я слуга Бога, а не свой собственный, я готов служить везде, где ему будет угодно меня призвать". Касаясь прибытия Вире в Женеву, он добавил: "Он человек такой верности и осмотрительности, что с ним вы не будете в нужде".^[46] Пребывание Вирета в Женеве было в глазах Кальвина делом великой важности. Он серьезно опасался за город. "Я очень боюсь, - сказал он, - что, если бы эта церковь дольше оставалась в состоянии нищеты, все обернулось бы вопреки нашим желаниям; но теперь я надеюсь, что опасность миновала".^[47]

Приготовления к путешествию не позволили Кальвину немедленно ответить Бернарду. Письмо этого женевского пастора не совсем понравилось ему. Обращение Бернарда к нему с пророчеством, относящимся к Иисусу Христу (*главному камню на углу*), было в его глазах лезвием, которая могла вызвать у него только отвращение (*usque ad nauseam*, написал он Фарелю). Однако он знал своего человека и поэтому с большей охотой принял его письмо во внимание. Он написал Бернарду из Ульма 1 марта, что аргументы, которые он выдвигал в пользу своего возвращения, всегда имели для него большой вес; что больше всего его пугала мысль о борьбе против Бога, и что именно это чувство никогда не позволяло ему полностью отвергнуть призыв; что он поблагодарил его за мольбы и что, видя его добрые намерения, он надеется, что чувства его сердца соответствуют его словам, и он пообещал со своей стороны все, чего можно ожидать от сторонника мира, противостоять любой вражде. 'Но в то же время,' добавил он, 'я

умоляю вас, во имя Бога и его ужасного суда, помнить, что он тот, с кем вам предстоит сделать, Господь, который призовет вас дать ему точный отчет в судный день, который подвергнет вас самому строгому испытанию и который не может удовлетвориться простыми словами и пустыми оправданиями. Я прошу вас только об одном — искренне и преданно посвятите себя Господу".^[48] Так бывает всегда; его главный мотив - воля Божья; а что касается Бернарда, то он должен быть истинным слугой Божиим. Истина превыше всего.

Тем временем Кальвин постепенно свыкался с мыслью о возвращении в Женеву. Правда, в тот же день (1 марта) он написал из Ульма Вирету и сказал ему: "Нет места под небесами, которого я больше боюсь".^[49] но он добавил: "Забота, требуемая этой церковью, глубоко затрагивает меня; и я не знаю, как так получилось, что мой разум начинает больше склоняться к мысли о том, чтобы встать у руля". Решающий удар был нанесен Фарелем. Именно он в 1541 году вернул Женеве этого Кальвина, которого он впервые подарил городу в 1536 году.

Примерно в конце февраля Реформатор получил от своего друга письмо, настолько настоятельное и убедительное, "что в нем, казалось, слышались раскаты грома Перикла", по выражению друга Кальвина, беженца Клода Ферэ, который по просьбе Реформатора написал Фарелю и поблагодарил его "за эту горячность, столь полезную для всей христианской республики".^[50] Никто лучше Фареля не знал, что только Кальвин мог спасти Женеву. Таким образом, Реформатор теперь начал менять свое отношение. До сих пор он поворачивался спиной к городу, который призвал его; с этого времени он обратил свое лицо к городу Леман. Почти в то же время Буллингер и другие слуги Божьи из Берна, Базеля и Цюриха молили совет и пасторов Страсбурга не противодействовать возвращению Реформатора.

Жертвы чумы.

Между тем, какими бы мощными ни были раскаты грома в Фареле, были и другие обстоятельства, которые, несомненно, оказали влияние на решение Кальвина. Были слышны и другие раскаты грома, помимо тех, о которых говорит Клод Ферэ, которые глубоко затронули Реформатора и которые, должно быть, облегчили обмен Страсбурга на Женеву. Чума свирепствовала в бывшем городе и вызывала большую смертность. Клод Ферэ был одной из первых ее жертв. У другого друга реформатора, г-на де Ришбура, в Страсбурге было двое сыновей, Шарль и Луи; Людовика унесла эпидемия через три дня после Ферэ. Антуан, брат Кальвина, немедленно увез другого сына, Шарля, в соседнюю деревню. В доме Реформатора царил запустение. Его жена и сестра Мария также покинули его и отправились к своему брату Антуану. Кальвин был в ужасе, когда получил в Ратисбоне одну за другой эти печальные вести. 'Днем и ночью, - сказал он, - я постоянно думаю о своей жене; у нее нет совета, потому что она без мужа'. Смерть Людовика, горе Карла, таким образом, в течение трех дней лишившегося своего брата и своего наставника Ферэ, которого он уважал как отца, сильно повлияли на Кальвина. Но больше всего его огорчила внезапная смерть последнего, который был его самым надежным другом в Страсбурге. Он с грустью думал о себе. 'Чем больше я нуждаюсь в таком советнике, - сказал он, - тем больше я убежден, что Господь наказывает меня за мои проступки'. Однако Молитва и Слово Божье освежили его душу. Он написал месье де Ришбур трогательное

письмо, которое завершил, умоляя Господа сохранить его до тех пор, пока он не прибудет в то место, куда ранее отправились Луи и Ферэ.^[51]

ГЛАВА XX.

КАЛЬВИН В РАТИСБОНЕ.

(1541 г.)

У Кальвина в это время были опасения другого рода, которые, вполне возможно, способствовали тому, что Женевская республика стала предпочтительнее Германской империи в качестве резиденции. Когда конференция была прервана в Вормсе в 1541 году, он был избран депутатом ратисбонской ассамблеи. Он поехал туда с неохотой, либо потому, что чувствовал, что он не дипломат, и не считал себя вообще пригодным для бизнеса такого рода,^[52] или потому, что он ожидал, что его пребывание в Ратисбоне вызовет у него большое раздражение. Несомненно, он всегда надеялся на окончательную победу Иисуса Христа, тему своей триумфальной песни; но конференции, на которых он уже присутствовал, многословие, возникавшие вопросы простой формы, направление, которое, казалось, принимала Реформация, - все это беспокоило и обижало его. Он не ходил на эти германские собрания с какими-либо большими ожиданиями или готовыми планами. Он не сомневался, что протестантские богословы будут стремиться расширить царство Христа, но он яснее, чем они, видел препятствия, с которыми они столкнутся. Многие огорчало и раздражало его; и, возможно, он не всегда мог контролировать свой характер. Католики, правда, пошли на некоторые уступки лютеранам. уступки по важным пунктам; но даже это не успокоило Кальвина, более того, возбудило его подозрения, как и подозрения Лютера и курфюрста Саксонии. Доктор Экк, который был одним из уполномоченных, не был человеком, вызывающим у Кальвина особого доверия. Последний иногда говорил о нем довольно резкие слова. У этого богослова был апоплексический удар, ставший, по слухам, следствием его неводержанности, но он постепенно выздоравливал. "Мир, - писал Кальвин Фарелю, - еще не заслуживает избавления от этого зверя".^[53] Он признал миролюбивые настроения кардинала Контарини, папского легата, который, будучи убежденным католиком в том, что касается Церкви, склонялся к примирению с протестантами в вопросах веры. Но Кальвин, который, несомненно, видел все яснее других, не сомневался, что римский сановник действительно хотел вернуть протестантов в лоно Церкви. Единственное различие, которое он заметил между ним и нунцием Мороне, заключалось в следующем— Контарини хочет подчинить нас, но без пролития нашей крови; он пытается добиться своей цели любыми средствами, кроме борьбы, в то время как Мороне вообще кровожаден и у него всегда война на устах.^[54] Кальвин установил различие между Мороне и Контарини. Первый - человек крови, второй - человек мира. Справедливо ли говорить, что он ненавидел Контарини?^[55] Мы думаем, что нет.

Он был очень недоволен большинством принцев. Если представлялся какой-нибудь повод для развлечения, они всегда говорили: 'Дела завтра'. Если Кальвин где-нибудь заходил в лютеранские церкви, он был опечален видом образов и крестов, а также некоторыми частями службы. Отношения богословов с князьями и дворами казались ему узами раболепия и мирскости.

Он не мог одобрить даже методы ведения дел, принятые его лучшими друзьями, Меланхтоном и Буцером. Фарелю он писал так: "Они составили двусмысленные и цветные формулы о пресуществлении,^[56] чтобы посмотреть, не смогут ли они удовлетворить своих оппонентов, не

делая им никаких реальных уступок. Мне это не нравится. Тем не менее, я могу заверить вас и всех хороших людей, что они действуют с наилучшими намерениями и нацелены только на продвижение царства Христова. Они воображают, что у наших противников вскоре откроются глаза на предмет доктрины, и что поэтому лучше оставить этот вопрос нерешенным. Но они слишком приспособлены к веяниям времени.

23 февраля император прибыл в Ратисбон. Выборщики, принцы, архиепископы, епископы и лорды всех степеней собрались вокруг главы империи, и все они своим присутствием способствовали приданию особого значения собранию. Они хотели путем тонких переговоров положить конец Реформации. Никогда еще протестантская оппозиция не подвергалась такой большой опасности ослабления и растворения в римской иерархической системе.

Папаотправил в Германию любезного и набожного Контарини в качестве отличной приманки для протестантов; и если бы их однажды поймали, он бросил бы их в свой собственный пруд с рыбой и тщательно сохранил бы их там. Сам Меланхтон желал, чтобы Кальвин присутствовал на собрании, потому что был уверен, что молодой врач сделает там то, на что у него самого не хватило бы решимости. Роль Кальвина в Ратисбоне заключалась не только в том, чтобы увидеть то, чего не видели другие, но и в том, чтобы крикнуть своим слишком доверчивым друзьям — Берегитесь! Время, которое он провел на этой германской диете, составляетодну из самых важных эпох в его жизни; ту, в которую он был призван играть на самой высокой сцене.

Твердость, с которой он раскрыл замыслы папства и укрепил слабых протестантов, во многом была связана с прекращением коварных переговоров, от которых сам Контарини в конце концов счел себя обязанным отказаться. Реформация шестнадцатого века в это время находилась под угрозой в Германии. Необходимо было спасти ее. Высказывания Кальвина сильно ударили по ней. Некоторые говорили, что они были преувеличены, и все же церковные события последующих лет оправдывали их. Ученые и благочестивые католики высказывали в адрес Рима многие из тех же упреков, что и Реформатор. Если Кальвин не признавал в Римско-католической церкви достойных и по-настоящему благочестивых людей, он ошибался. Но нет никаких доказательств такой ошибки с его стороны. Когда он отвечает на речь племянника и легата папы — самого папы, — он нападает только на римскую иерархию; и чем больше он обнаруживает, что немцы склонны уступать, тем больше он считает своим долгом говорить ясно, решительно и мужественно. "Если труба издаст неуверенный звук, кто будет готовиться к битве?"

Речь кардинала Фарнезе.

Папа Павел III. послал к императору своего племянника, кардинала Фарнезе, 'который только-только вышел из юношеского возраста.' Этот молодой прелат добросовестно передал Карлу V. речь, которую он получил от своего дяди; и это был обвинительный акт против протестантов. На этот манифест папства Кальвин счел своим долгом ответить,^[57] и таким образом восстановить истину, которая была попраана ногами. Пожалуй, никогда Реформация и папство не вступали в более прямое столкновение, и это в лице их самых ярых противников и, так сказать, в присутствии императора и сейма. Эпоха, в которую возник этот диалог, выдающийся характер собеседников, важность обсуждаемых тем, необходимость того, чтобы история Реформации не ограничивалась внешними движениями, а проникала в принципы, и то обстоятельство, что этот труд Кальвина так долго оставался неизвестным, — все эти соображения заставляют нас сосредоточить на нем наше внимание. Мы не можем забыть то, что Лютер называл 'ядром ореха, пшеничной мукой и костным мозгом'. Реформация - это прежде всего идея: у нее есть

душа, жизнь. Именно глубину этой души раскрывает здесь Кальвин. Пусть говорят папа и реформатор. Последний говорит со всей энергией, присущей ему его характером, его молодостью и его негодованием. Папа Павел III обращается к могущественному императору Германии, и мы можем с полным основанием сказать, что Кальвин, хотя и косвенно, делает то же самое. Этот странный разговор вполне стоит того, чтобы его послушать.

Папа римский. "Мы желаем мира и единства Германии; но мира и единства, которые не представляют собой вечную войну против Бога".

Кальвин. 'То есть против земного бога, римского бога. Ибо если бы он (папа) желал мира с истинным Богом, он жил бы по-другому; он учил бы иначе и правил бы иначе, чем он делает. Ибо все его существование, его институты и его указы ведут войну с Богом".

Папа римский. 'Протестанты подобны скользким змеям; они не преследуют определенной цели и, таким образом, достаточно ясно показывают, что они всецело враги согласия и хотят не подавления порока, а свержения апостольского престола! Нам не следует вести с ними никаких дальнейших переговоров".

Кэлвин. 'Конечно, здесь в траве есть змея. Папа римский, который считает отвратительным любое обсуждение, не может слышать, как об этом говорят, без того, чтобы немедленно не закричать "Пожар!", чтобы предотвратить это. Только пусть кто-нибудь вспомнит все маленькие собрания, проводимые понтификами за эти двадцать и более лет с целью подавления Евангелия, и тогда он ясно увидит, какого рода реформацию они были бы готовы принять.^[58] Все люди в здравом уме ясно видят, что вопрос заключается не только в сохранении статуса папы римского как суверенного и ограниченного епископства, но скорее в полном упразднении епископской должности и установлении на ее месте и под ее именем *антихристианской тирании*.^[59] И не только это, но и то, что приверженцы папства сводят людей с ума злой и нечестивой ложью и развращают мир бесчисленными примерами разврата. Не довольствуясь этими злодеяниями, они истребляют тех, кто стремится восстановить в Церкви более чистое учение и более законный порядок, или кто просто осмеливается просить об этих вещах".

Папа римский. 'Невозможно сказать, каким образом действовать, чтобы прийти к какому-либо соглашению с такими людьми, как эти, потому что они не согласны даже друг с другом. Лютеране хотят одного, цвинглианцы - другого, не говоря уже о других сектах.

Кэлвин. 'Это злонамеренный вымысел. Пусть институты Иисуса Христа и богослужение ранней церкви будут восстановлены; пусть будет отброшено все, что противостоит им и что может исходить только от антихристов, и таким образом согласие будет немедленно восстановлено среди всех, кто от Христа, независимо от того, называют ли их враги лютеранами или цвинглианцами. Если есть кто-то, кто требует чего-то другого, кроме того, о чем я только что говорил, протестанты не считают их своими".^[60]

Папа римский. "Даже если бы было возможно добиться объединения, если бы протестантов можно было заставить подчиняться святому престолу, этого нельзя было бы добиться, не пойдя им на многие уступки".

Кальвин. 'Нужно только соглашаться с тем, что допускает и повелевает Господь. Почему человек отказывается от этого?"

Папа римский. "Если бы все это было разрешено, следствием стало бы нарушение единства Церкви, поскольку подобные изменения никогда не были бы приняты ни во Франции, ни в Испании, ни в Италии, ни в других провинциях христианского мира".

Единство и разнообразие.

Кальвин. 'Пусть повсюду будет восстановлена свободная и искренняя проповедь Евангелия, и среди верующих во Христа Иисуса больше не будет разнообразия; ибо мы просим только об истине, которую Господь провозгласил для спасения своего народа. В отношении разнообразия практики церкви должны быть предоставлены сами себе.^[61] Единство Церкви заключается не в одинаковости обрядов, а в одинаковости веры. В эпоху апостолов и мучеников среди христиан сохранялось искреннее единство, несмотря на различия в соблюдении ритуалов. Но с тех пор, как несколько церквей разных стран получили при римском понтифике одни и те же обряды, единственные основы спасения были прискорбно сдвинуты. Праведный живет верой, а не церемониями. Ни одна церковь не может настаивать на том, что что-либо, не относящееся к вере, является необходимым для христианского общения. Следовательно, со стороны протестантов нет ничего такого, что затрудняло бы, а тем более делало невозможным установление благочестивого и прочного соглашения между всеми церквями'.^[62]

Папа римский. "И если генеральный совет не одобрит эти изменения и, возможно, установит обратное, какая тогда была бы надежда на восстановление единства в Германии, у которой было бы время укрепиться в своих новых взглядах?"

Кэлвин. 'Что? совет не только не одобрил бы то, что было установлено словом самого Христа, но и публично отменил бы это! Боже Милостивый! что за чудовищный совет! Таковы прекрасные надежды, возлагаемые на нас римским престолом. Почему мы все еще должны ждать этой ассамблеи, если, если бы она состоялась, нам пришлось бы отказаться от нее?"

Папа римский. "Более того, существовала бы опасность, что протестанты, пойдя на некоторые уступки, добьются взамен своего главного желания - отделения католиков от апостольского престола!"

Кальвин. 'От римского престола, если вам угодно, но не от апостольского престола. У католических протестантов^[63] нет другого желания, кроме как свергнуть престол сатаны и установить на его месте истинный престол Христа — тот престол, на котором покоятся апостолы, а не антихристы. Теперь главное, на чем в высшей степени настаивают паписты, - это их воля царствовать в Церкви, быть хозяевами всего в ней и ничего не оставлять Иисусу Христу".

Папа римский. "Мы легко можем представить, какой мир у нас может быть с теми протестантами, которые иногда письмами, иногда угрожающими речами, а иногда хитрыми действиями ежедневно вводят в заблуждение людей всех рангов".

Кальвин. 'Эти незаконные методы столь же необычны для нас, сколь и знакомы римским епископам. Протестанты хотят просветить не только нескольких человек в Германии, но и весь мир, если позволит Господь, чтобы все могли вместе наслаждаться истинной и единственной религией Иисуса Христа.^[64]

Папа римский. "Поскольку благочестие, увы, охладело, люди естественным образом склоняются к переходу от слишком суровой веры к более мягкой, от более континентальной религии к более сладострастной и от покорности к независимости".

Кальвин. 'Кто мог стерпеть такую наглость? Откуда же тогда пришло крушение религии, о котором скорбят все благочестивые люди? Откуда происходит презрение к Богу и святыням? Откуда, как не из апатии, невежества и злобы, с которыми Рим похоронил истину Христа или, скорее, изгнал ее из мира! Каждый знает, кем были эти понтифики на протяжении четырехсот или пятисот лет назад. *Легко, говорит папа, заставить мужчин перейти от жизни на континенте к жизни сладострастной.* Кто может слушать подобные вещи без смеха? Каждый знает, в каком воздержании и аскетизме живет римский двор, и все, кто этому обучен. Люди, которые развратили весь мир своим своеобразием и осквернили землю всевозможным развратом, имеют наглость упрекать других в изнеженности и потакании своим желаниям. Разве не известно, что распущенность Рима была бесстыдной, что роскошь, невоздержанность и невероятная распущенность, разорвавшая все узы, царят среди его созданий? И такие люди осмеливаются выставлять себя блюстителями послушания, воздержания и строгости!'^[65]

Кто оскверняет религию?

Папа римский. "Они не только вводят людей в заблуждение, но они грабят церкви, изгоняют епископов, оскверняют религию, и все это безнаказанно".

Кальвин. 'Не сбивают людей с пути те, кто возвращает их от смертельных ошибок к Иисусу Христу. Не грабят церкви те, кто вырывает их из рук грабителей, чтобы поставить в них истинных пасторов. Не изгоняют епископов те, кто устанавливает религию Евангелия. Те, чья работа заключается в восстановлении, не виновны в профанации. В чем заключается учение этих людей, как не в том, что мы должны доверять Господу Иисусу Христу и жить для него, в то время как сторонники папы хотели бы, чтобы мы верили в святых, их кости и изображения, в церемонии и человеческие дела? Где приход, где аббатство, епископство или богатый бенефиций, которыми не владеют люди, единственными достижениями которых являются охота, обольщение и другие безумства и беззакония? Люди, которые, став епископами, чтобы соответствовать своей профессии в современном понимании, проявляют себя охотниками, эпикурами, завсегдатаями винных лавок, развратниками, солдатами и гладиаторами? Это, воистину, святотатство и разграбление церквей! Могли ли протестанты прогнать епископа, видя, что это такая редкость - найти человека, который вполне может сойти за епископа?"

Папа римский. "Заниматься религией - дело не отдельных ассамблей, а общего совета; и если, не посоветовавшись с Францией, Испанией, Италией и другими нациями, в Германии будут установлены какие-либо новые доктрины, единства больше не будет, мы получим в теле Христовом великого монстра".^[66]

Кальвин. 'Что? если учение и проповедь регулируются в соответствии с апостольским установлением, чтобы люди могли быть назидаемы, это чудовище! Но если во всем христианском мире нет ничего, кроме бессмысленных церемоний, prostituteуемых с целью нечестивой наживы; если нет чтения Священного Писания, никаких увещаний, из которых люди могли бы извлечь какие—либо плоды; если глупые монахи или экстравагантные богословские придиры (*теологастры*) не делают ничего, кроме как погружают людей во тьму - это не чудовище!

‘Если христиан учат приносить Богу законное поклонение, отбросить всякую веру в свои собственные добродетели и искать только во Христе полного спасения и всякой надежды на грядущие благословения, то это чудовище! Но если поклонение Богу перевернуто с ног на голову бесчисленными суевериями; если людей учат полагаться на самое тщетное из всех сует, взывать к мертвецам вместо Бога; если изобретаются новые бесконечные жертвы, новые искупления и новые посредники; если Иисус Христос скрыт и почти погребен под массой нечестивых фантазий; это не чудовище, и мы можем идти этим путем без страха!

‘Если таинства вернуть к их первоначальному назначению, которое заключается в том, чтобы верующие души могли более полно войти в общение с Иисусом Христом и посвятить себя святой жизни, то это чудовище! Но если мелкие священники злоупотребляют этими таинствами; если они заменяют святую вечерю нечестивой церемонией, которая аннулирует пользу от смерти Христа и хоронит священный праздник под путаным переплетением обрядов, некоторые из которых лишены смысла, другие ребяческие и нелепые, во всем этом нет ничего чудовищного!

Истинные Служители.

‘Если церквям даны служители, которые воспитывают людей здоровым учением, которые ходят перед ними как пример, которые усердно следят за безопасностью церкви, помня, что они отцы и пастыри и не должны лелеять никаких других амбиций, кроме стремления привести людей в повиновение одному господину, то есть Христу; если они благоразумно управляют своими семьями, воспитывают своих детей в страхе Божьем и чтят супружеское состояние добродетельной и целомудренной жизнью — тогда это не просто чудовище, это еще более чудовище, чем чудовище! Но если папа, этот римский идол, как Бог восседает в храме Божьем, показывая себя Богом; если он утверждает, что держит весь мир в самом жалком рабстве; если его спутники не заботятся о распространении Слова Божьего, но преследуют его, насколько могут, огнем и мечом; если, презирая брак, они не только стремятся вторгнуться на брачное ложе, но и оскверняют землю своими непристойностями; это вполне терпимо и в этом нет ничего чудовищного!

‘Если кто-то осмелится открыть рот в пользу надлежащего использования богатств церкви; если кто-то попытается пресечь грабежи этих воров и использовать это имущество по назначению, то это ужасное чудовище. Но пусть из этих огромных ресурсов церкви не будет части на содержание верных служителей, ничего для школ, ничего для бедных, которым они должны принадлежать; пусть ненасытные бездны поглощают и растрачивают их на роскошь, распутство, игры, отравления и убийства; все это очень далеко от того, чтобы быть чудовищем! Что мне сказать? В наши дни нет ничего чудовищного в мире, в котором все заведомо не в порядке, безумно, расточительно, извращено, деформировано, искривлено, сбито с толку, находится в руинах, рассеяно и искалечено. Ничего чудовищного, кроме движения мизинца, чтобы применить лекарство к такому огромному злу. Монстры! Которые должны быть отправлены на край земли!"

Папа Римский. ‘Необходимо выступить против всех этих конкретных собраний, на которых обсуждаются спорные вопросы, и созвать собор. Тогда протестанты либо подчинятся его указам, либо будут упорствовать в своих собственных взглядах. В последнем случае император и король Франции, между которыми сейчас ведутся переговоры, воспользуются своим союзом, чтобы исправить положение и призвать их к лучшим мыслям".

Кэлвин. "Итак, в случае, если протестанты не пожелают передать себя и все, что им принадлежит, в руки римского первосвященника, они должны быть усмирены с помощью оружия; до тех пор, пока останется хоть один человек, который осмелится открыть рот против отвратительного превосходства римского престола, пролитию крови не будет ни конца, ни края. Таков пастуший посох, которым он воспользуется, чтобы загнать овец в загон. Но пророк говорит: *советуйтесь вместе, и это ни к чему не приведет; объединяйтесь, о вы, люди, и вы будете разбиты на части*.^[67] Есть люди, о которых тяжело говорить! предатели, враги своей страны, которые повсюду сеют семена внутренней войны; которые, как только они думают, что умы людей вполне подготовлены, размахивают факелами и разжигают костер; которые, как только они видят искру, спешат подбросить в нее сухих дров и раздувают пламя своим ядовитым дыханием, пока, наконец, вся Германия не превратится в один огромный пожар".^[68]

Если Кальвин был довольно резок в своем ответе, то папа, надо признать, не придал своему нападению особой мягкости или справедливости. "Нелегко решить, *говоря по-христиански*, - сказал он, - кто является злейшими врагами Иисуса Христа, протестанты или турки. Ибо последние убивают только тело, а первые губят душу". Это высказывание потрясло даже рассудительного и беспристрастного Слейдана. 'Разве турки, - сказал он, - не распространили свою религию повсюду с помощью оружия? И кто из нас проявил больше рвения к возвеличиванию благодати и добродетели Иисуса Христа, чем протестанты, которые в этом отношении превзошли самих католиков?' Даже папа римский не побрезговал прибегнуть к тем же методам, что и турки. Он послал к императору своего собственного племянника, чтобы тот спланировал уничтожение Реформации и погасил ее, если потребуется, кровью евангелистов; в то время как никто более искренне, чем Кальвин, заранее не клеймил позором ту братоубийственную войну, к которой впоследствии привело желание сокрушить Реформацию. Поскольку удар был сильным, ответный удар был энергичным. Однако Кальвин был неправ в одном отношении — в том, что он не полностью и публично признал, что существуют почетные исключения из распущенности священников и из других пороков папства. Но он в другом месте проявил эту справедливость; ибо он различает среди католиков два класса — тех, в ком *преобладает злоба*, и тех, кто введен в заблуждение *ложной видимостью истины*.^[69]

Кальвин в Ратисбоне.

Эта работа датирована мартом 1541 года. Кальвин прибыл в Ратисбон в начале марта и оставался там около четырех месяцев. Император пробыл там еще дольше. Можно предположить, что столь замечательное произведение, написанное как ответ на речь, обращенную папой к Карлу V. В то время его читали министры императора, возможно, даже сам император. Кальвин не назвал его своим именем, вероятно, для того, чтобы можно было обратить внимание на изложенные в нем соображения, независимо от их авторства; возможно, также для того, чтобы не затрагивать город Страсбург, который оказал ему такое благородное гостеприимство и депутатом которого он был. Но его имя читается, так сказать, в каждой строке этих красноречивых мемуаров. Слейдан положительно называет Кэлвина их автором.^[70]

Роль Кальвина в Ратисбоне узнать нетрудно. Она была такой, какой была бы роль Лютера, если бы он присутствовал. Он твердо верил, что протестанты и даже его дорогой Меланхтон под влиянием своего желания примирить две партии были склонны идти на слишком большие уступки. Этой тенденции необходимо противостоять. Видя, как несутся воды, угрожая снести все на своем пути, он счел своим долгом встать на их пути, как скала, чтобы остановить

бедствие. "Поверьте мне, - писал он из Ратисбона Фарелу 11 мая, - в действиях такого рода нужны храбрые души, которые могут укрепить других.^[71] Тогда все вы с усердием молитесь Господу, чтобы он укрепил нас своим духом дерзновения.' На следующий день он написал ему: "Насколько я могу понять, если мы готовы довольствоваться полухристом, мы легко сможем прийти к соглашению".^[72] Не зашел ли Кальвин, соблазненный позицией, которую он чувствовал себя обязанным занять, слишком далеко? Почва была скользкой. Возможно, он зашел слишком далеко в словах, но не в делах.

Легат Контарини заявил императору, что, поскольку протестанты в различных статьях отклоняются от общего согласия католической церкви, было бы лучше, учитывая все обстоятельства, передать весь вопрос папе и следующему собору. 'На что можно надеяться от такого собрания?' - спросил Кэлвин. "Не найдется ни одного из ста желающих и способных понять, что делается во славу Божию и на благо Церкви. Общеизвестно, какого рода богословие преподается в Риме, главным образом в консистории. Его первый принцип заключается в том, что Бога нет; второй, что христианство - не что иное, как глупость".^[73] Кальвин не имеет в виду, что это доктрина, которую исповедует Рим, а только то, что папство ведет себя так, как если бы это было так. Не имея ни истинного Бога, ни истинного христианства, оно, по мнению Реформатора, находится без Бога и без веры. Он продолжает— 'Тогда предположим, что у нас есть собор, папа римский будет его президентом, епископы и прелаты будут на нем судьями.... Они придут к этому самым обдуманном образом, чтобы опровергнуть и противостоять всему, что могло бы ущемить их алчность и честолубие, а также то тираническое превосходство, в осуществлении которого у них нет большего врага, чем Иисус Христос. Когда состоится совет, он скорее будет способствовать разрушению, чем возвращению вещей в нормальное состояние".

Контарини рекомендовал епископам различные реформы; например, следить за тем, чтобы в их епархиях не распространялась религия протестантов; и основывать школы, чтобы люди не могли отправлять своих детей в школы евангелистов. 'Ему действительно приходилось иметь дело со многими другими пороками, - сказал Кэлвин, - если бы у него было желание давать хорошее лекарство. Мир полон поклонения идолам в виде реликвий и изображений до такой степени, что вряд ли их могло быть больше среди язычников. Каждый создает себе богов по своему усмотрению (*задним числом*) из святых, мужчин и женщин. Добродетель Христа все равно что похоронена, а его честь фактически уничтожена. Свет истины почти угас; от него почти не осталось искр".^[74]

Умеренность Кальвина.

Как бы решительно Кальвин ни относился к ошибкам Рима, он, тем не менее, был далек от того, чтобы быть ограниченным и страстным человеком; и он без колебаний признавал все хорошее, что было в его противниках. Мы уже видели, что он смотрел на архиепископов Кельна, Менца и Трева как на друзей свободы, мира и даже реформы. В Ратисбоне он также благоприятно отозвался о Карле V. "Император не виноват, - сказал он, - что не было достигнуто какого-либо положительного начала соглашения, не дожидаясь папы, или кардиналов, или кого-либо из их последователей".^[75] Его оценка избирателей была еще более благоприятной. 'Избиратели, ' говорит он, ' по крайней мере, большинство из них придерживались мнения, что для достижения союза церквей необходимо принять принятые статьи; и это было бы очень хорошим началом обеспечения Церкви. Мир узнал бы, что ему не следует полагаться на свою силу и свою

свободную волю; и что именно благодаря свободной милости нашего Господа мы способны поступать хорошо. Праведность, которую мы получаем как бесплатный дар от Христа, была бы изложена для того, чтобы ниспровергнуть нашу пагубную уверенность в наших собственных делах. Было бы лучше знать, что Церковь не может быть отделена от слова Божьего. Позорная и нечестная торговля людьми в массах была бы пресечена; тирания служителей Церкви была бы обуздана, а суеверия были бы исправлены".^[76] На самом деле это были важные моменты, уступленные римским легатом Контарини; и Кальвин, несомненно, был не новичком в этом завоевании.

Больше всего он жаловался на князей второго порядка, 'которые имели своими капитанами,' добавляет он, - двух герцогов Баварских, которые, как сообщалось, были пенсионерами папы, чтобы поддерживать реликвии святой Матери-Церкви в Германии и таким образом привести страну к разорению'. Ибо оставить все как есть - что это такое, как не бросить Германию в отчаянном случае? Они хотят, чтобы папа был врачом, чтобы навести порядок; и поэтому они бросают ягненка в пасть волку, чтобы он позаботился о нем'. Фактически, все было передано на рассмотрение генерального совета. "Это похоже на сон, - говорит Кальвин, - что император и так много принцев, послов и советников потратили целых пять месяцев на консультации, обдумывание, переговоры, высказывание мнений, дебаты и решение, наконец, вообще ничего не предпринимать".

Кальвин, однако, не терял мужества. "В настоящее время, - добавляет он, - видя, что вся эта ратисбонская диета превратилась в дым, многие люди сбиты с толку, тревожатся и отчаиваются в том, что Евангелие когда-либо будет принято *государственной властью*. Но из этого собрания вышло больше добра, чем кажется. Слуги Божьи принесли верное свидетельство об истине, и всегда есть несколько человек, которые открыты для осуждения. Немаловажно, что все князья, нет, даже некоторые епископы, в глубине души убеждены, что доктрина, проповедуемая папой, должна быть изменена.

Но нашим главным утешением является то, что это дело Божье и что он возьмет его в свои руки, чтобы довести до счастливого исхода. Даже если все князья земли должны были объединиться для поддержания нашего Евангелия, мы все равно не должны делать это основой нашей надежды. Точно так же, какое бы сопротивление, которое мы видим сегодня, почти весь мир оказывает продвижению истины, мы не должны сомневаться в том, что наш Господь, наконец, придет, чтобы прорваться сквозь все начинания людей и проложить путь для своего слова. Давайте же надеяться смело, больше, чем мы можем понять; он все равно превзойдет наше мнение и наши надежды".^[77]

Такова была вера, воодушевлявшая Лютера и Кальвина, и это стало причиной их триумфа.

Отъезд Кальвина из Ратисбона.

Как только Кальвин увидел, что в Ратисбоне ему больше нечего делать, он страстно пожелал покинуть город и с большой серьезностью попросил разрешения уехать. Буцер и Меланхтон решительно воспротивились этому; но в конце концов они уступили. По его словам, он скорее вымогал увольнение, чем добился его. По прибытии депутатов из Австрии и Венгрии с требованием помощи против турок император приказал отложить религиозные дебаты с целью рассмотрения средств сопротивления Солиману, который уже вступил в Венгрию. "Я бы не упустил такой возможности, - говорит Кэлвин, - и поэтому я вышел сухим из воды".^[78]

ГЛАВА ХХІ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЛЬВИНА В ЖЕНЕВУ.

(Июль -сентябрь 1541 г.)

Повернувшись спиной к диете, Кэлвин не думал ни о чем, кроме Женевы. 'Диета закончилась, как я и предсказывал, ' писал он. - вся схема умиротворения обратилась в дым. Как только Буцер вернется, мы как можно скорее отправимся в Женеву, или, вернее, я отправлюсь один без дальнейших проволочек. Буцер, по сути, должен был сопровождать Кальвина и помочь ему советом, чтобы понять, правильно ли для него оставаться в этом городе. Но когда он вернулся в Страсбург, его задержали там, а также задержали его друга. "Я тысячу раз пожалел, - говорит последний, - что не отправился в Базель сразу после возвращения из Ратисбона".^[79] В этом швейцарском городке он должен был получить более конкретную информацию о положении дел на берегах Лемана, и особенно о судебном процессе между Берном и Женевой относительно "Артикулянтов"; судебном процессе, в котором Базель был назначен арбитром. В Страсбурге считалось, что Кальвину не следует селиться в этом беспокойном городе до тех пор, пока эта причина беспокойства продолжает существовать.

Если Кальвин, очевидно, был более решителен, чем до сих пор, то причиной было не только то, что происходило в Германии, но и то, что происходило в Женеве. Чтобы придать делу юридическую форму, выдвинуть на первый план чувства уважения к реформатору, которые теперь воодушевляли народ, и таким образом лишить Кальвина всякого предлога отклонить направленный ему призыв, 1 мая был собран генеральный совет, который "отменил указ об изгнании министров, принятый в 1538 году, и объявил, что они почитают их слугами Божьими, чтобы в будущем Фарель и Кальвин, Сонье и другие могли входить и выходить из Женевы по своему усмотрению".^[80]

Возвращение Кальвина в Женеву.

Этот шаг жителей Женевы был значительным, но Совет на этом не остановился. Не без оснований опасаясь, что Страсбург захочет оставить при себе великого человека, которого изгнала Женева, они направили два отдельных письма министрам и магистратам Цюриха и Базеля, умоляя их поддержать их просьбу в Страсбурге. Они также писали Совету и министрам последнего города. Поскольку эти письма важны и очень малоизвестны, возможно, будет уместно привести некоторые отрывки из них.

"Вы не в неведении, - заявили женевские синдики и сенат в своем письме пасторам, - что наши священники были несправедливо изгнаны из нашего города не в результате обычного правосудия, а скорее в результате большой несправедливости, беспорядков и заговора; и вы знаете, в какие неприятности и ужасные скандалы мы были ввергнуты из-за этого.^[81] От столь опасного зла нет иного средства, кроме присутствия способных, благоразумных и богобоязненных пасторов, способных устранить это бедствие. Поэтому мы обращаемся к вам, которые предоставили нам множество доказательств вашей нежной заботы о нашей Церкви, пытаюсь убедить нашего судью восстановить в служении наших верных служителей Фареля, Кальвина и Куро. В то время это не могло быть осуществлено из-за жестокости и упрямства зачинщиков беспорядков; и таким образом великое множество справедливых и благочестивых людей было повергнуто в отчаяние и слезы.^[82] Но теперь, когда наш всемилостивый Отец

посетил нас в своей благодати, мы умоляем тебя приложить все усилия, чтобы вернуть нам наших верных пасторов, которые были отвергнуты людьми, которые искали удовлетворения своих собственных злых желаний, а не воли Божьей.^[83] В таких выражениях синдики и Совет Женевы обратились к служителям городов, в которые они обращались, с просьбой помочь им вернуть своих пасторов.

Письмо синдиката и Совета Женевы Советам Цюриха и Базеля было не менее решительным. Они сказали им, "что, хотя в течение двадцати лет их город был охвачен сильными штормами, он не знал ни волнений, ни мятежей, ни опасностей, которые могли бы сравниться с теми, которыми гнев Божий посетил нас, поскольку благодаря хитрости мятежных людей,^[84] верные пастыри, которыми была основана и поддерживается их церковь, к великому назиданию и утешению всех, они были несправедливо изгнаны из—за чернейшей неблагодарности - блага, несомненно, неординарные, которые Господь даровал их служению, были полностью забыты.^[85] Женевец добавил, "что с момента этого изгнания Женева не знала ничего, кроме неприятностей, вражды, раздоров, разрыва социальных уз, мятежей, фракций и убийств.^[85] Следовательно, город был бы почти полностью разрушен, если бы Господь в своем великом сострадании не посмотрел на него с любовью и не послал Вирета собрать несчастную паству, которая в то время была доведена до такой степени смятения, что едва ли, если вообще возможно было распознать в ней какие-либо черты церкви; и что не было ничего, чего женевцы желали бы более горячо и с большим единодушием, чем видеть своих служителей восстановленными в прежнем положении, в которое их поставил Бог. И поэтому, ' продолжали они, ' мы молим вас во имя Христа, достопочтенные лорды, умолять прославленных сенаторов Страсбурга не только вернуть нам нашего брата Кальвина, в котором мы так остро нуждаемся и которого так нетерпеливо ищет наш народ, но и убедить его приехать в Женеву как можно скорее. Ученые и благочестивые пастыри, такие, как он, наиболее необходимы для нас, потому что Женева - это, так сказать, ворота Франции и Италии;^[86] потому что изо дня в день многие люди прибегают сюда из этих земель и из других соседних стран; и потому что для них будет большим утешением и назиданием найти в нашем городе пасторов, способных удовлетворить их потребности".

Письмо аналогичного характера было отправлено в Страсбург. Все письма были подписаны: "Синдики и Сенат города Женевы" (Syndici et Senatus Genevensis civitatis).

Грубость фразы.

Умы людей были в то время в состоянии сильного волнения. Враждебные мнения не выражались слащавой фразеологией; и Совет, поскольку он был настроен заполучить Кальвина любой ценой, безошибочно передал их смысл. Возможно, здесь была допущена некоторая грубость выражений; письмо было скорее убедительным, чем изысканным; но мы определенно располагаем в этих письмах мнениями женевских судей и народа, особенно лучших из них, относительно Кальвина, авторов его изгнания и состояния Женевы после его ухода. Сторонники широты и зачастую неверующие духи наших дней охотно реконструировали бы эту историю по моде девятнадцатого века; но в этих документах мы, несомненно, несем отпечаток старины. Высшие должностные лица республики, возможно, не высказались бы так, как они это сделали, если бы их изложение фактов могло быть опровергнуто народом, их современниками, какими они были несколько столетий спустя. Синдикаты, подписавшие эти письма, не были выскочками, выдвинутыми партией на этот пост. Они долгое время были членами Совета, и все

они ранее были синдиками: один в 1540 году, двое других в 1537 году, один из этих двоих еще в 1534 году, а четвертый в 1535 году.^[87] Не подлежит сомнению, что точка зрения, занятая в эту эпоху вождями женевского народа, будет точно так же точкой зрения беспристрастных и просвещенных людей всех возрастов. Было сказано, что фракция, изгнавшая Кальвина, не заслуживает серьезных упреков, которые были брошены ей современными историками. Синдики и соборы 1541 года вряд ли могут быть отнесены к разряду современных историков.

Эти письма были повсюду хорошо приняты. Пасторы Цюриха сообщили Совету Женевы, что их Совет, желая доставить им удовольствие, написал Совету и министрам Страсбурга, а также Кальвину в Ратисбоне, умоляя первых надавить на Кальвина и прося последнего откликнуться на призыв из Женевы.^[88]

Это свидетельство, принесенное ведущими людьми государства и Церкви в Цюрихе, Базеле и Страсбурге после получения писем, о которых мы только что рассказали, является подтверждением их содержания и показывает, что изложенная в них точка зрения была мнением европейского протестантизма, всегда готового отдать дань уважения величайшему теологу, который в то же время был одним из величайших людей и писателей своего времени.

Кальвин И Фарел.

Кальвин уже не раз говорил, что вернется в Женеву, но он еще не выполнил своего намерения. Даже мощный голос Фарела не смог заставить его отправиться в путь, но он вызвал трогательное выражение его смирения. ‘Конечно, - сказал он Фарелу, - громы и молнии, которые ты так чудесно метал в меня, встревожили и напугали меня. Ты знаешь, что я чрезвычайно страшусь этого призыва, но я не убегаю от него. Зачем же тогда набрасываешься на меня с такой яростью, что почти отрекаешься от своей дружбы? Ты говоришь мне, что мое последнее письмо лишило тебя всякой надежды. Если это так, прости, молю тебя, мою неосторожность. Моей целью было просто извиниться за то, что я не поехал немедленно. Я надеюсь, что ты простишь меня”.^[89] Прекрасно видеть, как этот великий человек, этот сильный характер с такой простотой смиряется перед Фарелом, как ребенок перед отцом. Несомненно, подобно Павлу по дороге в Дамаск, он поначалу *отбивался от уколов*. Но “волы, — говорит он, — ничего не выигрывают, поступая таким образом, кроме увеличения своих собственных страданий; и точно так же, когда люди дерутся и лягаются против Христа, они должны - хотят они того или нет - подчиниться его заповеди”.^[90]

Рассказывая Фарелу о его борьбе, Кальвин с самого начала также указал на источник своей силы и своей победы. ‘Я бы не стал стесняться предлогов,’ сказал он, ‘которые я мог бы ловко выдвинуть и которые легко послужили бы оправданием перед людьми. Но я знаю, что это Бог, с которым я должен иметь дело, и что подобного рода уловки неуместны в его глазах. Если бы ты знал саму мою мысль, она такова — будь у меня свобода выбора, я бы сделал все, что угодно в мире, лишь бы не то, что ты от меня требуешь. Но когда я вспоминаю, что в этом вопросе я не сам себе хозяин, я приношу свое сердце в жертву и приношу его в жертву Господу.’^[91] *Сковав мою душу, я отдаю ее в послушание Богу.*^[92]

Это Кальвин. Слова, которые мы подчеркнули, важны как объяснение не только решения, которое он принял в то время, но и всей его жизни. Их можно считать его девизом.^[93]

Отъезд из Страсбурга.

Кальвин выехал из Страсбурга в конце августа или начале сентября. По его словам, он отправился в Женеву 'с грустью, слезами, большим беспокойством и душевным смятением. Моя робость давала мне множество причин, извиняющих меня за то, что я не взваливаю на свои плечи столь тяжелую ношу; и многие выдающиеся люди были бы рады видеть, что я избавился от этой неприятности. Но чувство долга возобладало и побудило меня подчиниться и вернуться к пастве, от которой меня оторвали, но в спасении которой я был так глубоко заинтересован, что без колебаний отдал бы за это свою жизнь".^[94] Буцер не смог сопровождать его; но страсбургцы хорошо понимали, что они теряют. Они заявили, "что всегда будут считать его одним из своих граждан", - говорит один из его биографов. "Они также хотели, чтобы он сохранил доход пребанды, который они назначили ему в качестве жалованья профессора теологии; но поскольку он был человеком, совершенно свободным от жадности к мирским благам, он не захотел даже сохранить стоимость денег'. Далее, магистраты этого города передали ему письмо для Женевского собора, в котором они сказали, что с сожалением отпускают его, "видя, что в Страсбурге он мог бы лучше продвигать интересы вселенской церкви своими трудами, советами и другими действиями, в соответствии с превосходящими милостями, которыми Господь наделил его; и что они молили граждан Женевы объединиться и прислушаться к нему как к человеку, искренне преданному расширению царства Христова'. Они добавили, что "если они поставят общие нужды церквей выше своей собственной выгоды, *они немедленно отправят его обратно*, чтобы в Германии он мог более эффективно служить вселенской церкви'. Страсбургские пасторы, которые ранее писали Совету, говоря о Кальвине, сказали— 'Самого Христа презирают и оскорбляют, когда таких служителей отвергают и с ними недостойно обращаются. Но по сей день у вас все хорошо, поскольку вы признаете Иисуса Христа в этом человеке, его прославленном орудии, у которого никогда не было иной мысли, кроме как посвятить себя вашему спасению, даже ценой собственной крови'. По нынешнему случаю они добавили: "Наконец—то он приходит к вам, это орудие Божье, этот несравненный человек, подобного которому в эту эпоху трудно назвать".^[95]

Кальвин остановился в Базеле, навестил своих друзей и предстал перед Советом, который с любовью пригласил его в Женеву (4 сентября). Оттуда он отправился в Солеуре; и в этом городе он услышал новости, которые сильно его опечалили. Ему сказали, что в церкви Невшателя возникли беспорядки. Фарел в частном порядке высказал протест, в выражениях искренних, но милосердных, высокопоставленному лицу, которое вызывало скандал в церкви, и его протест не возымел никакого эффекта, он публично осудил его в своей проповеди в соответствии с апостольской заповедью, i. Тим. ст. 20 (31 июля). Родственники этого человека были сильно раздосадованы, и, настроив горожан против реформатора, он был лишен прав и сослан. Когда Кальвин, испытывавший такую теплую привязанность к Фарелю, услышал об этом, он не смог продолжить свое путешествие. Вместо того, чтобы ехать в Берн, он поспешил в Невшатель к своему другу. Он смог утешить его, но не смог избавиться от своего осуждения.^[96] Только в более поздний период Кальвин, действуя совместно с другими пасторами, написал из Женевы письмо, которое передал Вирет. Последний объяснил сеньории Невшатель, что, когда министр должен быть смещен, необходимо действовать в форме судебного разбирательства, также духовного, а не путем подстрекательства к мятежу; и его представление было поддержано

Цюрихом, Страсбургом, Базелем и Берном, Совет Невшателя решил сохранить своего реформатора. Находясь в Невшателе вместе с Фарелем, вечером 7 сентября Кальвин написал в Женевский совет письмо, в котором изложил причину своей задержки. В этой записке он также напомнил им об обязанности хорошо и свято управлять своим городом. На следующий день он отправился в Берн, передал Совету письма, которые привез из Страсбурга и Базеля, а затем отправился в Женеву.

В течение многих прошедших дней в городе велись приготовления к его приему. "В понедельник, 26 августа, Совет проголосовал за тридцать шесть экю за Юстаса Винсента, эквестрианского герольда, вместо мастера Кальвина, проповедника в Страсбурге". 29 августа на Совете было объявлено, что мастер Кэлвин прибудет на днях. Они говорили о жилье, которое должно быть выделено для него, и предложения быстро следовали одно за другим. Сначала они подумали о доме, который занимал пастор Бернар, которого они хотели переселить в дом *ла Шантрри*. Затем, 4 сентября, состоялось дальнейшее обсуждение. "*Часовня*, расположенная напротив церкви Святого Петра, наиболее подходит, - сказали они, - для проживания мастера Кальвина, и для него будет предоставлен сад (*куртиль*)". 9-го числа на Совете было объявлено, что он должен прибыть в тот же вечер. Поскольку дома, о которых идет речь, были, несомненно, в непригодном состоянии, господам Жаку де Арту и Жану Шатомпу было приказано подготовить для него дом сьера де Френвиля, расположенный на улице Шануан, между домом Бонивара на западе и домом аббата де Бонмона на востоке. Но, в конце концов, его должны были принять в другом доме, предложенном четвертым.^[97]

Прибытие Кальвина в Женеву.

Не похоже, чтобы Кальвин сам объявил Совету день своего прибытия; мы также не знакомы с каким-либо документом, который ясным и положительным образом указывал бы на эту дату, какой бы заслуживающей внимания она ни была. Все, что мы знаем, это то, что 13-го он был там и предстал перед Советом. Вместо 9-го он мог прибыть 10-го, 11-го или даже 12-го. Мы можем предположить, что Кальвин не хотел, чтобы женевцы узнали о дне его прибытия, опасаясь, как бы они не устроили ему довольно шумный прием. *У меня нет намерения показывать себя и поднимать шум на весь мир*, - сказал он в другой раз.^[98] Как бы то ни было, если бы приход реформатора был таким же незаметным, как и он сам, это наполнило многие сердца великой радостью. Об этом свидетельствуют современные биографии. Были произнесены поздравления, и это от всего народа, но прежде всего в Совете, по поводу этой *исключительной милости Бога* к Женеве, милости столь великой и признанной с таким опозданием.^[99] "Он был принят, - говорится во французской биографии, - с *такой исключительной привязанностью* этим бедным народом, который признал свою вину и *умирал с голода*, чтобы услышать своего верного пастора, что они не были удовлетворены, пока он не поселился там навсегда".^[100] Таковы свидетельства современников, друзей Кальвина. Добавит ли к этому что-нибудь история? Прошел ли Кальвин с *триумфом* те районы, по которым три года назад он *скитался как жалкий беглец*? Совершил ли он свой торжественный въезд в Женеву среди *бурной радости населения*? *Обращался ли он к собравшимся массам*?^[101] Насколько нам известно, нет документа, в котором говорилось бы о таких вещах. Ничто так не противоречило бы характеру Кальвина. Если бы он мог предвидеть, что ему готовится торжественный прием, он предпочел бы пересечь озеро и въехать в Женеву через Савойю.

Похоже, что дом съера де Френвиля, покинувшего Женеву, не мог быть готов в тот же день. Таким образом, реформатор был принят в доме Эме де Джинжена, аббата Бонмона, который, хотя и был избран епископом капитула в 1522 году, не был принят папой, но в отсутствие епископа выполнял почти все свои функции. Этот дом был ареной одного из самых ярких событий Реформации - появления Фареля перед сеньорами аббатом и женевским духовенством в 1532 году. Меньшего размера, чем тот, который сейчас занимает это место, у него был сад, из которого, как и из самого дома, были видны простирающиеся далеко на северо-восток озеро, его берега, Юра и богатые участки сельской местности. Кэлвин живо наслаждался этим улыбающимся пейзажем, этими прекрасными водами, этими суровыми горами. Эта прямая линия Юры, чистая и суровая, разве это не тип его работ? Когда некоторое время спустя он подыскивал дом для Жака де Бургоня, сеньора Фалэ, который пожелал поселиться рядом с ним, он упомянул ему жилище, расположенное, несомненно, недалеко от его собственного, откуда, по его словам, "летом будет открываться такой прекрасный вид, какой только можно пожелать". Зимой северный ветер делал это открытое место менее приятным, но вид все равно был очень прекрасным, и штормы, бушевавшие на озере, несомненно, иногда казались Кэлвину гармонирующими с теми, что бушевали в городе. Впоследствии, возможно, в 1543 или 1547 году, но определенно до 1549 года, Кальвин переехал из этого дома в соседний, дом г-на де Френвиля, который только что выкупило государство; и в нем он продолжал проживать, насколько представляется, до конца своей жизни.^[102] Одной из главных радостей Кальвина по прибытии была возможность снова встретиться с Виретом.

То, что Он приобрел в Страсбурге.

Реформатор вернулся в Женеву изменившимся человеком. С момента его отъезда прошло три года, четыре месяца и двадцать дней; и пребывание в Германии оказало на него заметное влияние. Страсбург дал ему то, чего не могла предложить Женева. От природы в нем было то, из чего сделаны великие люди. Но за эти три года его идеи расширились, а характер сформировался окончательно. Он вошел в более широкую сферу. Интеллектуальная жизнь в Женеве была почти исключительно женевской; в Страсбурге она была германской и, по крайней мере, у некоторых, европейской. Было важно, чтобы реформатор латинской расы был досконально знаком с реформаторами германской расы и чтобы между ними установилось некое духовное общение. Даже если в отношении их работы должна быть независимость, в то же время должно быть единство. В Европе не было города, более подходящего для того, чтобы дать доскональное представление о реформации Лютера и Цвинглиуса, чем Страсбург. Хорошо известно, что врачи этого города поддерживали постоянные сношения с Виттенбергом и Цюрихом и пытались установить союз между ними. Кальвин в этом городе не рисковал быть германизированным. Он был одной из тех сильных натур, которые не теряют своего природного облика. Более того, там было много французских беженцев, и среди них он нашел свою первую сферу деятельности. Все способности женевского реформатора кое-что приобрели благодаря этому контакту с Германией. Его общая информация расширилась, его знания стали глубже и богаче, его душа обрела большую безмятежность, его сердце стало более добрым и нежным, его воля одновременно более уравновешенной, сильной и непоколебимой. Он знал, что будущее уготовило ему битвы; они сочтут его более мягким, более способным к выдержке, но в то же время решительным оставаться непоколебимым на скале Слова и побеждать истиной. Сильный от природы, он теперь был более полно облачен в то божественное облачение, о котором говорит святой Павел.^[103] Он был приспособлен не только для того, чтобы пасти небольшую паству, но и для формирования нового общества, организации великой церкви и

управления ею. Он возвращался в Женеву таким же простым и скромным, как и прежде, и, тем не менее, человеком высшего сорта.

Кальвин прибыл из Страсбурга 13 сентября, отправился в ратушу и был принят синдиками и Советом. Некоторые сердца, без сомнения, сильно бились в ожидании этой беседы, и сам реформатор не без волнения отправился на нее. Когда он приехал в Женеву в 1534 году, ему было двадцать семь лет, довольно молодой возраст для реформатора. Сейчас ему было тридцать два, возраст нашего Спасителя на момент его служения. Он уже мог говорить авторитетно; тем не менее, о нем можно было бы сказать то же, что и о святом Павле — *его телесное присутствие слабо*. Он был среднего роста, бледный, со смуглым цветом лица, острым и пронизательным взглядом, свидетельствовавшим, по словам Безы, о пронизательном уме. Его одежда была очень простой и в то же время безупречно опрятной. Во всем его облике было что-то благородное. Его образованный и возвышенный дух был сразу узнаваем; и хотя его здоровье уже было слабым, он собирался посвятить себя трудам, от которых человек с большими силами, возможно, отказался бы. Дружелюбный в общении, он завоевал все сердца в Германии; теперь ему предстояло завоевать многие в Женеве.^[104]

Представ перед Советом, Кальвин передал синдикам письма от сенаторов и пасторов Страсбурга и Базеля. Затем он скромно извинился за длительную задержку, которую он допустил. Он намеревался оправдать свое собственное поведение и поведение своих коллег, которые были сосланы вместе с ним три с половиной года назад; но очень теплый прием, оказанный ему в городе и магистратами, показал ему, что Женеве вполне преодолела предрассудки того периода. Оправдание потребовало бы припоминания болезненных фактов и нелицеприятных чувств; а это было не то дело, которым он должен был заниматься в данный момент. Его христианское сердце, его разумный разум объединились, чтобы посоветовать ему иное — *забыть*. Поэтому он не оправдал себя ни перед Сенатом, ни перед народом.

Продвигаемся вперед.

Он чувствовал необходимость идти вперед, а не назад. 'Мы не должны отводить глаза от бровей и устремлять их назад', - сказал он однажды. 'Что касается меня, ' сказал он на том памятном заседании 13 сентября, - я предлагаю себя навеки стать слугой Женевы'. Он имел в виду действительност*служить*, но в самом прямом и прекрасном смысле этого слова. Фарелу он писал (16 сентября)— 'Сразу же после предложения своих услуг Сенату я заявил, что ни одна церковь не может существовать иначе, как установив хорошо организованное правительство, такое, какое предписывает Слово Божье и какое было принято в ранней церкви'.^[105] Затем он деликатно затронул некоторые моменты, чтобы Совету было ясно, чего он желает. 'Однако, ' продолжил он, - этот вопрос слишком обширен для обсуждения в данном случае. Я прошу вас назначить кого-нибудь из ваших коллег для обсуждения с нами этого вопроса'. Совет назначил для этой цели четырех членов Малого Совета, бывшего синдика Клода Пертемпса; бывшего секретаря Клода Розе; Эми Перрена и Жана Ламбера; и двух членов Большого Совета, Жана Гулаза и Эми Порраль, обоим бывших синдигов.^[106] Эти шесть мирян в сотрудничестве с Кальвином и Виретом должны были разработать статьи конституции для церкви. Три других пастора, похоже, были готовы присоединиться к своим двум коллегам. Однако мы не видим, чтобы Совет выражал своему победителю свое почтение с почти пресмыкающейся покорностью.^[107] Было согласие, было уважение со стороны Совета, но не было унижения; и мы не можем признать, что Кальвин рассматривал свое право господства над Женевой как символ

веры, который провозгласил сам Бог.^[108] На этом заседании он назвал себя слугой, а не господином; и единственная оговорка, которую следует сделать, это то, что он всегда будет считать себя перед всеми слугой Божиим. Впоследствии Совет постановил вернуть благодарность Страсбургу за то, что тот прислал Кальвина, и в то же время просить, чтобы ему разрешили поселиться на постоянное место жительства в Женеве. Сам Кальвин больше не колебался, и это проявилось в том мужестве, с которым он приступил к организации церкви. Женева и Кальвин отныне были неразделимы, так же как город и река, которая протекает рядом и поливает его. Совет также принял ряд резолюций, касающихся личности и семьи реформатора. Он отдал приказ (16 сентября) послать за своей женой и домочадцами и для этой цели купил трех лошадей и автомобиль. Затем было установлено его жалованье, и "учитывая, - сказал Совет (4 октября), - что Кальвин - человек большой учености, друг восстановления христианских церквей и тратит большие средства на прием посетителей, решено, что он будет получать ежегодное жалованье в размере пятисот флоринов, двенадцати мер пшеницы и двухбоссо вина".^[109] В тот же день было приказано купить немного ткани с мехом, чтобы сшить ему платье.^[110]

Коллеги Кэлвина.

И теперь нужно начинать работу. Кальвин понимал трудности задачи. Он не полагался на себя; больше всего он надеялся на помощь Божью; но он желал также сотрудничества своих братьев. Через три дня после своего выступления перед Советом он написал Фарелу: 'Я устроился здесь, как вы и хотели. Дай Бог, чтобы все обернулось хорошо! Пока я должен оставить Вирета. Я ни в коем случае не позволю забрать его у меня'. Он также хотел, чтобы Фарел был с ним. Он считал, что присутствие этих двоих в качестве его коллег было необходимо для успеха, и не жалел усилий, чтобы заручиться их поддержкой.^[111] 'Помогите мне здесь, - сказал он Фарелу, - вы и все братья изо всех сил, если только вы не хотите подвергнуть меня напрасным пыткам'. Но, какое бы недоверие он ни испытывал к самому себе, он не сомневался в победе. "Когда нам придется сражаться с сатаной, - продолжает он, - и когда мы вступим в битву под знаменем Христа, тот, кто облек нас в наши доспехи и побудил нас к борьбе, дарует нам победу".^[112]

Но хотя он приписывал победу Богу, он знал, что сам должен сражаться. Это наблюдение применимо ко всей его жизни. Из всех людей в мире Кальвин - тот, кто больше всех работал, писал, действовал и молился за дело, которое он отстаивал. Существование суверенитета Бога и свободы человека, несомненно, является тайной; но Кальвин никогда не предполагал, что, поскольку Бог сделал все, он лично не имел к этому никакого отношения. Он ясно указывает на двоякое действие, действие Бога и действие человека. 'Бог, ' сказал он, - добровольно даровав нам свою благодать, немедленно требует от нас ответного признания. Когда он сказал Аврааму: "Я Бог твой", это было проявлением его безвозмездной доброты; но в то же время он добавляет *то, что тот требовал от него*: "Ходи предо Мной и будь совершенен". Это условие молчаливо прилагается ко всем обетованиям: они должны быть для нас как шпоры, побуждающие нас содействовать славе Божьей". И в другом месте он говорит: "Это учение должно создать новую энергию во всех ваших членах, чтобы вы могли быть здоровыми и бдительными, всюду следовать зову Божьему".^[113] Возможно, никогда Кальвин не проявлял свою огромную способность к действию более примечательно, чем в эпоху, о которой мы рассказываем. Безусловно, ошибочно утверждать, что 'Кальвин считал себя, в силу Божественного указа, не более чем инструментом в руке Бога, без какого-либо личного сотрудничества'.^[114] Что! мог ли Кальвин, который в гораздо большей степени, чем Паскаль,

победил иезуитов, сказать то же, что и они: *Sicut baculus in manu!* Этот Кальвин - человек римской или неверующей традиции, но не такой, каким он предстает в истории.

День Унижения.

После требования установить в церкви евангельский порядок первым действием Кальвина было призвать людей к смирению и молитве. Зло, которое тогда опустошало христианский мир, было для него удручающим. Эпидемия, поразившая реформатора в его доме в Страсбурге, жестоко свирепствовала во многих странах и угрожала Женеве. В дополнение к этому, Солиман наводнял Венгрию. Но в этом акте унижения Кальвин имел в виду другую цель. Для Женевы должна была начаться новая жизнь, и как к ней можно было подготовиться, кроме как покаянием и молитвой? Необходимо было изменить склонности, и это могло быть достигнуто только путем того, чтобы голос совести был услышан и своим авторитетом противостоял моральному злу, существующему в каждом человеке. Тогда в сердцах людей пробудилось бы реальное чувство необходимости искупления, и они ухватились бы за Евангелие, которое принесла им Реформация. Поэтому Кальвин заявил на соборе: 'Что христианские церкви серьезно обеспокоены как эпидемией, так и преследованиями турок; что мы обязаны молиться друг за друга; что было бы хорошо вернуться к Богу со смиренными мольбами об умножении и чести его святого Евангелия'. Следовательно, "в том же октябре один день в неделю был назначен для торжественной молитвы в церкви обо всех человеческих нуждах и об отврате гнева Божьего".^[115] Среда была определенно назначенным днем. Поэтому, когда наступил день, все магазины были закрыты, большой колокол созывал людей вместе, церкви были переполнены, служители молили о милости Господа, а речь Кальвина была серьезна и полна не только силы, но и милосердия. "С истиной, - сказал он, - мы должны соединить любовь, чтобы все могли извлечь пользу и быть в мире друг с другом".^[116]

ГЛАВА XXII.

ЦЕРКОВНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ.

(Сентябрь 1541 г.)

Как только Кальвин прибыл в Женеву, потребовались его активные усилия в нескольких направлениях. Но его главным занятием было составление *Постановлений* и участие в обсуждениях комиссии, назначенной для этой цели Советом. 'Кальвин, ' говорит один из его биографов, ' разработал схему церковного порядка и дисциплины'. Хотя на самом деле он был ее автором, тем не менее вполне вероятно, что к этому приложили руку другие, и в частности Вирет. В ходе дискуссий, должно быть, возникло много трудностей, много различных мнений, но Кэлвин был полон решимости проявить большую терпимость и внимание к своим коллегам. 'Я постараюсь, ' сказал он, - поддерживать хорошее взаимопонимание и гармонию со всеми, с кем мне приходится действовать, а также братскую доброту, если они мне позволят, сочетая с этим столько верности и усердия, сколько смогу. Насколько это зависит от меня, я никого не дам в обиду".^[117] Таков был дух, в котором Кальвин приступил к работе. В том же духе он написал Буцеры: 'Если я каким-либо образом не оправдаю ваших ожиданий, вы знаете, что я в вашей власти и подчиняюсь вашему авторитету. Увещевай меня, наказывай меня, проявляй по отношению ко мне всю власть отца над своим сыном'.^[118] Похоже, однако, что Кальвин не столкнулся с противодействием со стороны членов комиссии. Шесть мирян, которые были

связаны с ним, более или менее входили в число его приверженцев. Возражения должны были поступить из других кругов. Примерно через четырнадцать дней, говорит Кэлвин, наша задача была выполнена, и уполномоченные представили план Малому Совету.^[119] Было решено (16 сентября), что статьи должны быть представлены на рассмотрение Малого Совета, Совета Двухсот и Генерального совета. 28 сентября Совет приступил к рассмотрению представленного ему документа. Если комиссия начала свою работу на следующий день после своего учреждения, то четырнадцать дней, о которых говорит Кальвин, относятся к 28 сентября. Похоже, что синдики, заранее проинформированные о презентации проекта, созвали членов Совета на этот день, чтобы проконсультироваться по поводу 'Постановлений, касающихся религии'. Но Совет был неполным. 'Многие из лордов-советников не явились по вызову'. Должны ли мы предположить, что они предпочли бы не вмешиваться в это дело? Вероятно, это было причиной в некоторых случаях, но могли быть и другие причины. Каким бы ни был факт, было решено, что отсутствующие "должны быть снова вызваны на следующий день" и что замечания должны быть адресованы тем, кто не явился".^[120]

Итак, 29 сентября Совет приступил к чтению статей "Постановлений о церковном управлении" и продолжил свою работу в последующие дни. Многие из них были приняты, другие отвергнуты. Рассмотрение этого вопроса в Совете было довольно долгим. 'Мы еще не получили никакого ответа', - написал Кэлвин Буцеру 15 октября, через семнадцать дней после представления документа. Некоторые люди были очень удивлены этими пространными дискуссиями, но Кальвин сказал: 'Меня не очень беспокоит задержка'. Он считал естественным, что некоторые члены совета возражают против его предложений. 'Между тем, - сказал он, - мы уверены, что то, о чем мы просим, будет удовлетворено'. Тем не менее, желая, чтобы члены Совета получили информацию от других, а не от него самого по вопросам, которые, казалось, заставляли их колебаться, реформатор предложил план, который показался ему целесообразным, а именно, чтобы Совет предварительно вступил в сношения по этому вопросу с церквями Немецкой Швейцарии и не приходил ни к какому решению, не выяснив их мнения. Он был уверен в их поддержке. "Мы искренне желаем, чтобы это было сделано", - добавил он.^[121]

Наконец Совет сообщил свои замечания. Комиссия, и в этом Кальвин был преобладающим, не уступила ни по одному существенному пункту. Тем не менее, были сделаны некоторые уступки, например, в отношении частоты совершения Вечери Господней. Кальвин просил, чтобы она совершалась раз в месяц. Известно, что лично он предпочел бы еще более частое празднование. Собор настаивал на том, чтобы оно продолжалось только четыре раза в год; и Кальвин уступил. Он изменил и смягчил некоторые выражения. Он считал этот курс законным по причине слабости того времени. 25 октября проповедники, вероятно Кальвин и Вире, внесли на рассмотрение Совета исправленные Статьи и в то же время обратились к ним с "подобающими увещеваниями, умоляя их урегулировать и принять их". Рассмотрение вопроса было перенесено на следующий день; и обычный Совет был созван на этот день под страхом наказания, указанного в присяге члена совета (*sous la peine du serment*). 27 октября они все еще были заняты Таинствами; и эта церковная конституция была окончательно утверждена, 'как она была изложена письменно в статьях'. 9 ноября схема была представлена обычным советом Совету Двухсот; и последний принял ее после внесения одной или двух незначительных поправок. 20 ноября он был зачитан Генеральному совету, на котором был принят 'очень значительным большинством голосов'. Согласие, однако, не было настолько единодушным, чтобы показать, что противников этих постановлений больше нет. По словам Теодора Безы, среди народа, а также среди видных граждан были такие, которые, хотя и действительно

отrekliсь от Папы, только внешне привязались к Иисусу Христу. Точно так же были некоторые служители, которые не осмеливались открыто отвергать постановления, но втайне выступали против них. Кальвин, благодаря настойчивости и умеренности, преодолел эти трудности. Он показал, что не только доктрина, но и управление церковью должно соответствовать Священному Писанию. Он подкреплял свою точку зрения мнением самых ученых людей того времени — Колумпадия, Цвинглиуса, Цвиккиуса, Меланхтона, Буцера, Капито и Микония, чьи труды он цитировал; но в примирительном духе он добавил, что церкви, которые не были столь развитыми, не должны осуждаться так, как если бы они не были христианскими. Статьи, после внесения некоторых незначительных поправок и дополнений, были окончательно приняты (2 января 1542 г.) Тремя соборами.^[122]

Цель Таинств.

Чего же тогда требовал Кальвин от духа, цели и устройства церкви?

Царство Божье является сутью церкви. Иисус Христос пришел, чтобы установить его, сообщив падшим людям божественную жизнь. Реформаторы имели это в виду, когда в январе 1537 года представили Собору первые статьи, касающиеся организации церкви, "потому что Господу было больше угодно *установить здесь свое царство*". Но это царство может быть установлено только посредством *церкви* или *собрания* верующих. Поэтому важно, чтобы эта церковь была организована в соответствии со священным Писанием; и это практическая точка зрения Кальвина в новых Таинствах. Они начинаются со следующих слов:

"Во имя Всемогущего Бога:

"Мы, Синдики, Малый и Великий Совет, с нашим народом, собравшимся при звуке трубы и большого колокола, согласно нашим древним обычаям,

"Рассудив, что это вопрос, заслуживающий прежде всего рекомендации, что учение святого Евангелия Господа нашего действительно должно быть сохранено в его чистоте, что христианская церковь должна должным образом поддерживаться, что молодежь должна быть добросовестно наставлена в будущем и что больницу следует содержать в хорошем состоянии для поддержки бедных, нам показалось благим, что духовное управление, *как это устанавливает наш Господь Своим Словом*, должно быть приведено в надлежащую форму, чтобы сохраняться среди нас; и таким образом, мы предписали и установили для соблюдения в нашем собственном городе и на нашей территории церковь Святого Евангелия". церковная политика, изложенная ниже, *учитывая, что она взята из Евангелия Иисуса Христа*".^[123]

Таким образом, Кальвин хотел основать Женевскую церковь по образцу первобытной церкви. Более того, именно в самом *слове*, в *Евангелии Иисуса Христа*, он будет искать его природу, его правила и его характер. Здесь не идет речь о традиции, даже о самой древней. Это характерная черта церкви в том виде, в каком ее хотел установить Кальвин.

Женева - евангелическая крепость.

В языческой древности законодатели ставили своей главной целью подготовку своих народов к войне с помощью упражнений, направленных на развитие их силы и ловкости. Моисей, в то самое время, когда он провозгласил живого Бога, Творца, и его святую волю, был вынужден, чтобы уберечь людей от зла и изобразить в фигурах грядущие события, связать их сетью

многочисленных церемоний. Папы современного Рима, поставив во главе своей системы свой собственный непогрешимый и абсолютный суверенитет, сдерживали развитие народов; в то время как своими индульгенциями и отпущениями грехов они ослабили узы долга и нанесли удар по морали. Кальвин, который знал, что *грех - это гибель народов*, желал для Женевы условий, необходимых для реального процветания народа, а именно, чтобы он был добрым, чистым и здоровым телом и умом. Его цель была еще масштабнее. Он хотел сделать из принявшего его города то, чем он на самом деле стал, — крепость, способную не только оказать сопротивление Риму, но, вдобавок, одержать над ним победу и заменить его суеверия и деспотизм истиной и свободой. Результатом его усилий должно было стать не что иное, как спасение современного христианского мира. Для того чтобы сделать Женеву *Виллафранкой*, как в более поздний период ее иногда называли, было недостаточно, чтобы он выступал с речами, как от него часто требовали; необходимо было следить за этим семенем Слова, брошенным в сердца людей, до конца, чтобы оно могло там расцвести. Крушение Рима привело к тому, что она отделила мораль от веры. Разве мир не видел папу Иоанна XXIII, которого обвинили "во всех смертных грехах, бесконечных по числу и столь же отвратительных", ^[124] ответить 'что он действительно, как человек, совершил некоторые из этих грехов, но что осудить папу можно только за ересь'? Безнравственность проникла не только в обители мирян, но и в монастыри, пресвитерии, епископства и дворец папы римского. И с тех пор папство было разрушено. Кальвин жаждал христианства в его целостности, его веры и его дел. Недостаточно, чтобы поток воды находился рядом с лугом. Он может проходить рядом с ним и оставлять его сухим. Должны быть трубопроводы и каналы, по которым вода могла бы проходить, растекаться и удобрять земли. Кальвин считал, что он обязан сделать что-то в этом роде для основания церкви, которая была у него в сердце.

Серьезность, с которой он настаивал на необходимости истинно христианской жизни, является, пожалуй, отличительной чертой Кальвина среди всех реформаторов. "В нашей жизни должна быть заметна, - сказал он, - *мелодия и гармония между справедливостью Божьей и нашим собственным состоянием, и образ Христа должен проявляться в нашем послушании*". Если Бог и примет нас как своих детей, то только для этой жизни. ^[125] В *Постановлениях* он не останавливался, чтобы продемонстрировать это учение; здесь было не место для этого. Он придерживался практической стороны. 'Что касается того, что относится к христианской жизни, - сказал он, - то недостатки, которые в ней есть, должны быть исправлены.' И, вопреки общепринятому мнению, он добавляет в отношении замечаний, которые должны быть сделаны: "Тем не менее, пусть все это выполняется с *такой умеренностью, чтобы не было никакой суровости, которая могла бы обременить* кого-либо; и также пусть исправление будет только мягким (*mediocre*), чтобы вернуть грешников к нашему Господу".

Министерство.

Кальвин особенно стремится установить, каким должно быть служение в церкви; и, делая это, он показывает не только, какими должны быть служители, но и какими должны быть члены Церкви: ибо святой Павел говорит верующим: *будьте подражателями Мне, как и я Христу*. "Существует, - говорит Кальвин, - четыре категории должностей, которые наш Господь установил для управления своей Церковью: во-первых, пасторы; затем учителя; после них старейшины; и, в-четвертых, дьяконы". ^[126] Он называет пасторов перед учителями; *вера* сначала, согласно Священным Писаниям, а затем *знание*.

Говоря прежде всего о пасторах, Кальвин настаивает на важности доктрины или веры во Христа, поскольку до тех пор, пока у нас нет этого, "мы, - сказал он, - всего лишь сухое и бесполезное дерево; но все те, кто имеет живой корень во Христе, напротив, являются плодоносящими виноградными лозами". "Первое, - гласят *Постановления*, - это *прикоснуться к доктрине*. Со стороны служителей будет правильно заявить, что они *придерживаются доктрины*, одобренной в церкви; и необходимо будет услышать, как они особо относятся к *доктрине Господа*".^[127] Но он прилагает большие усилия, чтобы показать, что он имеет в виду живую доктрину, а не сухую схоластическую догму. "Это должно быть так, чтобы министр мог донести это до народа в назидание".^[128] И, как он говорит в другом месте, "поскольку нет истины, если она не проявляется в ее плодах", он желает, чтобы служитель учил своей жизнью, "будучи человеком хороших моральных качеств и всегда ведя себя безупречно".^[129] На этом он настаивает. Он знает, что мораль - это наука о человеке; и, тем не менее, как было сказано позже, что "во времена, в которые мы живем, разложение морали происходит в монастырях и в религиозных книгах монахов и монахинь...".^[130] Поэтому он подробно останавливается на этой теме и приводит длинный перечень пороков, которые совершенно недопустимы в служителе, образце паствы. "Явное богохульство, - сказал он, - и все виды подкупа, лжи, лжесвидательства, нескромности, воровства, пьянства, драк, ростовщичества, скандальных игр, любых преступлений, влекущих за собой гражданский позор, и многие другие грехи помимо этого". Любой служитель, совершивший эти преступления, должен быть отстранен от своей должности, чтобы таким образом преподать урок всем христианам. Он признает, однако, что есть пороки, исправить которые следует братским увещанием, такие как 'необычная манера обращения с Писанием, которая вызывает скандал; любопытство, побуждающее к праздным расспросам; небрежность при изучении священных книг. Шутовство (*scurrilité*), ложь, злословие (*уклонение от ответственности*), распущенные слова, оскорбительные высказывания, опрометчивость, хитрые уловки (*mauvaises cautèles*), алчность и чрезмерная скупость, необузданный гнев, ссоры и т.д.'. ^[131] Кальвина часто порицали за его суровую мораль; но знаменитый французский моралист, член Академии Лабрюйер сказал: "Легкая и вялая мораль рушится вместе с тем, кто ее проповедует". Кальвин думал так же.

Но он знал, что правил и запретов будет недостаточно. Он был знаком с изречением мудреца Израиля: "Наставь ребенка на путь, которым он должен идти, и когда он состарится, он не отступит от него".^[132] Так гласят *Постановления*— 'В полдень по воскресеньям пусть будет катехизация, то есть наставление маленьких детей во всех трех церквях. Пусть все граждане и обитатели будут обязаны приводить или отправлять туда своих детей. Пусть в качестве основы этого наставления будет предоставлен определенный формуляр; чтобы, пока им преподносится доктрина, их можно было расспросить о том, что было сказано, чтобы увидеть, действительно ли они поняли и запомнили это. Когда ребенок будет достаточно проинструктирован, чтобы обходиться без катехизиса, пусть он торжественно повторит суть его содержания и таким образом своего рода исповедует христианство в присутствии церкви".^[133] Кальвин знал и учил, что "когда маленьких детей представляют Господу, он принимает их гуманно и с великой нежностью", и он добавил, "что было бы слишком жестоко исключать (*forclorre*) из благодати Божьей тех, кто достиг этого возраста'. Он желает, чтобы "старейшины *присматривали за ними*, чтобы они могли присматривать за ними".^[134] Он так говорит в своих *Постановлениях*, что великий поэт повторил в своих стихах:

O vous, sur ces enfants, si chers, si précieux,

Ministres du Seigneur, ayez toujours les yeux.^[135]

Школы и благотворительные организации.

Он заботится не только о детях, но и обо всех слабых. Он думает о больных. Он опасается, что многие пренебрегают поиском утешения в Боге через Его слово, и умирают без учения, которое тогда было бы для них более спасительным, чем когда-либо; и он требует, чтобы никто не болел более трех дней, не посылая за служителем. Он заботится о бедных и распорядится, чтобы дьяконы получали и раздавали "как ежедневную милостыню, так и имущество, ежегодные пособия и пенсии".^[136] Он не забывает больных бедняков и позаботится о 'них и перевязке их ран'. Он требует для городской больницы платного врача и хирурга, которые также будут посещать других бедных. Он думает также об иностранцах. Многие приехали в Женеву, спасаясь от преследований. Поэтому он основывает больницу для путников.^[137] Он требует отдельную больницу для лечения чумы. Но что касается попрошайничества, он заявляет, что это противоречит хорошей полиции, и желает, чтобы "были назначены офицеры для удаления с места нищих, которые окажут сопротивление (*belistrer*); и если они были грубыми и наглыми (*qu'ils se rebecquassent*)", он требует, чтобы они предстали перед одним из синдиков.^[138] Что касается последней категории несчастных, заключенных, то он желает, чтобы каждую субботу днем они собирались для увещеваний, и чтобы, если кто-то из них окажется в цепях (*aix белые грибы*) и снимать их будет сочтено нецелесообразным, допуск должен быть предоставлен какому-нибудь служителю, чтобы утешить их; ибо, если это откладывается до тех пор, пока их не выведут на смерть, их часто настолько охватывает ужас, что они ничего не могут ни воспринять, ни понять.^[139]

Для выполнения этих и других функций необходимо проявлять большую осторожность при выборе людей для "четырех категорий должностей, которые Господь установил для управления своей церковью".

‘Никто не должен вторгаться в кабинет министра без вызова’. Мы видели, что экзамен затрагивает доктрину и мораль. По этому поводу нет места колебаниям, но в сознании Кальвина были некоторые сомнения относительно способа их избрания. Он всегда признавал, что в этом должны участвовать два ордена: пасторы и народ. Но в "Кретьенском институте", в котором он говорит в общих чертах, он настаивает на том, что *общая свобода и право церкви (du troupeau) ни в коем случае не должны быть ущемлены или умалены*. Он желает, чтобы "пастор председательствовал на выборах, чтобы вести людей добрым советом, а не для того, чтобы распределять их работу за них в соответствии с их собственными взглядами, без оглядки на других". "Пасторы, - добавляет он, - должны председательствовать на выборах, чтобы толпа не вела себя легкомысленно, капризно или буйно".^[140] Теперь Кальвин в своих *Постановлениях* вышел за рамки этого правила. Он установил, "что *служители должны в первую очередь избрать человека, который должен быть назначен на эту должность; что впоследствии он должен быть представлен Совету; и что, если Совет примет его, он должен быть окончательно представлен народу посредством проповеди, с тем чтобы его могли принять с общего согласия верующих*".^[141] Несомненно, что настоящим правом церкви было *ограничено*. Кальвин мог ошибиться в своей оценке и мог предположить, что смелый женевец осмелится отвергнуть избрание двух авторитетов, духовного и светского. Этого не произошло; согласие народа было пустой церемонией, и в конечном итоге от нее отказались. Источником зла было то обстоятельство, что церковь и нация были одним и тем же телом; и что нация поставляла церкви

большое количество членов, которые не обладали ни умом, ни благочестием, необходимыми для выбора компетентных и благочестивых служителей. Когда церковь состоит из людей, которые открыто исповедуют великие истины Евангелия и соотносят с ними свою жизнь, можно доверять пастве, что не исключает естественного влияния пасторов. Но когда церковь представляет собой обширную мешанину, когда, возможно, в ней преобладают даже некомпетентные элементы, необходимо предоставить большую долю участия в выборах служителям. Кальвин, однако, сделал это число слишком большим, поскольку оно аннулировало число членов церкви. Но избрание в церкви по численности всегда является трудным делом. В *Постановлениях* добавлено, что "для представления избранного служителя было бы уместно принять практику возложения рук, как во времена апостолов; но, принимая во внимание суеверия, преобладавшие в прошлые века, эта практика должна быть прекращена из-за немоги времени".^[142] Возложение рук было восстановлено в более поздний период.

Избранный министр должен был принять от синдиков и совета подготовленную впоследствии клятву, в которой он обязывался "верно служить Богу, чисто излагая его слово, с чистой совестью используя его доктрину для продвижения его славы и на благо народа, не уступая ни ненависти, ни благосклонности, ни какому-либо другому плотскому желанию, прилагая усилия, чтобы люди могли жить вместе в мире и единстве, и подавая пример послушания всем остальным".^[143]

Учителя.

После порядка служителей Кальвин помещает 'порядок учителей', который он также называет "порядком школ'. *Изучающий теологию* должен поставить своей целью "чтобы чистота Евангелия не была испорчена невежеством или ошибочными мнениями".^[144] "Здоровое учение, - сказал он в другом месте, - должно быть тщательно вверено в руки верных служителей, которые компетентны преподавать его"; и таким образом он установил, вслед за апостолом Павлом (I Тим. ii. 2), необходимость теологических школ.

На этом он не остановился; он отстаивал интересы литературы и естественных наук. "Эти уроки, - сказал он (теологические), - не принесут пользы, если в первую очередь не будет обучения языкам и естественным наукам'. Затем, стремясь 'взрастить семя для грядущего времени', он обращается к случаю из детства. 'Необходимо, - говорит он, - построить колледж для обучения детей, чтобы подготовить их как к министерству, так и к гражданскому управлению. Следовательно, он требует от молодых людей "ученого человека, который должен иметь под своим началом читателей (профессоров) как по языкам, так и по диалектике, и, кроме того, мастеров для обучения маленьких детей".^[145] Кальвин, наделенный большой ясностью понимания, не потерпел бы ни одной из "тех тонкостей, с помощью которых люди, жадные до репутации, привлекают к себе внимание и которые раздуваются до таких размеров, что скрывают истинные доктрины Евангелия, которые просты и не бросаются в глаза, в то время как эта показная помпезность принимается миром с аплодисментами'. Но, осознавая бесполезность и опасность половинчатых знаний и 'тех легкомысленных спекуляций, которые делают простоту истинной доктрины презренной в глазах мира, почти всегда привлекаемого внешней демонстрацией", он придавал большое значение приобретению информации и

разнообразием знаний по многим предметам. Следовательно, во всех странах, в которые проникло его влияние, обнаруживается, что люди хорошо обучены и истинная наука в почете.

После учителей идут старейшины, которых должно было быть двенадцать, то есть почти по два старейшины на каждого служителя. Они должны были быть 'людьми хорошей жизни и честности, без упреков и вне подозрений, прежде всего боящимися Бога и обладающими большим духовным благоразумием'. Наконец, идут дьяконы, на функции которых мы уже указывали.^[146]

Консисто́рия.

Собрание министров и старейшин образовывало консисторию. Двенадцать старейшин избирались не церковью, а Государственным советом или Малым Советом. Они не отбирались без разбора из числа членов церкви. Двое должны были принадлежать Малому Совету, четыре - Совету Шестидесяти и шесть - Совету Двухсот. Однако, прежде чем приступить к выборам, Совет призвал министров высказать свое мнение по этому вопросу; и когда выборы были проведены, они были представлены Совету Двухсот на утверждение.^[147] Эти старейшины, назначенные или делегированные Советами, были, по сути, магистратами; но тот факт, что со служителями консультировались, влияние, которое пасторы должны были оказывать на своих коллег-мирян, и сама природа их функций делали их скорее существами двух видов, принадлежащими частично церкви, а частично государству. Этот факт действительно придает особую важность этому органу. Его часто называли трибуналом; но на самом деле это было не так. Увещевания и примирение играли главную роль в его работе. Также было сказано, что вопросы доктрины принадлежали министрам, а вопросы морали - старейшинам. Это не совсем правда. Два класса людей, составлявших консисторию, имели дело с ошибками обоих видов. Наконец, этот орган уподобили инквизиции. Мы с негодованием отвергаем это уподобление женевского пресвитерианства ужасному, тайному и жестокому институту, который обезлюдил провинции, который стоил одной Испании потери пяти миллионов ее подданных, который наполнил ее суевериями и невежеством и понизил ее в рейтинге наций, в то время как Женева, под влиянием своих пасторов и старейшин, росла в интеллекте, нравственности, процветании, численности населения, влиянии и величии.

Пасторы взяли на себя ответственность за общественное богослужение. Проповедь Слова должна была стать его существенной чертой. "Обязанность пасторов, - говорится в Постановлениях, - которые иногда также называются в Священных Писаниях надзирателями (*episcopos*), старейшинами и служителями, состоит в том, чтобы *провозглашать Слово Божье* для наставления, вразумления, увещевания и обличения".^[148] Реформация лишила священника его магии, его способности словом преображать кусок хлеба и делать из него тело и кровь Христа — Иисуса Христа во всем его существе как Бога и человека. Эта слава, которой до этого времени была окружена голова священника, теперь была отнята у него; служитель был слугой Слова, и в этом была его слава. Служение Слову стало центром всех функций служителя. "Каждый раз, когда проповедуется Евангелие, - сказал Кальвин, - это как если бы сам Бог лично торжественно приходил призвать нас к концу, чтобы мы больше не были похожи на людей, бредущих ощупью в темноте и не знающих, куда идти".^[149] Кальвин увеличил количество времени для проповеди. По воскресеньям проповеди читались на рассвете, снова в девять часов и в три часа; и шесть раз в неделю.^[150]

Частое причащение.

Однако, хотя Кальвин самым энергичным образом отвергал суеверие мессы, он знал, что Христос будет иметь в своей церкви не только учение истине через слово, но, помимо этого, единение с ним. *Знать* его было недостаточно; было необходимо *иметь* его. Он настаивал на том факте, что Христос действительно передал своим ученикам не только свое учение, но и в дополнение к этому свою жизнь. Об этом напоминает таинство Вечери, которое на самом деле становится средством общения со Спасителем, оживляя веру в его тело, сокрушаемое за нас, в его кровь, проливаемую во оставление грехов. Мы также видим, как он снова и снова выражает свое желание часто причащаться. Он не получил этого и, несомненно, понимал, что, поскольку ему приходилось иметь дело со множеством людей, часто мало заботящихся об этом союзе, не годилось бы слишком часто повторять этот Ужин. Но всегда оставалось верным, что Господь, пообещав свое присутствие каждому собранию, собравшемуся во имя Его,^[151] не мог отсутствовать на празднике, на который он пригласил свой народ, и там дал небесную пищу тем, кто имел веру получить ее.

Наконец, Кальвин отводил важное место общественным молитвам. Те, которые он сочинил сам и которые присутствуют в его литургии, богаты не только доктриной, но и духовной силой. Он пожелал также, чтобы все люди принимали активное участие в богослужении путем пения псалмов. Вся служба была простой, но серьезной, полной достоинства и призывающей людей к поклонению в духе и истине.^[152]

Старейшины выполняли функцию *надзирателей*, что выражается греческим словом ἐπίσκοπος. По одному из них избирали в каждом квартале города, *чтобы везде быть начеку*.^[153] Раньше их сопровождали, - говорит Бонивар в своей *Церковной полиции*, - сборщики десятины (*дизенье*) от дома к дому, спрашивая у всех членов семьи причину их веры. После этого, если они думают, что в доме есть какое-либо зло, общее или частное, они призывают к покаянию.' Консистория 'собиралась раз в неделю, в четверг утром, чтобы посмотреть, нет ли каких-либо беспорядков в церкви, и обсудить средства правовой защиты, когда это необходимо'. Те, кто учил вопреки общепринятому учению, и те, кто показал себя презирающими церковный порядок, должны были быть вызваны к нему с целью совещания и увещевания. Если они становились послушными, их следовало с добротой увольнять; но если они упорно продолжали становиться все хуже и хуже, после трехкратного увещевания их следовало отделить от церкви.^[154]

Частные пороки подлежали частному порицанию; и никто не должен был привлекать своего ближнего к ответственности перед церковью за какой-либо проступок, который не был бы печально известным или скандальным, за исключением случаев, когда было доказано, что он бунтарь. Что касается печально известных и открытых пороков, то долгом старейшин было бы призвать к себе тех, кто ими запятнан, с целью обратиться к ним с дружескими заявлениями и, в случае появления поправок, не беспокоить их больше. Если они упорствовали в своих неправильных поступках, их следовало отчитать во второй раз. Если, в конце концов, это не возымеет никакого эффекта, они будут осуждены как презирающие Бога и не будут допущены к Вечере Господней до тех пор, пока в них не будут замечены изменения в жизни.^[155]

Однако мы не можем отрицать, что Постановления были суровыми и что мужчины и женщины были вызваны в консисторию по основаниям, которые сейчас кажутся очень тривиальными. Следовательно, в современном мире против этой дисциплины высказались. Но более просвещенные умы отдадут должное Кальвину. 'Без преобразования морали,' говорит судья

нашего времени, известный своей умеренностью и справедливостью своих взглядов, 'реформация в Женеве была бы не более чем изменением форм богослужения. Не хватало бы нового фундамента, который был бы необходим для постоянной борьбы. Ничего меньшего, чем гениальность Кальвина, признаваемая даже его противниками, было бы достаточно, чтобы вдохновить энтузиазмом, преобразовать народ и вдохнуть в него новую жизнь. Для осуществления религиозной революции, как он ее понимал, было необходимо подчинение всех внешних действий жизни суровой дисциплине; но бремя этой дисциплины в шестнадцатом веке не должно оцениваться концепциями девятнадцатого.^[156] В ту эпоху это повсюду встречалось с принципом послушания в полной силе; и всем было легче от осознания того, что ни одно социальное положение не было исключено из-под его действия".

Верховенство государства.

Кальвин знал, что рука более могущественная, чем его, должна установить религиозный и моральный порядок в Женеве. 'Если Бог не будет действовать своим духом, - сказал он, - все учение, которое может быть изложено, будет подобно пустяку, выброшенному на ветер'. В это время произошло своего рода публичное проявление этой мысли. В декабре 1542 года Городской совет распорядился выгравировать монограмму с именем Иисуса на городских воротах (*Jésus gravés en pierre*).^[157] В хрониках Розета говорится, что Совет "приказал выгравировать на воротах строящихся новых стен *имя Иисуса над гербами*".^[158] Очень часто утверждается, что эта резолюция была принята по просьбе Кальвина; но ни в реестрах Совета, ни в реестрах консистории, ни в Roset это не упоминается. На самом деле это не означает, что он не имел к этому никакого отношения; и эта надпись, во всяком случае, была сделана по распоряжению Совета, который был дружелюбен к Кальвину. Но в этом не было ничего нового. Розет утверждает, что "это название было выгравировано на старых воротах города, *время из памяти*". Он был помещен туда по требованию синдиков в 1471 году, и этот обычай, по-видимому, еще более древний.

Мнения расходятся относительно характера управления женевской церковью в шестнадцатом веке. Некоторые называли это *теократией* и видели в этом преобладание церкви над государством. Эта точка зрения наиболее распространена и актуальна как среди друзей, так и среди противников реформатора. В наши дни сохраняется противоположная точка зрения. Утверждалось, что во времена Женевской реформации власть государства была полностью заменена властью церкви; что с того времени Собор вторгся в сферу, которая полностью находилась в ведении церкви. Фактически, он дошел до того, что регламентировал время и количество проповедей; и служитель не мог ни опубликовать книгу, ни отлучиться на несколько дней без разрешения Совета.^[159]

Государственный контроль над Церковью.

Эта последняя точка зрения является истинной; но иногда возникали обстоятельства, которые изменяли это положение вещей. Многое зависело от отношений Кальвина с правящим советом. Если он не был с ними в хороших отношениях, Совет строго навязывал свою власть. Таким образом, в деле Сервета Кальвин, несмотря на неоднократные требования, не смог убедить магистрат смягчить наказание несчастному испанцу. Но когда их отношения были приятными, влияние Кальвина, несомненно, было сильным. Нет необходимости предполагать, что положение вещей всегда было одинаковым и абсолютно самосогласованным. Но если рассматривать законодательство само по себе, отдельно от обстоятельств, на которые мы

только что указали, и безотносительно к убеждению, владевшему умом Кальвина, что, когда на карту поставлены важные вопросы веры, мы должны повиноваться Богу, а не человеку, то не будет неправдой сказать, что "Кальвин наложил на свою организацию печать мирянина, чтобы не сказать демократа; что он не наделял духовенство ни исключительной властью, ни даже президентством церкви; и что, тщательно распределяя роль магистрата и служения, он поставил на вершину своей схемы светский характер". епископат, который он передал в руки государства".^[160]

Это правда, что этот епископат был передан в руки государства; но нет уверенности, что именно Кальвин поместил его туда. Это было государство, которое взяло на себя это. До прибытия Кальвина и в то время, как Фарель и его друзья евангелизировали Женеву, Совет постоянно осуществлял это руководство; и он не желал отказываться от него, передав его впоследствии служителям. Таинства были приняты не совсем в том виде, в каком их представлял Кальвин. Комиссия, большинство которой составляли миряне, и сам Собор внесли исправления и дополнения, как мы отмечали ранее. Но мы настаиваем на этом пункте для того, чтобы роль Кальвина и роль Совета в этом деле можно было четко отличить друг от друга. Если в проекте названы *старейшины*, официальная копия добавляет: "Другие поименованные *назначенцы сеньории (commis par la seigneurie)*"; и в другом месте: "*заместители сеньории в консистории*".^[161] Это важно. Если речь идет об экзамене министра и его представлении народу, официальная копия добавляет: "прежде всего, после проведения экзамена, *представляется сеньории*". Если в проекте сказано: "Чтобы избежать любых жизненных скандалов, необходимо внести в него некоторую форму исправления", - добавляет официальная копия, - "*которая должна относиться к сеньории*". Если в проекте говорится о школьном учителе, "что никто не должен приниматься, если он не одобрен министрами", официальная копия добавляет: "*прежде всего представив его сеньории*", и что экзамен должен быть произведен *в присутствии двух лордов Малого Совета*". Если в проекте указано, как старейшины и министры должны выполнять свои увещевания, Совет добавляет: "Мы приказали, чтобы упомянутые министры не брали на себя никакой юрисдикции; но чтобы они просто выслушали стороны и сделали вышеупомянутые представления". ; и после того, как они изложат суть дела, мы сможем проконсультироваться и вынести решение в соответствии с требованиями дела".

Наконец, следующая дополнительная статья, предложенная комиссией, была включена в официальный текст в конце Постановлений. 'И пусть все это будет сделано таким образом, чтобы служители не имели гражданской юрисдикции и пользовались только духовным мечом Слова Божьего, как предписывает им Святой Павел. И что эта консистория ни в коем случае не должна ущемлять авторитет сеньории или обычных судов; но что гражданская власть может оставаться в своей целостности. И если возникнет необходимость назначить какое-либо наказание и привлечь стороны к ответственности, то министры из консистории, выслушав стороны и сделав такие представления, какие будут уместны, должны доложить обо всем Совету, который по их заявлению рассмотрит их постановление и вынесет решение в соответствии с фактами".^[162]

Совет проявлял свое рвение даже в сущих мелочах. Не только один раз, но и каждый раз, когда встречается слово "*старейшина*", оно добавляло к нему или заменяло его словами "*назначенный или уполномоченный сеньорией*". И всякий раз, когда в отчете для обозначения

Совета используется слово "господа", официальная копия не преминет вставить вместо него *сеньорию*.

Если Кальвин принимал большое участие в Постановлениях, то, несомненно, Совет тоже принимал участие. Исправления, которые они внесли в работу Кальвина, тем более примечательны, что ни в одно другое время они не питали к нему большего уважения. Члены сеньории были его друзьями, и реформатор, уступивший их часто повторяемым просьбам, был бы естественен, если бы они проявили к нему некоторое почтение; но, напротив, в их поведении чувствовалась некоторая чопорность. Кальвин, по-видимому, испытывая некоторые опасения по поводу изменений, которые Совет мог внести в его схему, попросил совместно со своими коллегами ознакомиться с ними; но Совет решил, *что не проповедникам их пересматривать*,^[163] и что все это должно быть доставлено в тот же день Совету Двухсот.

Пределы ответственности Кальвина.

Согласно всем этим данным, ответственность Кальвина в церковном управлении Женевы не кажется столь большой, как предполагается; и то обстоятельство, что депутаты или выдвиженцы Совета составляли большинство в консистории, безусловно, важно. Многие изменения или дополнения были справедливыми. Особенно это касалось статьи, которая закрепляла за служителями только духовный меч. Кальвин, должно быть, принял ее с радостью. Но другие были реальными посягательствами гражданской власти. Вероятно, реформатору было больно видеть их, поскольку он хотел, чтобы высшим законом церкви было слово ее божественного главы. Он никогда бы не пошел на компромисс по доктрине; но, учитывая огромную работу, которую предстояло проделать в Женеве, он полагал — поскольку в противном случае он должен был отказаться от надежды завершить ее, — что ему следует пойти на уступки по некоторым вопросам управления. Он всегда осуждал 'лицемеров, которые, пренебрегая судом, милосердием и верой и даже понося закон, тем более строги в вопросах, которые не имеют большого значения'. *Проглатывая верблюда, он не напрягался из-за комара*. Опасности, связанные с вторжением государства в дела церкви, в его время не осознавались, и жертвы, которые он принес, были важнее, чем он себе представлял.

ГЛАВА XXIII.

ПРОПОВЕДЬ КАЛЬВИНА.

Таким образом, была проделана огромная работа; оставалось применить ее принципы на практике. Машина должна работать, должна приводить в действие духовные силы и производить движение по пути света. Как только Кальвин обосновался в Женеве, он возобновил исполнение обязанностей своего служения. По воскресеньям он совершал богослужение, а через неделю - ежедневную службу.^[164] Каждую неделю он посвящал три часа богословскому преподаванию; он посещал больных и делал частные обличения. Он принимал незнакомых людей; в четверг посетил консисторию и руководил ее обсуждениями; в пятницу присутствовал на конференции по Священному Писанию, названной *конгрегацией*; и после того, как действующий в тот день священник изложил свое мнение о каком-то отрывке из Священного Писания, а другие пасторы выступили со своими замечаниями, Кальвин добавил несколько замечаний, которые были своего рода лекцией. Он пожелал, как он впоследствии сказал, чтобы каждый служитель был прилежен в учебе и чтобы никто не впадал в лень. Неделя, в течение которой он не проповедовал, была заполнена другими обязанностями; а у него были

обязанности всякого рода. В частности, он уделял много внимания беженцам, которые стекались в Женеву, изгнанные преследованиями из Франции и Италии;^[165] он учил и увещевал их. Своими письмами он утешал "тех, кто все еще находился в пасти льва"; он ходатайствовал за них. В своем исследовании он пролил свет на священные писания с помощью замечательных комментариев и опроверг писания врагов Евангелия.

Главный офис Кэлвина.

Однако главной обязанностью Кальвина было то, что в своих Таинствах он возложил на служителя, а именно: *провозглашать Слово Божье для наставления, вразумления, увещевания и обличения*.^[166] Важно отметить, что он придает проповеди практический характер. Он чувствовал необходимость в этом настолько сильно, что закрепил это в основном законе церкви. Несмотря на все это, было сказано, что в его выступлениях мы находим главным образом "политическое красноречие, красноречие форума, агоры".^[167] К сожалению, лучшие умы верили в это только понаслышке. Против него выдвигались упреки другого рода. Предполагалось, что его проповеди не содержали ничего, кроме темных и бесплодных доктрин. Кэлвин, безусловно, вполне способен постоять за себя и не нуждается в помощи других. Его трудов достаточно, и если бы их читали так, как они того заслуживают, то, хотя его и нельзя было бы назвать красноречивым по нынешней моде, его неизменно сочли бы христианином; человеком, обладающим большим знанием мира, с сильным популярным элементом.

Однако необходимо дать в этом месте некоторый отчет о проповеди Кальвина. Вместе с Лютером он был самым важным действующим лицом эпохи Реформации; и нет в истории персонажа, которого понимали бы так неправильно, как его. Долг — прийти на помощь тому, на кого нападают, даже если самый слабый предлагает свою помощь сильнейшему. Кроме того, мы не берем на себя задачу специального ходатайства. Мы ограничимся тем, что представим читателю документальные свидетельства судебного процесса.

Сохранилось две или три тысячи проповедей Кальвина. Он не мог потратить недели на сочинение проповеди. Большую часть года он проповедовал каждый день, иногда дважды в день. Он не писал свои проповеди, а произносил их экспромтом. Автор, писавший от руки, записывал свои выступления во время их произнесения.^[168] Эти проповеди открыли сокровища Священного Писания и распространили их среди людей; и они были полны полезных применений.

Проповеди Кальвина.

Кальвин обычно выбирал какую-нибудь книгу Библии и произносил серию проповедей о божественных словах, содержащихся в ней. Они были опубликованы в больших *информационных журналах*. Появился один том, содержащий сто пятьдесят девять проповедей об Иове; другой, состоявший из двухсот проповедей о Второзаконии; в третьем было посвящено сто Посланиям к Тимофею и Титу. Существуют тома проповедей к Посланиям к Ефесянам, Коринфянам, Галатам и проч. Как можно подумать, что на основе этих священных книг Кальвин произносил речи на *форуме*? Мы видели из Постановлений, что он считал большим недостатком проповедника принятие *необычной манеры обращения со Священными Писаниями, которая дает повод для скандала; странную склонность предаваться праздным расспросам и т.д.* Хотя среди протестантов существует так много предрассудков по отношению к Кальвину, есть католики, которые отдали ему должное. Один из них, писатель, не совсем

дружелюбно настроенный по отношению к нему, признал, что, по мнению этого реформатора, 'первая и главная обязанность проповедника - всегда быть в согласии со Священным Писанием. Только при условии, что он верно и добросовестно излагает божественное слово, он имеет какое-либо право на послушание и доверие церкви. С того момента, как он перестает проповедовать чистое Евангелие, его право говорить утрачивается".^[169] Мне приятно фиксировать это справедливое суждение. Оно полностью согласуется с тем, что Кальвин сказал о себе с кафедры. 'Мы все должны, ' сказал он, ' изучать Священное Писание до конца; я имею в виду даже тех, кто назначен провозглашать Слово. Если мы поднимаемся за кафедру, то только при этом условии, что мы учимся, обучая других. Я говорю здесь не только для того, чтобы другие могли меня услышать; но и я, со своей стороны, должен быть учеником Бога, и слово, исходящее из моих уст, должно принести пользу мне самому; иначе горе мне! Самые совершенные в Писании - глупцы, если только они не признают, что нуждаются в Боге как в школьном учителе на все дни своей жизни".^[170] По мнению Кальвина, все, что не опиралось на Слово Божье, было тщетным и эфемерным хвастовством; и человек, который не опирался на Священное Писание, должен быть лишен своего почетного титула, *spoliandus est honoris sui titulo*. Это не было правилом, установленным для ораторов на агоре.

Кальвин обычно проповедовал в соборной церкви Святого Петра, которая была более приспособлена для проповедей. Послушать его собралось великое множество людей. Среди его слушателей были старые женевцы, но также постоянно увеличивалось число евангельских христиан, которые нашли убежище в Женеве из-за преследований и которые принадлежали, по большей части, к наиболее образованным слоям своей нации. Среди них были также некоторые католические священники и миряне, которые приехали в Женеву с намерением исповедовать там реформатские доктрины, и этим людям было очень необходимо преподавать учение о спасении. Но если в шестнадцатом веке люди приезжали издалека, чтобы послушать Кальвина, будут ли они готовы сегодня, не выходя из дома, познакомиться с некоторыми из тех речей, которые в тот период способствовали преобразованию общества и которые, как обычно указывается на титульном листе, "были дословно записаны из его уст, когда он публично проповедовал их"? Многие считают их самыми слабыми из его произведений, и вряд ли стоит даже заглядывать в них. Обычно утверждается, что то, что было напечатано в шестнадцатом веке, нечитаемо в девятнадцатом. Времена действительно изменились, но все еще есть читатели, которые, изучая эпоху, желают из первых рук ознакомиться со словами ее самых выдающихся людей. Наш долг - удовлетворить таких читателей.

Кальвин взошел на кафедру. Слова, которые он произносил, вместо того чтобы походить на те, которые звучали на политических собраниях Греции и Рима, несли скорее отпечаток нагорной проповеди, обращенной Иисусом Христом к своим ученикам, собравшимся вокруг него. Мы можем войти в церковь Святого Петра в любой день, когда захотим, и вскоре наше суждение по этим вопросам будет сформировано.

У Кэлвина есть слово о молодежи, которое все еще актуально для наших дней.

"Чем, - сказал он однажды, -должен ли молодой человек расчищать свой путь?
Прислушиваясь к этому согласно твоему слову. Если мы желаем, чтобы наша жизнь была чистой и незамысловатой, мы не должны каждый придумывать и строить то, что кажется хорошим самому себе; но Бог должен править нами, и мы должны повиноваться ему, идя тем путем, который он назначает для нас. И если в этом отрывке говорится о молодом человеке, мы

не должны предполагать, что это не относится и к старикам. Но мы знаем, каковы порывы молодости и как велика трудность сдерживать эти бурные чувства. Это как если бы Дэвид сказал— молодые сбиваются с пути, как звери, которых нельзя приручить; и у них такие пламенные страсти, что они срываются с места как раз в тот момент, когда кажется, что все в порядке. Но если бы они последовали этому совету следить за собой в соответствии со словом Божиим, то несомненно, что, хотя их страсти естественным образом прорываются сквозь сдержанность, мы должны были бы видеть в них скромность и тихое и кроткое поведение. Давайте не будем откладывать воспоминание о Боге до тех пор, пока не доживем до безумной старости, пока не будем сломлены и изношены телом".^[171]

В тот же день Кэлвин обратился к тем, кто любил деньги, и указал путь к обретению истинного счастья. "*Я возрадовался, - говорит Давид, - свидетельствам Твоим, как и всякому богатству.* Что мы должны сделать, чтобы вкусить эту радость?" "Невозможно, - говорит Кальвин, ' чтобы мы познали сладость слова Божьего или чтобы учение о спасении было приятным для нас, если мы сначала не отсечем все те похоти и греховные привязанности, которые слишком сильно преобладают в наших сердцах. Это точно так же, как если бы мы ожидали, что пшеница вырастет на поле, полном шиповника и сорняков, или что виноградная лоза расцветет на камнях, где нет влаги. Ибо какова природа человека? Это почва настолько бесплодная, что больше ничего нет; и все его привязанности - это шипы и сорняки, которые могут только заглушить и уничтожить все доброе семя Божье".^[172]

Проповедь для мирян.

В другой раз Кальвин обратился к друзьям мира; и процитировав эти слова Давида: "*Я пришелец на земле, не скрывай от меня заповедей твоих*", он добавил: "Есть некоторые, кто в воображении строит свое постоянное гнездо в этом мире, кто ожидает, что здесь у них будет Рай, и не испытывает недостатка в заповедях Божьих для своего спасения. Они довольны, если у них есть мясо и питье, если они способны удовлетворять свои аппетиты, получать удовольствия и изыски, быть почитаемыми и пользующимися уважением. Это все, о чем они просят, и они не поднимаются выше этой бренной и разлагающейся жизни. Предположим, что человек предался алчности, нечистоте, пьянству или честолобию, и хотя он никогда не услышит ни слова проповеди, хотя с ним никогда не заговорят о христианстве или вечной жизни, несмотря на все это, он был бы вполне доволен. Таким людям действительно неприятно говорить о мрачных вещах, говорить с ними о Боге. Они хотели бы никогда не слышать упоминания его имени и не получать никаких известий о нем. Но что касается Дэвида, то он как будто сказал: "Если бы я заботился только о настоящей жизни, было бы лучше, если бы я не родился или был сто раз уничтожен". И почему? Потому что мы просто проходим через этот мир и находимся на пути к бессмертной жизни".^[173]

Впоследствии он обращается к другому классу персонажей; он обращает свое внимание на тех, у кого бывают лишь внезапные и преходящие приступы набожности и кто обращается к Богу лишь урывками. "У нас не должно быть приступов (*начесов*), как у многих людей, для прославления Бога; и с которым, пошевели только пальцем, все наоборот. Возможно, сегодня найдутся люди, которые будут притворяться, что они очень набожны. Какая прекрасная проповедь! скажут они. Какое замечательное учение? А завтра что с ними будет? Несмотря на все это, они будут продолжать насмехаться над Богом и высказывать насмешки против его Слова; или, если Бог пошлет им несчастье, тогда они будут раздражены на него. Верно, что

нынешняя жизнь подвержена многим превратностям; сегодня у нас может быть какая-то печаль; завтра мы можем быть спокойны; впоследствии на нас может обрушиться какая-то внезапная беда; и тогда мы снова выздоравливаем. Но, несмотря на эту череду перемен, люди не должны склоняться перед каждым ветром; но, преодолевая морские волны, они должны быть сильны в той праведности и прямоте, которые есть слово Божье".^[174] ...

Кальвин был поражен той исключительной любовью к себе, которая существует в человеке. Он верил, как сказал Паскаль, человек, интеллект которого во многих отношениях напоминал его собственный, что "с тех пор, как произошел грех, человек потерял первую из своих привязанностей, любовь к Богу; и поскольку любовь к себе осталась одна в этой великой душе, способной к бесконечной любви, эта любовь к себе расширилась и переполнила пустоту, оставленную любовью к Богу; и таким образом, он любил только себя и все вещи для себя, то есть бесконечно". Кальвин энергично требует от человека любви к Богу. "Если человек, - говорит он, - настолько чувствителен, что стремится отомстить за себя в тот момент, когда его ранят, и все же совершенно не беспокоится, когда оскорбляют Бога и попирают его закон, разве это не показывает ясно, что он совершенно плотский, да, более того, что он жестокий (*арендатор грубости*)? Это общая черта мужчин: если с ними будет сделано что-то плохое, они будут переживать из-за этого до конца. Если задета честь человека, он немедленно впадает в ярость и не заботится ни о чем, кроме как выступить против обидчика. Если человека ограбят, его гнев будет неутолим. Он беспокоится о своем кошельке, своих лугах, своем имуществе, своих домах, что бы это ни было, и он будет чувствовать, что с ним поступили несправедливо. Но человек, у которого хорошо отрегулированы чувства, будет беспокоиться не столько о своей собственной чести или собственности, сколько о справедливости Божьей, когда это будет нарушено. На нас должны влиять проступки, совершенные против Бога, а не то, что касается только нас самих. Очень немногих вообще волнуют эти проступки. И если найдутся такие, кто скажет: "Меня огорчает, что люди таким образом грешат против Бога", и которые, тем не менее, позволяют себе творить столько же зла или даже больше, чем другие, они ясно показывают, что они просто лицемеры. Они скорее преследуют людей, чем ненавидят порок, и доказывают, что то, что они говорят, всего лишь притворство".^[175]

Кальвин в трактовке других предметов предстает полным изящества и простоты. Окруженный жестокими врагами, он испытывал живое сочувствие к Давиду, когда в своих Псалмах тот произносит этот крик боли: 'Господи, как умножились враги мои!' Кальвин также знал, что значит быть ненавидимым разъяренными врагами.

Блуждающая овца.

Он рисует трогательную картину ужаса. Это изящная притча. "*Я заблудился, как заблудшая овца; спаси раба твоего!* Давид, ' говорит он, - был так напуган своими врагами, потому что подвергался таким великим и жестоким гонениям. Он был среди них, как бедный загнанный ягненок, который, увидев волка, убегает в горы, чтобы спрятаться. Вот бедный ягненок вырвался из пасти волка и был так напуган, что, если он подойдет к колодцу, то скорее бросится в него с головой, чем продолжит свой путь, потому что не знает, что делать и что с ним будет. И вот Давид, ужаснувшись, воскликнул: "Господи, спаси раба твоего!" таким образом, указывая на то, что он полностью полагался на Божью защиту, и это то, что мы должны делать".^[176]

Эти фрагменты взяты из проповедей по Ветхому Завету; стоит послушать Кальвина и по Новому. Люди предполагают, что он выдвигал мрачные доктрины, которые отдаляли человека от

спасения, вместо того чтобы вести его к нему, и что он заботился только о предопределении. Это мнение одновременно настолько широко распространено и настолько не соответствует действительности, что установление истины является неременной обязанностью историка в данном месте. Давайте послушаем его в Первом послании к Тимофею, ii., 3, 4, 5. Кальвин заявляет, что воля Божья в том, чтобы все люди были спасены.

‘Евангелие, - говорит он, - предлагается всем, и это средство привлечь нас к спасению. Тем не менее, всем ли оно приносит пользу? Конечно, нет, как мы видим с первого взгляда. Когда однажды Божья истина доходит до наших ушей, если мы восстаем против нее, это для нас еще большее осуждение. Следовательно, Бог должен идти дальше, чтобы привести нас к спасению, и должен не только назначать и посылать людей верно учить нас, но и сам должен быть хозяином в наших сердцах, *должен задевать нас за живое и привлекать к себе*. Затем, приспособляясь к нашей слабости, он шепчет нам свое Слово, точно так же, как няня говорит с маленькими детьми. Если бы Бог говорил в соответствии со своим величием, его язык был бы слишком высоким и слишком трудным; мы были бы сбиты с толку, и все наши чувства были бы ослеплены. Ибо, если наши глаза не могут вынести яркости солнца, возможно ли, спрашиваю я вас, чтобы наш разум постиг божественное величие? Мы говорим то, что видит каждый: *такова Божья воля, чтобы мы все были спасены*, когда он повелевает проповедовать его Евангелие. Врата Рая открыты для нас; когда мы приглашены таким образом и когда Он призывает нас к покаянию, Он готов принять нас, как только мы придем к нему”.

Кальвин идет дальше и упрекает тех, кто своим пренебрежением устанавливает пределы Божьему владычеству.

‘Благодать Божья изливается не только в Иудее и в каком-то уголке страны, ‘ говорит он, ’ но повсюду по всей земле. Воля Божья в том, чтобы эта благодать была известна всему миру. Поэтому мы должны, насколько это в наших силах, искать спасения тех, кто сегодня чужд веры, и стараться привести их к благодати Божьей. Почему так? Потому что Иисус Христос не Спаситель трех или четырех, но предлагает себя всем. В то время, когда он привлек нас к себе, разве мы не были врагами? Почему мы теперь его дети? Это потому, что Он собрал нас к себе. Итак, разве он не такой же истинный Спаситель всего мира? Иисус Христос пришел не для того, чтобы быть посредником между двумя или тремя людьми, но *между Богом и людьми*; не для того, чтобы примирить небольшое количество людей с Богом, но для того, чтобы распространить свою благодать на весь мир. Поскольку Иисус приглашает всех нас к Себе, поскольку он готов предоставить нам любящий доступ к Своему Отцу, разве не наш долг протянуть руку тем, кто не знает, что такое этот союз, чтобы мы могли побудить их приблизиться? Бог в лице Иисуса Христа как бы простирает свои руки, чтобы приветствовать к себе тех, кто, казалось, был отделен от него. Мы должны позаботиться о том, чтобы они не вернулись в стадо не по нашей вине. Те, кто не прилагает никаких усилий, чтобы вернуть своего ближнего на путь спасения, умаляют могущество Божьей империи, насколько это в их силах, и готовы установить ее пределы, чтобы он не мог быть Господином над всем миром. Они затемняют добродетель страстей и смерти Иисуса Христа и умаляют достоинство, которое было даровано ему Богом, его Отцом; а именно, *что сегодня ради него открыты врата небесные*, и что Бог будет благосклонен к нам, когда мы придем искать его”.

Но Кальвин спрашивает, как нам привести душу к Богу и как нам самим прийти к нему?

‘Мы всего лишь земные черви, и все же мы должны покинуть этот мир и подняться за пределы небес. Итак, это невозможно до тех пор, пока не явится Иисус Христос, пока он не протянет свою руку и не пообещает дать нам доступ к престолу Божьему, который сам по себе не может не быть для нас ужасным, но теперь милостив к нам в лице нашего Господа. Если, когда мы предстаем перед Богом, мы созерцаем толькокое высокое и непостижимое величие, каждый из нас должен отступить назад и даже пожелать, чтобы горы накрыли и сокрушили нас. Но когда наш Господь Иисус выходит вперед и делает себя нашим посредником, тогда нас нечего пугать, мы можем прийти, больше не понутив головы, мы можем воззвать к Богу как к нашему Отцу, таким образом, что мы можем прийти к нему тайно и излить все наши печали, чтобы получить утешение. Но Иисусу Христу должна быть воздана такая слава, чтобы ангелы и другие достоинства могли быть отнесены к их собственному рангу, и чтобы Иисус Христос мог являться выше всех и во всем иметь превосходство. Это достоинство всегда должно быть сохранено за ним, поскольку он пролил свою кровь за нас и примирил нас с Богом, исполнив все наши долги.

‘Во все века мир обманывал себя мелочами и мусором как средством умиловления Бога, точно так же, как мы могли бы попытаться усмирить гнев маленького ребенка игрушками. Христос должен обязательно посвятить себя, ценой своих страстей и смерти, чтобы примирить нас (*того, кто назначает нас*) со своим Богом Отцом, чтобы наши грехи больше не были вменены нам в вину. Мы не можем снискать благосклонности в очах Бога церемониями или шествием; но *Христос отдал себя в качестве выкупа за нас*. У нас есть кровь Иисуса Христа и жертва, которую он принес за нас - свое собственное тело и свою собственную жизнь. В этом заключается наша уверенность, и благодаря этому мы прощены”.

Предопределение.

Итак, вот что говорит Кальвин— ‘Врата рая открыты для нас; Господь желает принять нас’. Что? некоторые скажут, отказывается ли он от учения об избрании Бога и о необходимости действия Святого Духа для возрождения человека? Конечно, нет. Кальвин полностью верил в значение этого изречения Спасителя: “Не вы избрали меня, *я избрал вас*”. Люди, наделенные тонким интеллектом, которые в то же время не придерживались христианской веры, признавали, что существует Божье избрание не только в сфере благодати, но и в сфере творения. Один из них сказал: “Жизнь детей, которые так сильно *отличаются друг от друга, хотя они происходят из одного и того же рода* и проходят одинаковый курс воспитания, хорошо приспособлена для утверждения последователей Августина в их доктрине. Не хватает умов, которые обижаются каждый раз, когда слышат, как доктрина благодати излагается без всякой маскировки. Размышляли ли когда-нибудь те же самые умы о той странной фатальности, которая накладывает на нас отчетливый и глубокий отпечаток с самого нашего рождения и младенчества? Если эти умы религиозны, к какой доктрине они будут прибегать (для объяснения этого), которая не сводится к доктрине благодати?”

Кальвинизм - Это своего рода безумие.

Кальвин сказал христианам, в соответствии со Священным Писанием, что именно Бог ищет их и спасает их; и что это благоволение Божье должно заставить их радоваться, *избавить их от страхов посреди стольких опасностей и сделать их непобедимыми посреди стольких ловушек и смертельных нападений*. Но он проводит различие. Есть скрытые вещи Бога, которые являются тайной, и о них он говорит: “Те, кто входит в вечный совет Бога, *бросают себя в смертельную пропасть*”. Кроме того, есть вещи, которые известны, которые видны в

человеке и которые очевидны. "Давайте размышлять о причине осуждения человека в его порочной природе, в которой она проявляется, вместо того, чтобы искать ее в предопределении Божьем, в котором она скрыта *исовременно непостижима*".^[179] Он даже сердит на тех, кто хочет знать 'вещи, которые знать не законно и невозможно (предопределение). *Незнание*, - говорит он, *-этих вещей* - это *познание*, но *стремление познать их* - *своего рода безумие*.^[180] Странный факт, что то, что Кальвин с негодованием называет безумием, впоследствии должно быть названо *кальвинизмом*. Реформатор противопоставляет себя этой жажде как бушующему безумию, и все же именно в этом безумии его обвиняют.

В Кальвине есть богослов, иногда даже философ, хотя прежде всего это христианин. Он желает, чтобы им было предложено все, что может принести людям пользу. 'Но что касается этого спора о предопределении,' говорит он, 'то из-за любознательности людей он становится запутанным и даже опасным. Они входят в святилище божественной мудрости, в которое, если кто-либо сунется со слишком большой дерзостью, он попадет в лабиринт, из которого не найдет выхода и в котором для него нет ничего, кроме как очертя голову броситься навстречу гибели'.^[181] Мы не уверены, что Кальвин не позволил себе зайти слишком далеко в лабиринт. Но мы видели глубокую убежденность, с которой он заявляет, что *врата небес открыты, что воля Божья такова, чтобы его благодать была известна всему миру*. Этого достаточно.

Однако Кальвин не скрывал от самого себя того факта, что служитель Слова Божьего должен быть готов ко многим противоречиям и борьбе. Так, в его проповеди о долге проповедника служителю сказано— 'Твой долг - заблаговременно подготовить свою руку, чтобы никакая напасть не одолела тебя. Ты не должен ни отступать, ни бежать перед врагом (*que tu placques làtout*), но прими к сведению, что отныне тебе придется сражаться'.^[182]

Таков был Кальвин как проповедник. Он указывает на зло, таящееся в сердце человека, но еще громче провозглашает любовь и силу Того, кто исцеляет его. Он заставляет человека почувствовать, что он бессилен, но он вдыхает в его душу силу Божью. Он низвергает, но и возвышает; и если он смиряется, то еще более серьезно побуждает людей бежать прямо к цели, умоляя их не сбиваться с пути, но 'избавиться от всех отвлекающих факторов'. Вперед! вперед! он кричит празднующимся и показывает им способы продвижения.

Кальвин не политик.

Кальвин, конечно, не был узколобым; и хотя он прежде всего был членом царства Божьего, он не считал своим долгом не интересоваться заботами народов и королей. Он никогда не забывал своих преследуемых единоверцев; и если для их освобождения было необходимо обратиться к сильным мира сего, к князьям земли, он так и делал. Следует ли его обвинять в том, что он сыграл в этом роль политика? Разве не было бы печальным пятном на столь прекрасной жизни забыть своих соотечественников, брошенных в тюрьмы или отправленных на галеры? Но Кальвин, добравшись до скалы, на которой буря не могла причинить ему вреда, не переставал обращать свое внимание на тех из своих братьев, которые все еще были заброшены бурей и почти поглощены бездной. Он молился; он громко взывал; он призывал власть имущих остановить меч, обнаженный против праведников; точно так же в критических ситуациях он мог с кафедры призывать к молитве и смирению, напоминать о мучениках прошлого, заявлять, что

гонителям придется дать отчет, показывать, что вера в живого Бога - это неприступная крепость; убеждать тех, кто, приехав издалека, укрылся в Женеве, вести себя свято и умолять всех христиан, особенно слабых, не делать достойных порицания уступок. , но оставаться непоколебимым в чистоте веры. Что во всем этом несовместимого с евангельским служением? Что во всем этом такого, что даже не является обязательным и что не могло не быть одобрено Богом? Нет, Кальвин не был ни Драконом, ни Ликургом, ни политическим оратором, ни государственным деятелем. Его кафедра не была трибуной для разглагольствований; его работа не была работой тайного главы протестантизма. Прежде всего, он был евангелистом, служителем живого Бога. Далекий от того, чтобы обращаться к людям в целом, он обращался к отдельному человеку и производил на него более глубокое и неизгладимое впечатление, чем современные проповедники своими туманными речами.

ГЛАВА XXIV.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛЬВИНА.

(Февраль 1542 г.)

Настроение в Женеве.

У Кальвина слова и дела шли рука об руку. Если он принимал участие во внешних делах, мы понимаем, что он делал это среди своей паствы. Он был проповедником и пастором, хотя в основном известен как учитель и реформатор. Без Кальвина, без институтов, покровителем которых он был, евангелическая реформация, религиозная и нравственная, не была бы осуществлена в Женеве. Мы можем также добавить, что национальная независимость и политические свободы не были бы сохранены в этом городе. Старое женевское население не смогло бы этого сделать. Несомненно, среди этого маленького народа были люди, проявившие огромную энергию в отражении честолюбивых попыток герцогов Савойских, в отнятии у епископов светских привилегий, которые они узурпировали, в восстановлении гражданских свобод и в присоединении Женевы к швейцарским кантонам. Все эти меры были необходимы для Реформации, для которой был необходим свободный народ. Мы уже рассказывали об их достижениях; и нас упрекали, как нам кажется, несправедливо, в том, что мы сделали это слишком подробно. Но в то время, когда Кальвин появился в городе первых гугенотов, мораль была далека от безупречности; религия, едва отделенная от форм и заблуждений Рима, не была для большинства ни личной, ни евангелической, глубоко укоренившейся, чистой, жизненной или деятельной; и сама цивилизация вряд ли находилась там на более высоком уровне, чем в других странах. Герои независимости сами нуждались в том, чтобы их просветил свет Евангелия и преобразил его огонь. Их первое образование было неполным, и его необходимо было начинать заново. Их общение со всем, что их окружало, оказывало на них влияние, которое нуждалось в уравнивании. Поскольку великим преимуществом Реформации было, по их мнению, их освобождение от притязаний священников и князей, им было необходимо научиться распознавать в Евангелии весть о более высоком порядке, о духовном освобождении, которое избавило бы их от греха и дало бы им свободу детей Божьих. Они воспользовались реформацией как политическим инструментом; теперь они должны научиться обращаться к ней как к религиозному, моральному и божественному инструменту, способному сделать их гражданами другого, более славного города. Многие так и поступили. Возвращение Кальвина было делом рук не только партии. Как у самых влиятельных людей, так и в умах людей в целом существовало глубокое убеждение, что Кальвин был тем человеком, которого они хотели.

Поэтому население Женевы было склонно принять институты, которые он им предлагал. Но, тем не менее, существовали некоторые тайные разногласия, которые когда-нибудь должны были вырваться наружу и стать для Кальвина и для консистории поводом для частых и упорных конфликтов.

Президентство в консистории принадлежало не Кальвину, а одному из синдигов. Реформатор знал, как сохранить за собой место, и оказывал должное почтение магистрату-мирянину. Однако, хотя он и не был президентом этого органа, можно с уверенностью сказать, что он был его душой.^[183] Консистория собралась сразу после своего учреждения. Отчет о ее заседаниях был опубликован только в четверг, 16 февраля 1542 г.; но до этого было проведено девять заседаний.

Кальвин не был теократом, как его называли, если только этот термин не понимать в самом духовном смысле. Дыхание вечной жизни вдохновляло его; он был полон любви к душам; практичный человек в лучшем смысле этого слова. Многие черты святого Павла вновь проявились в Кальвине. Хотя, подобно Павлу, он усердно отстаивал великое учение о благодати, он проявлял интерес к удобствам жизни тех, кому была адресована его проповедь, и иногда обращался к самым скромным деталям. Он был хорошо информирован даже по вопросам, которые, по-видимому, не входили в его компетенцию. Например, он навел справки о доме для своего друга Де Фалэ и предложил ему дом с 'садом, большим двором и прекрасным видом'.^[184] Но именно в консистории он проявлял такой же интерес к малому, как и к великому. Разговор, одежда, еда - все было ему интересно. Он защищал женщин от плохого обращения со стороны их мужей; он учил родителей и детей, хозяев и слуг их взаимным обязанностям; и следил за тем, чтобы к больным относились со всем необходимым вниманием. На первом заседании консистории (16 февраля 1542 г.) Де Перно из округа Жекс, имевший вид тех бездельников (фланеров), которые встречаются во всех партиях, рассказал достопочтенному собранию, что он был на горе Салев с Клодин де Булоз и некоторыми товарищами. Женевцы еще до этого времени начали получать удовольствие от увеселительных экскурсий по этой горе. Возможно, для Де Перно эта экскурсия была одним из тех увеселительных мероприятий, с которыми связана некая тайна. Он гулял с женевской девушкой; они болтали и смеялись, спускаясь с горы, и, как говорит Расин:

Ils suivaient du plaisir la pente trop aisée.

Теперь, посреди этого веселья и этих довольно пустяковых речей, как сказал Перно в консистории, пошли разговоры о браке. Более того, добавил он, когда они прибыли в Колонж-су-Салев, Клодин выпила с ним 'за их свадьбу в присутствии заслуживающих доверия свидетелей'. Но Клодин все отрицала. Она призналась, что пила, но ни на что другое не соглашалась, потому что у нее не было разрешения родителей. Таким образом, спор об обещании, данном на горе и в гостинице, был одной из тем, на которые серьезный Кальвин должен был обратить свое внимание. Были и другие вопросы, более важные. Домашние разногласия, стычки, дуэли, азартные игры, прежде всего распущенное поведение, часто рассматривались в консистории; но число таких случаев постепенно уменьшалось.^[185]

Вопросы, рассматриваемые Консисторией.

Кроме того, консистория имела много общего с римским католицизмом, который слишком долго существовал в епископальном городе, чтобы быть изгнанным из него одним махом.

Враждебность к Риму в то время была всеобщей. Она преобладала среди министров и их друзей из-за их привязанности к Священному Писанию, которое осуждало систему папства. Она преобладала у других граждан по причине владевшего ими убеждения, что только протестантизм может сохранить их независимость. Это повлияло на французских беженцев, которые, сбежав из тюрьмы и избежав смерти, которой все еще подвергались их собратья, почувствовали, как их сердца наполнились негодованием при виде римского католицизма, источника этих отвратительных преследований. Кроме того, многие люди предстали перед консисторией по подозрению в принадлежности к католической церкви. Эти люди не отличались особой храбростью; в своей собственной церкви они были подчинены режиму страха; а душа, ведомая страхом, всегда слабее. [Допрос Жанны Петерман.] 30 марта 1542 года дама Жанна Петерман предстала перед консисторией. Она не желала отречься от своей веры, но старалась исповедовать ее как можно более сдержанно и даже прибегла к стратегии, чтобы избежать признания в том, во что она верила. Она сплела хорошо запутанный клубок и попыталась таким образом запутать членов консистории. Они хотели прояснить этот вопрос, а она пыталась его затемнить. 'Ты не приняла святой вечери, - сказали они ей, - и ты ходишь к мессе; какова твоя вера?' 'Я верю в Бога,' сказала она, 'и хочу жить в Боге и святой церкви. Я говорю "Мой Святой отец" на римском языке, и я верю так же, как верит церковь'. 'Что ты хочешь этим сказать?' 'В это я верю только так, как верит церковь'. 'Разве в этом городе нет церкви?' 'Я не знаю'. 'Разве таинства Господа Нашего не совершаются здесь?' 'Я верю в святую вечерю, как сказал Бог, *Это мое тело*.' 'Почему ты не доволен ужином, устроенным в этом городе, но идешь в другое место?' 'Я хожу, куда мне заблагорассудится; наш Господь не придет сюда в полном составе, но где его слово, там и его тело. Он сказал, что придут хищные волки.' После того, как Кальвин дал ей наставление в соответствии со Словом Божьим, она сказала, что в предыдущее воскресенье немец, очень уважаемый человек, спросил ее, как она молится, и что она ответила: 'Вы не найдете здесь людей, говорящих Деве Марии: помолись за нас'. В этот раз она не добавила, что сама призывала ее. Поскольку она часто говорила: 'Я верю в Бога', что могли бы сказать сами деисты, ее спросили: 'В чем же тогда заключается ваша вера в Бога?' Она ответила: "Проповедники должны знать о Боге лучше, чем я. Я не такой образованный человек, как вы. Для меня нет другого Бога, кроме Бога'. Ее прижали еще теснее. 'Каким образом вы примете святую вечерю?' 'Я не хочу быть ни идолопоклонником, ни лицемером. Дева Мария - мой защитник. Дева Мария - друг Бога, дочь и мать Иисуса Христа. Я не знаю о церкви. Под этим она, несомненно, имела в виду, что не будет вступать в полемику по этому вопросу. 'Я не знаю,' добавила она, 'правильна ли вера других. *Пресвятая богородица - добрая женщина, и я хочу жить в вере святой церкви*. Таким образом, бедная женщина едва продвинулась дальше, чем *Богородица и церковь*. Это был долгий путь. Похоже, что на нее давил президент-синдик, а не Кальвин, поскольку в конце она сказала: 'Лорд синдик - еретик, и я не хочу быть им'. Пасторы сказали ей: 'Есть только один посредник, Иисус Христос; что касается святых, мужчин или женщин, пусть люди поступают, как им заблагорассудится'. Консистория потребовала, чтобы бедная женщина была исправлена *веvangельской* манере, чтобы она не могла ходить в другие места поклоняться идолам; "это должно быть сделано, и чтобы она ежедневно ходила на проповедь'. Снова, появившись перед ними в следующий четверг, она говорила более решительно. 'Я не могу принять ужин, - сказала она. - Я принимала его и буду принимать в другом месте, пока Господь не коснется моего сердца'. После этого было объявлено, что она *отлучена от церкви*. "В мое время, - сказала она, - евреев изгнали из этого города, и придет время, когда евреи будут повсюду в городе". Если предсказание не сбылось в

отношении евреев, то тех, кто придерживается веры этой женщины, сейчас там очень много; и, возможно, в глубине души именно это она и хотела предсказать.^[186]

Вопросы того же рода, что мы только что указали, и другие, такие как экстравагантность в одежде, распущенные или нерелигиозные песни, непристойности во время богослужения, ростовщичество, посещение таверн и игорных домов,^[187] пьянство, разврат и другие подобные правонарушения часто рассматривались в консистории. Это не имело никакого отношения, или только косвенно, к политическим событиям, или даже к мерам по подавлению либертинской партии, поскольку это было осуществлено судебными методами, и консистория не была призвана принимать во внимание подобные вопросы. Там нет ни слова о судебном процессе над Серветом в 1543 году; консистория не имела к этому никакого отношения. Единственное упоминание об этом, которое мы находим, встречается только через месяц после этого отвратительного акта, 23 ноября 1543 года. В тот день женщина, обвиненная в посещении определенного дома, ответила, что была там всего дважды, на следующий день после ужина, "и в тот день, когда был сожжен еретик". Имя Сервета даже не упоминается. В этом обстоятельстве, возможно, есть намек для тех, кто считает Кальвина главным виновником смерти несчастного Сервета. Несомненно, он был достоин порицания, и весь его век вместе с ним.^[188]

Беспристрастность.

Если консистория строго боролась с безнравственностью и распущенностью, ее деятельность была не менее заметной в благотворительном направлении и благоприятствовала общественным свободам.^[189] Он не забывал, что обязан защищать угнетенных малышей и всех тех, кто попал в какую-либо беду. Кальвин вспомнил высказывание Иисуса Христа о тех из его народа, кто унижен, и сказал: 'Если их ничтожество дает повод миру обрушиться на них, они должны знать, что Бог не презирает их. Для смертного было бы слишком абсурдно не принимать во внимание тех, кто так дорог в очах Бога'.^[190] Консистория использовала свое влияние на совет в интересах реформ, которые были на благо народа. Она потребовала снижения цен на пшеницу, улучшения тюремной дисциплины и ограничения срока тюремного заключения за долги. В нем осуждались отцы, которые были слишком суровы со своими детьми, и кредиторы, которые были слишком требовательны к своим должникам. Он был суров по отношению к тем, кто владел монополией, и к тем, кто препятствовал поставкам продовольствия. Он призвал к умеренности в цитировании, сделанном в консистории, и пожелал, чтобы они ограничивались скандальными случаями. В разные периоды было слышно, как люди, даже из самого скромного сословия, поднимали свой голос против Кальвина и его консистории, не подозревая, что они оскорбляют своих собственных друзей и благодетелей. Разве пресечение пьянства, безнравственности, игорных домов, ссор и других зол подобного рода не было благом, и очень большим благом для народа? Тот, кто наиболее точным и беспристрастным образом описал работу консистории, сказал: "На самом деле, мы не должны ожидать абсолютной беспристрастности или избытка добродушия перед лицом сопротивления, оказанного консистории; тем не менее, факты говорят сами за себя, и все они в пользу реформаторов".^[191]

Осуществление плана, составленного Кальвином, - морального и религиозного восстановления Женевы - потребовало от него огромных усилий и подвергло его сильному противодействию, множеству оскорблений и презрительных речей, которые были брошены ему в зубы. Он переносил все это, не лелея обиды. Этот человек, чье имя было известно всему христианскому миру, лидер, который мог справиться с Римом, великий учитель, письма которого короли

принимали с почтением, когда жена-рыбачка в присутствии его коллег называла его "завсегдатаем таверны", воспринял это с завидным терпением. К преступлениям, совершенным против личности пасторов, консистория относилась с большей снисходительностью, чем к противодействию евангельской доктрине, обращению к дьяволу или к Деве Марии и святым. Кальвин, признавая, что внешний вид имеет свое значение в политике мира, но считая, что его не следует принимать во внимание в духовном царстве Христа, придерживался истинного баланса между работающим человеком и членом самых почтенных семей. Сыновья последнего не раз получали выговоры и наказания, даже несмотря на то, что отец был дружелюбен к реформации. Отсюда часто возникали проблемы, хотя отцы продолжали оставаться верными установленному порядку. Посреди этих волнений Кальвин оставался спокойным. Он писал Миконию: "Когда я прибыл сюда, в моей власти было одержать победу над моими врагами и на всех парусах атаковать партию, которая причинила мне зло; но я воздержался. Я также самым тщательным образом избегал всякого рода упреков, чтобы, произнеся слово, каким бы невинным оно ни было, не показалось, что я намереваюсь преследовать того или другого".^[192]

Знания, которые он приобрел во время своего первого пребывания в Женеве, и размышления, занимавшие его ум в течение трех лет изгнания, оказались полезными для реформатора; его мудрость и кротость были подкреплены опытом.

Кальвин и Вирет решили приложить все усилия для установления мира; 'ибо, - сказал первый, - необходимо не только воздерживаться от дебатов, но и приложить все усилия, чтобы положить конец разногласиям между другими, устранив все поводы для ненависти и озлобления'. Он был хорошо знаком с состоянием умов людей в Женеве, а также с чувствами своих коллег.^[193] "Некоторые из них, - писал он Микониусу, 'мне не друзья, а другие открыто враждебны; но я прилагаю все возможные усилия, чтобы не допустить распространения духа раздора среди нас. У нас в городе есть семя внутреннего раздора, но мы стремимся своим терпением и мягкостью^[194] предотвратить страдания церкви от этого. Каждый знает по опыту гуманный и дружелюбный нрав Вирета.^[195] Я не более суров, чем он, по крайней мере, в этом отношении. Возможно, вы с трудом в это поверите, но, несмотря ни на что, это правда. Я так высоко ценю всеобщий мир и сердечный союз, что совершаю насилие над собой, так что даже те, кто настроен против нас, обязаны воздавать мне эту хвалу. Это настолько хорошо известно, что день за днем мужчины, которые раньше были моими заклятыми врагами, становятся моими друзьями. Я умиротворяю других своей вежливостью и в какой-то мере преуспеваю, хотя и не во всех случаях".

Противники Кальвина в его время были не единственными, кто отдавал ему должное; то же самое делали и те, с кем он сталкивался в более поздние времена. 'Это доброе и примирительное поведение Кальвина после его возвращения, 'сказал один из них, - является одной из самых прекрасных страниц его истории'. Невозможно не оценить это свидетельство; но справедливо ли добавить, что оно было бы более похвальным, если бы Кальвин меньше осознавал это, и что то, что он писал своим друзьям по этому поводу, часто оставляет в сознании читателя неприятное впечатление?^[196] Прежде всего, мы должны отметить, что, приписывая себе терпение и мягкость, Кальвин говорит не только о себе. Он говорит "мы", что включает, по крайней мере, Вирета.^[197] Далее, мы должны отметить, что он был обязан дать точный отчет о положении вещей друзьям, которые сделали все, чтобы способствовать его возвращению в Женеву. И, наконец, если Кальвин должен быть осужден за это сообщение, нам

придется также осудить (чего никто не сделает) христиан более совершенных, чем он был; святого Павла, например, который сказал: "Будьте последователями Меня, как и я Христа".

Нежность и Сила.

В Кальвине мягкость сочеталась с силой. Он понимал трудности своей задачи и посвятил себя ей с большой серьезностью и неутомимым рвением. Теперь ему предстояло привести в движение колесницу, на постройку которой он потратил столько усилий. Он должен был научить каждого человека его долгу, восстановить общественное богослужение, заботиться о молодежи, бедных и больных, выполнять работу миротворца, утешителя и реформатора. Именно к нему обращались по любому поводу, иногда даже в государственных делах. По его словам, у него не было и двух часов подряд, чтобы его не прерывали. 'Вы не можете поверить,' писал он Буцери, 'в какой суматохе я пишу вам. В этом месте я запутался в таком множестве дел, что почти не в себе.' И Микониусу он сказал: 'В течение первого месяца моего служения я был так перегружен болезненными и изнурительными трудами, что был почти измучен. Насколько трудна и изнурительна задача восстановления рухнувшего здания!'^[198]

Новые министры.

Следовательно, Кальвин почувствовал потребность в помощниках, которые искренне сотрудничали бы с ним. Он попытался удержать Вире в Женеве. "С Виретом, - сказал он, - я могу сносить это бремя; но если его у меня отнимут, я окажусь в более плачевном положении, чем могу выразить словами".^[199] Вире, однако, был вынужден возобновить свои обязанности в Лозанне в июле 1542 года. *Постановления* предусматривали, что в Женеве должно быть пять министров и три помощника, причем последние также должны быть министрами. Теперь, по прибытии, Кальвин застал, помимо Вире и Бернара, Анри де ле Маре и Эме Шамперо, последнего избранного в 1540 году. Но эти министры были 'скорее препятствием, чем помощью'. Он находил их слишком грубыми, самодовольными, лишенными рвения и еще меньшими знаниями, и, кроме того, недоброжелательными по отношению к нему самому. 'Я терплю их,' добавляет он. 'я отношусь к ним с добротой. Я мог бы уволить их сразу по прибытии, но предпочел действовать сдержанно'. И здесь мы снова обнаруживаем, что Кальвин неуклонно придерживается линии поведения, которая делает ему честь. В том же 1542 году для женевской церкви были назначены четыре новых пастора: Пьер Бланше, показавший себя способным преподавать; Матиас де Женестон, успешно прочитавший свою первую проповедь. "Четвертая проповедь, - писал Кальвин Вирету, 'превзошла все мои ожидания'. Двумя другими пасторами были Луи Трепперо и Филипп Озиас по фамилии *де Экклезия*. Об одном из них Кальвин сказал, "что он показал образец своих способностей, таких, каких он от него ожидал"; хороших или плохих, он нам не сообщает. В 1544 году в Женеве было двенадцать пасторов, но шестеро из них служили в деревенских церквях. Самым известным из этих новых министров был Николя де Галлар, сеньор де Сауль, недалеко от Парижа, которого Кальвин высоко ценил и который впоследствии занимал важный пост во французской реформации, в Пуасси, Париже и Ла-Рошели. Некоторые лишенные сана монахи прибыли в Женеву, ожидая найти там, помимо свободы не быть католиками, свободу не быть христианами; но Кальвин не доверял людям такого рода. Были некоторые пасторы, которых было необходимо уволить либо потому, что они были ленивы в своей работе, либо потому, что они были экстравагантны в своих проповедях, либо потому, что они вели себя неподобающим образом."^[200]

В дополнение к трудам и тревогам, связанным с его государственной должностью, у Кальвина были и некоторые личные огорчения.

Ами Поррал.

Тяжелое испытание, выпавшее на его долю в июне месяце 1542 года, было в то же время драгоценной печатью, посланной Богом на его служение. Первым магистратом республики был Ами Порраль, один из тех граждан, которые с величайшей серьезностью трудились над обеспечением независимости Женевы и ее союза со Швейцарией. Он обладал развитым умом и написал книгу по истории Женевы, за которую Совет выразил ему свою признательность.^[201] Среди старых гугенотов никто так радостно не встречал реформацию и реформатора. Весной он заболел. Как только Кальвин услышал об этом, он поспешил к себе домой в компании Вирета. 'Я в опасности, - сказал первый синдик. - болезнь, которой я страдаю, оказалась смертельной для моей семьи'. Затем эти трое превосходных людей долго беседовали друг с другом на различные темы, причем Поррал говорил так непринужденно, как если бы у него было крепкое здоровье. Его страдания усилились в течение двух последующих дней; но его разум казался более живым, чем прежде, а речь - более плавной. Навестить его пришло множество граждан Женевы, и каждому из них он дал серьезное наставление, которое не было пустой болтовней, а было тщательно адаптировано к особым обстоятельствам каждого человека. В течение трех дней казалось, что он выздоравливает, но на четвертый день его болезнь усилилась, и опасность была неминуемой. Тем не менее, чем больше он страдал физически, тем полнее был его разум оживления и жизни. Именно он осудил Де ла Мара за странные выражения, которые мы уже заметили. Бернар встал на сторону своего коллеги, и результатом стало охлаждение между синдиком и двумя министрами. Теперь Поррал послал за ними, и после того, как он серьезно отчитал их, было заключено примирение. В тот день, который оказался для него последним, Кальвин и Вирет приехали к нему домой в девять часов утра. Благочестивый реформатор, опасаясь утомить своего друга длинной речью, просто поставил перед умирающим *крест Иисуса Христа, его благодать и надежду на вечную жизнь*.^[202] "Я принимаю посланника, которого Бог посылает ко мне, - сказал Поррал, - и я знаю силу Христа укреплять совесть истинно верующих'. Затем он засвидетельствовал о работе служения как средстве благодати и о пользе, проистекающей из него, 'в такой яркой манере, - говорит Кальвин, - что мы оба были поражены и, я бы даже сказал, в состоянии ступора'. Поррал испытал это на себе. Завершая, Он сказал: "Я заявляю, что получаю отпущение грехов, о котором вы возвещаете во имя Иисуса Христа, как если бы ангел явился мне с небес, чтобы возвестить это'. Затем он высоко оценил 'чудесным образом единство, которое составляет единое тело всех истинных членов церкви'. Ему было больно вспоминать о прежних разногласиях, и, повернувшись к нескольким друзьям, которые в этот момент стояли рядом с ним, он умолял их быть единомышленниками Кальвина и Вирета. 'Я сам, ' сказал он, ' был слишком упрям в некоторых вопросах; но у меня открылись глаза, и теперь я вижу, к какому вреду могут привести разногласия'. Впоследствии он исповедал свою веру, короткую, но искреннюю, серьезную и ясную. Затем, обратившись к Кальвину и Вирету, Поррал призвал их к настойчивости и непоколебимости в работе служения. Он изложил трудности, с которыми они столкнутся. Его можно было бы назвать пророком, открывающим будущее. Он с восхитительной мудростью говорил о вещах, которые касались общественного блага. "Вы должны продолжать прилагать все возможные усилия, ' сказал он тем, кто его окружал, ' с целью примирения Женевы с ее союзниками'. Особое внимание уделялось состязанию с Берном. 'Хотя некоторые буйные ребята могут кричать очень громко, - сказал он, '

не бойтесь и не падайте духом'. Сказав еще несколько слов, Кальвин помолился, а затем удалился вместе с Виретом.

Иделетт, извещенная об опасности, грозящей Порралу, приехала во второй половине дня. 'Что бы ни случилось, - сказал ей христианский синдик, - наберитесь мужества; помните, что вы пришли сюда не случайно, но что вас привел сюда чудесный совет Божий, чтобы вы могли быть полезны в работе церкви'. Через некоторое время он подал знак, что голос подвел его. Однако он дал понять, что прекрасно помнит сделанное им признание, и добавил, что в этой вере он умер.

Немного придя в себя, он с верой, но слабым голосом произнес песнь Симеона. "Господи, - сказал он, - ныне отпускаешь ты раба твоего с миром, по слову Твоему; ибо очи мои видели спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всего народа; свет для просвещения язычников и славу народа твоего Израиля'. Он добавил: "Я видел, я коснулся своей рукой того милосердного Икупителя, который спасает меня".^[203] Затем он прилег отдохнуть, как будто ожидая Господа; и после этого он больше не говорил, только время от времени каким-то знаком показывал, что его дух присутствует.

В четыре часа пришел Кэлвин с тремя другими членами синдиката, коллегами Поррала. Умиравший попытался заговорить с ними, но не смог. Кэлвин, растроганный, начал говорить сам, 'и говорил, - говорит он, - так хорошо, как только мог, а его друг слушал его совершенно спокойно. Едва мы покинули его, как он предал свою благочестивую душу Иисусу Христу. Он был полностью обновлен в своем разуме".^[204]

Эта смерть ясно показывает, что работа Кальвина заключалась не просто в установлении порядка в церкви и предписании всем нравственной жизни. Он был инструментом еще большего блага. Поррал нашел Иисуса Христа, возможно, в свои последние дни; он стал новым творением; он взывал к Богу как к своему Отцу; он обладал тем миром, который превосходит всякое понимание, и имел надежду на вечную жизнь. Кальвин не был учителем схоластического богословия; он был проповедником живого христианства, и никто не является его истинным учеником, кроме тех, в ком живет христианская жизнь.

Не успел Поррал скончаться, как Кальвину угрожало еще большее несчастье. Иделетт, которая считала первого синдика защитником своего мужа, похоже, была глубоко потрясена его смертью. В начале июля она заболела и преждевременно родила ребенка. Ее жизнь была в опасности, и Кэлвин опасался, что за потерей его друга может последовать потеря верной спутницы его жизни. Вирету, находившемуся тогда в Лозанне, он написал: "Я в очень большом беспокойстве".^[205] Но Бог сохранил ему этого драгоценного помощника еще на несколько лет.

Развитие религиозной жизни.

Несмотря на свои горести, Кальвин находил великое утешение. Христианское дело процветало. Удовлетворить его было нелегко, и все же уже в ноябре 1541 года он писал Фарелю— 'Народ вполне склонен подчиняться нашим желаниям. Проповедь хорошо посещаемая, слушатели ведут себя хорошо. Многие вещи, это правда, должны быть исправлены, как в отношении понимания, так и в отношении привязанностей, но излечение может быть достигнуто только постепенно.' В марте 1542 года он написал Микониусу— 'Что утешает и освежает меня, так это тот факт, что мы трудимся не напрасно и не безрезультатно. Фрукты, действительно, не так обильны, как мы могли бы пожелать; тем не менее, они не так уж редки, и есть признаки

перемен к лучшему. Перед нами сияет более справедливое будущее, если только Вирет останется у нас.^[206]

Пьер Тиссо И его мать.

Таким образом, действия реформатора, его друзей и институтов, которые он основал с благословения Божьего, постепенно привели к переменам в этом женевском населении, таком страстном, таком возбужденном и так сильно пристрастившемся к удовольствиям. Настоящая религиозная жизнь развивалась во многих людях, и ее влияние было всеобщим. Роскошь уменьшилась; простота, нравственность и другие добродетели, являющиеся плодом веры, возросли. Действительно, какое-то зло все еще оставалось; вражда и раздоры часто возникали, иногда среди людей в целом, иногда в семьях; но было и много хорошего. Кальвин считал, "что мы должны принять такой регламентированный образ жизни, который сделает нас любимыми всеми, и в то же время мы должны быть готовы навлечь на себя ненависть ради любви ко Христу"; и далее, "что мы обязаны приложить усилия, чтобы урегулировать разногласия, которые существуют между другими". Занятия такого рода не подводили его, и он часто добивался успеха. Образ действий Кальвина был настолько искажен, что необходимо привести несколько примеров этого, чтобы восстановить истину. Одновременно перед нами предстанет сцена, характерная для того периода. Франсуаза, мать благородного Пьера Тиссо, казначей республики, была женщиной раздражительного и несговорчивого характера. Ее дурной нрав стал причиной неприятностей в семье и сделал ее несчастной. Этот факт заслуживал тем большего сожаления, что касался семьи с высоким положением, так что любые разногласия, преобладавшие в ней, были худшим примером. Было решено предпринять попытку добиться примирения между матерью, ее сыном и невесткой Луизой.

Эта задача была возложена на Кальвина и синдика Чикканда. Они вызвали к себе казначея. 'Твоя мать, ' сказали они, - недовольна тобой и твоей женой'. 'Я оказываю честь и почитание моей матери, - ответил казначей, - как велит Бог'. Когда мать появилась в зале консистории, Тиссо, желавший сохранить приличный и благородный вид, подошел к ней, поздоровался и пожелал "Доброго дня"; но она страстно ответила— 'Держите свои "хорошие дни" при себе, и дьявол набьет ими ваше брюхо!' После этого Тиссо заявил в консистории— 'Я назначаю своей матери большее содержание, чем назначил ей мой отец, и оно выплачивается ей регулярно. Если моей матери не нравится пшеница, которую я ей посылаю, я даю ей денег на покупку другой. Я угощаю ее вином, лучшим, какое только можно найти. Совсем недавно она попросила у меня восемьэку для своей служанки. Я оплатил аптекарю и врачам расходы, связанные с ее недавней болезнью. Моя жена в это время навещала ее, но моя мать отказывалась есть супы, которые она готовила для нее. Что касается моего брата Жана, - продолжал казначей, - то я использовал все средства, которые казались мне способными вернуть его к достойной жизни, но безрезультатно; он распутник.

Франсуаза не замедлила с ответом. 'Мое пособие за последний год не выплачивалось, как утверждает казначей. Его жена никогда не приносила мне бульона во время моей болезни, и он никогда не давал мне своего вина, кроме двух боссо, которые я не могу пить.' 'Я дал ей хорошего вина, ' сказал казначей, ' но она налила его в сосуд, непригодный для хранения. Мама, ' сказал он, поворачиваясь к ней. - Я не твоя мать, - прямо ответила Франсуаза.

Затем консистория через Кальвина, на которого была возложена эта обязанность, обратилась к ним с увещеваниями (*commonitions*). 'Отложите в сторону, ' сказал реформатор, ' всю ненависть

и озлобление за все прошедшее время до настоящего дня. Живите вместе в истинном мире и любви, как подобает сыну и матери, и пусть все, что причитается упомянутой Франсуазе, будет выплачено ей.' 'Я готов,' сказал казначей, 'выплатить ей то, чего ей будет вполне достаточно, все, что в моих силах, и больше, чем раньше'. Затем, обращаясь к Франсуазе: 'Пощади, мама, ради Бога, и пусть прошлое останется в прошлом'. 'Но, - говорит Касса, - Франсуаза не сделала бы ничего подобного'. У этой женщины, казалось, было каменное сердце. Ее взгляд, манеры и слова свидетельствовали об этом. Консистерия, раздосадованная ее упрямством, попросила ее явиться снова на следующей неделе, попросила обдумать это дело и посетить проповеди и распорядилась, чтобы ей было сделано соответствующее замечание. В этот момент, то ли слова Кальвина произвели на нее какое-то впечатление, то ли она осознала свою вину и ей было даровано свыше лучшее настроение, то ли, вероятно, все эти причины вместе взятые, Франсуаза смягчилась и растрогалась. 'Горы растаяли, как воск, в присутствии Господа'. 'Ну что ж, - сказала она, 'я собираюсь простить их из любви к Богу и сеньории. Я прощаю моему сыну все проступки, которые он совершил по отношению ко мне, и я прощаю также мою невестку.' Последняя, которая была совершенно невиновна и сделала все, что могла, для своей свекрови, затем сказала: 'Я не причина ссоры. Когда моя мать заболела, я пошел помочь ей, как знают соседи. Когда я знал, что она в чем-то нуждается, я давал ей это. Не моя вина, что не все мы друзья друг другу'. Так дело и закончилось. Бедняжка Франсуаза была особенно резкой, требовательной и раздражительной, но в то же время открытой для примирения. Очевидно, что восстановление доброй воли между враждовавшими сторонами было одной из обязанностей Кальвина. "Пока мы сохраняем мир, - сказал он, - Бог мира считает нас своими детьми". ^[207]

Учреждение консистории и начало ее деятельности знаменуют эпоху, в которую женевскую реформацию можно считать завершенной. В то же время это работа, характерная для Кальвина. Чтобы сформировать народ, недостаточно собрать огромное собрание людей; они должны руководствоваться одним и тем же духом, одной и той же конституцией и одними и теми же законами. Множество солдат, набранных в целой стране, еще не является армией; они должны составлять единое целое, должны быть подчинены одной и той же дисциплине и должны подчиняться одному и тому же генералу. Здесь представлены две различные операции: во-первых, создание элементов; во-вторых, их организация. Мы вряд ли можем не признать, что Бог дал Лютеру качества, необходимые для начала работы, а Кальвину - те, которые требовались для ее завершения. Каждое из этих начинаний не только соответствовало их индивидуальным характерам, но и соответствовало духу двух человеческих рас, к которым они принадлежали. Одна из этих рас энергично берется за дело, а другая доводит его до совершенства. Это флаги двух лидеров.

Зачинатели Реформации.

Лютер был не единственным человеком действия, хотя и являлся таковым в самом широком и возвышенном смысле. То, чем он был в Германии, Цвинглиус в то же время побывал в Немецкой Швейцарии, а Фарель несколько позже - во французских округах. Еще позже Нокс и другие были такими же в своих соответствующих странах. Энергичные люди, бесстрашные и непорочные рыцари духовного царства, они отважно штурмовали цитадель врага и совершали благородные завоевания. При виде плачевного состояния, в которое Рим довел христианский мир, распущенности и разногласий пап, епископов, монахов и церковного совета они громко плакали. Этот крик был услышан великим множеством людей, которые в то время спали, и он вызвал огромное волнение во всех христианских землях. Очнувшись от многовекового сна, они

со всех сторон бросились к оружию. Мудрые и добрые брались за Библию; но иногда фанатичные крестьяне брались за косу. Философы изобрели ошибочные системы, а распутники предались безнравственному воображению. В христианском мире царили смятение и безмерная неразбериха.

Тогда-то и появился Кэлвин. Спокойный среди сильного возбуждения, сильный среди фатальной слабости, он не ограничивал свое внимание маленьким городком, в котором дважды останавливался. Он храбро шел вперед по горящей земле, пули свистели справа и слева от него; он протянул руку христианскому миру. Подняв глаза к своему Вождю, который был на небесах, он умолял его о помощи; и с целью влияния на людей он взял в свои руки верховное Слово Божье. Командующий армиями Господа, если можно так выразиться, ничем не нарушал безмятежности, безопасности или величия его облика. Призванный навести порядок посреди великого смятения, его пронизывающий взгляд был обращен к конфликту, в котором сражающиеся сражались врукопашную. Он различал в толпе друзей и врагов. Он видел, кого следует оттолкнуть, а кого поощрить. Он понимал, что ему приходится бороться не только с Римом, который вел открытую войну против Евангелия, но и с теми вероломными противниками, которые проникли в ряды евангелистов и, прикрываясь своими знаменами, проповедовали смертельные заблуждения и даже ниспровергали совет Божий с самого основания. Он сделал больше. Те, кто боролся за то же дело, что и он, доставляли ему едва ли меньше хлопот. Необходимо было предотвратить их безумную стрельбу друг в друга, заключить мир между их разделенными вождями, установить порядок и способствовать единству. Прежде всего, необходимо было сбить с толку и дать решительный отпор коварному и могущественному врагу - иезуитизму, который собирал против себя все силы папства. После великого Лютера, смелого Цвинглиуса и неутомимого Фареля понадобился человек, который должен был закалять и обуздывать умы людей, который должен был требовать и добиваться не искусственного единства Рима, а духовного и истинного единства народа Божьего, и чей лоб, "как адамант, тверже кремня",^[208] следует дать отпор и рассеять Рим и ее армию. Первые три чемпиона, которых мы только что называли, носили меч. Кальвин, скромный, бедный и невзрачной наружности, держал в одной руке весы, а в другой - скипетр; и если первые трое были героями реформации, если Лютер был, по воле Бога, ее великим основателем, то Кальвин, по-видимому, был ее законодателем и королем.

Кэлвин, Пилот.

Корабль реформации, действительно, был энергично спущен на воду Лютером; но вскоре на его палубах появились люди из Италии, Испании, Франции, Германии, Нидерландов и Польши, обладающие острым и придиричивым характером, с беспокойным нравом, которые своими волнениями и спорами могли привести к опрокидыванию корабля; в то же время хорошо вооруженная и благоустроенная галера под римскими флагами, идущая на полной скорости с веслами и парусами, ударила судно носом-клювом, намереваясь потопить его на глубине. Какие ошибки и какие опасности угрожали! Но Бог избавил от них реформацию, и ни один человек не внес большего вклада в это освобождение, чем Кальвин. Умелый и заслуживающий доверия пилот, он спас корабль. У него, несомненно, было несколько серьезных конфликтов с этими гордыми духами; но правда победила. Он вызвал в римском лагере злобу и ненависть к себе, которые так и не были подавлены. Но евангельская истина устояла на своих местах и в наши дни завоевывает мир. Когда целебный ветер дует над больной землей и уносит ядовитые испарения,

иногда, правда, после прохождения ветра, можно увидеть несколько сломанных веток, торчащих тут и там на земле; но воздух очищен, и жизнь восстановлена среди людей.

Обычно считается, что доктрины Кальвина носили экстремальный и нетерпимый характер; но на самом деле они были умеренными, посредническими и примиряющими. Он занял позицию между двумя крайностями и установил истину. Из всех учителей реформации Цвинглиус - тот, кто дальше всех продвинул доктрину избрания; ибо, по его мнению, избрание - это причина спасения, в то время как вера - не более чем его признак.^[209] Кальвин, в противоположность Цвинглиусу, видит причину спасения в вере сердца. Он учит, что 'воля человека должна быть пробуждена к поиску добра и преданию себя ему'; и, как мы уже видели, он заявляет, что те, кто 'чтобы быть уверенными в своем избрании, вступают в вечный совет Бога, погружаются в смертельную пропасть'. Но если Цвинглиус придерживался одной крайности, то полупелагиане, некоторые из которых находились за пределами Рима, придерживались другой и приписывали естественной воле важность в деле спасения, которая ослабляла благодать Божью. Кальвин выступает против их заблуждения и говорит, что "человека не побуждает его собственное благоволение искать Иисуса Христа, пока он сам не будет разыскан".^[210] И он учит, как и Августин, что Бог начинает свою работу в нас, вверяет ее воле человека и, подобно хорошему наезднику, направляет ее в нужном темпе, побуждает он включается, когда он слишком отсталый, сдерживает его, когда он слишком нетерпеливый, и проверяет его, если он слишком увлечен перестрелкой. Нигде посреднический характер Кальвина не проявляется так отчетливо, как в его взгляде на Вечерю Господню. Мы уже видели это, и нет необходимости повторять. Мы также воздерживаемся от приведения других примеров, которые убедительно демонстрируют посреднический, умеряющий, примиряющий характер Кальвина.^[211]

Если Кальвина можно было найти повсюду, по крайней мере благодаря его влиянию, во главе армий, сражавшихся с Римом, то его также можно было найти повсюду, проповедующим братство и единство всех евангельских христиан. Его связывала теснейшая дружба с Фарелем, священником в Невшателе, и с Вире, священником в Лозанне; и он написал им: "Благодаря нашему союзу дети Божьи собраны в одно стадо Иисуса Христа и даже соединены в его теле".^[212] Вскоре он попытался вовлечь в этот союз, в это тело, не только церкви Реформированной Франции, но также церкви Немецкой Швейцарии, Германии, Нидерландов, Англии и других стран. Целью его жизни и главным желанием было видеть их всех включенными в одну большую сеть единства. "Ради этой цели, - сказал он с героической энергией, - я бы не побоялся пересечь десять морей, если бы это было необходимо".^[213] Он преуспел, по крайней мере, в самой важной части своей цели; ибо, если не удалось установить внешнее единство между различными церквями, что не было его целью, в настоящее время существует внутреннее, духовное единство между всеми теми, кто любит Иисуса Христа и держит его слово.

Кальвин как посредник.

В череде веков есть одна эпоха, которая напоминает нам о моменте, когда солнце восходит и изливает свои лучи на землю, чтобы направлять людей в их действиях. Это та эпоха, в которую *дневная звезда с небес*, Иисус Христос, свет мира, явился и оставил после себя в своем Слове светило, предназначенное проливать свет и жизнь в умы людей; но естественная тьма

человеческого сердца легко поднимается вокруг и затемняет его, даже если не может полностью погасить. С тех пор были и другие эпохи второстепенной важности, в которые Бог вновь зажигал угасающий свет небесного учения и восстанавливал его первоизданную яркость для спасения мира. Из этих вторичных эпох Реформация оказала наиболее мощное и продолжительное влияние на просвещение и обращение людей, а также на то, чтобы дать человеку и миру новую жизнь и новую деятельность. Ни один человек не сыграл в этом большей роли, чем Кальвин; на самом деле, не в первом порыве; это был единственный порыв Лютера; но в том счастливом влиянии, которое это оказало на человеческое общество в двух великих сферах - духовной и мирской. Чтобы убедиться в этом, не нужно ничего большего, чем бросить взгляд на те страны, в которых преобладает влияние великого реформатора и которые в целом представляют собой контраст с теми, в которых преобладал папа. Мы знаем, сколько врагов было у Кальвина, и мы признаем, что в его жизни были тени, как и в жизни каждого человека; но у нас есть непоколебимая уверенность в том, что истины, которые он провозглашал с несравненной чистотой и силой, являются самым могущественным лекарством от упадка личности и нации, и что только они могут сообщить людям свет и жизнь, способные поднять их над их слабостью и укрепить их на путях справедливости, свободы и морального величия.

КНИГА XII.

РЕФОРМАЦИЯ Среди СКАНДИНАВСКИХ НАРОДОВ: ДАНИИ, ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ.

ГЛАВА I.

ПРОБУЖДЕНИЕ ДАНИИ.

(1515-1525 гг.)

Скандинавы, люди Севера или норманны, населявшие три страны - Данию, Швецию и Норвегию, приняли Реформацию в одно и то же время. В каждой из этих стран у него были свои корни, но в основном он пришел к ним из Германии, единственной европейской нации, с которой их жители часто общались.

Вождь по имени Один, историю которого путают с баснями, появился в Европе примерно в начале христианской эры. Верхов на восьминогом коне, с копьем в руке и с двумя воронами на плечах, которые служили ему вестниками, он двинулся вперед во главе народа, который вывел из внутренних районов Азии. Его потомками были короли готов и кимбров. Для себя он стал богом этих народов, отцом богов и объектом бессмысленного и кровавого поклонения.

Христианин по имени Аншар, столь же склонный к доброте, сколь Один был склонен к кровавой бойне, столь же способный внушать любовь, сколь отец Тора был способен внушать ужас, был в девятом веке апостолом Скандинавии. К концу четырнадцатого века три королевства были объединены договором, известным как Кальмарская уния.

Скандинавы, наделенные, как и немцы, глубокими чувствами, обладают интеллектом, возможно, не таким богатым, как у них, но они обладают большей энергией. Казалось, было мало вероятности того, что эти страны подвергнутся Реформированию. Духовенство было могущественным, и знать чаще всего следовала руководству священников; но народ, без каких-либо насильственных действий, без каких-либо резких движений или страстных речей, должен был окончательно и решительно выступить за правду и свободу. Любовь к Евангелию начала зарождаться в сердцах сынов земли и жителей морских побережий в шестнадцатом веке.

John Tausen.

Остров Фиония, расположенный в центре датских государств, между континентом Ютландия и островом Зеландия, представляет собой зеленую и лесистую страну, полную свежести, сияющую красотой, обычно окаймленную живописными скалами, вырезанными морем, фьорды которых уходят далеко в сушу. На одном из таких заливов, к северо-востоку от Большого Бельта, стоит деревня Киртминде. В конце пятнадцатого века в этой деревне жил бедный фермер по имени Таусен, и в 1494 году у него родился сын, которого называли Джоном. Ребенок обычно играл на берегах Большого Бельта, где первыми объектами, привлекавшими его внимание, были море и его необъятные просторы, волны, набегавшие и разбивавшиеся о берег, лодки рыбаков, далекие корабли, пропасти и штормы. Его отец был беден, и Джон с ранних лет помогал ему в трудах; он сопровождал его на плантации хмеля или прыгал вместе с ним в рыбацкую лодку, бросая вызов волнам. Поскольку у каждого было принято шить себе одежду, мебель и инструменты самостоятельно, мальчик научился понемногу всему. Но в нем был интеллект, который, казалось, указывал на более высокое призвание, чем учернорабочего или рыбака. Его отец и мать часто говорили об этом, но им было грустно думать, что из-за своей бедности они не могли дать своему сыну гуманитарное образование.^[214]

Однако дух, который Бог дает ребенку, часто преодолевает самые большие препятствия. Мужчины, добившиеся успеха самостоятельно, без помощи других, обычно оказывают наиболее сильное влияние на своих современников. У Джона Таузена была сильная склонность к учебе;^[215] и Бог никогда не желает достижения цели, не предоставив средств. На расстоянии пяти или шести миль от деревни находился Одензее, древний город, предполагаемым основателем которого был Один и который, по крайней мере, носил его имя; и в этом городе была школа при кафедральном соборе. Джона поместили сюда его родители; и, будучи бедным, как и Лютер, он, как и он, зарабатывал на жизнь тем, что вместе с другими мальчиками ходил от двери к двери перед домами городских богачей. Вскоре он стал известным среди ученых, и несколько лет спустя некто Кнуд Руд, владелец коронного поместья, испытывая нужду в наставнике, взял его в свою семью.^[216]

Должность учителя не удовлетворяла возвышенным устремлениям Таусена. Теология, которая занимается Богом и предназначением человека, казалась ему выше всех других наук. У него была и другая причина уделять ей внимание. Любовь к небесному благу еще не зажглась в его душе, но он уже стремился занять хорошее положение в мире. Духовенство и знать были единственными влиятельными классами в Дании; и, поскольку Таусен не принадлежал к благородному сословию, он хотел бы стать, по крайней мере, священником. По соседству с ним, в Антверскове, находился монастырь иоаннитов, один из богатейших в королевстве. Приор Эскилл был не только могущественным прелатом, но и бессменным советником короны. Таусен, движимый честолюбием, умолял о приеме в этот монастырь и принял там постриг в 1515

году. В то время ему был двадцать один год, столько же, сколько Лютеру, когда он поступил в монастырь. Иоанниты и августинцы следовали тому же правилу. Таусен сразу же проявил сильное стремление расширить свои знания и особенно подготовить себя к проповеди. Он был прирожденным проповедником; он чувствовал, что предназначен для публичных выступлений. Сознывая его важность для церкви, он часто упражнялся в проповеди. В его речах была содержательность, и приору, который был рад его слушать, нравилось думать, что этот молодой оратор однажды прославит его монастырь. Но Таусену уготовано было будущее совершенно иного характера. У него был дар, но этот дар должен был послужить возвышению церкви за пределами римского католицизма.

Новости из Германии.

Занятия, которым молодой человек предавался с чистой совестью и без лицемерия, невольно привели его к признанию различных ошибок в римской доктрине; и в то же время его нравственное чувство было оскорблено пустой болтовней и развращенностью монахов. Вскоре другие огни в дополнение к свету чтения и размышлений начали освещать его. В это время в Германии был создан новый мир, который распространял сияние повсюду. Корабли из Любека часто прибывали в порты Фионии и Зеландии, принося странные вести. Торговцы, привезшие эти сосуды, рассказали о монахе, принадлежавшем к тому же правлению, что и Таусен, человеку редкой нравственной чистоты, который с силой провозглашал живую и возрождающую веру. Учащенное дыхание, исходящее из Саксонии, таким образом, коснулось островов Скандинавии. Это придало новый импульс восприимчивой, щедрой и амбициозной душе Таусена. Сознывая, что он окружён тьмой, он начал тосковать по тем регионам Германии, которые казались ему озарёнными живым и божественным светом. Он сообщил о своем желании приору; и последний, полагая, что пребывание в чужой стране сделает его молодого друга более способным повысить репутацию своего ордена, дал ему разрешение, о котором он просил, и добавил, что сам оплатит расходы на поездку из доходов монастыря. "Вы можете, - сказал он, - поступить в университет, за исключением одного - Виттенбергского".^[217] Ему рекомендовали Лувен, университет, отличающийся своей приверженностью римской доктрине.

Tausen At Wittenberg.

Таусен отправился в путь в 1517 году, памятном началом Реформации, и направился в Лувен, лелея надежду, что там могли упасть какие-нибудь искры из Виттенберга, но он не нашел ничего, кроме темноты. Ему не хватало воздуха, он не мог дышать и, желая быть поближе к городу, из которого исходил свет, отправился в Кельн. Но и там, как и в Лувене, он не нашел ничего, кроме праздных расспросов бесплодной схоластики. Устав от этих мелочей, от этих глупостей,^[218] он чувствовал все более настоятельную потребность в чистой доктрине и основательных исследованиях. Труды Лютера, которые попали в Кельн, читались там с таким же рвением, как бюллетени великой армии во время войны. Таусен поглощал их с величайшим рвением. В один день это были "Звездочки", в другой - "Резолюции", в третий - рассуждения об 'Отлучении от церкви', а затем и другие. Закончив чтение, он с благоговением закрывал книгу и думал про себя: 'О, каково было бы услышать его самому!' Его влекли две противоположные силы. Строгий запрет настоятеля удерживал его; живое слово Лютера звало его. Идти ему или нет? Его душа была взволнована жестокой борьбой. Что он должен был выбрать - ночь или день? Разве в Священных Писаниях не написано, что человек должен быть готов продать все,

что у него есть, чтобы купить истину? Он больше не колебался и, пренебрегая данным им опрометчивым обещанием, в 1519 году покинул берега Рейна и направился в Виттенберг. Он слышал Лютера, он слышал Меланхтона; он был в Виттенберге во время появления 'Обращения к немецкой знати'; он был там, когда Лютер сжег папские буллы и когда реформатор отправился в Вормс, чтобы предстать перед Карлом V. Молодой скандинав, найдя в Евангелии истину и мир, которых он так искренне искал, всем сердцем принял дело Реформации. В октябре 1521 года он покинул Саксонию и вернулся в свой монастырь, полный решимости распространять на своей родине свет, который он нашел в Виттенберге.^[219]

С момента его отъезда прошло четыре года, и положение вещей в Дании изменилось. Труды Лютера достигли Копенгагена, и там их читали с жадностью. Прежде всего, Таусен нашел в своей стране двух людей, которые, казалось, были призваны подготовить дело Реформации. Одним из этих людей был Пауль Элиз, уроженец Голландии,^[220] настоятель недавно основанного кармелитского монастыря, членами которого в целом были просвещенные люди, испытывавшие некоторую степень симпатии к Лютеру. Другим был молодой дворянин, не предназначенный для богословия, по имени Питер Пети из Розефонтена. Он уже видел и слышал Лютера и Меланхтона до Таузена; и по возвращении в Копенгаген в 1519 году он решил использовать всю свою семью и общественные связи, чтобы повлиять на другие умы и склонить их на сторону реформы. Самым важным из людей, которых он убедил благоволить Евангелию, был сам король Дании.^[221]

Кристиан II.

Этот принц Кристиан II, взойшедший на престол в 1513 году в возрасте тридцати двух лет в качестве суверена трех скандинавских королевств, был человеком незаурядного характера. Наделенный пронизательным взглядом, он отчетливо распознавал недостатки устройства своего королевства и ошибки своего века; и он был способен твердой и смелой рукой применить к ним средство. Целью его правления было ослабление деспотической власти дворянства и духовенства, улучшение положения горожан и крестьянства. Но следует признать, что главной движущей силой этого предприятия был личный интерес. Друг знаний, наук, сельского хозяйства, торговли и промышленности, он, тем не менее, пошел в своих предков-варваров. Он был жесток и безрассудно шел на крайности. Еще в юности необычайные физические упражнения, которым он посвятил себя, встревожили его хозяев; и о его ночных занятиях, о его всякого рода излишествах говорили во всех классах. В более позднее время его быстрота действий и умение командовать на войне были достойны восхищения; и не менее достойна восхищения в мирное время его способность добиваться повиновения. Когда здоровье его отца начало ухудшаться, он продемонстрировал такое внимание к государственным делам, на которое никто не считал его способным. Но этот человек с Севера всегда сохранял свирепый нрав дикаря и так и не научился подавлять дурные наклонности, которые им руководили. В своих припадках ярости он не считался ни с возрастом, ни с добродетелью, ни с величием; и в то самое время, когда он боролся с деспотизмом каст, он сам был величайшим деспотом из всех.^[222]

Кристиан II, понимая, что для усиления могущества скандинавского королевства необходимо заключать крупные союзы, добился руки Изабеллы, сестры императора Карла V. Принцесса, которой тогда было пятнадцать лет, прибыла в Копенгаген в августе 1518 года, привезя с собой приданое в размере 300 000 флоринов. Почести, оказанные ей при въезде в столицу, были

слишком велики для ее сил. Пока епископ произносил перед ней нескончаемую речь, она побледнела, пошатнулась и упала в обморок, и первая из ее фрейлин подхватила ее на руки. Король выказывал к ней большое уважение, но посреди королевских праздников и пышности острый шип печали пронзил душу дочери Цезарей.

Во время пребывания в Бергене, в Норвегии, королевством которой он был вице-королем, Кристиан познакомился с молодой и красивой голландкой по имени Дивеке, мать которой Сигбрит содержала гостиницу. Принц воспылал к девушке неистовой страстью и с тех пор жил с ней. Она умерла в 1517 году; но ее мать, гордая, деспотичная и сердитая женщина, имевшая большую власть над умами других и способная даже давать благоразумные советы в государственных делах, сохранила расположение принца после смерти своей дочери. Он относился к ней с большим уважением, чем к кому-либо другому; и когда король бывал в ее доме, самые знатные вельможи и самые уважаемые министры были вынуждены ждать перед ее дверью под дождем или снегом, пока не придет время их впустить. Холодная политика, в которой она призналась, привела этого свирепого принца к серьезным ошибкам и ужасным поступкам.^[223]

Уполномоченный папы римского по имени Арчимболд, получив в 1517 году от короля путем большой лести лицензию на продажу индульгенций народам Севера, разложил свой товар перед главными церквями. "Властью Господа нашего Иисуса Христа, - сказал он, - и нашего святого отца папы Римского, я отпускаю вам все грехи, которые вы совершили, какими бы огромными они ни были; и я возвращаю вам чистоту и невинность, которыми вы обладали во время вашего крещения, чтобы после вашей смерти перед вами могли открыться врата рая".^[224] Папский уполномоченный, не удовлетворившись завладением деньгами подданных короля, стремился также снискать расположение короля. Он справился с этим делом так искусно, что добился успеха. Кристиан раскрыл ему свои проекты и самые сокровенные секреты своего правительства в надежде, что либо легат, либо сам папа поддержат его замыслы.

Король, действительно, вскоре оказался в серьезном затруднении. Швеция нарушила Кальмарскую унию и объявила себя независимой от Дании; а Тролль, архиепископ Упсальский, за попытку поддержать датский сюзеренитет был заключен шведами в тюрьму. Папа был разгневан и пришел на помощь Кристиану, наложив на страну интердикт. В то же время король разгромил шведов. Не наше дело вдаваться в подробности этой борьбы; мы должны ограничиться повествованием об ужасном преступлении, которым этот принц закрепил свой триумф.

В ноябре 1520 года Кристиан II, покоритель своих подданных, должен был короноваться в Стокгольме. Восстание в Швеции сильно разозлило его; оно оскорбило его гордость, и неистовое возбуждение его характера не утихло. Он был настроен на решительный и жестокий акт мести, но скрыл свой гнев и никому не позволил узнать о своем плане. Прелаты, дворяне, советники и другие знатные люди Швеции, будучи приглашенными на церемонию, поняли, что коронация будет совершена с необычайной торжественностью. Создания короля сказали, что это должно было быть ужасно.

Убийство шведских дворян.

У Кристиана был своим советником и исповедником родственник Сигбрита, парень, который раньше был цирюльником; и этот человек, хорошо зная своего хозяина, всегда внушал ему, что,

если он хочет действительно стать королем Швеции, он должен избавиться от всех шведских лидеров. Принц, опираясь на папскую буллу, которая прогремела интердиктом над всем королевством и всеми его жителями, взял на себя роль помощника римского первосвященника и решил безудержно потворствовать его варварским страстям. Он пригласил в замок около сотни дворян, прелатов и советников, принял их с любезными улыбками, обнял, обманул пустыми обещаниями и ложными надеждами и пожелал, чтобы три дня были посвящены всевозможным развлечениям. Все время обдумывая ужасные планы, он болтал, смеялся и шутил со своими гостями; и они были очарованы дружелюбием принца, злобы которого их приучили бояться. Внезапно, 7 ноября, все изменилось. Празднества прекратились, музыканты и шуты исчезли, а их места заняли лучники. Был учрежден трибунал. Архиепископ Тролль, как было условлено с королем, смело выступил обвинителем лордов и других шведов, которые изгнали его с архиепископского престола. Король немедленно учредил суд, членами которого он позаботился о том, чтобы не было никого, кроме врагов обвиняемого. Судьи, которые едва ли знали, за какое преступление им предстоит наказать, покончили с этим делом, объявив *еретиками* святотатцев, посмеявших посадить в тюрьму епископа. Теперь ересь каралась смертной казнью. На следующий день, 8 ноября, утром ворота города и двери всех домов были закрыты. Улицы были заполнены солдатами и пушками, и в полдень пленники, окруженные охраной, медленно и печально спускались из замка. По всему городу быстро разнесся слух, что епископов, дворян и советников, которые были гостями короля и которых так великолепно принимали, везут на главную площадь и там собираются казнить. Вскоре площадь была усеяна трупами самых выдающихся дворян и прелатов Швеции.^[225]

Казалось, было мало шансов на то, что такой король когда-либо станет сторонником Реформации. Тем не менее предприятие, предпринятое Лютером, и перемены в государствах, которые произошли в результате этого, поразили его и возбудили его интерес. Он считал, что религиозная реформа ограничит власть епископов, что сенат будет ослаблен их исключением из него и что владения короны станут богаче. В то же время на его могучее понимание произвели впечатление ошибки Рима и внушительная истина Евангелия.

Племянник по материнской линии курфюрста Фридриха Саксонского, король проявлял интерес к религиозному движению, получившему одобрение этого прославленного принца. Этот странный человек вообразил, что, не отделяясь от Рима, он может внедрить в своей собственной стране евангельские доктрины. Он решил довериться папе, который избавит его от самых могущественных своих подданных, и Лютеру, который проинструктирует остальных. Поэтому он написал своему дяде и умолял его прислать какого-нибудь учителя, способного очистить религию, которая была испорчена вопиющей ленью священников.^[226] Курфюрст направил этот запрос богословам Виттенберга, которые выдвинули кандидатуру Мартина Рейнхарда, магистра искусств, из епархии Вюрцбурга, по рекомендации, как представляется, Карлштадта.

Пародия на Райнхарда.

Рейнхард, который, кажется, чем-то напоминал Карлштадта своим неустойчивым и беспокойным характером, прибыл в Копенгаген в декабре 1520 года.^[227] Король поручил ему проповедовать в церкви Святого Николая. Жители Копенгагена, жаждущие познакомиться с новым учением, толпами стекались в церковь. Но оратор говорил по-немецки, а его слушатели не знали ничего, кроме датского. Поэтому он обратился к профессору Элие, который

согласился перевести его лекции. Мастер Мартин, раздосадованный тем, что его не поняли, попытался восполнить недостаток громкостью голоса и частыми и бурными жестами.^[228] Изумленные слушатели ничего не поняли, но с удивлением следили глазами за этими торопливыми движениями рук, кистей, головы и всего тела. Священники, которые искали какое-нибудь средство навредить иностранцу, застигнутые этим обстоятельством, начали высмеивать эту нелепую жестикуляцию и настроили народ против немецкого оратора. Следовательно, когда он вошел в церковь, его встретили сарказмом, гримасами и чуть ли не улюлюканьем.^[229] Духовенство решило сделать еще больше. В Копенгагене жил парень, печально известный своим умением забавным образом имитировать осанку, действия и речь любого человека. Каноники Святой Марии добились от него большого вознаграждения и наняли его регулярно посещать проповеди Мартина Рейнхарда, изучать его жесты, выражение черт лица и интонации голоса. За короткое время этому парню удалось имитировать акцент, голос, жесты Райнхарда. Отныне пародист-бурлескист стал неперменным гостем на всех банкетах. Обычно он появлялся в таких случаях в костюме, похожем на костюм доктора; ему произносились торжественные приветствия, и его называли *мастер Мартин*. Он произносил самые высокопарные речи на самые непристойные темы и сопровождал их настолько удачными жестами, что, увидев и услышав карикатуру, вы, казалось, увидели и услышали самого мэтра искусств.^[230] Он раскинул руки вправо и влево, вверх и вниз и наполнил воздух пронзительными или протяжными звуками оратора. За столом они потчевали его мясом и вином, чтобы придать ему еще больше экстравагантности. Его водили из квартала в квартал, с улицы на улицу и повсюду повторяли его комические представления. Это было время Карнавала, когда не заботились ни о чем, кроме шутовства, и люди отвечали на декламации мимики взрывами смеха. "Это было сделано, - добавляет хроника, - с целью погасить свет Евангелия, который зажег сам Бог".

Священникам этого было недостаточно; они должны были положить конец проповедям, которые, несмотря на их странное изложение, содержали много истины. Начало было положено лишением Райнхарда переводчика. Епископы Рошильда и Аархуса предложили Элие каноническую должность в Одензее. Последний, не желая ничего лучшего, как сбежать от дела, которое становилось все более смешным, согласился на это. В народе его называли *священником-флюгером*. Рейнхард, вынужденный таким образом отказаться от проповеди, изложил на латыни некоторые тезисы о доктринах Реформации. Илия, по наущению епископа Аархууса, полностью перешел на другую сторону и напал на посланца Меланхтона и Лютера.^[231] В то же время Университет потребовал, чтобы труды реформаторов были запрещены. Король определенно не был доволен своей игрой. Когда речь идет о пробуждении народа, королевская канцелярия не должна этим заниматься. Есть глава церкви, Иисус Христос, которому принадлежит эта работа, и он выбрал для нее сына крестьянина из Киртминде и других людей, подобных ему.

Король, однако, был не в настроении терпеть противодействие епископов, влияние которых он намеревался уничтожить. Он извлек пользу из полученного урока. Обнаружив, что Рейнхард не тот человек, который ему нужен, король отправил его обратно в Саксонию, потребовав от него принять приглашение от себя к великому реформатору, чье положение в Германии, по мнению христиан, эдикт вормского сейма, должно быть, сделал несостоятельным. Если Лютер не сможет приехать, сказал король, он должен прислать Карлштадта.

Первый из этих призывов был неприемлемым, а второй - неудачным.

Рейнхард, прибывший в Виттенберг в начале марта, не преминул привлечь к себе внимание. Он рассказал Лютеру о том, что произошло в Копенгагене, или, по крайней мере, о тех частях истории, которые были благоприятны для него самого и для его дела. Это доставило реформатору огромную радость. "Король Дании, - писал он Спалатину (7 марта), - запретил университету осуждать мои труды и резко давит на папистов".^[232] Лютер не принял предложение короля. Его место было в Виттенберге. Не будет ли его высылка из Германии лишением его Европы и работы, для которой он был выбран? Самое большее, он думал, что если в какой-нибудь темный час опасность, проистекающая из вормсского эдикта, станет слишком серьезной, Дания может стать для него убежищем. Что касается беспокойного Карлштадта, то он был вполне готов, и приключение ему понравилось. Он взял паспорта и отправился в путь.

Кодекс Кристиана II.

Ожидая прибытия виттенбергских врачей, Кристиан, принц одновременно цивилизованный и дикий, убийца и любитель литературы, деспот, тиран и, тем не менее, автор действительно либеральных законов, опубликовал кодекс, который оказал ему большую честь. Он чувствовал необходимость реформирования духовенства; он хотел привить духовенству патриархальную мораль и подавить феодальную и часто коррумпированную мораль, которая была для них характерна. Третья часть земель принадлежала им, и они постоянно пытались увеличить свои владения. У всех епископов были крепкие замки и отряд стражи, охранявший их особ. Архиепископа Лундского обычно сопровождали сто тридцать рыцарей, а у других прелатов было почти столько же. Король запретил, чтобы архиепископа сопровождало более двадцати конных стражников и чтобы у епископов было не более двенадцати-четырнадцати слуг.^[233] Затем, переходя к моральному порядку, Кристиан сказал: "Ни один прелат или священник не может приобретать какие—либо земли, если он не следует учению святого Павла (1 Тим. iii.), если он не возьмет жену и не будет жить, как его предки, в святом браке'. Отменив безбрачие, король не только положил конец великой распущенности, но и нанес смертельный удар римской иерархии.

Этот закон тем более примечателен, что он на четыре года предшествовал декларации Лютера против безбрачия. Другое постановление продемонстрировало мудрость и, можно даже сказать, гуманность короля. Епископы присвоили себе право на затонувшее судно, так что всякий раз, когда корабль тонул, их люди завладевали всеми предметами, выброшенными морем на берег, а иногда предавали потерпевших кораблекрушение смерти, чтобы они не вернули себе свою собственность. Король отнял у них это право. Епископы пожаловались. 'Я не допущу ничего, - сказал король, - что противоречило бы закону Божьему, как написано в Священном Писании'. 'В них нет закона о беспризорниках и кораблекрушениях", - резко сказал епископ. "В чем же тогда, - спросил Кристиан, - смысл шестой и восьмой заповедей — "Не убий", "Не укради"?"^[234]

Карлштадт В Дании.

Во время этого кризиса Карлштадт прибыл в Данию. Он был не тем человеком, которого искали. Любитель новшества и опрометчивый в своих действиях, он ни в коем случае не обладал умеренностью, необходимой для реформаторов. Его приняли с почетом, и для него был устроен грандиозный банкет. За столом он был сбит с толку, много говорил и разволновался, а разгоряченный застольем, яростно атаковал доктрину пресуществления.^[235] Этот выпад против фундаментальной доктрины Римского католицизма оскорбил даже некоторых друзей реформы.

Епископы воспользовались этим. ‘Мастер, ’ говорили они, ‘ ничем не лучше ученика (Рейнхарда)’. Неосмотрительный коллега Лютера был вежливо отправлен обратно в Виттенберг.

Король, который в это время отсутствовал в Копенгагене, однако не был чужд немилости этого неосмотрительного и шумного виттенбергского врача. Кристиан отправился в Нидерланды, чтобы встретиться со своим шурином Карлом Пятым, чтобы обсудить с ним важные вопросы. Он легко менял свое мнение, как это обычно бывает со страстными людьми, и среди великолепия императорского двора поддался влиянию новой атмосферы, которая его окружала. Он хотел, чтобы император уступил ему, как королю Дании, право пожалования герцогства Гольштейн в качестве феода. Придворные епископы, со своей стороны, умоляли Карла сделать изгнание лютеранских врачей платой за эту услугу. Кристиан, сознавая, чего ему следует опасаться со стороны папы римского, Швеции и даже большого числа датчан, стремился умиротворить императора, чтобы он мог встретиться лицом к лицу со всеми своими врагами. Поэтому он выполнил требования Карла. Карлштадт, как мы видели, был выслан из Дании, и Рейнхард так и не вернулся.

Для реформации Дании требовались датчане. Вскоре после отъезда Карлштадта Таусен попросил разрешения преподавать в Копенгагенском университете, и он действительно читал там лекции по теологии.^[236] Но тогда ни один человек не мог нести яркую лампу без попыток ее потушить. Преподавание сына крестьянина из Фионии вызвало противодействие; профессор был отозван своим настоятелем и два года оставался в своем монастыре. Таким образом, в уединении ему было предоставлено время для размышлений; и пока он укреплял себя в вере, великие события должны были подготовить путь для Реформации.

Возобновившееся восстание шведов.

Уступки, на которые Кристиан пошел врагам евангельских доктрин, не принесли ему никакой пользы. Яростная буря сразу же разразилась со всех сторон против принца и угрожала свергнуть его. Швеция восстала против него. Герцог Фредерик, его дядя, разгневанный тем, что его племянник хотел сделать Гольштейн датским феодем, заключил союз с могущественным городом Любеком, чтобы бороться против него. Также прелаты и датская знать, видя, что Кристиан стремится погубить их, приняли решение избавиться от него. Слепая покорность, с которой Кристиан следовал советам Сигбрита, разозлила вельмож королевства. Ничего не было сделано, кроме как по совету этой женщины очень низкого происхождения. Король предоставлял привилегии только своим фаворитам; и даже политические переговоры обсуждались в ее присутствии и оставались в ее руках.

Гордыня, тирания и страсти этой старой колдуньи — ибо так ее звали - вызвали негодование всех классов общества. Сам народотносился к ней враждебно, и многие представители среднего класса были из-за нее враждебны королю.

Прелаты и бароны решили прибегнуть к крайним мерам. Они направили Кристиану (20 января 1523 г.) письмо, в котором отзывали полномочия, которыми он был наделен в день своей коронации. В то же время они предложили датскую корону герцогу Гольштейнскому.^[237] Этими мерами монарх был повергнут в состояние беспрецедентного замешательства. Однако не все было потеряно. Он мог бы отозвать войска, которые у него были в Швеции; затем он мог бы обратиться к датскому народу, среди которого у него все еще было много сторонников, и мог бы удержаться в Копенгагене до тех пор, пока его союзники, либо король Англии, либо его шури

император, не придут ему на помощь. Но удар, обрушившийся на него, был совершенно неожиданным. Он потерял присутствие духа; его мужество, его гордость и его энергия были сокрушены. Этот ужасный деспот уступил и смирился. Вместо того чтобы оказывать сопротивление государствам королевства, он бросился к их ногам и поклялся впредь править в соответствии с их советами. Он был готов на все, чтобы доставить им удовольствие. Он обещал отслужить мессы за упокой душ тех, кого несправедливо предал смерти; он даже пообещал совершить *паломничество в Рим*. Но знать и священники были неумолимы, а папа, к которому он обращался за помощью, остался глух к нему. Тогда Кристиан потерял голову; можно было подумать, что обрушился смерч и швырнул его на землю. Он приказал снарядить два десятка кораблей; спешно собрал драгоценности короны, свое золото, архивы и все, что ценил больше всего, и приготовился к бегству вместе с королевой, своими детьми, архиепископом Лунда и несколькими верными слугами. Его самой большой заботой было найти способ взять Сигбрита с собой. Он был полон решимости любой ценой не расставаться со своим советником; и ненависть, которую люди питали к этой женщине, была так велика, что, если бы ее увидели, ее разорвали бы на куски. Поэтому Кристиан приказал приготовить один из своих сундуков, и в него положили старуху. Сундук был тщательно закрыт, и несчастное создание было таким образом перенесено на борт, как багаж. 14 апреля 1523 года король снялся с якоря, но не успел он выйти в море, как его флот был рассеян штормом.^[238]

Кристиану, тем не менее, удалось добраться до Нидерландов, и он немедленно поспешил к императору, умоляя его о помощи. Он также не ограничился просьбами к этому принцу, но обратился ко всем властям и заклинал их выступить ему на помощь. Карл Пятый согласился написать герцогу Фредерику; но его письма остались безрезультатными. В то же время он отказался предоставить королю войска, о которых тот просил. Теперь несчастный монарх обратился к Генриху VIII, который дал ему великолепные обещания, но не выполнил ни одного из них. Кристиан в отчаянии отправился к своему шурина, курфюрсту Бранденбургскому, а затем к своему дяде, курфюрсту Саксонии. Поскольку все их посреднические усилия ни к чему не привели, Кристиан собрал небольшую армию и с ней двинулся в Гольштейн. Но у него не было денег, чтобы заплатить своим людям, и, следовательно, большая часть из них покинула его; а остальные с угрозами потребовали плату. Под покровом ночи несчастный принц обратился в бегство.^[239]

Христианин, покинутый людьми, казалось, теперь обратился к Евангелию. Он стал одним из слушателей Лютера,^[240] и сказал всем, что никогда не слышал, чтобы истина проповедовалась таким образом; и что отныне, с Божьей помощью, он будет переносить свое испытание более терпеливо.^[241] Должны ли мы верить, что эти заявления были простым лицемерием? Не можем ли мы скорее предположить, что в душе кристиана было две натуры: одна, полная грубости и насилия, другая, восприимчивая к благочестивым чувствам, и что он легко переходил от одной к другой? Его сердце, открытое невзгодами, кажется, в это время с радостью восприняло истины Евангелия. Когда курфюрст Бранденбургский попытался убедить его вернуться к римской доктрине, он ответил— ‘Лучше навсегда потерять мои три королевства, чем отказаться от веры и дела Лютера’. Но, говоря таким образом, Кристиан обманывал самого себя. Эгоизм был основой его характера, и он всегда был готов оказать честь папе, когда видел хоть какую-то надежду на помощь понтифика в восстановлении его на троне.^[242]

Смерть королевы Изабеллы.

В его собственной семье были более верные свидетели истины. Его сестра, жена курфюрста Бранденбургского, была предана Евангелию и, подвергаясь преследованиям со стороны мужа, была вынуждена укрыться в Саксонии. Жена Кристиана, королева Изабелла, сама сестра Карла Пятого, отправившись в Нюрнберг с целью попросить от имени своего мужа помощи у своего брата Фердинанда, приняла в этом городе причастие из рук евангелиста Осиандра. Когда эрцгерцог услышал об этом, он очень сердито сказал ей, что она больше не принадлежит ему как сестра. 'Даже если вы отречетесь от меня,' храбро ответила сестра Карла Пятого, 'я не стану из-за этого отрекаться от Слова Божьего'. Эта принцесса умерла в следующем году (1526) в Нидерландах, до конца исповедуя чисто евангелическую веру.^[243] Согласно институту Спасителя, она причащалась тела и крови Христа, хотя окружавшие ее вельможи прилагали все свои усилия, чтобы заставить ее принять обряды папства. Это христианское проявление характера сестры императора в стране, где господствовала папская система в ее самой строгой форме, сильно обеспокоило ее родственников и показалось им чудовищным поступком. Императорская семья никак не могла допустить, чтобы кто-то думал, что один из ее членов умер еретиком. Когда королева потеряла всякое сознание, священник по приказу своего начальства подошел к ней и совершил над ней чрезвычайное помазание, точно так же, как он мог бы поступить с трупом. Все понимали, что это действие, столь серьезное с виду, было всего лишь имитацией. Вера умирающей королевы была повсюду известна и радовала сторонников Евангелия. "Христос, - сказал Лютер, - в кои-то веки пожелал иметь царицу на небесах".^[244] Изабелла была не последней.

Тем не менее, триумф прелатической и аристократической партии в Дании, казалось, привел к окончательному краху евангелического дела. Никто не сомневался, что злоупотребления папства и феодализма подтвердятся в будущем. Но есть сила, которая следит за судьбами христианской религии, и которая, когда кажется, что она погребена в глубине пропастей, возрождает ее со славой. Бог поднимает то, что люди низвергают.

ГЛАВА II.

РЕФОРМАЦИЯ, ОСНОВАННАЯ ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ СВОБОДЫ. (1524-1527 гг.)

Фридрих, герцог Гольштейнский.

Кристиан I Датский, первый король из Ольденбургского дома, дед Кристиана II, оставил двух сыновей, Джона и Фредерика. Иоанн унаследовал от него власть над тремя королевствами. Фридрих, к которому испытывала теплую привязанность королева Доротея, жена Кристиана I., не обладал гением своего племянника Кристиана II. Он был лишен интеллекта, охватывающего сразу так много предметов, быстрого и меткого взгляда и неутомимой деятельности, которые отличали этого странного монарха. У Фридриха была спокойная душа, благоразумный и умеренный нрав, безмятежность и живость, которые очаровывали его мать и его связи, но которые не были достаточными качествами для короля. Так вот, если он и не обладал хорошими качествами своего племянника, то в то же время был лишен его жестокости или буйства; или, по крайней мере, он проявлял их только по отношению к этому несчастному принцу. Королева Доротея страстно желала передать трон своему любимому сыну и убеждала мужа передать ему Гольштейн и Шлезвиг. Кристиан уступил ее желанию и передал власть над этими герцогствами ее второму сыну, которому тогда было одиннадцать лет. Он сделал это только из уст в уста, не

оставив завещания.^[245] Жители этих провинций были довольны, предпочитая собственного суверена зависимости от короля трех северных королевств.

Иначе обстояло дело с королем Иоанном. Поскольку он не желал отказываться от этих провинций, он решил привлечь своего брата к Церкви. Поэтому он отправил его учиться в Кельн и обеспечил ему место каноника в этом городе. Но Фридрих не был склонен к этому. Бесплодие схоластического богословия вызывало у него отвращение, а Реформация привлекала его. По наущению королевы, своей матери, он покинул Кельн, отказавшись от своего канонического звания, своей должности пребенды, своего требника и своей легкой жизни. Он предпочел корону, даже с ее трудами и изнуренностью, и потребовал от своего брата, короля, своей доли герцогств, которую, по его словам, следовало, по крайней мере, разделить между ними. Король согласился. Фридрих поселился в Гольштейне и мирно правил своими подданными. Он общался с некоторыми учениками Лютера, проявлял интерес к их евангелическим трудам и дал им разрешение распространять доктрину Реформации среди кимвров.^[246]

Поскольку его брат умер, а племянник Кристиан унаследовал три скандинавских королевства, миролюбивый Фридрих обнаружил, что призван к высшей судьбе. Его мягкость была так же широко известна, как и жестокость его племянника. Могли ли датчане найти лучшего короля?

Во время несчастий Кристиана епископы Ютландии, как мы уже говорили, фактически предложили корону Фридриху. Совет Королевства сделал то же самое и заявил, что, если он отвергнет это предложение, они пригласят иностранного принца. Герцог, которому в то время было пятьдесят два года, предвидел тревоги и борьбу, которым ему предстояло подвергнуться. Тем не менее, ему были предложены королевства его отца, и он не мог вынести мысли о том, что они перейдут к другой династии. Поэтому он принял корону. Некоторые части королевства, и особенно Копенгаген, оставались под властью бывшего короля.

Не успел Фридрих получить корону, как почувствовал горечь золотого кубка, который ему только что поднесли. Священники и знать требовали от него сохранения и даже расширения привилегий, которых Кристиан намеревался их лишить. Фредерику пришлось пообещать, "что он никогда не позволит еретику, будь то ученик Лютера или нет, тайно или публично проповедовать доктрины, противоречащие Богу небесному или Римской церкви", и добавить, "что если таковые будут найдены в его королевстве, он лишит их жизни и имущества".^[247] Это было сложно. Фридрих склонялся к евангельским доктринам, и он знал, что многие из его подданных поступали так же. Должен ли он запретить им? Но корону можно было получить только такой ценой.

Генрих IV. за Париж заплатил дороже; он отказался от своей веры и провозгласил себя католиком. Фридрих намеревался сохранить свою веру; возможно даже, что, полный уверенности в силе истины, он надеялся увидеть, как она, вопреки епископам, одержит победу. Как бы то ни было, в письме папе он ограничился кратким объявлением о своем восшествии на престол, не давая никаких обещаний. Климент VII, оскорбленный этим молчанием, напомнил ему об обещании, которое он дал при своем избрании, добавив к его увещаниям толику лести. "Я хорошо знаком, - сказал он, - с той королевской добродетелью, которую вы доказали, признав свое решение огнем и мечом преследовать ересь Лютера".^[248] Это была совершенно папская речь.

Либеральные взгляды Фредерика.

Фредерик чувствовал трудность своего положения и после тщательного расследования пришел к решению в пользу свободы вероисповедания. Должны ли мы предположить, что он раскаялся в помолвке, которую дал? Верил ли он, что если человек дал клятву совершить преступление (преследование, несомненно, было бы одним из них), то выполнять ее - грех? Мы не можем сказать. От природы осмотнительный и вдумчивый, Фредерик нуждался во времени, чтобы перейти от первых сомнений, вызванных римскими доктринами, к твердой вере в евангельскую истину.

Он не мог сразу отбросить дорогие ему убеждения и принять противоположные мнения. Полагая, однако, что не его дело регулировать вопросы веры, он решил уравновесить баланс сил и в своем качестве короля не склоняться ни в ту, ни в другую сторону. Было некоторое сходство между этим принцем и Фридрихом Мудрым, курфюрстом Саксонии, который, хотя и не сразу выступил в поддержку Реформации, предоставил полную свободу учению Лютера. Дядя Кристиана чувствовал себя свободным выполнять обещания, которые он дал знати, и тем самым завоевал их расположение. Он не лишал духовенство его великолепия или богатства; а что касается реформаторов и их учеников, то вместо того, чтобы преследовать их огнем и мечом, как требовал от него папа, он оставил их в покое и не причинил им ни пользы, ни вреда. Если бы Реформация была установлена в Дании, это было бы сделано не властью короля, а силой Бога и народа. Государство не вмешивалось бы. Более того, Фридрих как король, таким образом, продолжил то, что он начал как герцог.

Еще до того, как Фредерик взойшел на датский трон, в герцогствах началась Реформация.^[249] Хузум, город, расположенный на побережье Северного моря, на расстоянии шести или семи лиг от Шлезвига, видел восход этого света, который впоследствии должен был обрадовать так много душ в этих землях. Капитул Хузума находился в зависимости от кафедральной церкви Шлезвига, в которой двадцать четыре викария исполняли функции праздных или отсутствующих пребендариев. Один из них, Германн Таст, разбуженный первыми звуками Реформации, схватил Библию и прочитал труды Лютера; и около 1520 года он публично исповедал открытую им истину. Он одержал верх над одним из своих коллег. Один из знатных людей города, ученый человек и сын внебрачной дочери герцога Фредерика, взял Таста под свое покровительство и выделил ему комнату в своем собственном доме, где он мог разложить обнаруженные им богатства. Число его слушателей возросло до такой степени, что в 1522 году он был вынужден проводить свои собрания под открытым небом, на кладбище. Обычно он занимал позицию под липой и начинал с пения псалма Лютера "*Веселый город*"; и там, на этом поле мертвых, он провозглашал слова Сына Божьего. Многие из тех, кто их слышал, обрели новую жизнь. Таст недолго ограничивался проповедью Евангелия в Хузуме, но начал посещать сельские районы, города и деревни, распространяя знания | Эдикт Веротерпимости. | о Спасителе по всей стране. Многие горожане и знать уверовали. Старый епископ Шлезвига, человек терпимый и знакомый со взглядами Фридриха, с одобрением наблюдал за развитием евангельской доктрины. Фридрих, как только стал королем, издал эдикт, которым формально устанавливалась свобода вероисповедания для двух противоборствующих партий. Отдавая должное верховенству Бога в вопросах души, он подавлял в его присутствии свою собственную царственную власть. "Пусть никто, - сказал он, - не причиняет вреда своему ближнему в его имуществе, его чести или его

телу ни из-за папистской, ни из-за лютеранской доктрины; но пусть каждый поступает по отношению к религии так, как подсказывает его собственная совесть, и таким образом, чтобы он мог хорошо отчитаться перед Всемогущим Богом".^[250]

Однако одна работа там была необходима для распространения Евангелия, чего датское духовенство не допустило бы. Это был перевод и печатание Священного Писания на вульгарный язык. Если бы Фредерик санкционировал это, он нарушил бы свой нейтралитет. Как преодолеть это затруднение? Оно было преодолено удивительным образом. Именно противник Фридриха, его ужасный и несчастный племянник, бывший союзник папы римского, выполнил эту работу или, по крайней мере, заставил ее выполнить тех, кто его окружал. Михельсен, бургомистр Мальмо, последовал за королем в его немилости, оставив ему жену, дочь и имущество. Последнее было конфисковано. Кристиан II, который с тех пор, как услышал Лютера, был полон рвения к евангельской доктрине и, возможно, также видел, что это самое мощное оружие для унижения его врага, римской иерархии, убедил бывшего бургомистра, ставшего его личным секретарем, завершить и опубликовать датский перевод Нового Завета, который уже был начат. Переводчики использовали Вульгату и переводы Эразма и Лютера. Михельсен, в частности, следовал указаниям Лютера в переводе апостольских посланий, который ему был доверен. Этот датский перевод был напечатан в Лейпциге небольшим тиражом кварто в 1524 году с разрешения и при содействии Кристиана; и он был отправлен в Данию из одного из портов Нидерландов, вероятно, из Антверпена, откуда также был отправлен английский перевод Тиндейла. Там было три предисловия; два из них были переведены с Лютера, а третье написано Михельсеном.

В этом предисловии бывший бургомистр не пощадил священников. Знаменитые плакаты, опубликованные во Франции в 1534 году, были не более суровыми. Михельсен считал, что для того, чтобы сделать известным Евангелие Христа, необходимо уничтожить власть духовенства. 'Эти богохульники,' сказал он, 'опубликовав свои антихристианские буллы и свои церковные законы, затемнили Священное Писание и ослепили простое стадо Христово. С лживыми устами и сердцами, черствыми к страданиям других, они так проповедовали людям свое бесполезное словоблудие, что мы не смогли узнать ничего, кроме того, что их мнимая святость соизволила сообщить нам. Но теперь Бог в своей неизреченной милости сжалился над нашим убожеством и начал открывать своему народу свое святое слово, чтобы, как он предсказал одним из своих пророков, их ошибки, вероломство и тирания стали известны всему миру'.^[251] В то же время Михельсен призвал датчан воспользоваться своими правами и свободой, опираясь на самый исток истины.

Было странно видеть, что оба короля-соперника благоволят Реформации: плохой человек своей активностью, хороший - своим нейтралитетом.

Датское духовенство почувствовало нанесенный им удар и попыталось уклониться от него и ответить тем же. Они больше не могли прибегать к силе, поскольку либеральные принципы Фридриха были против этого. Поэтому искали человека, который мог бы поддержать состязание устно и письменно. Такого человека, как они думали, они нашли в Павле Элиае. Никто в Дании не был знаком с Реформацией лучше, чем он; он некоторое время занимался ею, а потом отказался от нее и был вознагражден благосклонностью епископов. Его вызвали из Ютландии, где он тогда находился, в Зеландию; и он сразу же начал действовать и проповедовать против

виттенбергской доктрины. Но люди помнили его прошлое и не доверяли ему. Поэтому вместо того, чтобы нападать на друзей Священного Писания, он был вынужден защищаться.^[252]

Сын короля в Германии.

Если для Реформации было счастливым обстоятельством, что король сохранял нейтралитет между двумя религиозными партиями, то все же очень хотелось, чтобы он достиг большей решимости в своей вере и в своем личном исповедании Евангелия. Произошло семейное событие, которое освободило его от всякого страха и смущения. Его старший сын, которого звали Кристиан, как и последнего короля, был молодым человеком, полным пылкости, ума, активности и энергии. За два или три года до этого его отец, желая, чтобы он увидел Германию, пожил при иностранном дворе и лучше познакомился с людьми и движениями Европы, отправил его (в 1520 году) к своему дяде, курфюрсту Бранденбургскому, назначив его губернатором Джона Ранцау, человека, известного своими знаниями и обширными путешествиями. К несчастью, курфюрст был одним из самых яростных противников Лютера. Вполне можно было опасаться, что молодой принц уловит атмосферу, темперамент и тон этого двора, преисполненного предубеждения против Реформации. Произошло как раз обратное. Суровость курфюрста и слепая ненависть, которую принц и его придворные питали к Реформации, раздражали молодого герцога. На следующий год дядя взял его с собой в Вормс, полагая, что осуждение еретика императором и сеймом произведет на молодого человека сильное впечатление. Но когда Лютер заговорил и мужественно заявил, что готов скорее умереть, чем отречься от своей веры, сердце Кристиана учащенно забилося, и его восторженная душа была привлечена к делу, у которого были такие благородные поборники. Это дело стало ему еще дороже, когда его дядя курфюрст присоединился к епископам, требуя нарушения охранной грамоты, данной Лютеру. Его изумление и негодование достигли предела. Сам Ранцау, повидавший римский двор и имевший во время своих путешествий постоянную возможность близко познакомиться с развращенностью Церкви, был полностью склонен на сторону дела, потерпевшего поражение в Вормсе. В этом городе Кристиан познакомился с молодым человеком, Петером Сваве, который учился в Виттенберге и который по собственному желанию сопровождал Лютера на Сейм и был полон любви к Евангелию. Кристиан получил разрешение от своего отца привязать его к себе и полностью доверился ему. Как только он вернулся в Гольштейн, Кристиан открыто заявил о своей поддержке Реформации. Теплота его убеждений, красноречие его веры, решительность характера, простота и приветливость его манер, которые покорили ему все сердца, оказали благотворное влияние на короля. В то же время благоразумие, опыт и разносторонние знания Ранцау вселили в монарха уверенность в работе, ревностным приверженцем которой показал себя губернатор его сына.^[253]

Декларация веры короля.

Копенгаген все еще находился в руках Кристиана II.; и Генрих Гье командовал там, ожидая помощи, необходимой ему для удержания своих позиций. Фредерик послал своего сына в Зеландию настаивать на сдаче этого места; а сам отправился в Нюборг, на острове Фиония. Гьое, обнаружив, что дальнейшее сопротивление бесполезно, предложил капитулировать. Было решено, что Копенгаген должен быть сдан королю Фредерику 6 февраля (1524 г.) и что гарнизон должен отступить в любое место, которое он выберет. Молодой герцог Кристиан подписал эти статьи от имени короля, своего отца, и ему немедленно сообщили радостную весть. Через десять дней после сдачи столицы, 16 февраля, король вступил в нее, к великой

радости жителей, утомленных восьмимесячной осадой. Фридрих, не делая никаких нападок на господствующую Церковь, сразу же откровенно и бесстрашно провозгласил евангелическую веру. Один человек с высоким положением, член королевского совета Магнус Гьозэ, принял Реформацию и даже имел министра в своем собственном доме. Король отправился на скромное собрание, которое проходило там, и получил Вечерю Господню в обоих видах. Он отказался от всех тривиальных обычаев, навязанных Римом, и голштинская знать, входившая в его свиту, и многие датские лорды последовали его примеру. Духовенство день ото дня теряло уважение, которым оно пользовалось, и большое количество людей покидало исповедальню, искало прощения только у Бога и оставляло свои злые пути.^[254]

Шарлатанство индульгенций оскорбило датчан не меньше, чем немцев. Они открыли глаза и осудили эту торговлю и религию, которая ее поддерживала; но они хранили молчание. Это молчание, однако, не было безразличием. Возможно, у этих северных народов было больше медлительности, чем у южных; но они компенсировали этот недостаток большей вдумчивостью, более глубокими убеждениями и более сильным характером. Возмущенные тем, что римский двор смотрит на них как на толпу слепорожденных, по самой своей природе обреченных на вечную тьму, они вскоре проснулись и провозгласили свое освобождение.

Именно Таусен подал сигнал к этому пробуждению. Все это время он находился в монастыре Антверсков. Его благочестие и добродетели рассеивали там свет среди тьмы того времени; но большинство монахов, увлеченных своими пороками и ненавистью к Евангелию, пытались погасить его. Напрасно он пытался привести их к истине добрыми речами и терпеливым изложением Евангелия. Он пытался поймать их по отдельности, открыть им заблуждения римской религии и показать им, как далеко они были удалены от пути спасения.^[255] Эти представления были очень нежелательны для монахов. Таусен решил воспользоваться приближающимся праздником Пасхи, чтобы торжественно призвать своих слушателей к вере, даже рискуя взорваться. Он получил разрешение принца проповедовать в Страстную пятницу, 25 марта 1524 года. Молодой иоаннит вззошел на кафедру, полный решимости высказать по этому поводу все свои мысли без утайки, продиктованной мирским благоразумием. Он указывал своим слушателям, что человек бессилен; что его добрые дела и мнимое удовлетворение - это сама бедность.^[256] Он изложил заслуги Христа и все величие этой тайны; он призвал их осудить развращенную и нечестивую жизнь, которой они жили до сих пор, и прийти ко Христу, который покроет их своей праведностью. Удар был нанесен.

Эта проповедь вызвала большое волнение, и слушатели были шокированы доктриной, которая показалась им совершенно новой. Все монахи, его начальники, ослепленные папским суеверием, думали только о том, как избавиться от такого еретика.^[257] У приора едва хватило терпения дождаться конца. Он был возмущен тем, что молодой человек, к которому он проявил столько доброты, имел наглость публично исповедовать доктрины реформатора; и он с тревогой увидел, что его монастырь попал под подозрение в лютеранстве. Поэтому он решил избавиться от такого опасного гостя. Он вызвал Таусена к себе и, осудив его за ошибку, сказал ему, что очень хотел бы не налагать на него слишком сурового наказания и поэтому ограничится отправкой его во второй дом ордена, в Выборге, куда он мог бы входить под *наблюдением* ректора Питера Янсена, пока тот не исправит свои ошибки. Таусен отправился к месту своего изгнания.

Таусен в Выборге.

Выборг, очень старый город, расположен на севере Ютландии. Климат в округе более суровый, ветры более холодные и яростные, люди более грубые и невежественные. Фьорды, с которыми был знаком сын крестьянина из Киртминде, были там большей протяженности, иногда их отделяла от моря лишь низкая полоса песка, которая во время шторма, казалось, должна была быть сметена стремительным течением. Но молодому человеку пришлось столкнуться с чем-то более суровым, чем суровый климат. Согласно правилам, он должен был быть заключен как еретик в тюрьму, ворота которой никогда не открывались. Однако настоятель монастыря, когда прибыл его пленник, был тронут, увидев вместо ужасного еретика, которого он искал, молодого человека, мягкого, умного и дружелюбного. Его сердце было завоевано, и он позволил ему большую свободу, особенно в общении с другими монахами. Мог ли Таусен молчать? Он хорошо знал, что если заговорит, то навлечет на себя новые преследования. Но как он мог отказаться от надежды делать добро тем, кто его окружает? Он вспомнил, что говорил Лютер: 'Когда яблоки созреют, их нужно собрать; если мы будем медлить, они испортятся. Главное - не упустить возможность'. *In tempore veni quod est omnium primum*. Таусену казалось, что он все еще читает слова, которые добрый виттенбергский доктор написал мелом над своим камином— 'Кто упускает час, тот упускает и день'.^[258]

Поэтому Таусен решил не терять ни минуты и возобновил в монастырях Выборга работу, которой он занимался в монастырях Антверска. Там он открыто исповедовал учение о свободном спасении, об оправдании по благодати. Изумленные монахи сначала яростно сопротивлялись новоприбывшему. Происходили частые дискуссии; и этот Северный монастырь, в котором так долго царил мертвый штиль, был взбудоражен огромными волнами, белыми от пены, как море, на берегах которого он стоит. Приор сначала закрыл глаза. Он надеялся, что Таусен сам и его монахи вернутся к учению церкви; но он ошибся. Многие монахи были выбиты из колеи, и в городе началось волнение. Один из монахов, которого звали Тагер, был тронут учением Христа в самое сердце и, откровенничая наедине с Таусеном, умолял его наставить его во всей истине. Двое друзей, принимая большие меры предосторожности и тщательно скрываясь от своих начальников, провели вместе много благословенных часов в размышлениях над Священными Писаниями Бога. Но прошло совсем немного времени, прежде чем началось преследование.^[259]

Реформа в Копенгагене.

Подготовка велась не только в этих отдаленных и уединенных регионах. Высшее духовенство начало обнаруживать, что нейтралитет Фридриха был столь же опасен, как и насилие Кристиана. Новый король должен был быть коронован в своей столице в конце августа 1524 года, и совет королевства должен был собраться заранее. Это был момент, выбранный прелатами для решения вопроса о том, что Дания должна оставаться верной папе. Ни один из членов церкви не отсутствовал на собрании. В Копенгаген прибыли не только все епископы, но и многие другие высокопоставленные лица, митрофорные аббаты, проректоры и другие. Епископ этого города Лаго Урне, который был опечален тем, что вокруг него алтари Рима все более и более заброшены, а мессы по усопшим и деньги, которые священники получали от них ежедневно, падали, указал своим коллегам, что взгляды Лютера быстро набирают силу, что из-за этого страдают не только доходы церковников, но и что их уважение и авторитет даже среди простых людей были подорваны, и что эти новые доктрины вскоре распространятся из столицы по всему королевству. Тридцать шесть лордов, членов Совета, присутствовали на этом мероприятии. Они собрались 28 июня, накануне праздника апостолов Петра и Павла. 'Епископы, ' заявили перепуганные сторонники папства, - должны выступить против

лютеранской ереси с большей серьезностью, чем они делали до сих пор; всякий, кто учит этому, должен быть наказан тюремным заключением или другими наказаниями (они даже предлагали смертную казнь); опасные писания, которые каждый день поступают из Антверпена и других мест, должны быть запрещены; и не должно быть никаких нововведений, пока собор, созванный папой, не примет решения по этому вопросу'. Эти резолюции были приняты членами собора, как мирянами, так и церковниками; и следствием этого стало то, что запрещенные книги искали и читали с большим рвением, чем раньше.

Что будет делать король? Выступит ли он против или подтвердит эти резолюции? Он оставил совет свободным. Но в день, назначенный для его коронации, он прибыл в Копенгаген в сопровождении евангелического священника, который был назначен исполнять в его доме обязанности капеллана. Зрелище появления этого смиренного пастора посреди королевской помпы потрясло миряни сильно оскорбило епископов. Когда они увидели, что принц таким образом публично просто, но решительно оставляет за собой право свободно исповедовать евангелическую религию, они испугались, что лишить народ такой же свободы будет нелегко. Однако они не посмели сопротивляться королю. Избранный архиепископ Лунда, еще не получивший хиротонии, Густав Троль, архиепископ Упсалы, председательствовал на церемонии хиротонии. Когда разбирательство прошло без каких-либо помех, епископы, недовольные и беспокойные, вернулись в свои епархии, решив сделать все возможное, чтобы остановить то, что они называли распространением нечестия; и преследования со стороны духовенства были установлены в порядке дня по всему королевству.^[260]

Таусен в тюрьме.

Побег Таусена был невозможен. Епископ Выборга Георг Фриис был полон решимости искоренить Реформацию. Молодой реформатор был задержан, предан суду и приговорен к тюремному заключению. Он был заключен в подземную часть городской башни - унылое жилище, куда немного воздуха и дневного света попадало только через отверстие, проделанное в нижней части здания. Этим отверстием для воздуха, которое поддерживало жизнь бедного узника, он должен был воспользоваться сам, чтобы дать жизнь другим и таким образом облегчить страдания своего пленения. По крайней мере, те люди, которые начинали любить Евангелие, преисполненные сострадания к его несчастью, украдкой приближались к отверстию, которое, по-видимому, выходило на изолированный участок пустыря. Они тихо окликали его; он отвечал на эти дружелюбные голоса, и у подножия уединенной башни снова зазвучали разговоры обитателей монастыря. Некоторые горожане, которым нравилось Евангелие, услышав об этих уединенных собраниях, также бесшумно и тайно подкрались к подножию башни. Благочестивый иоаннит подошел к отверстию и радостно провозгласил Евангелие этой скромной аудитории. Узник, находящийся в бедственном положении, лишенный всего, подлежащий наказанию, наложенному королевской капитуляцией на всех учеников Лютера, Таусен заявил из глубин своей темницы, что, тем не менее, верно, что только живая вера в Спасителя оправдывает грешника. Число его слушателей росло день ото дня; и это подземелье, в котором предполагалось похоронить речь Таусена, как в могиле, было превращено в кафедру, действительно странную кафедру, но которая стала для него более ценной, чем кафедра в Антверпене, с которой он был изгнан. Он больше не был одинок в распространении божественного слова. Тагер и минорит Эразм, которому молодой человек открыл его, ревностно распространяли его. Они ходили от дома к дому и повторяли семьям, к которым имели доступ, инструкции, которые смиренный узник передал им через

вентиляционное отверстие.^[261] Магистраты закрыли глаза на происходящее; и многие дворяне, которые были в дружеских отношениях с евангелическими лордами Шлезвига, выступили за Реформацию. Они подбадривали друг друга, говоря, что король не позволит свергнуть реформаторов. Вскоре принц собирался пойти еще дальше.

Когда Фридрих осенью отправился в Ютландию, он услышал о заключении в тюрьму и проповедях Таусена. Он принял решение не сажать римско-католиков в тюрьму, но в то же время он не намеревался, чтобы католики сажали в тюрьму реформированных христиан. Поэтому он направил рескрипт по этому вопросу совету и жителям Выборга, вследствие чего засовы были задвинуты и ворота открылись перед благочестивым реформатором. Фридрих пошел дальше. Вытащив бедного узника из башни, из его низкого жилища, он посадил его рядом с тронем и назначил своим капелланом. *Бог поднимает бедняка с навозной кучи и сажает его среди князей.* Желая еще больше обозначить решение своей веры, он удостоил такой же чести Таста из Хузума. Однако Фридрих не намеревался, по крайней мере в настоящее время, лишать Виборг сиявших там огней. Таусен, Теджер и Эразм проповедовали там царство Божье. Намерением короля было, чтобы Евангелие, которое то тут, то там било из ютландских живых фонтанов, имело в этом городе крепость. Поэтому он позволил его жителям оставить Таусена своим пастырем, но освободил его от всякого монашеского подчинения.^[262] Хотя реформатор еще год или два продолжал носить одежду и проживать в доме иоаннитов, он пользовался полной свободой; и этим он воспользовался, чтобы повсюду распространять доктрину, которую ненавидели главы его ордена. Другие пришли ему на помощь. [Садолин.] Молодой человек из Виборга по имени Садолин, которого иногда называют в честь его родины Вибургиусом, в 1522 году учился у Лютера; и после своего возвращения в свою страну он исповедовал принципы здравого учения. Епископ немедленно пресек его попытки, и Садолин обратился к королю с просьбой разрешить открыть в городе евангелическую школу. Принц, понимая, что такое учреждение послужит прочной основой для религиозного движения, с готовностью согласился и основал в Выборге большую бесплатную школу, в которой Садолин был первым профессором. Молодежь и взрослые города и других частей страны были там обучены принципам Евангелия. В Ютландии, которая, таким образом, получила свет одновременно из Виборга, с одной стороны, и из Шлезвига, с другой (Шлезвиг принял Реформацию еще в 1526 году), число тех, кто не желал никакого другого Спасителя, кроме Иисуса Христа, ежедневно увеличивалось.^[263]

Ход реформы в Мальме.

Таким образом, хотя у Реформации была одна основа действий в Виборге в Ютландии, она нашла вторую в совершенно другом квартале, в Мальмо, напротив Копенгагена, на другом берегу пролива. В Виборге реформация носила более внутренний и духовный характер; в Мальмо она носила более полемический характер. Бывший бургомистр Михельсен, опубликовавший в то время в Саксонии датский Новый Завет, уже потрудился в этом городе над искоренением злоупотреблений римской иерархии. Священник, наделенный красивым лицом, мощным голосом, большим красноречием и решительным характером, которого его враги обвиняли в определенном властолюбии, смело проповедовал там доктрины Реформации. Его аудитория неуклонно увеличивалась, и в нее вошли несколько влиятельных людей; среди прочих Якоб Нильсен и Джордж Кок, последний из которых сменил Михельсена на посту бургомистра. Встревоженные прогрессом Реформации, ее противники осудили еретического проповедника, которого обычно называли христианским именем Клаус.^[264] Бургомистр остался

непреклонен. Перед городом был участок пастбища, принадлежавший магистрату. ‘Ты будешь проповедовать там,’ сказал он красноречивому Тондебиндеру, ‘но будь осторожен; проповедуй евангельскую истину, но не прикрывай ее именем Лютер’. Был июнь месяц. Вскоре по всему городу стало известно, что проповедь будет проходить под открытым небом. Искренние христиане, движимые желанием услышать Евангелие, противники священников из-за самого запрета архиепископа и нейтральные, привлеченные новизной обстоятельств, толпой стеклись на это место. Они остались стоять, тесно прижавшись друг к другу и сбившись в кучу, потому что не осмеливались выйти за пределы *свободной* земли. Еще один шаг, и опрометчивый незваный гость мог попасть в руки архиепископа и его двора. Горожане потребовали построить церковь, и они, не без оснований, отдали им часовню Святого Креста, которая была самой маленькой в Мальмо. Зал мгновенно наполнился, и многие люди, которым пришлось остаться у дверей, снова начали жаловаться. Затем вмешался король и поручил красноречивому проповеднику церковь Святого Симона и святого Иуды. Но даже этого было недостаточно. Собравшиеся пожелали иметь самую большую церковь, церковь Святого Петра; и настоятель разрешил использовать ее для воскресных вечеров.^[265]

Вместо одного оратора теперь было два. Шпандемайер, священник ордена Святого Духа, ученый человек, ободренный благоприятным приемом Евангелия, начал возвышать свой голос; и эти два человека, поддерживая друг друга, смело сказали— ‘Истинное христианское учение не проповедовалось со времен Апостолов. Все те, кого церковь осудила как еретиков, были истинными христианами. Все римские папы были антихристами; а те, кто доверяет своим собственным делам, - лицемеры, которые тем самым закрывают для себя путь к спасению’. Оба священника отвергли посты, различие в употреблении мяса, монашеские обеты и мессу. Церкви были очищены от тщеславных украшений, которые до этого времени выставлялись в них напоказ; место главного алтаря занял простой стол, и Вечеря Господня совершалась там простым образом. Вскоре все жители этого важного города стали исповедовать евангельскую веру.

Однако у монахов все еще были свои церкви, из которых, как из крепостей, они упорно боролись против Реформы. Францисканцы особенно не устали в этом сражении. Клаус решил атаковать их в их собственных окопах. Однажды он зашел в их церковь во время вечерни; взошел на кафедру и там провозглашал истину и боролся против монашества. Разве эта система не является раковинной, в которой собираются воедино самые вопиющие злоупотребления? Разве обязательные обеты, праздность, чувственность и, прежде всего, скандальная распущенность не являются нечистыми водами, которые впадают в этот водоем? Францисканец, который слышал его, сразу после этого поднялся за кафедру и попытался опровергнуть его. Едва он закончил, как Клаус начал снова. Это странное состязание продолжалось до конца дня, и ни у одного из чемпионов не закрывался рот от ударов, которые они наносили друг другу.^[266]

Два служителя проповедовали со все возрастающей серьезностью, что грешника спасают не мессы, не обеты, не дни поста, не принятие римских причастий, не достойные подвиги; но только вера в Спасителя, который забирает наши грехи и изменяет наши сердца. Архиепископ Лунда Оге Спарре, будучи сильно разгневанным, вызвал к себе двух проповедников, чтобы дать отчет об их действиях. Он ждал их день за днем, но тщетно. Наконец его терпение лопнуло, и он отправился в Мальмо, полный решимости заставить замолчать этих наглых священников, которые не подчинялись его приказам. ‘Эти еретики,’ сказал он магистратам, - утверждают, что

человек спасается одной верой; что существует универсальное священство, которое принадлежит всем христианам, включая женщин. Они совершают мессу в обоих видах и не могут не навлечь на себя месть Всемогущего".^[267]

Жалобы и угрозы архиепископа оказались безрезультатными. С другой стороны, два министра получили дополнительную помощь. Монах-кармелит по имени Фрэнсис Ворморсен, уроженец Амстердама, восплаивший любовью к истине, присоединился к ним и впоследствии стал первым евангелическим епископом Лунда.^[268]

Евангелисты сделали еще один шаг. Как на Вечере Господней, так и на общей службе они использовали датские гимны вместо латыни, которую люди не могли понять. С этой целью они перевели несколько немецких гимнов, особенно сочинения Лютера, а в 1528 году опубликовали первые евангелические гимны на датском языке.^[269] Выпуски быстро сменяли друг друга. Каждый желал петь гимны не только в церкви, но и у себя дома. За короткое время весь город собрался вокруг Слова Божьего. Некоторые из монахов, которые плохо вели себя, были изгнаны горожанами. Монастыри, подаренные королем, были преобразованы в больницы. Теперь люди не слышали в церквях ничего, кроме проповеди Иисуса Христа. В 1529 году была основана теологическая школа, и возмущенные священники восклицали— *‘Мальмо превратился в логово воров, убежище отступников и головорезов’*.^[270] Напротив, это был *город, расположенный на холме, свет которого невозможно было скрыть*.

Реформация продвигалась вперед не только в Мальме и Выборге. Повсюду столпы папства шатались, и храм угрожал рухнуть на землю. Слово Божье и труды Лютера и других реформаторов искали и читали. Многие христиане, которые до сих пор довольствовались тем, что платили священникам за заботу об их душах, начали беспокоиться о них самих. Они поняли, что в христианстве важен не папа, не епископы и не священники, как они до сих пор привыкли верить; но Отец, который на небесах, Сын, который умер и воскрес вновь, чтобы спасти свой народ, и Святой Дух, который изменяет сердца и наставляет на всякую истину. Когда нищенствующие монахи появлялись в домах людей со своими кошельками за спиной, они слышали, как в образованных семьях, вместо обычной праздной болтовни, велись дискуссии, которые сильно озадачивали их. От простых людей они тоже получали, вместо яиц и масла, только грубые выпады. Когда они пытались, как прежде, вмешиваться в семейные дела, люди закрывали перед ними двери; а когда агенты богатых епископов Ютландии появлялись с целью получения их десятины, крестьяне отворачивались от них. Король держался в стороне от всех этих дел и не вмешивался. В некоторых случаях, это правда, он подтверждал привилегии духовенства; но народ взял дело в свои руки, и именно народ, а не король реформировал Данию.^[271]

Приглашение Эку И Коклеусу.

Епископы были встревожены; они видели, что римский католицизм готов погибнуть, и не было человека, ни из их числа, ни среди священников, который был бы компетентен защитить его. Поэтому, обратившись к одному из своих преданных сторонников по имени Генри Геркенс, они сказали ему: Отправляйтесь в Германию к доктору Эку или к Коклеусу, этим прославленным защитникам папства, и самыми настойчивыми просьбами и самыми щедрыми обещаниями убедите их приехать, одного или другого из них, или, если возможно, обоих, в Данию на два или три года, чтобы опровергнуть, поставить в тупик и изводить еретических учителей проповедями, диспутами и писаниями. Мы не знаем, где можно найти этих доблестных бойцов; но

отправляйтесь в Кельн, и там вы узнаете. Чтобы облегчить выполнение вашей миссии, вот рекомендательное письмо, адресованное каждому священнослужителю и каждому мирянину Римской церкви; вместе с особыми письмами каждому из этих великих врачей".^[272]

Геркинс отправился в путь в мае 1527 года и начал поиски двух мужчин, которым предстояло спасти римский католицизм в Дании. Первым был найден Эк. В этом было что-то соблазнительное для такого тщеславного человека, как он, ибо письмо, написанное ему, содержало лесть самого преувеличенного рода. Спасение скандинавской церкви, заявили епископы, зависит исключительно от него; но знаменитый врач считал, что он слишком востребован в Германии, чтобы иметь возможность покинуть ее. Затем датский делегат обратился к Коклеусу. Он был польщен предложенной ему ролью, но счел благоразумным проконсультироваться с Erasmus. Последний ответил, что Дания находится очень далеко; что нация, как ему сообщили, очень варварская; и что все, что он мог сказать, это то, что это дело касается не людей, а Иисуса Христа.^[273] Коклей, как и Эк, отказался ехать.

В отсутствие богословских дебатов возникали споры другого рода. Евангелисты, которых становилось все больше и больше в городах, обычно собирались вместе для своего богослужения; но епископы выступали против них, и следствием этого были более или менее частые столкновения. Следовало опасаться, что волнение распространится еще больше. Не будучи *варварами* (как называл их Эразм), датчане обладали той энергичной натурой, иногда ужасной, о которой говорил Кристиан II. был таким типом. Благоразумное правительство должно было попытаться предотвратить конфликты с применением насилия; и с этой целью установить некоторый *modus vivendi*. Именно это король и взялся сделать; и с этой целью он созвал сейм в Одензее на 1 августа 1527 года. Духовенство с восторгом услышало эту новость и решило воспользоваться случаем, чтобы искоренить Реформацию. У них были некоторые основания надеяться на успех. Дворяне должны были встать на сторону епископов; и эти два объединенных класса должны были одержать победу. Были открыты два пути: обеспечить религиозную свободу всем датчанам или подавить одну из двух партий. Евангелисты желали первого, епископы | Речь короля к епископам. | нацеленная на последнее. Фридрих I не колебался; он открыл собрание латинской речью, полной откровенности, и особенно обращенной к духовенству. "Вас, епископы, - сказал он, - которые были возведены в столь высокое достоинство, для того, чтобы вы могли питать Церковь Христову, распространяя в ней благотворное слово Божье, я призываю вас со всей вашей энергией позаботиться о том, чтобы это было сделано, чтобы чистый и неподкупный голос Евангелия мог звучать в ваших епархиях, питать души и хранить их от зла. Вы знаете, какое множество папских суеверий было уничтожено в Германии благодаря вмешательству Лютера; вы знаете, что и в других странах уловки и обман священников были разоблачены перед народом, и что даже среди нас поднялся всеобщий протест. Жалуются на то, что слуги Церкви, вместо того чтобы черпать чистое слово Господне из чистых источников Израиля, уходят в мутные и застойные пруды человеческих традиций имнимых чудес, в каналы, настолько зловонные, что люди начинают отворачиваться от их заразных испарений. Я знаю, что дал вам клятвенное обещание поддерживать римско-католическую религию в этом королевстве; но не думайте, что я намереваюсь прикрыть своей властью никчемные басни, которые проникли в нее; ни я, как король Дании и Норвегии, ни вы сами не обязаны поддерживать постановления Римской церкви, которые не основаны на непоколебимой скале слова Божьего. Я поклялся сохранять ваше епископское достоинство до тех пор, пока вы будете посвящать всю свою энергию выполнению своих обязанностей. И, видя, что христианская доктрина, изложенная в соответствии с Реформацией Лютера, пустила свои

корни так глубоко в этом государстве, что было бы невозможно искоренить ее без кровопролития, моя королевская воля заключается в том, чтобы две религии, лютеранская и папская, пользовались равной свободой до заседания генерального совета, о котором будет объявлено".^[274] Таким образом, этот северный монарх реализовал высказывание Тертуллиана — *Certe non est religionis cogere religionem*.^[275] К сожалению, Реформация не всегда была верна своим собственным принципам.

Услышав эти слова, епископы пришли в ужас. Они были слишком хорошо знакомы с народом, чтобы не быть уверенными, что *прирежиме* свободы Реформация одержит верх. С ними и их епископатом все было кончено. Они верили, что единственная надежда духовенства заключалась в тесном союзе с дворянством. Они сказали лордам: "Молитесь, защитите Церковь"; и те начали работать вовсю^[276], чтобы не допустить приведения воли короля в исполнение. Они в самых ярких красках изображали опасности, которым Реформация подвергла государство. Они жаловались на жестокое обращение, которому подверглись некоторые из нищенствующих монахов; и они произвели глубокое впечатление на умы многих лордов и сановников государства.

Выйдя на свободу, они немедленно выступили против преследований. Королевский совет потребовал, чтобы грамоты, санкционировавшие новые доктрины, были отменены, чтобы проповедники были изгнаны из королевства, чтобы монахи были возвращены в свои монастыри и чтобы епископы назначили в своих епархиях ученых клерков, компетентных опровергать реформаторов. "Я не в состоянии внушить совет, - сказал король, - но если кто-нибудь плохо обойдется с монахами, он будет наказан".^[277]

Люди были взволнованы, потому что они выступали за реформы. Даже среди знати и влиятельных богачей существовала партия, во главе которой стоял Магнус Джоэ, которая была полна решимости поддерживать свободу евангелизма. Эти просвещенные люди добились того, чтобы их голос был услышан. Король, обнаружив, что его трон укрепился и что общественное мнение все больше и больше склоняется в пользу Реформации, предпринял еще один шаг. Укрепленный поддержкой Джоэ, его друзей и народа, он добился разработки конституции, касающейся вопросов религии, и она была представлена сейму в Одензее в 1527 году. Это встревожило епископов и изумило знать.

Королевские указы.

Когда это собрание, в состав которого входили самые ревностные приверженцы папства, было сформировано, делегат короля зачитал вслух следующие статьи:

1. Каждый может свободно исповедовать любую религию; совесть не подлежит никакому исследованию.
2. Король будет одинаково защищать папистов и лютеран и предоставит последним безопасность, которой они до сих пор не пользовались.
3. Брак, который веками был запрещен каноникам, монахам и другим служителям церкви, отныне разрешен и им.
4. Епископы вместо того, чтобы ехать в Рим за *паллиумом*, должны будут просить подтверждения у короля.^[278]

Таким образом, в королевстве произошла великая религиозная революция. С отменой безбрачия иерархия была уничтожена; с отменой *паллиума* отношения с папством были подавлены; и первые две статьи позволили евангелической церкви быть созданной на руинах Рима.

Первым побуждением духовенства было отвергнуть все статьи; но страх, с которым епископы относились к Кристиану, опасение, что какая-нибудь иностранная держава восстановит его на троне, заставил их трепетать. Если король и становился на сторону Евангелия, то он был, по крайней мере, умеренным, в то время как христианин был вспыльчивым и жестокосердным. Прелаты хранили молчание. Принимая оставленную им свободу, они действительно имели вид людей, закованных в цепи; но, отнюдь не крича очень громко, они выказывали некоторое стремление подчиниться. Правда, у них было одно утешение: их десятина, их имущество были закреплены за ними, *до тех пор, пока они не будут подвергнуты сомнению в законном судебном разбирательстве*. Тем не менее, за этой кажущейся покорностью скрывалась непоколебимая решимость. Все прелаты были полны решимости энергично защищать доктрину и конституцию папства и воспользоваться первой благоприятной возможностью, чтобы обрушиться на Реформацию и изгнать ее из Дании.^[279]

ГЛАВА III.

ТРИУМФ РЕФОРМАЦИИ При ПРАВЛЕНИИ ФРИДРИХА I МИРНОГО. (1527-1533 гг.)

Таусен, сын крестьянина из Киртминде, все еще находился в монастыре Выборга и носил одежду иоаннитов; но он бесстрашно распространял доктрины Реформации. Станный монах! сказали друзья настоятеля Питера Янсена. Опасаясь, что в его овчарне завелся волк, настоятель выгнал Таусена из своего монастыря. Горожане встретили его с энтузиазмом. Они отвезли его на кладбище доминиканцев, и реформатор, заняв свое место на надгробии, проповедовал толпе живых людей, когда они стояли или сидели на могилах мертвых. Вскоре для него открылась францисканская церковь. Утром монахи служили в церкви мессу, а днем Таусен и его друзья проповедовали там Слово Божье. Иногда при выходе со службы разгорался спор, и миряне и монахи доходили до громких слов и даже до драк. Затем епископ запретил проповедь; и это в значительной степени увеличило число мирян, которым не терпелось услышать человека, которого монахи так боялись. Епископ предпринял другие меры. Пехотинцы и всадники получили приказ не пускать горожан в церковь, в которой проповедовал Таусен. Но миряне, еще более решительные, чем священники, забаррикадировали цепями улицы, по которым должны были прибыть войска; а затем, оставив некоторое количество своих людей защищать баррикады, отправились на службу, вооруженные с головы до ног. Услышав это известие, епископ в тревоге приказал закрыть ворота своего дворца и, вообразив, что он уже видит горожан, идущих на штурм, занял оборонительную позицию. Таким образом, весть о мире сопровождалась весьма воинственными обстоятельствами. | Церкви, закрепленные за евангелистами. | Вмешался король. Он считал справедливым, что евангелисты, так же как и католики, должны иметь свободу поклоняться Богу, и поэтому передал горожанам церкви францисканцев и доминиканцев. Разъяренные монахи закрыли двери церквей; горожане открыли их силой. Затем монахи в ужасе бросились искать убежища в своих кельях. Вскоре музыка гимнов, сочиненных Таусеном и исполняемых его паствой, достигла их ушей и несколько успокоила их трепещущие сердца. Реформаторы хотели быть справедливыми. Они оставили

монахам для их богослужения сводчатые галереи, окружавшие церковь. Но солдаты не проявили такой терпимости. В один прекрасный день четверо всадников, в другой - пятнадцать, говорит историк,^[280] пришли и разместились в этих галереях. Это было похоже на драконью атаку. Пение монахов и топот лошадей, должно быть, создавали очень негармоничную музыку. Король, безусловно, не имел никакого отношения к этому раздражению. Новые раздоры были неизбежны. Два нищенствующих ордена, средства к существованию которых зависели от благотворительности народа, больше не получая никаких даров, вскоре оказались в крайне затруднительном положении. Францисканцы продали серебряную чашу; но на это ушло совсем немного времени. Затем они приняли план отъезда; и в этом благоразумном плане горожане были готовы оказать им помощь. На самом деле последние взялись за это дело так рьяно, что некоторые думали, что они прогоняют монахов. Свобода действительно была общим законом королевства, но она не всегда соблюдалась в деталях.^[281]

Монахи ушли; но в город пришли печатники, книготорговцы и книги. Характерен контраст. Во всех городах, где утвердилась Реформация, в то же время был установлен печатный станок. В результате борьбы Реформации повсеместно возник вкус к чтению. Однажды приезд книготорговца по имени Иоганн Вайнгартен вызвал в Виборге огромную радость. Таусен немедленно воспользовался этим обстоятельством и начал сочинять работу, которую озаглавил *"Пастырское и епископское послание Иисуса Христа"*. В нем сам Христос обращается к народу Дании. Они оставили его, чтобы искать покоя у идола Ваала, который был в Риме. Но Христос возвращается к тем, кто покидает его, и предлагает им благодать любви Божьей. 'Разве вы не слышите звук этих труб, в которые мои пророки трубили последние десять лет? Они заставляют святое слово Евангелия звучать по всему миру. Идите, куда оно зовет вас. Не бойтесь, потому что вас мало. Для меня нетрудно даровать небольшому стаду победу над великим множеством'. За этим последовало множество сочинений подобного рода. Таким образом, Таусен изо всех сил убеждал свой народ идти по пути истины.^[282]

Последовательно произошло несколько обстоятельств, благоприятствовавших Реформации. Епископ Роскилле, величайший противник Реформации, умер, и король выбрал своим преемником Иоахима Роеннова,^[283] придворный, который долгое время проживал в Париже и в других университетах. Он был знатного происхождения и уроженцем Гольштейна, страны, особенно дорогой королю. К сожалению, Фредерик остановил на нем свой выбор скорее потому, что он был другом его дома и способным защитить своих сыновей после его смерти, чем как друг Евангелия. Нет уверенности, что Роэннов был церковником. Вероятно, в это время он был рукоположен последовательно в диакона, священника и епископа. Он был вынужден поклясться, что не будет противодействовать проповеди Слова Божьего, и сделал это добровольно. Но с ним случилось то же, что и с Энеем Сильвием, который, став папой, перенял вместе с тиарой ее принципы и предрассудки.

Другая мера короля оказалась более успешной. Он основал или санкционировал основание в Мальмо теологической школы в соответствии со Священным Писанием; и среди ее первых профессоров были Ворморсен, Тондебиндер и Питер Лоран. Король также потребовал, чтобы вакантные канонические места в Копенгагене были отданы людям, способным обучать священников и студентов истинной теологической науке. Вскоре после этого некоторые врачи Выборга и Мальмо наложили руки на молодых христиан, которые были готовы проповедовать Евангелие. Но при этом они заявили, что не сообщали им никакого священнического

помазания, которое относилось бы только к Богу, но что они утвердили их в служении как людей, достойных этого.^[284]

Таусен позвонил в Копенгаген.

Наконец, в том же году произошло важное событие, увенчавшее эти различные меры в пользу протестантизма. Король, спокойно следуя своим курсом, решил призвать Таусена исполнять свое служение в более важной сфере, а именно в самом Копенгагене, и назначил его пастором церкви Святого Николая. Таусену стоило немалых усилий покинуть Выборг. Он предвидел, с каким противодействием и враждой ему придется столкнуться в столице; однако он не стал уклоняться от этого, а отправился в путь. Во время своего путешествия он не упускал ни одной возможности провозгласить истину. Подобно святому Павлу, он проповедовал вовремя и не вовремя. Встретив сенатора королевства, графа Гильденстерна, человека, пользовавшегося большим уважением, он поведал ему Евангелие. Сенатор не смог устоять перед правдой. 'Только одно сбивает меня с толку, - сказал он. - я не могу убедить себя, что Церковь, которая на протяжении веков блистала таким великолепием, может быть ложной, а вся эта новая религия, которую проповедует Лютер, истинной. Истинная религия обязательно должна быть самой древней'.^[285] Таусен смог легко ответить, что вера, проповедуемая реформаторами, содержится в древних писаниях апостолов. Затем он продолжил свой путь.

Евангельские христиане Копенгагена живо демонстрировали свою радость по поводу его прибытия, и вскоре ревностный доктор увидел огромную толпу, собравшуюся на его проповедь. Его слушатели не удовлетворились простыми знаками одобрения доктрины, которую он проповедовал, но они привлекли на свою сторону тех, кто все еще колебался между Евангелием и папством, так что вскоре большинство людей встало на сторону Слова Божьего. Великие истины спасения, до того времени скрытые, говорили они, теперь раскрыты и представлены нам красноречиво и здраво, так что они запечатлеваются в наших душах.^[286] Реформации должен был быть дан еще более мощный импульс.

В мае месяце 1530 года имперский сейм собрался в вольном городе Аугсбурге. Никто не сомневался, что император, который только что был коронован папой в Италии, пожелает выполнить свои обязательства перед последним, заставив протестантов снова пасть ниц перед тройной короной. Особенно были убеждены в этом датские прелаты. Они перешли на более высокий тон и сказали, что если бы им только удалось встретиться с лютеранами, они бы быстро заставили их замолчать. Они предполагали дать в Копенгагене репетицию драмы, которая должна была разыгрываться в Аугсбурге. Датские евангелисты, со своей стороны, горячо желали конференции; и сам король признал необходимость этого. Поэтому он распорядился распространить прокламацию по всей Дании. "Епископы, прелаты одной стороны, и лютеранские проповедники, магистр Джон Таузен и его приверженцы, с другой стороны, были приглашены выступить на Сейме перед королем и королевским советом с целью изложения своего исповедания веры и ее защиты с целью установления в королевстве единой христианской религии".^[287]

Копенгагенская диета.

Открытие сейма было назначено на 20 июля 1530 года.

Королевское воззвание произвело различный эффект. Прелаты сделали вид, что искренне довольны, и были бы рады убедить всех в своей искренности. Но торжествовать до победы небезопасно.^[288]

Члены римской партии сами по себе не были теми людьми, какими они были на публике. "Увы! - говорили они друг другу. - Если Одензее дал свободу протестантам, разве Копенгаген не лишит прелатов их сана?"

Прелаты посовещались между собой и пришли к выводу, что они не могут полагаться на свои собственные силы. Пауль Элиае был единственным человеком, способным справиться с Таузенем; но прелаты не вполне доверяли ему. Экк и Коклей отказались отправляться так далеко, в Скандинавию. Регент кафедрального собора Аархууса, магистр Георг Самсинг, один из лучших датских богословов, был отправлен в святой город Кельн в поисках врачей, хорошо разбирающихся в Аристотеле,^[289] мастера искусства смелых и тонких насмешек, искусные наносить сильные удары и своевременно вводить в заблуждение своих коллег. антагонисты и их слушатели в лабиринте различий и силлогизмов. Регенту не очень повезло в его исследованиях; однако ему удалось убедить неизвестного врача по имени Стагефир и еще одного, чье имя даже неизвестно.

Наконец наступило 20 июля. Ассамблея Штатов открылась, и вся нация была внимательна к тому, что должно было произойти. От вопроса этой конференции зависело религиозное будущее Дании. На стороне Рима выступили епископы, но не для того, чтобы защищать свое учение, а для того, чтобы заседать в качестве советников королевства и, как они утверждали, в качестве судей. Два доктора, которых мы упомянули, и, кроме них, Элиай, Муус, Самсинг, апостольский протонотарий Вульф и несколько других выступили вслед за ними в защиту папства. Со стороны евангелистов выступили Таусен, Ворморсен, Хризостом (гульденмунд), Садолин и Эразмус; всего двадцать два служителя.^[290] В течение первых восьми дней последние продолжали молчать и не предприняли ни единого шага в целях самообороны; их противники тем временем применяли все большее насилие против тех, кого они называли *еретиками*. Через восемь дней после открытия Таусен явился во главе своей свиты и передал королю составленное ими евангелическое исповедание. Король передал его прелатам, и они потратили необходимое время на его изучение.

Как бы все обернулось? Уже 12 июля Карл V получил от папы просьбу силой уничтожить Реформацию в Германии, и он был готов это сделать. Разве в Копенгагене не было бы того же самого? Молодой человек из Киртминде, Таусен, стоя на берегу Большого Бельта, видел, как морские воды разбрасывали лодки рыбаков, и, яростно наступая на побережье, валили деревья, разрушали дома и опустошали поля. Разве Реформе не грозил подобный крах? Так думал Таусен. Поэтому его друзья и он сам, полный смелости, решили обратиться к народу. Они хотели, по крайней мере, чтобы триумф их дела исходил не столько из постановления штатов, сколько из свободного убеждения их сограждан. Поэтому они распределили между собой сорок три пункта своего исповедания, и каждый день двадцать два служителя по очереди произносили две проповеди о доктринах, которые они в нем исповедовали. Прелаты, которые воображали, что увидят своих противников в тревоге, скрывающих свои убеждения, как трусы, были поражены этой неожиданной смелостью; и толпы слушателей, хлынувшие в церкви, привели их в великую ярость. Они поспешили к королю. Они умоляли его, они обязали его

запретить эти лютеранские проповеди, которые, по их словам, ущемляли права сейма. Но Фредерик, хотя и был на мгновение подавлен епископами, прислушался к заявлениям пасторов и отозвал свои | Проповеди умножились. | запрет. Затем протестанты, стремясь наверстать упущенное, произносили по четыре проповеди в будний день и по двенадцать - в воскресенье.^[291] Если прелаты превосходили в нападении, то реформаторы превосходили в защите. Этот случай, возможно, уникален в истории Реформации. Но какая разница между этими людьми! Деятельность служителей заключалась в провозглашении своей веры; деятельность епископов заключалась в том, чтобы заставить своих противников замолчать, заключить в тюрьму и изгнать. Прелаты прилагали столько же усилий, чтобы спрятать свое учение под спудом, сколько евангелисты прилагали, чтобы опубликовать свое учение на крышах домов. Первые ни при каких обстоятельствах не стали бы противопоставлять доктрину доктрине, чтобы не втянуть в борьбу непрофессионалов. В то время как служители день и ночь проповедовали Евангелие, священники были активны только в преследованиях. Согласно Священному Писанию, *они заснули и легли, как бессловесные собаки*; и мы вынуждены признать, что это было не так с римскими католиками в других странах. Когда две стороны в присутствии друг друга принимают столь разные меры, победа предрешена.

Евангелистам одних проповедей было недостаточно. Их великим делом было сделать торжественное исповедание своей веры перед Сеймом. Однажды, который определить нелегко, но, вероятно, примерно в конце июля 1530 года, Таузен и его друзья предстали перед королем, вельможами королевства, епископами и депутатами и представили, почтительно, но смело, заявление о своей вере. Их заявление не обладало совершенной формой исповеди Меланхтона, с которой они в то время не были знакомы, но в нем было больше ясности и силы. В то время как друг Лютера из желания пощадить и даже привлечь на свою сторону могущественных князей, которые слушали его, обошел молчанием некоторые статьи, которые могли вызвать резкое противоречие, Таусен и его братья не считали своим долгом в присутствии надменных и преследующих епископов ни смягчать изложение своих доктрин, ни щадить римскую партию.

Исповедание веры.

"Священное Писание, - говорили они, - единственное и не искаженное толкованиями, дополнениями и баснями людей,^[292] учит всех людей, как они могут получить спасение от Бога. (Статьи 1 и 2.)

"Тот, кто, чтобы обрести вечную жизнь, выбирает какой-либо иной путь, отличный от того, которому учит Писание, глуп, слеп и недоверчив, каким бы мудрым и святым он ни казался миру.^[293] (Статья 3.)

"Гонения, страсти, смерть, воскресение и вознесение нашего Господа, несомненно, свершились и были даны нам в качестве нашей праведности, исполнения нашего долга, искупления всех наших грехов.^[294] (Статья 7.)

‘Святой Дух, третье лицо Божества, который является утешителем всех христиан, обновляет различными дарами Божьими наш дух и наши сердца, устанавливает и объединяет истинную Церковь в вере и учении Христа. (Статья 11.)

‘Святая Церковь - это сообщество всех тех, кто по одной и той же вере стал праведными и возлюбленными сынами Божьими. И мы не принимаем во внимание ни одну другую Церковь,

какой бы выдающейся она ни была внешне, которая проклинает тех, кого Бог благословляет, отвергает тех, кого Бог принимает, и объявляет еретиками тех, кто учит согласно истине.^[295] (статьи 12, 13.)

"Мы верим, что брак, благочестивый союз мужчины и женщины, как он был установлен в раю, свят и почетен во всем; что жить честно в этом государстве - значит вести целомудренную жизнь в глазах Бога, и что запрещать это мужчине и женщине - ложное подобие целомудрия и учение дьявола.^[296] (Статьи 20, 21.)

"Мы верим, что истинная христианская месса - это не что иное, как воспоминание страстей и смерти Иисуса Христа, празднование любви Бога Отца, во время которого вкушается тело Христово и пьется его кровь как верный залог того, что ради Христа мы получили отпущение грехов.^[297] (Статья 26.)

"Мы верим, что все мы, как христиане, являемся священниками во Христе Иисусе, нашем единственном и вечном Первосвященнике; и что как таковые мы должны приносить себя Богу в качестве живых и приемлемых жертв, проповедовать и молиться. Но среди этих священников с согласия церкви должны быть выбраны такие, которые могли бы проповедовать Церкви, совершать таинства и служить ей. Это истинные епископы или пресвитеры, слова, которые полностью синонимичны.^[298] (статьи 36 и 40.)

‘Наконец, мы верим, что главой и правителем истинной христианской Церкви является только Иисус Христос, тот, кто является нашим спасением; и мы не признаем главой ни одно существо на небесах или на земле’. (Статья 43.)

Другие предметы, запрещенные обряды не в соответствии со Словом Божьим; произнесли отлучение против тех, кого Бог не отлучать; таинствах, которые не заведены в Священных Писаниях; различия из мяса и дней; монашеская жизнь, которая состоит только из песнопений; бдения по усопшим, украшения, капоты, постриг, помазание, или другие внешние признаки святости; удержание чашки; масса; использование языке, который люди не понимают; призывания святых; вера в любого другого посредника, чем Иисус Христос, делал вид, хорошо работает, индульгенции, братств и других новинок придумали священники и монахи; чистилище; масс за умерших; вмешательство епископов или пресвитеров в деловых вопросах, в помпы и шоу мира, на войне, в командовании войсками, в судебных функций, или в какой-либо вещи, не принадлежащие к их полномочий; отказ подчиняться князья и воеводы ни в чем не противоречит Божьей воле; изображений в церквах, что, действительно, никакого вреда для мудрых, но которые могут привести к идолопоклонству простые люди, не понимая, и которые должны быть везде убрали, но только с согласия пасторов, магистратов и Церкви.^[299] (Статьи с 35 по 42.)

Такова была вера евангельских христиан Скандинавии. Это исповедание - зеркало, в котором черта за чертой отражается их сходство. Прочитав это, мы лучше познакомились с ними и увидели в них истинных учеников Евангелия.

Прелаты думали иначе. Это признание, которое король вручил им в руки, изумило их. Они ожидали, что протестанты будут запуганы и не осмелятся открыто заявлять о своей вере; и теперь они обнаружили, что протестанты продвигают ее с большой решимостью. Они решили представить обвинительный акт против этих новаторов.^[300] ‘Мы помним, - сказали они принцу, - обязательства, которые вы дали при восшествии на престол. Джон Таузен и другие ученики

Лютера утверждают, что Церковь на протяжении тринадцати или четырнадцати веков была запятнана заблуждениями; что труды бесполезны; что христиане обоего пола являются священниками; что все монастыри должны быть разрушены; что у человека нет свободы воли и что все происходит в силу абсолютной необходимости".^[301]

Прелаты, однако, уклонились от живого обсуждения, которое прогремело бы по всему королевству. Поэтому они требовали от протестантов письменных доказательств своих утверждений, стремясь, чтобы все было ограничено писаниями, о которых они одни должны знать.

Ответ евангелистов.

Евангелисты энергично опровергли эти обвинения,^[302] и особенно обвинения в отрицании свободы и поддержании фатализма. Что касается выдвинутого против них обвинения в признании только вселенского священства, они сказали: "Отвергнете ли вы турка или русского, получившего христианское наставление от мирянина, если он умрет, не получив наставления от священника?"^[303] Таким образом, для христиан существует священство; но никто не может занимать какую-либо должность в святой Церкви, не будучи назначен на нее Церковью, ибо у Святого Павла *все будет делаться пристойно и в порядке.* Евангелисты, которые по этому вопросу были полностью настроены против прелатов, не удовлетворились письменными извинениями, а пожелали публичного диспута, в ходе которого они могли бы защищать свою веру устно. Это было принято, и оно должно было состояться в королевском дворце. Залы для собраний были готовы. Но дебаты, по мнению протестантов, должны вестись на вульгарном языке, чтобы быть понятными мирянам. Прелаты, с другой стороны, категорически отвергали это и соглашались только на латынь, язык, неизвестный народу, горожанам и даже большинству знати. Евангелисты далее заявили, что они не признают никакого другого стандарта авторитета, кроме Священного Писания; и они добавили, что король, члены его совета и весь народ смогут сами определить, какая из двух партий согласна с ним. 'Мы не признаем никаких других толкователей,' сказали епископы, 'кроме Отцов Церкви и соборов, и никакого другого судьи, кроме папы римского и следующего собора'. — 'Это простая уловка, - сказали доктора Реформации. - Вы хотите предотвратить дискуссию и таким образом выйти из неловкого положения. Вы не войдете в овчарню истинной дверью, и вам нет дела до овец Спасителя'. — "Увы!" - восклицали члены и приспешники духовенства. "Если у лютеран так много дерзости, то это потому, что кощунственный король закрывает глаза на их дерзость, более того, даже подстрекает их, и потому, что влюбленная знать и достойные порицания граждане поощряют их".^[304] Но реформаторы действительно говорили от избытка своих сердец.

Две Стороны.

Теперь две партии, очень непохожие друг на друга, столкнулись лицом к лицу. Теократический элемент долгое время преобладал в Дании и все еще характеризовал партию епископов. В среде этого народа проявился другой принцип, который характеризовал реформаторов и их приверженцев. Это был религиозный элемент. Это счастье для нации, когда царствованию теократии приходит конец; с другой стороны, это несчастье, когда религиозный элемент ослабевает. В стране нет недостатка в умах, и это одни из самых выдающихся, чьи интересы сосредоточены на светских знаниях и изобретениях; и мы очень далеки от желания исключить эту тенденцию. Опыт показывает, что это может существовать в большинстве христианских душ. Но если люди полностью отдаются этой промышленной склонности, которая так сильна в

наши дни, если они приносят ей в жертву интерес, который они ранее испытывали к религиозной жизни, это подобно тому, как если бы у любого живого животного были удалены кости, поддерживающие все тело. Этот процесс был очень рекомендован в наше время некоторыми философами. Однако мы не желаем, чтобы он применялся ни к отдельному человеку, ни к нации.

Евангельские христиане Дании вскоре представили новое доказательство того рвения, которое вдохновляло их в стремлении заменить теократию религией. Чувствуя важность проведения религиозной дискуссии, они уступили в вопросе о языке. 'Мы готовы, ' писали они королю, - вести дискуссию с прелатами либо на латыни, либо на датском"; и в течение целого месяца они повторяли свое требование. Католическая партия прибегла к уловке и написала королю, что они также готовы совещаться с проповедниками либо на латыни, либо на датском; но что они должны сначала оправдаться в письменной форме перед судьями, которыми должен быть удовлетворен весь мир.^[305] Этими судьями были датские епископы и римские кардиналы, то есть, по сути, папа римский, который, таким образом, был судьей в своем собственном деле. Кроме того, они выдвинули возражения против самого спора. 'Заседания, ' сказали они, - должны состояться в королевском дворце, и было бы опасно выступать в месте, занятом телохранителями принца, столь преданного еретикам'. Считалось, что этот причудливый страх перед телохранителями не делал чести храбрости римских чемпионов.^[306]

Таким образом, схема конференции рухнула. Таусен, Ворморсен, Садолин, Джоэ, Эразмус, Янсен и их братья были сильно опечалены этим. Должен ли этот отказ епископов помешать им в их усилиях установить в Дании царство Иисуса Христа? Они были не из тех людей, которые становятся вялыми и праздными, сделав даже так мало, или, как говорит другой реформатор, "отводят глаза от бровей и отводят их в спину".^[307] Они думали, что в служении Христу они должны уметь разрывать оковы, преодолевать препятствия и бежать с распростертыми руками к цели. Они предстали перед королем и сказали ему— 'Мы признаем, что эти лорды - люди знатные, способные давать хорошие советы в делах мира; но наша главная жалоба на них заключается в том, что они ограничиваются ношением титула епископов и никоим образом не выполняют свой долг. Они не только не проповедуют сами, но вместо того, чтобы поставить в своих епархиях хорошо информированных пасторов и проповедников, они назначают глупых, невежественных и нечестивых людей, которые не снабжают христианский народ ничем, кроме нелепых басен, снов монахов, бабушкиных сказок и шуток игроков, в обычной манере папистов.^[308] Они преследуют тех, кто свободно проповедует Евангелие и кто осуждает ложь и лицемерие. Они разрешают бандам продавцов индульгенций бегать туда-сюда, чтобы заглушить Слово Божье и помешать простым людям принять его. Они позорно истощают ресурсы бедных людей, в то время как настоящие бедняки томятся в условиях крайней необходимости. Они проводят множество суеверных месс в своих соборах ради больших доходов, вместо того чтобы проповедовать там и предлагать Богу истинное поклонение. Они пытаются помешать христианам, пользуясь своей свободой, следовать советам ученых и благочестивых людей и выбирать для себя действительно евангельских служителей; и они отдают приходы праздным каноникам и знати, которые ничего не делают для народа, позволяя любому из них проводить шесть или семь бенефиций. Они запрещают священникам вступать в брак и, таким образом, превращают большинство из них в прелюбодеев. Что касается того, кем являются некоторые из этих прелатов лично, мы сейчас говорить не будем.^[309]

Обратиться к королю.

Король и рейхстаг сочли, что министры хорошо изложили свое дело, и заявили, что, поскольку католики отвергли диспут, евангелисты должны продолжать проповедовать Слово Божье до заседания генерального совета; и король одновременно пообещал свою защиту обеим сторонам. Большинство министров оставались в Копенгагене на восемь дней и хотели посмотреть, не явится ли кто-нибудь из католиков для обсуждения. Элиас, на которого возлагалось так много надежд, хранил глубокое молчание; но некий мастер Матиас, который еще не высказался, будучи, по-видимому, подвержен мучительным сомнениям, изложил некоторые трудности, на которые Таусен дал победоносный ответ. Говорят, что сам Матиас перешел на сторону протестантской партии.^[310] Возражения мастера Матиаса были единственным пожертвованием, предложенным Риму священством. Появление этого одинокого неизвестного защитника Римской церкви после стольких торжественных призывов напоминает историю Юлиана, когда он пожелал торжественно восстановить праздник Аполлона в Антиохии: и появился только один священник, принес в качестве приношений одного гуся.^[311]

С этого времени евангелическое дело набирало силу в королевстве. Епископы покинули Копенгаген с разбитыми сердцами. Они трепетали не только за папство, но и за свою собственность и за свою личность. Епископ Роскилле, встревоженный по причине или без нее, обратился за защитой к королю, который выдал ему охранную грамоту. Принц, который был полон решимости сам продвигать дело Евангелия в той мере, в какой Бог должен способствовать его процветанию, призвал Хризостома, Садолина и других служителей церкви; и с этого времени шесть проповедников ежедневно провозглашали Евангелие в церквях Святого Николая, Богоматери и Святого Духа и вели дискуссии в самом соборе.^[312] Король сохранил привилегии епископов. Но Реформация была достаточно сильна сама по себе, чтобы обойтись без помощи принца. Напрасно римский католицизм в этот последний момент возвысил свой умирающий голос; напрасно Элиас опубликовал извинения за мессу; Таусен ответил ему; Элиас обещал опровержение, но ничего не дал. Затем епископ Роскилле прибег к другим средствам: он подстрекал сторонников духовенства улюлюкать в адрес евангелических служителей, преследовать их с насмешками и прогнать прочь. Другие прелаты сделали то же самое. Вместо того чтобы попытаться вернуть людей к жизни своей добротой и благочестивыми речами, они настроили их против Евангелия и таким образом потеряли то небольшое уважение, которым те пользовались.

Прогресс Евангелия.

Ничто не могло остановить ход реформы. Датчане читали Священные Писания на своем родном языке. День за днем новые вестники Евангелия возвещали им путь спасения. Чистый свет Слова Божьего сиял в этих северных землях. Их обитатели учились регулировать свои действия этим словом и были поражены, увидев, в какой глубокой тьме они жили до сих пор.^[313] Реформация поднялась подобно приливу и накрыла страну своими водами. Монахи покинули свои монастыри, и эти здания были преобразованы в больницы или предназначены для других полезных целей. К сожалению, горожане, спровоцированные поведением епископов, позволяли себе грубые проявления своей враждебности к монашеству. Монастырь малых братьев в Нестведе был снесен, а на его руинах установлен позорный столб в знак порицания. Ненавистное иго, под которым духовенство и монахи держали народ, вводило людей в заблуждение и побуждало к недостойным актам мести. Страсти, которые в случае с учеными иногда прорывались в сочинениях, полных горечи, проявлялись со стороны людей в актах

насилия.^[314] Шестнадцатый век не мог спокойно обсуждать религиозные вопросы; это было одним из его слабых мест; и, возможно, другие века, гордившиеся своей терпимостью, были слишком похожи на это. Большая группа рабочих, собравшихся в Копенгагене на третий день рождественского праздника 1531 года и вошедших в церковь Богоматери во время совершения римской службы, схватила украшения и фигурки, которые были найдены в ней, и разбила их на куски. Церковь была закрыта на некоторое время, но по приказу магистрата католики вновь заняли ее. Они продолжали служить в ней мессу еще три года. Десять монастырей были секуляризованы между 1530 и 1533 годами;^[315] но Фредерик, чьей постоянной целью как короля было не склоняться ни на одну из сторон, защищал других. Однако самые богатые монастыри были вынуждены делать взносы на нужды государства. Такая умеренность со стороны короля отнюдь не создавала каких-либо препятствий для прогресса Реформации, а только обеспечивала его.

Принц в то же время укрепил свои позиции политически. В 1532 году по просьбе ландграфа Гессенского он вступил в союз протестантских князей Германии.^[316] Это был важный шаг. Более того, прелаты и многие дворяне предвидели после сейма 1530 года приближающееся падение католицизма. Зная, что сын короля, принц Кристиан, был ревностным протестантом, они оглядывались по сторонам в поисках какого-нибудь средства избежать угрожавшей им участи. В конце концов они возложили свои надежды на принца Джона, сына короля Кристиана II, который, следовательно, был племянником Карла V. И воспитывался при его дворе. Они льстили себя надеждой, что если этот молодой принц получит корону из их рук, он восстановит римскую религию и сокрушит Реформацию. Поэтому они договорились между собой направить все свои усилия на то, чтобы посадить Иоанна на трон после смерти короля. В то же время некоторые переговоры, в которых Фридрих участвовал с императором, провалились. Его враги, казалось, одерживали верх, и все говорило о том, что буря готова разразиться.

Интриги Кристиана II.

Падший король Кристиан не переставал заполнять суды Германии, Нидерландов и Англии своими жалобами и ходатайствами. Он понимал, что, поскольку Фридрих предпочитал протестантизм, он не мог рассчитывать на протестантов Дании. Только в качестве главы римско-католической партии он сможет вернуть себе корону. Обнаружив ветер, который донесет его судно до той точки, которой он хотел достичь, он поднял все паруса. Некоторые католические князья советовали ему заключить мир с папой; по их словам, это было безошибочное средство побудить всех прелатов и приверженцев римской веры выступить в его пользу. Этот несчастный принц, такой вспыльчивый и в то же время такой слабый, единственной мыслью которого теперь было во что бы то ни стало снова стать королем, не постеснялся пожертвовать мнениями, более или менее искренними, которые он открыто исповедовал, и вступил в переписку с папой римским с целью быть снова принятым в лоно Церкви.^[317] Похоже, что переговоры не привели к какому-либо результату, но они показывают слабость религиозных взглядов претендента. Кристиан добился большего успеха в другой четверти. Несколько отважных голландцев в надежде получить что-нибудь для своего флота и торговли, если они восстановят его на датском троне, раздобыли для него армию и флот. Недовольные Данией, Норвегией и Швецией поспешили присоединиться к нему. Тролль, бывший архиепископ Упсалы, Туре Янссен, великий магистр шведского двора, желавший воссоединения трех королевств, и другие влиятельные лица активно служили ему в странах севера. Он поднялся на борт в октябре месяце с десятью тысячами человек, полный решимости предстать защитником католической веры и спасителем

своей страны. Налетела сильная буря и разбила вдребезги многие из его кораблей: роковое предзнаменование по мнению многих.^[318] Когда Кристиан прибыл в Норвегию, у него было всего несколько кораблей. Тем не менее архиепископ Дронхтаймский, примас Норвегии, смотрел на Кристиана как на защитника Рима; и вместе с ним к нему поспешили присоединиться другие епископы, все ревностные католики, принцы, аббаты, священники, дворяне, магистраты и даже некоторые горожане и простой люд. Янссен заявил, что королевство не поддержит Фридриха. 'Я буду,' сказал король, 'преследовать приверженцев Лютера и защищать веру Церкви от отвратительной работы этого доктора'. Норвегия, настроенная против Реформации, встретила его одобрительными возгласами; и вскоре во всем королевстве у Фридриха осталось только три крепости. Кристиан был признан королем Норвегии.

Некоторые епископы заложили церковную утварь для выплаты жалованья войскам. Сенат направил датскому сенату письмо с просьбой предпринять шаги для восстановления христианства в Дании. Ужасный человек, который в Стокгольме купался в крови своих врагов, казалось, вот-вот восторжествует над новыми мятежниками. Кристиан представлял себя уже восседающим на тройном троне севера и предавался легкомысленному удовольствию облачения во все знаки отличия королевской власти. В торжественных случаях он надевал корону на голову, держал в руке скипетр и хорошо играл великую роль монарха среди небольшой группы своих приверженцев. Если он добьется успеха, будет ли он католиком или протестантом? Все, что можно сказать, это то, что он будет тем, кто наилучшим образом соответствует интересам его амбиций.

Его вторжение Отбито.

Фридрих, со своей стороны, понимая грозившую ему опасность, не теряя времени, собрал свои силы на суше и на море. Кнуд Гильденстерн, избранный епископ Одензейский, был поставлен во главе их; и как только весна сделала возможным нападение на Норвегию, флот из двадцати пяти судов отплыл в начале мая с копенгагенского рейда. Фридрих получил важную помощь от Швеции. Кристиан, в своем раздражении, увидел только предателя в великом мастере Янссене, который вступился за него; и в порыве гнева он предал старика смерти.^[319] Этот пылкий и доверчивый принц, считавший себя уже королем всей Скандинавии, вступил в Швецию с недостаточными силами. Ослабленный этой неосторожной атакой, он был вынужден отступить в Опзло^[320] с остатками своей армии. Вскоре прибыли сами датчане и ночью подожгли все корабли Кристиана, так что несчастному принцу, загнанному в такой уголок страны, откуда он не мог спастись ни по морю, ни по суше, ничего не оставалось, как погибнуть с оружием в руках или сдаться. Он попросил о встрече с Гильденштерном и его главными офицерами; и теперь, настолько же обескураженный, насколько раньше был самонадеян, он самым смиренным тоном умолял их сказать ему, что он должен делать. Епископ, стоявший у власти, ответил, 'Что он должен отправиться ко двору короля Фредерика, своего дяди, который, несомненно, предоставит ему благоприятные условия' (июль 1532 г.).

Он запросил охранную грамоту, и датские вожди выдали ему такую, которая предусматривала дружеское угощение короля и двухсот человек его свиты и почести, подобающие его рангу. В нем даже говорилось, что Кристиан, возможно, после смерти Фридриха, будет избран королем штатов. Гильденстерн после своего отъезда из Копенгагена был наделен всеми полномочиями для ведения переговоров с Кристианом, и он ими воспользовался. Но конвенция, тем не менее, еще не была скреплена печатью, когда в лагерь прибыли два датских офицера, Скрам и

Вилькенстеде, которым Фридрих предъявил приказ, в силу которого Кристиана можно было принимать только по своему усмотрению и при условии безоговорочной капитуляции перед волей короля. Передали ли эти делегаты, обнаружив, что дело зашло так далеко, устный приказ, который они получили от короля? Предположим, что этот приказ был передан, решил ли Кристиан, доведенный до крайности, предпринять попытку повлиять на своего дядю? Эти моменты, как нам кажется, никоим образом не прояснены.^[321]

Как бы то ни было, Кристиан сделал все, что мог, чтобы обеспечить себе любезный прием у принца, которого он намеревался свергнуть с престола. Обнаружив, что ветер переменялся, он заново выровнял паруса. Этот человек, который был столь же непоследователен в своих действиях, как и в словах, и который принял на себя роль мстителя за оскорбленный католицизм, написал своему дяде евангелическое письмо, в котором признавался в своей ошибке и объявлял себя раскаявшимся. Был ли он искренен? Или он был лицемером? Последнее кажется наиболее вероятным. 'Сир, ' писал он, 'я блудный сын, который возвращается к своему отцу, но возвращается возрожденным сыном. Я обещаю тебе, что до конца своих дней буду лелеять к тебе сыновние чувства. Поверьте мне, мною больше не управляют плоть и кровь, но дух благодати, который Бог чудесным образом даровал мне и который наполняет меня горячей любовью ко всему человечеству, и особенно к вашему Величеству, к королеве, к вашим сыновьям, к датским государствам и к их союзникам ганзейским городам'.

Он никого не забыл. "Я надеюсь, что ваше Величество порадуетса *всеми святыми ангелами* перемене, произошедшей во мне, и что наша дружба станет еще более прочной и оживленной из-за явного проявления нашей прежней вражды. Я прошу вас, сир, передать это письмо сенату, чтобы он мог поверить в мои благочестивые и миролюбивые чувства".^[322]

Христианин - государственный узник.

Было бы приятно верить, что Кристиан, в котором страстное честолюбие заглушило все христианские чувства, возвращается в своем несчастье к тем чувствам благочестия, которые он испытал в Виттенберге. Но как можно было доверять капризному человеку, который, руководствуясь собственными интересами, по очереди принимал самые противоположные обличья? Вскоре после написания этого письма Кристиан поступил на службу в датский флот и примерно в конце июля зашел в порт Копенгагена. Он прибыл туда не как завоеватель, каковождал, а как побежденный. Человек, заявивший, что он бросит в тюрьму приверженцев Лютера, теперь сам был заключенным. Темная туча, которая, казалось, вот-вот разразится над Реформацией, рассеялась.

Сенат был созван для обсуждения дальнейших действий. Фридрих пребывал в нерешительности. Гильденстерн, вместо того чтобы встать на сторону несчастного человека, который, возможно, был обманут по его вине, обвинил его в нарушении соглашения враждебными действиями. Сенат объявил, что конвенцию следует считать недействительной на том основании, что она противоречит приказам, отданным королем своим посланникам Скраму и Вилькенстеде. Знать Дании и Гольштейна, ганзейские города, ревниво относившиеся к тем из Голландии, которые помогали Кристиану, и даже Швеция поддерживали эту точку зрения. 'Как, - сказали они Фридриху, - как вы можете не наказать покушение, которое, возможно, нарушило бы порядок в королевстве и сорвало бы корону с вашей головы? Могли бы вы упустить возможность положить конец постоянным тревогам? Господин вашего врага,

оставите ли вы его на свободе и, таким образом, дадите ли ему возможность разжечь роковые восстания в Дании? Если вы позволите ему ходить, куда ему заблагорассудится, он не преминет ввязаться в новые интриги.

Поэтому было решено обезопасить личность Кристиана.^[323]

В ожидании этих обсуждений Кристиан, который был задержан в порту на борту доставившего его судна, не понимал, почему его оставили там. Он устал, удивлялся этим невыносимым задержкам и начал испытывать некоторое беспокойство. Все мужчины, находившиеся на борту, были вольны сойти на берег и вернуться; ему одному не разрешалось покидать корабль. Офицеры корабля приписали задержку, которая удивила его, обстоятельствам пребывания Фредерика во Фленсборге, в Шлезвиге; и это, действительно, отчасти было причиной. Наконец бывшему королю было объявлено, что встреча с его дядей состоится в этом городе и что они собираются отвезти его туда. Старший офицер флота, снабженный секретными инструкциями, принял командование кораблем и отдал приказ поднимать паруса. Судно вышло в море в сопровождении небольшой эскадры; и это, как говорили, было знаком чести. Но на самом деле целью было предотвратить любое нападение с целью спасения принца.

Проплыв в пределах видимости острова Зеландия, они миновали острова Моэн, Фальстер, Лааланд, Лангеланд и Аэро. Кристиан не был свободен от душевного смятения. В Копенгагене с ним обращались как с заключенным; и этот ужасный человек, который за один день стал причиной массового убийства *элиты* Швеции при почти аналогичных обстоятельствах, задавался вопросом, что они собираются с ним сделать. Темное облако поднялось в его душе. Он попытался отбросить страхи, которые ему хотелось бы считать ребяческими. Он не осмеливался никому рассказать о том горе, которое его волновало, но оставался немым от стыда, злобы и горя. Флот приблизился к берегам Шлезвига, и он обрадовался, что недалек тот момент, когда ему предстояло побеседовать со своим дядей. Он стоял на палубе в глубоком молчании. Внезапно он заметил, что корабль, вместо того чтобы войти во Фленсбург-ский залив, стоит у мыса на севере [Его Судьба.] по направлению к острову Альсен. В этот момент завеса разорвалась; несчастный принц узнал об ожидавшей его участи. Он вскрикнул и разрыдался. Он охотно арестовал бы лоцмана, но знал, что любая попытка бесполезна. Он разразился горькими жалобами, но вскоре его голос заглушили рыдания. Флот продолжает свой путь на север и, войдя в Зондербургский пролив, останавливается перед городом с таким названием. Ворота старого неприступного замка открываются перед павшим королем, а затем закрываются. Приставленные к нему стражники ведут его в мрачный донжон; и они запирают вместе с ним карлика, который, словно в насмешку, должен был стать единственным спутником колосса Севера. Не успел он войти, как дверь за ним закрылась. Надежды больше нет. Единственное окно слабо освещало сумрак этого места, и с тех пор он получал пищу именно через железные прутья.^[324] С монархом, который так долго был грозным, обращались как с самым подлым из его народа. Королю, восседавшему на трех тронах, теперь не на что опереться, кроме сырых стен. У принца, племянника короля, шурина императора Карла Пятого, короля Фердинанда и королевы Марии; у этого союзника Генриха VIII, принцев Германии и других могущественных домов больше нет спутника, кроме жалкого карлика. Пища у него самая скверная, и тюремщики обращаются с ним со всей строгостью. Какой монарх когда-либо проявлял большее варварство, чем он это сделал в общественном месте Стокгольма в октябре 1520 года? Око за око и зуб за зуб. При воспоминании об этой резне весь народ содрогнулся. Имя Кристиана было ужасом Севера. Фридрих был вынужден официально пообещать дворянам

и королевским советникам никогда не возвращать ему свободу. Напрасно некоторые сердца были тронуты этим огромным бедствием; напрасно раздавались голоса в защиту несчастного монарха. Этого требует общественный мир, был ответ; и больше сказать было нечего. Наказание, хотя и отсроченное, наконец настигло его. Этот странный поборник римского католицизма потерпел крах, и его исчезновение с мировой сцены обеспечило триумф Реформации во всей Скандинавии.^[325]

Как только Кристиан оказался в плену, его родственники и союзники покинули его. Император, его шурин, повернулся к нему спиной и даже принес извинения Фридриху за то, что принимал какое-либо участие в последнем предприятии своего соперника. Регентство Нидерландов проинформировало короля-победителя о том, что кто-либо из их подданных предпринял последнюю кампанию без их ведома.

Однако один-единственный человек во всей Европе, насколько известно, сжалился над ним и попытался облегчить его участь. Это был Лютер. Реформатор, конечно, хорошо знал, что Кристиан сказал, что сокрушит Реформацию, и назвал это в своем воззвании отвратительным делом; но у великого врача было сердце христианина. Король Фридрих получил от него письмо, в котором были такие слова: 'Мы знаем, что Бог, справедливый Судья, даровал вашему Величеству победу над вашим племянником, и мы не сомневаемся, что вы воспользуетесь этим триумфом смиренно и по-христиански. Тем не менее, несчастье моего милостивого господина, короля Кристиана, и страх, чтобы кто-нибудь не настроил ваше Величество против него, побуждают меня смиренно умолять вас сжалиться над вашим пленным родственником; последовать примеру Христа, который умер за нас, своих врагов, до конца, чтобы мы также могли быть полны сострадания к нашим врагам. Вы сделаете это тем охотнее, сир, что ваш племянник, как мне сказали, не поднял оружие против вас, а отдался в ваши руки, как заблудший сын в руки отца. Ваше величество принесет благородную жертву и окажет высочайшую честь Богу, дав бедному узнику клятву в его милости и отеческой верности. И эта добрая работа будет для вас самих, на вашем смертном одре великим утешением, на небесах великой радостью, а в настоящее время на земле великой честью'.^[326]

Это письмо было написано Лютером 28 сентября 1532 года. Фредерик, который не был жестокосердным, не мог не быть тронут им. Но государственные соображения в данном случае противоречили христианским мотивам, и есть соображения, которые могут быть выдвинуты в оправдание заключения его племянника в тюрьму. Не во власти короля было делать с Кристианом то, что ему заблагорассудится. Король был слаб здоровьем; он остро нуждался в отдыхе и знал, что у него никогда не будет ни минуты покоя, пока его противник находится на свободе. Но эти обстоятельства не были смягчением строгого обращения, принятого по отношению к заключенному. Государственные соображения в данном случае противоречили христианскому разуму; и первые, как правило, побеждают в этом мире. Фредерика следовало обвинить в том, что он допустил столь суровое обращение с сыном своего брата. Однако он не стал мстить союзникам Кристиана, голландцам, хотя сначала намеревался закрыть пролив для их кораблей.

Произошло событие, которое еще больше закрепило корону за младшей ветвью семьи. Принц Джон, единственный сын Кристиана, который был учеником знаменитого Корнелия Агриппы и на которого возлагались самые большие надежды, умер в Ратисбоне в возрасте четырнадцати лет. В нем вымерла старшая линия.

Смерть Фредерика.

Фридрих, которому давно угрожал упадок, ради спокойствия поселился в замке Готторп, недалеко от Шлезвига, своем любимом местопребывании. В момент вступления Кристиана в свою тюрьму было недалеко то время, когда Фридрих должен был покинуть свой трон. Весной 1533 года, 10 апреля, в четверг Страстной седмицы, он скончался в возрасте шестидесяти двух лет. Все добрые люди оплакивали его смерть.^[327] Они провозгласили его 'мудрым, милосердным и добродетельным принцем'. Они вспомнили умеренность, которую он проявлял в религиозных дискуссиях, и свободу, которую он позволял совести; и если обычной доброты его характера не хватало в обращении с Кристианом, они приписывали это только силе обстоятельств, болезни, которая не позволяла ему руководить деталями, и влиянию ведущих людей. Он оставил четырех сыновей: принца Кристиана, о котором мы говорили; Адольфа, который получил титул герцога Гольштейн-Готторпского по имени замка, в котором умер его отец, и который стал основателем младшей линии, от которой произошла императорская семья, ныне правящая в России;^[328] Фредерик, который стал епископом Шлезвига, а затем Хильдесхайма; и Джон, самый младший. Сейчас мы должны обратить внимание именно на старшего и младшего сыновей этого дома.

ГЛАВА IV.

МЕЖДУЦАРСТВИЕ — ГРАЖДАНСКАЯ И ВНЕШНЯЯ ВОЙНА. (1533.)

Принц Кристиан.

Как только мудрый Фридрих был уведен от своего народа, снова начался конфликт между двумя великими религиозными партиями. Епископы, как только узнали о его смерти, подняли головы и часто проводили совместные совещания. При покойном короле римский католицизм медленными темпами шел к своему падению; теперь они должны были спасти его, думали они; и с этой целью, воспользовавшись выборами, которые должны были состояться после смерти короля для назначения преемника, они хотели любой ценой отстранить от трона его старшего сына Кристиана, чья привязанность к Реформации была хорошо известна; максимально продлить междуцарствие; а тем временем приложить все свои усилия, чтобы посадить на трон принца Джона, десятилетнего ребенка,^[329] из которого они сделали бы хорошего католика. Во время его несовершеннолетия епископам не составило бы труда подавить Реформацию. План был умным и смелым, но не таким простым в исполнении, как некоторые думали. Большое количество городов и большая часть знати исповедовали евангельскую веру. Но епископы все еще пользовались всеми своими привилегиями; и они льстили себя надеждой, что придут к власти и добьются отмены законов, которые при покойном короле давали протестантам свободу вероисповедания.

Принц Кристиан, в соответствии с правилами наследования, принял на себя управление герцогствами Гольштейн и Шлезвиг для себя и своих несовершеннолетних братьев. Он не смог сделать то же самое в Дании. Но, предвидя интриги клерикальной партии, он отправил в Копенгаген вице-канцлера Йохана Фрииса и двух советников, уполномоченных потребовать созыва сейма для избрания преемника Фридриха и поддержать его собственные интересы.

Казалось, что его надежды были обмануты. Его заместителей приняли холодно: не спешили давать ответ, и было решено, что его не следует приглашать на Сейм. Действительно, вице-канцлер слышал, что у молодого герцога Джона, кандидата в епископы, были очень хорошие шансы. Он немедленно написал своему хозяину. 'Если Бог и сейм, ' таков был благородный ответ старшего сына, ' возложат корону на моего младшего брата, я не возражаю против этого. Все, о чем я прошу, - это чтобы этот важный вопрос был решен без промедления. Кристиан видел, что духовенство объединилось против него, но он от всего сердца верил, что евангельская истина восторжествует над епископами.

Избирательный сейм.

В День Святого Иоанна 1533 года открылся сейм. Прелаты пошли на это, преисполненные решимости сделать все возможное, чтобы сокрушить евангелическую религию и восстановить повсюду старую папскую систему.^[330] Едва собрание сформировалось, как епископы приступили к работе. Уве Бильде, самый ученый и наиболее уважаемый из их числа, был, по-видимому, первым оратором. Духовенство потребовало, чтобы выборы короля были перенесены на другое время. От их имени оратор потребовал полного возвращения церквей, монастырей и поместий, одним словом, всего, что потерял католицизм; и он яростно обрушился с критикой на тех, кого он называл служителями новой религии, и на тех, кто их поддерживал.^[331] В то же время он превозносил мессу как самую суть христианской религии; яркими красками изображал плачевное состояние, до которого, по его словам, были доведены священники и монахи; указывал на еретиков, обосновавшихся в монастырях, которые были вынуждены покинуть святые мужи и посвященные девы; и описывал эксцессы людей, низвергающих изображения святых, о святых и разбивании священных сосудов. "Авторитет епископов очернен",^[332] сказал он; 'Лишь немногие из верующих заботятся о богослужениях и еще меньше тех, кто боится порицания Церкви; в то время как число тех, кто присоединяется к лютеранам, растет день ото дня. Епископы умоляют вас, не допускайте, чтобы эта святая религия, которая была частью самой вашей жизни с младенчества, была покрыта поношением. Пусть молнии отлучения поражают тех, кто впал в ересь, чтобы они почувствовали необходимость вернуться в лоно своей матери, и пусть более страшные наказания падут на тех, кто упрямо нераскаивается'.^[333]

Члены сейма-евангелисты с изумлением выслушали эту речь; серьезность кризиса привела их в величайшее замешательство.^[334] Они боялись не за Евангелие; но они знали, что, если они уступят епископам, возникнет энергичное сопротивление. Народ восстанет, и знать сама возьмется за оружие, если понадобится. Магнус Джоэ, ведущий сторонник реформы в сейме, встал и сказал— 'Отцы-призывники и distinguished епископы, давайте не будем навлекать новые бедствия на королевство, которое и так слишком больное. Религия - это святыня, и ни ее происхождение, ни ее конец не во власти ни одного человека. Если мы несправедливо лишим ее прав, сам Бог будет за это мстителем. Свобода религии была дана по воле короля, и эта свобода не может быть отнята без согласия короля'.^[335]

Епископы, которые полностью понимали важность момента, остались глухи ко всем призывам. Объединившись с мирянами, которые оставались им верны, они смогли бы провести голосование. Их шум усилился. Поэтому друзья Реформации сочли целесообразным удовлетворить часть их требований, чтобы сохранить голоса. Они позволили им составить соглашение. Это кажется огромной уступкой, но конституционные формы тогда еще не были полностью разработаны, и сейм оставлял за собой право либо вносить поправки в документ,

либо даже отклонять его, если он его не устраивал. Епископы широко использовали предоставленную им власть. Они предусматривали, среди прочего, что они должны выполнять свои функции, не отчитываясь ни перед кем, кроме одного Бога; что каждый священник, который будет сопротивляться им, должен быть привлечен к ответственности; что десятина должна быть возвращена духовенству, а тот, кто отказывается ее платить, должен предстать перед судом; что соборы, монастыри, церкви и больницы должны быть переданы римскому духовенству; и что на следующем сейме должно быть принято решение о возвращении тех из этих домов, которые были у них отобраны. Ничего не было оговорено о правах евангелической Церкви. Ее могли лишить всего, и на самом деле они уже многое отняли у нее.

Епископы вынесли этот роковой проект на рассмотрение Сейма и потребовали от его членов скрепить его печатями. Евангелисты услышали это с изумлением, а верующий Магнус Джоэ - с глубочайшим волнением. Он говорил так: 'Епископы включили в это соглашение некоторые положения, которые в их пользу и противоречат решениям рейхстага; и они подавили другие, которые были благоприятны евангелистам'. Возмущенный этим мошенничеством, энергичный Джоэ заявил, что не будет ставить свою печать на инструмент. Эрик Банер сделал то же самое. Но другие протестантские прихожане подписали его, некоторые из них из чрезмерной осторожности, которая переросла в слабость, у других создано впечатление, что, предоставляя католикам то, что последние считали необходимым для своей Церкви, они всего лишь следовали плану свободы и равновесия между двумя конфессиями, разработанному покойным королем. Документ, который был немедленно опубликован, имел силу закона в королевстве.^[336]

Отложение выборов.

Епископы, гордые этой первой победой, верили, что вторую одержать будет легко, и сняли маски со своих батарей. 'Принц Кристиан, ' говорили они, - родился задолго до того, как его отец стал королем; он получил образование за границей; он не датчанин. Герцог Джон - истинный наследник, ибо он родился в Дании, причем в то время, когда его отец, король, уже находился на троне.' Сенаторы-миряне, осознав несправедливость этого предложения и увидев, к чему оно приведет, набрались мужества. Они пошли на значительные уступки в вопросах религии; они были полны решимости не делать ничего в вопросах государства. 'Королевство, ' сказали они, ' находится в критическом положении; сторонники Кристиана II. мы угрожаем очередным вторжением с целью освобождения и восстановления на троне этого принца, чьего мстительного, вспыльчивого и жестокого характера у нас есть так много причин опасаться. Неразумно в этот критический момент делать ребенка нашим королем. Когда надвигается буря, штурвал нельзя отдавать в слабые руки. Мудрость, доблесть, опыт старшего сына покойного короля и его поездки к иностранным дворам - все это выделяет его при выборе сенатом.' Борьба между двумя партиями была очень острой. Лидеры собрали в Копенгагене столько своих приверженцев, сколько смогли заставить покинуть свои загородные дома. Жители столицы начали очень громко роптать на епископов. Последние были запуганы и прибегли к хитрости. Зная, что Норвегия привержена католицизму, они утверждали, что невозможно провести выборы без депутатов этого королевства. Теперь, поскольку эти депутаты не могли быть готовы до зимы, выборы были отложены на год. Духовенство поклялось с пользой использовать этот промежуток времени. Джоэ и Банер выступили против резолюции, которая, по их мнению, была сопряжена с опасностью. Но большинство высказалось за отсрочку, и был назначен регентский совет. Два энергичных поборника Реформации по-прежнему

отказывались скрепить договор своими печатями и покинули Копенгаген. Многие депутаты-миряне последовали за ними; только трое из их числа подписали документ.^[337]

Епископы, гордясь своей победой, стремились извлечь из нее выгоду. Таусен, по их мнению, был опорой реформы; если бы им только удалось избавиться от него, евангелическая работа, по их мнению, ни к чему бы не привела.^[338] Упоминалось появление реформатора в зале заседаний магистратуры Копенгагена. Епископы присутствовали в качестве его обвинителей; маршал королевства и некоторые из преданных им дворян и магистратов должны были стать его судьями. Осуждение казалось неизбежным. Собиралась ли кровь реформаторов пролиться в Дании так же, как это было во Франции, Нидерландах, Англии и других местах? Таусен спокойно предстал перед своими судьями. 'Вы обвиняетесь, - сказали они ему, - в том, что называли епископов тиранами, а священников праздношатающимися животами, и это в книге, опубликованной вами; в том, что вы завладели большинством церквей Копенгагена; и в нападках на таинство алтаря, как устно, так и письменно'. 'Я ничего не сделал, ' сказал Таусен, ' кроме как для прославления Бога и спасения душ'. Затем он снял с себя выдвинутые против него обвинения, но все было бесполезно. Таусен был приговорен к смертной казни в соответствии с каноническим правом, и был отдан приказ восстановить мессу во всех церквях. Мысль о том, что Таусен будет предан смерти, да еще среди населения Копенгагена, привела в ужас сенаторов, мирян и городских судей. Они заклинали епископов не выставлять перед народом зрелище казни, которое неизбежно должно вызвать возмущение и, возможно, спровоцировать восстание.^[339] В конечном итоге им удалось добиться замены смертного приговора на изгнание с запретом проповедовать, *писать книги* или публиковать их.

Народное восстание в Копенгагене.

Тем временем среди горожан распространился слух, что их любимого проповедника отвели в ратушу, там обвинили, отдали под суд и осудили. Всеобщее волнение охватило всех. Каждый бросил свое дело, торговец - свою лавку, коммерсант - свою контору, а ремесленник - свою мастерскую. Все они поспешили на площадь, задавая друг другу вопросы и давая ответы— 'Да, враги евангельского учения притащили нашего священника в суд'. Они были полны негодования, они роптали, они наполняли воздух своими криками.^[340] Группа из них вошла во двор, где находился Таусен. Они воскликнули— 'Верните его нам!'^[341] и они заявили, что если священники предпринимают какие-либо попытки против свободной проповеди Евангелия, они не должны делать это безнаказанно. Суматоха на площади нарастала. Судьи слышали крики вооруженных людей, снова и снова требовавших своего верного пастыря. Суд в тревоге умолял мирян-членов сейма пойти и успокоить толпу. Они пошли, и как только они появились, толпа замолчала. 'Не бойтесь, ' сказали депутаты, ' Таусену ничего не угрожает; мы вступились за него, и церковники уступили. У нас нет намерения запрещать евангельское богослужение. Поэтому спокойно возвращайтесь по своим домам и занимайтесь своими делами.'^[342] Диета позаботится о том, чтобы ничего не делалось против религии.' Но эти слова не удовлетворили горожан; они не могли доверять священникам; они хотели, чтобы им вернули их благочестивого пастора, и они обвинили депутатов, которые разговаривали с ними, в попустительстве врагам веры.

На самом деле они обманывали людей, потому что, если Таусен не должен был быть отнят у них смертью, он должен был стать таковым через изгнание.

Это настойчивое требование народа и его обвинения спровоцировали депутатов епископов; последние возвысили свой голос и пригрозили суровым наказанием тем, кто обвинит их в слабости. Было так шумно, что толпа не могла разобрать их слов; но их черты, жесты и звук голосов - все говорило о том, что делегаты были разгневаны. Люди, в свою очередь, пришли в возбуждение; они не хотели, чтобы с ними шутили. Те, у кого было оружие, размахивали им; со всех сторон раздавались угрозы и крики. "Верните нам нашего пастора, - сказали они, - или мы взломаем двери".^[343] Делегаты снова вошли в зал и передали суду послание толпы. Тогда Страх сделал то, чего не смогло сделать правосудие; и преследователи, обратившись к Таусену, который оставался спокойным, полностью отдавшись Божественной воле, объявили ему, что он освобожден. Реформатор вышел со двора, и народ при виде пастуха, которого они любили, закричал от радости.

Епископ Розннов угрожал.

Как только народное волнение, по-видимому, улеглось, епископы и их приверженцы решили покинуть место, в котором они собрались. Бледные и дрожащие, говорит историк, они вернулись в свои дома, вынужденные по пути туда проходить через группы людей, которые все еще толпились на соседних улицах. Каждый из них выпутался более или менее успешно и продолжал свой путь с большим или меньшим душевным спокойствием в зависимости от степени противодействия, которое он оказывал Реформации. Реннов, епископ Рескильде, был особенно ненавистен жителям Копенгагена, которые были знакомы с ним лучше, чем с другими, потому что он был их собственным епископом. Когда он появился, на него были обращены свирепые взгляды. Жестокие, вспыльчивые люди последовали за ним, требуя его жизни в качестве искупления преступления священников. Их руки уже были угрожающе подняты против епископа. Таусен, находившийся неподалеку, заметил это и, мгновенно подскочив, лично встал между Рознновым и этими введенными в заблуждение людьми, которых он умолял не предаваться позорным актам насилия. Его необычайная мягкость в конце концов успокоила эту возбужденную толпу, которая была подобна морю, гонимому ветром.^[344] Он этим не удовлетворился. Он не хотел покидать прелата, но, желая защитить его от других нападков, сопровождал его до самых ворот дворца. Розннов, чью жизнь он спас, протянул ему руку и поблагодарил за важную услугу, которую он только что оказал ему. Этот христианский поступок тронул сердце епископа. Жестокость народа разозлила его, но милосердие Таусена смягчило его и даже на время изменило ход его мыслей и всей его жизни.

Хотя епископы, перед лицом опасности, на данный момент уступили, они, тем не менее, намеревались привести приговор Таусену в исполнение. Он должен покинуть Копенгаген. У Розннова было поместье под названием Биструп, недалеко от Рескильде, и Таусен удалился в это место. Таким образом, он был недалеко от Копенгагена и мог вести свою паству. Епископ согласился с таким выбором места жительства, возможно, даже предложил его своему избавителю. Для того, чтобы прогресс Реформации в Копенгагене не был остановлен и чтобы народ снова не поднял восстание, было важно не только установить дружеские отношения между Ренновым и Таусеном, двумя епископами города, но и, кроме того, чтобы прелат не чинил препятствий на пути проповеди Евангелия в столице королевства. Гьое, Банер, епископ Одензейский, Гильденстерн, все они были преданы Евангелию и искренне желали этого; но епископ питал к ним предубеждение, которое не могло не помешать ему пойти им на какие-либо уступки. Хорошо известно, каким полезным влиянием часто пользовались женщины-христианки в церкви, и особенно какой большой вклад они внесли в утверждение христианства

среди северных народов. В это время произошел новый пример такого благотворного влияния. У Джоэ была дочь по имени Бригитта, отличавшаяся живым благочестием, благородным характером и необычайной красотой, которая впоследствии стала женой героя военно-морского флота, знаменитого адмирала Херлуфа Тролля. У нее были какие-то сношения с епископом, возможно, с благотворительными целями. Утверждалось, хотя, по-видимому, ошибочно, что Роэннов, прежде чем принять духовный сан и живя при дворе, познакомился с Бригиттой на роскошных приемах, украшением которых она была прекраснее всего, и пожелал жениться на ней. Как бы то ни было, прекрасная и христианская скандинавка взялась за то, чтобы получить разрешение епископа на свободную проповедь Евангелия в столице королевства, как это было при покойном короле. Бригитта преуспела в этих важных переговорах. Таусен поклялся не позволять себе в своих проповедях никаких оскорблений в адрес католических священников, противодействовать любому заговору, который мог быть составлен против епископа и его духовенства, защищать Роэннова от тех, кто порицал его за терпимость, и во всем стремиться к истинному благу Церкви. Епископ, со своей стороны, разрешил Таусену вернуться в Копенгаген и возобновить свои функции. Ясно, что достойное восхищения поведение Таусена по отношению к нему, а также тайное осознание ценности истины были истинными мотивами, побудившими епископа к этому шагу. Но друзья священников, сделав вид, что видят в этом деле что-то другое, возмутились прелатом и саркастически заявили, что сила красоты побудила его предать дело веры. Это соглашение имело важные последствия. Бригитта была достойной ровней своей тезке, о чудесном пророчестве которой написал монах Петр и которую Рим причислил к лику святых.^[345]

Преследование евангелистов.

Другие епископы были далеки от того, чтобы последовать примеру своего коллеги. Охваченные страхом перед угрозами возбужденного народа, они поспешили покинуть столицу, чтобы отомстить в провинциях и задушить ересь. От имени сейма они издали эдикт, предписывающий, чтобы в установленный день все лютеранские проповедники были удалены из своих церквей, брошены в тюрьму или изгнаны, и чтобы католические священники были повсюду расставлены на своих местах. В дополнение к этому, конфискация и смертная казнь были объявлены всем датчанам, которые должны были продолжать исповедовать лютеранское учение.^[346] Немедленно началось всеобщее преследование. Архиепископ Лунда и епископы сажали в тюрьму или изгоняли всех евангелистов, которые попадались им в руки. Большому числу верующих удалось скрыться. Однако в Выборге евангелистов было так много, что архиепископ был вынужден отказаться от мысли привести их к покорности, даже силой оружия. В Копенгагене слабый и колеблющийся епископ Роэннов, осыпаемый упреками своих коллег, снова повернул вспять, отдавшись на милость ветра, и предпринял аналогичную попытку изгнать священников и притеснять верующих. Но храбрый горожанин Питер Смид вселил мужество в своих сограждан и энергично сопротивлялся преследованиям; и епископ, вспомнив о беспорядках, жертвой которых, если бы не Таусен, он стал бы сам, отказался от своей попытки.

К чести Скандинавии было то, что эта религиозная борьба не была опозорена кровопролитием, как это имело место в остальной Европе. Ворморсен также предпринял попытку примирения и мира, опубликовав евангелическую апологию, адресованную сейму и епископам. В этом трактате он с уважением отзывался об архиепископе Лунда, жалуясь в то же время на каноников, которые хвастались тем, что ограничились изгнанием пасторов вместо того, чтобы

сжигать их заживо. Евангелический священник заявил, что его коллеги и он сам будут повиноваться Сейму и епископам во всем, что не противоречит Слову Божьему. Но это обращение осталось без эффекта.^[347]

Епископы, считая свою победу обеспеченной, в конце концов обязались оправдать свое молчание на сейме 1530 года и опровергнуть извинения, которые тогда представили евангелические служители. Составление искового заявления было поручено Элиае. 'Эти новые проповедники, - сказали прелаты, - преобразуют христианскую церковь и придают ей новую форму. Предшественниками Лютера были Евномий, Манихей, Иовиниан, Вигилантий, Вальденсы, Уиклиф, Гус и другие того же рода, все проклятые еретики. Подумайте, сколько принцев, дворян, королевств, стран и поселков преданно придерживались истинной христианской веры. Вы призваны сделать свой выбор между этими католическими дворянами и отлученными от церкви еретиками. Решайте сами; используйте в этом случае то же понимание, которое вы применяете к вещам этого мира'.^[348]

Протестанты, со своей стороны, не были отсталыми. Они выпускали залп за залпом свои полемические памфлеты, иногда теологические, иногда популярные, в манере Ульриха фон Хаттена или Ганса Сакса. Воображение разгоралось, страсти накалялись, и страна кишела трактатами, притчами и саркастическими высказываниями. В то время как Питер Ларссен, профессор из Мальмо, выступил с серьезной критикой "приговора об изгнании служителей Слова Божьего", в *Диалоге о Мессе* он был представлен как больной человек, брошенный своими врачами и испускающий последний вздох. Сатирическая статья о *суеверных бдениях* разоблачала пресловутые уловки священников. *Сто семьдесят вопросов* с ответами разъясняли различные положения христианского учения. *Разговор между Питером Смедом и Адзер Бауэр*, в котором не было недостатка в остроумии, клеймил чистилище, исповедь, праздничные дни, святую воду, свечи и другие злоупотребления папской церкви. Наконец, *Танец смерти*, одна из любимых тем шестнадцатого века, вывел на сцену перепуганных пап, епископов и каноников, трепещущих при виде Смерти, в то время как евангелические служители радостно вышли ему навстречу.^[349]

Некоторые серьезные события, чреватые опасностью, не могли не оказать большего влияния, чем эти сатиры, на прекращение междоусобицы и придание Дании нового импульса.

Вторжение любекеров.

Любек, один из ганзейских городов, в то время богатый и могущественный, был недоволен датским правительством из-за того, что оно не предоставляло своим кораблям достаточно исключительных привилегий. Желая воспользоваться слабостью, ставшей следствием междоусобицы, любекцы решили в 1534 году вторгнуться в королевство под предлогом восстановления на престоле Кристиана II. на троне. Необходимо было найти лидера, и Любек обратился к графу Ольденбургскому, родственнику несчастного узника, способному человеку, готовому к действию, честолюбивому и ревностному протестанту, хотя и мало достойному этого имени. У Кристиана все еще было много сторонников, и его восстановление на троне представлялось датчанам способом спасения от долгого и беспокойного междоусобицы. Император, шурин Кристиана и король Англии одобрили это предприятие. Граф Ольденбургский собрал войска в Германии, вторгся в Гольштейн, а затем, вернувшись в Любек, сел на борт флота из двадцати одного судна, хорошо снабженного любекцами людьми и военным снаряжением, и отплыл в Данию, у которой в то время не было ни короля, ни армии, ни даже

совета. Он совершил высадку в Зеландии, овладел Эскилде, низложил епископа Роэннова, друга короля Фредерика и его сына, и назначил на его место архиепископа Тролля, верного слугу Кристиана II. Сделав себя хозяином Саунда, он двинулся на Копенгаген, который открыл перед ним свои ворота; подчинил всю Зеландию и созвал в Рингстеде сейм, члены которого принесли присягу на верность Кристиану II. Исповедание Ольденбургом протестантизма привлекло горожан на его сторону. Иначе обстояло дело с дворянством, из-за которого Кристиана посадили в тюрьму, а теперь оно трепетало при мысли о его освобождении. Поэтому лорды королевства в тревоге заперлись в своих замках. Ольденбург направил против них войска, возбужденная толпа последовала за ними и, добравшись до любой из этих аристократических обителей, предалась жестокой ярости. Многие дворяне оказались вынужденными силой присоединиться к захватчику, и они, запинаясь, с трепетом произносили клятву верности Кристиану, своему жестокому и грозному врагу. Роэннов, игравший роль флюгера как в политике, так и в религии, был одним из первых, кто принес присягу, и ему вернули епископство. В качестве компенсации граф передал Троллю епископство Фионии. Жители Мальмо, подстрекаемые любекцами, уже арестовали правительство и снесли цитадель, построенную Фридрихом. Ольденбург пересек пролив Саунд, вступил в Скандинавию и направился с многочисленным эскортом войск и людей к холму Либер, недалеко от первопрестольного города Лунд, где короли Дании привыкли принимать почести своих государств. Он призвал собравшихся вокруг него признать Кристиана II. Они ответили радостными возгласами. Вскоре острова Мозн, Фальстер, Лааланд и Лангеланд были завоеваны, и Ольденбург стал хозяином большей части Дании.^[350]

Побег друзей короля.

Тем временем друзья покойного короля и сторонники Реформации, и особенно великий магистр королевства, благородный Магнус Гье, перебрались в Ютландию, где они были ближе к старшему сыну Фридриха. За ними последовали дворяне, епископы и все враги Кристиана II, которые в состоянии отчаяния тайком бежали в Ютландию, район, удаленный от шторма, который опустошал остров Зеландия и наводил на них ужас. Молодой герцог Джон, больше не чувствуя себя в безопасности в Фионии, принял облик крестьянина, вся его свита сделала то же самое, и таким образом быстро пересек Малый Пояс. Слабый Роэннов, снова оглядевшись по сторонам, как он это часто делал, также добрался до Ютландии в свите своих друзей-епископов. Те члены сейма, которые присутствовали в Ютландии, будучи полны решимости обеспечить безопасность королевства энергичными мерами, собрались сначала в Скандерборге, на озере Мос, немного ниже Аархууса; а затем в Рае, в нескольких лигах от них, на опушке леса возле озера Юул. Множество дворян, горожан и крестьян покинули свои замки, лавки и ржаные поля, чтобы скорее узнать, какое решение примет это собрание. Епископы, озабоченные только своей собственной властью, упрямо настаивали на том, чтобы королем был ребенок; и дух раздора затуманил рассудок знати. Но теперь опасность проявилась во всей своей необъятности, завеса была разорвана, восстание неизбежно распространилось бы по Ютландии, и тогда все было бы кончено с древним королевством, которое стало бы добычей жадных торговцев и разъяренного населения и было бы отдано на откуп кровавой мести неумолимого короля. Чего только не следовало ожидать от ужасного виновника резни в Стокгольме, если любекцы вызволят его из темницы, в которой он был заключен, и посадят на трон?^[351]

В кризисах такого рода есть один человек, которому суждено спасти своих соотечественников. В данном случае это был благородный Магнус Джоэ. Он встал и заявил перед сеймом, что, если бы корона была без колебаний передана старшему сыну покойного короля, великих бедствий, которые сейчас обрушились на королевство, можно было бы предотвратить. Он добавил, что единственным средством спасти его в этот час было быстрое обращение к этому принцу. 'Достопочтенные лорды, - сказал он, - спасение нашей страны теперь зависит от решения, которое вы собираетесь принять'. Все миряне приветствовали эту речь аплодисментами и предложили без промедления призвать герцога на престол его отца. Но прелаты были равнодушны к любым бедствиям, кроме своих собственных. 'Безопасность Церкви, - говорили они, - запрещает нам выбирать принца-еретика'. Начались ожесточенные дебаты. Напрасно священникам внушали, что они рискуют принести страну в жертву своим праздным химерам; их упрямство только усилилось.

В то время как внутри зала находилось одно собрание, снаружи было гораздо более многочисленное. Огромная толпа окружила Парламент и нетерпеливо ждала, будет ли страна спасена или погибнет. Они столпились у дверей, чтобы узнать результат обсуждений, и удивлялись, что они еще не закончились. Вскоре, подозревая, что произошло, эти нетерпеливые люди вошли в зал и воскликнули, что не стоит ждать, пока враг нападет на них, кто еще был в состоянии защитить свою страну, прежде чем назначить единственного лидера, который может их спасти. Они утверждали, что каприз епископов уже стоил потери половины королевства, и заявляли, что, если герцог не будет немедленно избран, те, кто выступал против этого, дорого заплатят за свое сопротивление. Прелаты задрожали. Они сидели молчаливые, мрачные и нерешительные. Однако страх перед возвращением тирана привел их к решению. Они пробормотали какие-то оправдания, они говорили о своем религиозном рвении и добавили, что если дворяне полны решимости избрать герцога, то они должны сделать это только под свою ответственность; что касается их самих, то они будут довольны получением своей десятины и сохранением своих привилегий и привилегий своей Церкви. Не успели они договорить, как сейм провозгласил молодого христианина королем; и толпы людей в зале и за его пределами отреагировали на объявление об этих выборах радостными возгласами. Этот важный шаг был сделан 4 июля 1534 года.

ГЛАВА V.

КРИСТИАН III. ПРОВОЗГЛАШЕН КОРОЛЕМ. ТРИУМФ РЕФОРМАЦИИ В ДАНИИ, НОРВЕГИИ И ИСЛАНДИИ.

(1533-1550 гг.)

Пока происходили эти события, Кристиан, который не имел намерения навязывать себя датчанам силой оружия, но желал, напротив, быть свободно призванным на трон самим народом,^[352] выступил против врагов Дании и осаждал могущественный город Любек, который принес смуту в его страну. Великий магистр Магнус Гьое, Уве Лунге, еще один член сейма, и два епископа отправились объявить ему о его избрании. Узнав об их миссии, он отправился им навстречу и принял их в монастыре Притц в Гольштейне, расположенном над Ойтином и очаровательным озером Плоен. Кристиан с благодарностью, достоинством и скромностью принял корону, предложенную ему как единственному человеку, способному спасти королевство. Вскоре после этого он отправился в Хорсенс в Ютландии, расположенный на берегу залива, образованного морем к северу от Малого Пояса. В этом месте государства

Ютландия и Фиония собрались на великое собрание на равнине недалеко от города. Кристиан был здесь провозглашен королем; и, стоя на коленях с воздетыми к небу руками, он принес присягу, принятую при избрании монарха; за исключением, однако, необходимых изменений, которые могли быть внесены с согласия сейма, особенно в отношении собственности и привилегий епископов. С самого начала Реформации прелаты постоянно сопротивлялись ее прогрессу. Они заключили в тюрьму или изгнали реформаторов, свергли короля и, как только трон освободился, попытались посадить на него мальчика, которого, как они предполагали, будут держать под своей собственной опекой. Везде и во все времена они занимали положение хозяев страны. И теперь их звезда меркла, темная завеса нависла над их судьбами, и солнце, "восходящее с исцелением на крыльях своих", собиралось свободно излучать свой свет и тепло.^[353]

Однако предстояло еще многое сделать. Солдаты Ольденбурга под командованием пирата вторглись на север Ютландии и посеяли там, как они делали повсюду, разруху и запустение.

Ранцау, командовавший королевскими войсками, изгнал их. Ольденбург отправился в Копенгаген и, будучи полон решимости энергично продолжать войну, потребовал у дворян их серебряную посуду и драгоценности, ожерелья, и браслеты их жен и дочерей. Но по призыву нового короля Швеция, не желая видеть своего палача, ужасного Кристиана II, вновь взошедшего на скандинавский трон, направила в Сканию армию, которая преследовала любекцев до Мальме. Кристиан III, за неимением флота, прошел Малый Бельт на обычных лодках. Немецкая армия потерпела поражение в двух сражениях. В этих боях погибло более двухсот немецких лордов; а знаменитый архиепископ Троль, друг Кристиана Жестокого, который вместе с Хоей командовал армией захватчиков, был тяжело ранен и скончался. Наконец, весна 1535 года позволила судам Швеции и Пруссии присоединиться к судам Дании. Этот флот причалил к острову Зеландия, а король и армия расположились лагерем на расстоянии четырех лье от Копенгагена и вскоре окружили город. Осада длилась год; и в течение этого времени Кристиан III. захватили другие провинции с целью изгнания врага.

В разгар этой борьбы и конфликтов Реформация прокладывала себе путь без содействия короля. Его приверженцы постепенно возвращали себе церкви и должности, которых они были лишены епископами в роковом 1533 году. Кристиан предпринял путешествие в Швецию; и порядок, мир и процветание, царившие в этой стране с тех пор, как Реформация одержала победу над римской иерархией, привлекли его внимание и более чем когда-либо убедили его в том, что в этой победе следует искать источник благополучия личности и общества.

Любекеры дали отпор.

В то же время любекцы начали уставать от несправедливой, обременительной и безуспешной войны. Курфюрст Саксонии, другие князья и некоторые вольные города Германии, глядя на молодого христианина как на своего единомышленника, предложили стать посредником между ним и Любеком. Соответственно, в Гамбурге был открыт конгресс. Было решено, что все военные действия между королем и государством Любек прекратятся, и что Копенгаген и другие города, все еще находящиеся в состоянии восстания, будут помилованы, если они подчинятся. Но эти города отказались сдаваться в уверенности, что королева Венгрии Мария, правительница Нидерландов, невестка Кристиана II, пришлет им помощь. Необходимость, наконец, привела к тому, от чего отказалась склонность. Копенгаген, в котором заперся граф Ольденбургский, больше не мог держаться. В городе больше не было хлеба. Те, у кого было немного ячменя или

овса, ели их сырыми, чтобы дым не выдал этого факта, и голод не пришел и не унес то, что осталось. Вскоре этому истощенному населению не на что было жить, кроме лошадей, собак и кошек; и за этот вид пищи взималась очень высокая цена.

Солдаты, у которых вообще ничего не было, заходили в дома, чтобы отобрать у тех, у кого еще что-нибудь оставалось, какую-нибудь плохую еду, и уносили ее, в то же время изводя их позорным обращением. Эти несчастные с жадностью искали все, что казалось способным поддерживать жизнь. Мужчины и женщины, которые были всего лишь тенью, бродили туда-сюда, пугая тех, кто встречался им навстречу; и было видно, как они взбирались на крепостные стены, открытые вражескому огню, и наклонялись, чтобы сорвать с земли какие-нибудь дикие травы. Некоторые, почувствовав приближение смерти, вставали со своих постелей и тащились на кладбище, так как у их родственников наверняка не хватило бы сил отнести их туда, и они ложились умирать на землю, которая должна была их покрыть. Другие, с нетерпением ожидая окончания долгой агонии, подставляли себя под выстрелы осаждающих. Жалости не было нигде; и когда некоторые из этих несчастных жертв предавались крикам и причитаниям: "Прочь отсюда!" — сказали вожди. "Вам не так плохо, как было при осаде Иерусалима, где родители съели собственных детей".^[354] В осаждавшем их принце было больше милосердия. Герцог Альберт Мекленбургский, женившийся на племяннице старшего Кристиана и надеявшийся унаследовать его корону, был одним из лидеров, запертых в Копенгагене. Поскольку его жена была заключена в тюрьму, молодой король посылал ей провизию в большом изобилии, чтобы прокормить ее саму и всех ее родственников.

Въезд короля в Копенгаген.

Наконец произошла катастрофа этой трагедии. Горожане и солдаты, подавленные голодом, предложили капитулировать. Первым намерением Кристиана было, чтобы они сдались по собственному усмотрению; но вскоре его великодушие взяло верх, и он пообещал прощение всем своим врагам. Герцог Мекленбургский и граф Ольденбургский пешком отправились в королевский лагерь с непокрытыми головами и белыми батонами в руках.^[355] Они публично признались в своих преступлениях и, упав на колени, попросили прощения у короля. Кристиан оказал суровый прием графу Ольденбургскому, чьи амбиции ввергли Данию в самую жестокую войну. Он напомнил ему о грабежах, пожарах и убийствах, которые он заказал в штатах принца своей крови, и призвал его покаяться. Затем он поднял его, сказав при этом, что по-прежнему готов признать его своим родственником, хотя тот показал себя его самым жестоким врагом.^[356] Что касается герцога Мекленбургского, король объяснил его проступок слабостью и отнесся к нему с снисходительностью. После этого городские депутаты представились, и их приняли с добротой, которая покорила их сердца. Король въехал в столицу 8 августа в сопровождении королевы, членов сейма и высших офицеров своей армии. Жители, изможденные, бледные и пошатывающиеся, выползли посмотреть, как он проходит, и у них едва хватило сил издать крик радости. Многие дома были разрушены пушечными выстрелами, и почти все церкви были разрушены. Волнение и жалость, которые испытывал король при этом зрелище, были написаны на его лице. Его присутствие должно было положить конец этим бедствиям. Он вернулся в город как король, но также и как отец. Подобный въезд должен был произойти в конце столетия в столицу более высокого значения и со стороны более знатного князя. Но между Кристианом III была большая разница. и Генрих IV. Принц Севера вззошел на трон не для того, чтобы, как это сделал король Франции, "иметь на своей голове ноги папы римского".^[357]

И что же теперь ему оставалось делать? Перевязать раны королевства и дать ему новую жизнь. Кристиан счел необходимым посоветоваться с основными членами сейма. Через шесть дней после своего прибытия в Копенгаген он собрал под грифом секретности великого магистра Магнуса Гьоз, великого маршала Краббе, Розенкранца, Браге, Гульденштерна, Фрииса, Бильде и некоторых других просвещенных членов сената и изложил им свои мысли. Они пришли к единодушному выводу, что епископы были главной причиной смут в королевстве и что, пока они были у власти, его процветание было невозможно. Разве не они были виновниками этого междоусобицы, ввергнувшего Данию в пучину несчастий? Разве не они отвергли единственного короля, способного спасти страну? Разве они не пользовались вместо него тиранической властью? Разве их светская власть не противоречила Священному Писанию, не была узурпацией и фатальным институтом? Народ выступил за Реформацию. Следовательно, долгом короля и сейма было предпринять необходимые шаги для его полного установления; и первое, что нужно было сделать, это лишить епископов власти, осужденной Богом и человеком. Но если они обнаружат, что этот вопрос должен быть вынесен на рассмотрение Сейма, разве они не попытаются поднять своих сторонников? Чтобы предотвратить это, их личности должны быть защищены. Эффективные средства от острых заболеваний. "Он уводит испорченных принцев и побеждает сильных". ^[358]

Арест епископов.

Едва успела быть принята эта резолюция, как два самых влиятельных прелата королевства, Торберн Бильде, архиепископ Лунда и примас королевства, и Роэннов, епископ Зеландии, прибыли в Копенгаген, чтобы поздравить короля. Они оба были в епископальном дворце города, и, похоже, получили какой-то намек на готовящуюся меру. 20 августа Ранцау, которому король поручил эту миссию, появился во дворце. Он обнаружил, что дверь закрыта, и его солдаты взломали ее. Архиепископ немедленно сдался, не оказав сопротивления. Но Роэннов воспользовался своим знакомством со всеми закоулками своего дворца, чтобы ворваться внутрь и, взобравшись на крышу, присел на корточки в грязной и отвратительной дыре, или, согласно другому рассказу, за одной из балок, поддерживающих крышу. ^[359] Они долго искали его, не заглядывая туда; но на следующее утро они обнаружили его. Он спустился вниз и попытался скрыть свой позор под маской раздражения и резкими словами. Все епископы были взяты в плен; и каждый из этих арестов сам по себе вошел в историю. Многие из них защищались в своих крепких замках и отбивали нападение силой. Ранцау был вынужден организовывать регулярные осады и энергично атаковать этих грозных пасторов, у которых под командованием были вооруженные люди и храбрые офицеры. ^[360] Датские епископы, вопреки библейскому повелению, превратили свои посохи в мечи, свои кресты - в алебарды, а свои стада - в отряды копьеносцев. Епископы были заключены в различные крепости, и более или менее мягкое обращение с ними зависело от того, вели ли они себя смиренно или оскорбляли королевских чиновников. Конечно, возникает вопрос, были ли эти аресты законными? Мы отвечаем, что епископы были виновны в преступлениях против государства и против народа, и что эти преступления оправдывали их тюремное заключение. Король и его советники вправе защищаться от заговорщиков.

Обвинения против епископов.

Теперь сейму королевства предстояло вынести решение. Кристиан решил сделать важный шаг в конституционном направлении, введя в сейм вместе с дворянством и вместо прелатов представителей, выбранных горожанами городов и крестьянством сельских округов.^[361] Это была первая диета, в которой были представлены люди. Он был открыт 30 октября 1536 года. Был принят указ о проведении собрания для регулирования нового порядка вещей. Когда на открытом воздухе была воздвигнута просторная платформа, король и Государства заняли на ней свои места, окруженные огромным скоплением народа, который как бы образовывал генеральный совет нации. Принц выразил скорбь, которую он испытывал при мысли о бедствиях, которые только что постигли страну, и остановился на том факте, что епископы показали себя недостойными своего сана. Затем последовало чтение доклада о состоянии королевства, которое заняло три часа. В нем излагались преступления, общие для всех епископов, узурпация верховной власти и попытка погубить евангелистов.

Затем репортер разобрался с каждым из них в отдельности. 'Епископ Роэннов из Эскильде, - сказал он, - правил Копенгагеном во время междуцарствия, как если бы он был сувереном'. 'Да, да', - раздались голоса из толпы. 'Он послал свое изображение, - сказал кто-то, - королеве Венгрии Марии, правительнице Нидерландов, предлагая ей одновременно свою руку и датскую корону'. Несомненно, это была просто забава; но мысль о том, что когда-нибудь он станет королем, вполне могла прийти в голову такому тщеславному человеку, как Роэннов, который перебирал высокие материи в своем слабом мозгу. Каждому епископу приписывалось какое-то особое высказывание и поступок. Одним из самых странных высказываний было высказывание епископа Рибе, который, по словам репортера, сказал: "Я хотел бы превратиться в дьявола, чтобы иметь удовольствие мучить душу короля Фредерика, запятнанную ересью".^[362]

Репортер продолжил: Вследствие этих фактов предлагается, чтобы все римско-католические епископы были смещены со своих должностей; что религия и обряды Римской Церкви должны быть отменены в королевстве; что доктрина должна быть реформирована и установлена евангелическая религия; что никто из тех, кто не желает отречься от римского священства, не должен по этой причине подвергаться какому-либо жестокому обращению, что не должно быть попыток ущемления их свободы совести, но что они должны быть наставлены в соответствии со Словом Божиим, и если они откажутся от этого, им следует предоставить отчет о своей вере перед Богом. Только Бог".^[363] Учитывая, что духовная власть прибегла к использованию алебард и пушек, светская власть вполне разумно могла бы поступить так же; но суверен, сделав себя хозяином их крепостей, не наложил на них никакого наказания, кроме свободы.

Когда чтение доклада было завершено, от имени короля дворянам и народу был задан вопрос, согласны ли они с содержащимися в нем предложениями и, в частности, желают ли они сохранить своих бывших епископов. И все они в один голос ответили— 'Мы не желаем их; у нас будет Евангелие'. Соответственно был составлен договор. Была провозглашена полная амнистия за то, что было в прошлом, и полное и взаимное доверие к будущему. На место прелатов, виновников всех бед королевства, должно было быть учреждено такое же количество евангелических богословов под названием 'суперинтенданты' (впоследствии в обиход вошло слово 'епископы'). Монахам было разрешено покидать свои монастыри или оставаться в них при условии ведения там назидательной жизни и слушания Слова Божьего. Если кто-либо считал, что у него есть основания для жалобы на короля, он должен был возбудить против него дело в сейме. Отныне корона была объявлена наследственной. Этот договор был подписан четырьмя сотнями дворян и депутатами городов и сельских округов. С этого времени епископы

перестали быть членами Сейма, частью которого они были в течение шести столетий, и евангелическая религия была публично исповедуема. Таким образом, Реформация установилась в этом северном королевстве в том же году и таким же образом, как она только что установилась в маленькой республике в центре Европы.^[364]

Освобождение епископов.

Король намеревался немедленно освободить тех епископов, которые все еще находились в заключении, и он сделал им такое предложение, потребовав лишь взамен, чтобы они не вмешивались в государственные дела, не сопротивлялись Реформации и вели мирную жизнь. Большинство согласилось с этими условиями, и король не только вернул им их наследственные владения, но, вдобавок, сделал многим из них щедрые подарки. Лучше всего обошлись с Уве Бильде, который защищал свой замок с помощью пушек и который, пользовавшийся всеобщим уважением, получил в качестве феода поместье Сковклостер, близ Нестведа. К концу своей жизни он принял евангельское учение. Только один епископ, Розннов, категорически отказался подчиняться. Он менялся с каждым порывом ветра, но сейчас оставался непоколебимым. Обладая характером одновременно слабым и вспыльчивым, он протестовал против принятого по отношению к нему курса, и его негодование выражалось в резких высказываниях и резких жестах. Этот беспокойный и разносторонний человек был переселен последовательно в четыре или пять замков и, наконец, умер в 1544 году в том же самом городе Копенгагене, где народ продолжал верить, что он стремился утвердиться в качестве короля. Кристиан III. объединил замки епископов с владениями короны; но остальную собственность епископов он, по совету Лютера, передал больницам, школам, университетам и церквям. В его намерения входило предоставить важное положение "третьему сословию", но в этом он не преуспел. Этот класс, состоящий из рабочих, не имеющих морального веса, и крестьян без разума, должен был ждать, пока не придет их время.^[365]

Организация Евангелической церкви была нелегкой задачей. Король чувствовал нехватку какого-нибудь протестантского теолога, который был бы компетентен взяться за это. Во Фленсборге в 1529 году он познакомился с Померанусом, другом Лютера, который организовал церкви в Померании, его родной стране, в Брауншвейге, Гамбурге и Любеке. Померанус, чье настоящее имя было Бугенхаген, был суперинтендантом в Виттенберге и отличался примирительной и бескорыстной натурой. Он мог отличать вещи существенные от вещей безразличных; он был привязан к духу еще больше, чем к букве; и на этих основаниях, казалось, был особенно пригоден для того, чтобы придать Датской церкви конституцию. Курфюрст Саксонии согласился оставить его сначала на год, а затем на два года. Таким образом, в 1537 году друг Лютера прибыл в Копенгаген со своей семьей и несколькими студентами из Виттенберга. Он реорганизовал Копенгагенский университет, читал там курсы лекций и распространял обучение и знание Священных Писаний среди духовенства. В то же время, в сотрудничестве с датскими реформаторами Таусеном, Ворморсеном, Хризостомом, Садолином, Питером Ларссеном и другими, он дал конституцию обновленной Датской церкви. 12 мая 1537 года, в день рождения Кристиана III, король и королева были коронованы реформатором. 'Померан находится в Дании,' писал Лютер Буцеру, 'и все, что Бог делает своими руками, процветает. Он короновал короля и королеву, как если бы он был настоящим епископом'.^[366] 2 сентября он посвятил новых евангелических епископов. Ворморсен был назначен епископом бывшего первопрестольного Лунда, но его столичные привилегии были отменены. Палладий, ученик Лютера и Меланхтона, который провел в Виттенберге почти все

время, в течение которого в Дании шла Реформация, был назначен, несомненно, по рекомендации Померана, епископа Зеландии, и он также осуществлял своего рода общее руководство. Таусен в то время еще не был возведен в сан епископа. Должны ли мы предположить, что он отказался от этой должности? Или кто-то побоялся возвести в епископство этого смелого первопроходца, который нажил себе врагов свободой своего служения? Однако четыре года спустя он был назначен епископом Рибе.^[367]

Конституция Церкви.

В тот самый день, когда были рукоположены епископы, была обнародована конституция Церкви. В нем говорилось, во-первых, о чистом евангельском учении и таинствах; затем о воспитании молодежи и школах; о церковных обычаях и их единообразии; об обязанностях суперинтендантов и проректоров; о доходах Церкви для содержания священников и бедных; и о книгах, которыми могли бы пользоваться пасторы для расширения своих знаний. Особенно рекомендовались труды Лютера и Меланхтона.^[368]

Таким образом, Датская церковь преобразилась и из церкви папы римского превратилась в церковь Слова Божьего. К сожалению, оно не смогло твердо устоять на свободе, в которой было рождено. Государство претендовало на слишком большую власть над своими делами.

Реформация также установилась в других странах, граничащих с Данией, и они требуют хотя бы минутного внимания. Мы должны провести поспешный обзор Норвегии и Исландии.

Реформация в Дании затронула и Норвегию. Торговые отношения этой страны с Англией и ее близость к Швеции способствовали увеличению числа протестантов в пределах ее границ. Но не было региона на севере, в котором римский католицизм имел бы более решительных приверженцев. Мы видели, что Кристиана II. там благосклонно приняли, когда он появился в качестве защитника папства. Архиепископ Олаф Энгельбрехтсен был одним из его сторонников и поддерживал отношения с защитниками принца, с его шурином Карлом Пятым и его зятем курфюрстом-палатином. Как только этот прелат услышал о заключении датских епископов в тюрьму, он вообразил себя также разорившимся человеком и, охваченный ужасом, приказал снарядить свои корабли, погрузить на борт все свое имущество и самые дорогие сокровища Церкви, а затем бежал в Нидерланды. Кристиан III. был признан в Норвегии; но страна потеряла свою независимость и была объединена с королевством в качестве одной из его провинций. Норвежская церковь некоторое время находилась в плачевном состоянии.

"Наши братья в Норвегии, - сказал Палладий, епископ Зеландии, - подобны овцам, у которых нет пастыря".^[369] Тем не менее, один или два влиятельных человека страны приняли участие в проведении реформы. Йохан Рефф, епископ Опслоэ, отправился в Копенгаген, и там сложил с себя светскую власть и принял новую конституцию Церкви. Гебле Петерсен, епископ Бергена, также публично высказался за Реформацию. По его словам, он отказался жениться, чтобы иметь возможность полностью посвятить себя государственной службе. Он пожертвовал все свое состояние на основание школы, ремонт своего собора и возведение дома священника. Он ежедневно давал наставления в школе, которую сам основал, и настоятельно просил Палладия, епископа Зеландского, который высоко ценил его, прислать ему учителей и служителей; но ему не удалось заполучить их. Ревностный католицизм некоторых норвежцев вызывал тревогу у датчан. В Копенгагене ходили слухи, что в Норвегии люди убивают пасторов. Однако в стране была введена конституция Датской церкви. Кристиан III. повелел, чтобы Слово Божье

преподавалось там чисто и недвусмысленно. Но была активная партия, которая решительно выступала против протестантизма. В сельских районах бушевал шторм, который разрушал все, что пыталось создать правительство. Монахи подстрекали крестьян к восстанию. Когда людей призвали построить дома священников для своих пасторов, они отказались это делать. Тем не менее Реформация постепенно набирала силу, но, по-видимому, это было в основном делом рук правительства.^[370]

Мы уже говорили о Реформации в герцогствах Шлезвиг и Гольштейн.^[371] Жители Фленсборга в 1526 году уволили двенадцать священников и поставили на их места евангелических служителей. В тот же и последующие годы Реформация была основана в Хадерслебене, Шлезвиге, Итцехо, Рендсбурге, Киле, Ольденбурге и других городах. Все меры Правительства были отмечены мягкостью и терпением, и царство Христа прогрессировало благодаря своей собственной внутренней силе.

Епископы Исландии.

Исландия, этот остров замерзших гор и подземных пожаров, которые вздымают и сотрясают землю, а затем разражаются извержениями, так что регион представляет собой удивительное сочетание горячей лавы и вечного льда, — Исландии также предстояло познакомиться с Реформацией. Айсберги, приплывающие из полярных регионов, иногда окружают его и уничтожают посевы; но однажды знания, Божественные слова и евангельские учителя должны были прибыть туда с Востока; и этот отдаленный Северный остров, таким образом, должен был быть открыт благодетельному сиянию солнца, которое приносит жизнь и процветание в самые пустынные регионы.

Более чем за столетие до этого исландцы горько жаловались на суровость своих епископов. Они были настоящими деспотами, чьи наказания были настолько жестоки, что несчастные, которым они были нанесены, заявляли, что предпочли бы смерть. В эпоху Реформации двумя прелатами острова были — Эгмунд Паульсен, епископ Скалхольта, и Йохан Аресен, епископ Холума, оба священники, достойные своих предшественников. Последний, невежественный, властный, упрямый и мстительный человек, выдавал себя за потомка королей Дании и Норвегии и даже Приама, царя Трои, и очень гордился этим. Характер епископа Эгмунда был менее жестоким, но и он, и его коллега гораздо больше походили на средневековых феодальных баронов, чем на пастырей стада Господня. Во время выборов епископа Холума Эгмунд поддержал другого кандидата; следовательно, Аресен поклялся смертельно ненавидеть его. Эта враждебность двух прелатов вызвала раскол среди жителей острова до такой степени, что в 1527 году вот-вот должна была разразиться гражданская война. Однако в конце концов их убедили разрешить ссору путем испытания единоборством - метода, не очень соответствующего духу Евангелия. Каждый из двух прелатов выбрал своего защитника; и два рыцаря, представители епископов, явились вооруженные в *пестрых* шапках и наносили друг другу страшные удары. Победителем стал защитник Эгмунда.^[372] Как бы эти странные персонажи, отставшие от остального мира на два-три столетия, восприняли Реформацию, которая, совершенно для них неизвестная, взбудоражила всю Европу? Ответ не вызывал сомнений.

Новый Завет Оддура.

Сын бывшего епископа Холума, Оддур Готтшалксен, получил образование в Норвегии, а также учился у Лютера в Виттенберге. По возвращении в Исландию епископ Эгмунд, который в течение некоторого времени был коллегой его отца и знал мальчика с рождения, взял его к себе секретарем. Прелат ненавидел Священное Писание и, обнаружив однажды экземпляр Вульгаты у одного из своих священников, выхватил книгу у него из рук и в ярости отшвырнул ее прочь. В другой раз, когда он сурово отчитывал священнослужителя, который был настолько дерзок, что осудил злоупотребления, достаточно многочисленные в Исландии, и особенно поклонение иконам, бедный священник обратился к святому Павлу. ‘Павел!’ хрипло воскликнул епископ. ‘Павел был учителем язычников, а не нашим’. Это образец епископов Исландии.^[373] Оддур узнал правду в Виттенберге. От природы любящий учиться, он решил посвятить свою энергию этому, а не активному служению; и он привез с собой для этой цели много немецких и латинских книг. Поскольку он знал, как тиранические епископы Исландии унижались по отношению к своим подчиненным, он был робок и благоразумен и не осмеливался говорить о Евангелии в присутствии них или их созданий. Однако в частном порядке он учил пути спасения многих своих соотечественников и тайно работал над исландской версией Нового Завета. Он был свидетелем чудесного эффекта, произведенного переводом его учителя Лютера, и надеялся, что его собственный перевод может стать инструментом такого же блага для Исландии. Чтобы обезопасить себя от неожиданности со стороны любого нескромного и фанатичного посетителя, он устроил себе помещение для этой работы в коровнике; и епископ, предположив, что его секретарь переписывает старые документы, щедро снабдил его бумагой, ручками и чернилами. Оддур в своем уединенном сарае не ограничивался писательством, но он горячо молился там за Исландию, умоляя даровать этому региону с долгими зимами плодородный сезон, долгое лето. Доброе семя, которое он рассыпал, начало прорастать в сердцах людей. Епископ осознал, что что-то происходит; и ему показалось, что новая доктрина преодолела огромный промежуток, отделяющий Исландию от европейского континента. Ему было не по себе, но он ожидал, что сможет подавить первые ростки, пригрозив отлучением от церкви всем, кто будет учить и исповедовать какие-либо другие догматы веры, отличные от тех, которые он сам принял.

Эгмунд был уже в преклонных годах и подумывал о выходе на пенсию. Он воспитал молодого исландца по имени Гиссер Эйнарсен, который должен был стать его преемником. Вопреки желанию епископа, молодой человек покинул Гамбург, куда епископ поместил его, и отправился в Виттенбург. Однако не похоже, чтобы прелат был сильно недоволен своим предполагаемым преемником; последний, напротив, по-видимому, оказал хорошее влияние на своего покровителя. Эгмунд несколько смягчился, узнав о ходе событий в Дании. Он отправил Эйнарсена в Копенгаген с поручением сообщить об этом королю Кристиану III, что он не был врагом Реформации и что духовенство намеревалось назначить его — Эйнарсена — на должность суперинтенданта Скальхольтской церкви. Оддур сопровождал епископального делегата, стремясь воспользоваться возможностью напечатать свой исландский Новый Завет. Кристиан III приказал провести экспертизу этого перевода, а затем распорядился напечатать его, вероятно, за свой счет. Сам Эйнарсен прошел обследование у профессоров Копенгагена, а затем был рукоположен Палладием в епископа, хотя ему было всего двадцать пять лет. По возвращении в Исландию Эгмунд уступил ему епископский сан.^[374]

Епископ Аресен.

Но король не ограничился тем, что послал нового епископа в исландскую церковь; в то же время он потребовал, чтобы она получила новую церковную конституцию, которую он дал Дании. Это было нелегким делом. Чем более удаленные сообщества находятся от великих потоков цивилизации, будь то в горных регионах или на островах, тем упорнее они цепляются за мнения своих предков. Поэтому эти суровые островитяне заявили, что, хотя они и готовы искоренить злоупотребления, они не примут новую веру. В сердце самого престарелого Эгмунда вновь вспыхнуло рвение к доктринам его юности, и он, казалось, желал возобновить свои епископские обязанности. Но будучи обвиненным в том, что он участвовал в убийстве человека, находящегося на службе короля, совершенном в его доме, он был вынужден отправиться в Копенгаген, чтобы ответить на обвинение, и там он умер. С этого времени благочестивый Эйнарсен приступил к полному исполнению своих епископских обязанностей. Он основал школы, заставил множество монастырей обучать молодежь и не жалел сил для подготовки хороших слугителей. Смерть застала его в разгар работы.

И вот теперь Йохан Аресен, епископ Холума, набрался смелости. Этот вспыльчивый, амбициозный, неугомонный и все же, несомненно, искренний человек был возмущен началом Реформации в Исландии. Он написал в Копенгаген— ‘Я никогда не слышал, чтобы король имел право вносить изменения в религиозные вопросы, если только они не предписаны римским двором’. Как только ему сообщили о смерти его молодого коллеги, он собрал войска, около двухсот человек, и силой оружия вошел в опустевшую епархию, твердо решив очистить ее от всех следов реформы и назначить своим викарием своего сына Бьорна Йонсена. Аресен намеревался сам стать единственным епископом всей Исландии. Он приказал двум другим своим сыновьям схватить и увезти нового епископа, Мортена Эйнарсена, который был должным образом избран преемником покойного епископа и который мирно посещал свою новую епархию. Аресен, недовольный жестоким обращением с ним, сочинил баллады, в которых безжалостно высмеивал его и подшучивал над ним. Затем, заняв место законного епископа, он предпринял поездку по Скальгольтской епархии, взяв с собой плененного епископа Мортена. Он выставил его в качестве триумфатора и вынудил его обязать всех священников и мирян подчиняться епископу Холума. Он восстановил повсюду римские службы, назначил священников и не пощадил даже места последнего упокоения умерших. Он приказал извлечь из могилы тело епископа Эйнарсена и бросить его в яму за пределами кладбища. Этот священник-узурпатор зашел еще дальше; он открыто презирал королевскую власть, конфисковал имущество Церкви, преследовал тех, кто оказывал сопротивление, и опустошил всю страну. Поскольку королевский губернатор не мог допустить этого, он арестовал Аресена; и этот надменный, страстный священник, которого не заботили ни вера, ни закон, услышал, как его противники громко требовали, чтобы земля была избавлена от этого бича Божественного гнева. Он был приговорен к смертной казни и казнен вместе со своими сыновьями. Так погиб этот пламенный поборник средневековья и папства; смерть, несомненно, несправедливая, если бы его казнили как римско-католического епископа. Но, согласно наиболее достоверным документам, Реформация, по-видимому, не имела никакого отношения к этому трагическому концу Аресена. Он пал жертвой своих преступлений и негодования своих соотечественников, которые были полны решимости отомстить за все бедствия, которые он обрушил на их страну. Его сторонники также отомстили. Они казнили нескольких его судей, потворствуя обычаям самых варварских эпох. Они схватили исполнителя указа правосудия, нанесшего епископу смертельный удар, связали его и, заставив открыть рот, влили ему в горло расплавленный свинец. После этих ужасных событий дикая энергия народа, казалось, была сломлена, и

христианская цивилизация начала прогрессировать. Протестантские епископы приумножили количество школ; и вся Библия была переведена, напечатана и распространялась на местном языке. Римские службы постепенно исчезли.^[375] Чтобы избежать необходимости возвращаться к делам этого отдаленного острова, мы были вынуждены предвосхищать события. Только в 1550 году ужасный епископ Аресен был предан смерти.

ГЛАВА VI.

САМЫЕ РАННИЕ РЕФОРМАТОРЫ ШВЕЦИИ.

(1516-1523 гг.)

Мы только что рассмотрели реформацию в Дании; теперь мы должны пересечь пролив Саунд и приступить к изучению реформации в Швеции.

В период Реформации три скандинавских государства, Дания, Швеция и Норвегия, были, как мы уже говорили, объединены и подчинялись одному монарху, Кристиану II. Народы этих трех стран имели и до сих пор имеют некоторые общие черты; но у каждого из них есть и особенности, присущие ему самому. Сам Кристиан предстал в Дании и Швеции в совершенно разных ипостасях. Множество различных элементов, о которых мы не должны забывать, взаимодействуют в формировании истории народа. Природа страны, ее географическое положение, влияние климата, различные характеристики ее населения, их исторические традиции, гений и склонности рас, интеллектуальные и духовные устремления отдельных людей — все это в сочетании с влияниями свыше влияет на судьбы наций и вносит свой вклад в определение религиозной революции. Разнообразие этих причин очень бросается в глаза в Швеции. Скандинавские Альпы, населенные расой людей, обладающих большой живостью духа, воодушевленных сильной любовью к свободе и отличающихся замечательным промышленным мастерством, были очагом благородных устремлений и местом, где изготовлялось то могучее оружие, которое дало их стране независимость и Реформацию. Исторических персонажей нельзя рассматривать отдельно от среды, в которой они жили. События прошлого, условия, которые окружали их в момент их деятельности, способствовали формированию их представлений и возникновению их действий. Современная теория, которая сделала бы из политических и религиозных деятелей всего лишь органы социальной необходимости, не может быть слишком решительно отвергнута. Совесть, воля и свобода — это высшие принципы; но, настаивая на этих первопричинах и превознося их, мы не должны пренебрегать вторичными причинами. Два из этих низших элемента, природа и раса, оказали влияние на шведскую реформацию.^[376]

Олаф И Лоуренс Питерсон.

Ближе к концу пятнадцатого века в Эребру, городке, расположенном в Нерикии, на озере Хелмар, жил мастер по изготовлению железа по имени Питер Олафсон. Основной отраслью промышленности этого района была добыча, плавка и продажа железа. В этом деле Олафсон приобрел своим трудом определенную компетентность. В 1497 году у него родился сын, которого называли Олаф, а в 1499 году еще один сын, которого звали Ларс или Лоуренс. Эти мальчики выросли среди металлургических заводов, как и Лютер. Олаф был умным, живым и деятельным, но также несколько вспыльчивым. Характер Лоуренса был более мягким. В старшем мальчике проявились черты и характер жителей Нерикии — высокий рост,

каштановые волосы, тонкий лоб, серьезное выражение лица, взгляд, который говорил о преданности и гордости, но также указывал на упрямство. Лоуренс, с другой стороны, имел большее сходство с жителями границ Готланда: у него были светлые волосы, голубые глаза, стройная фигура среднего роста, приятная физиономия и определенная возвышенность чувств. Вполне возможно, что его мать, Карин, была уроженкой Готланда.^[377]

Оба мальчика выросли среди прекрасных пейзажей по соседству с готическим замком Эребру, который окружен четырьмя башнями и расположен на берегу озера, по которому отправляются грузы железа для Стокгольма. Внезапный приход весны в этих краях наполнил их восторгом. Когда сошел снег, поля сразу же покрылись зеленью, все деревья покрылись листвой, а цветы раскрылись навстречу солнцу. Покрытые снегом вершины, возвышающиеся между этими провинциями и Норвегией, утром были окрашены тысячью отблесков пурпура и золота. Массы вечного льда, ослепительные своей белизной, были подобны сверкающим коронам, величественно возвышавшимся над озерами, которыми пересечена местность, над серебристой пеной ручьев, мрачными сосновыми лесами, нежной листвой берез и прелестной зеленью лугов, покрытых самыми яркими красками. Дети в этих сельских районах обычно резвились среди скачущих стай, их голоса смешивались с криками диких птиц; и когда они слышали звон колоколов на высоких старых башнях, они, казалось, погружались в раздумья и сопровождали звон своими собственными монотонными песнопениями.^[378]

Несколько монахов-кармелитов, проживавших в женском монастыре в Эребру, считались величайшими учеными в стране, и они содержали школу, в которую мастер-кузнец отправил двух своих сыновей. Олаф, наделенный острым умом, любил учиться и выразил своему отцу желание посвятить себя теологии. Лоуренс сделал то же самое. Питер Олафсон был опечален тем, что его сыновья отказались от его металлургического завода, и обдумывал, каким образом он мог бы покрыть необходимые расходы. Тем не менее он, как и его жена, испытывал гордость при мысли о том, что его сыновья станут учеными, и он согласился с их желанием.^[379]

Большинство молодых шведских студентов привыкли обращаться в зарубежные университеты, особенно в Париж, где для их блага была открыта семинария. Но в этих отдаленных городах они часто с сожалением вспоминали неизъяснимое очарование своей прекрасной родной земли, каскады быстрой реки Гозта, романтические долины Вермеланда и большое озеро Венер, часто покрывающееся волнами от свежего северного ветра. К красотам природы добавились удовольствия общества. Знать, священники, владельцы шахт и горожане привыкли держать дома открытыми и собираться вместе на дружеские вечеринки. Зимой жители этих краев кутались в меховые шапки и пальто, отороченные выдрой, и это придавало им некоторое сходство с медведями, обитающими в их лесах. Летом, в праздник святого Иоанна, Эребру оглашался радостными криками. На открытом месте был установлен высокий, смазанный маслом шест, и молодые люди обоего пола, увенчанные гирляндами из листьев и цветов, предались бегам, танцам и другим упражнениям. Ночью было принято выходить на улицу, собирать обычные букеты и развешивать их по домам, чтобы уберечь от несчастий. Вечером молодые девушки плели гирлянды из цветов и клали их в изголовье своей кровати, чтобы их судьба, конечно, в том, что касается брака, открылась им во сне.

Олаф Петерсон (или Петри), достигнув девятнадцатилетнего возраста, должен был отправиться за границу в поисках знаний. Его учителя и родители, гордясь его способностями, возлагали большие надежды на его будущее. Казалось бы, естественно, что он поступил в шведскую

семинарию в Париже, основанную настоятелем Упсалы.^[380] Но его мать, благочестивая Карин, питала к нему более высокие амбиции. Это было ее желание отправить своего любимого сына в Рим, город апостолов, от которого христианский мир получил своих оракулов. Святая Бриджит, принцесса Нерикии, известная своими чудесными пророчествами,^[381] отправилась в Рим и перед смертью основала учреждение, в которое мог быть принят Олаф. Поэтому он отправился в Рим в 1515 или 1516 году. По мнению некоторых авторов, оба брата покинули Швецию вместе; но другие предполагают, что старший в одиночку покинул свою родину в это время. Это кажется более вероятным, поскольку Лоуренс еще не закончил свои предварительные исследования. Но он, несомненно, присоединился к Олафу позже.

Олаф в Виттенберге.

Как только Олаф ступил на немецкую землю, он услышал о Лютере. Ему рассказали, что в Виттенберге был монах-августинец, доктор богословия, чья проповедь привлекала толпы; и что, когда он разъяснял Священное Писание, казалось, что новый свет восходит и озаряет христианскую доктрину. Олаф слушал, и его охватывало какое-то необъяснимое влечение к Виттенбергу. Но что сказал бы его отец? Ему казалось, что он вряд ли сможет отказаться от его разрешения, если отправится туда, где сияет свет. Поэтому он остановился по пути в Рим и смело направился в Виттенберг. Как только он прибыл туда, он явился в университет, сдал экзамен с зачетом и был принят студентом. Реформатор разъяснял Священные Писания и таким образом приводил сердца людей к Сыну Божьему. На Олафа произвела глубокое впечатление сила евангельской доктрины. Слова реформатора были для него пищей и питьем. Лютер вскоре выделил его среди своих слушателей и с большой добротой ответил на восхищение молодого шведа. Он даже тешил себя надеждой, что однажды увидит в нем могущественное орудие в руке Божьей для распространения евангельской истины в Скандинавии. С тех пор Олаф жил в близких отношениях с христианским героем. Он был очевидцем мужества, с которым Лютер прикрепил свои девяносто пять тезисов к дверям Церкви всехСвятых; и он сопровождал реформатора, когда тот по приглашению генерального викария августинцев посетил монастыри ордена в Миснии и Тюрингии.

Олаф по натуре был энтузиастом. В нем горел скрытый огонь. Он стремился к истине и праведности и на протяжении всей своей жизни проявлял неукротимое мужество, способствуя их торжеству. Его рвение даже завело его слишком далеко, и в более зрелом возрасте он все еще проявлял опрометчивость юности. Хотя Лютер тоже иногда доводил решимость до предела страсти, он обладал слишком просвещенным умом, чтобы не держать своего ученика в справедливых рамках; и когда мягкий и благоразумный Меланхтон прибыл в Виттенберг, Олаф также присутствовал на его учении и наслаждался его близкой дружбой. Он многому научился в Германии. Его преподаватели восхищались ясностью его понимания и красноречием его речи, и университет, желая засвидетельствовать свое уважение к нему, присвоил ему степень магистра искусств. В 1519 году, когда положение дел в Швеции становилось все более критическим, Олаф решил вернуться домой. В этом шаге его поддержал совет Лютера, и в Любеке он сел на борт судна, направлявшегося в Стокгольм.^[382]

Не успел корабль покинуть поморские берега и выйти в Балтийское море, как на него обрушился сильный шторм, и он сел на мель на островке близ Готланда. Пассажиры, однако, были спасены. Остров Готланд в это время находился в состоянии необычного волнения. Арчимбольд, папский легат, послал своего брата Антонелли продавать там индульгенции, и

последний с большим размахом выставял и продавал в розницу свой никчемный товар. Ученик Лютера, возмущенный не меньше, чем недавно был его учитель, отправился к губернатору острова, знаменитому адмиралу Норби, и тот, будучи от природы несколько деспотичным, сделал даже больше, чем просил Олаф. Он изгнал торговца с острова, конфисковав деньги, которые тот уже получил. Губернатор вернул Олафа в Швецию. | он делал все, что мог, чтобы удержать Олафа, но тщетно. Молодой человек, искренне желавший отправиться в Швецию, чтобы проповедовать там Евангелие, снова сел на корабль и вернулся в Стокгольм. Немецкие купцы, которые с деловыми целями посещали прибрежные города Швеции, принесли туда весть о Реформации.^[383] Однако молодому готу, студенту из Виттенберга, предстояло стать главным инструментом в преобразовании Швеции.

Пожив некоторое время сначала в Стокгольме, а затем со своей семьей в Эребру, Олаф поселился в Стренгнесе, на озере Маелар, примерно на полпути между этими двумя местами. Его брат Лоуренс, кажется, учился в этом городе и сейчас находился там. Епископ Стренгнесский Матиас Грегориус, благочестивый человек, который не был сильно против заветов Реформации, вскоре оценил достоинства Олафа, посвятил его в сан диакона, а затем назначил своим канцлером и поручил его попечению школу, связанную с кафедральным собором. Карьера, к которой он так искренне стремился, теперь открывалась перед Олафом, и он вступил в нее со всем пылом своей души. Молодые пребэндари были очень невежественны, и поэтому Олаф, следуя примеру Лютера, объяснял им Священные Писания, учил их святым доктринам Евангелия и давал им в руки книги реформатора. Это было началом Реформации в Швеции.

Однако это натолкнулось на официальное и мощное противодействие. Напрасно Олаф нес факел веры; духовенство позаботилось только о том, чтобы погасить его. Некоторые эгоистичные и бессмысленные старики предпочли бы увековечить в Швеции царство варварства, чем быть лишенными лестного уважения, которое до сих пор оказывалось им как единственным учителям доктрины.^[384] Изложения в школах слов Христа, Петра и Павла было достаточно, чтобы священники немедленно закричали 'ересь!' Так говорил Элиас, католический священнослужитель. К счастью, люди были более открыты для убеждений, чем врачи. В учении Олафа было что-то светлое, проникающее, живое и святое, что привлекало внимание его слушателей. Он учил их открывать Священные Писания и исследовать их; и в них они находили неизвестную истину и видели в ней осуждение ошибок, которые до сих пор вводили их в заблуждение. Труды Олафа, составлявшие резкий контраст с праздностью других священнослужителей, снискали ему уважение всех здравомыслящих людей. За короткое время его имя стало настолько известным, что к Strengnaes потянулись студенты из отдаленных городов и сельских округов, из живописных мест Вермеланда, из железных и серебряных рудников Вестмании, с возвышенного плато Аплэнд, с лесистых холмов и улыбающихся лугов Далекарлии, из Эребру, Стокгольма и Вестерааса. Маттиас, радуясь тому, что вокруг него возрождается религиозная жизнь, награбил двух братьев Петри знаком своего расположения, взяв их с собой в Стокгольм.^[385] Добрый епископ был приглашен в столицу, чтобы присутствовать на коронации Кристиана II и на великолепных празднествах, которые должны были сопровождать ее. О них мы уже говорили. Наши читатели, вероятно, помнят, что этот жестокий и мстительный монарх пригласил туда дворян, прелатов и советников королевства, которых он подозревал во враждебном отношении к нему во время Стокгольмской резни. | беды страны; что после того, как он развлекал их в течение трех дней всевозможными забавами, он внезапно приказал схватить их (8 ноября 1520 г.) и вывести из замка, в котором они были

собраны, на большую площадь города, и там приказал их убить. Отец Густавуса Вазы был одним из них. Весть об этой ужасной резне быстро распространилась по всему городу. Отцы, жены, сыновья, дочери и друзья в отчаянии спрашивали, выжили ли те, кого они любили, в этой ужасной бойне. Олаф и его брат содрогнулись при мысли, что их благодетель Маттиас мог быть в числе жертв. Они поспешили на место; но каков же был их ужас, когда они увидели место, покрытое трупами! Они приблизились и, осмотревшись, обнаружили тело благочестивого епископа, залитое его кровью, а его почитаемая голова лежала у его ног. Охваченный горем при виде этого, Олаф разрыдался, а затем с присущей ему смелостью воскликнул— ‘Какой тиранический и чудовищный поступок! Так обращаться со столь достойным епископом!’ Едва он произнес эти слова, как датские солдаты схватили его и его брата за волосы и потащили к месту, где работал палач. Меч уже был обнажен, и им вот-вот должны были отрубить головы, когда из гущи королевской свиты раздался крик— ‘Пощадите этих двух молодых людей! Они немцы, а не шведы. Палач сделал паузу, и жизни Олафа и Лоуренса были спасены. Их избавителем был молодой человек, который, учась в Виттенберге, жил с ними в тесной близости. Оба брата без промедления покинули столицу и вернулись в Стренгнес, охваченные ужасом от страшной резни, свидетелями которой они были. Их защитник только что был убит; что с ними будет? Прервется ли работа? Бог позаботился об этом.’^[386]

Ближе к концу пятнадцатого века ребенок, родившийся у бедных родителей в этом самом городе, в раннем возрасте проявил большой интеллект; и его отец потратил свои небольшие сбережения на обучение мальчика у монахов. Он часто смущал своих хозяев неожиданными вопросами, которые задавал им. Лоуренс Андерсон (так его звали) посвятил себя Церкви; кажется, в юности провел некоторое время в Риме, посетил другие европейские страны, а после возвращения на родину стал одним из священников кафедрального собора Стренгнеса. По прибытии в этот город Олаф познакомился с Лоуренсом, поговорил с ним о вере, которая вдохновляла его, и без труда убедил его принять евангельское учение. Андерсон, который незадолго до этого был назначен архидьяконом, почувствовал неадекватность римской системы. Привлечь его на сторону Реформации в Швеции было фактом огромной важности, поскольку он отличался не только своим умом, достижениями и красноречием, но и благоразумием и предприимчивостью.

После смерти епископа управление епархией перешло к Лоуренсу в качестве архидиакона до избрания нового прелата. Под его покровительством Олаф проповедовал в нескольких церквях города. Он энергично провозгласил, что ‘никто не должен доверять смертным существам, таким как Дева Мария и святые, но только Богу; что проповедь Слова Божьего имеет гораздо большее значение, чем совершение мессы; что евангельская истина не проповедовалась в Швеции веками; и что исповедание наших грехов должно быть сделано от всего сердца только Богу, а вовсе не священнику’. Эти доктрины, которые были радостно встречены многими, были решительно отвергнуты другими. Среди тех, кто их слышал, никто не испытывал большего негодования, чем доктор Нильс, один из ведущих членов ордена и ярый сторонник Рима. Он решительно утверждал, что Олаф проповедовал ересь, и пытался опровергнуть христианские доктрины, провозглашенные реформатором, но безуспешно. ‘Что, ’ сказал он, - отвергать догмы и отменять обычаи, которые на протяжении стольких веков были повсеместно приняты в христианском мире?’ Но Олаф, находясь под защитой Андерсона, продолжал провозглашать истину с кафедры и отстаивал ее также в спорах, которые часто были очень бурными.^[387]

Узы, объединявшие двух Петри и Андерсона, день ото дня становились все теснее. Трое друзей вместе изучали Священное Писание; они беседовали обо всех реформах, которые были необходимы в Церкви; и Олаф, чтобы подбодрить Андерсона, передал ему письма, которые тот получал из Виттенберга, будь то от Лютера или от других поборников Реформации. Таким образом, они проводили счастливые и полезные дни, когда произошло домашнее событие, нарушившее их благочестивое общение.

Похороны отца Олафа.

С момента своего возвращения из Виттенберга Олаф надолго не задерживался в Эребру. Его родители, и особенно мать, были сильно привязаны к Римской церкви; и в ее обществе, когда он говорил с ней о Спасителе, у него не хватало смелости выступить против церковных суеверий. Внезапно в сообщении от матери братьям сообщили о смерти их отца и пригласили их присутствовать на похоронах. Они отправились в путь немедленно, без колебаний, но в то же время предвидели неловкость, которая возникнет и усилит их сыновнюю скорбь. Их мать попросила монахов-кармелитов провести погребальную церемонию в соответствии с предписаниями римского ритуала; и сам покойный выделил для этой цели часть своего землевладения. Олаф и Лоуренс отправились в Эребру, и когда они шли по берегу озера Хейлмар, то были в замешательстве и душевном смятении. Они отвергли доктрину чистилища и мессы, проводимые за упокой души; и Олаф, который не колебался между истиной и заблуждением, решил, что его отец должен быть похоронен в соответствии с духом евангельского христианства.^[388]

Придя в отчий дом, братья попытались утешить свою мать; но в то же время они с нежностью объяснили ей, что единственное чистилище, которое очищает от всех грехов, - это кровь Иисуса Христа; и что человек, который верит в действенность искупительной смерти Спасителя, немедленно вступает в общение с блаженными. Благочестивая женщина пролила горькие слезы. До нее действительно доходили смутные слухи о доктринах, принятых ее сыновьями; но теперь она была убеждена в этом факте неопровержимыми доказательствами, как будто сама видела их и прикасалась к ним. На карту был поставлен вечный покой ее мужа, и Олаф заявил, что церемонии, предписанные церковью, излишни; что не следует служить мессе за спасение его души. Она плакала все сильнее и сильнее. 'Ах, сыновья мои,' сказала она, 'когда Бог дал мне вас и когда я пошла на большие жертвы ради того, чтобы обучить вас наукам, я не думала, что вы станете распространителями опасных новшеств в своей родной стране'. 'Дорогая мама,' ответили сыновья, глубоко тронутые, 'когда ты слушаешь одну из латинских месс, какая тебе от нее польза? Ты хотя бы понимаешь ее?' 'Верно,' ответила набожная Карин, 'я этого не понимаю; но, слушая это, я с такой искренностью умоляю Бога принять это, что не могу сомневаться в том, что Он отвечает на мою молитву'. Олаф подумал, что лучшее, что он мог сделать, - это выразить живую веру, которая вдохновляла его; и он провозгласил Иисуса Христа своей матери как единственный путь, ведущий на небеса. Он говорил с такой любовью, что в конце концов она уступила и велела им поступить так, как они намеревались. Олаф и Лоуренс сразу же отпустили монахов, а сами воздали последние почести своему отцу с благородной простотой и живой верой, которые вдохновлены Евангелием. Монахи разгневались и заявили, что душа умершего обречена на вечное осуждение. 'Не бойся этого,' - сказали сыновья своей

матери, ' это всего лишь высокомерные и нечестивые слова. Бог - единственный судья живых и мертвых".^[389]

Епископ Браск.

Примерно в это же время появился человек, который стал в Швеции самым грозным поборником римской веры. Епископ Линчепинга Браск был священником, наделенным огромной энергией. Вопли монахов в Эребру были слышны даже в Упсале; и в июле 1523 года Браск получил от капитула этого столичного города письмо, в котором ему сообщали, что некто Олаф Петри смело проповедовал лютеранскую ересь в кафедральном соборе Стренгнеса. Похоже, что эта информация была абсолютно новой для пылкого епископа. Полностью преданный Римской церкви, даже не представляя, что может быть какая-то другая, он был сильно взволнован. Вскоре после этого он услышал, что эмиссары лютеранской пропаганды появились в его собственной епархии. Он рассматривал это как начало великого пожара, который поглотит всю Церковь. Обладая надменным нравом и неутомимой активностью, он поставил себя во главе защитников папства и поклялся, что потушит этот ужасный пожар. Когда он узнал, что Лоуренс Андерсон, сам архидьякон, разделял эти взгляды, он больше не мог сдерживаться. Он написал папе римскому и умолял его как можно скорее назначить епископов на места тех, кто погиб в Стокгольме; "но особенно, - сказал он, - в епархиях, граничащих с Россией, поскольку новое учение, которое они хотят ввести, принадлежит *русским*". Затем он написал диссертацию о Русской церкви, полагая, что таким образом сможет противостоять Реформации и уничтожить ее. Но он сильно ошибался, воображая сходство Евангелической церкви с Греческой. Реформация пошла дальше Восточной Церкви. Она не удовлетворилась возвращением к учению соборов первых шести веков, но вернулась к Иисусу Христу и Его апостолам и заложила свои основы только в Слове Божьем. Тем временем кармелиты Эребру донесли на Олафа и его брата перед настоятелем кафедрального собора Стренгнеса, обвинив их в том, что они презрительно отзывались о папе римском и неуважительно о Лютере. Реформатор ответил так убедительно, что декан замолчал и счел более благоразумным оставить этот вопрос епископу Браску. Этот человек, действительно, не остановился ни перед какими полумерами, а направил в Рим прошение о том, чтобы Олафа приговорили к смертной казни.^[390] Таким образом, день ото дня вокруг двух братьев сгущалась опасность, и казалось, что евангелическое семя в Швеции вскоре должно быть задушено. Политические события огромной важности были близки к тому, чтобы изменить облик вещей и придать совершенно непредвиденное направление судьбам людей.

ГЛАВА VII.

РЕФОРМАТОРЫ, ПОДДЕРЖИВАЕМЫЕ ОСВОБОДИТЕЛЕМ ШВЕЦИИ.

(1519-1524 гг.)

Густавус Васа.

В доме старинной шведской семьи, обосновавшейся в Линдхольме, в Апленде, в 1496 году родился ребенок, которого называли Густавусом и который впоследствии стал известен под именем Густавус Васа. В течение двух столетий члены этой семьи заседали в Совете королевства. Говорят, что мальчик, которому было всего пять лет, в своих играх с другими детьми обычно брал на себя роль короля. Иоанн II, отец Кристиана II, который в то время посещал свое королевство Швецию, восхитился высоким духом юноши и, легонько похлопав

его по руке, сказал: 'Если ты выживешь, однажды ты станешь замечательным человеком'. Принц хотел бы даже взять его с собой в Данию, но Стен Стуре, управляющий королевством, воспротивился. Родители отправили его в школу в Упсале, и люди уже давно указывали на места по соседству с городом, где Густав обычно играл со своими школьными товарищами. До сих пор рассказывают историю о том, как храбро вел себя мальчик, когда отправился на охоту на волка. В возрасте восемнадцати лет он отложил учебу, чтобы заняться военной карьерой, и стал одним из украшений двора Стена Стуре младшего. Люди говорили— 'Какой красивый, подвижный, умный и благородный молодой человек!' Другие добавляли— 'Бог воскресил его, чтобы спасти свою страну'. Он с честью провел свою первую кампанию в борьбе шведов против датских партизан; а в 1518 году он нес шведский штандарт в битве при Браннбирке, в которой датчане потерпели поражение и были вынуждены отступить. Его доблесть, красноречие и неизменное хорошее настроение вызывали всеобщее восхищение. Когда Кристиан II объявил о своем намерении начать переговоры со Стен Стуре, но при условии, что ему будут переданы заложники, шесть человек, пользовавшихся большим почетом у своих соотечественников, и среди них Густав, сели в лодку, которая должна была доставить их принцу. Как только они вышли в море, датское военное судно напало на их барку, взяло их на борт и, поскольку ветер был попутный, увезло их пленными в Данию.^[391]

Густавус, ставший жертвой этого внезапного пленения, был отправлен на север Ютландии, как и Таусен, и заключен в замок Каллоэ под опеку одного из своих родственников, Эрика Банера. Он обычно обедал за столом своего хозяина в компании с несколькими молодыми датскими офицерами. "Король Кристиан, — сказал последний, любивший разыгрывать хвастуна, - готовится к большому походу против Швеции; скоро у нас со шведами будет прекрасный праздник Святого Петра"(поводом к войне послужила папская булла), 'и мы разделим между собой богатую жизнь и юных девушек Швеции'. Густав, встревоженный такими разговорами, больше не мог ни есть, ни пить, ни спать и день и ночь занимался тем, что придумывал какой-нибудь способ сбежать из заточения. Поскольку его любили все, ему не составило труда раздобыть одежду грубого погонщика; и, облачившись в нее, однажды в сентябре 1519 года, ранним утром, он сбежал. Он шел так быстро, что в тот день преодолел расстояние в двенадцать немецких миль. 30 числа того же месяца он благополучно прибыл в Любек.^[392]

Эрик Банер пустился за ним в погоню и, добравшись немного позже до того же города, вернул его себе. Но Густав заявил, что он заложник, а не пленник, и совет отказался выдать его. Затем он пробыл три месяца в этом ганзейском городе, и хотя он еще не был реформирован, у него была возможность познакомиться с доктриной Реформации. В то же время он был преисполнен отвращения к поведению папы римского по отношению к своим соотечественникам. Швеция, теперь побежденная, стонала под игом христиан, и его единственной мыслью было прийти на помощь своей стране. Магистраты Любека, в руки которых он отдался, дали свое согласие, и он сел на борт торгового судна, направлявшегося в Стокгольм.

Его странствия.

Теперь оставалось только два города, которые продолжали сопротивляться датчанам, - Стокгольм и Кальмар. Первый был блокирован с моря и суши, и Густав не мог войти в него; но Кальмар был блокирован только с моря, и ему удалось пробиться к полоске суши у стен и войти в город в последний день мая 1520 года. Он обнаружил, что весь город погрузился в состояние уныния, и единственным ответом на его великодушные слова была угроза лишить его жизни.

Датский адмирал Норби потребовал, чтобы город сдался, и Густав желал любой ценой сохранить свою независимость на службе своей стране, и поэтому он укрылся в горном районе Смоланд. Здесь он нашел убежище среди крестьян своего отца; но и здесь люди теряли мужество и были готовы склонить голову под ярмо. Напрасно Густав появлялся среди них на их сборищах. "Посмотрите, - сказал он им, - какой *пир* готовит для вас христианин!" "Фу ты! - ответили они. - король не допустит, чтобы мы нуждались ни в селедке, ни в соли". Для них этого было достаточно. Другие, рассердившись на молодого героя, который хотел потревожить их мирное уединение, даже схватили свои стрелы и дротики и бросили их в него. Его бездушные соотечественники пошли еще дальше и назначили награду за его голову. Этот народ из-за недостатка энергии, казалось, был готов смириться с любым позором и доводил уныние и любовь к рабству до уровня фанатизма. Тревога, вызванная датчанами, была всеобщей; панический ужас овладел всеми умами. Один Густав, вдохновленный бесстрашным мужеством и мужественным и непобедимым патриотизмом, не отчаивался воскресить мертвых и одержать победу. Переодетый, он покинул местность, в которой его свобода и даже жизнь постоянно подвергались опасности, и, следуя окольными путями, чтобы ускользнуть от преследователей, удалился в уединенные горные районы, где и бродил все лето. Он питался кореньями и дикорастущими фруктами; ему хватало самой скудной пищи. Но даже это вскоре ему надоело; он испытывал голод и не знал, как удовлетворить свои потребности. Доведенный до крайности и в полной нужде, он отправился без денег, почти без одежды, в поместье Тарна, в Судермании, в дом своего шурина Иоахима Браге. В течение нескольких месяцев никто не знал, где он, и особенно его сестра пребывала в состоянии жестокой тревоги. В один прекрасный день она увидела, что он приближается; она немедленно приветствовала его и обращалась с ним нежно и со всем вниманием, и таким образом восстановила его истощенные силы. Его шурин собирался присутствовать на коронации Кристиана, на которую он был приглашен; Густав умолял его не ехать и заявил, что со своей стороны, вместо того чтобы идти ухаживать за датчанами, его единственной мыслью было изгнать их из Швеции. 'Если я не поеду по приглашению короля,' ответил Иоахим, - то какие роковые последствия не повлечет мой отказ для моей жены и детей?" Разве твоему отцу, и даже твоей матери, возможно, не пришлось бы заплатить своими жизнями за оскорбление, которое я нанесу этому мстительному принцу? Что касается тебя самого, ты свободен, делай то, что считаешь правильным.' Сестра Густава, которая была не так хладнокровна, как ее муж, дрожала за своего брата и со слезами умоляла его отказаться от предприятия, которое казалось ей мятежом и которое не могло закончиться ничем, кроме его смерти.^[393] Густав был неумолим ко всем ее молитвам. Преисполненный решимости снова поднять Швецию, он попрощался со своим шурином и сестрой и некоторое время скрывался в поместье своего отца в Рафснаэсе. Бывший архиепископ Ульфссон находился в это время в соседнем монастыре. Густав отправился туда, представился прелату и точно узнал от него о состоянии земли. Архиепископ не видел никаких шансов на независимость для их общей страны, и поэтому посоветовал ему подчиниться новому порядку вещей. 'Даже твой отец, - сказал он, - признал себя христианином, и ты подпадаешь под амнистию'. В то же время он предложил ему свое посредничество перед королем. Однажды пожилой прелат и молодой дворянин встретились в монастырской келье, обсуждая обстоятельства того времени, и старый архиепископ пустил в ход все свое красноречие, чтобы убедить Густава признать короля. Внезапно послышался шум. В горячую комнату ворвался мужчина; он был взволнован, выглядел диким и несколько секунд оставался в присутствии этих двух людей, не в силах вымолвить ни слова: его голос был сдавлен глубочайшим волнением. Он рыдал, он разразился слезами; он знаками давал им понять, что какое-то ужасное бедствие

только что обрушилось на их страну. Он был старым слугой Иоахима Браге. Наконец несчастный, придя в себя, рассказал им, что все самые выдающиеся люди Швеции только что были убиты в общественном месте Стокгольма по приказу Кристиана, который был уполномочен папской буллой; и что отец и шурин Густавуса были среди жертв. 'Твой отец,' сказал он, - мог бы спасти свою жизнь, полностью и безоговорочно подчинившись Кристиану. Предложение было сделано ему королем, но он ответил, что скорее умрет во имя Бога вместе со своими братьями, чем будет единственным, кого пощадят.^[394] Посланник добавил, что постоянно производятся новые аресты и казни. Услышав рассказ об этой ужасной бойне, архиепископ онемел от ужаса; Густав задрожал; но ужасная весть не заставила его отчаяться за свою страну. Напротив, они придали новые силы решимости и мужеству его благородного сердца. Он встал, немедленно покинул прелата и отправился верхом в Рафснес в сопровождении единственного слуги.

Густав В горах.

Можно представить себе печальные чувства, которые в это жестокое время терзали сердце молодого героя. Только одна мысль ясно засела в его голове — Швеция должна быть избавлена от самой варварской тирании. Он поехал по дороге в Далек-Карлию, оставив Стокгольм и Упсалу справа; и, держась подальше от Хедеморы и Фалума, главных городов провинции, он углубился в эту скандинавскую Швейцарию, регион, оцетинившийся горами и во все времена служивший убежищем для беженцев. Он был полон решимости спрятаться на некоторое время за его бурными потоками, водопадами, озерами, лесами и отвесными скалами. Чтобы сохранить свое *инкогнито*, он переоделся деревенским крестьянином. Красивый молодой аристократ был одет в сюртук из грубой шерстяной ткани; под ним были длинная куртка и кожаные бриджи; что-то вроде кожаной нижней юбки, доходившей до колен, чулки, такие же большие в нижней части, как и в верхней, и туфли на очень высоких каблуках с квадратными носками. Примерно в конце ноября он отправился в Купферберг, предложил себя в качестве рабочего и жил там, орудуя топором и лопатой и поддерживая себя на свое жалкое жалованье. Он не закрывал глаза на опасности, которые ему угрожали. Он знал, что после побега из тюрьмы, в которую его заточил Кристиан, он был более неприятен королю, чем другие вельможи. Правда, ему была дарована амнистия, но единственной целью этого, несомненно, было заманить его в Стокгольм, чтобы там его принесли в жертву, как его родственников и равных ему людей. Резня, начатая в столице, была продолжена в провинциях. Можно было бы сказать, что проскрипции Силлы были возобновлены. Настоятель и пять монахов монастыря Нидала были утоплены по приказу Кристиана без какого-либо судебного разбирательства. В Йончепинге был казнен Линдорм Риббинг. У него было два сына, одному девяти лет, другому шести. Старший мальчик был повешен за свои длинные и красивые волосы, а затем его голова была отделена от тела ударом сабли, и его одежда была залита его кровью. Затем настала очередь младшего. Шестилетний мальчик сказал палачу своим детским голоском — 'Пожалуйста, не пачкайте мое платье, как вы это сделали с платьем моего брата, потому что мама была бы очень огорчена'. При звуке этих невинных слов палач отшвырнул свой меч, воскликнув — 'Я никогда не отрублю ему голову'. Но на место был вызван другой палач, который обезглавил бедного ребенка и, по приказу своего начальства, положил его голову к ногам человека, отказавшегося предать его смерти. Эти варварства, обрушившиеся на невинных созданий, ясно показывают опасности, подстерегавшие энергичного и страшного Густава.^[395]

Человек, которому предстояло дать независимость и Евангелие своей родной земле, в это время трудился за скромным занятием, как крестьянский сын, в амбаре в Ранкитте.^[396] Но

напрасно он маскировался; его благородная осанка и особенно чистая речь выдавали его, и ему приходилось часто менять место жительства.

Густав в Орне.

Он направился в сторону Орнэса, места добычи полезных ископаемых, и обратился за работой к богатому шахтеру, который согласился нанять его. Густав общался со слугами дома как человек их ранга; но служанка, которая очень восхищалась красивым мастером и обладала острым, наблюдательным взглядом, заметила под его шерстяной одеждой шелковый воротник рубашки, расшитый золотом. В великом изумлении она поспешила сообщить об этом своему хозяину. Последний, который учился в университете Упсалы в то же время, что и Густавус, теперь узнал его и, опасаясь, как бы он не попал в перепалку с датчанами, потребовал, чтобы он покинул свой дом. В Орне, неподалеку, жил другой старый товарищ Густава по учебе, Арендт Перссонс. Молодой беглец решил отправиться к нему. Он добрался до своего жилища, дома необычной постройки, который был расположен недалеко от озера и вместе со своими окрестностями представлял собой очаровательное место жительства.^[397] Хозяин дома оказал Густавусу самый дружеский прием и заверил его, что с ним он будет в безопасности. Он представил его своей жене, а затем провел в большую комнату на втором этаже, образующую почти идеальный квадрат, которая должна была стать его собственной. Но не успел Густавус удалиться, как вероломный Арендт отправился к судебному приставу Бенгту Брунссону и донес на своего гостя. Судебный пристав с двадцатью пешими солдатами отправился ловить беглеца. Но если Арендт был предателем, у его жены было великодушное сердце. После ухода мужа она была в большом огорчении, ибо по выражению его лица догадалась, с какой целью он покинул дом. Огорченная мыслью о смерти, нависшей над ее гостем, она встала, приказала приготовить лошадь и сани и приказала двум своим людям без промедления увезти Густавуса. Беглец услышал стук в дверь; он открыл ее и увидел перед собой двух жителей Далекарла, вооруженных с головы до ног, в шляпах из сахарной головы, по моде того времени. 'Давайте начнем немедленно', - сказали они. Традиция положила на стол в этой комнате, рядом с доспехами и перчатками Густава, Библию — книгу, которая действительно освобождает.

Герой поспешно сел на сани и уехал. Вскоре после этого прибыл Арендт с судебным приставом и его группой. Говорят, что предатель так и не простил свою жену за то, что она спасла невинного человека.

Густавус, все еще странствующий, прибыл в Сварджо, в дом пастора Джона, и нотариус по имени Свен Эльфсон, живший неподалеку, принял его в своем доме. Но джентльменская осанка молодого человека всегда выдавала его. На него устремлялись подозрительные взгляды, а преследователи приближались. Жена Свена Эльфсона, встревоженная неминуемой опасностью, которой подвергался молодой дворянин, и желая ввести в заблуждение своих домочадцев, схватила лопатку, которой клали хлеб в печь, и ударила ею Густавуса, крича и называя его злым негодяем и ленивым мальчишкой, и таким образом прогнала его. Свен, не менее преданный, чем его жена, немедленно взялся отвести его к нескольким друзьям, с которыми, по его мнению, он был бы в безопасности. Но они уже услышали топот лошадей судебного пристава, который гнался за ними со своими двадцатью кавалеристами. Неподалеку стояла повозка, груженная соломой, и Густав спрятался в ней. Приближались всадники; проезжая мимо, они ткнули алебардами в солому и продолжили свой путь. Густав был ранен, но не издал ни звука. К нему подошел Свен Эльфсон; молодой беглец выполз из повозки, весь в

крови, но с неизменной отвагой сел на лошадь и отправился в путь. Кровь, капля за каплей стекавшая на снег, неизбежно должна была выдать его. Чтобы спасти его, Свен ранил его лошадь в ногу, и когда кто-нибудь заметил пятна на дороге и поинтересовался их причиной, швед смело указал на ногу своего животного. Наконец они добрались до Марны. Двое крестьян, Нер и Матс Олафсены, друзья Свена, спрятали Густавуса под большой елью, недавно срубленной в лесу, которая покрывала землю своими широкими зелеными ветвями. В этом месте он пролежал три дня и три ночи, а по вечерам, когда все было тихо, один из двух братьев тайком приносил ему еду.^[398]

Погоня за Густавом.

В эти скорбные дни, когда его преследовали, как дикого зверя, Густав не забывал о задаче, которую он поставил перед собой. Его глаза загорелись, когда он подумал о тирании Кристиана; но, увы! его решимость и мужество оказались бесполезны. Люди были не в состоянии следовать за ним. 'Король,' говорили они, 'наносит удары только по знати и духовенству'. Жители этих диких долин привыкли толпами ходить в церковь во время рождественского праздника. Густавус присоединился к богослужениям людей в церквях Реттвикса и Мора. Затем, собрав крестьян вместе, когда они выходили из церкви,^[399] он попытался возродить в них любовь к своей стране. 'Мои добрые друзья,' сказал он, - вы знаете, что вы сами перенесли под властью иностранца. Он пролил кровь наших благороднейших людей; мой отец пал под его ударами, и теперь страна раздавлена ногами наших врагов. Давайте положим конец этому рабству. С Божьей помощью я буду вашим капитаном, и мы умрем, чтобы спасти королевство.' Но жители этих отдаленных долин ничего не знали ни о положении вещей, ни о человеке, который говорил с ними. Некоторые из них выражали ему сострадание, но большинство умоляли его уйти. Густав, обманутый в своих надеждах, пересек около конца 1520 года пустынные места, отделяющие Восточную Далек-Карлию от Западной, часто ступая по льду, который трескался у него под ногами, и не раз подвергая себя риску утонуть в ходе этого печального и одинокого бегства. Он бродил по этим диким краям удрученный и огорченный; и самым горьким его горем было видеть, как его соотечественники стремятся к себе и без сожаления переносят самое невыносимое иго.^[400]

Вскоре после того, как он покинул Мору, туда прибыли два шведских джентльмена, Ларс Олафссон и Йон Михельссон, и они рассказали жителям, собравшимся затем на новый год, захватывающий рассказ о резне в Стокгольме, который заставил бедных людей рыдать. 'Кристиан,' продолжал Олафссон, 'собирается обложить народ разорительными налогами, он марширует с виселицей в правой руке и колесом в левой, и все шведские крестьяне обязаны сдать ему оружие. Он не оставляет им ничего, кроме посоха'. При этих словах люди громко зашептались. Теперь они оценили ценность молодого человека, которого они так нелюбезно приняли, и были разосланы люди с инструкциями искать Густава в деревнях, лесах и на высоких скалах. Они нашли его в Заельне, в приходе Лима, у подножия гор, разделяющих Швецию и Норвегию, когда он как раз готовился пересечь их.

Густав, капитан коммун.

Без промедления Густав вернулся в Мору. Там собрались самые почтенные крестьяне этих долин; и они провозгласили молодого благородного капитана всеми коммунами королевства Швеции. Шестнадцать мужественных мужчин предложили ему свои услуги в качестве проводников, и несколько сотен молодых людей отдали себя под его командование. Когда

датчане слышали об этом, они пожали плечами и стали говорить о нем и его последователях как о простой банде разбойников, рыскающих по лесам. Но в этом движении история усматривает начало самого славного правления. В воскресенье Густав прибыл в Купферберг с несколькими сотнями человек; и когда люди выходили со службы, он говорил с ними с теплым чувством и привлек на сторону дела независимости этих простых и энергичных людей, которые, в свою очередь, пытались привлечь на свою сторону других. 'Боже, храни Густава, как одну каплю рыцарской крови наших древних героев', - говорили жители этих долин жителям Хельсингенланда. "Давайте все соберемся вокруг него".^[401]

Теперь это движение приобретало важное значение. Епископ Скары Дитрих Слагхоелк, которого Кристиан назначил губернатором Стокгольма и который подстрекал короля к резне 8 ноября 1520 года, поднял тревогу и проконсультировался с магистратами. Город был немедленно укреплен, и против Густава был направлен отряд из шести тысяч конных и пеших солдат в направлении Далекарлии. Его лейтенант Петер Свенссон, богатый шахтер, пересек Долину с отрядом людей, единственным оружием которых были топоры, пики, луки и пращи, но бросок которых был подобен молнии. Эти отважные сыны Швеции напали на датский лагерь и разгромили его.^[402]

Густав, находившийся в это время в Хельсингенланде, немедленно выступил в поход в Вестманию. Повсюду, по мере его продвижения, к нему присоединялись крестьяне, и к 15 апреля под его началом было двадцать тысяч человек. Он двинулся на Вестераас, главный город провинции, и овладел им в День святого Иоанна 1521 года. Затем он организовал осаду Стокгольма. Поскольку город был открыт для датчан с моря, осада длилась два года. 20 апреля 1523 года Кристиан обратился в бегство, оставив это место открытым для своих врагов. Сейм королевства Швеция был немедленно созван в Стренгнесе на 7 июня того же года.

Густав, который во время своего пребывания в Германии восхищался Лютером и ценил провозглашаемые им принципы, был дружелюбен к Реформации не в надежде, как сказал иезуит Мамбур, завладеть церковной собственностью, а потому, что какие-то лучи истины проникли в его собственную душу.^[403] Вскоре у него появилась возможность расширить свое знакомство с ним.

Два человека, которые были одинаково необходимы Швеции, Густав освободитель нации и Олаф реформатор Церкви, теперь вместе присутствовали в Стренгнесе. Во время заседаний Сейма Олаф с большой энергией провозглашал евангельские истины. Члены Ассамблеи пришли послушать его, и его выступления произвели глубокое впечатление на слушателей. Он ясно видел, что епископы и священники были главным препятствием на пути Реформации. Поэтому, с любовью провозглашая Сына Божьего, он направлял свои самые энергичные нападки против деспотичного духа духовенства, их любви к деньгам, их праздности и бесполезности. Он напомнил своим слушателям, что апостолы и первые христиане были простыми, трезвыми и исполненными братской любви, и что своей добротой они завоевали сердца всех, в то время как теперь священники раздражают мирян, изобретая тысячи косвенных способов получения от них денег. Особенно он язвил против Римской церкви и ее несправедливых постановлений.^[404] Епископы, следовательно, в тревоге воскликнули: "Он хочет вернуть нас к нищенству и состоянию первоначальной Церкви".^[405]

Густав провозглашен королем.

Шведский трон теперь был свободен, и ассамблея предложила его Густаву. Сначала он колебался, принимать ли его, и это не без причины. Большинство крепостей все еще находились в руках датчан, армия и флот находились в плачевном состоянии, а казна была почти пуста. Но поскольку шведы были полны решимости полностью порвать с Данией, Густав принял решение, и 7 июня 1523 года он был торжественно провозглашен королем в Стренгнесе. Так был распущен союз трех королевств, просуществовавший сто двадцать шесть лет.

Легат папы римского Магнус, уроженец Линчепинга, которому в то время было всего тридцать пять лет, был представителем правительства Швеции при римском дворе. Папа Адриан отправил его обратно в Швецию в качестве своего министра, чтобы противодействовать прогрессу лютеранства.

Магнус, видя, что Густав, очевидно, был человеком, избранным Богом для того, чтобы быть поставленным во главе Швеции, подумал, что лучший способ выполнить свою миссию - это польстить ему и побудить принять корону. Но проконтролировать ход реформы было непросто. 'Поистине, ' говорили слушатели Олафа, - в речах евангельского проповедника больше правды, чем во всех баснях монахов'. Было завоевано значительное количество душ. Молодые люди горячо приняли христианскую истину; профессора и студенты стали ее апостолами. Это проникло в семьи, и женщины сидели у ног Спасителя. В то время как некоторые все еще защищали католицизм как религию своих предков, другие нападали на него из-за злоупотреблений духовенства. "Ересь, - сказал епископ Браск, - начинает множиться".^[406] Епископы, все более и более встревоженные, отправились к королю и начали жаловаться на Олафа и его друзей.

Это очень раздражало Густава, который, хотя и склонялся на сторону реформ, считал своим долгом ради своей страны какое-то время балансировать между ветром и водой. Он призвал к себе трех евангельских проповедников, Андерсона и двух Петри. Они не без волнения предстали перед принцем. 'Вы обвиняетесь, ' сказал он им, - в проповедовании доктрин, о которых никогда раньше не слышали'. Они ответили откровенно и с теплым чувством изложили ему суть Евангелия. Андерсон сделал больше; он смело заявил королю— 'Разорение духовенства - это их богатство. Для них быть богатыми противоречит природе служения, ибо Христос сказал, что Его царство не от мира сего".

Густав был поражен лояльностью реформаторов и силой их речей и проникся к ним еще большим уважением. Но он был принцем. 'Я обещаю вам свою поддержку, ' сказал он, - насколько позволят обстоятельства. В настоящее время я не могу назвать себя вашим другом. Я должен умолять вас даже не давать понять, что я на вашей стороне, ибо тем самым я могу потерять доверие нации, доверие, которое необходимо мне в моих усилиях по обеспечению ее благополучия. Тем не менее, вы можете быть уверены, что я четко выскажусь по этому важному вопросу, как только придет подходящее время'. У нас есть доказательства искренности этих слов. "С самого начала нашего правления, - писал Густав Лютеру, - мы были неизменно привязаны к истинному и чистому Слову Божьему, насколько Бог даровал нам благодать".^[407]

Результатом его бесед с Андерсоном, а также с Олафом и Лоуренсом было то, что принц становился все более и более другом Реформации; но еще некоторое время он был тайным другом.^[408]

Андерсона сделали канцлером.

Однако прошло совсем немного времени, прежде чем Густав выразил свое уважение одному из трех евангелистов, назначив Андерсона канцлером королевства, пристроив его к своему двору и сделав своим самым близким другом. Этим выбором Густав продемонстрировал большую проницательность. Под христианином он разглядел государственного деятеля, и голос истории подтвердил его суждение. 'Андерсон,' сказал этот голос, - был одним из величайших людей своего времени. Он был гением, которого природа наделила глубиной, а рефлексия расширилась. Хотя он стремился занять высокое положение, он был еще более честолобив в отношении великих дел. Независимость его характера сопровождалась проницательностью, которая понимала все, от первых принципов до малейших последствий, и умом, который был плодотворен одновременно и в благородных проектах, и в средствах, приспособленных для их успешного осуществления. Его красноречие встречало меньшее сопротивление из-за того, что его отправной точкой был веский довод. Его современники не осознавали всей возвышенности его характера и влияния, которое он оказал на шведскую революцию.' Такова точка зрения одного из самых знаменитых французских писателей прошлого века, которого нельзя заподозрить в каких-либо религиозных пристрастиях.^[409] День за днем король беседовал со своим канцлером о проблемах королевства. Они вместе поговорили о епископах и других членах духовенства, а также о том, что необходимо сделать, чтобы привести служение в большее соответствие со Священным Писанием и сделать его более полезным для людей. Густав хорошо понимал, какие великие реформы необходимо было провести; но он сознавал, что был слишком молод и в настоящее время недостаточно утвердился на троне, чтобы отважиться на них. Андерсон показал ему необходимость укрепления евангелического элемента в Швеции и указал на двух братьев Петри как на людей, хорошо подготовленных для этой работы. Затем Густав написал Лютеру, чтобы спросить, что он думает о них. Лютер принес благородное свидетельство об их моральном облике, их преданности и их доктрине. "Я умоляю вас, сир, - добавил он, - положитесь на Бога и завершите Реформацию. С этой целью я желаю вам благословения Господня. Ты не сможешь найти для этого доброго дела людей более компетентных или достойных, чем два брата, о которых ты говоришь. - Король больше не колебался. Он отправил Лоуренса в Упсалу профессором теологии и, желая иметь Олафа рядом с собой, назначил его проповедником в церкви Святого Николая в Стокгольме. Затем, руководствуясь своим стремлением использовать в государственных делах способности христиан, он также назначил Олафа городским секретарем - светская должность, которую в те времена часто занимали умные и хорошо информированные церковники. Однако, по мнению Олафа, его первым призванием было нести Слово, и с кафедры великой церкви красноречивый проповедник имел возможность ежедневно провозглашать Евангелие.^[410]

Таким образом, два реформатора заняли важные, но трудные посты в Швеции. Теперь перед Олафом открывалась карьера, полная конфликтов, чередующихся успехов и неудач. Его вера была искренней и живой. Внешне он был полон достоинства и серьезности, полон милосердия и откровенности. Его взгляд был проницательным, речь твердой и энергичной. Его острое и ясное понимание позволяло ему легко распутывать самые запутанные дела. Он постоянно работал, и труд давался ему очень легко. Но характер у него был вспыльчивый, и он не всегда мог обуздать бушевавшую его страсть. Он был слишком высокого мнения о себе и нелегко забывал обиды. Подозрительный и чувствительный, он слишком охотно прислушивался к ложным сообщениям, особенно когда они касались короля. Тем не менее, Олаф был выдающейся личностью и человеком, сумевшим, несмотря на свои недостатки, произвести сильное впечатление на своих соотечественников. Его проповеди посещали толпы людей.

Смелость его проповеди и его характер пленили многие души, и число обращенных было многочисленным. Ему недолго оставалось работать в одиночестве. Швед Михаэль Лангербен, вернувшись из Виттенберга, был назначен королем коллегой Олафа.

Замыслы романистов.

Мощная проповедь этих людей, благосклонность, оказанная им царем, и рвение, с которым народ стекался послушать их, взбудоражили римское духовенство. Повсюду раздавались бурные речи, сеющие агитацию. Священники, монахи и их приспешники вторглись в церковь, пока Олаф проповедовал, бросали в него камни, угрожающе размахивали своими посохами и даже покушались на его жизнь. Однажды, намереваясь положить конец евангельской проповеди, эти разъяренные люди бросились на кафедру и разнесли ее вдребезги.

Легат Магнус, способный и благоразумный человек, который ни в коем случае не был фанатиком, очень хорошо знал, что реформу нельзя остановить, бросая камни. Он разработал план менее шумной, но, по его мнению, более эффективной кампании и взялся благовидными доводами убедить короля сохранять верность папству. Принц был вынужден отправиться в Мальмо с целью организовать совместно с Фредериком, королем Дании, великое дело по разделению двух королевств. Примас и его друзья думали, что если они добьются некоторых уступок до отъезда Густава, то смогут действовать во время его отсутствия с большей свободой и укрепить в Швеции авторитет Рима. 'Сир, - обратился Магнус к королю, - проповедь Олафа распространяет в королевстве ересь, полную опасностей. Откажитесь от своего покровительства этого ученика виттенбергского ересиарха; запретите книги Лютера и таким образом снискайте себе славу христианского монарха'. Но Густав был слишком решительным человеком, чтобы повернуть назад. 'Я никогда не слышал, - ответил он, - чтобы кто-нибудь обвинил Лютера в ереси. Поскольку книги, направленные против него, допущены в королевство, те, которые он написал, имеют право на ту же привилегию; и что касается его учеников, я позабочусь о том, чтобы не лишать их своей защиты. Мой долг - защищать каждого из моих подданных от насилия, с какой бы стороны оно ни исходило'.^[411]

Густавус сделал нечто большее. Зная о честолюбии легата, он подумал, не использовать ли его в качестве уздечки для сдерживания ярости духовенства. Архиепископский престол в Упсале был вакантен. Римская церковь иногда превращала своих самых злейших врагов в своих самых решительных защитников, награждая их тиарой. Воспользовавшись этим примером, Густав назначил папского легата примасом королевства; и с этого времени Магнус проявлял большое уважение к королю и его желаниям.

Епископ Браск.

Но пост защитника Рима не должен был оставаться вакантным. В действии решительный дух важнее официального положения. Епископ Браск стал могущественным защитником папства в Швеции. Непреклонный, вспыльчивый и нетерпимый человек, больший папист, чем сам легат, он был вне себя от ярости, увидев успех Реформации, и отлучил от церкви любого, кто читал или продавал евангелические книги. 'Реформаторы, - сказал он, - попирая ногами церковный порядок, совершают величайшее из преступлений'. Без стеснения используя грубые выражения, столь распространенные в ту эпоху, Браск сказал, что лютеране претендовали на восстановление свободы Христа, но что им следовало бы скорее говорить о свободе *Люцифера*. Другой сановник Римской церкви часто писал *Luterosi* (грязный) вместо *лютерани*. Однажды

несколько дьяконов Апланда, которых Браск спросил, на чем они основывают свою веру, ответили: "На учении *Павла*", — епископ вскочил со своего места, воскликнув: "Лучше бы Павла сожгли, чем чтобы его таким образом знали и цитировали все!"

Епископ Линчепинга, когда обнаружил, что Магнус, став примасом королевства, также стал терпимым, серьезно возразил ему. "Если вы не будете решительно противодействовать разрушительному воздействию ереси, - сказал он, - вы недостойны быть преемником стольких прославленных прелатов, и как легат папы вы позорите своего главу". Магнус оказался в крайне затруднительном положении. У него было два господина, которые были настроены друг против друга, и он считал невозможным служить одновременно и папе, и королю. Связанный просьбами Густава и пристально наблюдаемый способным канцлером, он подумал, что самым простым планом для него было бы исчезнуть и оставить Браска продолжать конфликт вместо себя. Поэтому епископу он сказал— 'Я собираюсь покинуть королевство на год; я буду просить папу поручить вам пресечение этих споров; но пусть обе стороны воздержатся от оскорблений'.

Браск не собирался позволять прелату сбежать и взваливать на его плечи бремя, которое он не мог вынести сам. На самом деле он не отказывался действовать, но хотел, чтобы каждый выполнял свой долг. "Чем больше снисхождения будет проявлено к еретикам, - сказал он, - тем больше будет зла. Призовите Олафа и его брата предстать перед вашим капитулом в Упсале, чтобы они могли либо снять с себя обвинение в ереси, либо, как еретики, быть осужденными.' Этот фанатичный прелат думал, что в отсутствие короля будет легко сжечь двух братьев.^[412]

Тут у архиепископа возникли новые неприятности. Если бы он отказался выполнить требование Брака, последний обвинил бы его перед папой в тайном сговоре с еретиками. Поэтому он решил собрать членов своего ордена в Упсале в начале октября 1524 года и попросил Олафа и Лоуренса предстать перед ними. Когда вошли два реформатора, угрожающие взгляды этих гордых священников были устремлены на них, и они наперебой выдвигали друг другу самые ненавистные обвинения и осыпали их самыми грубыми оскорблениями. Олаф и Лоуренс ответили спокойно и ясными доказательствами доказали истинность евангельского учения. Их оппоненты, не имея возможности ответить, ограничились тем, что призвали их от имени римского первосвященника отречься от доктрин Лютера. 'В противном случае, ' добавили они, ' мы обрушим на вас громогласную анафему. Поэтому подумайте об ужасных последствиях отлучения от церкви даже в случае самых могущественных монархов. Подумайте об опасностях, которым вы подвергаете свою страну, ибо папа призовет всех князей Европы объединиться для восстановления порядка, который вы пытаетесь разрушить'. 'В мире нет силы, - ответили два брата, - ни анафемы, ни мученичество, которые могут заставить нас скрыть правду. Высшее приобретение, которого мы жаждем, - это потеря всего, даже своей жизни, ради утверждения Евангелия и славы Божьей".

Тогда капитул прибегнул к другому оружию, хитро намекнув, что, если Олаф и Лоуренс вернутся в Церковь, они займут самые высокие посты в ней. 'Никакие почести не являются достаточно высокими, ' ответил Олаф, ' чтобы заставить нас скрыть Евангелие'. Это было слишком для членов трибунала, и они потребовали самых суровых мер. Примас объявил, что оба реформатора, как и Лютер, будут изгнаны из Католической церкви и преданы анафеме Римом. Теперь Браск считал, что пришло время искоренить Реформацию; и он запросил у немецких прелатов всю информацию, которую они могли предоставить, такого рода, чтобы сделать ее одиозной. Они направили ему массу позорной клеветы.

Этот прелат в порыве ненависти установил теперь типографию рядом со своим собственным домом и пустил в широкое обращение книги, наносящие ущерб реформаторам, запретив в то же время чтение любых трудов Лютера или его учеников. Казалось, что евангелическое дело должно пасть под ударами могущественной иерархии, которая сговорилась уничтожить его.^[413]

ГЛАВА VIII. БОРЬБА. (1524-1527 гг.)

Густав Васа, как мы видели, отправился в Мальмо с целью договориться с Фредериком, королем Дании, о таких мерах, каких требовали серьезные обстоятельства, в которых они оба оказались. Кристиан II. был отстранен, и эти два князя должны были разделить его владения между собой. Договор между Данией и Швецией был подписан в то же время, когда Олаф и Лоуренс предстали перед капитулом Упсалы (октябрь 1524 года). Вскоре после этой формальности Густав вернулся в свою столицу.

Иконоборцы в Стокгольме.

Не успел король въехать в ворота Стокгольма, как услышал о беспорядках, охвативших город. Он приказал, чтобы его отвезли прямо в замок, но на улицах, по которым ему предстояло проходить, его глазам предстало очень странное зрелище. Он увидел, что они были окружены священниками, торговцами, женщинами и детьми, которые разбегались во всех направлениях, многие из них издавали дикие крики. Придя на площадь, он обнаружил там груды разбитых изображений и фрагментов статуй, а рядом соблолками стояли монахи, которые плакали и прикасались дрожащими руками к этим головам, рукам и изуродованным телам, жалобно восклицая— ‘Смотрите, наши святые, благословенные покровители королевства, как постыдно с ними обошлись!’ Были также некоторые горожане, стоявшие рядом, которые смотрели на разрушение этих идолов как на благочестивый поступок. Некоторые легкомысленные из них даже хвастались своими подвигами. Один молодой человек начал смеяться и глумиться над папой римским,^[414] население обрушилось на него и обращалось с ним ужасным образом.

Густавус с трудом подавил свое изумление и негодование. Как только он прибыл в замок, он послал за Олафом и его коллегой Лангербенем и сердитым тоном спросил их, что все это значит. Они ответили, что не имеют никакого отношения к этим насильственным действиям, но что они были спровоцированы некоторыми купцами из Нидерландов, которые недавно прибыли; что особенно двое из них, Книппердоллинг и Мельхиор Ринк, заявив, что Святой Дух говорил их устами, тайно стали сторонниками; и что затем, уверенные в своей правоте, они завладели сначала церковью Святого Иоанна, а затем и другими церквями, проповедовали в них об Апокалипсисе, сбросили изображения и разбили органы на куски.^[415] ‘И как получилось, - спросил король, - что вы терпели такие беспорядки?’ Олаф ответил, что единственным результатом противодействия с их стороны было бы еще большее возбуждение этих энтузиастов; что лучшим выходом было бы подождать, пока люди образумятся, что они,

несомненно, вскоре и сделают. Густав выразил свое неудовольствие терпимым отношением к беспорядкам, рассчитанным на то, чтобы свести на нет все, что он сделал. Он вызвал к себе двух иконоборцев, приказал им покинуть королевство и в то же время заявил, что если они когда-нибудь снова войдут в него, то только под страхом смерти.

В то время как фанатизм "просвещенных" переворачивал Стокгольм с ног на голову, римское духовенство воспользовалось этим, чтобы вернуть на свою сторону тех, кто казался дружелюбным к Реформации.

Густав, который в высокой степени обладал теми талантами великих людей, при которых одного взгляда или слова достаточно, чтобы убедить людей, видел, что его первейшим долгом было умиротворить народ. Согласно обычаю новоизбранных королей, он избрал то, что называлось *дорогой Эрика*, и, путешествуя по всем провинциям своего королевства, он появлялся повсюду как отец, полный любви, даже к самому ничтожному из своих подданных. Он советовал священнослужителям проповедовать Евангелие с кротостью, а пастве применять его на практике. Над Швецией прошла гроза, но присутствие Густавуса было подобно благодетельному солнцу, которое приподнимает поникшую траву и восстанавливает силы обгоревшим деревьям.

Женитьба Олафа.

Служители, со своей стороны, стремились просветить умы людей; и в то время как Олаф проповедовал Евангелие с силой и смелостью, его коллега провозглашал его с благоразумием и кротостью. Рассуждений и догм было недостаточно. Олаф стремился к морали, к христианской жизни и считал своим долгом начать с глав церквей, которые отвергали брак и вступали по большей части в незаконные связи. По его мнению, необходимо было заменить нечистое безбрачие священным институтом, божественно установленным от начала мира. Он знал, что такой образ действий вызовет бесконечные жалобы; но ничто не могло помешать ему, когда речь шла о послушании Божьему повелению. Он решил поступить так, как поступил Лютер. Он убедился в одобрении короля и в воскресенье Септуагесимы, в январе 1525 года, женился на добродетельной даме, принадлежащей к христианской семье Стокгольма. Церемония, на которой присутствовал король, вопреки обычной практике проводилась на шведском языке. Этот брак дал священникам возможность поднять большую бурю.^[416] Поскольку реформатор подчинился повелению Бога, они возмутились его нечестию: "Все правила отменены", - сказали они, "общественному порядку пришел конец, и самые святыя вещи попорчены".

Епископ Линчепинга, как обычно, возглавлял оппозицию, или, скорее, составлял ее сам по себе, и сетовал на робость своих коллег. Браск был выдающейся личностью, самым информированным и сдержанным человеком среди шведов. Ему Швеция была обязана внедрением полезных отраслей промышленности. Именно он первым задумал проект соединения Балтийского моря с Северным посредством канала, план, который был осуществлен в наши дни. Он закупал за границей не только требники, но и итальянские сборники законов и поэтов, некоторые из них даже нечестивые. Когда один из его друзей поехал в Рим, он попросил его привезти ему "*Любимого Орландо*" и другие книги того же рода.^[417] Он выступил вперед как поборник свободы Церкви, королевства и знати; и, рассматривая брак священников как мощную атаку на римскую систему, он бросился к пролому, чтобы защитить ее. Он приветствовал молодого короля с некоторой отеческой снисходительностью и назвал его 'дорогой Густавус'. Теперь он написал ему яростное письмо.

‘Эта антихристианская мера,’ сказал он, - вызывает большой скандал в королевстве. Никогда со времен Апостолов священник не осмеливался совершить столь возмутительное преступление. Какую неразбериху, какие горькие разногласия я предвижу в будущем! И вина будет возложена на вас, сир, на вас, кто своим присутствием санкционировал этот брак, противоречащий законам Церкви и государства.’ В заключение он вынес приговор об отлучении Олафа от церкви. Густавус тоже понимал, хотя и в ином смысле, чем Браск, важность шага, предпринятого стокгольмским пастором, и благородно выступил в его защиту. Он ответил прелату, что Олаф готов Словом Божиим доказать законность своего союза; и что, со своей стороны, он считает странным, что человек, действовавший в соответствии с законом Божиим, должен быть за это подвергнут интердикту, в то время как всем известно, к какой скандальной распущенности пристрастились священники, и что его за это не порицают.^[418] ‘Я бы очень хотел знать, - добавил король, - соответствуют ли подобные уродства божественному закону больше, чем брак, который установлен Богом для всех. В Библии нет ни одного отрывка, запрещающего брак священников; а что касается папских постановлений, то они повсеместно дискредитируются. Древность обычая не может сделать его оправданным.’ Единственным результатом этого ответа было раздражение Браска. Он обратился к архиепископу Магнусу, который не обратил внимания на его очень горькие упреки. Он объехал всю свою епархию и запретил священникам и мирянам прикасаться, разве что кончиками пальцев, к глупому учению Лютера, чтобы зараза не заразила их и не привела к смерти. Браску, по крайней мере, удалось настроить народ против Олафа и Лоуренса. Со всех сторон раздавались возгласы— ‘Проклятые еретики! Лишенные сана монахи!’ Олаф опубликовал, согласно заявлению Густавуса, работу, в которой он отстаивал доктрину о том, что *брак почетен во всем*.^[419]

Переводы Священных Писаний.

Этот слуга Божий был сейчас особенно занят другим заданием. В то время как люди осыпали его оскорблениями, он использовал время, которое его министерство оставляло в его распоряжении, для перевода Священных Писаний на шведский. Канцлер Андерсон, со своей стороны, сделал то же самое. Эти версии были напечатаны, и вскоре епископы громко роптали, потому что книги Нового Завета читались в каждом доме.^[420] ‘Ну, тогда, - сказал король, - переведите это сами, как это делалось в других странах’. Епископы, обнаружив, что их авторитет с каждым днем уменьшается, применили себя,^[421] хотя и против своей воли, к задаче, которую предложил им король; и они распределили книги Нового Завета между различными главами канонов и двумя монашескими орденами, доминиканским и картезианским. Епископам, каноникам и монахам предстояло испытать еще большее раздражение, чем обязанность читать Библию.

Сейм, собравшийся в Вадстене в начале 1526 года, убедил короля короноваться, добавив, что корона должна передаваться по наследству. Но Густав сказал, что прежде чем короноваться, он обязан позаботиться о содержании королевства. Исследуя ресурсы государства и Церкви, он обнаружил, что ежегодные расходы государства более чем вдвое превышают доходы, в то время как доходы Церкви были намного больше, чем в стране. Раздутое духовенство поглощало людей. Король потребовал, чтобы сейм выделил государству две трети церковной десятины, что позволило бы ему обеспечивать нужды нации и снизить налоги, которые тяжелым бременем ложились на третье сословие. Духовенство было в ужасе;^[422] епископы и настоятели поинтересовались, что с ними будет. Браск, возмущенный недостатком мужества, о котором его коллеги приводили столько доказательств, сказал им, что они были просто подлецами и

получили по заслугам. Им также приходилось терпеть его сарказмы; они потеряли все, в том числе деньги и честь.

Хвастовство Магнусом.

Все эти огорченные служащие обратились теперь к предстоятелю. Магнус, который до сих пор обычно старался угодить Густаву, полностью изменил свой курс, когда увидел, что кошельки священников оказались под угрозой! Он решил покончить с осторожностью, сжечь свои корабли и надменно противопоставить клерикальную власть гражданской. "Не бойтесь, - сказал он собравшимся вокруг него епископам, - я позволю королю увидеть мою силу, и я заставлю его склониться перед нами". Без каких-либо задержек примас учредил свой двор с большим размахом и принимал тех представителей знати, которые были недовольны королем. Он облачился в пурпур с золотом. Он совершил поездку по своей епархии в сопровождении двухсот человек, частично джентльменов, частично стражников. Всякий раз, когда он входил в церковь, под его ногами расстилались богатые ковры, а когда он принимал пищу, он приказывал распахивать двери для публики, как это делает принц. Все были поражены пышностью, торжественностью и состоянием, которым он был окружен, количеством блюд и великолепием его стола, ибо во всем этом он превзошел самого короля.^[423]

Но ни противодействие служителям Евангелия, ни гордыня и показуха прелата не смогли остановить продвижение Реформации. Густав был убежден, что Бог создал человека для прогресса, и что если есть прогресс для тела, то то же самое происходит и для сердца и разума. По его мнению, Реформация представляла собой большой прогресс в сфере религии; и он уже видел, как многие народы Европы, пробужденные Евангелием, идут впереди других. Почему Швеция должна оставаться позади? Для продвижения вперед, несомненно, были необходимы мужество и решительность, но Густав не был лишен ни того, ни другого из этих качеств.

Примас И Король.

Праздник святого Эрика, отмечаемый 18 мая, был великим днем в Швеции. В этот день были отданы почести памяти короля Эрика IX (1155), который пытался ввести христианство в Финляндии и основал для своих подданных мудрые институты. В это время в Упсале проводилась ежегодная ярмарка, на которую стекалось большое количество людей. Король посетил ярмарку в мае 1526 года в сопровождении своего канцлера Лоуренса Андерсона и двух тысяч всадников. Он хотел примирить чувства народа, которые священники и монахи возбуждали противного, и вернуть надменного архиепископа на его место. Он оставил своих вооруженных людей в их казармах и ехал верхом среди толпы, любезно улыбаясь людям, что завоевывало все сердца. Достигнув вершины одного из холмов в окрестностях Упсалы, он остановился и, приняв на себя на мгновение в дополнение к своим королевским обязанностям обязанности реформатора, обратился с речью, сидя на своем коне, к окружавшей его толпе.^[424] "Какая польза от службы на латыни?" - спросил он; "какая польза от монашеской жизни?" Многие выразили свое согласие с этими настроениями; но несколько крестьян, возможно, приехавших из Линчепинга, закричали: 'Мы намерены оставить монахов у себя. Их нельзя прогонять; мы скорее прокормим их сами'. Король, ожидая удобного случая, который вскоре представился, чтобы смирить гордыню священников, спустился с холма, вернулся в город и направился во дворец архиепископа, который приготовил для него великолепный пир и намеревался продемонстрировать перед ним все свое великолепие. Ближе к концу пиршества примас встал, полный решимости встать на один уровень с королем, и, держа в руке бокал,

повернулся к Густаву и сказал: 'Наша Светлость пьет за здоровье вашей светлости'. - Твоя милость и наша милость, - холодно ответил Густав, - не могут уместиться под одной крышей.^[425]

Затем король созвал капитул собора и сказал: 'По какому праву Церковь обладает светской властью?' Архиепископ, сбитый с толку ответом, который принц дал ему за столом, хранил молчание. Иверен, настоятель кафедрального собора, выступил вместо него и назвал *Декретами* основой их прав. Король, недовольный этим авторитетом, продолжил: 'Есть ли в Священном Писании хоть один отрывок, подтверждающий ваши привилегии?' Все замолчали. Наконец доктор Галле, считавшийся выдающимся теологом Швеции, сказал: 'Сир, короли, ваши предшественники даровали нам эти привилегии и сохраняли их'. 'Тогда, конечно, - ответил Густав, - если короли даровали их, короли могут их и отозвать. Для этого им всего лишь необходимо признать тот факт, что именно из-за недостатка знаний эти учреждения были основаны ранее, чтобы потакать суеверным требованиям и продвигать личные интересы'.

Архиепископ и епископы, так ясно видя признаки грозившей им бури, решили, чтобы сдержать ее, взять инициативу в свои руки и атаковать своих противников.^[426] Поэтому они всем скопом отправились к королю, и архиепископ от имени их всех потребовал от Густава, чтобы он показал себя защитником религии. 'Версия Нового Завета, составленная Олафом, - сказал он, ' это просто версия Лютера. Папа римский уже осудил ее как еретическую. Поэтому пусть Олаф и его последователи предстанут перед судом как виновные в ереси'. Густавус, полагая, что сможет учесть это требование духовенства при продвижении реформы еще на один шаг, ответил— 'Я согласен с приговором Олафа и его последователей к смертной казни при условии, что они будут справедливо осуждены за преступление ереси, в котором вы их обвиняете. Но я заметил так много прекрасных черт в жизни и привычках этого священника, что сомневаюсь, не из ненависти ли вы обвиняете его в ереси. Богословы привыкли, - сурово добавил он, - очернять таким образом тех, кто думает не так, как они".^[427]

Архиепископ был очень тронут этим ответом.^[428] Неосторожный прелат воскликнул— 'Я беру на себя обязательство уличить Олафа в ереси по наиболее важным пунктам веры, и это в присутствии вашего Величества и всех ваших министров'. Магнус, неверно оценив свою силу, зашел слишком далеко. Густав поспешил воспользоваться этим. Он приказал провести конференцию, о которой его просили, не сомневаясь, что она приведет к торжеству истины. Он пригласил на него ученых людей, членов сейма и всю знать, желавшую иметь возможность самим судить об основах, на которых покоились доктрины, исповедуемые либо приверженцами папы, либо приверженцами Реформации. Олаф объявил, что готов. Епископы, напротив, перетасовались, либо потому, что считали ниже своего достоинства вступать в дискуссию с Олафом, либо, как уже было сказано, 'потому что боялись разоблачить себя в конфликте с ученым и красноречивым человеком".^[429] Наконец они выбрали в качестве защитника своих догм выдающегося священнослужителя Питера Галле, человека, который ранее отвечал королю в Упсале.^[430]

Олаф и Галле.

Собрание проходило в здании капитула, и на нем присутствовали король и самые влиятельные люди из его свиты. Секретари заняли свои места за столом, чтобы записать обсуждение. Защитники Рима и Евангелия вышли вперед, и беседа началась. Первый вопрос содержал в себе все остальные. Речь шла о том, должны ли быть отменены *традиции, установленные Отцами Церкви и древними учителями*. Галле признал, что христианская религия, безусловно,

содержится, как утверждал Олаф, в Священном Писании. "Но, - сказал он, - эти Писания трудны для понимания, и поэтому мы должны получить объяснение, данное им древними Отцами Церкви". "Давайте примем толкование Отцов Церкви, - ответил Олаф, - когда оно не расходится с написанным Словом; но когда учения Отцов расходятся с учениями Писания, давайте отвергнем их."^[431] Если мы не отвергаем их, мы не должны делать разницы между словом Божиим и постановлениями людей.'

Впоследствии дискуссия перешла к великому учению Реформации: *Спасается ли человек своими собственными заслугами или только милостью Божьей?*^[432] Олаф утверждал, что вечная жизнь - это "*дар Божий*" (Рим. vi. 23) и что христиане спасаются *благодатью* (Еф. ii. 8). Человек получает награду исключительно *по милости Божьей и потому, что Христос заслужил ее для него*. Это фундаментальное учение было распространено среди всех народов в эпоху Реформации. Галле рассчитывал одержать победу, сохранив церковное княжество римского епископа, которое существовало, добавил он, в течение тысячи двухсот лет. 'Должность епископа,' ответил Олаф, - это не светлость, а труд. Папство не существовало так долго, как вы ему приписываете. Более того, мы должны учитывать не древность должности, а ее добротность. Сатана, искушитель человека, очень *древний*, но из этого не следует, что он *добрый*.' Дискуссия продолжилась по другим спорным вопросам, таким как обращение, Вечеря Господня и, в частности, чудесные явления, которые, по утверждению Галле, все еще имели место. Он привел в пример те, которые видели святой Мартин, святой Антоний и Кирилл, епископ Иерусалимский. "Каждый день мы становимся свидетелями новых",^[433] он добавил: "и мы не только не презираем их, но и должны испытывать к ним великое почтение". 'Церковь Божья,' ответил Олаф, 'построенная на доктрине пророков и апостолов, не нуждается в видениях. Слова Божьего достаточно, чтобы передать знание о спасении. Но человек-лжец наслаждается этими ложными новшествами, потому что у него нет никакого удовольствия от Слова Божьего.'^[434] Священное Писание запрещает нам искать истину в руках мертвых.' В подтверждение своего предположения он процитировал Втор. xix. 9; Лев. xx. 6; Ис. viii. 19; и Луки xvi. 27.

Поначалу двое сражающихся проявляли большую сдержанность; но постепенно они пришли в возбуждение и, забыв об уважении, подобающем столь величественному собранию, как то, которое их слушало, начали употреблять, согласно обычаю того времени, довольно сильные выражения. Король объявил дискуссию оконченной, объявил, что победа остается за доктором-евангелистом, и распорядился составить и опубликовать протокол диспута, чтобы религиозные люди могли судить, на чьей стороне правда.^[435]

Раздражение Сторон.

Этот разговор 1526 года, несмотря на его огромное значение, был далек от восстановления единства. Сторонники Римской церкви сожалели, что позволили втянуть себя в это. Епископ Браск обвинил архиепископа в слабости и сурово обвинил его в том, что он санкционировал диспут. 'Католическая вера,' писал он ему, 'не подлежит никаким возражениям, и недопустимо подвергать ее проверке. Вы никогда не сможете оправдаться перед папой'. Этот яростный защитник папства постоянно повторял окружающим, что "именно епископам и учителям Церкви Христос доверил толкование Священного Писания;"^[436] и что Олафа нужно доставить в Рим не для того, чтобы убедить его и таких, как он, но для того, чтобы предать их смерти огнем или мечом".^[437]

Эти высказывания раззадорили друзей Реформации. Что? миряне должны слепо принимать учение священников! Разве святой Павел не писал всем христианам Фессалоники — *Докажите все*; и христианам Коринфа — *Я говорю как мудрец, судите о том, что Я говорю?* Но реформированные не всегда поступали благоразумно. Поскольку пасторов искали во всех кругах, многие молодые люди покинули Упсалу до того, как приобрели необходимые знания и благоразумие. Они проповедовали оправдание по благодати; но некоторые из них недостаточно настаивали на том, что вера, которая не производит дел, мертва; и когда они говорили о священниках и папе римском, они использовали неосторожные выражения. Густав часто упрекал их, и Олаф опубликовал работу для их руководства. Иногда, сам того не ожидая, он ходил в церкви и после проповеди с любовью указывал этим молодым служителям на ошибки, которые его поразили,^[438] и советовал им избегать беспричинного провоцирования своих оппонентов.

Но ничто не могло успокоить вспыльчивых врагов Реформ. Архиепископ, который снова стал настоящим римским католиком (*un vrai Romain*), постоянно настраивал своих подчиненных против короля. Браск сделал то же самое, и другие прелаты пошли дальше. Епископ и мэр Вестерааса Суннанведер и Кнут подстрекали крестьян Далекарлии к восстанию; и последние с угрозами потребовали от короля изгнания лютеранской веры из королевства. Густав напомнил им о бедствиях, которые римское духовенство навлекло на Швецию, добавив, что долг короля - сбросить столь обременительное иго. Но далекарлийцы, которые легко возбуждались, были грубыми горцами, которые не боялись ни жары, ни холода, были искусны в обращении с оружием и одинаково довольствовались мечом и плугом, миром и войной, жизнью и смертью.^[439] В 1526 году они отказались платить налоги, и за короткое время сделали еще больше.

Притворщик.

В начале 1527 года в самых отдаленных приходах их страны появился молодой человек, называющий себя Нильсом Стуре, который заявил, что он старший сын покойного администратора и что он покинул Стокгольм, чтобы спастись от принца-еретика, который не мог вынести при своем дворе присутствия законного наследника королевства. 'Как только Густав увидел меня,' добавил он, 'он бросил на меня свирепый взгляд, выхватил свой меч и попытался лишиться меня жизни. Является ли это вознаграждением за заслуги моего отца, который отдал свою жизнь, спасая Швецию?' Произнеся эти слова, он залился слезами, упал на колени и стал умолять добрых крестьян, стоявших вокруг него, произнести вместе с ним *заклятие*, чтобы вызволить душу принца, его отца, из чистилища. Молодой человек был красив внешне и умел хорошо говорить, так что жители Далекарла, слушая его, плакали вместе с ним. К своим патетическим мольбам он добавил ужасные обвинения. 'Густав,' сказал он, 'не только отказался от национальной одежды, но и намерен заставить шведов одеваться по новой моде.' Дейлкарлийцы сочли бы это позором. У мнимого Нильса Стуре вскоре появилось много последователей, поскольку римская система пользовалась большим уважением, а имя Стуре было в большом почете среди далекарлийцев. Архиепископ Дронтгейма высказался в его пользу, и сторонники Рима приветствовали молодого человека как Маккавея, который собирался снова воздвигнуть алтари истинного Бога. Претендент окружил себя телохранителями, сформировал двор, избрал канцлера и начал чеканить монеты. Этот человек, надежда тонущего папства, на самом деле был фермерским слугой из Бьерксты в Вестманланде, незаконнорожденным сыном служанки. Он служил в нескольких дворянских

семьях и таким образом приобрел определенную сноровку. Его готовил к роли, которую ему предстояло сыграть, Педер Грим, человек, который ранее состоял на службе у Стена Стуре и который стал доверенным лицом епископа Суннанведера.^[440] Несмотря на его сообразительность, его вскоре обнаружили. Жители Далек-Карла однажды получили письмо от принцессы, вдовы администратора, в котором она предостерегала их от этого самозванца и сообщала, что потеряла своего старшего сына. Этому невезучему парню удалось сбежать в Норвегию, и там архиепископ Дронтгеймский принял его как принца.

Стремясь развеять клевету, распространяемую против него епископами, которой могли воспользоваться другие самозванцы, король опубликовал декларацию, в которой изложил цель, которую поставил перед собой. 'Мы хотим иметь, ' сказал он, ' истинную религию, соответствующую Слову Божьему. Теперь нет другой, кроме той, которой учили Христос и апостолы. В этом пункте все согласны. Споры ведутся только по поводу определенных практик, изобретенных мужчинами, и особенно в отношении неприкосновенности прелатов. Мы требуем отмены бесполезных обрядов и стремимся, как и подобает всем христианам, обрести вечную жизнь. Но прелаты, которые соблюдают это и заботятся только о своих желудках, обвиняют нас во введении новой религии. Мы настоятельно призываем вас не верить этой клевете".^[441]

Густавус, зная, что архиепископ был одним из тех, кто распространял упомянутые сообщения, вызвал его в Стокгольм. Магнус отправился, серьезно опасаясь того, что может произойти. Действительно, как только он заметил суровый взгляд Густава, он смутился, выражение его лица изменилось, и он промолчал. Король рассказал ему несколько простых истин и напомнил о действиях, которые наполнили его стыдом. 'Ваше призвание, ' продолжал принц, ' проповедовать Евангелие, а не разглагольствовать и разыгрывать из себя вельможу'. Архиепископ пообещал исполнить волю короля. По-видимому, Густав приказал заключить его на несколько дней в монастырь в Стокгольме, чтобы выяснить, участвовал ли Магнус, как утверждали некоторые, в заговоре Суннанведера и Кнута. Но вскоре он освободил его, и король, намереваясь жениться на польской принцессе, поручил ему миссию в Польше. Архиепископ отправился в путь, но вместо того, чтобы отправиться в Польшу, он отправился в Рим и никогда не возвращался в Швецию.

Решение Густава.

Густав считал, что пришло время завершить его работу. Он хотел вывести королевство из состояния раздора, в которое оно было погружено. Многие члены сейма и офицеры армии призывали его короноваться, но он не заботился об имени и короне без той реальности, которую они символизируют. Сущность королевской власти действительно находилась в руках духовенства. Епископы сделали себя хозяевами главных крепостей, узурпировали часть прав монарха и владели богатствами, превосходящими государственные. Теперь Густавус открыл свой разум своему умному, красноречивому и смелому канцлеру Лоуренсу Андерсону. Последний осознал многочисленные бедствия, навлеченные на Церковь и государство мирской властью и имуществом духовенства. Он напомнил принцу о том, что в первоначальной Церкви верующие распределяли свое имущество друг между другом по мере необходимости, и что апостолы устами святых Петра и Иоанна заявили, что у них нет ни серебра, ни золота. Андерсон, придерживавшийся той же веры, что и Лютер, часто беседовал с Густавом о принципах, выдвинутых в Германии этим замечательным врачом, и настаивал на том, что это полезное учение должно быть заменено ужасными максимами священников.

Густав понял его и поставил перед собой цель решительно отказаться от иностранного господства Рима, которое стоило Скандинавии столь щедрой крови. Ему нравилось евангельское учение, но мы вынуждены признать, что политика во многом определила его решимость. Священник посягнул на права короны и взялся отвоевать их. Это завоевание было более справедливым и законным, чем завоевания Александров и Цезарей. В выполнении великой работы по религиозному обновлению он полагался на Олафа, Лоуренса Петри и Андерсона. Римская партия немедленно начала распространять за границей самые оскорбительные слухи об этих трех личностях. Канцлер, по их словам, намерен разрушить церкви и монастыри и ввести новую веру; а два Петри, которым он поручает эту работу, - еретики и негодяи.^[442]

Царь, видя, какой переполох поднимают священники в королевстве, решил созвать народные собрания. Он созвал штаты королевства в Вестераасе на День Святого Иоанна, 24 июня 1527 года. Духовенство, услышав об этой мере, преисполнилось страха, а Браск во время беседы со своим другом Туре Йоэнссоном, маршалом королевства, воскликнул: 'Как я рад, что мне осталось жить совсем недолго!' Церковные члены сейма сначала колебались ехать в Вестераас; но многие из них, и среди прочих Браск, решили поехать в надежде, что своим присутствием они смогут в какой-то степени предотвратить великое зло, которое они предвидели. Прибыл сам король в сопровождении многочисленного и импозантного двора. Прошло много времени с тех пор, как проводился сейм столь важного характера. Помимо духовенства, там было двадцать девять дворян; каждый город прислал своего бургомистра и члена совета, а каждый округ прислал шесть крестьян.

Густавус про себя решил, что этот сейм должен освободить Швецию от ига священников, которое веками тяготило народ, и вернуть мирянам их собственное место. Для осуществления столь благотворной революции требовались решительное сердце и сильная воля. Теперь он обладал и тем, и другим. Он намеревался открыть Сейм грандиозным банкетом 23 июня, на который были приглашены представители Штатов. Все они наперебой восхваляли любезность короля, который с самого начала таким образом принял их за своим столом. Густав вошел в пиршественный зал и направился к тому месту, где было накрыто его покрывало. Затем, согласно обычаю, выступили епископы, ибо они обычно занимали самые высокие места после короля, а в его отсутствие они даже превосходили его представителя. Но теперь Густав, обратившись к своим государственным министрам, своим советникам и вельможам королевства, пригласил их сесть рядом с ним, а рядом с ними епископов, затем знать, затем каноников и других духовных лиц, которые обычно предшествовали знати, и в последнюю очередь горожан и крестьян. Этот приоритет, возложенный на мирян, вызвал оживленную сенсацию во всем собрании. Епископы, таким образом, сдержались, охваченные удивлением, побледнели, и в выражении их лиц отразилась горечь их душ.^[443] Тем не менее, они потеряли дар речи; и из-за страха перед Густавом они испили эту чашу. Многие из них охотно удалились бы, но внушительное присутствие короля задержало их, и они молча заняли свои места на тех нижних местах, которые они рассматривали как величайший позор, которому они когда-либо подвергались. Король, заметив выражение их лиц, обратился к ним: До сих пор их уста оставались сомкнутыми, но после слов короля они открылись; они показали, что их обычное место по обе стороны от него, и заявили, что занимают его. Густав объяснил причины, побудившие его присвоить своим министрам высший ранг. До этого времени Церковь господствовала над государством; теперь государство было освобождено. Отныне Швеция

отдавала кесарю то, что принадлежит кесарю, а Богу - то, что принадлежит Богу. Порядок был нарушен, но теперь каждый был восстановлен на своем месте.

ГЛАВА IX. ПОБЕДА. (1527 г.)

Тайное собрание епископов.

Епископы и остальные духовные лица вышли из замка встревоженные, раздраженные, возмущенные и преисполненные решимости изо всех сил сопротивляться замыслам короля. Поэтому они договорились тайно встретиться ранним утром следующего дня в церкви Святого Эгидия. Они пробрались туда тайком, никем не замеченные, и спрятались в самом отдаленном углу церкви, и там, под ее сводами, началось собрание священников. 'Какой может быть мотив, - спрашивали они друг друга, - того вопиющего оскорбления, которому король подверг нас в присутствии всех штатов королевства?' Епископ Браск, как суфраган примаса, отсутствовавший в то время, сказал: "Недостойное разбирательство, жертвами которого мы стали, несомненно, является прикрытием отвратительных схем. Но король умело скрывает свои намерения. Он окружен людьми, запятнанными лютеранством, и они льстят ему и вводят в заблуждение. Он хочет отнять у духовенства их привилегии, их свободы и их имущество и усилить ересь. Прикрываясь благовидным титулом защитника страны, он узурпирует абсолютную власть; и если мы не воспротивимся его планам, мы окажемся лишенными наших замков и крепостей, а также той доли, которая у нас есть в управлении королевством. Как я могу быть уверен, что мы также не будем лишены нашей религии?"^[444] Епископ Стренгнесский напрасно убеждал своих коллег, что им не следует провоцировать столь великого князя, который своими собственными заслугами завоевал любовь всей Швеции: напрасно он заявлял, что со своей стороны вполне готов сдать свой сильный замок. Браск, охваченный гневом, воскликнул: "Вы предполагаете распоряжаться имуществом Церкви так, как если бы оно было вашим собственным достоянием? Вы передадите его князю-еретику? Вы говорите скорее как придворный, чем как епископ". Затем, проклиная короля, он заявил, что необходимо оказать сопротивление, и даже силой, если закон окажется бессильным. 'Мы должны вспомнить, - сказал он, - о клятве, которую мы дали при нашей хиротонии. Давайте действовать с энергией, истинно епископальной. Лучше нам потерять благосклонность двора из-за нашей храбрости, чем обрести ее из-за нашей слабости!' Присутствующие тогда воскликнули: 'Мы клянемся защищать привилегии духовенства и искоренять ересь'. Этой клятвы было недостаточно. Энергичный епископ Линчепинга потребовал, чтобы помолвка была оформлена в письменной форме; и он составил декларацию, которую все они подписали. Они поклялись хранить тайну; и чтобы документ не попал в руки короля, они спрятали его под надгробием в церкви, и там он был найден пятнадцать лет спустя. Это разбирательство закончилось, заговорщики тайно вышли из церкви так же, как вошли, и начали готовиться к штурму рейхстага.

Но Браску нужно было еще кое-что сделать заранее. Он хотел прийти к взаимопониманию со своим другом Туре Йоэнссоном, маршалом королевства, высшим сановником в стране после короля и преданным сторонником Рима. Этому человеку было нечем похвастаться, кроме своих почестей. Полный тщеславия, гордый своим происхождением и своим званием, он был слаб и не располагал средствами. Епископ Линчепинга рассказал ему о том, что только что произошло. Маршал, полный тщеславия, был весьма польщен, обнаружив себя главой партии,

противостоящей королю, и согласился на все предложения, которые Браск делал ему о спасении римского духовенства. Глава духовенства и глава дворянства, придя таким образом к согласию, сочли возможным унести с собой Государства и уничтожить Реформу. В то время как маршал, довольный собственной значимостью, напустил на себя надменный вид, епископ приложил всю свою энергию, стремясь привлечь на свою сторону дворян и крестьян.

Сейм 1527 года.

Заседание Сейма состоялось в большом зале доминиканского монастыря. Все были в напряжении относительно того, что должно было произойти; собравшиеся казались встревоженными; тяжесть давила на сердца всех; воздух был тусклым и густым. Канцлер Лоуренс Андерсон выступил на собрании с докладом о состоянии королевства. 'Наши крепости, ' сказал он, - разобраны, наши порты пусты, в наших арсеналах нет припасов. Правительство Кристиана II. оказалось фатальным для Швеции. Члены сейма были убиты, наши города разграблены, а страна доведена до состояния самой ужасающей нищеты. В течение семи лет король, и только он, стремился вернуть нашей стране ее процветание и славу. Но вместо признания и сотрудничества он не находит ничего, кроме недовольства и неблагодарности; народ даже поднял открытый бунт. Как можно управлять народом, который, как только король говорит о пресечении любых злоупотреблений, вооружается топорами? нация, в которой епископы являются подстрекателями восстания и открыто заявляют, что они получили от своего папы острый меч и что они будут знать, как обращаться в бою с другим оружием, кроме своих восковых свечей?^[445] Люди жалуются на налоги; но разве они не используются исключительно на благо нации? Они жалуются на дороговизну провизии, но разве король контролирует погоду и времена года? Они говорят, что принц - еретик; но разве не то же самое утверждают священники о всех королях, которые не подчиняются слепо их желаниям? Если правительство вообще должно существовать, должны быть предусмотрены средства для его содержания. Доход государства в настоящее время составляет 24 000 марок в год, а расходы - 60 000 марок. Короне и знати принадлежит едва ли треть богатств духовенства. Вам известно, что богатство церкви было изъято из королевской казны и что почти вся знать была доведена до нищеты жадностью духовенства. Вы знаете, что горожане постоянно подвергаются чрезмерным требованиям со стороны мнимых религиозных фондов, в которых нет ничего религиозного и которые стремятся только разорить государство. Необходимо применить какое-то средство против зла, навлекаемого на нас жадными людьми, которые завладевают плодами нашего труда, чтобы предаться своим собственным удовольствиям.^[446] Крепости прелатов, служащие убежищем для мятежников, должны быть возвращены государству; а богатства, которыми пресыщены священнослужители, вместо того, чтобы быть посвященными своим удовольствиям, должны быть использованы для продвижения общего блага".

Пресечение злоупотреблений.

Таким образом, реформа религии привела к реформе морали, а искоренение заблуждений было связано с пресечением злоупотреблений. Если бы в это время эта работа была завершена по всей Европе, христианский мир выиграл бы три столетия, и его преобразование, вместо того чтобы совершаться в эпоху расхлябанности и упадка, было бы совершено под вдохновляющим дыханием веры и нравственности. Канцлер, сознавая важность кризиса и осознавая опасности, которым подвергнется Швеция, если сейм отвергнет его требования, говорил с некоторым волнением.^[447] Он замолчал; и затем король повернулся к маршалу королевства, как бы

спрашивая его мнения. Слабохарактерный Туре Йоэнссон очень неохотно выступал и предпочел бы предоставить энергичному Браску самому растопить лед. Поэтому Он повернулся к этому прелату и сделал ему знак обратиться к собранию. Последнему не потребовалось много усилий, чтобы заговорить. "Мы будем защищать католическую религию, - сказал он, - до нашего последнего вздоха; мы будем отстаивать права, привилегии и имущество Церкви и не пойдем ни на какие уступки без императивного указа папы Римского, единственную власть которого мы признаем в вопросах подобного рода".

Отречение Густава.

Король не ожидал столь надменных слов. 'Господа, - сказал он, обращаясь к членам сейма, - что вы думаете об этом ответе? Маршал королевства, весьма довольный тем, что ему не пришлось ничего говорить, кроме того, что он думал так же, как его друг, ответил, что ответ был справедливым; и множество епископов и депутатов сделали то же самое. Тогда Густав, переполненный чувствами, сказал: 'Мы ожидали другого ответа; как мы можем удивляться восстанию народа, когда первые лица королевства подают ему пример? Я не боялся рисковать своей жизнью в то время, когда ленивые священники проводили свои бесполезные жизни в праздности. Я знаю вашу неблагодарность. Вы никогда не знали, ни как обходиться без королей, ни как почитать их, когда они у вас были. Если идет дождь, это наша вина; если солнце скрывается, мы являемся причиной этого; если случается голод или мор, виноваты в этом мы. Вы оказываете больше почестей священникам, монахам и всем приспешникам папы, чем нам. Каждый считает себя нашим учителем и судьей. Вам было бы приятно даже увидеть топор у нашей шеи, хотя ни у кого не должно хватать смелости дотронуться до рукояти.^[448] Есть ли во всем мире мужчина, который при таких условиях согласился бы стать вашим королем? Сам дьявол в аду не хотел бы быть таким. Вы обманываете самих себя, если воображаете, что я взошел на трон как на сцену и что мне достаточно играть роль короля. Следовательно, нашей связи пришел конец. Я складываю скипетр, и мое решение непоколебимо. Выбирайте, кого пожелаете, чтобы управлять вами. Я отрекаюсь от трона, и это еще не все; я покидаю также свою родину. Прощай, я никогда не вернусь". При этих словах глубоко тронутый Густавус разрыдался и поспешил вон из зала.^[449]

Собрание, охваченное ужасом, некоторое время хранило молчание и неподвижность. Наконец канцлер заговорил: 'Достопочтенные лорды, этот момент должен определить существование или гибель Швеции. Перед вами открыты только два пути; вы должны либо повиноваться королю, либо выбрать другого'. Но члены совета были так сильно взволнованы речью Густава, и многие из них так ликовали по поводу его ухода, что, не заботясь о предложенном им голосовании, все они встали, в большой спешке покинули свои места и вышли. Туре Йоэнссон, который в присутствии короля держался на заднем плане и выдвинул вперед своего друга Брака, поднял голову теперь, когда ему больше не приходилось встречаться взглядом с королем. Епископы, каноники и многие лорды, считавшие уход короля победой, окружили маршала и с триумфом проводили его в его дом. Били в барабаны и трубили в трубы; и глава знати, полный тщеславия, питающегося тончайшим паром, восхищенный напыщенностью, которая скрывала от его собственных глаз его действительные недостатки, воскликнул с детским тщеславием: 'Я бросаю вызов любому, кто делает из меня язычника, лютеранку или еретика'. Этот человек и его друзья уже считали, что карьера Густава подошла к концу, и считали себя хозяевами страны. Воображение едва ли могло найти адекватное выражение для столь великого триумфа!

Король вернулся в замок в сопровождении своего двора и в сопровождении своих лучших офицеров. Последние расположились перед воротами замка и никого не пускали внутрь. Король был спокоен, как в самые мирные моменты своей жизни; он был даже весел и в хорошем расположении духа. Он знал, что время - великий учитель и дает уроки самым страстным мужчинам. Он медлил, он выжидал; он желал, чтобы умы, которые были введены в заблуждение, снова пришли в себя. Он пригласил своего верного друга к своему столу, показал себя приятным собеседником и в совершенстве проявил себя за столом.^[450] Так он провел три дня, приятных для принца и его приверженцев, — факт, безусловно, странный в разгар столь серьезного кризиса. Те, кто был рядом с ним, были рады обнаружить, что живут в дружеских отношениях с принцем. Последний даже придумал определенные развлечения,

Du loisir d'un héros nobles amusements.

Можно было бы сказать, что без каких-либо странных или серьезных происшествий король просто отдыхал; что период отдыха сменился периодом работы. Сейм собрался снова на следующий день; но он был нерешительным и беспокойным и не принял никакой резолюции. Крестьяне толпились в общественных местах и начинали проявлять признаки нетерпения. Они говорили друг другу, собираясь группами на улицах: 'Король не причинил нам никакого вреда. Господа из сейма должны помириться с ним, и если они этого не сделают, мы позаботимся об этом'. Купцы высказались в том же духе; а горожане Стокгольма, полагая, что король собирается отбыть, заявили, что ворота столицы всегда будут открыты для него. Браск и его партия постепенно теряли свое влияние. Магнус Зоммер, епископ Стренгнесский, поинтересовался, "должно ли королевство подвергнуться разрушению ради сохранения привилегий духовенства".^[451] Многие дворяне и горожане поблагодарили его за это слово. Они сказали: 'Пусть римские священнослужители изложат свое учение и защитят его от своих противников'. Браск изо всех сил сопротивлялся этому предложению, но, к его великому раздражению, оно было принято. Сейм постановил, что в его присутствии должна быть проведена дискуссия, призванная просветить мирян и дать им возможность вынести суждение о спорных доктринах.

На следующий день Олаф и Петер Галле появились на ристалище, но они не смогли прийти к согласию ни относительно своего оружия, ни относительно способа его использования. 'Мы будем говорить по-шведски', - сказал Олаф, в то время как Галле настаивал на латыни, чтобы избежать понимания подавляющим большинством собравшихся. Галле был упрям, и началось состязание: один пользовался ученым языком, другой - вульгарным. Наконец собрание, устав от этой чуши, которую оно не могло понять, громкими криками потребовало, чтобы говорили только по-шведски. Римский защитник был вынужден уступить, и дискуссия продолжалась до вечера. Евангельские принципы были радостно восприняты большей частью собрания. 'Королевство,' сказал канцлер наиболее влиятельным членам рейхстага, 'не должно управляться принципами священников и монахов, интересы которых противоположны интересам государства. Разве не странно слышать, как епископы провозглашают иностранного принца, папу римского, сувереном, которому мы обязаны повиноваться?' Многие члены Сейма были убеждены в этом.

Слабый и до смешного тщеславный Туре Йоэнссон не понимал этого, но верил, что триумф его собственной партии обеспечен. Он требовал, чтобы каждый лютеранин был объявлен неспособным взойти на престол, а все еретики были сожжены. Но горожане и крестьяне, раздраженные таким количеством задержек, очень громко заявили, что дворяне обязаны, во исполнение своей клятвы, защищать короля от его врагов, и что, если они не сделают этого быстро, они сами отправятся за ним, вернутся вместе с ним и преподадут лордам суровый урок. Противники Густава начали беспокоиться. Среди епископов и влиятельных священников также происходили заметные перемены. Чувствовали ли они внутреннюю силу евангельской истины, или только политика диктовала им вернуться к исполнению долга? Вероятно, что некоторыми из них двигали первые, а другими - вторые из этих мотивов. Ветер переменился. Браску и его другу Туре Йоэнссону пришлось выслушать очень горькие упреки; и со всех сторон настаивали на том, чтобы королю были принесены извинения и ему были представлены доказательства преданности его народа.^[452]

Депутации к королю.

Для этой миссии были выбраны канцлер Андерсон и Олаф, как люди, которые могли бы наиболее сильно повлиять на Густавуса. Никто не мог больше стремиться к примирению, ибо они чувствовали, что если король утонет под интригами и ударами прелатов, торжествующее папство втопчет Реформацию в грязь. Они явились к воротам замка, были допущены в присутствие принца и умоляли его от имени Штатов вернуться к ним, возобновить управление королевством и рассчитывать на их искреннее повиновение. Густав, который слушал их с подчеркнуто безразличным видом, ответил с некоторым презрением: 'Мне надоело быть вашим королем', - и отослал их прочь. Он был полон решимости покинуть королевство, если только не убедится, что найдет в Штатах и в народе поддержку, которая была необходима для его труда на благо всех. Другие делегации трижды обращались к нему с той же просьбой. Но получили тот же ответ; он казался неумолимым.

Это была впечатляющая сцена, которая теперь представала перед Стокгольмом. Нация призывала на трон принца, который спас ее, а принц отказывался от сана. Горожане, крестьяне и дворяне были в равном волнении, и в этот момент они были в ужасе как от легкомыслия, с которым отвергли его, так и от пропасти, которая разверзлась у них под ногами. Если Густавус уедет, что станет со Швецией? Земля была передана прелатам, неужели эти церковники, которые ничему не научились, погасят во тьме Средневековья зарождающиеся огни Евангелия и цивилизации и склонят народ под железный скипетр ультрамонтанской власти? Или, возможно, бывший король Кристиан II вновь появится, чтобы пролить, как и прежде, реки крови на улицах столицы? В конце концов, на умы людей произвело впечатление величие и благородство характера Густава, и они поняли, что если они потеряют его, то пропали. Они предприняли последнюю попытку и в четвертый раз отправили к нему посольство. Депутаты, когда их представили королю, обнаружили в нем ту же холодность. Они сознавали, что королевское достоинство уязвлено. Они бросились к его ногам и обильно пролили слезы.

Король был взволнован не меньше, и в его груди происходила борьба. Должен ли он уйти от этого народа, который он с таким трудом избавил от тирании и анархии? Должен ли он отказаться от этой славной Реформации, которая, если бы он покинул Швецию, несомненно, была бы изгнана вместе с ним? Должен ли он попрощаться с этой землей, которую он любил, и отправиться устраивать свое пристанище под крышей чужеземца? Конечно, у него мог бы быть

более гладкий путь в другом месте; но разве принц не обязан самоотречься ради всеобщего блага? Густав уступил.

Возвращение Густава.

На четвертый день он сел на диету. При его приближении вспыхнула радость, у всех заблестели глаза, и люди в своем восторге были готовы целовать ему ноги.^[453] Он вновь появился посреди Штатов, и один только вид его наполнил собрание благоговением и горячим желанием примирения. Густав был полон решимости быть милосердным, но в то же время справедливым, решительным и сильным. В Швеции росло несколько старых деревьев, которые больше не приносили плодов, и чья смертоносная тень распространяла по земле болезни, бесплодие и смерть: к их корням нужно было приложить топор, чтобы почва снова открылась солнечному свету и жизни.

Заговорил канцлер. "Король требует, - сказал он, - чтобы три сословия обязались подавить любое мятежное движение; чтобы епископы сложили с себя управление государством и передали ему свои крепости; чтобы они представили отчет о своих доходах, чтобы решить, какую часть из них следует оставить духовенству, а какую часть выплачивать государству, с целью удовлетворения потребностей нации; и чтобы поместья, которые при короле Чарльзе Натсоне (1454) были отобраны у дворян и переданы церквям и монастырям". монастыри должны быть возвращены в судебном порядке их законным владельцам".

Затем канцлер перешел к проблемам религии. 'Король требует, чтобы проповедовалось чистое Слово Божье, и чтобы каждый ценил его, и чтобы никто не говорил, что король хотел ввести ложную религию'. Это не удовлетворило некоторых дворян, которые, решив придерживаться своей собственной веры, пожелали заклеить римскую систему позором. 'Да, ' сказали они, ' мы хотим чистого Слова Божьего, а не мнимых чудес, человеческих выдумок и глупых небылиц, подобных тем, которые до сих пор нам рассказывали'. Но горожане придерживались другого мнения и считали, что король требует слишком многого. 'Новая вера должна быть изучена, - сказали они, - но, с нашей стороны, это выходит за рамки нашего понимания'. 'Конечно, ' добавили некоторые из крестьян, ' трудно судить об этих вещах; они слишком глубоки, чтобы мы могли их постичь'. Канцлер, не остановленный этими противоречивыми замечаниями, продолжил: 'Король требует, чтобы епископы назначали компетентных пасторов в церквях, и если они не смогут этого сделать, он будет уполномочен сделать это сам. Он настаивает на том, что пасторы не должны злоупотреблять своим служебным положением и не должны отлучать своих прихожан от церкви по незначительным причинам; что лица, выполняющие необходимую работу в праздничные дни, не должны подвергаться наказанию; что церковники не должны иметь права требовать за крещения, бракосочетания или похороны каких-либо больших выплат, чем установлено правилами; что во всех школах должно читаться Евангелие с другими уроками, взятыми из Библии; и что во всех светских вопросах священники должны подчиняться светским судам".^[454]

Все эти пункты были согласованы. Большинство членов сейма чувствовали необходимость этих реформ и, более того, боялись потерять Густава во второй раз. Затем король повернулся к прелатам и сказал: 'Епископ Стренгнесский, я требую от вас замок Тиннелсо'. Епископ заявил, что готов угодить ему. Другие сделали то же самое; но когда, повернувшись к Браску, Густав сказал: 'Епископ Линчепинга, я требую от тебя замок Мункебода', единственным ответом была тишина, прерываемая глубокими вздохами. Туре Йозенссон умолял Густавуса позволить его

старому другу сохранить замок, хотя бы на всю его жизнь. Король лаконично ответил: "Нет". Восемь членовсейма предложили себя в качестве залога за подчинение епископа, а сорок его телохранителей были зачислены в королевскую армию.

Вестероасский договор.

Затем был составлен документ, включающий все вышеупомянутые статьи (Вестераасский договор), который был подписан знатью и делегатами городов и сельских округов. Присутствовавшие епископы, со своей стороны, подписали декларацию, в которой говорилось, что "некоторые из их предшественников ввели иностранных королей в Швецию,^[455] были приняты резолюции для предотвращения подобных беспорядков в будущем, и что в подтверждение своего согласия они приложили к этому свои печати". Было хорошо понятно, что это подчинение прелатов было сделано неохотно. Однако один из них воскликнул: 'Что ж, независимо от того, желает ли его Преосвященство сделать нас богатыми или бедными, мы довольны'. С этого времени они перестали быть членами Штатов. Опечаленный Браск вернулся в свое епископство. Он видел, как его бывшие стражники вступили во владение от имени короля замком, в котором он, тем не менее, получил разрешение проживать. Он не оказывал сопротивления, так как ему очень хотелось освободиться от залога, который он был вынужден внести. Получив это, он немедленно покинул Швецию под предлогом инспекции, которая должна была состояться на острове Готланд, и направился к архиепископу Магнусу, который сейчас находился в Данциге. Оба прелата написали Густаву, требуя, чтобы он восстановил им их привилегии, но, разумеется, без всякой надежды на то, что он это сделает. Как только они получили его отказ, Магнус отправился в Рим, а Браск укрылся в польском монастыре, в котором и умер.

К монашеским орденам относились снисходительно; соглашение предусматривало только то, что монахи, совершающие пребенды, не должны просить милостыню и что монахи-попрошайки должны собирать пожертвования только в установленное время. Но монахи и монахини не просто соблюдали эти правила; многие из них покинули монастыри и занялись занятиями и обязанностями общественной жизни.

Густав был победителем, и мы должны добавить, что победа была даже слишком полной. Организация и руководство новым церковным орденом были возложены на короля, как, впрочем, и во всех странах, в которых государство не выступало против Реформации. Мы должны, однако, далее отметить, что он смягчил зло, действуя только в соответствии с советами Андерсона, Олафа и других реформаторов. Нанеся таким образом тяжелый удар, обезоруживший римскую иерархию, король покинул Вестерос и с тех пор открыто исповедовал евангелическую веру.^[456]

Так пал римский католицизм в Швеции. Главной причиной его падения было исповедание истины Олафом, его братом и их друзьями и проповедь их истины. Хорошо сражаясь, они получили вознаграждение за свои труды. Однако мы не будем умалять нашего уважения к моральной решимости, с которой Браск и другие боролись за то, что они считали правдой. Личные интересы и интересы касты, несомненно, имели к этому большое отношение; но мы не должны забывать, что порядок вещей, утвержденный столькими веками, был, согласно их убеждениям, истинным порядком. В умах людей существуют противоположные тенденции. С точки зрения одного класса, институты прошлого законны и священны, и они цепляются за них со всей страстью и упорством, на которые способна их природа; в то время как с точки зрения

другого класса будущее, и только будущее, предстает в благотворном аспекте. В будущее они проецируют свой идеал; они наделяют его всей красотой, созданной их собственным воображением, и с энтузиазмом устремляются к этому будущему. Это правильно. Тем не менее, благоразумные люди стремятся развивать в настоящее время истинные и полезные принципы прошлого и формировать под влиянием жизни, проистекающей из Евангелия, новый мир, в котором прорастут те драгоценные зародыши, которые станут богатством будущего.^[457]

Подавление восстания.

Приведя в порядок дела церкви, Густав сделал то же самое для государственных дел. Он тихо отправил войска в направлении Далекарлии и в то же время агентов, которым было поручено вернуть повстанцев к повиновению мягкими средствами. Верховный маршал Туре Йоэнссон и епископ Скары, не чувствуя себя в безопасности, покинули повстанцев и бежали в Норвегию. Далекарлийцы, покинутые своими главными вождями, решили вести переговоры с королем; но, видя сдержанность его агентов, они подумали, что могут говорить высокомерно. Поэтому они потребовали, чтобы лютеранство в королевстве было наказано смертью и, что казалось им не менее важным, чтобы король и его придворные вернулись к старой шведской одежде. Густав, вероятно, мог бы убедить их отказаться от этих двух требований, особенно если бы он показал им, что ему достаточно сказать одно слово, и они будут раздавлены. Но хотя он был нежен с теми, кто был ему верен, он твердо отстаивал свои права и был полон решимости наказать любого, кто посягал на них. Он не считал нарушителя невиновным. "Человека, который прикоснется ко мне, я ударю", - сказал он. В его характере была суровость закона, которая царит даже над судьей. Он выступил во главе своей армии, окружил мятежников, схватил и обезглавил их лидеров. Мнимый Стуре, будучи вынужден покинуть Норвегию, укрылся в Росток. Магистраты этого города, в ответ на требование короля выдать самозванца, казнили его. Эти суровые меры положили конец восстанию.

Олаф, Андерсон и другие друзья Густава умоляли его внести последний штрих в восстановление порядка, короновав себя. Видя, что священники теперь полностью свергнуты с престола, Густав принял их просьбу к сведению; и когда штаты возобновили свои просьбы, он отдал приказ о своей коронации. 12 января 1528 года в присутствии всего сейма и большого собрания в кафедральном соборе Упсалы принц был коронован с большой пышностью новыми епископами Стренгнеса, Скары и Або. Речь произнес епископ Стренгнесский, и Олаф провозгласил Густава I. королем Швеции.^[458]

ГЛАВА X. "ЦЕЗАРОПАПИЯ". (1528-1546 гг.)

Во исполнение решений Вестерааса Реформация была введена во всех частях королевства. Но было большое количество шведов, которые все еще закрывали глаза на свет, взошедший на их родной земле. Многие священники, сохранившие свои должности, сохранили при себе римские догмы и, встав между своими прихожанами и Евангелием, убедили их, что любое изменение в богослужении церкви является отступничеством от христианства. Таким образом, королевство представляло собой гротескную смесь евангельских доктрин и римских обрядов. Экзорцизм практиковался в связи с крещением, и когда умерших хоронили, возносились молитвы об их освобождении из чистилища. Поэтому король решил созвать синод, который должен быть

уполномочен завершить работу по реформации, отменить суеверные богослужения в Риме, отстранить Папу и утвердить Священное Писание в качестве единственного авторитета в вопросах религии.^[459]

Синод в Эребру.

Ассамблея собралась в начале января 1529 года в Эребру, родине Олафа и его брата, недалеко от улицы, на которой их отец работал в кузнице. На встречу прибыли епископы Стренгнеса, Вестерааса и Скары, а также священнослужители из всех епархий Швеции. Архидьякон и канцлер Лоуренс Андерсон был представителем короля и председательствовал на этом мероприятии. Олаф сидел рядом с ним в качестве его советника. Густав проконсультировался со своими двумя представителями относительно того, каким образом следует проводить собрание. Острый интеллект Олафа, его присутствие духа и легкость, с которой он мог проникать в глубокие темы и ярко излагать их, вполне подходили для такой должности. Но сама живость, с которой он схватывал истину, важность, которую он придавал искренней реформе, и его частое общение с Лютером не сделали его терпимым к ошибкам. Он не выносил противоречий. У короля были веские основания опасаться, что Олаф не совсем разделяет его взгляды. На самом деле Густав смотрел на вопросы религии с политической точки зрения. Он боялся всего, что могло вызвать споры и раскол; и если он был суров к виновным, то был милосерден к простым и слабым, и он не хотел, чтобы они отдалились друг от друга или, возможно, были доведены до бунта резким изменением старых церковных обрядов. Поэтому он пришел к взаимопониманию со своими двумя делегатами; и Олаф, вспомнив, что в Священном Писании говорится: *"Тогда мы, сильные, должны терпеть немощи слабых"*,^[460] разделил, по крайней мере частично, взгляды принца. Канцлер, который был не только религиозным человеком, но и политиком, сделал гораздо больше.

Однако эти два реформатора были полны решимости выполнять действительно евангельскую работу, и поэтому они решили заложить прочный фундамент. В тот момент, когда они отвергли кафедру Святого Петра, с которой человек проповедовал странные догмы, они воздвигли другую, престол Божий, с которого исходило небесное слово. Лютер сказал, что мы должны смотреть на Священное Писание *как на говорящего Самого Бога*.^[461] Признавая вторичного автора, который накладывает на каждую книгу отпечаток своей индивидуальности, Олаф также признавал, прежде всего, первичного автора, Святого Духа, который накладывает на все Священные Писания отпечаток Своей собственной непогрешимости. Главный момент, по его мнению, состоял в том, что божественный элемент, основополагающий принцип Библии, должен быть признан всеми христианами, чтобы они могли действительно *учиться у Бога*. Он достиг своей цели. Все члены ассамблеи сделали следующее торжественное заявление: *"Мы признаем, что наш долг - проповедовать чистое Слово Божье и стремиться всеми нашими силами к тому, чтобы воля Божья, открытая в Его Слове, была ясна нашим слушателям"*.^[462] Мы обещаем позаботиться о том, чтобы в будущем эта цель достигалась посредством проповеди, установленной в церквях как в городах, так и в сельской местности.' Было решено, что Священное Писание должно ежедневно читаться и разъясняться в церквях, на которых должны присутствовать не только студенты, но и молодые сельские пастыри. Подобные чтения должны были проводиться в школах. Каждому ученику должна была быть предоставлена Библия или, по крайней мере, Новый Завет. Хорошо информированных служителей следовало поселить в городах, а пасторов из сельских округов обязать посещать их беседы с целью углубления их понимания Божественного Слова. От пасторов городов также требовалось отправляться в

деревни и там верно проповедовать Слово Божье. Было оговорено, что, если более образованные служители обнаружат что-либо заслуживающее порицания в проповедях менее просвещенных, во избежание скандалов они не должны указывать на недостатки в своих публичных выступлениях, но должны скромно и конфиденциально представлять их своим коллегам.^[463] Ассамблея согласилась признать, что многочисленные дни святых были причиной беспорядков и препятствовали необходимой работе. Таким образом, количество фестивалей было сокращено. Было добавлено: "этот простой народ должен быть четко обучен тому, что даже сохранение страстей Христовых и воскресения не имеет иной цели, кроме как запечатлеть в памяти дело Христа, который умер за нас и воскрес свыше".^[464]

Было сказано, что "врачи, составившие этот совет, признали своим правилом веры Аугсбургское исповедание".^[465] Это неверно; поскольку это Признание появилось только десять месяцев спустя (июнь 1530 г.). Мы можем предположить, что Олаф по собственной воле представил бы подобное признание или даже более решительное. Этого не было сделано либо потому, что доктрины, установленные Олафом в Упсале в 1526 году, считались общепринятыми, либо потому, что Густав боялся, что такое признание вызовет разногласия, которых он так боялся. Этот курс мало что дал, поскольку борьба, которой они надеялись избежать, началась позже и беспокоила Швецию в течение двадцати пяти лет.

Церковные обряды.

Наконец они перешли к теме церковных обрядов. Андерсон и Олаф предпочли бы исключить те из них, с которыми были связаны суеверные представления. Но большинство членов синода считали, что их отмена означала бы подавление религии их предков. Андерсон и Олаф преодолели эту трудность. Они решили поддерживать такие церемонии, значение которых не противоречило Слову Божьему, в то же время давая им объяснение. "Мы согласны на то, чтобы вы хранили *святую воду* (*eau lustrale*), - сказали они, - но следует четко понимать, что она не смывает наши грехи, в отличие от крови Христа,^[466] и что это просто напоминает о крещении. Вы хотите сохранить *изображения*, и мы не будем возражать против этого; но вы должны четко заявить, что они существуют не для того, чтобы им поклонялись, а для того, чтобы напоминать о Христе или о святых мужах, которые повиновались Ему, и о необходимости подражать их благочестию и их жизни. Внешнее *помазание* of the *chrism* означает, что верующим необходимо внутреннее помазание Святым Духом. *Пост* соблюдается для того, чтобы верующая душа могла отказаться от того, что доставляет удовольствие плоти, и воздавать Богу живое поклонение в духе. *Фестивали* также не являются каким-то особым служением. Они только учат нас, что мы должны выделять время, необходимое для слушания и чтения Слова Божьего, и для того, чтобы дать возможность уставшим от своего тяжелого труда работникам вкусить немного отдыха".

Эти уступки были сделаны из благих побуждений; но были ли они благоразумны? Римский ум, особенно некультурный, легко упускает из виду духовное значение и сохраняет только суеверные представления, которые связаны со знаком. Было бы лучше отменить все, что было римским изобретением и не имело основания в Священном Писании. Это было замечено в более поздний период.

Препятствия на пути реформации.

В воскресенье Квинквагезимы, 7 февраля 1529 года, присутствующие церковники подписали эту "Форму реформации". Статьи получили королевскую санкцию, и с этого момента

Реформация практически утвердилась в королевстве; но она не была всеобщей. В некоторых округах оппозиция была сильной. Два служителя-евангелиста были посланы проповедовать и учить в кафедральном соборе Скары, и как только один из них взошел за кафедру, люди поднялись и прогнали их прочь. Второй, обосновавшийся в школе, готовясь излагать Евангелие от Матфея, подвергся нападению с камнями и был вынужден покинуть это место. Это оружие, хотя и не очень духовное, произвело некоторый эффект. Аналогичные события происходили в провинциях Смоланд и Западный Готланд. Даже в тех местах, где принимались евангелические служители или проводились реформы, среди женщин часто слышались ропот и скорбь. Матери были в состоянии острой тревоги за спасение своих детей. Поскольку служители не изгнали из них бесов, матери поверили, что они не были должным образом крещены и по-настоящему возрождены; и они плакали, глядя на маленьких созданий в своих колыбелях. Другие женщины не могли утешиться, потому что молитва за умерших была отменена. Если они теряли кого-нибудь из любимых, они испытывали жестокую тревогу и вздыхали, думая о нем день и ночь, как о все еще горящем в огне чистилища. Так легко посеять в сердце человека суеверие, которое нелегко искоренить.^[467]

Но если с одной стороны было недовольство, то с другой - точно такое же. Олаф, несмотря на свой безапелляционный нрав, пошел на большие уступки, либо выполняя приказ короля, либо потому, что, зная характер своего народа, он считал (как, впрочем, утверждали все), что если Реформация внезапно проявится во всей своей чистоте и блеске, это ужаснет робких, в то время как если ее продвижение будет сравнительно медленным, люди привыкнут к ней и скандалов удастся избежать. Вернувшись в Стокгольм, он обнаружил, что серьезное недовольство царило не при дворе, а в городе. Наиболее решительные из евангелистов, особенно немцы, оказали ему очень недружелюбный прием. Они сердито напомнили ему о его уступках. 'Ты был неверен Евангелию. Ты вел себя как трус'. 'Берегись,' ответил Олаф, 'чтобы своими речами ты не подтолкнул народ к бунту. Здесь, в нашей стране, мы должны мягко обращаться с людьми, и наше продвижение должно быть медленным'.^[468] Он, однако, не оставался бездейственным, но стремился рассеять тьму, с которой он чувствовал себя обязанным мириться. Он составил для использования служителями руководство по богослужению,^[469] из которого он исключил те римские обряды, которые казались ему бесполезными или вредными. Впоследствии он опубликовал другие работы, в частности, о Вечере Господней и об оправдании верой. 'Всецело оправдывает нас благодать Божья', - сказал он. 'Сын Божий, проявленный во плоти, отнял у нас, погубленных грехом, бесконечный гнев, нависший над нами, и даровал Своими заслугами бесконечную благодать для всех тех, кто верит. Избранные во Христе являются детьми Божьими по причине искупления Того, кто пожелал стать нашим братом.'^[470]

Но в спор вмешался сам король. Он написал своим слугам, чтобы они не проявляли чрезмерного рвения. 'Следует надеяться на небольшое улучшение,' сказал он, - до тех пор, пока люди не будут лучше информированы'. Действуя в соответствии со своими убеждениями, он взялся за восстановление школ, которые находились в очень плохом состоянии. Олафу он поручил надзор за ними в Стокгольме, а поскольку ректор был мертв, он доверил ему печати. Он настоятельно рекомендовал ему прежде всего позаботиться о подготовке хороших мастеров. Олаф отнесся к этой работе с душой, и составил план занятий, который был одобрен королем. Он преподавал лично, и ему удалось так приятно заинтересовать своих юных слушателей, что они искренне полюбили его. Он представил самых добросовестных и прилежных учеников королю, который позаботился о продолжении их учебы. Он не позволял им переходить из

гимназии в университет, пока они не будут хорошо разбираться во всех отраслях знаний, и особенно в знании религии.^[471]

Прогресс.

Таким образом, принципы Реформации набирали силу, и трансформация Церкви становилась все более заметной. Были обращения, некоторые постепенные, другие более внезапные. Настоятель Николас Андерсон, познакомившись с евангельской истиной, сразу же покинул монастырь Вестераас,^[472] и стал настоятелем одноименной церкви. Монахи Арбоги также покинули свой монастырь и стали пасторами в деревне. Они изменили не только свою одежду, но и мораль и образ жизни.^[473] Некоторые тени, серые и темные, несомненно, все еще можно было увидеть; но мы должны признать жизнь там, где она действительно существует. Жители превратили монастырь в евангельскую церковь. Во многих местах можно было видеть бывших священников или монахов, радостно посвящавших себя служению Слову Божьему, "очищенных, - говорили они, - от папистской скверны", *a sordibus papisticis repurgatum*. Чтение Нового Завета, библейские толкования и молитвы реформатора преодолели препятствия, которые казались непреодолимыми. Сами финляндцы, видя, что 'истина так энергично пробивается наружу', открыли ей свои сердца.

Лоуренс Петерсен, брат Олафа, профессор теологии в Упсале, был человеком серьезного и мягкого характера. Совесть руководила обоими братьями. Олафу она придала смелости предпочесть ее приказы мнению тех, кого он наиболее высоко ценил; в то время как Лоуренс повиновался ее тайному голосу, особенно при исполнении своих повседневных обязанностей. Он выполнял свои обязанности с большой пунктуальностью. Милосердие, которым дышали все его действия и слова, покорило сердца людей. Он знакомил своих учеников с Библией; он учил их проповедовать в соответствии с Писанием, а не по человеческим традициям. Но, несмотря на редкое благородство и искренность его характера, враги Евангелия ненавидели его. Густав, который в 1527 году в доказательство своего удовлетворения назначил его бессменным ректором университета, теперь собирался присвоить ему еще более высокое звание.

Лоуренс Петерсен.

Архиепископ Магнус освободил свой архиепископский престол; поэтому было необходимо заполнить его. В результате король созвал в Стокгольме в День святого Иоанна 1531 года большое количество духовных лиц. Канцлер Андерсон обратился к ассамблее с просьбой принять к сведению выбор нового архиепископа, поставив в то же время условие, что он должен быть человеком, основательно утвердившимся в евангельском учении. Ассамблея указала на трех кандидатов — Соммера, епископа Стренгнесского; доктора Йохана, декана Упсальского; и Лоуренса Петерсена. Затем последовали окончательные выборы, и, по предложению, как представляется, Густава, Лоуренс получил сто пятьдесят голосов и, следовательно, был избран. Король засвидетельствовал свое полное удовлетворение результатом. Может возникнуть вопрос, почему их выбор не пал на Олафа, который был главным реформатором? Ассамблея, несомненно, не желала удалять его из столицы. Долгое пребывание Лоуренса в Упсале сделало его достойным этого высокого сана; и, возможно, Священное Писание, гласящее: "Епископ должен быть умеренным", привело к тому, что предпочтение было отдано его брату. Король вручил Лоуренсу дорогой епископский посох, сказав ему: 'Будь верным пастырем своего стада'. Старая пословица 'Деревянный посох - золотому епископу; золотой посох - деревянному епископу' в данном случае была неприменима.

В скором времени новому архиепископу предстояло приступить к выполнению важных функций. Король, желая основать династию, добивался руки Екатерины, дочери герцога Саксен-Лауэнбургского. Лоуренс обвенчал королевскую чету и возложил на голову супруги корону Швеции. Он сделал это с достоинством и грацией, подобающими торжественности. За столом архиепископа позвали занять почетное место, которое принадлежало ему. Во время пребывания при дворе король относился к нему с уважением; но каноники Упсалы, которые также присутствовали на празднике и которые, как страстные приверженцы папы, были горько опечалены избранием евангелического архиепископа, были возмущены оказанными ему почестями. Они называли своего нового главу еретиком, обращались с ним как с врагом и пользовались любой возможностью выказать ему свое презрение. Сын железного мастера из Эребру, занимающий самое высокое место после короля Швеции! Им следовало помнить, что многие папы были еще более низкого происхождения. Король собирался совершить поступок, который еще больше усилил бы их раздражение. В доме Густава жила благородная девица, чья бабушка была Васа. Когда свадебный пир закончился, король и королева встали, все присутствующие сделали то же самое, и тогда Густав в присутствии всего своего двора обручил архиепископа со своей родственницей. Никогда еще примас Швеции не был удостоен большей чести.^[474]

Каноники Упсалы, отнюдь не успокоившись, еще больше распалились гневом и ненавистью. Они видели, что власти папы в Швеции пришел конец, и, воображая, что, погубив архиепископа, они погубят Реформацию, обрушились на него со своими ударами. Они обвиняли его в ужасных преступлениях, они настраивали народ против него и строили самые ужасные заговоры. За его жизнь опасались; кинжал фанатика мог в любой день прикончить его. Поэтому король приставил к нему охрану из пятидесяти человек для защиты от наемных убийц. Он сделал больше, чем это; он сместил каноников, которые никогда не были никем иным, как праздными клерками, и проявили такой несговорчивый характер; и он поставил на их место образованных и трудолюбивых людей, преданных Евангелию.^[475]

Евангелический архиепископ был не единственным человеком в Швеции, чья жизнь находилась под угрозой; угрожали и королю. Ганзейские города во главе с Любеком, желая восстановить влияние, которое они так долго сохраняли на Севере, вступили с этой целью в союз с Данией и вступили в переписку с немцами, которых было очень много в Стокгольме. Таким образом, мощный ганзейский флот должен был найти в самой столице своих врагов надежных агентов, которые обязались сдать ему город. Но заговор был раскрыт, и Густав, который никогда не колебался, когда дело касалось нанесения удара тем, кто намеревался нанести удар ему самому, приказал предать смерти немцев и шведов, принимавших участие в предательских замыслах ганзейцев. Эти события вызвали большое волнение по всей Швеции, особенно в Стокгольме. Ходили слухи, что немцы намеревались принести в церковь порох и подложить его под трон короля, а затем взорвать его во время богослужения. Это был *Пороховой заговор*; но в данном случае король должен был подвергнуться нападению не во время выполнения своих политических функций, а в тот момент, когда он предлагал Богу поклонение в духе и истине, которого требует Евангелие. Эта история, однако, может быть не более чем одним из тех сообщений, которые циркулируют среди общественности, не имея под собой никаких иных оснований, кроме всеобщего слепого возбуждения, порождающего самые дикие слухи. Эти события произошли в 1536 году.^[476]

Нарушение свободы вероисповедания.

Густав, избежав опасностей, которыми угрожали ему враги, более твердым шагом продвигался вперед в своей работе. Наделенный безапелляционным и энергичным характером, он даже предпринял несколько слишком смелых шагов и, казалось, стремился командовать Церковью, как армией. Олаф и другие реформаторы начали понимать, что король присваивает себе авторитет в вопросах религии, который ущемляет свободу христиан. После сейма Вестерааса он не только отобрал у прелатов их замки, что было вполне законной мерой, но и забрал Церковь вместе с замками и конфисковал церковные фонды в пользу короны; в то время как реформаторы надеялись, что их доходы пойдут на создание школ и других полезных учреждений. Евангельские христиане спрашивали друг друга, сбросили ли они иго папы римского, чтобы взять на себя иго короля. По-видимому, Густав намеревался отложить на неопределенный срок полное реформирование Швеции. После совета в Эребру Олаф избрал благоразумный курс, на котором настаивал король; но ему казалось, что теперь он должен мужественно продвигаться по путям истины и свободы. По его мнению, дело Реформации было бы сведено на нет, если бы ему позволили кристаллизироваться среди ветвей, изображений, святой воды и свечей. Молодые проповедники поддержали его и искренне призвали к отмене этих обрядов, самым очевидным результатом которых было поддержание суеверий в народе. Некоторые из них даже жаловались с кафедры на то, что королевская власть обязывает их совершать поступки, противоречащие их совести, или терпеть их.

Это привело к крайней прохладе между Олавом и королем; и вскоре доверительные и нежные отношения, которые их объединяли, сменились некоторой неловкостью и даже настоящей враждебностью. Густав, узнав о выступлениях молодых священников, только что окончивших школы, был оскорблен. Он увидел в этом факте дух мятежа и резко упрекнул Олафа, который, насколько ему было известно, сочувствовал этим стремлениям к полному преобразованию. Он сказал Олафу: "Молодые священники шокируют простых людей своей наглостью, которая побуждает их стремиться к отмене древних церковных обычаев; и я думаю далее, что они лелеяли цель преподать урок мне и моему правительству".^[477] Принц, далекий от того, чтобы брать уроки у другого, преподавал один, и притом резко, первому проповеднику столицы.

Оба эти человека обладали благородной натурой. В каждом из них были величие, преданность, активность и сильная любовь к добру. Но у каждого был также недостаток, который подвергал их риску грубого столкновения друг с другом; и одно потрясение такого рода могло свалить более слабого. Густав будет диктовать как закон все, что покажется ему хорошим и мудрым, и он не собирался допускать никакого сопротивления. Он оказывал большое доверие любому человеку, который показывал себя достойным этого; и поразительные доказательства этого он предоставил двум братьям Петри. Ему было нелегко отказаться от своей благосклонности, но, однажды лишившись ее, вернуть ее было невозможно.

Жалобы Олафа.

Олаф, со своей стороны, наделенный духом цельности и искренней и живой верой, обладал живым темпераментом, который мешал ему *задумываться о пути своих ног*. Он не выносил противоречий, едва ли мог забыть обиду и был слишком склонен приписывать своим противникам злонамеренные мотивы. Он не только верил, что король намеревался уничтожить свободу Церкви (что было фактом), но и в то, что его упорное соблюдение римских обычаев среди народа снова отбросит его к римскому отступничеству. Он начал громко жаловаться на Густава. Он сказал всем вокруг, что король полностью изменился, и, конечно, к худшему. Он не

удержался от высказывания в таком тоне даже в присутствии льстецов Густава. Этим поспешили воспользоваться враги реформатора. Они доложили королю о том, что слышали от Олафа, добавив к этому преувеличения собственного изобретения.^[478] Их единственной целью было разжечь ненависть, и притом непримиримую, между королем и реформатором. Они не достигли своей цели с первого удара, но постепенно в отношениях между этими двумя людьми, столь необходимыми Швеции, произошла перемена. Король демонстрировал Олафу свое безразличие своими манерами и словами. Он видел его гораздо реже; а когда тот все-таки послал за ним, в его приеме была сдержанность, которая поразила реформатора. Часто, когда Олаф просил о встрече с королем, последний отказывался впустить его; а если он и принимал его, то дело было улажено как можно быстрее, как будто его единственной заботой было избавиться от него. Это хладнокровие, хотя и сильно огорчало искренних друзей Евангелия, радовало его противников; и с обеих сторон люди задавались вопросом, одни с чувством тревоги, другие с тайной, но глубокой радостью, не заводит ли Густав дружбу с папой, таким образом постепенно отдаляясь от реформатора, и не сбросит ли его еще несколько шагов в пропасть.

Сам Олаф, который, жалуясь на Густавуса, тем не менее до этого времени не сомневался в его добрых намерениях, теперь обиделся и решил воспользоваться своими правами служителя Слова Божьего. Должен ли он скрывать правду, потому что она должна быть сказана князю? Разве Илия не упрекал Ахава, а Иоанн Креститель Ирода? Чувство, ослепившее его, не позволяло ему осознать важную разницу, существующую между Густавом и Ахавом. Очевидная ошибка короля часто поражала его. Привычка ругаться в порыве гнева была очень распространена при дворе и в городе, и Густав подавал этому пример. Олафу было больно слышать, что имя Бога употребляется всуе, и он проповедовал против этого греха. В конце своей проповеди он без колебаний назвал короля примером нецензурной брани. Он даже напечатал свою речь; и, дав волю своему неудовольствию, громко жаловался на препятствия, которые король воздвиг на пути к основательной реформации. Молодые пасторы, воодушевленные примером своего вождя, пошли дальше, чем он. Они жаловались на приказы, данные им королем, и дали волю своему негодованию против деспотизма, который, по их мнению, был попыткой нарушить права Слова Божьего и свободы христиан.

Это был серьезный вопрос, и Густав был очень тронут им. Он решил обратиться к архиепископу. Предстоятель, более умеренный, чем его брат, ограничился выполнением обязанностей своего призвания. Его никогда не видели ни в увеселительных заведениях, ни при дворе, который часто посещали его предшественники; но он всегда был занят работой в своей епархии. После смерти королевы он отправился по зову короля в Стокгольм, чтобы женить его на своей второй жене, и немедленно вернулся в Упсалу, чтобы посвятить себя своей работе. Густав уважал Лоуренса, но, тем не менее, был несколько не в духе по отношению к нему, потому что знал, что в глубине души тот разделяет чувства своего брата. К нему, в качестве архиепископа, король обратился со своим мандатом в сентябре 1539 года. "Мы ожидали от вас и от вашего брата, - сказал Густавус, - большей умеренности и большей помощи в вопросах религии. Правда, я не знаю, как должна быть составлена проповедь, но все же я скажу вам, что проповедники должны ограничиваться изложением сути религии, не противопоставляя себя древним обычаям. Вы написали мне, что в Упсале читались проповеди обратной любви, о жизни, угодной Богу, о терпении в скорбях и о других христианских добродетелях. Очень хорошо: позаботьтесь о том, чтобы подобные проповеди были произнесены по всему королевству. Христос и Павел учили повиновению высшим силам; но с кафедр Швеции слишком часто раздаются декламации

против тирании и оскорбительные высказывания в адрес властей. Меня обвиняют, злоупотребления, на которые жалуются, вменяются мне, и эти оскорбления публикуются прессой. Священное Писание учит нас, что служитель должен увещевать своих слушателей стремиться к освящению. Если у людей были какие-то реальные основания жаловаться на мое правительство, почему бы не сообщить о них мне в частном порядке, вместо того чтобы публиковать их перед всей паствой?^[479]

Фальшивые Солнца.

Это письмо, адресованное архиепископу Упсальскому, вместо того чтобы успокоить стокгольмского посланника, вызвало у него раздражение и еще больше распалило его горячее рвение. Обстоятельство, имевшее мало отношения к религиозным интересам Швеции, убедило его в том, что пришло время осудить суды Божьи. Олаф, как и некоторые из самых просвещенных людей своего времени, среди прочих Меланхтон, верил в астрологические предсказания. В это время над Стокгольмом появилось семь или восемь ложных солнц, отражающих в облаках изображение солнца. Солнцем был, конечно, Густав, а фальшивыми солнцами было множество претендентов, которые вот-вот должны были появиться вокруг короля, один или другой из которых должен был занять его место. 'Это знак Божьего гнева и близкого наказания', - воскликнул Олаф со своей кафедры. 'Наказание должно последовать, ибо власть имущие впали в ошибку'. Несчастный Олаф сделал больше. Раздраженный той ролью, которую король принимал в управлении Церковью, он приказал нарисовать эти фальшивые солнца на холсте и повесил его в церкви, чтобы все могли убедиться, что Бог осудил правительство и что Его суды близки.^[480] Этот поступок был даже более нелепым, чем заслуживающим порицания, но в нем было и то, и другое. Это произошло, несомненно, после того, как король в своем качестве *Верховного епископа* адресовал письмо архиепископу; ибо, хотя он говорил в нем о проповедях о клятвах, в нем нет упоминания о проповеди о ложных солнцах, которая, к тому же, была самым серьезным делом.

Гнев Густава на Олафа достиг своего апогея. Его враги с радостью схватились за оружие, которым он вооружил их против себя из-за своих ошибок; и они уже оскорбляли его своими взглядами. Против реформатора собиралась буря, и Андерсону, чье возвышение и влияние вызывали у многих зависть, предстояло пасть вместе со своим другом. Эти два персонажа были явно в опале, и число тех, кто способствовал их разорению, с каждым днем увеличивалось; и казалось, что ничто, кроме смерти объектов их ненависти, не могло их удовлетворить.

Все это было бы напрасно, если бы Густав продолжал защищать свободу реформаторов. Но он думал (таково, по крайней мере, наше мнение), что мог бы воспользоваться враждебностью, существующей между двумя партиями, для поддержания своей собственной универсальной и абсолютной власти. Олаф был ослеплен чрезмерным рвением, а Андерсон недостаточно подчинил интересы религии интересам политики. Каждому из них должен быть преподан суровый урок. Олафа обвинили в том, что он произносил крамольные проповеди и порицал в историческом труде предков короля. Этого было недостаточно.

Обвинения против Олафа И Андерсона.

Необходимо выдвинуть какое-то еще более серьезное обвинение. Для этого они вернулись на четыре года назад (1536 г.), и выяснилось, что разработанный немецкими жителями Стокгольма проект поддержки нападения ганзейских городов был доверен Олафу под печатью признания — это учреждение все еще существовало — и что онне обнародовал его. Даже если это предположение имело какое-то основание, не было ли еще более правдивым то, что враждебность немцев была общеизвестна, и особенно бдительному Густаву? Но, на самом деле, в этом деле было немногим больше слухов, никаких попыток привести план в исполнение так и не было предпринято. Предполагать, что Олаф намеревался причинить вред королю, своему собственному благодетелю и спасителю Швеции, - бессмысленная гипотеза. Многие другие люди в Стокгольме знали об этом столько же и даже больше, чем он. Но враги Реформации хотели избавиться от реформатора; у них должен был быть какой-то предлог, и этого, по-видимому, было достаточно. Действительно, люди спрашивали, почему Олаф не был привлечен к ответственности за это преступление четыре года назад и почему с тех пор по этому поводу не проводилось никакого расследования. Но все невероятное было отброшено. Все страсти людей объединились против Олафа. Люди низшего звания чувствовали ненависть и зависть, вызванные возвышением сына мастера по изготовлению железа из Эребру. Великие испытывали ненависть к гордыне, ненависть, которую редко утоляют. Светские и дурные люди, в которых не было недостатка при дворе, испытывали ту непримиримую ненависть, которую питают к тем, кто объявляет войну пороку и мирскому. Король приказал, чтобы Олаф, а также Андерсон предстали перед судом. Автор, который не очень достоверно повествует о предполагаемом преступлении реформаторов, был ревностным католиком и, кроме того, очень легковверным человеком.^[481] Архивы Любека, города, сыгравшего ведущую роль в нападении, сообщником которого, как утверждалось, был Олаф, очень полны для истории этого периода; но они не содержат ни малейшего следа какого-либо судебного разбирательства подобного рода.^[482] Мужчины с властным характером похожи друг на друга; и, хотя Густав Ваза был бесконечно выше Генриха VIII, судебные процессы против Олафа и Андерсона напоминают нам о тех, которые были возбуждены королем Англии против его жен, его самых преданных министров и его лучших друзей. В обоих случаях было обнаружено одинаковое влияние суда и одинаковая уступчивость со стороны судей; и, вспомнив о монархе времен Тюдоров, король настоял на том, чтобы архиепископ присутствовал в качестве судьи на процессе над его братом. Олаф и Андерсон были приговорены к смерти весной 1540 года. Это была довольно дорогая плата за безрассудство псевдосолнцев. 'Простота, ' говорят, - лучше, чем шутка'; и простое и доверчивое поведение часто обезоруживает человека, который имеет право на это жаловаться. Олаф был прост и доверчив, но его глупость не обезоружила короля.

Приговор, наполнивший ультрамонтанцев радостью, поверг в ужас евангельских христиан, и особенно прихожан Олафа. Человек, который так часто утешал и увещевал их, должен был быть наказан как преступник. Им было невыносимо думать об этом. Они помнили все услуги, которые он им оказал, и, что не часто случается в этом мире, были благодарны. Поэтому они встрепенулись, вступились за своего пастора и предложили заплатить выкуп за его жизнь. Король не стал доводить дело до крайности, а даровал помилование. Возможно, его единственным намерением было вселить страх в тех, кто предполагал ограничить его власть. Жители Стокгольма заплатили за своего пастора пятьдесят венгерских флоринов. Андерсон также спас ему жизнь, но заплатив из своего собственного кошелька. Эти денежные штрафы помогали людям помнить, что королю нельзя противоречить.

Взыскание этих сумм для выкупа с эшафота двух людей, которые принесли Швеции больше всего добра, не сделало чести Густаву. Но он, по-видимому, считал, что для сохранения своего положения на троне, на который он был возведен, необходимы решительные меры. Бить, и бить сильно, было частью его системы.

Проповедь Олафа.

Впоследствии Олаф возобновил свои функции проповедника в соборе. Не было ли разрешение вновь появиться за кафедрой признанием его невиновности? По этому случаю он произнес трогательную речь, которая тронула всю паству. Он понял урок, который преподал ему Густав, и признал, что отныне сопротивление королевской власти в церкви бесполезно. Иногда это сопротивление могло быть не очень разумным, но оно всегда было искренним и исполненным добрых намерений. Он не мог бы снова ни проповедовать Евангелие, ни реформировать Швецию, если бы не подчинился. Следовательно, он подчинился. Евангелие должно быть превыше всего. Король не скрывал своего намерения управлять Церковью так же, как государством. Он сказал своим подданным: "Заботьтесь о своих домах, своих полях, своих пастбищах, своих женах и своих детях, но не устанавливайте границ нашей власти ни в правительстве, ни в религии.^[483] Со стороны Бога, согласно принципам справедливости и всем законам природы, нам, как христианскому королю, принадлежит давать вам правила и заповеди; так что, если вы не хотите понести наше наказание и наш гнев, вы должны повиноваться нашим королевским повелениям как в духовных, так и в мирских делах". Олаф на собственном опыте убедился, что *гнев короля подобен рычанию льва*. Он заплатил свой долг свободе церкви. Отныне он склонил голову; он полностью посвятил себя своему служению; наставлял, утешал, подтверждал, направлял - эти задачи были его жизнью, и при исполнении своего долга он снискал высокое уважение. Что касается Андерсона, то он так и не оправился от обрушившегося на него удара. Этот прекрасный гений угас. Тот, кто так много сделал для того, чтобы дать церкви и государству долгую жизнь, медленно сошел в могилу, переполненный скорбью. Странная драма, в которой действующие лица, все в основном честные, все сторонники справедливости, были увлечены различными страстями, жаждой власти и страстью к свободе, и наносили друг другу ужасные удары, вместо того чтобы мирно продвигаться вместе к цели, которую оба одинаково имели в виду.

Густав одержал победу. Олаф был не единственным, кто уступил. Удар, обрушившийся на Олафа, настолько встревожил других евангелических служителей, что они отказались от мысли принимать какое-либо участие в управлении церковью и предоставили все королю. Этим папа был удовлетворен. Фальшивые солнца исчезли одно за другим, и солнце, оставшееся в одиночестве, засияло во всей своей красе.

George Normann.

Таким образом, Густав разрушил то, что угрожало стать препятствием на его пути, и занял свое положение абсолютного монарха в Церкви и государстве. В 1540 году он добился в Эребру декларации о том, что трон должен быть наследственным; и, взяв в свои руки церковное управление, он учредил совет по религии под председательством своего генерального суперинтенданта, который, строго говоря, был министром культа. Король назначил губернатором своих сыновей Георга Норманна, померанского дворянина, который успешно учился в Виттенберге и прибыл в Швецию с рекомендациями Лютера и Меланхтона. "Он человек святой жизни, - писал Лютер Густавусу Вазе, - скромный, искренний и образованный, вполне

компетентный для того, чтобы быть наставником королевского сына.^[484] Я сердечно рекомендую его вашему величеству'. Однако Лютер стремился к большему, чем образование королевского принца. Имея возможность побеседовать с посланником короля Николаем, магистром искусств, он написал Густаву: "Пусть Христос, начавший свою работу через ваше королевское величество, соизволит значительно расширить ее, чтобы *по всему вашему королевству*,^[485] и особенно в кафедральных церквях могут быть созданы школы для подготовки молодых людей к евангельскому служению. В этом состоит высочайший долг королей, которые, занимаясь политическим управлением, дружелюбны к христианскому благочестию. В этом отношении ваше величество имеет репутацию превосходящего всех остальных, прославленный король! и мы молим Господа, чтобы он своим духом управлял сердцем вашего величества'. Вместе с Джорджем Норманном Лютер послал молодого ученого по имени Майкл Агрикола, чью ученость, гений и моральный облик он превозносит. В заключение он говорит— 'Я молюсь, чтобы сам Христос принес много плода через этих двух людей; ибо именно он через ваше величество призывает их и возлагает на них их обязанности. Пусть Отец милосердия обильно благословит своим Святым Духом все замыслы и все дела вашего королевского величества".^[486] Похоже, что у Лютера были некоторые опасения, что Густав может слишком сильно монополизировать управление Церковью. По его мнению, именно Христос управляет ею, призывает и назначает своих работников.

Густав оценил способности и характер Норманна и увидел в нем благородного, но уступчивого человека, от рук которого он не столкнулся бы с сопротивлением, оказанным Олафом. Епископы вызвали у него некоторое беспокойство, и поскольку он не решался подавлять их, он решил нейтрализовать их влияние, поставив *протеже* виттенбергского реформатора выше всего духовенства, включая епископов и даже архиепископа. Позволяя епископальному ордену существовать ради формы, он в то же время ввел подобие пресвитерианского ордена. В 1540 году он назначил во всех провинциях хранителей, религиозных советников и *сеньоров* или старейшин, которые под председательством суперинтенданта должны были управлять церковными делами и регулярно посещать епархии. Никакие изменения в Церкви не могут быть внесены или даже *предложены* без прямого разрешения короля. Противодействие Олафа и других министров некоторым остаткам папства, однако, не прошло даром. Густав отменил их. Но эта полу-епископальная и полупресвитерианская конституция никогда не могла работать идеально; и в более позднее время счастливые обстоятельства вернули Шведской церкви более независимое положение. Густав по-прежнему серьезно относился к выполнению функций верховного епископа. Он издал законы о частом посещении религиозных собраний, о соблюдении правил, предписывающих благопристойное поведение в церкви, о пресечении безнравственности как среди мирян, так и среди духовенства, об улучшении преподавания и о распространении цивилизации и культуры среди людей. Желая увидеть расширение царства Божьего, он послал миссионеров в Лапландию. В Швеции он также ставил вдохновенное Слово превыше всего. "Ты хорошо делаешь, - писал он одному из своих сыновей, - что читаешь труды древних и видишь, как тогда управлялся мир; но не отдавай им предпочтения перед Словом Божиим. В этом содержится истинное наставление и разумная мораль; и из этого мы узнаем наилучший способ управления".

Оправдания за Строгость.

Это рвение к добру не мешало ему наносить сильные удары, когда ему казалось, что он видит что-то неладное. Он мог быть спокойным, мягким и терпимым, но также серьезным, грозным и

быстрым, как молния. Если он замечал какое-либо противодействие, он наносил энергичный удар. 'Это неправильно,' сказал он однажды, 'что епископ Стренгнесский должен жить в каменном доме. Мне кажется, что деревянного дома было бы достаточно для слуги того, кто обнищал. Епископ смело ответил: Несомненно, в той же главе Священного Писания сказано, что царю следует платить десятину.' Ответ епископа оскорбил короля, и он не замедлил выразить свое неудовольствие. В это время праздновалась женитьба епископа. Это был день его свадьбы, и в каменном доме собралась большая компания и был устроен грандиозный пир. Густав без колебаний послал своих сержантов в самый разгар веселья с приказом увести епископа от брачного стола, не обращая внимания на всеобщую тревогу, и бросил его в тюрьму. Его бенефиция была передана другому. Современники Густава могли бы упрекнуть его, и не без оснований, в суровости; и все же это кажется умеренностью по сравнению с поведением Генриха VIII, Марии Тюдор, Франциска I, Генриха II, Карла IX и его предшественника Кристиана II. "Меня называют, - сказал он, - суровым монархом, но придут дни, когда обо мне будут сожалеть".^[487] У него действительно были другие качества, которые заставляли людей забывать о его суровости. Красота его личности располагала людей в его пользу, а красноречие его речи увлекало всех, с кем ему приходилось иметь дело.

Но есть и другие соображения, которые, хотя и не оправдывают его строгих мер, объясняют их.

Царство Христа, не принадлежащее этому миру, не должно управляться королями и их государственными секретарями. После признания этого принципа следует сделать три замечания: развитие христианской цивилизации в шестнадцатом веке не было достаточно продвинуто для признания независимости двух держав. Католицизм все еще был настолько силен в Швеции, что ничто, кроме авторитета такого короля, как Густав, не могло обеспечить Евангелию и его ученикам свободу, в которой они нуждались. Наконец, если Густав был неправ, заняв, как и многие другие князья, епископский пост в Церкви, он, по крайней мере, добросовестно исполнял свои обязанности.

В 1537 году король принял депутатов от курфюрста Саксонии, ландграфа Гессенского и протестантских городов, которые умоляли его объединиться с евангелическими церквями Германии.^[488] Густав пообещал сделать все, что будет в его силах, на благо их конфедерации. В 1546 году ему было официально предложено вступить в Смалькальдскую лигу; но он отказался это сделать. Признание Аугсбурга не было принято при его жизни. Только после многих превратностей Швеция была вынуждена встать под этот флаг.

ГЛАВА XI.

СЫНОВЬЯ ГУСТАВА ВАЗЫ.

(1560-1593 гг.)

Преобразование, произведенное Евангелием в Швеции во время правления Густава Вазы, было неполным. Весь комок не был разрыхлен. Многие из тех, кто принял Реформацию, не понимали ее; и очень большое количество шведов не желали этого. Такое положение вещей и неприятности, которые доставляли ему сыновья короля, омрачили его старость. В начале 1560 года король, почувствовав себя больным, созвал Сейм. Заседание состоялось 16 июня, а он появился и занял свое место в нем 25-го, рядом с ним были его сыновья Эрик, Джон и Магнус, а на коленях у него сидел его младший сын Чарльз. Он говорил, вспоминая избавление, дарованное Швеции сорок лет назад, и приписывал это помощи Божьей. ' Кто я такой, чтобы

восстать против могущественного правителя, короля трех королевств, союзника могущественного императора Карла Пятого и величайших князей Германии? Несомненно, это было дело рук Бога. И теперь, когда труды и боли беспокойного сорокалетнего правления сводят мои седые волосы в могилу, я могу сказать вместе с царем Давидом, что Бог забрал меня из овчарни и от следования за овцами, чтобы быть правителем своего народа.' Слезы заглушили его голос. После паузы он продолжил— 'Я, конечно, не ожидал столь высокой чести, когда бродил по лесам и горам, спасаясь от меча моих врагов, которые жаждали моей крови. Но благословение и милость были щедро дарованы мне проявлением истинного Слова Божьего. Пусть мы никогда не оставляем его! Однако я не уклоняюсь от признания своих ошибок. Я умоляю моих верных подданных простить слабость и неудачи, которые наблюдались в мое правление. Я знаю, что многие люди считают меня суровым правителем, но наступают дни, когда сыны Швеции с радостью подняли бы меня из праха, если бы могли.'^[489]

Отставка Густава.

'Я чувствую, что жить мне осталось совсем недолго; и по этой причине я собираюсь зачитать вам свое завещание; ибо у меня есть веские причины желать, чтобы вы его одобрили'. Затем завещание было зачитано, сейм одобрил его и поклялся, что оно должно быть исполнено. Затем Густав встал и поблагодарил Штаты за то, что они сделали его основателем королевского дома. Он передал власть своему сыну Эрику, призвал сыновей к согласию и, протянув руку к собранию, благословил его и таким образом распрощался со своим народом.

14 августа Густавус слег в постель, с которой ему больше не суждено было вставать до самой смерти. Он сказал— 'Я был слишком занят заботами этого мира. При всем моем богатстве я не мог сейчас купить лекарство, которое спасло бы мне жизнь'. Один из тех, кто был рядом с ним, желая узнать, какую боль он испытывает, спросил его, используя немецкую манеру речи— 'Чего ты хочешь?' Он ответил— 'Царствие небесное, которого ты не можешь дать мне'. Его капеллан, которому он не очень доверял, предложил ему исповедаться в своих грехах. Густав, исповедовавшийся в них как Богу, так и своему народу, но испытывавший ужас перед исповедью священнику, ответил бесцеремонно и возмущенно— 'Думаешь, я признаюсь тебе в своих грехах?' Некоторое время спустя он сказал окружающим его людям: 'Я прощаю своих врагов, и если я причинил кому—либо зло, я молю его простить меня. Я прошу об этом всех'. Затем он добавил— 'Живите все вы в согласии и мире'. В течение первых трех недель он в замечательной манере говорил о мирских и духовных вещах. В течение последних трех он хранил молчание, и часто было видно, как он поднимает руки, словно в молитве. Исповедав свою веру, он причастился тела и крови Спасителя. Его сын Джон, который присутствовал при этом и был причиной его тревожных предчувствий, которые слишком быстро оправдались, услышав признание своего отца, воскликнул— 'Я клянусь неукоснительно соблюдать его'. Король сделал знак подать ему бумагу, и он написал— 'Однажды заявленное, что никогда не будет опровергнуто, или сто раз повторенное, чтобы ...' Его дрожащая рука не смогла закончить предложение. После этого он оставался неподвижным. Когда капеллан снова начал свои увещания, один из присутствующих сказал— 'Вы говорите напрасно; Его величество больше не слышит'. Затем капеллан наклонился к умирающему и спросил его, верит ли он в Иисуса Христа, и умолял его, если он услышит, подать какой-нибудь знак. К всеобщему изумлению, король ясным голосом ответил: 'Да'. Затем он испустил дух. Было восемь часов утра 29 сентября 1560 года.^[490]

Двое сыновей Густава.

Эрик, его старший сын, наследник короны, до сих пор казался недостойным носить его. В его характере соединились эксцентричный нрав его матери,^[491] принцесса Саксен-Лауэнбургская и страсть его отца. Он был опрометчив и самонадеян, и когда Густав обращался к нему с увещеваниями или упреками, он сердился. Густав, глубоко скорбевший о нем, однажды написал ему: "Ради страданий Сына Божьего, положи конец этому мученичеству, которое твой престарелый отец претерпевает из—за тебя".^[492] В своих видах спорта он был необычным и даже жестоким. Эрик и Джон, последний старший сын второй жены, постоянно ссорились, сначала из-за своих игр, затем из-за своих поместий и, наконец, из-за короны. Все знали, что младший из двух братьев претендовал на первородство старшего и считал, что тот имеет право на королевство. Отец был подавлен горем из-за этих двух сыновей.

Эрик не остался без хорошего совета. Французский протестант по имени Дени Буррей (Beurreus), ревностный кальвинист, сменил Норманна на посту его губернатора. Помимо Буррея, при его дворе был хорошо принят еще один француз, Шарль де Морней, барон Вареннский. Два кальвиниста убедили Эрика просить руки принцессы Елизаветы еще до того, как она стала королевой Англии.^[493] Герцог Иоанн употребил все свое влияние, чтобы продвинуть этот план, который, в случае успеха, мог оставить ему корону Швеции. Были отправлены великолепные посольства; сам Джон и Эрик отправились в Англию, но принцесса так и не дала ему никакой надежды.

Во время восшествия принца на престол народ возлагал на него некоторые надежды. В нем был, по крайней мере, зародыш великих качеств; и его понимание, которое было выше среднего, было развито заботой его учителей. Он был хорошо знаком с литературой, математикой, философией и иностранными языками.^[494] Его фигура была хорошо сложена; он был хорошим наездником, хорошим пловцом, хорошим танцором и хорошим солдатом. Он приятно говорил и был приятен в общении с другими. Но в глубине его натуры таился странный характер, недоверчивый, подозрительный и свирепый, который мог внезапно проявиться во внешних поступках, рассчитанных на то, чтобы возбудить одновременно и жалость, и ужас.

Берри, который был назначен обучать принца литературе и науке, не был уполномочен заниматься департаментом религии. Это принадлежало архиепископу Лоуренсу Петерсену и названным им лютеранским священникам. Эрик должен был стать хорошим лютеранином, но французский протестант, убежденный в истинности принципов Кальвина, ознакомил с ними своего ученика. Сам Кальвин, несомненно, через посредство Берри, состоял в переписке с Густавом в 1560 году, ближе к концу жизни короля.

Споры по поводу Ужина.

В Швеции кальвинисты придавали особое значение учению о Вечере Господней. Берри, который, по-видимому, воспринял эту доктрину скорее с точки зрения логики, чем духовного прозрения, поддерживал ее с помощью силлогизмов. Он сказал— 'Все, кто вкушают плоть Христа и пьют Его кровь, имеют жизнь вечную. Нечестивые же не имеют жизни вечной. Поэтому нечестивые не едят плоти Христа'.^[495] Апостол Иоанн ничего не говорит о телесном пережевывании пищи, он говорит только о духовном. Следовательно, он не признает никакого другого пережевывания, кроме того, которое совершается верой. Христос отдает свое тело и свою кровь только *тем, кто являет его смерть*. Но нечестивые не проявляют себя. Поэтому он

не дает этого им. Француз изложил эти доктрины в латинском труде. Он, конечно, имел на это право; но он не имел права нападать так, как он нападал на архиепископа, брата Олафа, ревностного защитника лютеран, или утверждать ни в разговорах, ни в своих трудах, что прелат был папистом. Истинные протестанты, и прежде всего среди них Цвинглиус и Кальвин, обычно выражали большое уважение к Лютеру и всем его ученикам, признавая их братьями по вере. Но сектантский дух, к сожалению, теперь начинал занимать место христианского духа.

Однако влияние французских протестантов дало о себе знать в других отношениях и благотворным образом. Эрик, вскоре после своего восшествия на престол, отменил праздничные дни, которые были связаны с суеверной системой, и католические обряды, которые были сохранены в богослужении. Он пошел дальше и повсюду объявил, что его королевство - свободное государство, открытое для всех преследуемых протестантов. Поэтому многие протестанты, особенно французы, приехали в Стокгольм и были любезно приняты королем, став даже особыми объектами его благосклонности. Это породило зависть и подозрения. Был поднят вопрос, не был ли король переодетым кальвинистом. Поскольку вино стало дефицитным в Швеции из-за препятствий, воздвигнутых Данией на пути торговли вином, был задан вопрос, нельзя ли использовать какую-нибудь другую жидкость на вечере Господней. Француз Буррей придерживался мнения, что так оно и будет, и это увеличивало горе добрых лютеран. Архиепископ особенно решительно и не без оснований выступил против этого фантастического предложения и опубликовал на латыни работу по этому вопросу.^[496]

Эти разногласия вызвали большое волнение в Швеции, но на смену им пришли проблемы более серьезного характера. Герцог Джон, младший брат Эрика, выдвинув требования, которые Эрик не удовлетворил, и даже приказав арестовать королевских посланников, а также пригласив жителей Финляндии принести присягу на верность ему и защищать его, был взят в плен 12 августа 1563 года.^[497] Впоследствии распространился слух о заговоре семьи Стуре, которая до правления Густава пользовалась королевской властью в качестве управляющих королевством. Говорили, что их намерением было свергнуть дом Васа и вернуть наследственное королевство своей собственной семье. Эрик встретил на улице слугу Сванте Стуре с оружием в руках, и в начале января 1567 года этот несчастный был приговорен к смертной казни, а несколько Стуров и их друзей были брошены в тюрьму. С этого случая начались великие несчастья принца. *Infelicissimus annus Erici regis*, - сказал он, говоря об этом году в своем дневнике.

Безумие Эрика.

24 мая Сванте Стуре и еще один заключенный попросили прощения у короля и получили обещание досрочного освобождения. Вечером, когда король прогуливался с Кароли, ординарцем (или епископом) Кальмара, кто-то подбежал и сказал ему, что его брат, герцог Джон, совершил побег и поднял знамя восстания. В состоянии сильного возбуждения он вернулся в свой замок. Мысли его блуждали; он воображал, что все вокруг - заговорщики; он уже видел себя сброшенным с трона; и, вне себя, он вошел с кинжалом в руке в комнату, где был заключен Нильс Стуре.^[498] Он бросился на несчастного и пронзил ему руку; один из его охранников нанес смертельный удар. В этот момент открылась тюрьма отца Нильса Стуре, и король, потрясенный увиденным, упал к его ногам и воскликнул— 'Ради Бога, простите мне то зло, которое я причинил вам!' Старик, который не знал, что он имеет в виду, ответил— 'Если что-нибудь случится с моим сыном, ты несешь ответственность передо мной перед Богом'. "Ах, - сказал король, мысли которого блуждали все больше и больше, - ты никогда не простишь меня,

и по этой причине ты должен разделить ту же участь'. Затем он опрометчиво сбежал, как будто замок был полон убийц и каждый заключенный, закованный в цепи, наставлял на него кинжал. Он отправился по дороге во Флотсунд в сопровождении нескольких стражников; и вскоре один из них вернулся с приказом предать смерти всех пленников в замке, "кроме Стэна". Двое из них носили это имя, и, учитывая неопределенность, оба они спаслись, но остальные погибли. Вскоре несчастного Эрика охватил ужас при мысли о совершенном им преступлении. Он считал, что его преследует призрак Нильса Стуре, которого он убил. Полный горя и раскаяния, он бросился в лес. Бэрри, покинувший замок в тот момент, когда поступил приказ казнить пленников, немедленно отправился по следам принца, которого он хотел привести в чувство и от которого намеревался добиться, если возможно, отмены жестокого приказа. Наконец он догнал его посреди леса; но бредящий человек вообразил, что его старый учитель участвовал в заговоре тех, чьи жизни он хотел спасти. Охваченный самым жестоким безумием, он отдал приказ одному из своих охранников, и француз, которого он так сильно любил, которому был так многим обязан, упал к его ногам, пронзенный насквозь.^[499] Затем несчастный человек сбежал от своих охранников, которые все еще сопровождали его, и убежал в одиночку. Он сбросил свое царственное одеяние и бродил по лесам, полям и в самых безлюдных местах с мрачным видом, дикими глазами и свирепым видом. Никто не знал, где он был. Подобно вавилонскому царю, он ходил взад и вперед по земле, удаленной от мест обитания людей; его жилище было с полевыми зверями, и его тело было влажным от небесной росы. Наконец, на третий день после убийства, он появился в одежде крестьянина в деревне прихода Оденсала; и вскоре к нему подбежали несколько его людей, которые искали его. "Нет, нет, - сказал он, получив приветствия от тех, кто почтительно отдавал ему честь, - я не король".^[500] 'Это Нильс Стуре, - добавил он, - который является администратором королевства'. Это был человек, которого он убил. Они тщетно пытались успокоить его. 'Подобно Нерону, - воскликнул он, - я убил своего наставника'. Он не ел и не спал; все мольбы были бесплодны. Наконец Кэтрин Менстохтер, к которой он был сильно привязан и которая вскоре стала его супругой, удалось убедить его. Теперь он стал более спокойным и позволил им отвезти себя в Упсалу. 3 июня его отвезли обратно в Стокгольм. Он был в сильном волнении, когда вошел в город; его сердце разрывалось от раскаяния, глаза и руки были воздеты к небу. Прошло немало времени, прежде чем к нему полностью вернулся рассудок.

Между герцогом Джоном и несчастным королем начались переговоры. Первый попросил об интервью со своим братом, и оно состоялось 9 октября в Вантхольме или, по некоторым данным, в Кнаппфорссене в Вермеланде.^[501] Братья встретились под дубом, который до сих пор называют Королевским дубом. Вскоре после этого у них было второе собеседование в Swarhjo. Эрик, которого постоянно преследовала мысль о том, что заказанные им убийства лишили его короны, пал к ногам своего брата и провозгласил его королем. С этого времени он считал себя зависимым от своего брата и говорил иногда как король, а иногда как пленник. В начале 1569 года он предстал перед Штатами, собравшимися в качестве верховного суда, и там энергично защищался, не щадя никого, и меньше всего дворян. Когда Джон прервал его, сказав, что он не в своем уме, он ответил: 'Я только однажды был не в своем уме, и это было, когда я освободил тебя из тюрьмы'. Он был лишен короны на том основании, что потерял рассудок, и приговорен к вечному заключению, но с королевским обращением.

Обращение с ним в тюрьме.

Теперь герцог Джон достиг вершины своих амбиций. Он поставил перед собой задачу привлечь на свою сторону приверженцев, чтобы ни у кого не возникло искушения напомнить о том факте, что его трон был узурпирован. Он был любезен и услужлив в равной степени со знатью, духовенством и народом; и популярность, которой он пользовался, казалось, росла с каждым днем. "Конечно, - говорили люди, - он намерен преданно выполнить волю своего отца".^[502] Но радость и популярность длились недолго. Вскоре стало ясно, что он в полной мере проявляет свою ненависть к Эрику, которого называл своим самым смертельным врагом. Он действительно пощадил ему жизнь по просьбе королевы, вдовы покойного короля, но заставил его испытать все ужасы самого строгого тюремного заключения. Несчастному принцу пришлось терпеть позорное обращение со стороны своих приближенных и тех, кому он вызвал неудовольствие за время своего правления. Однажды человек, еще более безумный и жестокий, чем он сам, Олаф Густавссон, жестоко повздорил с ним в тюрьме и оставил его лежать в собственной крови. 'Бог знает, ' писал Эрик своему брату Джону (1 марта 1569 г.), - какие нечеловеческие пытки я вынужден терпеть — голод и холод, инфекцию и темноту, удары и раны. Избавь меня от этих страданий изгнанием. Мир, несомненно, достаточно велик, чтобы расстояние между местами и странами смягчало ненависть между братьями".^[503] Но ничто не могло успокоить его врага, его брата. Сначала он позволил ему повидаться с женой и детьми, что доставило несчастному большое удовольствие; но впоследствии в этом утешении ему было отказано. Ему не давали ни бумаги, ни чернил, и в долгие часы своего заточения он писал водой, подкрашенной углем, на полях книг, которые ему разрешали читать. На них он оставил, в частности, красноречивую защиту своего дела.

В действие вступили и другие мотивы, направленные на то, чтобы разрушить преждевременную популярность Иоанна III. С жизнью Беррея и тюрьмой Эрика кальвинистский период в Швеции закончился; с восшествием на престол нового короля начался папистский период. Швеция представляла в это время пример того, как Рим продолжает ставить на ноги ушедший от него народ. Иоанн получал удовольствие от пышности римско-католического богослужения, а его жена, польская принцесса, была решительной и ревностной католичкой. Хотя она не принадлежала к тому фанатичному, бесплодному и суеверному ультрамонтанству, которое даже не является религией, она твердо верила, что за пределами ее собственной Церкви спасения нет. Но ее вера была искренней. Она не желала, чтобы обращение происходило силой; тем не менее она была убеждена, что лучшее из всех добрых дел - это как можно шире распространить владения папы римского. Ее духовником был иезуит по имени Джон Хербест; и работа тьмы, одним из главных исполнителей которой этот человек был, велась в иезуитской манере. Король начал с того, что без возражений выслушал утверждения своих придворных о том, что умеренный католицизм, промежуточная точка зрения между папством и лютеранством, была бы лучшей религией. Джон думал так же. Следовательно, в 1571 году он опубликовал указ, согласно которому, поскольку Ансар в девятом веке ввел истинное христианство, они должны соблюдать его и проповедовать добрые дела, дающие спасение наравне с верой. В то же время были восстановлены изгнание нечистой силы при крещении, свечи на алтаре, крестное знамение, вознесение воинства и множество алтарей. Архиепископ Лоуренс Петерсен не возражал против этого постановления ни по слабости возраста, ни по слабости характера, ни из страха перед кальвинизмом, ни из страха перед королем. Его брат Олаф был бы более бдительным и стойким. Вскоре были предприняты дальнейшие шаги. Королева, по предложению кардинала Хосиуса, умоляла короля восстановить достоинство священника и жертвоприношение во время мессы.^[504] О смерти архиепископа Иоанна III в 1573 году. его

преемником был назначен Лоуренс Готус, человек, который, будучи всегда готовым уступить, не мог не стать превосходным инструментом для достижения целей Рима. Король распорядился составить семнадцать статей, которые санкционировали заступничество святых, молитвы за умерших, восстановление монастырей и всех древних церемоний. Архиепископ подписал их, и как только это обещание было получено, церемония освящения была совершена с большой помпой. По этому случаю вновь появились митра, епископский посох, большая чаша, называемая *плювиал*, и святой елей для Восходящего католицизма. | помазание прелата. С этого момента католицизм был на подъеме. Иоанн воспитал своего сына Сигизмунда в строжайшем католицизме в надежде таким образом открыть ему путь к польскому престолу, который кардинал Хосиус обещал ему. Два иезуита, Флоренций Фейт и Лоуренс Николаи, посланные известным обществом, с которым король поддерживал переписку, прибыли в Стокгольм в 1576 году и выдали себя за лютеранских священников. Они дружелюбно и ловко втерлись в доверие, говорит один из них, к немцам, и поначалу это удавалось им легче, чем шведам.^[505] Они наносили визиты пасторам и беседовали с ними на самые разные темы, чтобы привлечь их на свою сторону. Они говорили по-латыни легко и изящно, так что добрые шведские пасторы, которые были людьми неграмотными, преисполнились восхищения и пообещали им свое сотрудничество.^[506] Фейт в колледже в Стокгольме, недавно основанном королем, и Николай в университете Упсалы раскинули свои сети, и лекциями, проповедями, диспутами и беседами им удалось вернуть к оставленной вере то одного, то другого, таким образом увлекая за собой значительное количество душ.^[507]

Кардинал щедро одаривал их своими наставлениями. "Пусть они избегают скандалов, - писал он иезуитскому духовнику королевы. - Пусть они превозносят веру до небес; пусть они заявляют, что дела без веры бесполезны; пусть они проповедуют Христа как единственного посредника и Его жертву на кресте как единственную жертву, которая спасает".^[508] Главный смысл состоял в том, чтобы заставить шведов вернуться в пределы римской империи, дав им понять, что там не проповедуется ничего, кроме евангельских доктрин. После того, как это будет сделано, несомненно, будут найдены какие-то средства для того, чтобы снова поставить достойные подвиги рядом с верой, Деву Марию рядом с Христом как заступницу и жертвоприношение мессы рядом с жертвоприношением Трудов иезуитов. | Голгофа. Король приказал всем пасторам посещать лекции этих иезуитов, выдавая себя за лютеран. Эти люди цитировали труды реформаторов, но в то же время опровергали их и пытались показать, что они противоречат друг другу. Король иногда присутствовал на этих диспутах и даже принимал в них участие. Он выступал против папы и, таким образом, дал иностранным богословам повод выступить с умной апологией римского двора. Более того, преподобные отцы не отличались разборчивостью. Они заручились поддержкой секретаря короля по имени Йохан Хенриксон, который жил с женщиной, мужа которой он убил. Отец Лоуренс, в первую очередь, дал отпущение грехов этим двум несчастным людям, а затем разрешил им жениться. Этот *новообращенный*, после того как снова стал соучастником преступлений, умер от пьянства. За короткое время в Швецию прибыли и другие римские священники, которых разместили в различных церквях. По наущению этих миссионеров папы многие молодые шведы были отправлены за границу, в Рим, Фульду и Ольмюц, чтобы получить там образование в иезуитских колледжах за счет государства. Многие римско-католические книги были переведены, особенно катехизис иезуита Канисиуса; и они были распространены в большом количестве среди людей.^[509] Кардинал Хосий не преминул написать королеве, что она ни в коем случае не должна унывать или ослаблять свои усилия по обращению короля в христианство.^[510] В то же время он написал

королю, умоляя его стать истинным католиком. "Если у вашего величества есть какие-либо сомнения, - сказал он, - то ничего на свете я не желаю больше, чем с Божьей помощью устранить их".^[511]

Королева и ее связи в конце концов убедили короля сделать один шаг навстречу папе. Граф Понтус де ла Гарди отправился в Рим с поручением просить понтифика от имени Иоанна III назначить по всему миру молебны о восстановлении католической религии на Севере; предложить ему самому и его народу вернуться в лоно Римской Церкви, при условии, однако, что церковные владения, находившиеся в руках короля и знати, останутся там, что король будет признан главой Шведской церкви, что месса должна быть разрешена частично на шведском языке, что чаша должна быть получена всеми верующими миряне, и что священникам следует разрешить вступать в брак, хотя их следует призывать к безбрачию. Римский суд, не приняв этих условий, оставил переговоры открытыми в надежде получить больше в другой раз.^[512] Король, желая выразить понтифику свое рвение, приказал составить и напечатать в 1576 году под руководством иезуитов новую литургию, почти полностью римскую по своему характеру; и в следующем году он начал преследовать тех, кто отказывался ее принять. Кардинал Хосиус возблагодарил Бога за обращение этого принца (октябрь 1577 г.)

Братоубийство.

Тот же самый принц, который теперь склонил голову под игом папы римского, ознаменовал этот год (1577) совершением одного из тех преступлений, которые обнаруживают неестественное сердце человека, лишенного чувств. Его несчастный брат, хотя и был теперь совершенно бесправен и доведен до состояния глубочайшего несчастья, вызывал у него некоторое беспокойство. В народе произошли движения в его пользу. Морней был обвинен в стремлении восстановить Эрика, и по этому обвинению был приговорен к смерти 21 августа 1574 года. Было открыто сказано, что лучше пострадать одному человеку, чем стольким погибнуть за его дело. В январе 1577 года король написал Андерсену из Бьюрума, коменданту Эрбихуса, наместо, куда бывший король был недавно переведен. Вот приказ, отданный братом о смерти брата; документ, подобного которому больше нигде в истории не найти. Похоже, Джон вспомнил ум и энергию своего брата, которые, однако, несомненно, были ослаблены его заключением. 'В случае, если возникнет какая-либо опасность, вы должны дать королю Эрику опиум или ртуть, достаточно сильную, чтобы обеспечить его смерть в течение нескольких часов. Если он наотрез откажется принять это, вы должны привязать его к сиденью и вскрыть вены на руках и ногах до тех пор, пока он не умрет. Если он будет сопротивляться и связать его будет невозможно, вы должны силой уложить его на кровать, а затем задушить матрасом или большими подушками.'^[513] Иоанн III, однако, в то же время совершил акт *милосердия*. Он приказал, чтобы перед тем, как предать своего брата смерти, к кальвинисту Эрику был послан священник, из рук которого он должен был принять причастие. Какая нежная забота о его спасении!

Секретарь Хенриксон, человек, убивший мужа женщины, с которой он жил, прибыл в замок Эрбихус в сопровождении камергера и главного хирурга Филипа Керна. Последний приготовил яд, и трое мужчин принесли его с собой. В воскресенье, 22 февраля, священник явился, чтобы исполнить свой долг. Через два дня несчастному принцу подали яд в супе. Он воспринял это

совершенно неожиданно и умер ночью (в два часа ночи) 26 февраля в возрасте сорока четырех лет.^[514] Свергнутый король, безусловно, совершил преступление, когда ранил кинжалом Нильса Стуре, намерением которого, по его мнению, было отнять у него корону. Но при виде этого хладнокровного отравления, спланированного с такими мельчайшими деталями и осуществленного таким трусливым образом, мы испытываем дрожь ужаса, вызванную великими преступлениями. Затем Джон написал герцогу Карлу, что их брат скончался после *непродолжительной болезни*, о которой ему, королю, сообщили слишком поздно. Карл понял, что это означало, и выразил свою скорбь по поводу того, что король Эрик был похоронен недостойным образом. "Тем не менее, - писал Карл, - он был коронованным и помазанным королем Швеции; и в какое бы зло он ни впал, да простит его Бог! за время своего правления он совершил много добрых дел, достойных храброго человека".^[515] Шведские беженцы в разных местах оплакивали его трагический конец и даже призывали Францию отомстить за это, посадив на трон его наследника.^[516]

После смерти Эрика король-братоубийца продолжил свое продвижение к папству. Умный иезуит Антуан Поссевен, представившийся посланником императора, но на самом деле являвшийся легатом папы римского, прибыл в Швецию с целью заставить короля и королевство принять решение об откровенном подчинении Риму.^[517] Король имел с ним беседу в монастыре Вадстена и был формально, но тайно принят этим преподобным отцом в общину Римской церкви. Прощая его грехи, иезуит наложил на него епитимью в виде поста каждую среду, потому что именно в этот день по его вине был отравлен его брат.^[518] Влияние этого иезуита в то же время ощущалось во всей Церкви. Были отданы приказы изъять из псалмов все места, направленные против папы, исключить катехизис Лютера из школ и подчиниться каноническим законам Рима, выдержка из которых была опубликована. Мартин Олай, епископ Линчепинга, назвав папу антихристом, публично появился в соборе и перед алтарем был лишен своих папских украшений. Его епархия была передана Кароли, ординарцу Кальмара, бывшему ухажеру Эрика, вероломному человеку, который довел короля до убийства Стуре. В то же самое время иезуиты входили в королевство под разными именами и в разной одежде; и, полагая, что время осторожности прошло, они энергично проповедовали против евангельской доктрины, которую они называли еретической, так что среди простых людей начали поговаривать, что эти люди не умеют ничего, кроме ругани и лая. Округ, вверенный правительству герцога Карла, был единственным, который был защищен от этого римского вторжения.^[519]

Внезапно прилив прекратился и, казалось, повернул обратно к истоку фонтана. Иоанн III. обратил свой взор на герцогства Бари и Россано в Неаполитанском королевстве, полагая, что его жена, как дочь Боны Сфорцей, имеет на них какие-то права. Но папа избрал курс, противоречащий его интересам; и он точно так же пожертвовал Швецией в договоре, который был заключен при его посредничестве между Россией и Польшей. В то же время принципы свободы, которые протестантизм ввел в обиход, особенно в противовес господству священнического сословия, так глубоко проникли в умы людей, что обычаи, уловки и наглость иезуитов казались горожанам отвратительными и возбуждали во всей нации дух сопротивления посягательствам папства. При смерти королевы Екатерины. наконец, в 1583 году королева Екатерина, которая была душой папистской реакции, умерла; и король женился вторично, его вторая жена Гунила от всего сердца выступила против Рима.

В это время прилив, который, постоянно поднимаясь, уносил с собой в Швецию обряды и доктрины Рима, сменился отливом, который, отступая, последовательно уносил все, что

прибывающие воды вынесли на эти северные берега. Стокгольмский пастор, ставший католиком, был лишен этого права; иезуиты были изгнаны из королевства, а должности, которые они занимали в стокгольмском колледже, были переданы их противникам. Общественное мнение энергично выступало против приверженцев папы, и король, переходя от одного неправильного курса к другому, начал преследовать их, хотя по-прежнему сохранял свою литургию. Он умер в 1592 году, и его сын Сигизмунд, ревностный папист, который с 1587 года был королем Польши, теперь вернувшись в Швецию, начал притеснять протестантизм. Его дядя, герцог Карл Судерманский, умный и предприимчивый принц, который не только выступал против папства, но и склонялся к протестантизму, поставил себя во главе этой партии. Сигизмунд был вынужден покинуть Швецию, и Карл стал первым администратором королевства и, в конечном счете, королем.^[520]

Ассамблея в Упсале.

Карл созвал в Упсале генеральную ассамблею с целью регулирования состояния Церкви. 25 февраля 1593 года он присутствовал там со своим советом, четырьмя епископами, более чем тремя сотнями пасторов, депутатами со всех концов королевства, многими дворянами, горожанами и крестьянами. Там был молодой профессор теологии из Упсалы Николаус Ботниенсис, который отличился своим сопротивлением римским институтам и даже был брошен в тюрьму. Ассамблея, желая воздать должное его верности, назначила его своим президентом. Ассамблея единодушно провозгласила, что Священное Писание, истолкованное само по себе, является единственной основой и единственным источником евангельского учения. После этого были зачитаны все статьи Аугсбургского исповедания; и Питер Йона, который только что был назначен епископом Стренгнесским, встал и сказал: 'Давайте все будем твердо придерживаться этого учения; и останетесь ли вы верны ему, даже если Богу будет угодно, чтобы вы пострадали за это?' Все ответили: "Мы готовы пожертвовать ради этого всем, что у нас есть в мире, нашим имуществом и нашими жизнями". Затем Питер Йона, возобновляя свою речь, сказал: "Швеция теперь стала одним человеком, и у всех нас один и тот же Бог".^[521]

Все изменения в доктрине и ритуалах, которые были внесены в правление Иоанна III. были отменены. Преподавание евангельской доктрины было повсеместно установлено. Ассамблея в Упсале была событием, результаты которого ощущались повсюду, за пределами Швеции. Это проявилось, когда в более поздний период благодаря заслугам Густава Адольфа Реформация укрепилась в Европе.

КНИГА XIII. ВЕНГРИЯ, ПОЛЬША, БОГЕМИЯ, НИДЕРЛАНДЫ.

ГЛАВА I.

ПЕРВЫЕ РЕФОРМАТОРЫ И ПЕРВЫЕ ГОНИТЕЛИ В ВЕНГРИИ.

(1518-1526 гг.)

Немногие страны так сильно нуждались в Реформации, как Венгрия. Когда в 1000 году она отказалась от язычества при короле Стефане, она присоединилась к Риму, и Рим навлек на нее два зла. Она послала в страну большое количество монахов, священников, прелатов, примасов и легатов; и эти люди привели ее — это было первое зло — к простому внешнему исповеданию христианства и угнетали различные племена, населявшие страну, — это было второе зло. Более того, более полувека спустя народ, собравшийся в Альба-Рояле, поднял восстание против духовенства. Первые потерпели поражение, многие были преданы смерти, и папа, хвастаясь победой, написал королю, приказывая ему помнить, что отныне папа Римский является его сюзереном. Незадолго до Реформации, в 1512 году, стремление венгров к независимости снова привело их к восстанию. Но в то время они были лишены истинных христианских принципов, и единственным результатом этого движения было опустошение их страны и заливание ее кровью шестидесяти тысяч ее сынов. Эта героическая нация снова была брошена в рабство. Свет и сила Евангелия были необходимы, чтобы произвести его возрождение и придать ему силы для сопротивления двум его врагам, Великому турку и папе римскому.

Мадьяры.

Хотя венгерские племена и не имели истинной и живой веры, тем не менее они, особенно мадьяры, были одной из рас, наиболее приспособленных для принятия Реформации. Они отличались благородной независимостью духа и природой, наделенной высшими стремлениями. Когда некоторые христиане провозгласили среди себя благодать Иисуса Христа, они с радостью восприняли духовные истины, которые Женева в то время распространяла по Европе; и живость их веры, нравственность их поведения, их любовь к свободе и благоразумие их характера вскоре стали славным свидетельством Реформации. Но хитрость и неистовый дух преследования венгерских прелатов и дворов Рима и Веньяростно противодействовали религиозному обновлению этого народа, отчасти вернули его в лоно Церкви и предотвратили распространение евангелического учения в других районах страны. Могущественные силы плоти вступили в конфликт с могущественными силами духа. Власть предрассудков возобладала над властью истины. Вера, мудрость, добродетель, изначальная энергия, свобода — все было раздавлено. Бог, однако, своей властью сохранил для себя народ на этих землях; и значительная часть венгерской нации оставалась протестантской, но постоянно подвергалась проверке священников и притеснению со стороны власти имущих.

Венгрия, как и другие страны Восточной Европы, получила до Реформации шестнадцатого века и пока все еще находилась в подчинении Рима, некоторые лучи света, которые то тут, то там озаряли ее. Некоторые из воинов искали там убежища; учение Иоанна Гуса было распространено в стране; некоторые из *братьев*, изгнанных из Богемии, построили там церкви и приобрели большое влияние.

В 1521 году двое молодых людей, почти детей, надежда Венгрии, соединились перед алтарем. Мужем был Людовик II, сын короля Ладислава, взойшедший на трон в 1510 году в возрасте десяти лет. Молодой принц, который был дружелюбен, но покладист, слаб и пристрастился к удовольствиям, был не способен предотвратить распространение беспорядков в королевстве в то время, когда турки угрожали ему своими ужасными вторжениями. У него было мало мужества, качества, которое было достаточно распространено среди его соотечественников; он был упрям и все же позволял своим придворным и епископам управлять им:

Et les prêtres en paix guidaient ses faibles ans.

Жена по имени Мэри, восемнадцатилетняя, была совсем другого характера. Сестра Карла Пятого, дочь несчастной Иоанны, королевы Кастилии и Арагона, которую до самой смерти держали в тюрьме, отчасти, возможно, потому, что она предпочитала Евангелие папе римскому, Мария, как и ее мать, и даже больше, чем ее мать, постигла учение Евангелия. О ней говорили, что она обладала благородным характером, добрым сердцем, глубоким пониманием и высокими интеллектуальными способностями, хорошо информирована и могла говорить на пяти языках, что она была так же компетентна управлять умами в мирное время, как командовать армиями во время войны. На самом деле она не шла во главе их, но однажды нанесла тяжелое поражение Генриху II, сыну Франциска I.

Будучи еще совсем юной и живя при дворе своего деда Максимилиана, она с восторгом прочитала первые труды Лютера. 'Ее комната была ее ораторским искусством', - сказал Эразмус. Она любила охоту, но не отправлялась в этот вид спорта, не взяв с собой Новый Завет. Она одинаково любила гоняться верхом на олене и зайце и сидеть под деревом и читать слово Спасителя. Мы уже упоминали тот факт, что, когда она была в Аугсбурге в 1530 году в компании своего брата Карла Пятого и архиепископов, епископов и легатов папства, она мужественно проводила евангелические службы в своих апартаментах. Меланхтон называл ее женщиной героического гения. Она была бы рада оказать свое покровительство Реформации в Венгрии, но влияние священников на короля было сильнее ее собственного. Впоследствии она также умоляла императора не подчиняться господству духовенства.^[522]

Начало реформации.

Это был своего рода удар грома, с которого в Венгрии началась Реформация. В 1518 году появился труд, озаглавленный "*О преступлении идолопоклонников*". В 1520 и 1521 годах самые ранние труды Лютера *охристианской свободе*, *о Послании к Галатам* и другие, кроме того, были доставлены в королевство торговцами, прибывшими из Германии. *Вавилонское пленение* привело венгров в восторг и побудило многих из них отделиться от ультрамонтанской Римской церкви. Другие евангелические книги, объясняющие доктрину спасения, читались с увлечением. Знать и горожане высказывались за Реформацию; и они делали это со всей энергией своего национального характера. Аналогичные события происходили и в Трансильвании.

Столь быстрый прогресс не мог не спровоцировать преследования. Она должна была начаться с анафем, но вскоре перешла бы к суровым действиям и бушевала бы почти без перерыва.

Сакмари, архиепископ Гранский, надеясь уничтожить Реформу одним ударом, собрал своих писцов и составил публичный документ. В 1521 году осуждение Лютера и его трудов прозвучало с кафедр главных венгерских церквей.^[523]

Большинство венгров, услышавших это, были очень удивлены; и обнародование анафем произвело эффект, противоположный тому, на который рассчитывал прелат. Это пробудило в слушателях сознание важности Реформации; так что ее сторонники приободрились, и многих побудило искать истину тех, кто ранее ею не интересовался. Многие церковники, особенно те, которые были угнетены высшим духовенством и долго вздыхали о времени справедливости и свободы, теперь подняли головы, прочитали священные книги и заявили, что только учение Лютера, основанное на Слове Божьем, истинно. Они не оставались бездейственными; но своими живыми и сильными словами они просвещали умы людей. Приходы, деревни и поселки радостно приветствовали Реформацию.

Одним из первых, кто провозгласил Евангелие в Венгрии, по-видимому, был Томас Происснер. За ним последовали другие. Кордатус в Бартфельде в 1522 году, Сиклосы в Нойштадте, Копачи в Сарош-Патаке, Радан и Гуссер в Дебрецене и Георг в Херманштадте провозгласили весть о спасении, даром данным тем, кто верой ухватился за Христа. Ученые мужи в то же время свидетельствовали об истине в Будапештском университете. Симон Гриней, сын простого швабского крестьянина, а впоследствии друг Кальвина, с детства проявлявший замечательную склонность к учебе, в четырнадцать лет был отправлен в знаменитую школу Пфорцхайма. Оттуда он поступил в Венский университет, где отличился и получил степень магистра искусств. Затем король призвал его в Будуу. Гриней не ограничивался там преподаванием грамоты, но открыто и смело провозглашал людям великие доктрины Евангелия, которые он принял всем своим сердцем. Другой врач, Винсхайм, также открыто исповедовал ту же веру; и, что было неожиданным событием, люди говорили в Пеште, в старой столице королей, на берегах Дуная и недалеко от границ Турции, о том же самом Слове Божьем, которое дарило радость столь многим немцам на берегах Эльбы. Реформация, подобно широкой реке, принесла жизнь и процветание в эти обширные регионы, простирающиеся между Альпами, Карпатами и Балканами. Но, увы! река, местами пересохшая из-за изнуряющей жары преследований, в один прекрасный день должна была высохнуть и превратиться в стоячий и сонный водоем, подобный тому, который течет, чтобы затеряться в сухих песках пустыни.^[524]

Венгры в Виттенберге.

Однако те времена были еще далеки. Реформация мадьяр все еще находилась в периоде своего роста и жизни. Весть о борьбе, начавшейся в Германии, возбудила в умах людей жгучее желание увидеть Лютера, услышать его и получить из его уст небесное учение.^[525] Это характерная черта венгерской реформации. Желание пойти и испить живой воды у самого ее источника стало сильным, и все, кто был в состоянии сделать это, поспешили в Виттенберг. Мартин Кириачи из Лойчау прибыл туда в 1522 году. В 1524 году за ним последовали Дионисий Линк, Бальтазар Глеба из Буды и множество их соотечественников.^[526] Радостно они приветствовали скромный город, из которого на мир проливался свет. Они с робким уважением устремляли свои взоры на Лютера и Меланхтона; занимали свои места на скамьях своих аудиторий; впитывали в свои умы и сердца слова этих прославленных учителей и запечатлевали их там более неизгладимо, чем на листах своих записных книжек.

В Венгрии постепенно начали замечать, что пропали один студент и другой. Стала известна причина их отсутствия; они уехали в Виттенберг. Епископы, возмущенные этими *еретическими паломничествами*, донесли на них королю. Этим священникам было нетрудно добиться, чтобы их взгляды были приняты этим молодым человеком, который совсем незадолго до этого показал

свой характер. Людовик, который был королем Богемии, а также Венгрии, отправился в Прагу на коронацию королевы Марии; и когда он проезжал через Моравию, у него были переговоры с жителями Иглау, и он объявил им, что, если они не откажутся от саксонской ереси, он прикажет предать их смерти. В то же время он приказал бросить в тюрьму их пастора Джона Сператуса. Это был свадебный букет, который Людовик II преподнес своей молодой, прелестной супруге-христианке по случаю ее коронации.^[527]

Нетерпимость к священству.

Архиепископы и священники, обладая всеми своими привилегиями, поставили себя во главе оппозиции. Многие из них, конечно, руководствовались более высоким мотивом - славой Римской церкви; но в целом они не собирались позволять отнять у них то, что они узурпировали. Король Людовик и другие принцы под давлением духовенства *предоставили им свою собственную силу и авторитетность*; но инициаторами преследований были церковники. Религиозный философ восемнадцатого века^[528] сказал: 'Духовенство является косвенной причиной преступлений королей. В то время как они непрестанно говорят о Боге, они стремятся только к установлению своего собственного владычества.' Это сильное высказывание, и автор забывает, что в католической церкви есть и всегда были хорошие священники и хорошие миряне. *Давайте не будем преувеличивать.* Тем не менее, империя духовенства, деспотизм, с которым оно подавляло совесть, является великим историческим фактом. Оно скрывало Священное Писание, но оно выставило напоказ свои тарифы на индульгенции, свои взыскания, свои наказания огнем и мечом. В более позднее время прогресс христианской цивилизации уже не позволял прибегать к таким варварским обычаям. Но если евангельское христианство отныне подвергается только бессмысленным обвинениям и часто оскорблениям со стороны приверженцев Рима, то на противоположном полюсе появился еще один противник; и каждый из них представляет угрозу свободе, истине и жизни общества. "Если европейскому миру не суждено погибнуть подобно Римской империи", - сказал философ наших дней,^[529] 'необходимо найти какой-нибудь религиозный символ, адекватный спасению душ от обоих зол, которые в наши дни угрожают им — преступного атеизма и ретроградной теологии'. Этот символ - Слово Божье.

Венгерские священники нанесли тяжелый удар. Они хотели исключить Реформацию не только из своей страны, но и из всего мира. Они сказали, что необходимо осушить источник, из которого текли эти отравленные воды. Тогда Венгрии больше не нужно было бояться лютеранского потопа. По их просьбе молодой король тогда написал старому курфюрсту Саксонии: 'Как вы можете покровительствовать Лютеру, который нападает на христианскую веру и авторитет Церкви, который высмеивает князей и восхваляет турок? Перестань поддерживать этого монаха и сурово накажи его'.^[530] Фридрих Мудрый был не из тех, кто поддается руководству молодого человека без понимания. 'Утверждать, что Лютер учит вещам, противоречащим вере, - ответил он, - что он оскорбляет христианских князей, что он превозносит турок и что во всех этих злодеяниях я поддерживаю его, - значит нагромождать клевету на клевету. Я прошу вас сообщить мне, кто распространяет подобные басни. Луи не пришлось далеко ходить, чтобы найти их. Это были придворные священники, но, пораженный ответом прославленного курфюрста, он позаботился не говорить об этом.

Этот молодой, легкомысленный король больше не знал, что и думать. Его епископы говорили с ним по-своему; мудрейший принц Европы сказал прямо противоположное. Он угрожал смертью

реформаторам маленького моравского городка; и теперь не только Моравия и Богемия были полны веры Яна Гуса, но и Реформация, казалось, торжествовала в Венгрии, и Трансильвания также начинала принимать ее. Два служителя Евангелия, приехавшие из Силезии и слушавшие Лютера в Виттенберге, однажды прибыли в Херманштадт. Они распространяли там труды реформатора, ясно разъясняли людям Священное Писание, показывали им все утешение, которое есть в Евангелии, и яростно нападали на Римскую церковь. Они оба были бывшими доминиканцами, и звали их Эмброуз и Джордж. Марк Пемпфлингер, граф и главный судья, выдающийся и очень влиятельный человек, который читал труды Лютера, оказал свое покровительство двум евангелистам. Вскоре прибыл третий, которого звали Джон Сурдастер. Воодушевленный горячим рвением, он начал с проповеди на открытом воздухе; впоследствии, благодаря вмешательству Пемпфлингера, он перешел в церковь Святой Елизаветы. Толпа, пришедшая послушать его, была огромной, и в ней были видны члены совета. Уделяя свое внимание мужчинам и женщинам, реформаторы не обошли вниманием детей. Они испытывали к ним теплую привязанность и были рады объяснить им Евангелие в простой манере, адаптированной к их пониманию. Они внушали им страх Божий и отвращение к греху и стремились привести их к Иисусу и таким образом привить им простое, но действенное благочестие. Они знали, что упавший человек должен быть восстановлен. Они начали обучать детей на улице, в общественном месте. Эта дерзость сильнее всего оскорбила священников, которые жаловались в высших кругах, что эти иностранцы не только наставляют молодежь, но и преподают им ложные доктрины. Два силезских монаха, вызванные архиепископом в Гран, не смогли вернуться в Трансильванию.^[531]

Процессия в День Тела Христова.

Но Евангелие оставалось там. В сердцах людей зажегся огонь, и ничто не могло его погасить. Большое число католических обрядов было покинуто, священники были удалены с нескольких кафедр, которые затем были заполнены служителями божественного слова, которые преподавали вместо них. "Сила *истины*, - говорит историк, - приводила души к *свободе*". Но в то время как вдумчивые умы набирались сил от чтения священных книг, находились пустяки, которые просто смеялись над суевериями, от которых они отказались, и пели стихи о папе римском. Католики, однако, не были обескуражены; процессия в День Тела Христа прошла как обычно, с большой помпой и с большими зажженными свечами. 'Значит, наши священники верят, - говорили некоторые, - что Бог ослеп, что они несут так много огней днем?'^[532] Только серьезная и милосердная реформация является истинной; тем не менее, пророк Илия своей иронией поразил пророков рощ.^[533]

Крики усилились. Никогда еще не видели столь смертоносной ереси. Самые благочестивые заявления реформаторов были обложены лицемерием; их самые искренние заявления - коварством и ложью; их самые христианские догмы были чудовищны. Никогда еще дьявол не плел более опасной доктрины. Архиепископ больше не соответствовал обстоятельствам; должно быть, гремели раскаты грома в Ватикане. Обвинения становились все серьезнее. Архиепископ Гранский отправился в Рим. Папство было взволновано сообщением о деяниях, которые были осуждены перед ним и Климентом VII. отправил в Венгрию знаменитого кардинала Каэтана, снабдив его перед отъездом всем необходимым, чтобы привлечь на свою сторону короля. Он передал кардиналу от имени короля подарок в шестьдесят тысяч дукатов, якобы предназначенный для защиты королевства от турок, но также призванный разжечь рвение Людовика II в борьбе с реформаторами. Папа также доверил ему письмо, в котором

призывал короля уничтожить ересь. Как устоять перед просьбой, которая сопровождалась шестьюдесятью тысячами золотых монет и была искренне поддержана епископами? В 1523 году был созван сейм, которым умело руководило духовенство. Делегаты последнего спросили короля— ‘Соизволит ли ваше королевское величество как католический принц принять суровые меры против всех лютеран, их покровителей и приверженцев? Они явные еретики и враги Святой Девы Марии. Накажите их обезглавливанием и конфискацией всего их имущества’.^[534]

Лютеранство запрещено.

Людовик II согласился с этим требованием и 15 октября 1524 года издал суровый указ против Реформации. “Эта вещь мне очень не нравится”, - сказал он. “Мы желаем, чтобы наши подданные хранили в чистоте от всех пятен и всех заблуждений веру, которую мы получили от наших предков; и мы некоторое время назад постановили, что никто в нашем королевстве не должен принимать или одобрять эту секту”.^[535] Затем он приказал тем, к кому обращался, под страхом потери жизни и имущества, сделать все возможное, чтобы остановить лютеранскую ересь.

Архиепископ Гранский, возвращавшийся из Рима, и кардинал Салкаи распорядились назначить комиссаров для подавления ереси; и поскольку Херманштадт вызывал наибольшее беспокойство, они направили их сначала в этот город. Многие люди были поражены, увидев, что эти агенты папы намеревались в такое время преследовать его. Турки угрожали вторжением в Венгрию; и был ли это подходящий момент для того, чтобы посеять раскол среди граждан? Разве не было необходимости установить хорошее взаимопонимание между ними всеми и объединить их сердца и волю? Должна ли Венгрия подвергнуться страшной катастрофе из-за разделения своих сил? Все эти соображения оказались безрезультатными. Римское духовенство ни перед чем не останавливалось. Боясь Евангелия больше, чем турков, они опрометчиво бросили свои клейма раздора в среду великодушного народа.

Огонь, однако, горел не так хорошо, как можно было надеяться. Когда комиссары прибыли в Трансильванию, они обнаружили, что мнения настолько склоняются в пользу Евангелия, что отказались от своего намерения сжигать людей и ограничились сожжением книг. Писания апостолов и реформаторов были силой отобраны у горожан; на рыночной площади был разожжен огромный костер, и в него были брошены лучшие книги. Архиепископские комиссары не могли отказать себе в удовольствии присутствовать при этой казни за неимением других, и они смотрели на пламя с радостью, которую с трудом могли подавить. Тем временем горящая псалтирь, подхваченная ветром, упала на лысую голову одного из них, и бедняга был так опасно ранен, что скончался в течение трех дней. Смерть, предназначенная преследуемым, настигла преследователей. Казни подобного рода происходили и в других венгерских городах. Смотритель францисканского монастыря в Эденбурге проявил необычайное рвение и приказал палачу сжечь труды великого Лютера. В архивах города до сих пор можно прочитать следующую запись — “Anno 1525, понедельник после Нового года, выплачено палачу за сожжение лютеранских книг, 1 д. д.”.^[536]

Этого было недостаточно. Зачем было уничтожать столько печатных листов, если в королевстве все еще оставалось много живых голосов, возвещающих спасение Иисуса Христа? Особенно выделялся один голос, который они стремились любой ценой заставить замолчать. Евангельский свет сиял все ярче и ярче в Пешском университете; и это было главным образом благодаря Гринейусу, который ревностно проповедовал там истину. Эти доминиканцы

добились указа против него. Этот превосходный человек был схвачен и брошен в тюрьму. Но некоторые из знати встали на его сторону, и двери тюрьмы были открыты. 'Уезжай, - сказали они ему, - покидай королевство'. Потеря Венгрии стала приобретением Швейцарии. Гриней стал профессором философии в Базеле; и двенадцать лет спустя он приветствовал там Кальвина после его изгнания из Женевы. Винсхайм, человек более благоразумный и робкий, чем Гриней, продержался на своем посту на два года дольше, но в конце концов в 1525 году был изгнан и стал профессором греческого языка в Виттенберге. Эти два ученика Христа были изгнаны из Венгрии главным образом из-за их неприятия поклонения Пресвятой Деве. Но ни тюрьма, ни ссылка не могли изгнать Реформацию. Огонь внутри разгорался все сильнее, и никто не был способен его потушить.

Новые студенты отправились в Виттенберг. Мартин Кириачи из Лойчау вернулся оттуда, впечатленный и укрепленный учением Лютера, и немедленно приступил к работе. Некоторые влиятельные дворяне и некоторые города также высказались за Реформацию. В 1525 году пять вольных городов Верхней Венгрии высказались в его пользу, а именно: Лойчау, Себен, Бартфельд, Эперис и Кашау. В Трансильвании была основана лютеранская школа; и в то время как священники каждое воскресенье отлучали от церкви тех, кого они называли еретиками, миряне защищали их от преследований. Если кто-либо из духовенства хотел воздвигнуть эшафоты, поднимались торговцы и ремесленники и препятствовали этому.^[537]

Архиепископ Гранский и папский легат, которые рассчитывали уничтожить Реформацию с помощью королевских эдиктов, были полны горя, когда увидели, что эти документы им ничего не дали; и они предприняли еще более энергичные усилия, чтобы использовать молодость и слабость короля и злоупотреблять ими.^[538]

Архиепископ взял на себя в Венгрии роль гонителя Реформации; и он решил, видя, что ее так трудно убить, нанести ей новый удар. Он хотел, чтобы преследование было одновременно более всеобщим и более жестоким. Поскольку в 1525 году должен был собраться сейм, он решил, с согласия кардинала, утвердить новый эдикт. Будучи в прошлом наместником короля, архиепископ пользовался большим влиянием при дворе и прекрасно знал, как поступить, чтобы расположить к себе своего старого ученика. Он маневрировал так ловко, что добился того, к чему стремился.^[539] Все, что благочестивая королева могла сказать молодому королю, было бессильно перед влиянием двух прелатов и шестидесяти тысяч дукатов. Священники привлекли на свою сторону также католических членов сейма. Им внушили, что, если они однажды избавятся от Лютера, им будет легче добиться освобождения от Мухаммеда. Однако им не пришлось долго ждать, прежде чем они обнаружили свою ошибку. Людовик приказал герцогу Карлу Мюнстербергскому, губернатору Богемии, изгнать оттуда всех лютеран и пикардийцев; а эдикт, ставший законом Венгерского королевства, предписывал всеобщее истребление евангелистов *путем сожжения*.

Сожжение еретиков.

Теперь они приступили к работе. В Буде жил книготорговец по имени Джордж, известный человек в окружении папы римского как продавец подозрительных книг. Джордж был схвачен, его христианские книги унесли, а благочестивый книготорговец был сожжен вместе с его томами, которые послужили ему погребальным костром.^[540] Людовик приказал придерживаться того же курса во всех своих владениях. Он написал нескольким магистратам в Эденбурге, Херманштадте и других местах; и особенно обратился к графу Пемпфлингеру в Трансильвании,

предписывая ему искоренить ересь, угрожая ему самыми суровыми наказаниями, если он этого не сделает, и обещая ему королевскую милость, если он выполнит свои жестокие эдикты. Венгрию должны были покрыть эшафотами. Но буря, собирающаяся на Востоке, быстро приближалась, неся Божественные кары. Меч гонителя должен был быть сломан, ученики Христа спасены, а молодой и несчастный принц, ставший жертвой клерикальных интриг, дорого заплатил за все свои жестокости.

ГЛАВА II. ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА СОЛИМАНА. (1526).

Вторжение Солимана.

Солиман Великий, завоеватель, великолепный, самый знаменитый из султанов, шел во главе многочисленной армии. Почти полвека его жизни предстояло быть чередой сражений и побед. За пять лет до этого турки взяли Белград и омыли ноги в Дунае. Прославленный последователь Мухаммеда намеревался сделать больше. Он намеревался вторгнуться в Венгрию, Австрию, Италию и Испанию. Крест должен быть растоптан ногами, а полумесяц должен торжествующе развеиваться над ним. Европа должна была стать мусульманской. 23 апреля 1526 года Солиман, готовившийся покинуть Константинополь, посетил могилы своих предков и мучеников ислама. Затем, славный своей молодостью и силой — сейчас ему было тридцать два года, — наделенный энергией своей веры, воспламененный той страстью к завоеваниям, которая отличала его предков, принц выступил из Константинополя во главе армии, которая постоянно получала подкрепления. Ибрагим-паша, отправившийся в путь раньше него, уже осаждал Петервардин. Он взял этот город, и в тот момент, когда султан вступил на землю Венгрии во главе трехсот тысяч солдат, Ибрагим положил к его ногам, в знак приветствия, пятьдесят венгерских голов. 'Вперед! К Пешту!' - раздался крик в лагере сына Селима. Эта великая армия выступила в поход вдоль Дуная.

В Венгрии ничего не было готово. Вся страна была охвачена тревогой. Самые просвещенные люди не обманывались. На ассамблее в Тольне было заявлено, что "каждое королевство нуждается в двух вещах для своей обороны: армии и законах; сейчас у нашей Венгрии нет ни того, ни другого".^[541] Раскол среди вельмож и притязания духовенства ослабили страну. Места распределялись только в порядке личной милости; солдаты проходили парадом и демонстрировали себя на улицах столицы, в то время как границы остались без защитников. Молодая королева тщетно стремилась навести порядок в государстве, ибо вельможи противились этому. Во главе их стоял могущественный Заполья, который с гордостью полагался на свои семьдесят два замка. Этот высокий и суверенный лорд, о котором было предсказано, что однажды корона будет возложена на его голову, не желал ничего лучшего, как увидеть замешательство в своей родной стране, поскольку надеялся, что таким образом ему будет легче добиться провозглашения себя королем.^[542] Людовика умоляли воспользоваться своей властью и пресечь злоупотребления; но все оставалось в том печальном состоянии неразберихи, которое предшествует гибели нации.

Посланием от 20 февраля Солиман призвал короля выплатить ему дань, пригрозив в то же время, что в случае отказа он уничтожит христианскую веру и подчинит себе как своих князей, так и свой народ. Король, молодой и легкомысленный, не обратил особого внимания на вызов.

Но когда он узнал, что султан покинул Константинополь, он был взволнован и сбит с толку; и он понял, что необходимо перевести Венгрию в состояние обороны. Нобыло уже слишком поздно. Он хотел взимать налоги, но деньги не поступали. Он пытался сформировать армию, но рекруты не появлялись; он обращался к богатым, но те предпочли использовать свое богатство для украшения церквей. Он отдал самые строгие приказы; вся Венгрия должна была восстать, даже студенты, священники и монахи; в стране должен был остаться только один священник для обслуживания двух приходов. Но почти никто не пошевелился. Наконец, когда враг приблизился, когда стало известно, что он движется на Пеш, возникла необходимость занять перевалы, на которых можно было бы задержать его продвижение. Но у принца была только армия в три тысячи человек и всего пятьдесят тысяч флоринов для покрытия военных расходов. Эту сумму ему ссудил банкир Фуггер под солидные гарантии. Молодой, неопытный и неэнергичный, он вовсе не был склонен идти навстречу Солиману. Но магнаты отказались выступить в поход без короля. Тогда Людовик принял смелое решение. 'Я хорошо вижу, ' печально сказал он, ' что моя голова должна ответить за их смерть, и я собираюсь отдать ее врагу'. Он простился со своей молодой женой на острове Чепель, недалеко от Буды. Хотя они не были во многом согласны, они любили друг друга. Их сердца были разорваны;

Digne épouse, reçois mes éternels adieux.

24 июля король выступил в путь со своим небольшим отрядом. Христиан было всего один против сотни их врагов.^[543]

Между тем, хотя Людовик и выступил против преемника Мухаммеда, он не отменил своих указов против учеников Иисуса Христа. Должны ли были быть жестоко преданы смерти реформаторы, которые не отправлялись на войну, женщины, старики, дети и те, кто уже был пленниками ради Евангелия? Благородный Пемпфлингер был очень огорчен. Он с самого начала считал указы о преследовании несправедливыми, и теперь почувствовал необходимость объявить королю, что отправить учеников Господа на костер означало бы призвать Божий суд на Венгрию. Он также не мог смириться с мыслью, что все остальные приходы останутся без пастора. Поэтому он решил обратиться к Луи. Если бы каждый служитель религии остался в своем приходе, чтобы заботиться о страждущих, если бы смертный приговор, вынесенный евангелистам, был отменен, и если бы им было позволено выйти защищать свою страну на поле битвы, божественный гнев, возможно, был бы смягчен, и Венгрия и Евангелие были бы спасены. Монахи уже тогда, воспользовавшись эдиктом опреследованиях и всеобщим волнением, стремились взбудоражить народ и добиться насильственной смерти евангелистов. По их мнению, это были жертвы, способные предотвратить бедствия, которые были готовы обрушиться на землю. Граф пустился в путь со всей возможной скоростью, но вскоре его продвижение было остановлено ужасными известиями.^[544]

Венгерская армия.

К молодому королю, выступавшему в поход во главе своих трех тысяч человек, присоединились венгерские магнаты и польские роты. К тому времени, когда он достиг Толны, у него было от десяти до двенадцати тысяч человек. Войска из Богемии, Моравии, Хорватии и Трансильвании еще не были под его знаменами. Однако он получил некоторые дополнительные силы и достиг Мохача на Дунае, пункта примерно на полпути между своей столицей и турецкой границей, во главе примерно двадцати семи тысяч человек. Вряд ли кто-либо из них когда-либо подвергался обстрелу. В средние века командование армиями часто поручалось священнослужителям.

Людовик последовал этому странному обычаю и доверил свои войска Джомори, архиепископу Кельна, бывшему францисканцу, который ранее участвовал в одной или двух кампаниях и отличился. Король подумал, что энергичный монах, несмотря на свое одеяние, был бы лучше, чем трусливый генерал. Но это назначение ясно показало, в какие руки попал король.

Солиман, не встретив сопротивления, перебросил удобный мост через реку, и его огромная армия в течение последних пяти дней дефилировала по нему. Он был знаком с военным искусством и научными маневрами, которые уже применялись Гонсало Кордовским и другими великими военачальниками. У него была мощная артиллерия, а его янычары были отличными стрелками. Людовик, который знал о превосходстве своего врага, мог бы отступить к Буде и Пешу и занять там сильные позиции, пока был занят сбором дополнительных отрядов войск. Но он, как и его подданные, был слеп к ограниченности своих ресурсов и полон надежд самого обманчивого рода. Две армии были разделены возвышенностями. 29 августа турки начали появляться на высотах и спускаться на равнину. Людовик, бледный как смерть, облачился в доспехи.^[545] Главнокомандующий монахами и самый умный из лидеров предвидел катастрофу. Многие дворяне и духовенство разделяли их мнение. 'Двадцать шесть тысяч венгров, - сказал епископ Переньи, - находятся в пути во главе с францисканцем Джомори, чтобы умереть мучениками за веру и войти в царство небесное'. Прелат добавил в качестве утешения: 'Будем надеяться, что канцлера пощадят, чтобы добиться канонизации папы римского'. Венгры, увидев, что мусульмане спускаются с холма и приближаются, бросаются на них. Турки расходятся и удаляются, а венгры, обрадованные столь неожиданным бегством, достигают вершины холма. Там они обнаруживают бесчисленное войско османли, но, обманутые отступлением авангарда, они полагают, что победа уже за ними, и бросаются на врага. Солиман прибегнул к обычной военной уловке. Его солдаты обратились в притворное бегство только для того, чтобы увлечь врага за собой. На обратной стороне холма он установил триста орудий, и в тот момент, когда Людовик и его люди появились в поле зрения, их встретил ужасный огонь. В то же время кавалерия спахов обрушилась на два крыла маленькой христианской армии, начался беспорядок, самые храбрые пали, самые слабые обратились в бегство.

Разгром Мохача.

Молодой король, увидев, что его армия уничтожена, сбежал, как и остальные. Силезец бежал перед ним, чтобы направить его в бегстве. Добравшись до равнины, он наткнулся на полосу черной стоячей воды, которую ему пришлось пересечь. Он погнал свою лошадь, чтобы добраться до противоположного берега, который был очень высок; но при подъеме животное поскользнулось и упало вместе с принцем, который был похоронен в болотистых водах. Печальное место захоронения! Людовик даже не удостоился чести умереть с оружием в руках. Все было потеряно! Полумесяц восторжествовал. Король, двадцать восемь магнатов, пятьсот дворян, семь епископов и двадцать тысяч вооруженных людей оставили свои трупы на поле битвы.^[546] Террор распространился повсюду. Ключи от столицы были доставлены султану. Он разграбил Будуу, поджег город, превратил библиотеку в пепел, опустошил Венгрию до Тайса и стал причиной гибели двухсот тысяч венгров от рук своих мусульман.

Эта победа, которая, казалось, обеспечила господство исламизма, наполнила Германию и всю Европу печалью и тревогой. Были и небольшие компенсации. Пемпфлингер, которому больше не нужно было бояться ни священников, ни короля, спас евангельских христиан, которым угрожала ярость монахов. Но это избавление немногих не уменьшило ужаса общественного

бедствия. При виде своих дымящихся городов, своих опустошенных полей, своих убитых соотечественников и полумесяца, занявшего место креста, венгры оплакивали гибель своей страны. Несчастливая Мария, вдова, еще такая молодая, потеряла в одно и то же время своего мужа и корону и с болью в сердце увидела, как Венгрию, которую она любила, разоряют турки.

Этот ужасный удар был нанесен по Виттенбергу, где венгерские студенты пробудили горячий интерес к своей родной земле. Услышав о несчастье королевы, Лютер проникся живой жалостью и написал ей письмо, полное утешения: "Всемиловитая королева, зная привязанность вашего Величества и узнав, что турок поразила благородного молодого принца, вашего мужа, я желаю в этом великом и внезапном бедствии утешить вас, насколько Бог может мне позволить, и я посылаю вам с этой целью *четыре псалма* (с размышлениями), которые научат ваше Величество доверять исключительно истинному Отцу, Который на небесах, и искать все свое утешение в Иисусе Христе, истинный супруг, который также является нашим братом, став нашей плотью и нашей кровью. Эти псалмы раскроют тебе во всем своем богатстве любовь Отца и Сына". "Дорогая дочь, - сказал далее Лютер королеве, - "пусть нечестивые угнетают тебя и твое дело; пусть они, окутанные облаками, заставят дождь и град обрушиться на твою голову и похоронить тебя во тьме. Вверх свое дело одному Богу. Уповай на Него. Тогда Он явит твою праведность, как свет, и твой суд, как полдень. Бог действительно допускает, чтобы праведники попадали в руки нечестивых, но Он не оставляет их там.

‘ Папа и его агенты осудили Джона Гуса, но это было бесполезно. Осуждение, крики, лицемерные слезы, ярость, буря, быки, свинец, печать, отлучение от церкви - все было бесполезно. Гус по-прежнему жил славно, и ни епископы, ни университеты, ни принцы, ни короли не смогли ничего сделать против него. Только этот человек, этот мертвец, этот невинный Авель нанес удар полному жизни Каину, папе римскому и всей его партии; и в результате его сильных слов они были признаны еретиками, отступниками, убийцами и богохульниками, они не могли не взорваться от ярости по этому поводу”^[547] Лютеру трудно произнести слова утешения, не добавив ни слова энергии и осуждения. Иногда он добавляет жестокие слова. Он мог быть ягненком, но он также был львом.

Гимн королевы.

Испытание и эти утешения помогли молодой королеве продвинуться по пути благочестия. Карл Пятый с болью наблюдал за ее евангельскими чувствами; и он и его министры часто давали ей понять это. Они охотно забрали бы у нее ее Евангелие. Но император любил ее и в конце концов всегда проявлял к ней снисхождение. Она выразила в прекрасном гимне утешение, которое находила в общении с Богом. ‘Если я не могу избежать несчастья, ’ говорит она в своем гимне, ‘ я должна претерпеть бесчестие за свою веру; по крайней мере, я знаю, и в этом моя сила, что мир не может отнять у меня благосклонность и благодать Божью. Бог не за горами; если Он и скроет Свое лицо, то ненадолго, а вскоре Он уничтожит тех, кто принимает от меня Его слово.

‘Все испытания длятся лишь мгновение. Господь Иисус Христос! Ты будешь со мной, и когда они будут сражаться против меня, Ты будешь смотреть на мое горе так, как если бы оно было Твоим собственным.^[548]

Должен ли я вступить на этот путь... к которому они призывают меня ... что ж, мир, как пожелаешь! Бог - мой щит, и Он, несомненно, будет со мной везде".

Этот путь, это призвание, о котором она говорит, не могли не встревожить ее. Карл Пятый, зная о больших способностях своей сестры, в 1531 году назначил ее гувернанткой Нидерландов. Она вернулась в брюссельский дворец, в котором родилась. У нее был евангелический капеллан; но, пытаясь смягчить преследующие приказы императора, она часто была вынуждена подчиняться их исполнению и посещать католические церемонии в придворной часовне. Она, несомненно, боялась, что, если окажет хоть малейшее сопротивление непреклонной воле своего наводящего ужас брата, ее отправят в тюрьму на всю жизнь, как ее мать Джоанну, прозванную Сумасшедшей.

Если Мария была утешена словами Лютера, то друзья Евангелия в Венгрии видели, что опасность вокруг них возрастает. Король был мертв, и честолюбивый Заполья наконец достиг объекта своего желания. Он был коронован 26 ноября 1526 года в древнем дворце Альба-Рояль, который на протяжении пяти столетий был резиденцией королей. Он был не единственным претендентом на скипетр Венгрии. Эрцгерцог австрийский Фердинанд, полагаясь на соглашение, заключенное с королем Ладиславом, и при поддержке сторонников его сестры, королевы Марии, короновался в Пресбурге. У этих двух королей, каждый из которых стремился к поддержке Рима и его духовенства, было только одно общее — их неприятие Реформации — и в жестокости они должны были соперничать с ужасным турком.

Заполья опубликовал 25 января 1527 года эдикт против лютеран, и священники немедленно воспользовались им. Евангелие приобрело приверженцев во всех частях страны, и особенно в горах и приятных долинах Карпат, богатых серебряными и золотыми рудниками. В Либетене, городе шахтеров, была процветающая церковь, все члены которой жили в самом очаровательном братстве. Восстание рабочих в шахтах было предлогом, которым воспользовались священники, чтобы разжечь гонения. Они обвинили этих мирных людей в подстрекательстве к восстанию. Пастору удалось спрятаться в глубокой впадине в шахтах, но ректор школы и шесть членов совета были схвачены и доставлены в город Нойсол. ‘Отрекитесь от своей ереси, ‘ сказал судья, - и сообщите нам, где скрывается ваш пастор, или вы будете сожжены заживо’. Советники, которым попеременно угрожали и которым льстили, уступили дорогу. Констебли (*сбирри*) спустились в шахты и схватили министра. Настоятель был сожжен в Альцоле 22 августа; но пастора увезли на большее расстояние, недалеко от замка Доброни. Когда его надзиратели остановились возле этого здания, посреди величественного и торжественного пейзажа, священники призвали своего пленника отречься от своей веры. Николай — так звали венгерского мученика — оставшись непоколебимым, был убит ударом сабли, а его тело было брошено в огонь.^[549]

Эдикт Фердинанда.

Пока все это происходило под скипетром Запольи, его соперник Фердинанд издал в Буде 20 августа 1527 года указ о преследовании.^[550] Тюремное заключение, изгнание, конфискация, смерть от утопления, меча или огня были объявлены против еретиков, и любой город, который не выполнял это королевское постановление, должен был быть лишен всех своих привилегий.^[551]

Небо, затянутое облаками, предвещало Венгрии дни страданий, крови и траура.

ГЛАВА III.

ДЕВАЙ И ЕГО КОЛЛЕГИ ПО РАБОТЕ.

(1527-1538 гг.)

Триумфу Реформации в Венгрии суждено было быть медленным и трудным, или, скорее, ему никогда не суждено было стать полным. Два короля, которые после смерти Людовика II разделили королевство между собой, воображали, как мы видели, что они должны обеспечить себе победу, передав Реформацию римскому духовенству. Но единственным результатом преследований стало продвижение реформы. Многие евангельские христиане в то время покинули Венгрию и переехали в Виттенберг. "Огромное количество венгров, - сказал Лютер 7 мая 1528 года, - прибывают сюда отовсюду, изгнанные из владений Фердинанда; и поскольку Христос был беден, они подражают Ему в Его скромной бедности".^[552] Реформатор приветствовал их, утешал, наставлял и укреплял. 'Если сатана прибегает к жестокости, - сказал он одному из них, - то он играет свою роль; Священное Писание повсюду учит нас, что именно этого мы должны ожидать от него. Но ради себя будь храбрым человеком, молись и сражайся в духе и слове против него.'^[553] Могуществен тот, кто правит нами'. Лютер даже призвал к себе христиан Венгрии. Он написал Леонарду Байеру, который находился в штатах Фердинанда— 'Если тебя изгнали, приезжай сюда. Мы предлагаем тебе гостеприимство и все, что дает нам Христос'. Милосердие реформатора завоевало сердца сторонников Реформации. Эти люди, вернувшись на свою землю, стали многими миссионерами.

Матиас Биро Девей.

Вскоре после этого в Виттенберге появился человек, которому суждено было стать одним из величайших венгерских реформаторов. Однажды, в 1529 году, Лютера посетил молодой человек, который настолько полностью покорило его сердце, что он впустил его в свой дом и к своему столу; и во время своего пребывания в Виттенберге молодой мадьяр имел честь слушать благочестивые речи и остроумные рассуждения великого врача. Этот студент родился в Деве в Трансильвании, недалеко от берегов реки Марош, в водах которой находят золото. Город стоит на дороге в Темешвар, которая проходит мимо горных ущелий и Железных ворот, недалеко от руин Сармизегетузы, столицы древних даков, на местекоторой римляне впоследствии возвели Ульпию Траяну. Здесь в начале шестнадцатого века в знатной семье родился Матиас Биро Девай. Предполагается, что он был одним из учеников Гринейуса в Буде. В 1523 году он поступил в Краковский университет, куда поступил одновременно со своим другом Мартином Кальманским. Он оставался там около двух лет и был известен как искренний римский католик.

Девай вернулся из Кракова ближе к концу 1525 года и, став священником и монахом, показал себя ревностным другом папы римского. Тот, кто должен был сокрушить идола, в это время стоял перед ним на коленях. По-видимому, Евангелие просветило его разум во второй половине 1527 и первой половине 1528 года. Он принял веру во Христа Спасителя со всей откровенностью и энергией, свойственными его натуре. Католики, знавшие о его преданности римскому учению, были в ужасе. 'Он был римским священником!' сказали они, - и человеком, наиболее преданным нашей католической вере!' Девей чувствовал необходимость утвердиться в евангельской доктрине и подготовиться к ее защите. Поэтому он отправился в Виттенбург и 3 декабря 1529 года поступил туда в университет.

Пока Девай находился в Саксонии, Реформация добивалась больших успехов в Венгрии. Два короля ожидали разрушить его, но невидимая сила, более могущественная, чем придворная, широко распространила его; и исполнилось то старое евангельское изречение: *Сила Моя совершается в слабости*. Могущественный магнат Питер Переньи, принявший Евангелие годом ранее, вместе со своими сыновьями Франциском, Джорджем и Габриэлем выступил за учение Лютера. Сын Эмерика, бывшего палатина Венгрии, он только что стал вайводом Трансильвании и владел многочисленными замками в северной части королевства. Именно при дворе королевы Марии, во времена правления короля Людовика, он получил просвещение благодаря частым беседам, которые он вел с министрами Копачи и Сераем. Не довольствуясь тем, что позволил евангельскому учению распространяться в своих владениях, он лично приложил все усилия, чтобы обеспечить людей благочестивыми пастырями. Другие магнаты, в частности Лелани, Массали и Каспар Драгфи, были обращены в протестантизм учениями министров Оштора и Дерезки. Отец Драгфи в свое время был вайводом Трансильвании, и король Ладислав почтил своим присутствием его бракосочетание. Сын, теперь молодой человек двадцати двух лет, послал за евангельскими богословами в свои поместья; и Овар, Изенген, Эрдойл и многочисленные деревни были преобразованы их проповедью. Епископы напрасно угрожали этому молодому и убежденному христианину; его это нисколько не волновало, но он оказывал свою защиту всем тем, кто подвергался преследованиям за веру. Некоторые женщины также способствовали распространению Реформации. Вдова Питера Джарита, почитаемая женщина, питавшая самую горячую любовь к Евангелию, содержала проповедников в своих обширных поместьях, так что вся страна, лежащая между реками Марос и Кироос, благодаря ее влиянию была привлечена к исповеданию веры. Палатинский

Томас Надасди, Фрэнсис Ревей, Бебек, Подманицкие, Зобор, Баласса, Баторий, Понграц, Иллешази, Эстерхази, Зрины, Ньяри, Баттьяни, графы Сальм и Хоммона, а также многие другие дворяне и магнаты услышали Слово Божье как суверенный голос Церкви. Горожане сделали то же самое, и большее число городов приняли Реформацию.^[554]

Ослабление преследований.

Слух обо всех этих обращениях дошел до дворов двух принцев, которые в то время оспаривали корону. Они думали, что им лучше пощадить людей, на поддержку которых они были честолюбивы. Таким образом, преследования ослабли, и это пошло на пользу преобразованию Церкви. Свобода и истина достигли заметного прогресса. В Бартфельде доктор Исаяя проповедовал против римских традиций, призывал своих слушателей к Иисусу Христу и взбудоражил весь город. В Лейчау два евангелиста, Кириаки и Богнер, вернувшись из Виттенберга, провозгласили слово спасения; и ультрамонтанские церкви, несмотря на их благовония, изображения и помпезный церемониал, день ото дня пустели. Жители Херманштадта, невзирая на протесты против них, поднятые священниками и их приверженцами, быстро приняли меры для окончательного упразднения римских богослужений.

Римский двор, все более и более сбитый с толку, интриговал в Вене с целью привлечь на свою сторону Фердинанда. Папа написал знаменитому генералу Франсиско Франджипани, который был зачислен в члены ордена святого Франциска Ассизского и в связи с этим был особенно обязан повиноваться понтифику. Он умолял его всеми силами поддерживать католическую религию, которой сейчас так серьезно угрожает опасность. Монахи Германштадта,

раздраженные тем, что жестокий указ Фердинанда остался неисполненным, стремились поднять народ против своих противников, и беспорядки происходили часто. Магистрат согласился бы с тем, что каждый должен быть свободен служить Богу в соответствии со своей совестью; но преследования со стороны монахов, по-видимому, были укоренившейся и неисправимой необходимостью. Совет, отчаявшись просветить их, приказал им (8 февраля 1529 г.) под страхом смерти покинуть город в течение восьми дней, если только они не решат жить в соответствии с Евангелием. Монахи по-разному восприняли этот приказ. Некоторые из них сняли свои рясы, оделись как честные граждане и начали зарабатывать себе на хлеб. Другие покинули город. Через три дня в Херманштадте не было ни одного католика.^[555] Некоторые люди кричали, что совет Херманштадта растоптал свободу; другие отмечали, что предпринятым им курсом он подавил преступные интриги.

Свобода - это сила, которая иногда проходит через очень странные фазы, и история которой демонстрирует некоторые необычные черты. Так было в тот период в Венгрии. Двух королев-соперников, Фердинанда и Запольи, поддерживали два могущественных императора, один восточный, другой западный, Солиман и Карл Пятый. Это двоякое движение одновременно угрожало религиозной свободе в Венгрии и благоприятствовало ей. В 1529 году Фердинанд отправился в Шпиль, где император Карл Пятый созывал сейм; и, подчинившись диктату своего августейшего брата, отменил там эдикт, который он опубликовал в 1526 году в пользу свободы вероисповедания.^[556]

Но в то время как австрийский король, таким образом, утвердился в нетерпимости под влиянием католической Европы, венгерский король получил урок свободы от мусульманского императора. Солиман снова шел в Венгрию во главе ста пятидесяти тысяч человек; и, остановившись на знаменитом поле битвы при Мохаче, он принял там Заполью, который пришел выразить ему почтение. Он взял Буду 14 августа, освободил главнокомандующего евангелистов Надасди, которого его войска с позорным предательством бросили в пещеру, а затем двинулся на Гран, епископ которого в сопровождении восьмисот дворян верхом и стольких же пеших вышел ему навстречу и поцеловал руку. Затем, представ перед Веной, Великий султан вернулся в Буду и там утвердил Заполью королем Венгрии. Хотя он не был большим поклонником свободы совести, он выступал против угнетения протестантов, либо потому, что римская религия была религией императора, его врага, либо потому, что поклонение изображениям, которое было одной из наиболее заметных частей католической религии, было в его глазах нечестивым. Евангелие Христа пользовалось большей свободой в Константинополе, чем в Риме.

Исповедь Аугсбурга.

В великом 1530 году венгерская реформация получила новый импульс. Преданность и радость, с которыми протестантские князья исповедовали истину в Аугсбурге (25 июня) в присутствии императора, короля Фердинанда и нескольких венгерских вельмож — Николаса Дуранца, Вольфганга Франгепертпана, Франциска Уджлаки и других, — рассеяли все предрассудки. Эти дворяне по возвращении дали благоприятные отчеты о том, что они видели и слышали; и все, кто понимал латынь или немецкий — а таких в Венгрии было очень много, — могли прочитать замечательное Признание, которое заставило многие сердца радостно забиться. С этого времени число учеников Христа, желавших распространять Его свет, увеличилось. Славный инструмент Аугсбурга был подобен колоколу, далеко звучащий звук которого привлек в

Виттенбург, а значит, и к Евангелию, огромное количество студентов и даже ученых мужей, которые желали познакомиться в самом центре движений с великими преобразованиями, происходившими в христианском мире, и почерпнуть собственными руками из источника живой воды.

Завершенность Девай.

В год, последовавший за Исповедью, весной 1531 года, Девай вернулся в Венгрию. Он чувствовал себя обязанным опубликовать на своей родине великие факты и великие доктрины искупления, провозглашенные в Аугсбурге князьями и свободными городами Германии. Он внимательно следил за всеми сценами этой великой христианской драмы; в то же время он с симпатией относился к учению Меланхтона, чья мягкость, благоразумие, знания и даже тревоги наполняли его любовью и восхищением. Лишь позже прославленный друг Лютера проявил свою склонность к духовному истолкованию Вечери Господней; но зародыш уже был там. Девай и другие венгры с искренним интересом следили за этой тенденцией. Некоторые реформаторы, возможно, были непоследовательны; их доктрина не во всем соответствовала принципам, которые они исповедовали. Девай и другие прошли весь путь; они шли прямо по дороге. Девай был совершенным божеством. Он добился прогресса. Он не остановился на нескольких прекрасных фигурах на картине, на нескольких грандиозных частях здания; он увидел его целиком и обнял. Вместе с Меланхтоном он признавал духовность Вечери, а вместе с Лютером - верховенство благодати. Или, возможно, было бы более исторично и логично сказать, что вместе с Кальвином он верил и в то, и в другое: он был совершенным человеком *по преимуществу*, по крайней мере, насколько человек может быть таким. Более того, он был не просто отшельником, состоявшимся только за свой счет; он был учителем. С сильным желанием познать истину он сочетал в себе непоколебимый, решительный характер. Он ничего не боялся, он ни на что не надеялся от людей; его надежда и его страх были в Боге. Он считал, как впоследствии сделал Паскаль, что страх перед людьми - это *плохая политика*. В нем не было дрожи, он не колебался, как это делали некоторые, но шел вперед с бесстрашным сердцем и уверенным шагом. Есть некоторые богословы, которые отваживаются излагать истину только постепенно, и этого часто требует человеческое понимание. Сам солнечный свет продолжает усиливаться от рассвета до полудня. Но венгерский реформатор с самого начала провозгласил всю евангельскую истину, с открытым сердцем, полностью и смело. Он требовал полного преобразования жизни, полной реформы церкви; и он превозносил величие и уверенность в спасении, вестником которого он был. Известный своими богословскими достижениями, он в равной степени отличался решительностью характера и мужеством.

Девай, которого высоко ценили и рекомендовали, поселился в столице Венгрии. Как пастор в Буде, которая соединена мостом с Пешем, так что эти два города фактически являются одним целым, он вложил всю свою энергию в распространение там принципов Реформации своими выступлениями, писаниями и делами. Поскольку святые играли важную роль в религии страны, он показал в одной из своих работ ничтожность их призыва.^[557] Он сочинил пятьдесят два тезиса, в которых, опровергнув своих оппонентов, ясно изложил суть настоящей христианской реформации, или, как он обычно говорил, *зачатки спасения*.^[558] К сожалению, в то время к его услугам не было печатного станка, Венгрия сильно отставала в этом отношении. Поэтому он сделал множество копий своих трудов, как это делалось до изобретения Гутенберга. В то же время он проповедовал с силой. Он появлялся везде, где видел, что должно быть совершено

какое-либо завоевание. По его слову многие обратились к Евангелию, и среди них несколько выдающихся людей.

Девай был не одинок в своих усилиях по распространению христианской жизни в венгерской церкви. Энтони Трансильванус проповедовал Евангелие в Кашау и в прилегающих районах, Бэзил Радан - в Дебрецене, Эндрю Фишер и Бартоломью Богнер - в Ципсене, Майкл Сиклосы и Стивен Копачи - в комитате Земплина. Леонард Штокель и Лоуренс Кендель, которые учились в Виттенберге одновременно с Девеем, вскоре распространили евангельскую веру в других местах. Таким образом, Реформация довольно мирно, без большой борьбы или грандиозных зрелищ, совершила завоевание Венгрии. Евангелие не распространялось там с ревом потоков, как это было в тех местах, где выступали Лютер, Фарел и Нокс; но его воды текли ровно. Они не падали с гор стремительными потоками и пеной, но незаметно поднимались из-под земли. Это было завоевание без звона тарелок и труб, совершенное отважными разведчиками. Реформа часто начиналась с людей низшего звена. Какой-нибудь скромный евангелист провозглашал в маленьком городке слова о вечной жизни, и многие сердца с радостью принимали их.

Однако были исключения из спокойствия, о котором мы говорим, и жизнь величайшего реформатора этих стран представляет нам трагические ситуации, которых предостаточно в истории Реформации.

Девай недолго оставался в Буде. Он был призван в Кассовию (Кашау) в Верхней Венгрии, находившуюся тогда под властью Фердинанда, откуда он смог донести небесное учение до берегов Эрната и Ченерля, во весь комитат Абаужвар, в Эпериес на севере и в Уджхей на востоке. Повсюду он усердно трудился. Вскоре жители всем сердцем привязались не только к нему, но и к Слову Божьему. Дворяне одного из рыночных городков Земплинского комитата, впечатленные его мощными речами, покинули Римскую церковь и с верой приняли божественные обетования. Этот пример покориł жителей нескольких деревень по соседству. Эти многочисленные обращения вызвали гнев римского духовенства, и со всех сторон священники призывали к удалению такого опасного человека, как Девей. Томас Салахази, епископ Эгера (Эрлау), донес на него королю Фердинанду. Агенты этого принца тайно пробрались в места, где можно было найти простого, но могущественного реформатора, схватили его и увезли. Столь дерзкий поступок невозможно было скрыть. Весть об этом распространилась среди жителей города Кассовия, и люди, горячо привязанные к реформатору, подняли восстание. Но все было бесполезно. Орудия епископа утащили Девая в горы Липтауского комитата, но даже там они не сочли его в достаточной безопасности. Они боялись гор, лесов, ущелий; они не могли обойтись без тюрем, надзирателей и толстых стен. Поэтому они отвезли Девая в Пресбург, а оттуда в Вену; и здесь с ним обращались очень строго. Закованный в цепи, получавший скудное питание, подвергавшийся всевозможным лишениям, он жестоко страдал телом, и его душу часто переполняла печаль. Он задавался вопросом, удастся ли ему когда-нибудь вырваться из этих мрачных стен. Он искал Бога в глубине своей души, зная, что Он - единственный избавитель. Позже он часто рассказывал обо всех телесных и душевных страданиях, которым подвергся в венской тюрьме.

Джон Фабер, епископ епархии, образованный человек с выдающимися способностями, поначалу проявил большой интерес к трудам Лютера; но он счел диету слишком жесткой для слабых желудков людей. В 1521 году, будучи по уши в долгах и не имея ничего, что можно было бы заплатить, он отправился в Рим, чтобы спастись от своих кредиторов и обратиться за

помощью к папе; и чтобы добиться расположения, он сочинил сочинение против великого реформатора. Рим преобразил Фабера, и по возвращении в Германию он начал бороться против Реформации, не будучи, однако, полностью опровергнутым христианскими словами Лютера. В 1528 году он попытался привлечь на свою сторону Меланхтона, предложив ему в качестве платы за отступничествоположение при короле Фердинанде.^[559] В том же году он внес свой вклад в возведение костра, на котором был сожжен Хубмейер. Фабер был проректором Буды, а в 1530 году он был назначен епископом Вены. Он попросил Девея предстать перед ним. Епископа окружало множество духовных лиц, а секретарь или нотариус, сидевший за столом, записывал все в письменном виде. Венгерский реформатор не позволил запугать себя своим судьям и не ослабил себя желанием положить конец своим страданиям. Он говорил не только как культурный и образованный человек, но еще больше как христианин, полный решимости и мужества. Он безоговорочно излагал евангельскую истину. "Вы обвиняетесь, — сказал Фабер, - в утверждении, что после произнесения слов "Это мое тело, это моя кровь" субстанция хлеба и вина все еще существует". "Я самым ясным образом объяснил," ответил Девей, " истинную природу таинств, их характер и применение. Это знаки благодати и благоволения Божьего к нам; таким образом, они утешают нас в наших испытаниях; они подтверждают, укрепляют и укрепляют нашу веру в Божье обетование. Служение Слова Божьего и таинств - это одно и то же. Последние не являются просто пустыми и бесплодными знаками; они действительно приносят благодать, которую они обозначают, но, тем не менее, приносят пользу только тем, кто принимает их с верой, духовно и сакраментально".^[560] Ясно, что духовный элемент преобладал в теологии Девея и что он уже почти придерживался того же мнения, что и богословы реформированной Швейцарии. Он изложил всю свою веру с таким явным благочестием, что суд не счел себя вправе осудить его. Поэтому он был отпущен на свободу.^[561]

Девай В Буде.

Теперь Девай отправился в Будуу, где он впервые осуществлял свое служение и которая теперь подчинялась Джону Заполье, сопернику Фердинанда Австрийского. Заполье, капризный и деспотичный принц, был в это время в очень дурном расположении духа.^[562] У него была любимая лошадь, которую кузнец по неумению уколол за живое, подковывая ее. Король в припадке ярости приказал бросить кузнеца в тюрьму и поклялся, что если животное умрет от полученной раны, то человек, уколотивший его, тоже умрет. Услышав, что проповедник, которого священники заклеили как великого еретика, прибыл в его столицу, он немедленно выплеснул на него свой язвительный юмор. Богослов или кузнец-сапожник, для него было все равно, когда однажды он был недоволен. Девай был схвачен и заключен в одну тюрьму с ремесленником. Так реформатор выбрался из пропасти только для того, чтобы разбиться о скалу; он упал с Харибды на Сциллу. Он ожидал смерти, но у него была чистая совесть; и, поскольку его рвение возрастало в предвкушении вечности, он горячо желал завоевать несколько душ для Бога, прежде чем предстать перед Ним. Поэтому он вступил в разговор со своим несчастным товарищем по плену; и, найдя его меланхоличным и встревоженным, он сделал то, что Павел сделал в тюрьме в Филиппах для тюремщика, дрожавшего от землетрясения, — он умолял его принять Иисуса Христа как своего Спасителя, заверяя его, что одного этого достаточно, чтобы дать ему вечную жизнь. Кузнец поверил, и великий покой сменил охватившее его отчаяние. Это была великая радость для верного евангелиста. Конь поправился, и король, успокоенный, отдал приказ освободить своего кузнеца из тюрьмы. Когда тюремщик пришел сообщить эту новость мужчине, последний, к великому удивлению своего надзирателя, отказался от предложенной ему услуги. "Я причастен, - сказал он, - к вере, за которую мой товарищ должен умереть. Я умру

вместе с ним". Эта благородная речь была доведена до сведения Запольи, который, хотя и капризничал, все же был чувствующим человеком: и он был так сильно тронут, что приказал отпустить обоих пленников на свободу. Это второе заточение Девая длилось до 1534 года.

Девай вышел из тюрьмы ослабленным и сломленным, но всегда благочестивым и стремящимся посвятить свои дни служению Тому, кто есть истина и жизнь. Венгерский магнат, граф Надашди, богатый и образованный человек, который открыто и активно защищал Реформацию и который за большие деньги основал школу с целью содействия развитию литературы,^[563] один из меценатов шестнадцатого века, считал, что реформатор после судебных процессов и двух суровых тюремных заключений нуждается в покое и спокойных занятиях вместо рукопашной схватки со своими противниками. В своем замке Сарвар у Надасди была очень прекрасная библиотека. Он пригласил Девая поселиться там и рассказать об исследованиях, которыми он мог бы заняться для распространения евангельских знаний. Реформатор принял это благородное гостеприимство, и Сарвар стал для него тем, чем был дом Дю Тийе в Ангулеме для Кальвина после его побега от преступного наместника Парижа, и чем был Вартбург для Лютера. Было, однако, то отличие, что Девей уже пережил несколько лет строгого заключения, чего не было ни с Лютером, ни с Кальвином. Он немедленно приступил к работе, изучил и сочинил несколько полемических пьес. Он сбежал от солдат и тюремщиков только для того, чтобы сразиться с противниками другого рода.

Вся жизнь евангелиста - это одна непрерывная борьба; и есть ли более славный конфликт, чем конфликт истины с заблуждением? Чтобы ответить Девею, появился защитник, достойный Рима. Грегори Сегеди, доктор Сорбонны и провинциал ордена францисканцев в Венгрии, ознакомившись с первыми рукописными работами Девая, заявил, что берется их опровергнуть. Он сдержал свое слово и опубликовал в Вене трактат, в котором оспаривал тезисы *оначалах спасения*.^[564] Это была первая работа, опубликованная венгром против Реформации. Девай приложил все усилия, чтобы ответить на нее, и его работа была завершена в течение 1536 года.

В этот период города, поселки, целые приходы и даже некоторые представители высшего духовенства приняли евангельское учение. Но в то же время Салахази, епископ Эгера, приказал бросить в тюрьму Антония, пастора Эпериеса, и Варфоломея, капеллана капитула, а король Фердинанд приказал евангелической церкви Бартфельда отменить все нововведения под страхом конфискации и смертной казни.^[565]

Встреча в Виттенберге.

Тем временем труды Девая оставались в рукописи, и он обдумывал, где бы ему их напечатать. Сегеди опубликовал его в Вене, но Девей не имел ни малейшего желания возвращаться туда. Он решил отправиться на поиски издателя в Саксонию и отправился в путь в конце 1536 года. В Нюрнберге он заболел, и там его лечил Дитрих Файт, его бывший друг по Виттенбергу, которого Меланхтон называл *suus summus amicus*. После выздоровления он прибыл в Виттенберг и проживал там, насколько представляется, в доме Меланхтона,^[566] с апреля по октябрь 1537 года. Эти двое мужчин стали близкими друзьями; они были как братья. 'Как приятно мне его общество, - сказал друг Лютера, говоря о Девее. 'Как велика его вера и сколько в нем благоразумия, знаний и набожности!' Он был не единственным венгром, который был привязан к мастеру Филиппу. Поскольку большинство венгров, приехавших в Виттенбург, не знали немецкого языка, Меланхтон проповедовал для них на латыни,^[567] что сделало их более знакомыми с образом мыслей этого божества. Более того, еще до первого возвращения Девая в

Венгрию доктрина Цвинглиуса была там известна и принята. Еще в 1530 году Лютер жаловался, что так было с одним из пасторов Херманштадта. Тем не менее, Девей был в братских отношениях не только с Лютером, но и со всеми евангелистами. Он рассказал им о ходе Реформации в Венгрии; он искал все, что могло бы сделать его более компетентным в ее продвижении; и он на собственном опыте убедился, насколько общение с верующими укрепляет сердце и позволяет человеку доблестно сражаться.

Девей не печатал свою рукопись ни в Виттенберге, ни в каком-либо другом городе Германии. Испытывал ли он какие-либо трудности при этом? Мы не знаем.

Когда ему пришло время уезжать, он попросил хозяина написать своему покровителю графу Надасди. Письмо от учителя Германии не могло не быть высоко оценено венгерским магнатом. Меланхтон написал письмо и умолял графа сделать все, что в его силах, чтобы в церквях преподавали с большей чистотой; и, желая видеть преподавание и литературу под защитой влиятельных людей, он сказал: "В прежние времена греки ассоциировали Геркулеса с Музами и называли его их главой.^[568] Каждый знает, что вы, паннонцы (венгры), потомки Геркулеса. На этом основании защита таких исследований должна быть в глазах Вашего Высочества домашней и национальной добродетелью". Письмо датировано 7 октября и отправлено из Лейпцига, куда Меланхтон, возможно, сопровождал своего друга.

Поединок в Базеле.

Девай не поехал из Виттенберга прямо в Венгрию, хотя его туда с нетерпением звали. Он отправился в Базель. Его привлекло в этот швейцарский город отчасти желание познакомиться с богословами страны, отчасти знаменитые печатники города, опубликовавшие так много евангелических книг, а отчасти также присутствие там Гринейуса, с которым он, вероятно, переписывался. Рукописи, которые он взял с собой, состояли из трех разных работ. В первом говорилось "об основных положениях христианского учения"; во втором - 'о состоянии душ блаженных после этой жизни до дня страшного суда'; и в третьем - 'об допросе, которому он был подвергнут Фабером в тюрьме'. Книга появилась осенью 1537 года с такой надписью— 'Учитель, по твоему слову я закину сеть'.^[569] После этой публикации Девай покинул Базель.

По прибытии в Венгрию он немедленно отправился к графу, которому должен был передать письмо реформатора. Джон Сильвестр, которого Меланхтон называл настоящим ученым, возглавлял школу в Уй-Сигете, близ Сарвара, основанную Надасди. Этот дворянин был сокровищем для Венгрии. Богатый человек, благочестивый христианин, он получал удовольствие от поощрения литературы и искусств и раздавал награды и знаки своего уважения тем, кто их развивал; но превыше всего он имел в виду продвижение царства Божьего. Он понял, что Девай и Сильвестр были людьми самого отборного сорта, и ассоциировал их с собой. Все трое были убеждены, что школы и хорошие книги необходимы для образования народа, для начала Реформации в Венгрии, для улучшения нравов и обеспечения процветания страны. Девай попросил у графа типографию, и эта просьба была немедленно удовлетворена. Здание было построено рядом со школой и стало первым в Венгрии. Девай сразу же начал составлять элементарную книгу для изучения венгерского языка (*Orthographia ungarica*). Он приложил все усилия, чтобы сделать его полезным не только как грамматику, но и как средство христианского воспитания. В нем он одновременно обучал азам языка и основам Евангелия, помня слово Учителя — *Позволь маленьким детям приходить ко мне*. Эти три христианина считали, что важно начать работу по восстановлению человека в его детстве, не просто помогать природе,

но преобразовывать ее и приводить в то новое состояние праведности, которое находится в конфликте с изначальной природой, с целью формирования в нем Христа. Они верили, как сказал г-н де Сен-Марта, что в детях заложена естественная серьезность, которая яростно влечет их ко злу; что поэтому мы должны всегда быть настороже, чтобы враг не проник в их сердце, как в безлюдное место, и не сделал там все, что ему заблагорассудится. Также необходимо, чтобы верный опекун был осторожен и убирал с их глаз и ног все, что может стать для них поводом к падению. Девей добавил в свою книгу несколько молитв на венгерском, предназначенных для детей, для которых он подготовил небольшой катехизис Лютера. Этот том был первым, напечатанным на языке страны. Она выдержала множество изданий.

Но Девей не пренебрегал активной евангелизацией. Местом его трудов были, в частности, владения Надасди и комитаты Айзенбург, Вестприм и Рааб, недалеко от границ Австрии, между правым берегом Дуная и озером Балатон (Платтензее). Этому апостолу часто встречали в его путешествиях по дорогам на берегах озера Балатон и на берегах девяти впадающих в него рек. Он проповедовал Евангелие в сельских домах, в замках и на открытом воздухе. Он призвал всех, кто слышал его, прийти ко Христу, и заявил, что Спаситель не отвергал никого, кто приходил таким образом. Если он встречался с кем-либо, кто, хотя и верил, все еще испытывал беспокойство, он, не колеблясь, успокаивал их, объявляя им об избрании благодати. Он сказал им, что если они пришли к Богу, то только потому, что Он избрал их, и что Добрый Пастырь до конца сохраняет в своем стаде овец, которых он привел туда.

Заговор прелатов.

Пока Девай трудился к югу от Дуная, Верхняя Венгрия не была оставлена без внимания. Стефан Шантай, выдающийся человек и ревностный христианин, в то время энергично проповедовал там. Он был полон веры и хорошим диалектиком, преисполненным преданности и энтузиазма в деле Господнем. Прелаты, которые ранее заключили Девай в тюрьму, решили сделать то же самое с Шантай. Был сформирован клерикальный заговор. Епископы Джордж Фратер, Статилиус и Франджипани, поддерживаемые главами некоторых монашеских орденов, умоляли Фердинанда схватить евангелиста и предать смерти. Статилий, епископ Штульвайссенбурга, расположенного недалеко от обширного леса Баконье, пользовался репутацией мастера в искусстве преследования. Незадолго до этого он приказал арестовать евангелического служителя, избил его розгами, а когда люди, которым было поручено это служение, представили жертву полумертвым, печально известный прелат бросил его собакам, чтобы разделаться с ним. Франджипани, в прошлом военный, действительно сложил шпагу и надел сюртук; но он сохранил солдатские манеры и придерживался принципа, что от бизнеса и людей нужно избавляться быстро и без деликатных соображений. Он управлял своими слугами с гордостью и суровостью и, как сказано, отдавал свои приказы с помощью жезла. Это был человек, который взял на себя смелость добиться от короля смерти Шантая. Он не сомневался, что король позволит вести себя так же, как его слуги. Но в сознании Фердинанда произошли некоторые весьма примечательные изменения. Аугсбургское исповедание произвело на него менее неблагоприятное впечатление об учении Лютера. Его духовник, испанец, находясь на смертном одре, признал ему, что тот не наставил его на правильный путь и что Лютер до сих пор не учил ничему, кроме истины. Похоже, что все дети Джоанны Кастильской были похожи на свою мать в том, что она проявляла некоторое уважение к истине, в то время как они были похожи на свою бабушку, прославленную Изабеллу, в подчинении священникам. Таким образом, король Фердинанд теперь был менее враждебен к реформаторам. Тем не менее, он

был далек от решения, и Рим не утратил в его случае влияния, которое она умела оказывать на князей. У него не было ничего, кроме мимолетных проблесков света, которые духовенство называло капризами; иногда он колебался, но всегда возвращался на сторону папы. Иногда на него смотрели как на друга протестантов, а иногда как на их врага.

Как бы то ни было, на этот раз Фердинанд не уступил требованию священников; но он назначил (1538 г.) проведение религиозной конференции в Шассбурге между священниками и Шантай. Недоумение епископов было равносильно их изумлению. Король не только отказался осудить Стефана без слушания, но и приказал им вступить с ним в дискуссию. Сознавая свою некомпетентность, они несколько не беспокоились по этому поводу и начали искать хорошего католика, который смог бы справиться с человеком, которого они называли *еретиком*.

Среди францисканцев был монах, прославившийся своими подвигами в богословских спорах, некий отец Григорий. Теперь его вызвали в Шассбург, и он отправился туда в сопровождении других монахов. В качестве судей Фердинанд выбрал доктора Адриана, епископального викария Штульвайссенбурга, и Мартина де Кальманса, ректора местной школы. Эти люди, по мнению короля, не могли не быть, учитывая их личные качества, беспристрастными судьями; и он сказал им: "Я призываю вас вести все дело таким образом, чтобы истина ни в коем случае не пострадала". ^[570]

Шассбургская конференция.

Начался диспут. Римские католики и протестанты собрались со всех сторон. Стефан Шантай изложил евангельскую доктрину и подкрепил ее вескими доказательствами. Умный францисканец не смог опровергнуть их, и монахи, видя это, заменили криками и большим волнением аргументы, которых не хватало их коллеге. Мирянин Джон Рехенц, ученый доктор медицины, возмущенный таким странным методом аргументации, резко упрекнул монахов и назвал их шумиху уловкой, неподобающей столь серьезному обсуждению; и, взяв на вооружение ответы, сделанные Григорием, он показал их бесполезность. Шантай, в свою очередь, снова заговорил и произвел на своих слушателей глубокое впечатление, что дело, которое он защищал, было делом истины. Диспут длился еще несколько дней, в течение которых доктрина Реформации вместо того, чтобы сдать позиции, только укрепилась.

Обсуждение было закончено, Адриан и де Кальманс должны были вынести решение. С этой целью они отправились к королю. Они были серьезно смущены и, не испытывая нерешительности, оказались в большом затруднении. 'Сир, - сказали они, - все, что утверждал Шантай, основано на Священном Писании, и он продемонстрировал его истинность; но монахи произносили только слова, не имеющие смысла. Тем не менее, если мы публично заявим об этом, нас повсюду будут порицать как врагов религии, и тогда мы разорены. Если бы, с другой стороны, мы осудили Шантай, мы действовали бы против нашей собственной совести, и мы не смогли бы избежать суда Божьего. По этой причине мы умоляем Ваше величество разработать какой-нибудь план, который предоставит нам способ избежать этой двойной опасности'. Король понимал всю сложность их положения и пообещал сделать для них все, что в его силах.

Это было утром. Фердинанд был смущен почти так же сильно, как и оба судьи. Напрасно он размышлял над этим сложным делом; он не нашел решения. Он признавал, что протестанты имели право на защиту своей религиозной свободы; и он чувствовал, что опасно раздражать

столь значительное число его подданных. Но что сказали бы Рим и духовенство, если бы он объявил Шантай амнистию?

Около трех часов дня ему сообщили, что несколько епископов, прелатов и монахов желают поговорить с ним. Встревоженные своим поражением, они хотели оказать давление на разум принца. 'Сир,' сказал епископ Гроссвардинский, 'мы пастыри Церкви, и мы обязаны заботиться о нашей пастве. По этой причине мы потребовали, чтобы этот еретик был схвачен и осужден, чтобы те, кто подобен ему, встревоженные его примером, перестали говорить и писать против римского учения. Но ваше Величество сделали прямо противоположное тому, о чем мы просили; вы даровали религиозную конференцию этому несчастному человеку, который таким образом получил возможность склонить многих принять его яд. Несомненно, Святой Отец будет недоволен этим. В обсуждении нет необходимости. Церковь уже давно осудила этих разбойников-еретиков, и их приговор написан у них на лбах'.

Фердинанд ответил— 'Ни один человек не погибнет, если он не будет осужден за преступление, достойное смертной казни'. 'Как? - воскликнул епископ Статилий. - Разве недостаточно того, что он раздает чашу мирянам, в то время как Христос учредил ее только для священников, и того, что он называет святую мессу изобретением дьявола? Подобные утверждения заслуживают смерти.' 'Считаете ли вы, епископ,' сказал король, - что греческая церковь - истинная Церковь?' 'Верю, сир'. 'Что ж, - ответил Фердинанд, - греки принимают вечерю в обоих видах, как их учили святые епископы Златоуст, Кирилл и другие. Почему бы нам не сделать то же самое? У них нет мессы, поэтому мы можем обойтись без нее'. Епископы промолчали. 'Я не принимаю сторону Шантая,' добавил принц, - но я хочу, чтобы дело было рассмотрено; король не должен наказывать невинного человека'. 'Если ваше величество не поддержит нас, - сказал епископ Гроссвардинский, - мы поищем какой-нибудь другой способ избавиться от этого стервятника'.

Смущение Фердинанда.

Епископы удалились, но Фердинанд окружил себя такими же страстными людьми, как и они сами, которые были настроены на уничтожение реформатора. В девять часов вечера того же дня король, находясь в состоянии тревоги, обсуждал эти вопросы с двумя своими магнатами, Фрэнсисом Банфи и Джоном Кассаи, когда бургомистр Кашау попросил у него аудиенции и вошел к нему в сопровождении Шантай. Король, немедленно обратившись к реформатору, спросил: "Что же тогда вы проповедуете?" 'Милостивый государь, - ответил министр, - это не новая доктрина. Это заповедь пророков, апостолов и Господа нашего Иисуса Христа; и всякий, кто желает спасения своей души, должен принять это с радостью'. Король несколько секунд молчал, а затем, не в силах больше сдерживаться, воскликнул— 'О, мой дорогой Стивен, если мы будем следовать этому учению, я очень боюсь, что какое-то великое зло постигнет и тебя, и меня. Давайте поручим это дело Богу; Он обратит его к добру. Но не медлите, мой друг, в моих состояниях. Магнаты предадут тебя смерти, и если бы я попытался защитить тебя, я сам подвергся бы многим опасностям. Иди, продай все, что у тебя есть, и отправляйся в Трансильванию, где ты сможешь свободно исповедовать свое учение'. Слабый Фердинанд наполовину поддавался фанатизму священников. Он видел, что было хорошо, и не осмеливался этого делать. Он сделал подарок Шантаю на покрытие расходов своего путешествия; а затем сказал бургомистру Кашау и другому христианину-евангелисту Кристоферу Девесу, которые сопровождали его— 'Заберите его тайно ночью, отведите к его собственному народу и

защите его от любой опасности'. Трое друзей ушли, и Фердинанд остался один, встревоженный и *неуравновешенный во всех своих поступках*.

ГЛАВА IV.

ПРОГРЕСС ЕВАНГЕЛИЗАЦИИ И ШВЕЙЦАРСКОЙ РЕФОРМАЦИИ В ВЕНГРИИ. (1538-1545 гг.)

Конференция в Шассбурге и освобождение Шантая, положившие конец преследованиям в странах, подвластных Фердинанду, имели результаты, еще более заметные в штатах Заполья. Впечатление, произведенное этими событиями, было настолько сильным, что многие приходы и города заявили о необходимости реформы. Характерным был способ ее проведения в Венгрии. В ней, как мы уже говорили, был почти незаметный прогресс. Пасторы постепенно стали проповедовать в манере, более соответствующей Евангелию. Незаметно для себя они изменили обряды и обычаи, и их приходы последовали им. Действительно, в некоторых случаях паства делала первые шаги вперед; но обычно они терпеливо ждали смерти своего старого католического священника, а затем выбирали вместо него евангелического служителя. Не было ни жестоких революций, ни гневных расколов. Приходы *в массовом порядке* принимали евангелическое исповедание и сохраняли свои церкви, свои школы, свои приходские дома и свою собственность. Любовь к порядку и миру зашла, пожалуй, слишком далеко. Лютеранские пасторы поддерживали свои привычные отношения с католическими епископами. Они платили им взносы, как и прежде, и были защищены ими в своих правах и свободах, при условии только, что они не переходили в ряды цвинглианцев или кальвинистов. Это был золотой век, говорит венгерский историк. Нам кажется, что это была скорее эпоха, в которой, как и в статуе Даниила, наблюдалась странная смесь золота, серебра, железа, меди и глины.^[571]

Цвинглианские взгляды в Венгрии.

Это упоминание о цвинглианцах примечательно. Оно открывает нам, если можно так выразиться, обратную сторону медали, темную сторону картины. Если евангельская истина продвигалась в Венгрии, то, тем не менее, там были смуты и разделения различного рода. Доктрины Цвинглиуса рано проникли в страну. Фердинанд упомянул их одновременно с лютеранскими доктринами в своем эдикте о преследованиях 1527 года. Поэтому в то время они были распространены за границей и насчитывали среди своих приверженцев некоторых представителей высших классов. В 1532 году Питер Переньи, первый граф (*грядет супремус*) комитата Абаужвар, построил первую церковь для учеников Цвинглиуса в Патаке, между Токаем и Уджхели. Такое положение вещей, соответствующее принципам религиозной свободы и, следовательно, справедливое, имело, тем не менее, пагубные последствия. Противоречивые взгляды Лютера и Цвинглиуса на Вечерю Господню беспокоили некоторых людей, и больше всего тех, кто наиболее ревностно искал истину. Одним из них был Фрэнсис Рева, граф Туроц, венгерский дворянин с высокообразованным умом, который внимательно изучал теологию Священных Писаний и принял лютеранский подход к Вечере Господней. Труды Цвинглиуса выбили его из колеи. Не чувствуя больше покоя, но испытывая сильную тревогу по поводу того, во что ему следует верить, Рива решил написать Лютеру. Он изложил ему свои сомнения в длинном письме и умолял его развеять их. Лютер, который в то время был очень занят, ответил

кратко. Он призвал его оставаться непоколебимым в вере, какую он принял, призвал его помнить о всемогуществе Бога, чтобы положить конец его сомнениям относительно тайны Вечери, и добавил: "Ни одного догмата веры у нас не осталось бы, если бы мы все подвергали суду нашего собственного разума".^[572]

Политические разногласия.

Расколы другого рода, которым суждено было иметь гораздо более серьезные последствия для общественного спокойствия, поразили Венгрию. Члены одной общины, сыновья одной земли, венгры оказались разделенными на две враждебные партии из-за честолюбия двух королей, которые поделили королевство между собой. Часто проводились совещания с целью положить конец такому положению вещей, но принцы-соперники смотрели на них отнюдь не дружелюбно. Наконец, собрание, состоявшееся в Кенеше на озере Балатон, согласовало план, призванный залечить раны общей страны. Чувства людей были успокоены, и два короля заключили в Гроссвардине соглашение, в соответствии с которым каждый из них должен был сохранить свои титулы и владения; но после смерти Запольи вся Венгрия должна была воссоединиться под скипетром Фердинанда, даже если его соперник оставит наследника. Это произошло в 1538 году, и в то время у Запольи не было ни жены, ни детей. Сожалел ли он об этом? Было ли у него желание увековечить в своей собственной семье скипетр части Венгрии? Как бы то ни было, в 1539 году он женился на Изабелле, дочери короля Польши; а в 1541 году, когда он лежал тяжело больной на смертном одре, ему сообщили, что у него родился сын. Обрадованный этой новостью, он послал за епископом Гроссвардина Джорджем Мартинуцци, далматинцем, который был одновременно воином, монахом, дипломатом и прелатом, Петром Петровичем и Йоруком де Энгедом. Епископ, догадавшись о тайных желаниях принца, подбил его нарушить соглашение, заключенное с Фердинандом. Заполья назначил этих трех человек опекунами своего сына и добавил: "Позаботьтесь о том, чтобы не отдать мои состояния Фердинанду", что является огромным наследием для новорожденного ребенка. Королева Изабелла воспользовалась каким-то предлогом для нарушения договора, провозгласила своего сына Иоанна Сигизмунда королем Венгрии и, чувствуя себя неспособной противостоять власти Фердинанда, отдалась вместе с юным принцем под защиту султана. Так была растоптана честолюбием этой новой династии верность договорам и клятвам. Ее нечестность была очевидна.^[573]

Этот шаг, как и следовало ожидать, стал сигналом к большим катастрофам. Турецкая армия, которая должна была обеспечить корону сыну Запольи, вторглась в Венгрию с такой силой, что Фердинанд не смог ей противостоять. Теперь страна была ввергнута в бедственное положение; евангелической религии пришлось сильно пострадать; у нее отняли ее самые полезные институты и самые почитаемые опоры. Школа и типография, основанные графом Надасди в Ужигете, были разрушены. Девай и его друзья были вынуждены поспешно бежать, и многие из них нашли убежище в Виттенберге. Девай был в большом горе. Он постоянно представлял себе варварство мусульман, несущих повсюду огонь и проливающих кровь своих сограждан и друзей. Разрушение скромных институтов, которые он основал и от которых он ожидал столько хорошего для своей страны, разбило его сердце. Даже тюремное заключение, которому он подвергся в Вене и Венгрии, причинило ему меньше горя, поскольку мусульманская чума тогда не опустошала его родную землю. Изгнанник, страдающий и пребывающий в глубокой нужде, он не видел перед собой возможности вернуться в сферу деятельности, которая была ему так дорога. Он излил свою скорбь в объятиях своего друга Меланхтона, который проявлял самый

живой интерес к великим несчастьям мадьяр. Этим двум друзьям пришла в голову одна мысль. Маркграф Георг Бранденбургский был одним из опекунов и наместников молодого короля Венгрии Людовика II, который пал при Мохаче. Он оставался другом венгров; у него были поместья в этой стране, и он способствовал распространению там Реформации. Девей и Меланхтон размышляли, не окажется ли он тем человеком, который вновь откроет для Девея двери своей родной страны. Впоследствии Меланхтон написал (28 декабря 1541 г.) Себастьяну Хеллеру, канцлеру маркграфа. 'Сейчас с нами несколько венгров,' сказал он, 'которых жестокость их врагов изгнала из их страны. Матиас Девей, честный, серьезный и образованный человек, входит в их число. Я полагаю, что он известен вашему светлейшему принцу. На этом основании он умоляет в эти трудные времена о помощи маркграфа. Я молю вас поддержать святое дело благочестивого и образованного изгнанника. Он уже подвергся множеству опасностей со стороны своих соотечественников из-за своей благочестивой проповеди.' Не похоже, чтобы маркграф был в состоянии добиться возвращения Девея в Венгрию; но, возможно, он оказал ему некоторую помощь. Девей, обнаружив, что двери его страны закрыты для него, отправился в Швейцарию, которая особенно привлекала его, на самом деле, не столько красотой тамошней природы, сколько благочестивыми и образованными людьми, а также простой, основанной на Писании и духовной религией, с которой, как он знал, он встретится у подножия Альп.^[574]

Между тем Венгрия находилась в самом плачевном состоянии. Мало того, что страна была полна бедствий и беспорядков, но вдобавок к этому иностранный король, водрузивший полумесяц над древней землей, на которой был установлен крест, был повелителем этого героического народа. Но мы не можем не видеть, что здесь еще раз была осознана истина о том, что Бог часто продолжает свою работу света и мира посреди неразберихи государств и разногласий наций. Постепенно первая ярость последователей ислама улеглась; и поскольку их действительно очень мало заботили разногласия христиан, они были склонны предоставить им полную свободу отстаивать свои противоречивые доктрины. Что больше всего потрясло их на земле, по которой они ступали, так это изображения и поклонение, предлагаемое им приверженцами Рима.

Ход реформы.

Благодаря беспристрастности мусульман Евангелие распространилось от берегов Тайсы до Трансильвании и Валахии, о чем свидетельствует письмо, адресованное Меланхтону.^[575] Незадолго до мусульманского вторжения Сильвестр опубликовал в Ужигете свой перевод Нового Завета, предназначенный для всего народа Венгрии. Когда первая буря миновала, эта драгоценная книга начала распространяться среди людей. Вскоре благочестивые христиане попытались благовествовать стране. Многие венгры, отчасти из-за преследований, отчасти ради отдыха от своих тяжелых трудов и чтобы утешиться в своих страданиях, отправились освежиться и укрепиться в Виттенберге, а затем вернулись к новым сражениям. Виттенберг с Лютером и многими другими христианами, полными живой веры, был для этих посетителей оазисом в пустыне. Среди тех, кто решил укрыться под этими прохладными тенями и у этих чистых фонтанов, были Стефан Копачи, Каспар Хелтус, Эмерик Озорэс, Грегори Висалманн, Бенедикт Абадиус и Мартин де Кальманс (последние четверо впоследствии присоединились к доктринам Кальвина). За ними последовали многие другие. Происходили постоянные уходы и прихода. По мере того, как мусульманские опустошения стихали, христиане снова воспряли духом и активизировали свои усилия по восстановлению дома Божьего. Венгрия была похожа

на муравейник, где все были в движении и за работой. Там Бог сотворил для Себя сыновей, которые, движимые Его Духом, с неослабевающей серьезностью приступили к выполнению работы Господа.^[576]

Даже в тех округах, которые из-за своей близости к Австрии в большей степени подчинялись власти духовенства, Евангелие также продвигалось вперед. Некоторое время борьба между двумя доктринами в Раабе была очень острой. Евангелисты в этом городе остались без пасторов, и военный префект, благосклонно настроенный к Реформации, дал им одного. В Штульвайссенбурге католики осаждают городское правосудие своими мольбами. ‘Запретите,’ говорили они, ‘проповедь Евангелия и раздачу Ужина в обоих видах и посадите в тюрьму служителей и причастников’. Судья, праведный и богобоязненный человек, твердо ответил— ‘В этом вопросе я буду повиноваться Богу, а не людям; во всем остальном я буду выполнять свои функции’. Этот человек был солдатом, который знал командира, которому он должен прежде всего повиноваться.^[577]

Однако Римской церкви грозило крушение главным образом в Верхней Венгрии и Трансильвании. Влияние Шассбургской конференции там все еще было очень сильным. Многие жители этих стран, до сих пор не обращавшие внимания на работу реформации и даже полные предубеждений относительно нее, начали серьезно размышлять об этом великом духовном движении, сотрясавшем народы, и обратились к чтению древних Писаний Божьих, в которых они распознали действующие принципы преобразования, свидетелями которого они были. Целые приходы, увлеченные силой истины и благородным примером храбрых людей, пожертвовавших всем ради дела Божьего, открыто высказывались за Реформацию. В Бартфельде Майкл Радашин проповедовал Евангелие с такой силой, что, казалось, вся мощь Рима была уничтожена там. В Трансильвании многие города последовали примеру Херманштадта. Большое число жителей Медиаша и Кронштадта, расположенных на восточной оконечности страны, и многих других городов заявили, что они полны решимости верить только Джону Хонтеру. | чему учит Слово Божье. Главным орудием Божиим в этих округах был Джон Хонтер. После учебы в Кракове и Базеле он вернулся на родину, богатый знаниями, укрепленный верой и воспламененный рвением. Он основал там типографию, которая была первой в Трансильвании, как типография в Уй-Сигете была первой в Венгрии, и издал множество школьных учебников и евангелических книг. Это было незадолго до того, как вся южная Трансильвания, страна саксов, перешла в руки Реформации. Сам Хонтер позже опубликовал рассказ об этих завоеваниях.^[578] Однако в этих округах работа, по-видимому, проводилась менее основательно, чем в других. Трансильвания была одной из немногих стран Реформации, в которые социнианство проникло еще в XVI веке.

Готовились более солидные и завершенные завоевания. Девей, как мы уже говорили, отправился в Швейцарию. Он видел там лучших людей гельветической реформации и присоединился к принципам, которые они исповедовали, к которым его ранее привлекали общение с Меланхтоном, собственное изучение Священного Писания и размышления в венских тюрьмах. Это была уже не довольно поверхностная теория Цвинглиуса, а более духовное и глубокое учение Кальвина, с которым он в основном соприкасался. Когда он узнал, что беспорядкам, вызванным мусульманским вторжением, пришел конец и что в Венгрии снова можно трудиться, чтобы привлекать души к Евангелию, он вернулся домой. Он не появлялся там ни в каком сектантском духе. Распятый Христос, мудрость Божья и сила Божья, а также новое рождение под действием Святого Духа всегда составляли основу его учения. Но, стремясь к

тесному единению со Христом, он сказал: *Если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить Его крови, не будете иметь в себе жизни*; однако, добавив, как это сделал Спаситель, — *Оживляет Дух, плоти нет никакой пользы*. В Эперисе и других городах в горах было несколько венгерских священников, учеников Лютера, которые были поражены, услышав, что этот человек, который, как и они, имел своим учителем виттенбергского реформатора, говорил как Кальвин. Этим людям было очень больно видеть, что их соотечественник не согласен с великим врачом, которого они так долго почитали. Однако они могли бы порадоваться тому факту, что Девей заявил, что *плоть Христа воистину есть мясо, а Его кровь - воистину питье*. Истинное учение Лютера и реальное учение Кальвина о Вечере Господней достаточно близки друг к другу, чтобы лютеране уважали учение Реформатской церкви, а Реформатская Церковь уважала Исповедание Аугсбурга. Обе стороны должны были сделать это, даже если бы их разногласия по этому вопросу были больше, чем это было на самом деле, поскольку обе говорили — *Христос есть все во всем*. Но к несчастью того времени, многие заиклись на нескольких различиях в деталях, а не на великих истинах, по которым они были согласны.

Эти венгерские пасторы написали Лютеру весной 1544 года, выражая свое удивление по поводу того, что Девей, недавно побывавший в Виттенберге, исповедовал учение о Вечере, отличное от того, которому там учили. Изумление Лютера при получении этого письма превзошло изумление венгров; и его горе было еще больше, чем удивление. Он не мог поверить в то, что они ему написали. 'Что?'^[579] сказал он: "человек, у которого было такое доброе имя среди нас!... Нет, слишком трудно поверить в то, что они написали мне. Одно можно сказать наверняка, и это то, что он не получил от нас доктрину сакраментариев."^[580]... Мы постоянно выступали против этого как публично, так и в частном порядке. У нас нет ни малейшего намека на подобную мерзость.... У меня нет ни малейших подозрений ни в отношении мастера Филипа, ни в отношении кого-либо другого. 'С тех пор великий и благочестивый Лютер, к сожалению, несколько раздражительный, часто оскорблял Девая, которого он так сильно любил, и громко жаловался, что тот учит и практикует обряды, сильно отличающиеся от его собственных."^[581] Тогда Лютер забыл о прекрасном Виттенбергском соглашении, участником которого он был.

Поедем в Дебрецен.

Девей, вернувшись из Швейцарии, отправился в Дебрецен, недалеко от границы с Трансильванией, вероятно, по предложению графа Надасди. Этот город был вотчиной графа Валентина Эрока де Эннга, одного из героев Венгрии и великого защитника Реформации. Он был близким родственником графа Надашди. Этот магнат устроил Девая в Дебрецен не только пастором, но и деканом. Благородный вестник Евангелия без промедления постарался духовно удобрить пустынные и бесплодные земли, посреди которых находился город. Он давал наставления в своих проповедях, в своих трудах, многие из которых, однако, не были напечатаны, а также в своих гимнах. Один из них начинался строкой—

То, что должен знать каждый мужчина—^[582]

и в нем последовательно излагались великие и жизненно важные доктрины Евангелия. Этот гимн долгое время пели во всех частях Венгрии. Могущественный служитель Слова, который был его сокурсником в Кракове, сначала был его коллегой, а затем и преемником. Это был Мартин де Кальманс. Его отличали две характеристики. Одним из них было то учение о благодати, которое особенно изложено Павлом и Кальвином и которое завладело его сердцем, соединенное с тем духовным общением со Христом, знаком, залогом и печатью которого

является внешнее общение. Другой был одушевленным и пленительным красноречием, которое глубоко волновало и увлекало души людей. В то время как его пламенные слова превозносили вечное сострадание Бога, спасающего грешника Иисусом Христом, казалось, что все, кто слышал его, должны были пасть к ногам Спасителя, чтобы получить от Него дар жизни. Вероятно, ни у одного из венгерских реформаторов не было более горячих сторонников или более непримиримых врагов. Эти последние были настолько полностью охвачены своей ненавистью, что повсюду оставляли ее следы. Подобно герою толпы, который даже на стенах вывешивает оскорбительные имена, папист, случайно оказавшийся в Кракове, вписал в зачетную книжку университета под именем коллеги Девея следующие слова: "Этот Кальманс, зараженный духом заблуждения, заразил ересью сакраментариев большую часть Венгрии".^[583] Его постоянно преследовал фанатизм. Однажды, когда он проповедовал в Берегсасе, римский священник, движимый смертельной ненавистью, прокрался в церковь, спрятав под одеждой оружие, которым он запасся, и застрелил его.^[584] Таким образом, этому скромному служителю суждено было встретить трагический конец прославленного Вильгельма Нассауского и других великих сторонников евангельской доктрины. Но это произошло лишь несколько лет спустя, в 1557 году. Этому верному слуге Божьему и его товарищам по оружию сначала пришлось пережить множество других нападений.

Спровоцировано преследование.

Римское духовенство, встревоженное тем, что евангельское учение вторгается в Венгрию, было преисполнено решимости объединить все имеющиеся в их распоряжении силы и дать решающий бой этому врагу. Именно на склонах гор, и особенно в комитате Зипса, были обнаружены самые фанатичные и разъяренные священники. Там также доктрины Слова Божьего совершили самые настоящие завоевания. Бартфельд, Эперис и Лойчау, столица Зипсского комитата, были городами, населенными приверженцами Реформации. Весной 1543 года все священники комитата собрались вместе и, видя, что все их усилия были бесполезны, а также осознавая, что у них нет сил победить духовным оружием, они решили прибегнуть к государственной власти. Король Фердинанд находился в это время в Нюрнберге, и они составили петицию и отправили ее ему туда. Они заявили, что, несмотря на все усилия, которые они прилагали для поддержания религии, его подданные были отстранены после того, что было еще хуже. 'По этой причине,' сказали они, - мы просим вас, чтобы ни один проповедник не поселялся в каком бы то ни было месте без разрешения Церкви. Не позволяйте никому нести вашим подданным это новое Евангелие, которое, куда бы оно ни пошло, повсюду влечет за собой разногласия, секты, гнев, споры, зависть, невежество, убийства и все дела плоти'. Как раз в это время Карл Пятый пытался заключить мир как с Франциском I, так и с Солиманом, чтобы уделить все свое внимание подавлению Реформации. Фердинанд, чьи намерения, хотя и были более просвещенными, были не очень решительными, и который не считал, что ему подобает действовать иначе, чем его брату, издал (12 апреля) указ, которым он предоставил в распоряжение духовенства "всю светскую власть, необходимую для поддержания старой и святой католической религии, исповедания римской веры и достойных похвалы обрядов и обычаев, которые она предписывает".^[585] Но это постановление осталось мертвой буквой. Умеренность короля была хорошо известна в Венгрии, и люди верили, что если он и уступил духовенству, то на самом деле это была лишь кажущаяся уступка, и что за его угрозами не должны были последовать действия. Более того, хранители светской власти не собирались использовать ее для преследования людей, которые были примером для всех. Поэтому сторонник палатина Франциск Рива остался глух к этому. Духовенство, удивленное и

раздосадованное тем, что их прошения и даже приказы принца не возымели действия, обратился к королю со вторым прошением, более настоятельным, чем первое. Фердинанд, находившийся тогда в Праге, подписал (1 июля) более суровый приказ, адресованный сторонникам палатина— 'Я поражен, ' сказал он, - что вы не выполнили строго свой долг по отношению к еретикам и их доктрине. Я приказываю тебе, под страхом потери моей королевской милости, наказывать каждого, кто отделяется от истинной и древней Церкви Божьей, каким бы ни было его состояние или ранг, и использовать для этой цели все наказания, предназначенные для возвращения в овчарню тех, кто сбился с пути истинного".^[586] Этот приказ Фердинанда не только не привел в ужас поборников Евангелия, но и увеличил их мужество и рвение. В разгар скорби они сказали: "Во всем этом *мы больше, чем победители благодаря Христу, Который возлюбил нас*'. Даже в Лойчау евангелисты, далекие от того, чтобы отступать, были полны решимости идти вперед. У них все еще не было пасторов в то время, когда их противники хотели предать их смерти; и они героически решили назначить одного из них. Ладислаус Полайнер, городской судья и основатель тамошней Реформации, начал искать во всех направлениях такого человека, какой им был нужен. Среди молодых трансильванцев, обращенных министерством Хонтэр, был один по имени Бартоломью Богнер, отличавшийся своей верой, знаниями и рвением. Мужественный судья призвал его в Лойчау, и Богнер немедленно приступил к работе. Он сделал это с активностью человека, чьи природные силы освящены Божественным Духом. Его служение принесло богатые плоды. Слово Божье, которое он проповедовал, не только дало многим новое рождение для вечной жизни, но и через несколько лет все церемонии римского богослужения были отменены в том самом городе, в котором было изготовлено оружие, которое должно было уничтожить Реформацию.^[587]

Stephen Szegedin.

Аналогичная работа возрождения проводилась на юге Венгрии, где распространялось Евангелие и духовная вера швейцарских богословов. Молодой человек по имени Стивен Кисс, с детства отличавшийся рассудительностью и способностями, родился в Сегедине на реке Тайсс, к северу от Белграда, в 1505 году. Он учился в различных школах в своей стране, а затем в Кракове. Будучи просвещенным Евангелием, он приехал в Виттенберг в 1540 году, когда ему было тогда тридцать пять лет. Вскоре он стал не только учеником и гостем, но и помощником Лютера и Меланхтона. Эти два великих врача увидели в нем качества реформатора: живое благочестие, которое побуждало его во всем искать славу Божью, скромную серьезность в его манерах, разговоре и поведении; точное знакомство со Священным Писанием, усердие в работе, замечательное мастерство в управлении Церковью и живой и мощный стиль проповеди Евангелия.^[588] Виттенбергские реформаторы, пораженные этим даром, были рады использовать его в важных и многочисленных делах, которые были у них на руках.^[589] Обычно его называли Сегедин, в честь его родного города, в соответствии с очень распространенной практикой того времени.

Вернувшись на родину, Стивен поселился в Ясняде. Полный воспоминаний о Виттенберге и друг теологических исследований, когда он увидел, что урожай был большим, но работников было мало, он основал в этом городе, в сотрудничестве с несколькими друзьями Евангелия, богословскую школу, главным профессором которой он был. Он был одновременно и проповедником, и врачом. В своих проповедях он показал себя человеком ума. Он не сочинял слабых проповедей и не ограничивался тем, что разбавлял свой текст благочестивыми высказываниями. Во всем, что он говорил, было прочное основание истины; во всем его учении

присутствовал замечательный метод, и он с большой ясностью излагал ведущую мысль своих бесед.^[590] Но в то же время его фразы были энергичными, он наносил тяжелые удары, он пробуждал совесть, он убеждал грешников в их ошибках и грозящей им опасности, и он с такой силой демонстрировал любовь Божью в Иисусе Христе, что страждущие души с верой бросались в милосердные объятия Спасителя.^[591] Ему было дано преподнести истину с такой убедительной силой, чтобы она произвела глубокое впечатление на умы людей. Его современники говорили, что память о нем и его речи сохранятся на века.^[592]

Его сочинения.

Сегедин был не только великим оратором, но и ученым богословом. Неутомимого труженика было нелегко отвлечь от учебы. Работа была для него не только обязанностью, но и наслаждением, самой радостью его жизни. Он заперся в своем кабинете со Священным Писанием, прочитал его, проникся его глубиной и тщательно зафиксировал в своем сознании. Он не привнес никакой любви к себе в их изучение и даже не опубликовал свои собственные труды при жизни. Они были опубликованы после его смерти двумя самыми выдающимися богословами шестнадцатого века, Теодором Безой в Женеве и Гринейусом в Базеле; и этот факт, несомненно, является доказательством их превосходства. Он написал аналитические работы о пророках Давиде, Исае, Данииле, Иезекииле и Иеремии, а также о Евангелиях от Матфея и Иоанна, Деяниях, посланиях Павла и Апокалипсисе. В дополнение к этим разъяснительным работам Сегедин написал несколько работ по доктрине, и в частности одну, озаглавленную "Общие места священного богословия, касающиеся Бога и человека". Это было подражание его учителю Меланхтону. Глубоко опечаленный, увидев ошибки, поразившие его родину, он взялся бороться с ними. Он преследовал их, вооруженный мечом Духа, который есть слово Божье; и у евангелической Венгрии не было более храброго и бесстрашного защитника. В основном он пробовал свои силы с унитариями и папистами. Он сочинил 'Трактат о Святой Троице против излишеств (deliramenta), появляющихся в некоторых районах', направляя свои нападки в равной степени против арианства и социнианства. С папскими традициями он боролся в своем 'Зеркале римских понтификов, в котором кратко изложены их указы, противоречащие слову Божьему, их жизни и их чудовищные эксцессы'. Есть также другая его работа— озаглавленная 'Занимательные расспросы (Quæstiones iucundæ) о папских традициях'. Его преданность истине и сила его понимания сияли во всех этих произведениях, и его современники гордились ими. "Этот человек, - говорили они, - действительно богослов и, более того, истинный свидетель Христа; серьезный, непоколебимый и энергичный защитник православной истины в странах, зараженных, увы, арианством, магометанством и другими сектами, не говоря уже о папстве".^[593]

Общение Сегедина с Меланхтоном подготовило его к пониманию Вечери Господней, что именно *Дух животворит*. Он придерживался взглядов Кальвина. Его труды, как мы уже упоминали, были опубликованы швейцарскими богословами; и мы находим его имя вписанным в список членов реформатского синода Вардена. Он привел некоторых своих соотечественников к такому же убеждению. Один из них, тогда еще очень молодой, засвидетельствовал это примерно тридцать или сорок лет спустя. "Сегедин, - сказал Майкл Пакси в 1575 году, - был вторым из тех учителей, которые, когда я был еще юношей, успешно исправили и полностью подавили в нашей стране ошибочные доктрины, касающиеся Вечери".^[594] Первым, несомненно, был Девай. Пакси ошибался относительно победы доктрины, которой учил Кальвин. Она была не такой полной, как он утверждает. Очень многие богословы и

верующие люди разделяли точку зрения Лютера. Действительно, для Сегедина и его друзей, с одной стороны, и для лютеран - с другой, было оправданно решительно отстаивать доктрину, которую они считали истинной; но они не могли отрицать, что оба заслуживают почитания христиан. Война, которая велась между этими двумя церквями, была, пожалуй, величайшим бедствием, постигшим Реформацию.

Изгнание Сегедина.

Деятельность Стефана Сегедина, твердость его веры и энергичность, с которой он нападал на римские заблуждения, навлекли на него ненависть папистов и оскорбления фанатиков. В частности, епископ, который был опекуном юного сына короля Запольи, был вне себя, когда до него дошла весть об энергичных усилиях этого великого поборника Евангелия. Однажды, когда доктор-евангелист произнес очень сильную речь, прелат больше не сдерживался; и в первом порыве своего гнева он послал за капитаном своих телохранителей — у епископа были свои телохранители - и сказал человеку, которого звали Каспар Перузитти— ‘Иди, преподай ему урок, который он, возможно, запомнил’. Капитан, грубый, порывистый парень, подошел к почтенному доктору и, обращаясь к нему дерзким тоном, дал ему несколько пощечин ладонью по лицу. Сегедин не утратил самообладания, но желал очиститься от обвинений, которые ему приписывали. Затем грубый солдат сбил его с ног и, топча в гневе и ярости, нанес ему несколько резких ударов своими тяжелыми сапогами со шпорами. Это был метод опровержения, принятый римским прелатом в Венгрии в шестнадцатом веке. Мы должны сказать, что были опровержения более интеллектуального характера. Епископ на этом не остановился; он конфисковал драгоценную библиотеку доктора, которая была его главным земным сокровищем, и колчан, из которого он доставал свои стрелы. Затем он изгнал его из Ясняда. Бог не оставил его. Сегедин отрекся от себя, взял свой крест, воззвал к Богу и умолял Его пролить Свой свет повсюду. В следующем году он получил возможность посвятить свои таланты и свою веру делу познания и Евангелия в знаменитой школе Джинла; и вскоре после этого он был призван на должность профессора и проповедника в Чеглед, в комитате Пеш.^[595]

ГЛАВА V.

ЕВАНГЕЛИЕ В ВЕНГРИИ ПОД ТУРЕЦКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ.

(1545-1548 гг.)

Одной из характерных черт этой эпохи является тот факт, что в Венгрии тогда господствовали две религии, две державы: Рим и Константинополь, папа и Мухаммед. Первые преследовали Евангелие, а вторые предоставляли ему разумную свободу. Римский католицизм признавал в евангельском христианстве свои собственные основные доктрины, божественность Иисуса Христа, искупление на кресте и другие помимо этого; в то время как исламизм был шокирован идеей Троицы, Божественности Спасителя и спасения через Его искупление, и надменно заявлял: "Бог есть Бог, а Магомет — его пророк". По природе вещей римский католицизм, несомненно, уважал бы и защищал евангельских христиан, живших под властью Полумесяца; и преемник Мухаммеда столь же естественно преследовал бы тех, кто, по его мнению, был бы христианином. исповедовал отвратительные доктрины, как это делал до него его хозяин с мечом в руке. Произошло как раз обратное.

Рим - Гонитель.

Это, однако, легко объяснимо. Рим, благодаря своей церковной системе, утвердился отдельно от Евангелия. Конечно, что-то от христианской религии осталось в ее доктрине; и это христианство было и всегда было дорого тем семи тысячам, которые среди католиков не преклонили колена перед Ваалом. Но этот *статок*, как правило, был скрыт, и то, что было очевидным, было чем-то совершенно другим. Это был папа, его кардиналы, его агенты, поклонение Пресвятой Деве, святым, сотворенным существам, бесчисленные обряды, изображения, паломничества, индульгенции и каждый знает, что еще. Католицизм понтификов, не находя этих излишеств и суеверий в евангельском христианстве, решительно выступал против этого. Это было тем более так, что вместо этого оно увидело великие принципы живой веры, возрождения и нового рождения, из которых оно не знало, что делать. Поэтому оно вело со своими противниками 'странную и долгую войну, в которой насилие пыталось подавить истину. Оно совершало ужасные эксцессы против слова Иисуса Христа".^[596] Ультрамонтанизм в шестнадцатом веке, так же как и в более поздние времена, просыпался каждое утро с обнаженным мечом, в ярости, подобно Савлу, и хотел все перевернуть, как было сказано о писателе, который в наше время был его самым энергичным поборником.^[597] Она сделала то, чем он хвастался, - выстрелила в зубы врагу.

Позиция исламизма была иной. Принимая во внимание две формы христианства, оно презирало обе и вовсе не было склонно ставить свой меч, как это делали католические князья, на службу папе. В римских церквях мусульманина больше всего поражали изображения; и, лучше папы помня заповедь Божью — *Не делай никаких изваяний или подобий какой-либо вещи*, — он испытывал большее уважение к протестантам, которые соблюдали ее. Судьи, назначаемые Блистательной Портой, часто проявляли чувство справедливости; и они не считали своим долгом приносить хороших людей в жертву своим врагам на том основании, что они не признавали верховного жреца Рима. Таким образом, хотя в эти годы мы встречаемся с примерами уважения, проявляемого турками к свободному поклонению Евангелию,^[598] мы постоянно находим примеры, и очень многочисленные, нетерпимости римлян.

Фердинанд составлял исключение. Он понимал, что Реформация добивается больших успехов в его королевстве; и, будучи более просвещенным, чем его брат, далекий от объявления открытой войны протестантизму, он стремился к тому, чтобы две противоборствующие партии сформировали единую Церковь, и думал, что для успеха в этом он должен пойти на важные уступки. Вместе с венгерским сеймом он верил, что только генеральный совет, который должен был бы взять за основу своей работы Священное Писание, мог бы добиться этого важного примирения. На этом соборе, собравшемся в Тренте в декабре 1545 г., Фердинанд призвал объединить две партии путем проведения реформы веры и морали, особенно в отношении папы и его двора; путем отмены диспенсаций и симонии, источников стольких беспорядков; путем преобразования духовенства, которое в будущем должно стремиться к честному и целомудренному поведению, а также к примитивной простоте и непорочности в своей одежде, образе жизни и доктрине; путем проведения Вечери в обоих видах; путем убеждения папы взять за образец смирение Иисуса; путем отмены безбрачия священников, ставшее причиной стольких скандалов; и подавление апокрифических традиций.^[599] Эти требования реформы достаточно ясно показали, какую силу приобрело Евангелие в Венгрии и какую огромную пользу принесла бы Реформация Вселенской Церкви, если бы Рим, вместо того чтобы противостоять ей, подчинился ее благотворному влиянию. Вместо всего этого собор произнес анафему против самых святых доктрин Евангелия и Реформации.

Тридентский собор.

Если Венгрии не удалось оказать влияние на Тридентский собор, то собор, тем не менее, оказал некоторое влияние на Венгрию. Евангельские христиане чувствовали необходимость сближения, концентрации, единения. В пятнадцатом веке в стране существовало несколько гуситских конгрегаций, организация которых была пресвитерианской по форме; и Бог только что воскресил большое количество христиан, которые с помощью Девея и других вошли в контакт со швейцарцами и присоединились к синодальной системе, процветавшей среди конфедератов. Они желали действовать согласованно и помогать друг другу под руководством Христа, Царя Церкви, в то время, когда приверженцы папы были объединены под его законом. Могущественный и благочестивый магнат Каспар Драгфи ободрил их, пообещав свою защиту. В городе Эрдоэд, комитате Сатмар, на севере Трансильвании, состоялось собрание. Двадцать девять пасторов, приверженцев гельветического исповедания, встретились там; и, стремясь утвердить веру, которая составляла их союзные узы, они беседовали вместе о Боге, об Исккупителе, об оправдании грешника, о вере, добрых делах, таинствах, исповедании грехов, христианской свободе, главе Церкви, самой Церкви, порядке, который должен быть установлен в ней, и законном отделении от Рима. Все они были согласны; и, воплотив в формулу свою веру по этим двенадцати пунктам, они желали в то же время выразить свой тесный союз со всеми христианами и особенно с учениками Лютера. Поэтому они добавили в заключение следующее заявление: "В других символах веры мы согласны с истинной Церковью, как это изложено в исповеди, представленной в Аугсбурге императору Карлу Пятому". Этот вывод показывает, что по некоторым пунктам эти церкви не соглашались с исповеданием Аугсбурга, и доказывает приверженность заблудших пасторов гельветическому исповеданию; приверженность, которая отрицается некоторыми авторами.^[600]

Прошло незадолго до того, как лютеране со своей стороны последовали этому примеру. Они были обнаружены главным образом в тех частях Венгрии и Трансильвании, где говорили по-немецки; в то время как гельветическое исповедание имело своих самых многочисленных приверженцев среди мадьяр финского происхождения.

В 1546 году пять городов Верхней Венгрии провели собрание в Эпериеесе, на котором были утверждены шестнадцать символов веры. "Мы останемся верны, - заявили делегаты, - вере, провозглашенной в Аугсбургском исповедании и в книге Меланхтона".^[601] Это собрание установило очень строгие правила. Священник, который должен был преподавать какую-либо другую доктрину, после предупреждения должен был быть лишен своей должности; а магистрату следовало призвать не допускать серьезных правонарушений, чтобы служители не были вынуждены восстановить отлучение от церкви. Никто не должен был быть допущен к Вечере Господней до тех пор, пока его не осмотрят должным образом.

Несмотря на суровость этих принципов и решительный нрав венгров, в то время среди них не было замечено тех страстных конфликтов, которые иногда происходили между противоположными конфессиями. Возможно, это было связано с различием национальностей. Ибо две расы, населявшие страну, были разделены языком и обычаями. Возможно также, что в этой благородной стране было более ясное, чем где бы то ни было, понимание истины о том, что, когда существует единство великих доктрин веры, не следует допускать разногласий по второстепенным вопросам.^[602]

Врачи-евангелисты не ограничивались проведением своих регулярных собраний, но повсюду проповедовали Евангелие огромному количеству людей.^[603]

Szegedin At Temeswar.

Примерно в это же время Сегедин был переведен из Чегледа в Темешвар, важный город, расположенный немного южнее Сегедина, его родины, название которой он носил. Этот звонок был направлен ему графом Петром Петровичем, одним из опекунов маленького сына Запольи, но человеком, совершенно непохожим на своего коллегу, епископа. Петрович был признанным другом и могущественным защитником евангелической реформы. Сегедин на своем новом посту немедленно проявил всю свою энергию. Он не только излагал и защищал здравую доктрину как богослов, но и заронил в сердца людей семена истины и жизни. Граф любил его, восхищался им и одобрял его труды. Он защищал его от врагов и проявлял интерес к самым незначительным делам в его жизни. Например, он дал ему на зиму пальто, подбитое лисьим мехом.^[604] Радостная весть о любви Божьей, спасающей верующего, распространялась все дальше и шире в этих землях, когда спустя три года Сегедин с болью увидел, что место его защитника, графа Петровича, занял вышестоящий офицер армии Стефан Лосонци. Если первый с любовью относился к Евангелию мира, то второй не придавал значения ничему, кроме войны, не заботился ни о чем, кроме солдат, и был предан римской партии. Лосонци очень мало беспокоился об армии Иисуса Христа. Он хотел слышать только о той армии, которую он обучал и которая под его командованием совершала искусные маневры; и его раздражали те евангелисты, которые тревожили совесть и призывали людей думать о вещах высших. В этом он не видел ничего, кроме опасного энтузиазма. Он подумал, что гораздо полезнее думать о том, что находится внизу. По его мнению, военное искусство было не только самым красивым и изобретательным, но и самым необходимым. Иногда встречались люди с истинно христианским характером, служащие в армиях и даже в высших чинах. Но те, кто, подобно Лосонци, смотрят на религию как на неприятное суеверие, которое необходимо подавлять, никогда не были редкостью, даже в религиозные эпохи. Поэтому преемник графа Петровича без колебаний изгнал из страны тех, кого призвал туда его предшественник; не только Сегедина, но и других министров, своих коллег. Не успел он это сделать, как появились турки, захватили крепость и вырезали всех христиан, с которыми они встречались, включая самого несчастного Лосонци. Никто не спасся, кроме пасторов, которых ужасный генерал поместил в безопасное место, сослав их с намерением погубить. Безжалостный Лосонци вообразил, что сможет защитить Темешвар еще эффективнее, избавившись от этих надоедливых министров, на которых он смотрел как на простое *препятствие*, совершенно бесполезное и, более того, очень неудобное. И все же эти верные глашатаи Евангелия, ходатайствуя перед Богом и укрепляя сердца людей, возможно, спасли бы город и его жителей. Они бы, по крайней мере, утешили их в их горе.^[605]

Евангелие в Толне.

Если турки совершали свои завоевания, то христиане точно так же совершали свои, даже в районах Венгрии, тогда подчинявшихся мусульманской власти. Эмерик Эшеки (Цигериус), ученик Лютера и Меланхтона, вернувшись в это время в Венгрию — Виттенберг был источником,

из которого не переставала литься живая вода, — остановился в Толне на Дунае, к югу от Буды. Его сердце было опечалено, когда он увидел, что население города полностью предано суевериям и нечестию. Тем не менее, он не пал духом; и он начал проповедовать Евангелие в частных домах и повсюду. Через пятнадцать дней три или четыре человека получили знание Евангелия. Этого было мало, и все же это было очень много. Но, желая собрать более обильный урожай, он покинул город и путешествовал по окрестностям. Обнаружив, что простые люди поглощены заботами простого материального существования, он решил обратиться главным образом к школьным учителям и священникам, надеясь найти в них хорошую почву для посева слова. Он не совсем ошибся, ибо, хотя многие фанатичные священники отвергли его, некоторые из духовных лиц и школьных учителей, тем не менее, оказали ему радушный прием. Прибыв однажды в приход Кашов, комитет Бараньи, он постучал в дверь священника Майкла Шатарая. Его любезно приняли, и у них состоялся долгий разговор. Священник, серьезный и искренний человек, наслаждался добрыми словами Эшеки и всем сердцем верил в благую весть Евангелия, которую до сих пор понимал лишь смутно. Он немедленно почувствовал побуждение рассказать об этом другим и мужественно присоединился к Эшеки. Два путешествующих священника, исполненные серьезности, преуспели в распространении евангельского света по всей Нижней Венгрии. Они вели тяжелую жизнь и часто сталкивались с ненавистью и преследованиями. Но их терпение было совершенным, и Бог уберег их от всех опасностей.^[606]

Пока Эшеки в сопровождении своего товарища по работе посещал города и сельские округа, семена, которые он разбросал в Толне и которые поначалу, казалось, проросли только в двух или трех местах, понемногу проросли повсюду. Поле, которое казалось бесплодным, наконец дало доказательство плодородия. Те из жителей, кто принял Реформацию, построили церковь на окраине города; и через два года и девять месяцев после отъезда реформатора он получил призыв снова проповедовать там Евангелие. Он вернулся в Толну, провозгласил Христа, и церковь наполнилась слушателями. Но там его ждали великие опасности. В этом месте были две различные партии; и в то время как некоторые люди были привязаны к Спасителю, другие продолжали быть полностью преданными папе. Во главе последней партии стоял бургомистр, на которого в частых беседах, которые он проводил со священниками, оказывалось давление с целью избавить город от еретиков. К несчастью для духовенства, магистрат не мог сделать ничего подобного без согласия турок, оккупировавших страну. Ультрамонтане думали, что смогут сгладить трудности, развязав свои кошельки. Поэтому они собрали значительную сумму денег и передали ее бургомистру, который затем отправился в Будуу, резиденцию паши. Добившись аудиенции у мусульманина, он рассказал ему о причине своего прихода, о беспорядках, которые вызвал в городе протестантизм, и преподнес свое богатое подношение. Уверенный в том, что этот офицер был тем, кого называют истинным турком, неумолимым и безжалостным, и зная, как расправляются с обидчиками, даже с самими визирями, в Константинополе, он в прямых выражениях потребовал от паши казнить Эшеки или, по крайней мере, изгнать его. Мусульманский губернатор не считал своим долгом действовать без соблюдения судебных формальностей. Он посоветовался со своими кади, которые сообщили своему начальнику, что человек, на которого была подана жалоба, был противником изображений и других римских суеверий. Следовательно, паша отдал приказ, чтобы "проповедник доктрины, открытой Лютером (именно так они описывали Евангелие), свободно провозглашал ее всем, кто был готов ее услышать".

Эшеки и его спутники были рады услышать, что турки предоставили им свободу, которой их хотели лишить романисты. Евангельские христиане теперь могли беспрепятственно

распространять знание о Христе либо в церкви, либо где-либо еще. Была основана школа, и 3 августа 1549 года Эшеки обратился к своему другу Матиасу Флациусу Иллирику за книгами и помощниками.^[607]

Прогресс Евангелия.

Провинции, подчинившиеся Фердинанду, были забыты не больше, чем те, которые находились под властью турок. Реформация в настоящее время делала там большой прогресс. Священник Майкл Шатарай, обращенный министерством Эшеки, отправился в Коморн. К нему присоединился Энтони Платтнер; и оба они, усердно трудясь на этом острове, образованном слиянием Дуная и Ваага, заложили фундамент великой общины гельветического исповедания. Также и в Тирнау, к северу от Пресбурга, прежнее учение Гринейуса и Девея и евангелические писания, которые там охотно читались, побудили большую часть населения принять евангельские доктрины. Пять городов горного региона, которыми королева Мария владела как аллодиальными поместьями, мирно наслаждались под ее правлением благословениями Евангелия. Но принцесса передала их в аренду своему брату Фердинанду, и священники захотели немедленно воспользоваться этим для притеснения этих благочестивых людей. Эти попытки вновь разожгли их рвение, и церкви направили делегатам короля в Эпери евангелическое исповедание, полное верности и милосердия (*Pentapolitana Confessio*). Фердинанд приказал оставить их в покое.^[608]

Однако характерной чертой этой эпохи был — повторим еще раз — прогресс, которого достигло Евангелие под властью турок. Постоянно появлялись новые примеры этого. Верные служители возвещали утешение и мир Иисуса Христа бедствующим и обнищавшим венграм, которые остались в Буде под мусульманским игом. Слуги Рима пытались опровергнуть их. "Грубый папистский сатана, - писал кто-то из Венгрии пастору из Бреслау, - изо всех сил противодействовал этому христианскому служению",^[609] Он представил эту тему паше. Последний, выслушав обе стороны, принял решение в пользу евангельской проповеди, "Потому что, - сказал он, - она учит, что следует поклоняться только одному Богу, и потому что она осуждает надругательство над изображениями, которые нам отвратительны".^[610] Паша, обращаясь к обвинителю, добавил— 'Я послан сюда моим императором не для того, чтобы заниматься этими противоречиями, но для того, чтобы сохранить в своей империи как можно больше мира'. В Сегедине он также защищал Евангелие и его служителей от насилия папистов. 'Смотрите, ' говорили друзья Евангелия, ' как чудесен и как утешителен совет Божий! Мы думали, что турки будут жестокими угнетателями веры и тех, кто ее исповедует; но Бог распорядился иначе. Разве не удивительно видеть, как благая весть о славе Божьей распространяется посреди всех этих войн и беспорядков?'^[611] Вся Трансильвания приняла евангелическую веру, несмотря на запрет монаха и епископа Георгия (Мартинуцци). Валахия, которая также подчиняется туркам, исповедует эту веру. Евангелие распространяется с места на место по всей Венгрии. Несомненно, если бы не вспыхнули эти военные волнения, лжеепископы подняли бы против нас гораздо более серьезные восстания".

ГЛАВА VI. БОГЕМИЯ, МОРАВИЯ И ПОЛЬША. (1518-1521 гг.)

Говоря человеческим языком, реформация Дании и Швеции началась с Лютера, у ног которого скандинавские реформаторы восприняли протестантское учение. Следовательно, она была более поздней, чем реформация в Германии. Но была одна страна, в которой пронзительные звуки евангельской трубы раздавались за столетие до Лютера; и мы не должны забывать эту страну в общей истории Реформации. Речи Яна Гуса гремели в Богемии и Моравии. В начале шестнадцатого века там было множество верующих, но реформация Лютера дала им новую жизнь.

Ученики Гуса.

Ученики Гуса разделились на две отдельные партии. Одна из них поддерживала определенные отношения с правительством страны и была ослаблена влиянием двора. Члены этой партии не отвергали авторитет римско-католических епископов Богемии; и их главной заботой было вернуть чашу мирянам, что принесло им звание *каликстинцев*. Но большинство гуситов, которых в основном можно было встретить среди сельского населения и провинциальной знати, вступив в сношения с уиклиффитами и водуа, пошли дальше, чем сам Гус. Они исповедовали оправдание верой в Спасителя и смотрели на институт папства как на антихристианский. Эта партия, получившая название таборитов, во время своего возникновения не была тем, чем она стала впоследствии. Воды, далекие от спокойствия, в то время находились в состоянии брожения, кипения и сильного волнения. Эти ярые религиозные деятели издавали боевые кличи и вели сражения. Но постепенно, очищаясь посредством борьбы и невзгод, они стали более спокойными, более духовными; и с 1457 по 1467 год они сформировали респектабельную христианскую общину под названием *Объединенные братья*.

Среди них преобладали два различных взгляда на Вечерю Господню, которые, однако, не нарушали их братского единства. Большинство верило вместе с Уиклиффом, что тело Христова действительно дается вместе с хлебом; однако не телесно, а духовно, сакраментально — душе, а не рту. Впоследствии это было очень похоже на мысль Кальвина. Самым решительным из гуситов на этой стороне был Лука, старейшина церкви. Другие, меньшее по численности, имели некоторое сходство во взглядах с водуа и смотрели на хлеб как на простое изображение тела Христова. Впоследствии таково было мнение Цвинглиуса. Обе стороны были терпимы друг к другу и любили друг друга; и обе были категорически против идеи телесного присутствия Христа в евхаристии.

Гуситы и Лютер.

Внезапно весть о реформации Лютера достигла Богемии, и среди учеников Гуса поднялась великая радость. Они увидели, наконец, поднимающегося того *орла*, о котором объявил их учитель, и формирующуюся силу, которая окажет им важную помощь в их борьбе с папством. Каликстинцы обращались к Лютеру как с письмами, так и через гонцов. Он принял их с добротой; но он не был столь дружелюбен к Объединенным братьям. Он не стал бы вступать в отношения с сектой, некоторые мнения которой он не разделял. Однажды, в 1520 году, проповедуя о таинстве причащения тела Христова, он сказал: "*Братья* или пикардийцы —

еретики, ибо, как я видел в одной из их книг, они не верят, что плоть и кровь Христа действительно присутствуют в причастии".^[612] Это глубоко повлияло на богемских евангелистов.

Какими бы угнетенными они ни были, эти братья стремились найти поддержку в саксонской реформации; и теперь она дала им отпор! Казалось, что небольшое пристрастие, которое они испытывали к догматическим формулам, и в целом практическая направленность их христианства должны были облегчить им достижение взаимопонимания с виттенбергскими реформаторами. Поэтому они послали к Лютеру двух членов своего совета, Джона Хорна и Майкла Вайса, назначенной задачей которых было, хотя они ни в коей мере не отрекались от своей собственной доктрины, сформировать у знаменитого доктора лучшее мнение о тех, кого он называл *еретиками*. Оба гусита не без некоторой робости приблизились к Виттенбергу. Как они, члены презируемого и преследуемого сообщества, были бы приняты прославленным врачом, человеком, пользовавшимся покровительством монархов, чей голос начинал будоражить всю Европу и чьи дерзкие высказывания приводили в ужас его противников? Беседа состоялась в начале июля 1522 года. Два скромных делегата точно изложили свою веру в Вечерю Господню. 'Христос, ' говорили они, ' не находится телесно в хлебе, как верят те, кто утверждает, что видели, как течет его кровь. Он присутствует там духовно, таинственно".^[613] Лютеру это могло показаться критическим моментом. Обычно он сталкивался с таким сильным противодействием в мире, что вполне мог задаться вопросом, стоит ли ему идти на дальнейшую компрометацию, протягивая руку помощи этим старым диссидентам, которых столько раз отлучали от церкви, высмеивали и сокрушали. Было ли его долгом, в дополнение ко всему позору, под которым он уже находился, взвалить на себя еще и то, что относилось к этой *секте*? Недалекий ум поддался бы искушению; но у Лютера была великая душа. Он уважал только истину. "Если эти богословы учат, - сказал Лютер, - что христианин, получающий хлеб видимым образом, получает также, несомненно, невидимым, но тем не менее естественным образом, кровь Того, кто сидит одеснуюруки Отца, я не могу осуждать их. Говоря о причастии, они используют *неясные и варварские* выражения вместо того, чтобы использовать фразы из Священного Писания; но я нахожу их веру почти полностью обоснованной.' Затем, обращаясь к делегатам во время их прощания, он дал им такой совет: "Будьте добры выразиться более четко в новом заявлении".

Объединенные братья послали ему это новое заявление в 1523 году. Это была постановка их старейшины Лукаса, который, будучи ревностным уиклиффитом, был близок к Лютеру, но в то же время чувствовал себя обязанным не идти ни на какие уступки. Следовательно, Он очень ясно дал понять, что на Вечере была только духовная пища для духовного употребления. Он также добавил, что Христос был не в причастии, а *только на небесах*. Сначала Лютер был оскорблен этими словами. Можно было бы сказать, что этим богемцам доставляло удовольствие бросать ему вызов. Но христианские чувства взяли верх в великом докторе. Беседы Лукаса доставляли ему больше удовлетворения, чем его трактаты. Поэтому он смягчился и адресовал Братьям свою работу *опоклонении Причастию*,^[614] в которой, излагая свои собственные доктринальные взгляды, он засвидетельствовал им большую любовь и уважение. Обе стороны, похоже, соперничали друг с другом в благородстве поведения. Партия, наиболее близкая к согласию с Лютером, стала самой сильной; и после смерти Лукаса, почувствовав себя более свободной, она пришла к соглашению с саксонским реформатором, в то время как те, кто смотрел на хлеб как на символ тела Христова, во главе которых стоял Михаэль Вайс, вступили в отношения с Цвинглиусом.^[615] Все, что мы только что сказали, относится к таборитам.

Табориты и каликстинцы.

Каликстинцы, со своей стороны, также ощутили влияние движения, сотрясавшего христианский мир. Одна нить все еще связывала их с римской иерархией. ‘Кто назначает пасторов?’ писали они Лютеру. ‘разве не епископы получили полномочия от Церкви делать это?’ Ответ реформатора был одновременно скромным и решительным. ‘То, о чем вы просите меня, - ответил он, - выше моих сил. Однако то, что у меня есть, я отдаю вам; но я намерен, чтобы ваше собственное суждение и суждение ваших братьев осуществлялось с самой полной свободой. Я не предлагаю вам ничего, кроме совета и увещания.^[616] Мнение реформатора содержалось в трактате, приложенном к его письму; и в нем он показал, что каждая община имеет право сама выбирать и посвящать своих собственных служителей. Скромность, с которой Лютер выражал свои мысли, была чем-то далеким от высокомерия, которое его враги с удовольствием приписывали ему. Каликстинцы, очарованные милосердием и верой реформатора, на собрании, состоявшемся в 1524 году, решили продолжать путь, обозначенный Лютером, реформацию, начатую Джоном Гусом. Это решение вызвало острую оппозицию со стороны некоторых членов организации, и ее единство было нарушено. Однако число лютеранских каликстинцев постоянно увеличивалось. В общем, они восприняли те евангельские доктрины, которых им все еще не хватало; и с тех пор они отличались от Объединенных Братьев только отсутствием дисциплины и большего общения с миром.

Не только в Богемии Иоанн Гус стал предтечей Реформации; он был таким и в других странах Восточной Европы. Казалось, что одна страна, Польша, должна опередить другие нации на пути реформации. Но после нескольких грубых конфликтов с иезуитизмом это перешло из авангарда в тыл. Потеряв Евангелие, она потеряла независимость и теперь остается посреди Европы разрушенным памятником, показывающим народам, во что они превращаются, когда позволяют отнять у них истину. Уже в 1431 году некоторые из учеников Гуса прибыли в Польшу и публично защищали в Кракове евангелические доктрины против докторов университета, и это в присутствии короля и сената. В 1432 году другие богемцы прибыли в Польшу и объявили, что генеральный совет Базеля принял их заместителей. Епископ Краковский, стойкий приверженец римской партии, наложил на них интердикт.^[617] Но короля и даже нескольких епископов это несколько не беспокоило, и они оказали благосклонный прием этим ученикам Иоанна Гуса, так что их доктрины распространились по разным частям Польши. Там также был известен Уиклиф, и примерно в середине пятнадцатого века польский поэт Добшинский сочинил в его честь стихотворение.

Таким образом, Гус и Уиклиф, Богемия и Англия, страны, столь удивительно непохожие друг на друга, в одно и то же время, еще в пятнадцатом веке, трудились над распространением света в стране Ягеллонов. Это было не напрасно. В 1459 году Остророг, палатин Познанский, представил сейму проект реформы, который, не затрагивая догм, ясно указывал на злоупотребления и устанавливал тот факт, что папа не имел никакой власти над королями, потому что царство Христа не от мира сего. В 1500 году безбрачие и поклонение реликвиям подверглись нападкам в некоторых работах, опубликованных в Кракове. В 1515 году Бернард Люблинский установил четкий принцип Реформации — *что мы должны верить только Слову Божьему* и что мы должны отвергнуть человеческие традиции.^[618] Таково было положение вещей, когда появилась Реформация. Как это будет воспринято?

Простые люди как в деревне, так и в городах были в целом туповаты и лишены культуры. Но граждане крупных городов, которые благодаря торговле были введены в сношения с другими народами, и особенно с населением Германии, развились и начали знакомиться со своими правами. В стране преобладала богатая и могущественная аристократия. Духовенство вообще не имело никакой власти. Церковь не имела никакого влияния на государство, и государство никогда не помогало Церкви. Сами священники, из-за своей мирской суетности и безнравственности, во многих местах были объектами презрения. Сигизмунд I, правящий государь, был принцем благородного характера и просвещенного ума; и он старался привить вкус к наукам и искусствам. Такая страна, по-видимому, находилась в условиях, весьма благоприятных для принятия Евангелия.

Лютеранство в Польше.

Не успела начаться Реформация, как труды Лютера прибыли в Польшу, и миряне начали читать их с живым интересом. Некоторые молодые немцы, которые были студентами в Виттенберге, рассказали о Реформации в семьях, в которых они были наняты в качестве наставников; и впоследствии они попытались распространить ее среди паствы, пасторами которой они стали. Несколько молодых поляков собрались вокруг Лютера, а затем они рассеяли по своей родной земле семена, собранные ими в Виттенберге.

Реформация, естественно, началась в той части Польши, которая лежала ближе всего к Германии, столицей которой является Позен. В 1524 году Самуил, доминиканский монах, атаковал там заблуждения Римской церкви. В 1525 году Джон Секлюкян проповедовал Евангелие в том же районе; и влиятельная семья Горкас приняла его в своем особняке, в котором они уже установили евангельское богослужение, и дала ему защиту от преследователей.^[619] Этот благочестивый человек воспользовался досугом, предоставленным ему этим христианским гостеприимством, чтобы перевести Новый Завет на польский. Один, в комнате, в которой он был вынужден искать убежища, он совершил, подобно Лютеру в Вартбурге, дело, которому суждено было просветить многие души.

Евангелие на этом не остановилось. Подобно тому, как в темную ночь одна вспышка, сияющая на западе, сменяется другой на самых дальних границах востока, так и учение о спасении, появившись на западе Польши, внезапно проявило себя на севере, на востоке, вплоть до Кенигсберга. Из тихой комнаты, в которой Джон Секлюциан совершал свои ценные труды, польский подъем переносит нас в большой, цветущий и густонаселенный город, в который в огромном количестве стекались иностранцы со всех сторон. Данцик, который тогда принадлежал Польше, стал главным центром Реформации на этих землях. С 1518 года немецкие купцы, привлеченные туда торговлей и промышленностью города, с удовольствием рассказывали там о великих открытиях, которые Лютер сделал в Библии. Благочестивый, просвещенный, решительный человек по имени Якоб Кнаде, уроженец Данцика, прислушался к благим вестям, которые возвещали немцы, и радостно принял их. Он немедленно открыл свой дом для всех, кто желал услышать то же самое. Его откровенный нрав и любезное обращение позволяли любому человеку легко переступить порог его жилища. Он не ограничивался христианскими разговорами. Поскольку он был священнослужителем, он начал публично проповедовать свою веру в церкви Святого Петра. Он любил Спасителя и знал, как заставить других полюбить Его. К цветам он добавил фрукты, а к добрым словам - добрые дела. Убежденный в том, что брак - это божественный институт, целью которого является сохранение

святости жизни, он женился. Этот поступок вызвал ужасную бурю. Враги Реформации, убежденные, что, если последовать этому примеру, Римская церковь не сможет существовать, бросили его в тюрьму.^[620] Освобожденный через шесть месяцев, он был вынужден покинуть город; и он бы скитался туда-сюда, если бы дворянин по соседству с Торном не предложил ему убежище, как семья Горка поступила с евангелистом из Позена. Польская знать показала себя поистине благородной и, проявляя гостеприимство, неожиданно приняла ангелов.^[621]

Епископ епархии, на иждивении которой находился Данцик со своими священниками, пробудившись ото сна, испробовал все средства для борьбы с тем, что они называли ересью; и с этой целью они основали братство *Благовещения Марии*, члены которого должны были усердно посещать всех людей, о которых говорили, что они обратились к Евангелию. 'Придите же,' сказали они им, 'вернитесь в Католическую и Апостольскую Церковь, за пределами которой нет спасения'. Но евангелическая работа, вместо того чтобы ослабевать, продолжала увеличиваться. Различные богословы занимали должность настоятеля в Данцике — гебраист Бешенштейн, кармелит Биневальд и другие.

Доктор Александр.

Граждане больше не хотели иметь дела с Римской церковью из-за ее ошибок; а простые люди насмеялись над ней из-за ее мелочных обычаев. В монастыре францисканцев жил благочестивый монах, доктор Александр, который постепенно убедился не только в евангельской истине, но и в необходимости ее проповеди. Однако он не был Лютером. Он был одним из тех спокойных, умеренных и несколько робких людей, которые воздерживаются от всего, что может вызвать противоречие, и слишком хорошо владеют собой. Поэтому он остался в своем монастыре, продолжал быть привязанным к Церкви и проповедовал истину серьезно, но с большой осторожностью. Более образованные жители посещали его проповеди. Там была толпа слушателей, и многие были просвещены его речами. Но некоторые не могли понять, почему он не отделился от Рима. Некоторые благочестивые христиане, иногда проявлявшие некоторый энтузиазм, требовали, чтобы все было изменено, как снаружи, так и внутри, и чтобы в Церкви был установлен совершенно новый порядок. Они, конечно, не были неправы, желая этого, но они не понимали, что этот новый порядок должен быть установлен верой сердца, а не силой руки. Один из них, по имени Хегге,^[622] проповедовал под открытым небом за городом. 'Преклоняться перед изображениями, - воскликнул он, - это глупость; более того, это идолопоклонство'; и он побудил своих слушателей разбить идолов. К счастью, на стороне этих иконоборцев были некоторые благоразумные евангельские христиане, которые, подобно Лютеру, понимая, что все необходимые изменения должны быть произведены с помощью Слова, обратились к собору с просьбой публично проповедовать их. Совет, в который входила городская аристократия, большинство из которых были римско-католиками, и который контролировался епископом, сначала отклонил эту просьбу. Но, в конце концов, обнаружив, что очень большое число жителей приняли Реформацию, он предоставил в их пользование пять церквей. С этого времени в городе проповедовались две доктрины - евангельская и римская. Существовала свобода вероисповедания, и евангелисты были этим довольны.

Но энтузиасты, о которых мы говорили, которые еще не отказались от нетерпимых теорий, которых придерживался и всегда будет придерживаться Рим,^[623] хотели чего-то другого. 'Что,' говорили они, 'христианские церкви наполнились изображениями людей! Люди преклоняются перед ними! Все церкви должны быть очищены от изображений, и Слово Божье должно быть

утверждено'. Совет дал решительный отказ. Этим христианам казалось, что таким образом магистраты противопоставляют себя воле Божьей. Поэтому было необходимо привлечь других. Хотя город находился под суверенитетом короля Польши, он пользовался полной независимостью в управлении своими внутренними делами. Этим воспользовались четыре тысячи лютеран. Они собрались, окружили ратушу и назначили других магистратов из числа своих друзей. Эти чиновники требовали от священников проповедовать Евангелие и выбрасывать оскверненные предметы из святилища. Поскольку священники отказались это сделать, новый совет поставил на их место евангелических служителей, отменил римское богослужение, превратил монастыри в школы и больницы и объявил, что, поскольку богатство церкви является общественной собственностью, оно должно оставаться нетронутым.^[624]

Церковная организация.

Теперь обсуждался вопрос об организации Церкви в соответствии со Священным Писанием. Эти люди действия обнаружили, что они очень мало знают об этом, и они решили пригласить доктора Померануса пойти и выполнить это задание. Померанус (Бугенхаген) был организатором и администратором Реформации. Один из данцигских пасторов, доктор Джон, отправился в Виттенберг. По прибытии он отправился к Лютеру, вручил ему письмо, которое ему было доверено, и рассказал ему о реформации в Данциге, разумеется, опустив ее неприятные черты и изобразив ее в самых ярких красках. 'О, ' сказал великий человек, 'какие чудесные дела совершил Христос в этом городе!'^[625] Реформатор без промедления отправил новость Спалатину, добавив: "Я бы предпочел, чтобы Померанус остался с нами; но поскольку на карту поставлено дело такой важности, ради всего Святого, мы должны уступить'. Не все были одного мнения. Померанус был так ценен в Виттенберге. "Ах, - ответил ярый реформатор, - если бы меня позвали, я бы отправился немедленно".^[626] Затем вмешался совет университета. 'Многие иностранные студенты, - сказал совет, - приезжают в Виттенберг; поэтому мы должны сохранить компетентных людей, чтобы подготовить полезных священников для других городов Германии'. Майкл Ханштейн был выбран вместо Померана. 'Если нужно внести какие-то изменения, ' писал реформатор, увольняя его, 'убрать изображения или другие вещи, пусть это будет сделано не народом, а регулярными действиями совета. Мы не должны презирать сильных мира сего".^[627]

Этот благоразумный совет пришел слишком поздно. Реформы, проведенные в Данцике, повергли римских католиков в бедственное положение; и среди них были самые выдающиеся люди. Что? больше никаких изображений, никаких алтарей, никаких месс, никаких церквей! Некоторые члены старого совета были отправлены просить помощи у короля Сигизмунда. Они прибыли во дворец в экипажах, обтянутых черным; они предстали перед принцем в траурных одеждах, их головы были обвиты крепом, как будто сам государь был мертв; и на их лицах было выражение глубокой скорби. Они изложили свои жалобы королю и умоляли его спасти город от полного разорения, которое, казалось, угрожало ему, и восстановить старый порядок вещей, упраздненный горожанами.

Суровость Сигизмунда.

Король был поражен внешним видом этих людей, одетых в траур по Церкви. Несмотря на свои выдающиеся способности, он не видел, что может существовать какая-либо другая религия, кроме той, в которой он родился; и он последовал в этом вопросе совету своих прелатов. Поэтому он созвал лидеров реформатской партии. Однако эти люди, заявляя о своей лояльности принцу, не явились на его зов и, следовательно, были объявлены вне закона. В

апреле 1526 года Сигизмунд сам отправился в Данциг. Хотя он был католиком, он был противником преследований по религиозному признаку. Однажды Джон Экк призвал его последовать примеру короля Англии, который только что выступил против Реформации, и король ответил— ‘Пусть Генрих VIII. опубликует, если захочет, книги против Лютера; но я, со своей стороны, буду таким же по отношению к козлам и овцам’. Но в данном случае все было совсем по-другому. Реформаторы наложили лапу на государство; политическая структура была свергнута. Сигизмунд был безжалостен. Руководители движения были наказаны конфискацией их имущества и изгнанием из Данцига или смертной казнью. Каждый гражданин, который не вернулся в Римскую церковь, должен был покинуть город в течение пятнадцати дней; женатые священники, монахи и монахини - в течение двадцати четырех часов. Каждый житель должен был сдать книги Лютера. Римское богослужение было повсеместно восстановлено, и церковь Святой Марии, в частности, была возвращена Пресвятой Деве во время торжественной мессы. Реформаторы Данцига, таким образом, дорого заплатили за допущенную ими ошибку, забыв великий апостольский принцип: "Оружие нашей войны не плотское, но могущественное через Бога".^[628]

Однако это преследование не погасило веру в сердцах людей; оно очистило их. Три года спустя, когда в Данцике бушевала ужасная эпидемия, благочестивый священник по имени Панкратий Клемме провозгласил там Евангелие с любовью, силой и трезвостью. Король разразился угрозами. Клемме заявил, что он не примет никаких других правил поведения или учения, кроме Слова Божьего; и, энергично продолжая свою работу, он заслужил титул Данцистского реформатора. Сигизмунд, пораженный его мудрой процедурой и опасаясь, как бы этот и другие города в его владениях не вступили в союз с евангелической Пруссией, не обратил на это внимания. В последующее царствование Евангелие снова восторжествовало в этом городе, но без смуты и без посягательства на свободу римских католиков.

Торн, город, расположенный, как и Данцик, на Висле, но южнее, и впоследствии сыгравший довольно важную роль в истории Реформации, был также одним из первых, кто проявил к ней свой энтузиазм. На сейме, состоявшемся в этом городе в 1520 году, король издал указ против Лютера. В следующем году папа и епископ Каменезский решили публично сжечь чучело реформатора, и некоторые сторонники знаменитого доктора, без сомнения, довольно поспешно, обнаружив, что его враги прибегли к огню с целью убедить их, схватили камни и забросали ими прелатов и их приверженцев. Эти беспорядки возобновлялись в других формах, но в конце концов все успокоилось, и несколько лет спустя Евангелие регулярно проповедовалось в церквях.

Можно было бы сказать, что Висла принесла Реформацию на своих водах, поскольку мы обнаружили ее в Торне и Данцике, а также в старой столице королевства Кракове. Секретарь короля по имени Луи Диц, впоследствии бургомистр этого города, посетив Виттенберг в 1522 году, вернулся довольный увиденным и услышанным и по возвращении щедро раздал свое новое сокровище. Многие жители тогда приняли доктрину Реформации. Университет, по-видимому, был центром, из которого исходил свет. Работы Лютера были публично выставлены на продажу, и все хотели знать, что в них содержится. Теологи, студенты и горожане охотно покупали и читали их, и профессора не высказывали им неодобрения. Моджевский, писатель того времени, рассказал о том, что произошло в его собственном случае. Движимый простым любопытством, он начал читать книги беззаботно; но по мере того, как он продвигался дальше, серьезность, правда и жизнь, которые он находил в них, интересовали его все больше и

больше. Когда он подошел к концу, мнения римской традиции уступили место в его сознании истинам Евангелия.

Тайное общество.

В Польше была партия, которая занимала промежуточную позицию между энтузиазмом с одной стороны и оппозицией ему с другой. Образованные классы, как правило, находились в то время в состоянии сомнения, колеблясь между двумя доктринами. Было сформировано тайное общество, состоящее из хорошо информированных людей, как мирян, так и церковников, целью которых было чтение и обсуждение евангельских публикаций. Сама королева, Бона Сфорца, была одним из таких исследователей. Ее духовником был ученый итальянский монах, некто Лисманини, который получал все антипапистские книги, изданные в различных странах Европы, и передавал их обществу экзаменаторов. Королева иногда присутствовала на конференциях. Однако лишь позднее это объединение приобрело гораздо большее значение.^[629]

Число людей, принявших решение в пользу реформы, постоянно росло. Университет, библиотека, кафедральный собор и даже епископский дворец были полны богословских дискуссий между приверженцами традиции и Священного Писания. Студенты с особым энтузиазмом относились к Лютеру. Епископ, встревоженный и настроенный применить какое-нибудь средство, вызвал профессора, чья ультрамонтанская ортодоксальность была безупречна, и объяснил ему свои опасения. Профессор, весь горя рвением, взойдя на кафедру и произнес перед студентами несколько очень оживленных проповедей против Лютера и его Реформации.^[630] Но он сделал это без всякой цели. Доктрина, подвергавшаяся таким нападкам, постоянно распространялась все дальше и шире. Фабиан де Лузиньян, епископ Эрмеланда в пфальце Мариенбургском, был дружелюбен к нему; считалось, что и другие епископы также склонялись к Виттенбергу.

Произошло новое обстоятельство, придавшее этой доктрине мощную поддержку. Альберт, герцог Собственно Пруссии, резиденция которого находилась в Кенигсберге, был просвещен, как мы заметили, проповедью Осиандера в Нюрнберге; и он стал защитником евангелического учения в близлежащих польских городах. Лютер, обрадованный этой новостью, написал епископу Замланда: "В Альберте, этом прославленном герое, вы имеете принца, полного рвения к Евангелию; и теперь народ Пруссии, который, возможно, никогда не знал Евангелия или, по крайней мере, слышал только его фальсифицированную версию, обладает им во всем его блеске".^[631]

Вскоре Реформация достигла Ливонии, и Лютер был полон радости, услышав, что *"Бог и там начал свои чудесные дела"*. Лютер был, так сказать, епископом новых церквей, и его могущественные слова доносились до них, чтобы направлять и укреплять. В августе 1523 года он писал христианам Риги, Ревеля и других мест этой страны— *"Будьте уверены, придут волки, которые захотят увести вас обратно в Египет, к дьявольскому и ложному поклонению. От этого Христос избавил вас. Итак, берегитесь, чтобы вас не увлекло. Будьте уверены, что только Христос вечно является нашим Господом, нашим священником, нашим учителем, нашим епископом, нашим Спасителем и нашим утешителем против греха, против печали, против смерти и против всего, что причиняет нам вред"*.^[632]

Направляя наше внимание дальше на восток и север, мы видим Россию, о которой нам будет что сказать в связи с Польшей, и которая до более позднего времени не видела ни одного последователя Реформации, и почти все они иностранцы. Тем не менее, во времена восстания Лютера против порабощения Церкви в этих землях также наблюдалось движение в направлении Библии. Священные писания, переписанные невежественными переписчиками, постепенно изменялись, и смысл их был искажен. В 1520 году царь Василий Иванович обратился к монахам Афона с просьбой прислать ему врача, способного восстановить подлинный текст. Максим, греческий монах, хорошо знакомый с греческим и славянским языками, прибыл в Москву. Его приняли с большим уважением, и он потратил десять лет на исправление рабской версии оригинального текста. Норусские священники, невежественные и суеверные, завидовали его превосходству. Они обвинили его в том, что он изменил священные книги с целью введения *нового учения*; и доктор был отправлен в монастырь.^[633] Греческая или Русская Церковь, к несчастью, осталась вне круга Реформации.

ГЛАВА VII. ПОЛЬСКИЙ РЕФОРМАТОР. (1524-1527 гг.)

До сих пор в Польше мы встречались, если можно так выразиться, только со второстепенными работниками. Однако страна должна была иметь в лице одного из своих собственных сыновей человека, достойного встать в один ряд с реформаторами, и чьим честолюбием было бы видеть свою родную землю просвещенной Евангелием. К несчастью, в его лучшие годы буря преследований отдалила его от нее.

Джон Аласко.

В начале шестнадцатого века в Польше жила знатная и богатая семья, редкой привилегией которой было считать среди своих членов нескольких выдающихся людей. Первый из них, Иоанн, барон Аласко, был архиепископом Гнесена (Гнезно), столицы Великой Польши, и в то же время примасом королевства. Он был человеком, наделенным благородным характером, другом науки, преданным своей стране, законодательство которой он стремился улучшить, пользовался благосклонностью при дворе и явным врагом Реформации. У него было три племянника, брата, которые в свое время были очень выдающимися людьми. Старший, Станислав, был полномочным министром Польши во Франции при Франциске I. и он выполнял те же функции при австрийском дворе. Ярослав (или Иероним), ученый и выдающийся писатель, был активен также в политических делах и сыграл важную роль в спорах между Австрией и Турцией. Третьего брата, как и его дядю, звали Иоанн, и он родился в Варшаве в 1499 году. Он посвятил себя священству, с отличием учился под руководством предстоятеля и, по мнению некоторых авторитетных источников, должен был стать его преемником.^[634]

В двадцать пять лет Джон все еще был приверженцем римско-католической веры; но он был одним из тех духов, которые чувствительны к благородному голосу истины и свободы, когда его однажды слышат. Принципы, которых придерживались водуа, Уиклиф и гуситов, подготовили Польшу, как уже говорилось, к восприятию идей, более христианских и более либеральных, чем идеи папства. Молодой Джон Аласко ощутил это влияние; и хотя он все еще придерживался единства Рима и был предубежден против работ Лютера, он, тем не менее, верил, что в движении за реформацию, которое тогда волновало всю Европу, было что-то хорошее. Он хотел

быть более близким зрителем движения. В то время его идеалом был Эразм. Этот великий ученый, оставаясь приверженцем католической церкви, смело боролся с ее злоупотреблениями и стремился распространять повсюду больше света. Около 1524 года Аласко покинул Польшу с целью посетить суды и самые известные университеты Европы, и прежде всего Эразма.

Молодой польский дворянин не поплыл по течению, которое в то время уносило так много молодых людей в Виттенберг и к Лютеру. В настоящее время он был слишком привязан к Римской церкви, а его дядя, примас, - еще больше. Поэтому сначала он, по-видимому, выбрал Лувен, который архиепископ, должно быть, рекомендовал ему предпочесть Виттенбергу. Но если бы он действительно был в Лувене в ту эпоху, схоластический и фанатичный католицизм университета немедленно побудил его искать более просвещенное преподавание в другом месте. Действительно, утверждается, что в Лувене он подружился с Альбертом Харденбергом.^[635] Позже он мог бы многому научиться у этого богослова, столь известного своими знаниями, проницательным умом и дружелюбными манерами. Но в 1523 году Харденбергу было всего тринадцать, и он оставался до 1530 года в монастыре Адуверт, в провинции Гронинген. Таким образом, в последующий период эти двое мужчин стали близкими друзьями.

Аласко И Цвинглиус.

Первым реформатором, с которым мы находим связь Аласко, является Цвинглиус. По прибытии в Цюрих в 1525 году было естественно, что Аласко пожелал повидаться со швейцарским реформатором, который сам был учеником и другом Эразма. Это было время, когда Цвинглиус сопротивлялся Манцу Гребелю и другим сектантам-энтузиастам. Это могло побудить Аласко, который в то время был католиком, искать с ним знакомства. Цвинглиус, когда ему представили этого молодого дворянина с Севера, не теряя времени, указал на источник, у которого он должен искать истину. "Займитесь, - сказал он, - изучением священных писаний".^[636] Эти слова поразили Аласко. Он уже общался со многими врачами в Лувене и других местах, "но, - сказал он, - этот человек был первым, кто велел мне изучить Священные Писания".^[637] Чем больше он размышлял и чем больше практиковал эту заповедь, тем больше он начинал открывать новый путь, ведущий к жизни. Он почувствовал силу этого слова и признал, что оно пришло от Бога.^[638] Цвинглиус пошел дальше. Он призвал Аласко *отказаться от папских суеверий и обратиться к Евангелию*.^[639]

Но племянник примаса Польши в то время не был склонен следовать совету Цвинглиуса. Он желал посвятить свои силы служению своей стране, в которой, как он был уверен, занимал влиятельное положение. Его привлекала не епископская митра и сопутствующие ей почести. Это была надежда распространить в Церкви знания и благочестие. Для достижения этой цели он был убежден, что должен оставаться в черте Церкви.

Как бы то ни было, Цвинглиус дал ему первый импульс. В Цюрихе он ощутил прикосновение, которое приходит свыше и которое побуждает людей искать истину в Библии. Кажется, он провел некоторое время в Цюрихе. Он часто вспоминал Цвинглиуса с благодарностью; и когда он увидел, что реформатора атаковали, оклеветали, а после его смерти представили как худшего из всех энтузиастов, Аласко, который был свидетелем его конфликтов с беззаконниками, храбро взялся за его защиту. "Ему приписываются доктрины, - сказал он, - о

которых он никогда не задумывался и которые даже противоречат тем, которые содержатся в его собственных трудах".^[640]

Аласко, по его словам, проезжал через Цюрих по пути во Францию.^[641] Однако было естественно, что по дороге в Базель он повидался с Эразмом, познакомиться с которым ему так хотелось. Следовательно, его визит к королю школ должен был последовать непосредственно за визитом к реформатору.^[642]

Визит Аласко в Erasmus.

Эразм был высоко почитаем в Польше. Несколько вельмож королевства оказали ему знаки своей доброй воли, а также сделали добрые подарки. Аласко приносил ему письма от своих друзей; и в нем самом были изящество и скромность, которых вполне хватило бы без каких-либо других рекомендаций. Ученый принял его с большой добротой и даже с теплым чувством. Молодой человек понравился ему, и он пригласил его погостить в своем доме. Для польского студента это было самое заманчивое предложение, и он его принял. Прославленный голландец, возможно, испытывал некоторые угрызения совести, предлагая молодому лорду с севера свое скромное жилище и свой образ жизни, такой простой и лишенный роскоши. Но Эразмус об этом не подумал, и Аласко увидел в этом визите возможность обеспечить этому выдающемуся человеку некоторый комфорт и удовольствия. Согласно церковному обычаю, он с самых ранних лет был богато обеспечен титулами и бенефициями; и он путешествовал, подобно молодым дворянам того времени, с туго набитым кошельком. Поэтому он с истинно польской щедростью взял на себя домашние расходы во время пребывания, которые ему предстояло там произвести; и все это он делал с размахом. Он также поставил перед собой задачу удовлетворять литературные вкусы Эразма с такой же щедростью, как и деликатность.^[643]

Таким образом, Аласко провел несколько месяцев в дружеских отношениях с этим великим человеком; и, сознавая узы, которые все еще связывали Эразма с папской системой, он с еще большим доверием отдался впечатлениям, производимым на него его прекрасным гением в их повседневном общении. Он все больше и больше порывал с тем мрачным католицизмом, с тем нетерпимым монашеством, которое Эразм задолго до этого осыпал своей едкой иронией. Влияние Эразма было еще более важным. Библия, и особенно Новый Завет, были особыми объектами его трудов. Заметив серьезный настрой Джона Аласко, он посоветовал ему изучать Священное Писание, тем самым направляя его по тому же пути, который указал Цвинглиус.

В их частых беседах Эразмус говорил, что недостаточно стремиться занять важное место в церкви. Необходимо приобрести способность к этому, изучать здравую теологию и искать истинную религию в Евангелии. Аласко полностью согласился с такой справедливой истиной, и ему стало стыдно за себя. Он стремился к должности священника, епископа, возможно, даже примаса; и он мало думал ни о вере, ни о своем изучении Священных Писаний. Знания, которых требует такая позиция. Он приступил к работе и позже сказал реформатору: "Именно Эразм побудил меня посвятить себя святым вещам; именно он первым начал наставлять меня в истинной религии",^[644] Однако, похоже, что в то время он не находил в Священном Писании глубочайшей истины христианской веры. Сам Эразмус не до конца осознал эту глубину. Схоластике он предпочитал Евангелие, но в то же время преисполнялся чрезмерного

восхищения греками и римлянами и, по его собственным словам, едва мог удержаться, часто восклицая: 'Святой Сократ, помолись за нас!' Именно в это время этот великий человек вступил в конфликт с Лютером и опубликовал свою *обличительную речь о свободе воли*, в которой он значительно приуменьшил силу божественной благодати. Однако ни один человек в его время не приобрел столь универсальной культуры. Пребывание рядом с Эразмом было для Аласко лучшим стимулом для прогресса в учебе. Молодой человек решил начать с иврита и Ветхого Завета, и в Базеле он нашел необходимую помощь. Конрад Пелликан, уроженец Эльзаса, рано вступивший во францисканский орден, в полном одиночестве в своей келье овладел древнееврейским языком; и в 1502 году, когда ему было всего двадцать четыре года, он был назначен профессором теологии, а затем настоятелем своего монастыря. Постепенно в его сознании зародился свет, и уже в 1512 году Пелликан и его друг Капито пришли к пониманию простоты и духовности Вечери Господней. В 1523 году по просьбе некоторых выдающихся граждан Базеля он заменил бесконечные мессы, читаемые и поемые в часовне, ежедневным изложением Священного Писания; и он упорно следовал этому курсу, несмотря на жалобы самых фанатичных монахов, которые постоянно кричали, что изложение Священного Писания в будние дни сильно отдаёт лютеранством! Этот человек посвятил Аласко в знание иврита и Ветхого Завета. В то же время он извлек пользу из общения с другими выдающимися людьми, находившимися тогда в Базеле; среди которых были Глареан,^[645] великий мастер греческого и латинского языков, и Эколампаций, который посвятил себя особенно установлению основных основ веры, не тратя времени на второстепенные разногласия. Аласко, со своей стороны, старался быть полезным этим ученым. Он был их молодым меценатом и особенно поощрял Глареана щедрыми субсидиями. Впоследствии Глареан посвятил ему одну из своих книг.^[646] Он находил невыразимое счастье в общении с людьми одновременно столь благочестивыми и столь совершенными; и это единение разума, идей и чувств часто всплывало в его памяти. "Я всегда с большой радостью вспоминаю нашу жизнь в Базеле", - писал он двадцать лет спустя одному из тех, кого он там знал.^[647] Эразм был едва ли менее доволен молодым поляком. Этот литератор часто упоминал о нем, когда писал своим друзьям. В письме от 7 октября 1525 года, адресованном Эгнатию, мы читаем— 'У нас здесь Джон Аласко, поляк. Он человек из знатной семьи и скоро займет самый высокий пост. Его нравственность чиста, как снег. Он обладает всем блеском драгоценных камней и золота.'^[648]

Очарованный обществом Аласко, Эразм почти в то же время написал Казимбротусу: "Этот достойный поляк — молодой человек, образованный, но свободный от гордыни, полный таланта, но без высокомерия, с таким искренним, любящим и приятным характером, что его очаровательное общество почти вернуло мне молодость в то время, когда болезни, тяжелая работа и досада, причиняемая моими недоброжелателями, почти заставили меня изнывать".^[649] Люпсету аналогично он написал— 'Польский граф, который скоро займет в своей стране самое высокое положение, обладает такими непринужденными, открытыми и сердечными манерами, что его общество день ото дня делает меня снова молодой'.

Эразм, очевидно, не сомневался, что однажды, и очень скоро, Аласко станет примасом Польши.^[650] "Славное происхождение, - сказал он далее, - высокое звание, перспективы самые блестящие, удивительно богатый ум, необычайный объем знаний... и при всем этом в нем нет ни малейшего намека на гордыню. Мягкость его характера позволяет ему находиться в гармонии со всеми. В то же время он обладает непоколебимостью взрослого человека и твердыми суждениями старика.' Мы не могли обойти молчанием это впечатление, произведенное Аласко на величайшего критика эпохи.

Возвращение Аласко в Польшу.

Это восхитительное общение внезапно прервалось. До Польши дошла весть, что Аласко живет в Базеле, причем не только в доме Эразма, но и в обществе реформаторов. Его друзья были встревожены. Они хотели, чтобы он общался с модным миром и посещал королевские дворы, а не собрания тех, кого считали еретиками. Он получал письма из Польши, в которых ему предписывалось покинуть Базель, поскольку король вызвал его по важным делам.^[651] Аласко был глубоко опечален. "Я никогда не смогу достаточно пожалеть, - сказал он впоследствии, - что счастливые связи, которые я завязал в Базеле, были в то время разорваны авторитетом моего начальства".^[652] Пока молодой поляк готовился сесть на лошадь,^[653] Эразм написал одному из своих друзей, епископу: "Его уход — смертельный удар по Эразму и по многим другим, так много сожалений он оставляет после себя". Эразм не рискнул задерживать его, поскольку приказ был от короля. Перед отъездом Аласко умолял Эразма вступить в переписку с королем Польши в надежде, что это принесет много пользы его стране. Великий писатель не мог утешиться своей потерей. Реджинальду Поулу он написал... Польский барон Джон Аласко, который сделал меня таким счастливым своим обществом, в этот момент жестоко огорчает меня своим отъездом".^[654] В марте 1526 года Эразм написал самому Аласко, которому он полушутливо присвоил титул "высочество": "В течение нескольких месяцев я был вынужден прилагать огромные усилия, - говорит он, - чтобы вернуть моему дому, испорченному вашим великолепием, былую бережливость".^[655] Всю осень и всю зиму я только и делал, что боролся со счетами и вычислениями. Это всего лишь мелочь. Меня окружали и другие трудности, в которых я мог легко понять, что мой добрый гений покинул меня". Из этого письма Эразма не следует, что великие дела, о которых говорится в письме Аласко из Польши, были доверены ему. Возможно, это сообщение было всего лишь приманкой.

Предполагается, что Аласко отправился ко двору Франциска I, где проживал его брат Станислав, в качестве посла Польши. Его собственного имени, буквы, которую он носил, и дружелюбия его характера было достаточно, чтобы обеспечить ему при этом блестящем дворе самый радушный прием. В более поздний период он переписывался с Маргаритой Наваррской, сестрой короля. Возможно, их знакомство относится к этому периоду.

Однако мы испытываем некоторые сомнения относительно курса, который избрал Аласко, покинув Базель. Возможно, он ненадолго задержался в Париже или отправился в Италию. Письмо Эразма, написанное через четыре месяца после его отъезда, адресовано Венеции. Великий автор сообщает ему, что до этого времени он не знал, куда ему написать. "Никто, даже муха",^[656] сказал он: 'отсюда в Венецию. Мы были в полной неопределенности относительно того, в какой части света вы находитесь, будь то Испания, Франция или Польша.' Его семья, похоже, действительно хотела, чтобы он посетил Францию и Испанию; но сам Аласко, похоже, был в основном склонен посетить Италию. Среди его поклонников был выдающийся ученый Беатус Ренанус, который, посвятив ему одну из своих работ, отправил посвящение ему в феврале 1526 года в Падую, где, по его мнению, тот был погружен в научные занятия. Но молодой Меценат к этому времени был уже на пути обратно в Польшу.

Его Борьба.

После возвращения на родину Аласко пришлось пережить серьезные испытания. Его семья стремилась любой ценой отвлечь его от его новых идей и новых друзей. Какой скандал, какое горе видеть, как племянник примаса, к тому же его будущий преемник, объединяется с

сектантами Цюриха, Базеля и других соседних мест! Его родственники думали, что если бы им удалось склонить его к дипломатической карьере, это был бы самый верный способ свернуть его с евангельского пути. Действительно, похоже, что ему было предназначено выполнить не одну миссию такого рода; но его любовь к учебе, слабое здоровье и, несомненно, новая вера, зарождавшаяся в его сердце, помешали ему принять их. Если он избегал этих искушений, то вскоре подвергался другим. Его дядя, как мы уже говорили, был придворным. До того, как стать примасом, он был архиректором королевства и жил в тесной близости с королями Казимиром IV, Джоном Альбертом и Александром. Люди воображали, что высокая сфера, в которой он вращался, избавит Аласко от его странных вкусов.

Положение молодого поляка, его семейные связи, путешествия, обаяние его характера и привлекательная внешность не только обеспечили ему доступ в придворный круг, но и сделали его очень востребованным. Его лоб выражал решительность; взгляд был ясным и остро наблюдательным; изогнутые и слегка приоткрытые губы выражали искреннюю и любящую натуру; густая и элегантная борода ниспадала на грудь. Поначалу при дворе его что-то привлекало. Он смешался там с высшим обществом, образованными мужчинами и любезными женщинами; но вскоре он обнаружил, что этот веселый и мирской образ жизни был для него развлечением, отвлекал его от высших дел, отнимал его время и отвлекал от учебы. Интересы, разговоры и пристрастия этой светской компании находились в явном противоречии со спокойными и прилежными вкусами, которым он до сих пор подчинялся. Иногда не говорилось ни о чем, кроме турецких вторжений, опасностей, нависших над Венгрией и Австрией, войн и глубоко укоренившегося беспокойства и волнений в Европе. В другое время это были удовольствия, светскость и легкомысленные беседы, театр и танцы, которые, казалось, поглощали весь интерес этого блестящего общества. Аласко боялся, что эти опасные аттракционы могут увлечь его в суету. Он спрашивал себя, как могло случиться, что эти великие лорды, теснившиеся во дворце предпоследнего из Ягеллонов, которые искали расположения принцев и старались не пропустить ни одного пира при дворе или в городе, не думали о своей вечной войне. Он был не только поражен страстным рвением, с которым они стремились к величию и удовольствиям, к помпезности уходящего века; но, проникая глубже в их умы, он увидел их притворную ненависть, скрытые интересы, жгучую ревность, коварные интриги и готовые вспыхнуть разногласия. Ему не нравились воздух, тон или образ жизни, которые он видел вокруг себя. Все они были внешне отполированы, как мрамор, а внутри так же тверды. Тем не менее ему было нелегко оторваться от притязаний и соблазнов, которые его окружали. Впоследствии он глубоко сожалел о том, что потерял в придворной жизни время, которое, если бы было потрачено на учебу, принесло бы ему так много пользы.^[657]

Таким образом, Аласко пережил упадок христианской веры. Когда он вернулся на родину, он принес туда в своем сердце драгоценный зародыш новой жизни, действительно еще слабый, но который принес бы плоды, если бы его бережно взращивали. Контакт с миром душил его, как тернии душат пшеницу, когда она начинает формироваться. Аласко колебался, пока был при дворе. У него было множество оправданий. Он сказал себе, что прославленный Эразм не порывал со старыми вещами, хотя они и не вполне удовлетворяли его; и он хотел подражать ему. Евангелическая церковь казалась ему слабой и презренной по сравнению с величием Рима.

Его Отпадение.

Одной из причин его ухода стал прием, оказанный ему по прибытии в Польшу. В некоторых случаях он был холодным, в других - саркастичным, а в нескольких случаях - злым. О нем ходили всевозможные слухи при дворе, в городе, в ризнице и монастырях. Наиболее фанатичные католики воспользовались этими сообщениями и отправились сообщать о них архиепископу. Утверждалось, что он привез с собой жену, и, конечно же, жену-еретичку. Его дядя, примас, принял его с хмурым видом. 'Я уверен, сэр, - сказал он, ' что вы женились в Германии и там подтвердили свою приверженность лютеранскому учению'. Аласко был в ужасе и возразил, что у него даже в мыслях не было жениться.^[658] Привыкший уважать архиепископа и как отца, и как предстоятеля, он был запуган и стремился оправдать себя, зайдя так далеко, как позволяла ему совесть. В его душе произошло пробуждение, но он не присоединился ни к какой определенной секте; а что касается его брака, то это была не что иное, как нелепая басня, придуманная священниками, чтобы погубить его. В этом он так основательно убедил своего дядю, что больше об этом ничего не говорилось. Однако в отношении доктрины это было не так. Примас был искренне предан римскому двору. В 1513 году он присутствовал на пятом Генеральном Латеранском соборе, выступал там в присутствии Льва X и получил для себя и своих преемников звание легата Апостольского престола. Он всегда проявлял большое рвение в качестве архиепископа и князя и созвал не менее шести провинциальных синодов. Различные указы, каноны и писания свидетельствуют о его неприятии Реформации.^[659] Следовательно, молодой Аласко, хотя Эразм охарактеризовал его как главу благочестия, покровителя знаний, образец морали и епископа мира, должен ожидать с его стороны строгого *наблюдения*.

Предполагаемые злодеяния Аласко наделали много шума в Польше. Предстоятель не мог примириться с мыслью, что в его племяннике нашли еретика. Он решил подвергнуть его допросу. С этой целью он счел уместным присоединить к себе другого епископа, чтобы тот не мог подвергнуть себя обвинению в чрезмерной снисходительности. Поэтому он попросил краковского епископа принять вместе с ним участие в расследовании.^[660]

Для Аласко это был самый болезненный момент в его жизни. С одной стороны, он знал, что врачи-евангелисты Базеля хотели бы, чтобы он открыто исповедовал евангельскую истину. Но, с другой стороны, он спрашивал себя, правильно ли было идти дальше своих убеждений и может ли он призвать к реформации, абсолютную необходимость которой он еще не признавал. Этими соображениями, которые отчасти проистекали из уважения к мужчинам, он был сдержан. Он сделал нечто большее, чем просто колебался; он поддался влиянию своего дяди, свет в нем померк, и мир возобновил свое господство. Окруженные ревностными приверженцами Рима, эти люди преуспели в том, что своей софистикой убедили его в необходимости сохранения единства Церкви.

Аласко предстал перед архиепископом и епископиней и, полный уважения к этим высокопоставленным лицам, собственноручно передал им заявление, которое потребовал от него дядя, сделав, однако, в нем некоторые оговорки.

Отказ от реформы.

"Я, Джон Аласко, - говорится в документе, - услышав, что мои враги ложно представили меня как принимающего определенные предполагаемые догмы, чуждые святой католической, апостольской и Римской Церкви, я считаю необходимым заявить, что, хотя я прочитал, с апостольского разрешения, многие труды многих авторов, особенно некоторые труды тех, кто отделился от единства Церкви, я никогда не присоединялся ни к одному из их мнений, и я

никогда сознательно или добровольно не принимал^[661] любая из их доктрин, особенно если я знал, что Римско-католическая церковь отвергла их. И если по неосторожности (мы все мужчины) Я допустил какую-то ошибку,^[662] что часто случалось с наиболее образованными и набожными людьми, теперь я полностью и недвусмысленно отрекаюсь от этого. Я искренне заявляю, что у меня нет намерения следовать какой-либо секте или доктрине, чуждой единству и доктринам Католической, Апостольской и Римской Церкви, что я принимаю только то, что одобрено ею, и готов, пока я жив, повиноваться во всех законных и честных вещах^[663] Святому Престолу и нашим обычным прелатам и епископам, назначенным им.^[664] В этом я клянусь, да поможет мне Бог и Его святое Евангелие".

Это заявление Аласко подписал. Оно датировано 1526 годом. В повествованиях о его жизни оно обычно опускалось, возможно, потому, что считалось вредным для него. В духовной жизни молодого человека действительно произошел откат назад. Однако не следует забывать, что в то время он стоял не на чистой и непоколебимой скале Евангелия, а на колеблющейся точке зрения Эразма. Как бы то ни было, историческая достоверность заставляет нас вспомнить этот поступок Аласко. Как только сердцем он уверовал в праведность, устами он исповедал Господа во спасение. Но религия, которой придерживался Аласко в тот период, была плодом знания, а не веры. Итак, 'место веры, - говорит Кальвин, - находится не в мозгу, а в сердце". Абсурдно искать тепло и пламя там, где их нет".

Эта клятва, данная Аласко, была, как и его мирская жизнь, настоящим падением.

Аласко, хотя и говорил о том, чтобы остаться в католической церкви, не стал суеверным папистом. Он поддерживал самые тесные отношения с Эразмом. Даже после своей клятвы, и хотя роттердамский ученый был объектом ненависти многих в Польше, Аласко смело признал себя его учеником.^[665] Он даже лелеял надежду, что его прославленный друг избавит его от рабства, которому он подвергался. Одна мысль не давала ему покоя. Он полагал, что, если Эразм напишет королю Польши,^[666] принц, обладавший благородным характером и просвещенным пониманием, не мог не избавить свою страну от римских суеверий. Поэтому Аласко убедил его написать Сигизмунду. "Он проявляет такую серьезность в этом вопросе, - подумал Эразм, - что для этого должны быть какие-то причины". Поэтому он написал королю 1 июня 1527 года, но, насколько кажется, без особого результата.^[667]

Почести.

Примас, удовлетворенный заявлением своего племянника, назначил его ректором или главой капитула своей кафедральной церкви, *præpositus Gnesnensis*. Это был первый шаг к первенству;^[668] и вскоре он был наделен другими достоинствами. Но именно эти достоинства, которые поставили его в привычное соприкосновение с римским духовенством и римскими суевериями, сделали его еще более осознанным в необходимости реформации, и он был огорчен, увидев, что никто не подумал об этом. Чем больше он видел безразличия и даже враждебность своего дяди и самого короля к чистому Евангелию, тем больше он осознавал ценность этого. Пышность и волнения двора, честь и бремя занимаемых должностей, казалось, заглушили в нем новую жизнь. Но ни одно растение, посаженное Небесным Отцом, нельзя вырвать с корнем. Напротив, божественное растение, находящееся под живительным влиянием Солнца праведности, теперь росло в сердце Аласко. Он читал труды Меланхтона, и особенно его прекрасную *апологию Аугсбургской исповеди*. Впоследствии он вступил в переписку с этим любезным и образованным врачом. Он также отправил нескольких молодых поляков учиться у

него в Виттенберге. Дискуссия о свободе воли между Эразмом и Лютером, начало которой он видел в Базеле, глубоко заинтересовала его. Он написал в Бреслау с просьбой прислать ему все работы на эту тему, написанные либо Лютером, либо Эразмом.^[669] Один факт свидетельствует о тайном продвижении Аласко: хотя сначала он был на стороне Эразма, теперь он склонился на сторону Лютера. Чем больше он продвигался в познании своего собственного сердца и Священного Писания, тем яснее он видел пропасть, лежащую между собственной праведностью человека, даже самого нравственного человека, и совершенной святостью Бога. Он чувствовал, что неспособен собственными силами обрести радость спасения или даже пойти навстречу благодати, данной Иисусом Христом. Бог, Который призвал, не оставил его. Посреди всех соблазнов, которые окружали его, он был вынужден возложить все свои надежды и искать всей своей силы в милосердии Спасителя. 'Только милость Божья сохранила меня, - сказал он, - если бы не это, я впал бы во все виды зла, и никакая человеческая мудрость не спасла бы меня от этого. Я был бы самым несчастным из людей, если бы божественное милосердие не спасло меня!'^[670]

По мере того, как Аласко крепчайшими узами привязывал себя к Евангелию, искусственные узы, которые вернули его в Церковь, и те, которые соединяли его с Эразмом, ослабевали. Он был потрясен высказыванием знаменитого писателя о том, "что Евангелие в Германии и Швейцарии покоилось на плохом фундаменте". Даже в 1527 году Эразм писал англичанину Коксу, что ежедневного знакомства с характером Джона Аласко было достаточно, чтобы сделать его счастливым, даже если у него не будет другого друга.^[671] Тем не менее, постоянно усиливающееся решение Аласко охладило сердце ученого. Имя молодого поляка постепенно встречается в письмах Эразма все реже. Это хладнокровие, должно быть, было болезненным, но полезным для Аласко.

Еще одно обстоятельство способствовало тому, что он стал сильнее и свободнее в своем прогрессе и в развитии своей веры. Его дядя умер в 1531 году. Примас осуществлял над ним власть не только официального начальника, но и отца; и продление его жизни могло отсрочить окончательное предоставление избирательных прав его племяннику. Ничего не говорилось о назначении Аласко примасом вместо него. Он был слишком молод для такой должности, и против него было слишком много предубеждений.

Рост Духовного Прозрения.

Аласко не стоит в первом ряду людей Реформации. Но в одном отношении он превзошел их всех, и это по причине того состояния жизни, в котором Богу было угодно, чтобы он родился. Он лучше, чем кто-либо другой, знал, что значит пожертвовать ради Иисуса Христа миром с его достоинствами и милостями; и он сделал это с благородным мужеством. Как только была снята повязка, которая в течение некоторого времени была наложена ему на глаза, он почувствовал отвращение к рабству. Ничто в мире не могло заставить его склонить голову под ярмо, и он стал одним из самых прекрасных примеров моральной свободы, представленных в шестнадцатом веке. Для него было очевидно, что он должен отказаться от мысли о реформировании Польши. Он видел, что препятствий становится все больше, и отныне признавал, "что где бы ни начинало проявляться царство Христа, сатана не может дремать или не проявить немедленно свое коварство и свою ярость".^[672] Он хотел бы завоевать свою родную землю для Иисуса Христа; но он видел, что путь прегражден крепостями и армиями. Его положение стало невыносимым. Быть окруженным злоупотреблениями, которые позорят нравственное учение Иисуса Христа, и

терпеть их было, по его мнению, богохульством. Ему хотелось бы сразу же напасть на них одного за другим, "схватить мощный молот и сокрушить эти камни".^[673] Должность истинного учителя, думал он, заключалась в том, чтобы наставлять каждого в выполнении долга, который он был обязан выполнять. Но, сказал он, если человек, которого вы хотите предостеречь, не позволит вам этого сделать; если он предписывает уважать свою собственную волю, исполняет ли это свое служение со свободой?^[674] В Польше тот, кто отдавал такие приказы, был королем. Теперь девизом Аласко была "Свобода".

Но величайшие искушения были еще впереди. У Джона Аласко, как мы уже говорили, был брат Ярослав, сыгравший важную роль в делах Венгрии. Зная о препятствиях, с которыми его брату пришлось столкнуться в Польше, и, без сомнения, желая сохранить его в церкви, Ярослав задумал поселить его на более свободной земле Венгрии и добился его назначения в 1536 году епископом Весприма.^[675] Но Сигизмунд, услышав эту новость, встал на вопрос чести. У него был слишком возвышенный ум, чтобы не оценить прекрасных качеств Аласко, и он не хотел, чтобы такой человек был потерян для его королевства. Поскольку он не сомневался, что епископские почести станут связующим званием с Римом, он назначил его епископом Кужавии. На голову молодого ученика Иисуса Христа посыпались почести. Уступит ли он, подобно Русселю, епископство Олерона? Преклонит ли он колени перед идолом чести и власти?

Положение было опасным. Это разделение на два епископства открывало путь к высшему званию. Призванный двумя королями, он мог легко подняться еще выше. Влияние королей было велико в церкви. Джон Аласко в то время был просветленным, и, похоже, какая-то необычайная благодать была дарована ему свыше. Работа, начатая в нем ранее, была возобновлена и даже завершена. 'Бог в Своей благодати, - сказал он, - снова вернул меня к самому себе; и из среды фарисейства, в котором я был потерян, Он чудесным образом вернул меня к Своему истинному знанию. Ему да будет слава!'^[676] Он не колебался. "Образумившись по милости Божьей, - говорит он, - я теперь буду служить, насколько хватит у меня сил, той церкви Христовой, которую я ненавидел во времена моего невежества и фарисейства'. Он был убежден, что не сможет служить Богу, оставаясь в союзе с Римом, и был полон решимости следовать только голосу своей совести. В том же 1536 году, когда Кальвин в Ферраре написал своему старому другу Русселю свое прекрасное письмо^[677], указывая ему на долг христианина и призывая его отказаться от милостей папы, Аласко в Кракове собирался практически предпринять шаг, который реформатор превозносил в теории, и не только для того, чтобы добиться успеха. отказаться от епископских митр, которые были ему предложены, но также отказаться от выгодных и почетных церковных функций, на которые он уже был возложен.

Отъезд из Польши.

Он отправился к королю, изложил ему свои убеждения и сказал, что они мешают ему принять епископский сан в Куявии и что он собирается покинуть Польшу. Сигизмунд, хотя и сожалеет о его потере, похоже, не одобрил его план. Король ясно видел, что это было за учение, ради которого молодой человек хотел жить, и он предпочел бы, чтобы тот не исповедовал его в своих владениях. Он даже дал ему рекомендательные письма, которые, вероятно, так и не были доставлены. В намерения Аласко не входило навсегда отказываться от Польши. Он надеялся, что придет время, когда он сможет вернуться и свободно проповедовать там Евангелие. Он нежно любил свою родину и никогда не селился в каком-либо месте, не поставив условия, что ему будет позволено вернуться в свою страну, если он сможет проповедовать там Христа.

Поскольку он не мог трудиться для реформирования Польши, проповедуя в самой Польше, он трудился для этого в чужих странах молитвой.

Вернувшись из дворца, Аласко начал готовиться к отъезду. Его сердце было тронуту глубочайшим волнением. Он видел, что ему предстояло потерять; но он видел также, что он приобрел, найдя Иисуса Христа. Страна, в которой он собирался служить, казалась ему более желанной, чем все величие и достопримечательности его любимой Польши. Великолепие Евангелия воссияло в его душе, и мирское великолепие, которое прежде ослепляло его, теперь исчезло. Он чувствовал, что даже репутация благородства и добродетели, которую ему дали Эразм и другие, мешала ему прийти ко Христу. Он признавал, что на земле есть вещи огромной ценности; но знание Христа превосходило в его глазах все, что было самого прекрасного и величайшего в мире. Поэтому он поступил так, как поступают те, кто, плывя по великим водам и видя, что их судно в опасности, бросает свои пожитки в море, чтобы они могли счастливо вернуться в гавань.^[678]

Богатство, дворцы, почести, древняя и прославленная семья, великое будущее — все это он отбросил. Он обрел Христа. Он хотел быть богатым только своей милостью и великим только своим величием.

Аласко покинул Польшу в 1537 году и предпринял долгое паломничество по чужим землям, утешая себя мыслью, что у слуг Божьих нет родины на земле, но они ищут небесную. Сначала он отправился в Менц, в то время дом своего друга Харденберга, который получил там степень доктора теологии. Из Менца он отправился в Лувен в Нидерландах.

ГЛАВА VIII. ПОЛЬСКИЙ РЕФОРМАТОР В НИДЕРЛАНДАХ И ФРИСЛАНДИИ. (1537-1546).

У Реформации было много друзей в Нидерландах, и впоследствии у нас будет возможность убедиться в этом; но они были найдены, особенно вначале, среди простых людей. Лолларды, водуа и Братья общей жизни распространяли там Библию и ее доктрины. Они приобрели приверженцев главным образом среди ткачей и суконщиков. Правда, они также привлекли на свою сторону в крупных торговых городах некоторых очень влиятельных купцов; но в Лувене, где Аласко поселился на некоторое время, поклонников Христа можно было найти главным образом среди самых маленьких.

Аласко в Лувене.

Пребывание Аласко в этом городе, среди этих христиан, ясно показывает смирение польского дворянина. В Нидерландах он мог бы получить почести, от которых отказался в Польше. Его брат Ладислав, посол в Австрии, его брат Ярослав, находившийся в то время в большом фаворе у короля Фердинанда, могли бы обеспечить ему благосклонный прием при брюссельском дворе. Его действительно искали выдающиеся люди. Канцлер Фердинанда и маркграф Бранденбургский сделали ему блестящие предложения, если он поступит на службу либо к императору, либо к королю, своему брату. Но чем больше мир, казалось, стремился завладеть Аласко, тем больше он замыкался в себе, ведя скромную, неизвестную жизнь, посвященную

Богу. Теперь он окончательно отделился от Рима, воздвигнув между ними непреодолимый барьер. Твердо решив вступить в брак, который Бог установил от начала мира и который сама Римская Церковь считает таинством, он женился в Лувене на простой молодой женщине, благочестивой и полной общительных качеств.

Вскоре Аласко решил покинуть этот ультрагорский городок. Желание удалиться от брюссельского двора, потребность в смиренной и сокрытой жизни с Богом, которую он глубоко ощущал после своего падения, несомненно, были главным мотивом, побудившим его покинуть Лувен. Возможно, он также желал еще больше укрепиться в вере, прежде чем столкнуться с преследованиями. В поисках мирного пристанища он отправился в уединенный район на берегу Северного моря, в Восточной Фрисландии, и поселился в унылом маленьком городке Эмбден, как будто был полон решимости похоронить себя в этом мрачном и одиноком месте. Первое его пребывание там, длившееся около двух лет, было для него тяжелым временем. Жизнь, которую он вел, странно контрастировала с роскошью двора Сигизмунда. Его жизнь была не только внешне убогой, без каких-либо удобств, среди которых он вырос, но и унылой. В тех регионах, которые граничили с Северным морем, преобладали перемежающиеся лихорадки, и это довело его до состояния сильной слабости. Если он немного читал, это вызывало головокружение, если он пытался писать, у него путалось зрение. В середине 1540 года он сказал Харденбергу— ‘Я устал писать вам. Мне было очень трудно разобрать эти несколько слов, хотя я время от времени посвящал этому целый день’.^[679] Его ресурсы в это время были на очень низком уровне, поскольку он был лишен всего. Ему приходилось избегать даже пустяковых расходов, и он предложил продать свою библиотеку. Но эти неблагоприятные обстоятельства не только не повергли его в уныние, но и принесли ему прекрасные плоды терпения. Он признал, что Бог превратил для него бедствия в "помощь ко спасению" и дал ему мужество, необходимое для того, чтобы стойко переносить испытания. "СлаваБогу!" - сказал он Харденбергу. "Этими превратностями хорошего и плохого здоровья, жизни и смерти Он напоминает мне, что Он хозяин всей нашей жизни и в то же время самый милосердный Отец, который не допускает, чтобы с нами случилось что-то плохое".^[680]

Аласко В Эмбдене.

Религиозное состояние Фрисландии в этот период было очень печальным. Реформация проникла в страну еще в 1520 году. Граф Эдзард, прочитавший некоторые труды Лютера, одобрил это; а Апортанус, наставник молодого графа, публично проповедовал Евангелие. Но впоследствии эта работа была отложена из-за споров о причастии и вооруженного давления герцога Гельдерландского, который был очень ревностным католиком. Приверженцы папы римского, рвение сектантов и леность пасторов - все это способствовало разрушению Евангелической церкви во Фрисландии. Маленькая страна превратилась в поле битвы, на котором вели войну римские католики, реформатские цвинглианцы Голландии, меннониты Фрисландии и лютеране Германии. Казалось, это было место, где все религиозные конфессии того времени сталкивались друг с другом, пробовали свои силы и боролись друг с другом. Многие благочестивые души вздыхали о мире и задавались вопросом, кто мог бы восстановить его на этой многострадальной земле. Наконец, путь был открыт им, как внезапная вспышка света. Некоторые дворяне и магистраты, которые оплакивали религиозные беспорядки, услышав, что Аласко находится в стране, и будучи знакомы с его благочестием, достижениями в области знаний и благородным характером, попросили графа Энно пригласить его в Эмбден в качестве проповедника и суперинтенданта Церкви в их стране. Аласко пообещал своему брату

Ярославу не упускать из виду Польшу и никогда не селиться на чужбине, пока Ярослав жив. Более того, язык, который он понимал весьма несовершенно, и его ненадежное здоровье были серьезными препятствиями

в пути. Однако его главной целью было не заниматься какой-либо работой, которая могла бы задержать его в то время, когда он должен был получить призыв проповедовать евангелие на своей родной земле. Поэтому он отказался ехать и предложил своего друга Харденберга. Но последний также высказал возражения, и граф отказался от этой попытки.

История Ярослава.

Скорбные события должны были стать поводом для вступления Аласко в активную должность министра. Однажды он получил письмо из Польши, в котором сообщалось, что его брат Ярослав умирает, и просил его немедленно отправиться к нему. Аласко отправился в путь в конце зимы 1542 года и подошел к постели своего умирающего брата. Ярослав был умным, активным человеком, но при этом честолюбивым, и таким, который не колебался ни перед чем, что было необходимо для успеха его проектов или для того, чтобы отомстить своим врагам. Здесь Аласко узнал вещи, которые прежде были ему частично неизвестны. Заполья, король Венгрии, после первых успехов своего противника, короля Фердинанда, бежал в Польшу. Там он был принят при дворе и подружился с Ярославом. 'Заключи союз с турками, - сказал тот Заполье, - и они вернут тебе твою корону. Я беру на себя переговоры'. "Если вы вернете мне Венгрию, - сказал Заполья, - я отдам вам Трансильванию".

Солиман действительно прибыл к воротам Вены и вернул венгерскую корону Заполье. Но Ярослав имел дело с неблагодарным человеком. Король чувствовал себя неловко в присутствии того, кому он был обязан своей короной, и вместо того, чтобы отдать ему Трансильванию, он бросил его в тюрьму. Ярослав, вскоре после того, как добился своего освобождения путем судебного вмешательства, поклялся, что свергнет Заполью с трона, на который он его восстановил. Затем он перешел на сторону Фердинанда, участвовал под его флагом в нескольких сражениях, а затем отправился в Константинополь с целью побудить султана выступить против Запольи. Но партия этого князя все еще была влиятельна в этом городе. Мстительный Ярослав был заключен в тюрьму и был освобожден только после долгого заключения. Испытывая отвращение к Венгрии и Австрии, он вернулся на родину, но вскоре там заболел. Утверждается, что партизаны Запольи, стремившиеся положить конец столь беспокойной и опасной для их хозяина жизни, отравили его в Константинополе. Теперь его брат закрыл глаза; и, став свидетелем печального конца того, кто намеревался носить корону, он заново усвоил урок о том, что мы должны избегать, как смертельного яда, всего, чего мы не можем получить, не согрешив против Бога; и что даже в случае таких преимуществ земной жизни, которыми можно пользоваться с чистой совестью, мы должны прежде всего научиться, подобно Моисею, считать "поношение Христа большим богатством, чем сокровища Египта".^[681]

Аласко и Харденберг.

Во время своего пребывания в Польше Аласко был в хороших отношениях со своими соотечественниками, а также поддерживал близкие отношения с епископом. Похоже, у него была какая-то мысль о том, чтобы вызвать своего друга Харденберга в Польшу. "Вы бы улыбнулись, - писал он ему 12 мая 1542 года, - если бы знали, чем я занимался с нашими епископами, находясь в моей родной стране".^[682] Что касается его самого, то он скромно

вернулся во Фрисландию; и вскоре после возвращения его здоровье улучшилось. Путешествие, казалось, пошло ему на пользу. Он был воодушевлен новым рвением. Харденберг находился в это время в монастыре бернардинцев в Адуверте, в провинции Гронинген, где он, по-видимому, хотел затвориться. Аласко, питая глубочайшее уважение к своему другу, сделал все, что было в его силах, чтобы выманить его из монастыря; он был убежден, что этот христианин, наделенный самым дружелюбным нравом, самым превосходным пониманием и самыми глубокими знаниями — родственник, по общему мнению, папы Адриана, — призван сыграть важную роль в религиозном обновлении эпохи. На самом деле так и было на более позднем этапе. Но цистерцианский монах, хотя и был пробужден оживляющим духом, которым тогда дышала Церковь, все еще оставался привязанным к своему учреждению и к обрядам, злоупотребление которыми он признавал. Он был одной из тех робких душ, которые не могут решиться разорвать свои цепи. Однако он получил несколько убедительных уроков, которые должны были заставить его понять невозможность сосуществования с Римом. Когда в 1530 году он остановился в Лувене, богословы университета осудили его при брюссельском дворе как зараженного ересью. Он был даже на грани того, чтобы быть схваченным и доставленным в столицу, когда студенты и горожане спасли его из рук инквизиторов, и он сбежал. Они ограничились строгим обращением с его произведениями. Харденберг, вместо того чтобы удалиться в Виттенберг или какой-нибудь другой протестантский город, нашел убежище в своем монастыре Адуверт, где терпимый аббат присвоил ему звание профессора в школе. Его совесть убеждала его, что он должен оставить монашескую жизнь; но он был окутан могущественными узами, которыми Рим удерживает души в плену. Он очень старался убедить себя, что ему не нужно уходить из римской общины. Он верил, что для него возможно перестать быть суеверным папистом и в то же время оставаться благочестивым католиком. Но острые приступы отчаяния мучили его, и ему приходилось выдерживать ужасные конфликты. "Я переполнен стыдом, - писал он Аласко, - горем и печалью; и то несчастье, которое я испытываю, превращает меня в постоянную пытку".^[683] Впоследствии он пришел к себе и написал Аласко: 'Но я уверен, что могу оправдать перед Христом мотивы своего поведения'. "Что? - ответил его друг. - Ты в мире со Христом, и все же со мной ты полон стыда и страдания.... Значит, я больше Его? Нет, тот, чей покой освящен в Иисусе Христе, не найдет его нарушенным людьми."^[684] Поскольку тебя мечет туда-сюда так много противоречивых мыслей, я очень боюсь, мой дорогой Альберт, что ты дальше от мира Божьего, чем тебе кажется. Что?! ты сомневаешься, является ли жизнь, которую ты ведешь в монастыре, богохульством; но что касается тех абсурдных заблуждений, которые ты замечаешь в богослужении, в котором ты принимаешь участие, и которые бесчестят заслуги Христа, разве они не богохульства?... Ты говоришь, что один Вавилон ничем не хуже другого, и что тебе лучше оставаться в своем монастыре, чем приезжать к нам. Это сравнение несправедливо. Среди нас нет идолов; но что касается вас, то вы почитаете, принося публичное поклонение этому, как если бы это был Бог, ту мерзость, служителем которой вы являетесь.^[685] ... Если у нас еще есть какие-то идолы, они отброшены в сторону с презрением и пренебрежением. Ты говоришь, что ждешь водительства Духа. Но какого рода водительство? Я этого не знаю. Разве это не Дух Божий, который говорит: "Выйди из их среды и отделись". Мой дорогой Альберт, я люблю тебя, но мне не нравится твоя нерешительность".

Напрасно Аласко так настойчиво взывал к Харденбергу. Монах цеплялся за прутья своей обители и, казалось, с помощью своих монахов не поддавался никаким усилиям. Но Христос, наконец, освободил его. Его продвижение в познании Евангелия сделало то, чего не смогли

сделать уговоры его друга. В 1543 году он покинул монастырь и отправился в Виттенберг, где реформаторы оказали ему самый братский прием.

К тому времени граф Энно был мертв. Его жена, графиня Анна Ольденбургская, стала регентом Фрисландии. Она была женщиной благородного характера, набожной, но довольно слабой. Она призвала Аласко взять на себя руководство церквями страны. Поляк к этому времени привык к местному климату и выучил язык, а поскольку его брат был мертв, он был освобожден от данного ему обещания. Поэтому в ответе графине он сказал: "Я принимаю ваше предложение, но при одном условии: если меня когда—нибудь призовут в Польшу ради Евангелия, я буду волен отправиться туда".^[686] Графиня согласилась на это условие; и все те, кто всем сердцем болел за процветание религии и страны, преисполнились радости. Аласко, не теряя времени, написал своим друзьям обо всем случившемся. 'Объясните королю,' сказал он, 'что, хотя я принял здесь министерский пост, я волен в любое время, если он призовет меня, вернуться на родину'. В Польше людям казалось, что он склонен вернуться, независимо от характера работы, к которой он был призван. Поэтому он получал королевские письма с приглашением вернуться и надеждой получить какое-нибудь великое епископство.^[687] Эти письма глубоко опечалили его. Его сердце было сильно изранено. Не только король неправильно понял его; его родственники и друзья сделали то же самое. 'Что, - сказал он, - они хотели бы, чтобы я снова вернулся к моему старому образу жизни, к фарисейству. Они просят меня вернуться к моей блевотине'. Он немедленно ответил: "Я не потерплю, чтобы апостольство было облечено епископской тиарой или монашеским капюшоном."^[688] О моем возвращении не следует думать, разве что ради какого-нибудь законного призвания.' Высказывания, высказанные таким образом, охладили пыл его друзей; и некоторое время они ему больше не писали.

Обвинения.

Теперь Аласко приступил к работе, которая была поручена ему во Фрисландии. Было сказано, что Реформация нуждается в *досье*.^[689] Экзорцизм и другие суеверные обряды еще не были отменены. Различные вопросы о таинствах волновали умы людей. Огромное количество сектантов нашло убежище в стране; и многие придворные вели распутный образ жизни, меньше всего заботясь о религии. Аласко проявил замечательное благоразумие, рвение, умеренность и стойкость и тем самым вызвал еще более бурное недовольство. Те, кого он стремился исправить, начали клеветать на него. Одни говорили— 'Он анабаптист'; другие— 'он приверженец таинств'. Поскольку графиня сама оправдала его, они избрали другой путь, чтобы погубить его. Они настроили против него монахов, что было несложно. Эти люди апеллировали к высшим силам, чем графиня Анна. Они передали свои обвинения против нового суперинтенданта в суд Нидерландов, и это фактически означало донос на него императору. 'Он клятвопреступник и возмутитель спокойствия', - сказали они. Вскоре графиня получила приказ из Брюсселя принять суровые меры против подстрекателя. Приказ обрушился на Фрисландию подобно урагану. "Слышишь ли ты раскаты грома?" - спросил Аласко.^[690] Его друзья были встревожены. Сцены, свидетелями которых он был в Лувене, сожжение мужчин, погребение заживо женщин по приказу того же правительства, возможно, теперь повторятся. Аласко, однако, оставался спокойным, и Божественная благодать защищала его.^[691] Он предстал перед

князьями и высшими чинами государства и, заявив о своей невинности, был проинформирован о том, что у него не было намерения лишать его служения.

Тем не менее ему по-прежнему угрожала серьезная опасность. Правительство Нидерландов не было склонно прекращать судебное разбирательство. Оно было возмущено человеком, который отверг лестные предложения, сделанные ему в Брюсселе, взяться во Фрисландии за работу, столь оскорбительную для фанатизма этого двора. Если бы в этой стране утвердился протестантизм, протестанты Нидерландов могли бы найти там поддержку и убежище. Это было еще не все. Иоанн Фалькенбергский, брат покойного графа Энно, поначалу полностью преданный Реформации, женился в Брюсселе на Доротее Австрийской, внебрачной дочери Максимилиана и тете Карла Пятого. С тех пор этот фризский принц стал ярым приверженцем Рима и изо всех сил старался изгнать Аласко и Евангелие из Фрисландии.^[692] Аласко видел, как сгущаются тучи и вздуваются волны, но оставался спокоен. 'Я еще не знаю, к каким конфликтам меня призовут, - писал он Буллингеру, - но я уверен, что они не остановятся, пока не прогонят меня. Это еще не все. Сектанты, с одной стороны, и лжебратья, с другой, повсюду сеют смуту; но я рассматриваю все эти невзгоды как убедительное доказательство того, что я служитель Христа — Христа, против которого мир и дьявол направляют все свои воинственные машины. Я благодарю Бога, нашего Отца, через Иисуса Христа, моего избавителя, за то, что моя вера укрепляется в этих испытаниях; и я умоляю Его дать мне в испытаниях мужество, в котором я нуждаюсь, чтобы я мог явить Его славу своей жизнью или своей смертью. Я могу ожидать новых раскатов грома от брабантского двора, но Бог могущественнее их. Именно в Него я верил, и именно Ему я полностью посвящаю себя в это время'.^[693]

Ненависть к монахам.

Без промедления он смело взялся за дело и попытался очистить страну от последних остатков владычества папы. Отлив оставил там изображения и монахов. Некоторые умы, находившиеся между старым и новым, колебались между Римом и Евангелием. Другие, более приверженные традициям, говорили: 'Делайте, что хотите, пока у нас есть монахи и изображения, Римская церковь существует среди нас'. Францисканцы Эмбдена, правда, больше не служили мессу, но они проявили большую активность в стремлении вернуть утраченные позиции. Они проповедовали, крестили, совершали соборования, наносили визиты и составляли завещания у постели больных. Постановление правительства, которое нащупывало границу свободы и нетерпимости, предписывало им предстать перед суперинтендантом, который проверил бы их знания и веру и дал бы им полномочия проповедовать и совершать таинства или отказал бы им в них. Монахи были возмущены. 'Мы не имеем ничего общего,' сказали они, 'ни с каким начальником, и меньше всего с этим иностранцем и его длинной бородой'. Аласко предложил им конференцию для обсуждения основных спорных моментов между ними. 'Все, что угодно, только не это', - ответили они. И они активизировались, чтобы поднять недовольство и ропот против реформатора. 'Если мы оставим его в этой стране, - сказали они, 'над нами нависнут большие опасности. Гнев графа Джона и императора обрушится на нас. Кто сможет противостоять им?'

Графиню и ее советников встревожил этот аргумент. Кем они были по сравнению с грозным Карлом Пятым? Их пыл был охлажден. Они начали желать, чтобы какое-нибудь событие избавило их от человека, который компрометировал их в столь высоких кругах. Аласко заметил, что графиня, взявшись за плуг, оглядывается назад. Он видел, что момент был критическим и

что, если мы не хотим подавить Реформацию во Фрисландии, он должен быстро отразить удар врага. Не следует ожидать, что человек шестнадцатого века стал бы действовать по принципам девятнадцатого. Аласко, человек решительного духа, обратился к самой принцессе и написал ей следующее прекрасное письмо— 'Я знаю, мадам, что вы желаете распространять среди своих подданных славу Иисуса Христа. Но вы ошибаетесь в двух отношениях. Вы слишком легко подчиняетесь любой из сторон в вопросах религии. Это один недостаток. Вы действуете в соответствии с желаниями окружающих вас людей, а не с волей Бога. Это второе. На карту поставлено не только ваше собственное спасение, но и спасение многих церквей, вверенных заботам вас и меня, за которое вам придется отчитываться перед вечным Судьей. Это великолепная судьба - быть принцем; но при этом условии, что ты ищешь славы Божьей.... Монахи виновны в идолопоклонстве, и они являются его служителями. Они вводят в заблуждение многих ваших подданных, которые совершают запрещенное поклонение идолам. Мы не можем этого выносить. Нам заповедано бежать от идолопоклонства. Поэтому отбросьте идолов и удалите их служителей из нашей среды. Как долго мы будем продолжать пытаться угодить одновременно и Богу, и миру? Если Бог - наш учитель, почему бы решительно не следовать за Ним? Если это не так, то зачем вам нужен я как его служитель? Я готов не только потратить свое имущество на служение Церкви, но и отдать свою жизнь во славу Христа, если только вы согласитесь руководствоваться Словом. Если вы не сделаете этого, я не могу обещать вам свои услуги в качестве министра. Будьте уверены, я понимаю, насколько полезно уважение людей, и особенно тех, чья благосклонность имеет такое большое значение. Я всего лишь иностранец, обремененный семьей и не имеющий дома. Поэтому я хочу дружить со всеми, но ... что касается алтаря. Этот барьер я не смогу преодолеть, даже если бы мне пришлось довести свою семью до разорения.^[694] Тот, кто поддерживает всякую плоть, поддержит и моих близких, даже если я не оставлю им никаких ресурсов. Никогда, мадам, я бы не сказал вам этих вещей, если бы не знал вашего благочестия и вашей доброты. Но я бы предал дело истины, если бы не сказал вам этого. Лучше быть невежливым, чем неверным. Пусть Бог даст своего Святого Духа, чтобы направлять ваши советы.

"(8 августа 1543 г.)"

Таково было благородное письмо, написанное Аласко принцессе Анне Фрисландской. Она оценила благочестие и свободу его слов и ответила ему с большой добротой. Она сказала ему, что отдаст приказ об удалении изображений, но что это должно быть сделано постепенно, без шума и должным образом уполномоченными лицами, чтобы невежественное население не вмешивалось в процесс. Работа была начата, но продвигалась очень медленно, так что мера, принятая в августе, привела к незначительному прогрессу в ноябре.

Прогресс реформации.

В этот критический момент прибыл граф Иоанн, муж Доротеи Австрийской. Этот благородный человек, искренне преданный римской системе, был немедленно осажден монахами. Сильно раздраженный реформами, которые, как он видел, осуществлялись во Фрисландии, он изложил графине все обиды монахов и сказал ей: 'Абсолютно необходимо, чтобы вы изгнали этого человека'. Но реформатор отстаивал свои права с такой силой и правдивостью, что граф был потрясен; и когда графиня решительно заявила: "Я не могу обойтись без Аласко", Джон уступил. Эта победа ускорила Реформацию. Монахам было запрещено любое публичное богослужение; им также не разрешалось поддерживать какие-либо отношения с членами Церкви,

рассчитанные на то, чтобы отвратить их от послушания Слову Божьему. Им разрешили спокойно жить в своем монастыре; но общественные службы Римской церкви были даже там запрещены. Постепенно они ушли. Таким же образом исчезли изображения. Аласко, человек умеренный, не считал своим долгом ускорять реформу. Он добивался ее настойчиво и осмотрительно; и, несмотря на эту медлительность, она продвигалась вперед. Он верил — и эта черта отличала его от некоторых реформаторов, — что христианин, скорее всего, добьется успеха так же, и даже лучше, благодаря мягкости, чем опрометчивости.

Patience et longueur de temps

Font plus que force ni que rage.

Протестантские секты.

Это терпение не было праздностью. Различные секты, изгнанные из Нидерландов и других районов Германии, нашли убежище во Фрисландии, где они обрели свободу. Брюссельское правительство призвало графиню выслать их. Принцесса и ее советники были весьма склонны сделать это без дальнейших расспросов, но Аласко воспротивился этому. Он разработал превосходный план действий, но очень трудный для исполнения. Он хотел бы объединить различные протестантские партии в единое целое, включив в него даже самые мелкие секты. 'Вы позволили,' сказал он, 'этим чужеземцам поселиться среди вашего народа, и мы не можем сейчас, просто чтобы угодить тем, кто их преследует, прогнать их без какого-либо суда. Давайте сначала разберемся, что это такое. Ошибка понимания не делает человека подлежащим наказанию; но только виновные намерения'. Графиня попросила его провести такое обследование, как он предложил. Затем Аласко, движимый великодушным стремлением к единству и свободе, взялся за выполнение этой задачи; но вскоре он оказался втянутым в конфликт с огромным количеством различных мнений, часто непримиримых, и ему пришлось вести печальную борьбу с серьезными ошибками. Один человек среди них всех показался ему искренне набожным и поставившим перед собой действительно достойную похвалы цель. Это был Менно. Аласко пригласил его на религиозную конференцию, на которой обсуждались темы служения, крещения детей и воплощения Сына Божьего. Главным образом его интересовал последний пункт. Менно проповедовал фантастическую доктрину. Он верил, что рождение Иисуса было только видимостью, что Он не получил от Девы Марии свою плоть и кровь, а принес их с небес. Аласко не ограничился *живым выступлением* против этой гностической догмы; но написал трактат^[695] на эту тему. Менно выдвинул несколько других мнений, которые были свойственны только ему, Аласко признал, что его невозможно было присоединить к великому евангелическому сообществу; но в то же время он не просил о своем исключении.^[696]

Затем перед ним предстал другой богослов, гораздо менее достойный человек, чем Менно, не только придерживающийся фантастических представлений, но и ведущий аморальный образ жизни. Его звали Дэвид Джорис (или Джордж), и он был уроженцем Делфта в Голландии. Его отец был фокусником, который, как и его жена, любил разыгрывать жонглерские трюки на ярмарках и базарах. Молодой Дэвид, наделенный оригинальным и даже глубоким интеллектом, необыкновенно умен и обладал живым воображением, в то же время был полон честолюбия и тщеславия. Он научился рисовать по стеклу; но по воскресеньям и в праздничные дни он обычно присоединялся к своим родителям и развлекал зрителей своими фокусами. Это, несомненно, оказало на него дурное влияние. Впоследствии он услышал проповедуемое евангелическое учение и зацепился за него, но не без примеси. Он видел в этом не средство

спасения на небесах, а средство стать великим здесь, на земле; и, недовольный своим скромным призванием, он стремился стать главой секты. Джорис сочинял трактаты и гимны, проповедовал, набирал приверженцев и крестил их. Его преследовали в нескольких городах Голландии, он скитался туда-сюда под разными личинами и, наконец, прибыл в Восточную Фрисландию. Здесь его пыл приобрел ему нескольких учеников. "Учение, провозглашенное пророками, - сказал он, - и даже Иисусом Христом, не является совершенством.

Пятидесятнический дух действительно вел человека вперед, но привел его только к юношескому возрасту. Для развития взрослого человека был необходим другой дух, и этот дух находится во Христе Давиде (Иорисе). Я первенец возрожденных, новый человек Божий, Христос по Духу. Необходимо безоговорочно верить в меня. Эта вера приведет человека, обладающего ею, к совершенной свободе, и он окажется выше всякого закона, всякого греха и всякого принуждения.' Аласко, услышав эти странные претензии, сказал ему: 'Докажи нам свидетельством Слова Божьего, что это призвание принадлежит тебе. Многие церкви были обеспокоены людьми, которые, подобно вам, присвоили себе божественную миссию; и именно претензиям такого рода мы обязаны тирании папы римского и Мухаммеда'.^[697]

Дэвид ответил в стиле непогрешимого врача. Он сказал Аласко, что передаст ему свою *Книгу чудес*,^[698] что эта книга покажет ему, как он, Давид, превзошел его в познании истины, и что он отдаст себя, чтобы она привела его к высшему познанию Бога. Аласко ответил, что для него невозможно признать свою непогрешимость.^[699] 'В духовных вопросах, ' добавил он, - только Слово Божье имеет для меня какую-то ценность. Я закрываю глаза на все остальное. Пусть Господь управляет мной и хранит меня во славу Свою *истинным скипетром своей королевской власти*.

Йорис покинул Фрисландию и отправился в Базель. Там он взял вымышленные имена, продолжал руководить своими партизанами на севере, которые присылали ему много денег, и жил хорошо, распутно. После его смерти выяснилось, что у этого несчастного человека было несколько незаконнорожденных детей. Жители Базеля, встревоженные тем, что среди них был такой человек, самым энергичным образом выразили свое отвращение к его памяти.^[700]

Церковное управление.

Аласко, находясь в разгар этой борьбы, усердно выполнял работу служения. Он объяснял Священное Писание с кафедры; но, хотя обычно он следовал общепринятым обычаям, он допускал большую свободу во внешнем устройстве службы, потому что боялся, что единообразие усыпит умы людей и что из-за слишком строгого соблюдения этого режима, или этого обряда, или такого облачения вскоре возникнет новое папство. Поэтому Он считал желательным, чтобы время от времени происходило некоторое разнообразие и перемены. Главным, по его мнению, была проповедь Слова Божьего. 'Давайте остерегаться, ' сказал он, - отвлекать наше внимание множеством церемоний'. Однако был один вопрос, которому он придавал большее значение. Он желал, чтобы жизнь христиан соответствовала их исповеданию. 'Что, ' сказал он, ' должны ли мы бороться с ошибками извне и в то же время допускать, чтобы в наших собственных домах царила вседозволенность, и, будучи суровыми по отношению к другим, должны ли мы быть снисходительными к нашим собственным нарушениям?'^[701] Поэтому Он назначил в церкви в Эмбдене четырех старейшин, серьезных и благочестивых людей, которые от имени всей церкви должны были следить за нравственностью. Наконец, не желая, чтобы управление Церковью находилось в руках князя

или магистрата, или даже национальных консисторий, учрежденных в различных местах, он доверил эту должность тому, что он назвал *Ctus*, собранием пасторов. Его ошибкой было недопуск к нему старейшин. Однако это учреждение способствовало укреплению единства в здоровом учении, гармонии жизни и веры, а также хорошей богословской культуре. Проводились братские конференции, на которых звучали взаимные призывы к освящению. Изучались потребности паствы и способы их удовлетворения. Жизнь кандидатов, как внутренняя, так и внешняя, привлекала их внимание; и многие из членов *Ctus* сказали, что там они узнали больше, чем в университете.^[702]

Аласко, который в том, что касается литературы, был последователем Эразма, в том, что касается богослужения, - последователем Цвинглиуса, а в том, что касается дисциплины, устройства Церкви и таинств, - последователем Кальвина, в том, что касается учения о благодати, был, скорее, последователем Меланхтона. В 1544 году он написал *Изложение доктрины церквей Восточной Фрисландии*. Он отправил это письмо Харденбергу с просьбой передать его Буцеру в Страсбург и Буллингеру в Цюрих.^[703] Он твердо верил, что вечный совет Божий управляет всей историей; что Христос - центральная точка христианства и что без него нет спасения. 'Но Бог, ' сказал он, ' поскольку это зависит от него, никого не лишает своей милости. Христос своей святой смертью искупил грехи всего мира. Если человек погибает, то это не потому, что Бог создал его для того, чтобы претерпевать вечное наказание, а потому, что он добровольно пренебрег благодатью Божьей в Иисусе Христе.... Бог - Спаситель всех нас, самый любящий Отец из всех, самый милосердный ко всем, самый сострадательный ко всем. Давайте же тогда умолять Его о милости через Того, кому ни в чем нельзя отказать, а именно Иисуса Христа".^[704] Некоторые люди, привязанные к системе, обвинили Аласко перед Кальвином из-за этой доктрины, последний не стал слушать эти обвинения; и братская привязанность двух реформаторов ни в малейшей степени не прервалась.

Во Фрисландии все было не так. Аласко столкнулся с резким противодействием со стороны некоторых своих коллег и магистратов. В то же время в стране царили беспорядки и распространялись фатальные мнения. Аласко еще раз обратился к принцессе. 'Монахи и их идолопоклонство все еще стоят на своем, церковная дисциплина разрушена, и к распущенности проявляют столько снисхождения, что если какой-либо человек ведет трезвый образ жизни, его можно было бы на этом основании назвать сектантом. И это еще не все. Страна снова сталаместилищем самых странных доктрин, и, после войны с мошками, мы теперь даем пищу осам и шершням и позволяем воронам каркать на досуге".^[705]

Отставка Аласко.

Аласко, возможно, стремился к совершенству, недостижимому в этом мире. Пораженный божественным элементом, он недостаточно осознавал влияние человеческого элемента на вещи этой жизни. Обнаружив, что его усилия по очищению Церкви бесполезны, он не смог вынести ответственности, возложенной на него его епископским саном. Он считал достаточным бременем нести ответственность за свои собственные ошибки, не будучи также ответственным за ошибки других. Поэтому он сложил с себя полномочия суперинтенданта, сохранив за собой должность проповедника. Эта неудача в достижении полного успеха, однако, нисколько не уменьшила энергии его рвения. Вера создала в нем нравственную силу, которая не могла ослабнуть. Принцесса умоляла его вернуться к исполнению своих обязанностей, и он выдвинул определенные условия. Он будет послушен только Богу и его Слову. Он не мог вынести, чтобы

светские люди приходили и вставляли его на пути. Он требовал гарантий от вмешательства властей во внутренние дела Церкви и от возмущения со стороны пасторов, которые могли бы нарушить ее единство.^[706]

С этим согласились; и теперь он мужественно возобновил свою работу. Но за старыми испытаниями последовали новые. Граф Иоанн и большинство придворных не могли вынести серьезности его характера и его желания видеть преобладание порядка в Церкви. Его враги упрекали его в том, что он защищает опасных сектантов, возможно, потому, что он боролся с ними только словом и не хотел действовать против них путем заключения в тюрьму или изгнания. На его долю выпали другие испытания. У него снова поднялась температура и даже грозила потеря зрения. У него забрали одного из его детей, маленького Поля. Эта потеря разбила ему сердце. 'Все заставляет меня чувствовать,' сказал он, 'что это земное жилище вот-вот будет разрушено, и что вскоре (я надеюсь) мы будем в доме Отца со Христом. Наш дорогой малыш ушел раньше нас, и мы скоро последуем за ним'.^[707]

Его Загородный дом.

Эти скорбные события заставили его почувствовать тоску по более спокойной жизни. Он мечтал о каком-нибудь уединении, в котором он мог бы спокойно молиться, усердно занимаясь своим служением. Он купил дом за городом с прилегающей землей и вложил в него почти все свое имущество. В этой ситуации у него было несколько сельских занятий. Он был занят своим домом, а также немного своими полями; и для него было радостью находиться среди дел Божьих. Он был хорошим отцом и, согласно наставлению, адресованному епископам святым Павлом, старался воспитывать своих детей во всей чистоте и скромности. Его жена вела домашние дела, доила коров и готовила масло. Но Аласко не забыл главного. По его мнению, самым необходимым условием для процветания его личного благочестия и успеха в выполнении своих пастырских функций было прилежное изучение Священного Писания. Он поддерживал переписку с Меланктоном, Буцером, Буллингером и другими. Он изучал труды Кальвина, которого высоко ценил, хотя их мнения несколько расходились. Он был великодушным человеком. Однако мы не находим, чтобы он писал Кальвину раньше 1548 года.^[708]

Его пребывание в деревне ни в коей мере не уменьшило его активных усилий; по-видимому, наоборот, расширило их. Мы находим его влияние действенным в Западной Фрисландии, где оно распространялось как через служение пасторов тех округов, которые нашли убежище в Эмбдене, так и через него самого лично. По-видимому, он посетил Франекер и другие города. Он не только не сузил сферу своей деятельности, но и расширил ее. Он уделял внимание каждой вещи стойко и осмотрительно. В его случае была продемонстрирована истина о том, что тот, кто знаком с обычной жизнью людей и практикуется в ведении мирских дел, тем более способен руководить Церковью Божьей.

Виглий из Зуйхема.

Вполне возможно, что Аласко обнаружил в Западной Фрисландии неожиданно благоприятные условия. Если отдать должное подлинным документам, то человек, который всегда считался преследователем и занимал важный пост в правительстве Нидерландов, в это время тайно поддерживал реформацию Фрисландии. Это был знаменитый Виль из Зуйхема, человек, наделенный большими талантами, и выдающийся юрисконсульт, который учился сначала у Франекера, а затем в университетах Нидерландов, Франции и Италии. Виль настолько

знаменит, так хорошо известен своими способностями, которые он проявил в противостоянии Реформации, что мы не можем удержаться от того, чтобы приоткрыть завесу с целью раскрыть одну сторону его истории, которая очень мало известна. Он является ярким примером класса людей, слишком многочисленного в шестнадцатом веке. Его ум не был лишен либеральных тенденций, и в его сердце была некоторая склонность к религии Евангелия. Но он видел, что при Карле Пятом он мог упрочить свое положение и сохранить высокие почести, которыми его наделили, только встав на сторону тех, кто выступал против света и Евангелия. Поэтому он так и поступил. Как и Аласко, он был обязан Эразму своими первыми впечатлениями. Еще будучи маленьким мальчиком, он был восторженным поклонником ученого голландца, своего соотечественника. "С самого детства, - писал он Эразму в марте 1529 года, - мои чувства к вам были такого характера, что в своих занятиях я никогда не испытывал более сильного стимула, чем мысль о том, что добьюсь таких успехов, которые оправдали бы надежду на то, что я завоеую ваше благосклонное расположение".^[709] Впоследствии, еще до того, как он лично познакомился с Эразмом, он встал на его сторону против тех, кто нападал на него. 'Я желаю, ' писал он, ' чтобы вы знали о великой любви, которую я питаю к вам, и что я готов энергично отразить ярость бесстыдных и порочных людей, которые напали на вас, и таким образом защитить мирный досуг, который вы используете для самых полезных занятий'. Эразм, со своей стороны, был очарован тем, что он назвал легким и дружелюбным нравом Виглиуса; и он добавил, что нашел в его письмах сильное очарование, которое полностью покорило его сердце. Что касается нападок, о которых говорил молодой человек, он сказал: 'Увы! это моя судьба - быть вовлеченным в постоянный конфликт с целой фалангой фальшивых монахов и фальшивых теологов, чудовищ, столь ужасных и опасных, что Гераклу, безусловно, было легче бороться с Какусом, Цербером, немейским львом и лернейской гидрой. Что касается вас, мой дорогой юный друг, - добавил он, - подумайте, какими средствами вы могли бы добиться похвалы без ненависти.^[710] К сожалению, Виглиус слишком хорошо последовал его совету или, по крайней мере, позволил себе, следуя ему, совершить акты преступной трусости.

Все еще будучи проникнут возвышенными чувствами, молодой фризец поначалу избегал каких-либо контактов с Карлом Пятым, с жестокой политикой которого он был слишком хорошо знаком. Он отклонил несколько предложений этого принца, и в частности приглашение взять на себя ответственность за воспитание своего сына Филиппа; но честолюбие в конечном счете взяло верх. Как выдающийся юрисконсульт, Виглиус в 1542 году вошел в состав великого совета Мехлина, президентом которого в следующем году он был назначен. Затем император назначил его президентом тайного совета в Брюсселе и главой ордена Золотого руна. С того момента, как он принял эти должности, восторженный ученик Эразма увидел начало конфликта в своей внутренней жизни, который, по-видимому, закончился только с его смертью. С одной стороны, он смело выступал против свободы совести и против ереси - того, что он считал гибелью народов. Он даже зашел так далеко, что назвал атеистами тех, кто желал быть свободными в своей вере. Но если он таким образом удовлетворил Карла Пятого и его министров, то не смог полностью заглушить лучшие устремления своей юности; и он втайне проявлял к протестантам терпимость, которая совершенно противоречила его принципам. Он был обвинен; и правительство Нидерландов, получив приказ получить точную информацию о нем, потребовало, в строжайшей тайне и под печатью присяги, священнослужителя и литератора, имена которых не разглашаются, сообщить все, что им известно о нем.^[711] Отчет, сделанный этими священниками, представляет странный контраст с суждением истории об этом человеке. "Виль обвиняется, - сказали эти два анонимных репортера, - в том, что с юности его сильно

подозревали в ереси, и главным образом в ереси Лютера; в том, что он был и остается еретиком не только в Нидерландах, но и во Франции, Италии и Германии; в том, что он общался только с еретиками, как, например, с еретиками Аугсбурга, Базеля и Вюртемберга; в том, что с момента своего назначения на пост, который он занимает, он продвигал по службе только людей с таким же характером; в том, что он стал причиной назначения членом городского совета". в императорскую палату Альбады, который оставил свой пост советника во Фрисландии, потому что не согласился с наказанием анабаптистов, кальвинистов и других сектантов; за то, что ввел в университет Дуэ с целью осуществления юрисдикции над церковниками, *мирянами и женатыми* ректорами; за то, что щедро наделил должностями своих братьев, родственников и друзей во Фрисландии, *все они были запятнаны и заражены ересью*; и за многое другое в подобном роде .^[712]

Цитируя этот отрывок, мы не претендуем на то, чтобы изменить суждение истории; мы лишь хотим показать, что иногда скрывалось за грубыми и угрожающими манерами советников Карла Пятого.

Показания двух священников поразили герцогиню Пармскую. "Для меня, - сказала она, - президент всегда казался добрым католиком". Был ли Виль тогда тайным последователем Лютера? Ни в коем случае. Но он разделял некоторые либеральные идеи своего выдающегося соотечественника Эразма и даже испытывал некоторое уважение к Реформации. Когда его осудили за участие в составлении указов о преследовании в 1530 году, он отверг это обвинение и заявил, что сделал все возможное, чтобы побудить императора смягчить их суровость. Священник, которого не подозревают в пристрастии к протестантам, сказал о Виглии— "Этот великий человек использовал свое влияние, чтобы смягчить суровость герцога Альвы более мягкими советами".^[713] Виль, хотя и был убежденным католиком в своих речах, был менее последовательным в своих поступках, когда мог быть таким, не рискуя потерять благосклонность князей. Он не был лицемером в добродетели, как многие; он был лицемером в фанатизме. Но фанатизм тогда считался добродетелью и обеспечивал ему замечательные преимущества.

Аласко И Виль.

Какой контраст между двумя людьми, чьи имена были в то время так широко известны в двух Фрисландиях! Влияние Аласко распространялось не только на эти страны. На берегах Рейна он вместе со своим другом Харденбергом принимал участие в попытках реформирования Кельнской епархии. Однако вскоре должно было наступить время, когда он окажется вынужденным покинуть Фрисландию и будет удален в более обширную сферу, чтобы трудиться там, среди выдающихся людей, в деле Реформации.

ГЛАВА IX. НАЧАЛО РЕФОРМАЦИИ В НИДЕРЛАНДАХ. (1518-1524).

Реформация была католической или универсальной в том смысле, что она проявилась во всех странах христианского мира. Она, несомненно, наиболее сильно завоевала симпатии северных народов. Но все народы центральной Европы приветствовали бы это, если бы не преследования

со стороны князей и священников. На юге она добилась самых прекрасных завоеваний, и даже в Риме были свои мученики. Наша задача - проследить по его следам во всех направлениях.

Именно в Нидерландах впервые прозвучал отзвук голоса Лютера. Там жил народ, который был свободен с одиннадцатого века. В каждой из провинций были свои штаты, без согласия которых не принимался ни один закон, не взимался ни один налог. Любовь к свободе и Евангелию вместе двигали этими интересными сообществами в первой половине шестнадцатого века, и оба внесли свой вклад в их славную революцию.

Однако другие элементы внесли свой вклад в великие движения этого народа. Сельское хозяйство, которое называли 'основой человеческой жизни', процветало там, посреди многочисленных каналов. Механическое искусство было в почете. Повсюду в этих провинциях руки и тела были в движении. Их одушевлял дух изобретательности, а Брюссель уже тогда славился своими коврами. Нидерланды приобрели известность благодаря смелым морским путешествиям, и их бесчисленные моряки обменивались своими произведениями со всем известным миром. Торговля и промышленность принесли этим регионам большое процветание и создали богатые и могущественные города. В шестнадцатом веке в них насчитывалось более трехсот пятидесяти крупных городов.^[714] Во главе их стоял Антверпен, огромный рынок мира, переполненный торговцами всех наций и имеющий население в 100 000 человек — всего на 50 000 меньше, чем в Лондоне.

Карл Пятый.

Сюзеренитет Нидерландов перешел в 1477 году от бургундского дома к австрийскому. При Максимилиане народ сохранил полное пользование своими свободами. Карл Пятый, по происхождению фламандец, любил свою родную страну и любил время от времени останавливаться в ней. Веселые фестивали бельгийских городов облегчали его заботы. Он назначал фламандцев на высокие посты, открывал для их торговли многочисленные каналы в своей обширной империи и повсюду защищал сделки, которые были так выгодны ему самому. Эти щедрые купцы, действительно, не колеблясь, засвидетельствовали свою благодарность императору богатой данью. Но честолюбие монарха вскоре начало нарушать эти приятные отношения. Любящий власть, Карл Пятый не собирался довольствоваться скромными функциями штатгальтера. Он стремился превратить все эти республики в единое королевство, абсолютным сувереном которого он был бы. Граждане этих свободных провинций были не менее полны решимости отстаивать свои права. Пришедшая Реформация удвоила их энергию; и земля стала ареной длительных и жестоких конфликтов. Церковь шестнадцатого века действительно была для бельгийцев и голландцев церковью под крестом. Другие реформатские страны — Франция, Венгрия, Испания и Италия — получили свою долю в венце мучеников. Но Нидерланды, стонущие под коварными ударами Филиппа II и герцога Альвы, имеют право на самые яркие драгоценности этой короны.

Католицизм Нидерландов в то время не был фанатичной религиозной системой. Веселые сердцем люди особенно любили индульгенции, картины и празднества; но у большинства не было даже такого количества благочестия. 'Проповеди были редкостью,' говорит старый автор, 'церкви посещались плохо, праздники плохо соблюдались; люди были невежественны в религии, не были обучены символам веры. Было много комических актеров, развращенных в нравственности и религии, от выступлений которых народ получал удовольствие; и в спектаклях

всегда принимали участие несколько бедных монахов и молодых монахинь. Казалось, что люди не могли получать удовольствие, не предаваясь насмешкам над Богом и Церковью".^[715]

Тем не менее, гражданская свобода, которой пользовались в Нидерландах, долгое время благоприятствовала реформаторским тенденциям. Если внутри Церкви было немного религии, то за ее пределами ее было много. Лолларды и водуа, которых было много среди ткачей и суконщиков, посеяли в этих краях доброе семя Слова. В Церкви точно так же "Братья общей жизни", основанные Джерардом Гроотом в четырнадцатом веке, распространили обучение, так что каждый мог читать и писать. Никогда еще предшественники Реформации не были так многочисленны. Ян ван Гох призывал к реформе в соответствии с Библией. Томас Кемпис, уставший от религиозных обрядов, которые тогда составляли религию, искал внутренний свет, который мог бы принести с собой жизнь. Эразм Роттердамский, король школ, распространял знания, которые сами по себе не были Реформацией, но были подготовкой к ней. Йохан Вессель, родившийся в Гронингене в 1419 году, проповедовал Христа как единственного путь, истину и жизнь. В конце концов, среди богатых купцов и других мирян можно было встретить людей, обладающих определенным знанием Евангелия. Этот народ, более просвещенный, более цивилизованный и более свободный, чем большинство европейских наций, не мог не быть одним из первых, кто принял эту драгоценную реформацию Церкви, столь соответствующую его собственному характеру и так хорошо приспособленную для увеличения его величия.^[716]

Реформа в Антверпене.

Именно в Антверпене впервые вспыхнул пожар. В монастыре ордена августинцев жил простой, чувствительный и любящий человек, который, хотя и не был немцем, одним из первых был впечатлен проповедью Лютера. Он был студентом в Виттенберге, слышал великого доктора, и в то же время его привлекли как сладость Евангелия, так и приятный характер человека, который его проповедовал. Это был настоятель, Якоб Спренг, которого обычно называют *Пробст* (проректор), по названию его должности. У него не было героического мужества своего хозяина, и он не сделал бы в Вормсе такого энергичного заявления. Но он был преисполнен восхищения Лютером; и когда о каком-нибудь смелом поступке реформатора становилось известно и монахи говорили об этом друг с другом, он обычно говорил, подняв голову: 'Я был его учеником'. Он упивался этим, как будто он, слабый и робкий человек, разделял героизм своего хозяина. Затем, не в силах подавить нежное чувство, наполнившее его сердце, он добавил: "Я горячо люблю его; я люблю его превыше всего".^[717]

В начале своей карьеры реформатор считался не еретиком, а гениальным монахом. Поэтому монахи, преисполненные восхищения, относились к своему предводителю с уважением. Слово Божье, которое профессор *Ad Biblia* излагал в Виттенберге, проникло в сердце Спренга; и в то время как антверпенские священники не проповедовали ничего, кроме басен, он провозгласил Христа.^[718] Некоторые монахи и несколько жителей города были обращены к Богу учеником реформатора.

Точно так же именно под влиянием Лютера свет достиг университетского городка Лувен. Некоторые из более коротких сочинений этого реформатора, напечатанных в Базеле в 1518 году, были прочитаны в Лувене в 1519 году. Немедленно разразилась буря. Университетские богословы приложили все свои усилия против этой книги, запретив книготорговцам продавать ее, а верующим - читать; но последние мужественно защищали труды и их автора.^[719] 'Это

ересь!' - воскликнули теологи. "Это не так, - возразили горожане. - это учение действительно христианское".^[720] Увеличиваясь в числе день ото дня, они решили судить сами, прочитали книги и убедились. Теологи были разгневаны больше, чем когда-либо. Они прибегали к унижению, лжи, самозванству, хитрости и всем доступным средствам. Они взошли на кафедру и громовым голосом воскликнули: "Эти люди - еретики; они антихристы; христианская вера в опасности". Они вызывали в домах и семьях *поразительные трагедии*.^[721]

Не только труды и влияние Лютера положили начало Реформации в Нидерландах. Войдя в соприкосновение своей торговлей со всеми странами Европы, они получали от них не только вещи, продаваемые за деньги, но и вдобавок и без денег то, что христианство называет драгоценной жемчужиной. Иностранцы всех сословий, как местные жители, так и путешественники, торговцы, немецкие и швейцарские солдаты, студенты различных университетов, повсюду бросали в хорошо подготовленную почву живое семя. Именно к совестивзывало Евангелие; и таким образом оно пустило свои корни глубже, чем если бы обращалось только к способности рассуждать или к фантастическому воображению, склонному к суевериям. Один человек внес особый вклад не в истеблишмент, а в подготовку Реформации.

Эразм подвергся нападению.

Эразм в это время находился в Лувене. Некоторые монахи пришли к нему и обвинили в пособничестве Лютеру. 'Я, - ответил он, ' знаю его не больше, чем самый неизвестный из людей. Я едва ли прочел больше одной-двух страниц из его книг'.^[722] Если он написал хорошо, это не делает мне чести; а если плохо - не позорит. Все, что я знаю, это то, что чистота его жизни такова, что сами его враги не находят в ней ничего, что можно было бы упрекнуть. Напрасно Эразм так говорил. День за днем доминиканцы в своих проповедях^[723] бросали камни в него и в Лютера; но они делали это так глупо, что даже самые невежественные люди говорили, что ошибались монахи, а не Лютер. Теологи, осознав положение вещей, опубликовали 7 ноября 1519 года осуждающую буллу, надеясь таким образом оставить за собой последнее слово.^[724]

Свет появился также в северных провинциях. Дорт, город в Южной Голландии, был одним из первых, кто принял его. Доминиканец по имени Винсент, один из тех жестоких людей, которые страстно унижают своего оппонента и отчаянно вступают в конфликт,^[725] выступил с глупой и оскорбительной речью против Реформации. Слушатели расходились в сильном возбуждении, и в церкви царил огромное волнение. Волнение вскоре перешло от честных и религиозных людей к тому невежественному и страстному классу, который всегда готов устроить бунт. Когда монах вышел, они издали громкие крики и были почти готовы побить его камнями. Винсент в тревоге бросился в повозку и бежал в Лувен, где представил себя мучеником. "Я чуть не лишился жизни ради веры", - сказал он.^[726] 'Причиной этого является Эразм и письма, которые он написал'. Сжечь Эразма, по его мнению, было бы истинно римским подвигом.

Доминиканцы воспользовались этим инцидентом и обратились к графу Нассау, губернатору Фландрии, Брабанта и Голландии. Генеральные штаты должны были собраться в Гааге. Доминиканцы яростно жаловались графу на прогресс, к которому повсеместно приводили принципы реформы, и требовали, чтобы Штаты без промедления положили этому конец. "Тогда идите, - сказал им Нассау, - проповедуйте Евангелие Христа искренне, как это делает Лютер, не нападая ни на кого, и у вас не будет врагов, с которыми вам придется бороться".^[727] Генрих Нассауский таким образом озвучил прелюдию к благородным устремлениям своей семьи.

Обескураженные таким ответом, враги Реформации вообразили, что они встретят лучший прием в руках Маргариты Австрийской, правительницы Нидерландов. Семья Нассау по сути своей была немцами; но эта принцесса, сказали священники, добрая католичка. Она действительно так считала; но она была умным дипломатом и очень ревностной в своем управлении. Она стремилась увидеть значительный прогресс в литературе и искусстве. Врачи из Лувена сказали ей: 'Лютер своими трудами ниспровергает христианство'. Принцесса притворилась невежественной и ответила: 'Кто такой этот Лютер?' 'Невежественный монах', - ответили священники. "Что ж, ^[728] ответила тетя Карла Пятого, - вас много; напишите против этого невежественного человека, и весь мир будет больше доверять многим образованным людям, чем одному необразованному".

Тирады монахов.

Теперь дул попутный Евангелию ветер, и даже на придворных празднествах раздавались голоса в защиту Лютера. Однажды, во время большого императорского банкета, разговор зашел о реформаторе. Некоторые нападали на него, но другие смело брались за его защиту. Де Равестейн воскликнул: "За четыре столетия появился хоть один христианин, и папа хочет убить его". ^[729] Монахи, беспокойные и встревоженные, спрашивали друг друга, не сошел ли мир с ума. Отвергнутые учеными, они пытались расшевелить простой народ. Один минорит, проповедовавший в Брюгге в церкви Святого Донатиана и говоривший о Лютере и Эразме, воскликнул— 'Они простаки, они ослы, звери, болваны, антихристы'. ^[730] В таком стиле он продолжал в течение часа. Его слушатели, пораженные его глупыми выкриками, в свою очередь задавались вопросом, не потерял ли он сам голову. Судья послал за ним и попросил сообщить, какие ошибки были в трудах Эразма. "Я не читал их, - сказал он; - Я действительно однажды открыл его Парафразы, но сразу же закрыл книгу; из-за их превосходной латыни я испугался, что за ними кроется ересь". Другой монах-минорит, уставший постоянно слышать, как окружающие его люди требуют, чтобы им проповедовали Евангелие, сказал вслух: "Если вы хотите Евангелия, вы должны слушать его из уст ваших священников"; и он осмелился добавить: "Даже если вы знаете, что они предаются распущенности". ^[731] Распутство и деспотизм очень многих священников дискредитировали духовенство. "Я ценю орден доминиканцев, - сказал Эразмус, - и я не испытываю ненависти к кармелитам; но я знал некоторых из них, которые были такого склада, что я скорее подчинился бы туркам, чем терпел их тиранию". ^[732]

Фанатичные священники теперь приводят в движение более мощные машины войны. Алеандр, папский нунций, получил 8 мая 1531 года специальный указ о преследовании Нидерландов; ^[733] и, злоупотребляя именем императора, применил все свое влияние, чтобы побудить Маргариту неукоснительно исполнять жестокий указ. Принцесса, будь предоставлена самой себе, была бы более терпимой; но она чувствовала себя обязанной подчиниться требованиям своего могущественного племянника. Во всех городах были расклеены плакаты, которые повсюду сеяли тревогу. Средние классы Нидерландов, сочувствующие прогрессу любого рода, смотрели на Лютера как на славного поборника Евангельской истины; и теперь они читают на каждом углу, что под страхом смерти запрещено читать его труды и что его книги будут сожжены. Это было началом преследований, которые должны были опустошить Нидерланды в шестнадцатом веке. За одно только правление Карла Пятого более пятидесяти тысяч человек,

обвиняемых в том, что они читали запрещенные книги, ели мясо в определенный день или вступали в брачные узы вопреки каноническому запрету, были обезглавлены, утоплены, повешены, похоронены заживо или сожжены, или умерли другими способами.^[734] Поэтому Эразм воскликнул: 'Что же тогда такое Алеандр? Маньяк, дурак, плохой человек.'^[735]

Jacob Spreng.

Фанатизм не стал дожидаться вормсского эдикта. Одной из первых его жертв стал мэр Антверпена. Мы видели, что Якоб Спренг еще в 1517 году искренне провозгласил спасение, которое Лютер нашел в Иисусе Христе и которое он также нашел сам. Смелость Лютера увеличила его собственную, которая была невелика. Он повторил, что видел его и слышал его, и что он его ученик. Он не переставал проповедовать, подобно своему учителю, что человек спасается благодатью, через веру. Однажды, это было в 1519 году, настоятель был арестован в своем собственном монастыре и, несмотря на волнения среди своих монахов, был отправлен пленником в Брюссель. Там он предстал перед судьей и был допрошен, был чрезвычайно взволнован и, по-видимому, даже подвергнут пыткам и приговорен к смертной казни через сожжение.^[736] Спренг, как мы уже говорили, не был сильным. Они беспокоили, угрожали и приводили его в ужас. Он еще не обладал твердостью скалы. Перспектива сгореть заживо заставила его содрогнуться. Он был не таким, каким был бы его хозяин; он уступил и, со склоненной головой и затуманенным взором, с подавленным и разбитым сердцем, соглашался на все, что от него требовали. Какой триумф для его врагов! Они решили устроить из этого грандиозную демонстрацию. В феврале 1520 года Алеандр, Джером ван дер Нуд, канцлер Брабанта, Гербо, суфражист Камбрэ, Глапио, капеллан императора, и несколько других сановников Церкви собрались вместе в присутствии большого собрания; ибо дело заключалось в том, чтобы придать отречению несчастного человека как можно большую торжественность. Президент объявил ему, что будут зачитаны тридцать из статей Лютера и что он должен осудить их под страхом смерти.^[737] Эти статьи были тщательно отобраны. Секретарь зачитал— 'Каждое действие свободной воли (естественной воли человека), каким бы хорошим оно ни было, является грехом и нуждается в прощении и милости Божьей'. 'Я осуждаю эту доктрину', - сказал Спренг, напуганный мыслью о смерти. Он сделал то же самое в отношении других пунктов. "Ах! - сказал Эразм, который был знаком с неверием большого числа римских священников. - многие поднимают большой шум против Лютера из-за некоторых утверждений, не имеющих большого значения, в то время как сами даже не верят, что душа продолжает существовать после смерти".^[738]

Алеандр и его коллеги не были удовлетворены тем, что вынудили Спренга с кинжалом у горла отказаться от доктрин реформатора. Они также вынудили его отстаивать противоположные доктрины.

Заседание было ужасным. Несчастный Спренг удалился с разбитым сердцем, полный горькой печали. Он отрекся от своей веры; однако он не согрешил с каким-либо отчаянным злым умыслом. Он исповедал свою вину перед Богом, постепенно оправился от своего падения и впоследствии стал одним из глашатаев Евангелия.

Он вышел из тюрьмы, возмущенный теми, кто вынудил его отречься от своей веры, но особенно самим собой. Теперь он отправился в Брюгге и там начал смело выступать против собственной неверности и распространять повсюду знания о Спасителе. Его снова арестовали и доставили в Брюссель. Как закоренелому еретику, ему нечего было искать, кроме смерти. Ходили даже

слухи, что его сожгли заживо.^[739] Но было много тех, кто взывал к Богу, чтобы получить его избавление. Монаху-францисканцу, обеспокоенному его судьбой, удалось устроить ему побег. Не задерживаясь дольше в Нидерландах, он отправился в 1522 году в Виттенберг, свою *Альма-матер*,^[740] а оттуда в Бремен. Он стал одним из пасторов этого места, счастливым оттого, что может вести души в мире на сладких, улыбающихся пастбищах Евангелия.

Инквизиция.

Он бежал из Нидерландов не без оснований. Карл Пятый не мог оставаться в стороне от того, что там происходило. Несомненно, он был прежде всего политиком; и когда этого требовали его мирские интересы, он мог проявить немного терпимости как в Германии, так и где-либо еще. Но в светских делах он был деспотом, а в религиозных - фанатиком. Он не сомневался, что Реформация, если она будет проведена в Нидерландах, пойдет наперекор его автократическим проектам. Таким образом, в этих провинциях он компенсировал себе осторожные действия, с которыми он был вынужден смириться в других регионах. Он обратился к инквизиции. Однако это не было тем ужасным институтом, каким его знали в Кастилии, где он нашел людей, восхищенных его жестокостью. Свободный народ Нидерландов с отвращением отверг этот преступный институт. Тем не менее, два инквизитора веры, назначенные в то время императором, один мирянин Франц ван дер Хульст, 'великий враг литературы', по словам Эразма; другой монах Николас ван Эгмонт, 'настоящий безумец, вооруженный мечом', неплохо справлялись со своей работой. Сначала они сажали людей в тюрьму, а потом расследовали их ошибки.^[741] Всем тем, кто хоть как-то склонялся к доктрине Лютера, было приказано в течение тридцати дней предстать перед этими судьями, которые были облечены властью отлучения от церкви.

Cornelius Grapheus.

Уход Спренга стал потерей для Антверпена и Нидерландов. Было не так много людей, чья вера была такой простой и искренней. Некоторые выдающиеся миряне, действительно, рано заявили о своей приверженности Реформации; но отношение их к Евангелию было скорее отношением *дилетантов*, чем верующих. Корнелиус Графеус (по-фламандски Шрайвер), секретарь города Антверпена и друг Эразма, был выдающимся человеком. Он много путешествовал и многому научился; и хотя ему было поручено одно из первых должностей в имперском городе, в котором он жил, он проводил много времени за чтением. Работа Яна ван Гоха о свободе христианской религии очаровала его; и, желая передать другим то наслаждение, которое испытал сам, он перевел ее на фламандский. Он также написал к ней предисловие, в котором порицал, но не злобно, тех, кто налагал на христиан бесполезное иго. Каждый хорошо информированный человек говорил то же самое. Графей, обнаружив, что эти слова были восприняты с одобрением, не предполагал, что, произнеся их, он совершил подвиг мужества. Но два инквизитора, которые чувствовали необходимость произвести какой-нибудь блестящий арест, воскликнули, что это преступление - осмеливаться говорить *о биге*, набросились на свою жертву и схватили Графея в его собственном доме, в присутствии его перепуганных жены и детей. Весь город был поражен. Что! один из первых магистратов города, выдающийся человек, путешествовавший по Италии, занимавшийся живописью, музыкой и поэзией, такой человек, как этот, - еретик! Оказавшись в тюрьме, инквизиторы прочитали преступный трактат, выделили строку за строкой и составили ужасный обвинительный акт. Графеус, гуманист, мировой судья, художник и литератор, был поражен больше всех. Он воображал, что занимается не более чем

литературным упражнением, и был огорчен тем, что его приняли за богослова. В его глазах это была честь, которой он не был достоин и ни в коем случае не мечтал. Он сказал, как и Эразм, — никакого мученичества. Вернуться в любимую семью, единственной опорой которой он был, — вот что было предметом его желания. Он попытался достойно извиниться. "Если я и заговорил о *ярме*, — сказал он, — то это не в духе полемики; я прошу прощения за свою опрометчивость и готов отречься от своих ошибок". Но папистская партия была неумолима, и они бросили его в черную темницу.^[742]

Оба инквизитора, не осмеливаясь прикоснуться к Эразму, намеревались нанести удар его другу и утратить этим примером приверженцев литературы. Они приказали воздвигнуть помост на главной площади Брюсселя; вокруг него собралась толпа людей, и на нем появился министр Антверпена. Его единственной мыслью было вернуться к мирной жизни, снова оказаться в своем кабинете, снова сесть за семейный стол. Ради этого он был готов на все. По приказу инквизиторов он поспешил публично отозвать статьи своего предисловия; и он бросил его в огонь, так много вреда оно ему причинило. Графеус не был лютеранином; он был всего лишь эразмианином; и он сделал бы гораздо больше, чтобы вернуть себе свободу. Он полагал, что добился этого, но судьи, к милосердию которых он апеллировал, приговорили его к конфискации имущества, лишению должности и пожизненному тюремному заключению. Вот чего добивается человек, осмеливаясь говорить *о биге* в стране, где есть инквизиторы.

Несчастный, одинокий в своей темнице, сокрушался о своем эссе по литературе и думал только о своей жене и детях. Он решил обратиться к канцлеру Брабанта. 'Я написал это предисловие, — сказал он, — как литературное задание для тренировки моего понимания. Увы! насколько лучше было бы для меня, если бы я был болваном, шутком, комиком или любым другим презренным существом, вместо того чтобы добиваться своими ограниченными способностями важных должностей. В то время как так много людей имеют право публиковать свои рассказы, свои комедии, свои фарсы, свои сатиры, какими бы грубыми и неподобающими они ни были, гражданин подвергается угнетению, потому что он причастен к человеческим слабостям.' Тонущий под жестоким игом Рима, Граф был вполне готов утверждать, что этого самого ига не существовало. Он попросил в качестве большого одолжения, чтобы ему выделили город Антверпен в качестве тюрьмы, чтобы он мог зарабатывать на жизнь своей семье. Все его просьбы были бесплодны. За простой литературный грешок один из первых магистратов Нидерландов годами стонал в тюрьмах города, правительством которого он руководил. Однако, по-видимому, впоследствии он был освобожден, но не был восстановлен в своей должности. Примеры такого рода показывают, что Рим затаил злобу не только против Евангелия, но и против цивилизации, разума и свободы.

В том же городе Антверпене более жестокая судьба постигла истинного евангелиста, человека большого ума, а также наделенного глубокими чувствами и живой и непоколебимой верой.

Генрих Зютфенский.

Генри Моллерус из города Зютфен, название которого он обычно носил, вступил в орден августинцев. Он отличился в этом и, несколько раз сменив монастырь, поселился в Антверпене. Здесь он вскоре занял важное положение. Стремясь продвигаться вперед, он постоянно стремился к более возвышенным знаниям и более сильной вере.^[743] Он был не из тех христиан, которые ложатся и дремлют, но из тех, кто бодрствует, идет вперед и бежит к цели, которую они поставили перед собой. Услышав много разговоров настоятеля Якоба Спренга о Мартине

Лютере, он в 1521 году отправился в Виттенберг, был принят в монастырь августинцев, был радостно принят Лютером и сразу же всерьез приступил к учебе. Реформатор, который часто беседовал с ним, был поражен его способностями и верой и счел его достойным быть удостоенным университетских почестей. Генри посвятил себя изучению человека; он погрузился в глубины его натуры и сделал там открытия, которые встревожили его самого. Он был поражен святостью Божественного закона; он понял, что не может исполнить его заповедей; и, упав на землю, с закрытыми устами признал себя виновным. Но вскоре Христос открылся его душе, и он поднял голову и созерцал Спасителя во всей его красоте. С того времени он жил со Христом и стремился идти по его стопам.

Генрих Зютфенский попросил разрешения Университета публично опубликовать некоторые диссертации с целью получения степени бакалавра теологии. Монахи монастыря августинцев, профессора и студенты, а также другие жители Виттенберга собрались, чтобы послушать его. Зутфен начал: "Человек, отвернувшись от Божественного слова, в котором заключается его жизнь, немедленно умер, то есть был лишен духа Божьего."^[744]

‘О, нечестие философии, которая стремится убедить нас, что эта смерть души, которой мы подвержены, есть жизнь! О, тщеславие человеческого сердца, которое, не почитая познание Бога высшим благом и предпочитая следовать слепой философии, сбивается с пути и устремляется на пути гибели!

"Поскольку в корне нет ничего хорошего, следовательно, и в плоде нет ничего, что не было бы заражено ядом.

"Максимы морали, которые люди сшивают вместе, - не что иное, как фиговые листочки, предназначенные для сокрытия их стыда."^[745]

Следовательно, человек дважды мертв: один раз потому, что такова его природа, и еще раз потому, что, наученный философией, он осмеливается утверждать: "Я живу".

Закон не создает греха, но он делает его очевидным, как солнце вытягивает зловонный запах трупa."^[746]

Закон - это меч, который жестоко изгоняет нас из рая и убивает.

"Вера - это непоколебимое свидетельство Духа Христова нашим духом о том, что мы дети Божьи".

Слушатели, по большей части, на собственном опыте достигли определенного понимания истин, которые признавал голландец; но все они оценили силу, с которой он их излагал, и живописный стиль, в который была облечена его мысль. Он продолжил:—

‘Христос - слуга и хозяин закона. Это Он, опускаясь под бременем греха, забирает его, отбрасывает далеко от нас и уничтожает. Он одновременно и жертва смерти, и посредник, с помощью которого смерть уничтожается. Он пленник ада, и все же именно он распахивает его врата."^[747]

‘Погибни вера, которая лежит дремлющей и оцепенелой и не побуждает энергично к милосердию. Если у тебя действительно есть вера, не бойся, у тебя есть и милосердие!"

Дав таким образом убедительное свидетельство о своей вере, Генрих Зютфенский покинул Виттенберг, прибыл в Дорт, а оттуда перебрался в Антверпен, где усердно трудился. В кельях своих братьев августинцев, в трапезной, когда они ходили в часовню и возвращались оттуда, он не переставал убеждать монахов черпать из Священного Писания сокровища, которыми обогатился сам.^[748] Он проповедовал с таким пылом, что церковь Августинцев не вместила бы толпы, которая стекалась к ней. Образованные, невежественные, судьи, все классы хотели услышать его. Он был великим проповедником того времени; Антверпен был у него на устах.^[749] Похоже, что в это время он был назначен приором августинцев в качестве преемника Спренга.

Но чем больше энтузиазма проявляла одна сторона, тем больше гнева проявляла другая. Некоторые монахи из других монастырей, некоторые священники во главе с инквизитором Ван дер Хульстом, разгневанные таким скоплением людей, обратились к правительнице Нидерландов. Они выдвинули лжесвидетелей, которые заявили, что слышали из уст проповедника еретические высказывания. В то же время они стремились расшевелить народ. Но Бог, говорит Зутфен, предотвратил любое волнение, какой бы острой ни была провокация. Ван дер Халст уже подготовил в Брюсселе тюрьму, в которую он рассчитывал заключить его. Зютфен ожидал этого.

Его арест.

В День Святого Михаила (29 сентября) он был арестован. Агенты инквизиторов изложили ему определенные догматы веры, извлеченные из его бесед, и потребовали, чтобы он взял их обратно. Но он ответил с неустрашимой отвагой и с этого момента хорошо знал, что ему нечего искать, кроме смерти. Это было утром, и инквизиторы, опасаясь народа, решили дожидаться ночи, чтобы перевезти его в Брюссель.^[750] Поэтому заключенный весь день оставался в покое в стенах монастыря, погруженный в медитацию и готовясь расстаться со своей жизнью. Внезапно послышался шум сильного волнения. Вечером, после захода солнца,^[751] были замечены мужчины, а также женщины, обычно робкие, но теперь ставшие отважными благодаря своей любви к Слову Божьему, которые спешили со всех сторон и окружали монастырь.^[752] Самые решительные из них распахнули двери; толпа ворвалась в монастырь; несколько мужчин и несколько женщин проникли в тюрьму Генри, взяли его за руки и, отведя в дом одного из его друзей, спрятали его там. Прошло три дня, и ни у кого не возникло никаких подозрений о его убежище. Его враги перевернули небо и землю, чтобы обнаружить его, и обшарили все укромные уголки. Они призвали его друзей и с угрозами потребовали от них, знают ли они, где он скрывается. Только бегство могло спасти его от смерти. 'Я поеду в Виттенберг', - сказал он. Трудность заключалась в том, чтобы выбраться из города. Однако ему удалось бежать, и ему удалось добраться до Энкхейзена, голландского городка, и там он поселился в монастыре августинцев. Поступил приказ арестовать Генриха, связать его и доставить к Маргарите в Антверпен. Незадолго до этого он покинул Энкхейзен и прибывал в Амстердам. Он со всей поспешностью покинул город и направился к своей родине, Зутфену. Но здесь его вскоре узнали и схватили. Он предстал перед церковными трибуналами. 'Кто ты? Откуда ты? Куда ты идешь?' - спросили они его. 'Разве ты пришел сюда не проповедовать?' 'Если вам это угодно,' сказал он, 'я сделаю это с большим удовольствием'. "Убирайтесь!" - воскликнули его разъяренные судьи.

Его убийство в Гольштейне.

Затем он отправился в Бремен. Здесь он пробыл некоторое время, и никто не заподозрил, кто он такой. Однако несколько добропорядочных горожан, познакомившись с ним, попросили его

проповедовать. Он сделал это в День святого Мартина (воскресенье) 1522 года, и городской судья немедленно процитировал его. 'Почему ты проповедовал?' - спросили его каноники. 'Потому что слово Божье не должно быть ограничено'. 'Выгоните его из города', - сказали каноники магистратам. Последние ответили, что они не могут этого сделать, и Генри продолжил проповедовать. Затем знать и прелаты двух епархий потребовали, чтобы он был доставлен епископу; и они пригласили знатных людей города и руководителей ремесел объединиться с ними для этой цели. Но все они ответили: "Мы никогда не слышали из его уст ничего, кроме чистого Евангелия". Проповедь Генриха становилась все более и более мощной, и опасность непрерывно возрастала. 'Я не покину Бремен, пока меня не прогонят силой', - сказал Зутфен. Поэтому он остался в Бремене, горячо и успешно проповедуя Евангелие. 'Христос жив, - сказал он, - Христос - победитель, Христос повелевает'. Его процветающая карьера внезапно прервалась. Его вызвали в Гольштейн, он поехал туда и энергично проповедовал. Но на следующий день после праздника Зачатия в полночь прозвучало "*Аве Мария*". Пятьсот крестьян, подстрекаемых монахами, напали на него, стащили с постели, связали ему руки за спиной, протащили почти голого по льду и снегу на пронизывающем холоде, нанесли ему удар дубинкой и сожгли. О его трагическом конце мы рассказали в нашем отчете о немецкой реформации.^[753] Лютер описал свое мученичество и выразил сожаление по поводу него.

Нельзя было допустить существования монастыря, который посылал таких людей, как Спренг и Зутфен. Инквизиторы добились его подавления. Все монахи были изгнаны из монастыря.^[754] Сама гувернантка Нидерландов присутствовала в этой зловещей экспедиции инквизиторов веры. Те монахи, которые были из Антверпена, были заключены в доме Бегардов, другие - в других местах; и небольшое число тех, кто отрекся от Евангелия, были отпущены на свободу. Приношение было торжественно вынесено из этого еретического места и с большой помпой перенесено в церковь Пресвятой Богородицы, где присутствовала правительница Нидерландов, тетя Карла Пятого, чтобы принять его с высокими почестями. Вся утварь монастыря была продана; церковь и монастырские помещения были закрыты, а проходы заделаны. Наконец, в октябре месяце 1522 года монастырь был разрушен до основания.^[755] Эти руины должны были научить каждого, и особенно монахов, не читать и, прежде всего, не проповедовать Слово Божье.

Трое монахов-августинцев, Эш, Воес и Ламберт, были выдающимися людьми своей веры. Мы уже рассказывали в другом месте об их благородном и трогательном мученичестве и упоминали прекрасный гимн, сочиненный в их честь Лютером.^[756]

Но было напрасно сжигать тех, кто пробудился к новой жизни; все еще оставалось много тех, кто больше не хотел спать.

Голландия и другие государства Севера начинали занимать положение, которое им впоследствии предстояло занять в качестве Соединенных провинций.

В Делфте Фредерик Канирмиус несколькими речами, произнесенными в Гимназии, нанес ущерб делу монахов. Враг стремился заглушить его голос приказами, посланиями и депутациями. Но храбрый христианин сказал с гордой уверенностью: "Господь сделает так, что эта гора в трудах не произведет на свет ничего, кроме мыши."^[757] О! - воскликнул он, - если бы только нам разрешили проповедовать публично, дело монахов было бы загублено'. Но препятствия с каждым днем возрастали, и гибель монашества казалась все более отдаленной. Канирмиус не терял мужества. 'Господь убирает свою руку,' сказал он, 'потому что мы все

приписываем нашим собственным усилиям. Но если он увидит, что мы всей душой цепляемся за него как за единственное спасение Израиля, тогда он внезапно появится посреди своей Церкви".^[758]

Христианский триумвират.

В этих провинциях был образован христианский триумвират. В Гааге Уильям Гнафеус, директор Гинекологии, распространял Евангелие среди своих учеников и знакомых, заменяя ложное богослужение живой верой во Христа. Эразм говорит, что ему помогали ученый юрисконсульт Корнелиус Хоэн, превосходный человек, и Джон Родиус, ректор Утрехтского колледжа. Они выполняли свои труды сообща, и им приписывается перевод Нового Завета на вульгарный язык, который был опубликован в 1523 году.^[759] Необходимость тесного единения со Христом была отличительной чертой учения этих трех голландцев. 'Господь наш Иисус Христос,' сказал Хоэн в 1521 году, 'возвещая своему народу о прощении их грехов, добавил к своему обещанию залог, дабы их вера не поколебалась. Подобно тому, как жених, желающий подтвердить помолвку, дарит кольцо своей невесте и говорит ей: возьми это, я отдаю себя тебе; подобно тому, как невеста, получающая это кольцо, верит, что ее муж принадлежит ей, отворачивает свое сердце от всех других мужчин и желает только доставить удовольствие своему мужу; так и тот, кто принимает Ужин, драгоценный залог, которым Небесный Жених желает засвидетельствовать, что он отдает себя ему, твердо верит, что Христос^[760] отдал себя за него и, следовательно, должен отвернуться от всего, что он до сих пор любил, и искать только Христа, должен беспокоиться только о том, что ему нравится, и возложить все свои заботы на него. Вот что подразумевается под *поеданием плоти Христа и питьем его крови*.' Эти слова не полностью удовлетворили Лютера, но Цвинглиус искренне одобрил их. Реформатский символ был рано принят в Голландии. Эти трое голландцев мирно распространяли Евангелие в своих соответствующих сферах, когда над ними внезапно разразилась буря. Хоэн и Гнафеус^[761] были арестованы и брошены в тюрьму без какого-либо судебного разбирательства по их делу.

Эти двое мужчин, не любившие шуметь или выставять себя напоказ, никогда не говорившие о себе, сосредоточенные на обязанностях своего призвания, верящие, что истину следует сеять в мире, никогда не предполагали, что их может подстергать какая-либо опасность; и теперь, в мгновение ока, они оказались в темнице. Они были поражены. "Каждый знает", - сказал Гнафеус,^[762] 'с каким усердием я всегда посвящал себя обучению молодежи, но не представлял им церемонии как сущность религии. Это мое преступление!' Через три месяца граф Голландии, который высоко ценил этих замечательных людей, внес за них залог. Затем их перевезли в Гаагу, и этот город был назначен для них тюрьмой. Некоторое время спустя Хоэн спокойно уснул, а Гнафей в конце второго года был отпущен на свободу.

В Нидерландах были люди более твердой веры, чем три гуманиста. В Гронингене, где жил тот пастор Фредерик, которого Эразм провозгласил вторым Августинцем, доктор права Абринг и магистры искусств Тиммерман, Писторис и Лесдроп резко атаковали папскую монархию. 'Мы отказываем, - сказали они, - римскому понтифику в том мече, который обычно вручается ему. Христос, говоря о еретиках, сказал: "Берегитесь их";^[763] но Он не сказал: "Убивайте и истребляйте их".^[764] Христос дал учителям своей Церкви, а не сатрапам.' Так говорили, презирая опасность, эти энергичные врачи. Смелость была осмотрительностью и одерживала победу. Но такие случаи были редки, особенно в южной части Нидерландов.

Мученик.

Враги Реформации, казалось, проснулись более основательно на юге, чем на севере. В Антверпене и в прилегающих районах было (1524 г.) огромное количество людей всех рангов, которые начали наслаждаться этим божественным словом, провозглашенным Спренгом, Генрихом Зутфенским и другими. Проповедь благочестивого монаха-августинца была запрещена, и те, кто жаждал света, договорились встречаться по воскресеньям недалеко от Шельды, на месте, где строились корабли, думая, что если люди будут молчать, то сами камни возопят. Прихожане были в сборе, проповедника не было, но через несколько секунд поднялся молодой человек, возможно, моряк. Его звали Николас, и слово Божье, которое он получил, тепло отозвалось в его сердце. Когда он увидел всех этих бедных людей, собравшихся вместе в этом уединенном месте, горячо желавших добра для своих душ и не находивших его, Николас вспомнил о пяти тысячах человек, оставшихся без пищи в пустыне.^[765] Он подошел к берегу реки, сел в лодку, чтобы толпа могла лучше слышать его, и прочитал ту часть Евангелия, в которой рассказывается о том, как Иисус накормил голодных. Это слово говорило ему, что сила Божья не привязана к внешним средствам; и что ему все равно, мало или много будет назидать его народ. Короче говоря, Бог так благословил свое слово, что все те, кто его услышал, остались довольны.^[766] Толпа, стоявшая на берегу, которая слушала с сочувствием, затем разошлась. Весть об этой проповеди облетела весь город, враги Реформации пришли в ярость и решили избавиться от Николая, но сделать это тайно, потому что боялись народа. На следующий день заговор был приведен в исполнение. Группа их сообщников бесшумно набросилась на молодого человека; двое или трое схватили его, в то время как другие держали большой мешок. Они заставили Николаса влезть в него, перевязали мешок веревкой, затем отнесли его к реке и бросили в воду.^[767] Поскольку он любил проповедовать на Шельде, пусть сделает это сейчас на досуге! Когда казнь была совершена, эти негодяи стали хвастаться этим. Это преступление наполнило ужасом сердца честных людей, и друзья Евангелия осознали опасность, которая их окружала.

Священникам иногда предоставлялось больше свободы, чем мирянам. В Мельце, местечке, расположенном в двух немецких милях от Антверпена, красноречивый проповедник предпринял энергичную атаку на римские суеверия, возможно, досконально не понимая евангельского учения. Слушатели стекались к нему такими толпами, что ему приходилось проповедовать в полях. 'Мы, священники, - сказал он однажды, выступая на мессе, - мы хуже предателя Иуды. Ибо Иуда продал Господа Иисуса и предал его; в то время как мы, со своей стороны, действительно продаем его, но *мы не передаем его вам*.'^[768] Люди долгое время привыкли к этим эпиграммам, и их боялись меньше, чем серьезного и живого слова.

Более того, в рядах высшего духовенства Нидерландов были просвещенные люди, которые, не будучи на стороне реформаторов, готовили путь для Реформации. Филипп, епископ Утрехтский, был одним из них. Начало дня он посвящал молитве, и особенно ему нравилось в молитве использовать слова Библии. Он несколько раз перечитывал священные писания, и Эразм хвастался своей мудростью и чистотой нравов.^[769] Прежде всего он был поражен распущенностью, вызванной безбрачием священников и монахов, и выразил надежду, что при его жизни все обязательные формы безбрачия будут отменены единогласным согласием епископов и священников.^[770]

Это не преминуло произвести определенное впечатление. В Голландии, Брабанте и Фландрии многие монахи покинули монастыри. Большое количество жителей этих провинций приняли реформатскую доктрину. За пределами города Антверпен прошли грандиозные митинги,

несмотря на плакаты с изображением Карла Пятого. Но было бы легче остановить солнечные лучи, чем помешать свету Евангелия проникнуть в сердца людей.

К сожалению, евангелическая работа столкнулась с противниками другого рода. Однажды человек, приехавший из Нидерландов, представился Лютеру и сказал ему тоном одновременно решительным и грубым— 'Бог, сотворивший небеса и землю, посылает меня к тебе'. 'Еще один!' - подумал Лютер. 'Всеми этими знаменитыми людьми движет желание преломить со мной копье! Чего ты хочешь от меня? - спросил он голландца. 'Я прошу тебя, ' ответил он, - прочитать мне книги Моисея'. 'А какой у вас знак, - спросил реформатор, - что Бог посылает вас ко мне?' 'Этот знак можно найти в Евангелии от святого Иоанна", - сказал нидерландец. Лютеру этого было достаточно. 'Хорошо, ' сказал он, - приходите в другой раз. Книги Моисея слишком длинные, чтобы я мог сейчас найти время почитать их вам".

Иллюминизм.

Пророк действительно вернулся. Его религия была разновидностью рационализма, приукрашенного иллюминизмом. 'У каждого человека, - сказал он, - есть Святой Дух; ибо это не что иное, как его собственный разум. Ада нет; осуждена только наша плоть, и каждая душа будет иметь вечную жизнь".

Встревоженный Лютер немедленно написал христианам Антверпена.^[771] "Я вижу, - сказал он, - что среди вас бродят духи заблуждения; и я своим молчанием не допущу распространения зла, которое, возможно, в моих силах предотвратить. При папстве сатана держал свой двор в мире. Но тот, кто могущественнее (Христос), теперь пришел и победил его, сатана в ярости и поднимает шум. Поэтому, если кто-нибудь из этих людей захочет поговорить с вами о высоких и трудных вопросах, разработанных ими, скажите ему— нам достаточно того, что Бог открывает нам.... Ты насмехаешься над нами, что хочешь побудить нас исследовать вещи, о которых ты сам не знаешь? Дьявол пытается до конца выдвигать бесполезные и непонятные вопросы, чтобы сбить легкомысленные умы с правильного пути. У нас будет достаточно дел на всю нашу жизнь, если мы постараемся хорошо познакомиться с Иисусом Христом. Оставим в покое бесполезных болтунов".

Христиане Нидерландов воспользовались этими советами. Огромное количество людей, просвещенных Евангелием, просветили с его помощью других. Этими неизвестными людьми были Джерард Вормер, Вильгельм Утрехтский, Питер Нанниус, Лоуренс, Герман Кок, Николас Киквиус, ученый Вальтер Деленус, а при императорском дворе Филипп де Ленс, секретарь Брабанта.^[772] Несмотря на все усилия *священной цензуры*, истина распространялась во всех направлениях; и формировался народ верующих, которым предстояло стать народом мучеников.

ГЛАВА X.

"ЗУБЧАТЫЕ КАМНИ".

(1525-1528 гг.)

Карл Пятый.

Если Риму предстояло в течение нескольких столетий сокрушать новый народ, отпрысков Евангелия на востоке Европы, в Венгрии, то на западной оконечности европейского континента

был другой народ, который он должен был стремиться уничтожить с еще большей жестокостью. Нидерланды должны были стать театром, выбранным приверженцами папства для совершения в самом грандиозном масштабе своих величайших преступлений. Карл Пятый, принц, который в некоторых случаях проявлял терпимость, был человеком, от которого исходили жестокие эдикты; а его преемник должен был превзойти его в искусстве разрушения.

Карл Пятый обладал некоторыми замечательными качествами. Он был активным, умным, проницательным политиком, храбрым, энергичным и спокойным. Но ему не хватало возвышенной души. Он был лишен веры, сострадания и справедливости, пристрастился к невоздержанности любого рода, особенно к трапезе. Он не ел, он пожирал; и его излишества ускорили его конец. Но если он без колебаний нарушал величайшие заповеди Божьи, то тем более стремился соблюдать холодные и тривиальные церемонии. Он пользовался святой водой, и каждый день ему пели мессу. Он возвал к святым; и, составляя свое завещание, чтобы быть более уверенным в прощении своих грехов, он вверил свою душу не только Богу, но и Пресвятой Деве Марии, блаженным святым Петру, святому Павлу, Святому Георгию, святой Анне и вообще всем святым, мужчинам и женщинам, обитающим в Раю, *и обращенному разбойнику (au bon larron)*.^[773] Он казался ревностным к постановлениям Божьим, стремился, подобно некоторым евреям, 'написать их на своих дверных косяках', но не вложил их в свое сердце; и он стремился загладить великие обиды 'какой-нибудь ничтожной дрянью удовлетворения'. Его сын Филипп и другие, кто после него занял трон Испании, также приняли и осуществляли, еще более поразительным образом, эту лицемерную и позорную систему. Чарльз не был фанатиком фанатизма; он не побоялся заключить в тюрьму самого Святого Отца. На самом деле он не делал большой разницы между евангельским и римским вероучениями. Но, наделенный здравым смыслом, он понимал, что доктрина, которая оказывала сопротивление деспотизму пап, несомненно, в определенных случаях оказывала сопротивление деспотизму государей; и он опасался, что, если однажды свобода будет установлена в Церкви, люди в конце концов захотят внедрить ее в государстве. В его глазах это было преступлением из преступлений. Таким образом, хотя схемы его политики часто приводили к тому, что он щадил протестантов, Карл на самом деле был решительным врагом Реформации. В ту эпоху ему было трудно разрушить это в Германии, где он не был полновластным хозяином, и, поступив так, он подорвал бы свое влияние. Но в Нидерландах было иначе. Если он получил империю путем свободных выборов своих пэров, то он владел этими провинциями по праву наследования и был полон решимости обращаться с ними по своему усмотрению. Поэтому он предполагал, что у него есть *карт-бланш* в отношении них.

Щедрые жители этих провинций пользовались древними привилегиями и щедро расточали свои сокровища императору. Но принц был не в том настроении, чтобы его останавливали ни их права, ни их подарки. Он устроит резню, сожжет и сокрушит их. Тридцать тысяч человек, некоторые говорят, пятьдесят тысяч, были принесены в жертву в Нидерландах как еретики во время правления Карла Пятого. В этом вопросе он особо не церемонился. Его секретари сфабриковали устрашающие плакаты, которые, будучи безмолвно вывешены на улицах городов, провозглашали жестокие наказания, вселяли ужас в мирных граждан и вскоре привели к многочисленным жертвам. Самые выдающиеся из его подданных были сожжены, утоплены, похоронены заживо или задушены за то, что читали Слово Божье и придерживались доктрин, которым оно учит. Самые жестокие методы были лучшими. Следовательно, этот великий князь, которого превозносило и продолжает превозносить так много голосов, вместо

того чтобы быть увенчанным славой, должен быть заклеимен потомством знаком своего порицания.

Карл Эгмонтский.

Карл нашел сторонников как в папе римском Клименте VII, так и в некоторых ведущих людях страны. Одним из них был Карл Эгмонтский, герцог Гелдерландский, честолюбивый и жестокий человек, прошедший свою жизнь (ему было почти шестьдесят) в постоянных волнениях и войнах; кислый и мрачный человек, который умер от горя, когда в 1538 году его герцогство было передано герцогу Клевскому. Эгмонт был одним из тех, кто не без оснований опасался, что религиозные перемены повлекут за собой перемены политические. Встревоженный прогрессом, которого добивалась вокруг него Реформация, движимый слепым и безудержным рвением, он написал из Арнгейма папе римскому с просьбой привлечь его к войне, которую тот намеревался предпринять. 'Со всем смирением,' сказал он ему, 'мы целуем ваши ноги, святейший Отец, и сообщаем вам, что поскольку пагубная ересь Лютера, увы, ничего не делает, а только распространяется и усиливается изо дня в день, мы стремимся искоренить ее. Мы чрезвычайно огорчены, обнаружив, что некоторые князья, наши соседи, допускают многое из того, что им следовало бы пресекать. Вот почему мы умоляем ваше Святейшество приказывать им проявлять больше бдительности, чтобы многоголовый зверь не поглотил церковь Иисуса Христа. И поскольку церковники сами заражены, и поскольку мы не смеем возлагать руки на помазанников Господних, мы молим тебя уполномочить нас заставить их вернуться на путь добра, и, если они не раскаются, наложить на них смертную казнь".^[74]

Папа римский не заставил себя долго ждать ответа. В папской записке Климента VII, адресованной Эрхарду де ла Марку, кардиналу-епископу Льежа, говорилось: "Мы убеждены, что для искоренения этой чумы необходима более высокая власть, чем власть инквизиторов, учрежденных Кампеджио; поэтому мы требуем, чтобы вы приложили все свои способности и неустанные усилия для поддержки трудов святой инквизиции, и мы даем вам полную власть над ней. Приложите все свое сердце к тому, чтобы выкорчевать плевелы, которые лютеранское предательство посеяло на ниве Господа. Никогда тебе не представится более великолепной возможности повиноваться Богу и стать угодным нам".^[75]

Этому сообщению не суждено было долго оставаться безрезультатным. Действительно, в Нидерландах уже было много людей, как мужчин, так и женщин, которые подвергались пыткам или умирали, чтобы свидетельствовать о Евангелии. Мы опишем некоторые случаи.

John Van Bakker.

В Вердене, городке, расположенном между Лейденом и Утрехтом, жил простой человек, староста коллегиальной церкви, должность, которая давала ему определенное положение. Он был хорошо информирован, отличался религиозностью, любил свою должность и ревностно исполнял свои обязанности. Но его самая теплая привязанность была сосредоточена на личности его сына Джона. Джон ван Баккер, называемый по-латыни Писториус, учился у Родиуса в Утрехтском колледже. Он добился там больших успехов в литературе, но он также узнал кое-что еще. Это было в период возрождения христианской религии. Молодой человек

был поражен великолепной яркостью истины, и живой свет озарил его сердце.^[776] Родий был привязан к своему молодому ученику; и их часто видели беседующими вместе, как отца и сына. Каноники Утрехта обиделись. За двумя евангелистами следили, на них нападали, им угрожали, их объявили лютеранами; отцу было поспешно отправлено сообщение о том, что его сын впал в ересь. Старый церковный староста, пораженный этой новостью, дрожа при мысли об опасности, нависшей над его любимым сыном, немедленно отозвал его в Верден. Но само зло, которого он хотел избежать, таким образом только усилилось. Иоанн, исполненный горячего желания распространять истину, не упускал ни одной возможности возвещать Евангелие своим согражданам. Приступы возобновились; тревога отца росла все больше. Теперь он отправил своего сына в Лувен, чтобы тот совершенствовался в литературе, а также потому, что этот город считался оплотом папизма. Но старые узы гостеприимства связывали отца с Эразмом, и поэтому Джон попал под влиятельное покровительство этого ученого. Из уважения к воле своего отца, но совершенно против собственной воли, он стал священником. Однако он немедленно воспользовался этим постом, чтобы более эффективно бороться с антихристианскими традициями и шире распространять знание о Христе. Каноники Утрехта, которые не теряли его из виду, призвали его предстать перед ними. Он отказался это сделать; и после этого отказа префект Вердена посадил его в тюрьму. Но Филипп, епископ Утрехтский, был благосклонно расположен к Евангелию, и Иоанн вновь обрел свободу и без промедления отправился в Виттенберг. Здесь он жил в тесном общении с Лютером и Меланхтоном, а также со многими благочестивыми молодыми людьми из всех стран Европы. Так он утвердился в вере. По возвращении в Голландию он проповедовал евангельские истины с еще большей энергией, чем раньше. Капитул Утрехта, чей инквизиторский взор повсюду преследовал его, теперь приговорил его к изгнанию на три года и приказал отправиться в Рим, чтобы он мог подвергнуть себя епитимье, необходимой для искупления своих ошибок. Но вместо того, чтобы отправиться в Италию, он начал путешествовать по всей Голландии, наставляя, подтверждая и укрепляя рассеянных по стране христиан и церкви. Он навел Хозна и Гнафея, которые в то время были пленниками ради Евангелия, и утешил их. Его отец с радостью и беспокойством следовал за ним в его христианских странствиях. Хотя он боялся, что вера Иоанна навлечет на него гонения, он, тем не менее, чувствовал влечение к ней. Если бы небо выглядело угрожающим, встревоженный старик был бы рад отозвать своего сына; но если бы ни одно облачко не казалось способным нарушить безмятежность евангельского дня, отец радовался благочестию своего сына и торжествовал в его победах.^[777]

Его суд.

Теперь мы достигли 1523 года. До сих пор Баккер внешне принадлежал к Римской церкви. Теперь он начал размышлять, не следует ли ему привести свои внешние действия в соответствие со своими внутренними убеждениями. Эта гармония не всегда достигается с первого шага. Баккер прекратил служение в церкви и отказался от всякой прибыли и преимуществ, исходящих от Рима. Когда он понял, что священническая жизнь противоречит Евангелию, он женился; и, вспомнив пример Павла, который был изготовителем палаток, образованный ученик Родия начал зарабатывать себе на жизнь выпечкой хлеба, копанием земли и другим физическим трудом. Но в то же время он проповедовал в частных домах и приветствовал всех, кто приходил искать у него утешения и наставления. Шаг, предпринятый в то время Римом, способствовал усилению его рвения. Папа, стремясь укрепить свой пошатнувшийся престол, изобрел новый вид индульгенций, которые не должны были выставляться на продажу, как у Тецеля, а должны были безвозмездно раздаваться

священниками всем лицам, которые в определенное время и в определенных местах придут послушать мессу. Поскольку эти поблажки проповедовались в Вердене, Баккер выступил против них. Он раскрыл коварство тех, кто их распространял, смело провозгласил благодать Христову, укрепил немощных и успокоил обеспокоенную совесть. Жители Вердена, тронутые таким рвением, толпами приходили в скромное жилище, в котором они находили покой Божий, к женщине-христианке, которая сочувствовала всем их горестям и старалась облегчить их нужды, и к благочестивому священнику, который зарабатывал себе на жизнь трудом собственных рук. Обычный местный священник, возмущенный пренебрежением, в которое он впал, донес на Баккера сначала мировому судье, а затем и губернаторше Нидерландов. Он предпринял такие отчаянные усилия^[778] что однажды, в 1525 году, судебные приставы по приказу Маргарет арестовали Баккера и отправили его в тюрьму в Гааге. Бедный отец, услышав эту новость, был поражен как громом. Баккер, обреченный на суровое одиночное заключение, осознал нависшую над ним опасность. Он огляделся вокруг и не увидел другого защитника, кроме Священного Писания. Его враги, которые боялись его превосходных знаний, послали за теологами и инквизиторами из Лувена; и императорской комиссии было поручено наблюдать за ходом дела и следить за тем, чтобы еретика не пощадили. Врачи пришли к соглашению относительно судебного разбирательства, и роль каждого была определена. Был сформирован инквизиционный суд, и молодой христианин — ему сейчас было двадцать семь лет — предстал перед ним. Были организованы перекрестные слушания. Ниже приведены некоторые утверждения и отрицания, которые затем были заслушаны в Гааге:—

Суд.— "Приказано, чтобы каждый подчинялся всем постановлениям и традициям Римской церкви".

Баккер.— "Нет авторитета, кроме Священного Писания; и только от них я могу получить учение, которое спасает".^[779]

Суд.— "Разве вы не знаете, что сама церковь своим свидетельством придает Священному Писанию авторитет?"

Баккер.— "Я не хочу никакого другого свидетельства в пользу Священных Писаний, кроме свидетельства самих Священных Писаний и Святого Духа, который внутренне убеждает нас в истинах, которым учит Священное Писание".

Суд.— "Разве Христос не сказал апостолам: слушающий вас слушает меня?"

Баккер.— "Мы, конечно, послушали бы вас, если бы вы могли доказать нам, что вы посланы Христом".

Суд.— "Священники - преемники апостолов".

Баккер.— "Все христиане, рожденные от воды и Духа, являются священниками; и, хотя не все проповедуют публично, все приносят Богу через Христа духовные жертвы".

Суд.— "Берегитесь! еретики должны быть истреблены мечом".

Баккер.— "Церковь Христова должна использовать только кротость и силу слова Божьего".

Инквизиторы преследовали Баккера не один день, а в течение многих дней и на долгих заседаниях. Они обвинили его в трех преступлениях — пренебрежении индульгенциями, отказе от службы к мессе и женитьбе.^[780]

Его осуждение.

Поскольку непоколебимость Баккера сводила на нет все усилия инквизиторов, они подумали о том, чтобы заставить его пойти на исповедь, надеясь таким образом добиться какого-нибудь признания в совершении преступления. Итак, они отвели его в нишу в деревянной обшивке, где исповедник принимал кающихся, и священник подробно расспрашивал его обо всем на свете. Они могли получить от него только один ответ— ‘Я свободно исповедую перед Богом, что я самый жалкий грешник, достойный проклятия и вечной смерти; но в то же время я надеюсь и даже твердо уверен, что ради Иисуса Христа, моего Господа и моего единственного Спасителя, я непременно обрету вечное блаженство’. Затем духовник объявил его совершенно недостойным отпущения грехов, и он был брошен в темную темницу.

Пока был жив Филипп, епископ Утрехтский, каноники, хотя они действительно преследовали Баккера, не решались предать его смерти. Этот умеренный епископ, столь дружелюбный к хорошим людям, скончался 7 апреля 1525 года, капитул почувствовал себя более свободно, и вопрос о смерти Баккера был решен. Весть о его приближающейся казни вызвала тревогу в маленьком городе;^[781] и люди всех классов немедленно поспешили к нему и умоляли его сделать требуемое отречение. Но он отказался. Спокойный и решительный, только одна забота занимала его мысли - состояние отца. Старик следил за всеми этапами судебного разбирательства. Он видел непоколебимость веры своего сына и высшую любовь, которую тот питал к Иисусу Христу, так что ничто в мире не могло разлучить его со Спасителем. Это зрелище наполнило его радостью и укрепило его собственную веру. Инквизиторы, которые очень хотели заставить Баккера отречься, думали, что для них все еще открыт один путь. Поэтому они отправились к старцу и умоляли его убедить Иоанна подчиниться папе. "Мой сын, - ответил он, - действительно очень дорог мне; он никогда не причинял мне никакого горя; но я готов принести его в жертву Богу, как в древности Авраам принес в жертву Исаака".^[782]

Его мученическая смерть.

Затем Баккеру было объявлено, что час его смерти близок. Эта новость, по словам хрониста, наполнила его необычной и удивительной радостью.^[783] Ночью он читал божественное слово и размышлял над ним. Затем он погрузился в спокойный сон. Утром (15 сентября) они повели его на возвышение, сняли с него священническое облачение, которое он был вынужден носить, надели на него желтый плащ, а на голову шляпу того же цвета. После этого его повели на казнь. Когда он проходил мимо одной части тюрьмы, где несколько христиан были заключены за веру, он был тронут и громко воскликнул— ‘Братья! Я собираюсь принять мученическую смерть. Будьте мужественны, как верные воины Иисуса Христа, и защищайте истины Евангелия от всякой неправды.’ Заключенные вздрогнули, услышав эти слова, захлопали в ладоши, издали радостные крики, а затем в один голос затянули *Te Deum*. Они решили не прекращать пение до тех пор, пока христианский герой не перестанет жить. Баккер, действительно, не мог их слышать, но эти песни, связанные с мыслями мученика, возносились к престолу Божьему. Сначала они спели *Magnum Certamen*; затем гимн, начинающийся словами "О *беата беаторум мартирум солемния*". Этот священный концерт был прелюдией к празднику, который должен был отмечаться на небесах. Мученик подошел к столбу, взял из рук палача веревку, которой его

должны были задушить перед тем, как предать огню, и, обмотав ее вокруг своей шеи собственными руками, радостно воскликнул— ‘О смерть! где твое жало? Мгновение спустя он сказал— ‘Господи Иисусе, прости их и помяни меня, о Сын Божий’. Палач дернул за веревку и задушил его. Затем огонь поглотил его. Великая битва была закончена, торжественность мученичества завершилась. Такова была смерть Джона ван Баккера. Его отец выжил, чтобы оплакать свою потерю.^[784]

Джон ван Баккер был не единственным, кто подвергся таким суровым наказаниям, которых герцог Гелдерландский потребовал от папы римского. В монастыре его ордена в Брице был кармелит по имени Бернард, около пятидесяти лет от роду. Как бесстрашный проповедник Евангелия, монахи возненавидели его, и им удалось добиться, чтобы его приговорили к смертной казни. Его казнь сопровождалась некоторыми странными обстоятельствами, которые породили одну из тех легенд, столь многочисленных в римской церкви и от которых еще не все евангелисты освободились. Рим все еще время от времени оставлял свой след в Реформации. Когда Бернарда бросили в огонь, огонь погас. Это повторилось трижды. Затем палач схватил молоток и ударил жертву. Пока эта история заслуживает доверия; но в данный момент она изменена и переходит из истории в басню. Когда тело бросили в костер в четвертый раз, огонь снова погас, и, как говорили, тело больше не было видно прохожим; так что был распространен слух, что этот человек Божий был вознесен на небеса.^[785]

Смерть этих благочестивых людей не уничтожила евангельское христианство. Семена, разбросанные по Нидерландам, всходили повсюду и принесли плоды в Антверпене, и особенно в Буа-ле-Дюке, богатом и могущественном городе. ‘В Антверпене, - сказал Эразмус, - мы видим, что, несмотря на указы императора, люди толпами стекаются туда, где должно быть услышано это слово. Считается необходимым, чтобы охранники были при оружии днем и ночью. Буа-ле-Дюк, - добавил роттердамский ученый, - изгнал из своих стен всех францисканцев и доминиканцев”.^[786] Обширная торговля Нидерландов привлекала мужчин в страну со всех сторон, и многие из этих иммигрантов были любителями Евангелия. Говорили, что эти провинции напоминают долину, которая принимает в свое лоно воды многих различных регионов, так что растения, которые там можно найти, процветают и приносят прекраснейшие плоды. 1525 год был самым выдающимся из всех. Новый Завет на голландском языке был опубликован в Амстердаме еще в 1523 году. Ветхий Завет появился в Антверпене в 1525 году; и в том же году в том же городе Лизвельд опубликовал всю Библию целиком. Римские врачи, действительно, высмеивали миссионеров, ‘в обязанности которых входит сеять в отдаленных землях листы книги, которые неизвестно куда уносят ветры”.^[787] Но эти листы, в сочетании с проповедью реформаторов, отняли у папы в шестнадцатом веке центр и север Европы.

Тем не менее, лучшие умы при дворе, и особенно сама гувернантка Маргарет, просвещенная принцесса, искренне беспокоившаяся о процветании Нидерландов, задавались вопросом, в чем источник зла и сможет ли смерть таких людей, как Баккер и Бернард, остановить его. Эразм и другие ответили, что реформа священников и монахов сделает бесполезным то, к чему призывал Лютер. Это была ошибка. Не раз, в разные эпохи, пытались провести такую реформу; были достигнуты некоторые внешние улучшения, но перемены были непродолжительными, потому что внутренне глубокие принципы христианской веры и жизни не были восстановлены. Правительство, однако, предприняло попытку провести эту поверхностную реформу. Примерно в конце сентября 1523 года Маргарет обратилась к магистратам Нидерландов. "Будьте настороже, - сказала она им, - чтобы учение священников, изобилующее баснями, и их

нечистый образ жизни не нанесли удар процветанию церкви".^[788] Она сделала больше. Обращаясь к самым священникам, она сказала: "Мы намерены допустить к проповеди только тех мужчин, которые благоразумны, умны и высокоморальны."^[789] Пусть проповедники избегают всего, что может возмутить людей; и пусть они не говорят так много против Лютера, его доктрин и доктрин древних еретиков.^[790]

Таковы были настроения просвещенных католиков; но ни Маргарита, ни Карл Пятый не имели силы преобразовать Церковь. Их письма даже вызывали ропот и возражения. 'Да ведь они возлагают вину на священников за зло, причиненное реформаторами. Лютер совершил злодеяние, и теперь монахи должны нести бремя и наказание!' Это было наказанием для тех, кто таким образом жаловался на необходимость начать преуспевать.

Новый указ.

После проблеска здравого смысла власти снова сбились с пути и возобновили свое строгое разбирательство. По мнению многих, это был более простой и логичный путь. Папистская партия восстановила свое господство и из всех сил заявила, что остается только одно — искоренить евангелическое учение. В провинциях был опубликован новый эдикт. Религиозные собрания, публичные или частные, были запрещены. Чтение Евангелий, посланий святого Павла и других благочестивых произведений было запрещено. Любой человек, утверждавший, будь то в своем собственном доме или где-либо еще, что-либо, касающееся веры, таинств, папы римского и соборов, подвергался самому суровому наказанию. Ни одно произведение не могло быть напечатано без одобрения, и каждая еретическая книга подлежала сожжению.^[791] Это постановление было приведено в исполнение без промедления, и его положения были распространены даже на произведения, вдохновленные самой похвальной благотворительностью. Благородная дама из Голландии потеряла своего мужа, и ее судебный процесс вызвал теплое сочувствие в сердце Гнафея. Он написал книгу, в которой изложил все утешения, которые можно найти в евангельском учении, указав в то же время, что учение священников было лишено их. Он был немедленно арестован и заключен в монастырь, питался одним хлебом и был приговорен к трехмесячной епитимье. Гуманист остро ощущал тяготы тех дней, в которые он жил; и, желая облегчить свои собственные горькие страдания и страдания своих современников, он начал в своей келье произведение, которому дал название "*Товия и Лазарь*". Этим он предлагает всем христианам самые драгоценные утешения и показывает, насколько ошибаются те, кто видит в первых евангельских христианах Нидерландов только более или менее жестоких противников папы римского. 'Принимай скорби со смирением и радостью, - сказал он, - и ты сразу же увидишь в них источник истинного и постоянного утешения. Произноси Богу с верой имя Отца, и все, что ты получишь из Его отеческой руки, покажется тебе благом. Держись за Христа верой, и тогда ничто так не укрепит тебя, как испытания. Отцовская любовь никогда не проявляется лучше, чем в ее наказаниях; и именно посреди скорбей сияет слава царства Божьего.' Эта книга принесла полезные плоды, и многие, прочитав ее, пришли к познанию истины.^[792] Гнафей в свое время исполнял обязанности утешителя.

Это была не та роль, которую выбрал Карл Пятый. Заключая (15 января 1526 г.) с Франциском I. Мадридский мир, он заявил в преамбуле, что целью этого мира было 'иметь возможность направить общее оружие всех христианских королей, принцев и властителей на изгнание

негодяев и истребление лютеранской секты и всех упомянутых еретиков, отчужденных от лона Святой Церкви".^[793] Очень скоро стало ясно, что это решение было искренним.

Wendelmutha Klaessen.

В городе Монникендам, на берегу реки Зюйдер-Зее, в то время жила вдова по имени Вендель Мута Клаессен, которая сильно скорбела о смерти спутника своей жизни, но также проливала другие, еще более горькие слезы о печальном состоянии своей собственной души. Она обрела покой, который дает Христос, и цеплялась за Спасителя с постоянством и мужеством, которые некоторые из ее друзей называли упрямством. Чистота ее жизни создавала вокруг нее освящающее влияние; и поскольку она открыто признала свою полную веру во Христа, ее арестовали, доставили в крепость Верден, а вскоре после этого в Гаагу для суда там.

Чем непоколебимее была ее вера, тем больше священники стремились заставить ее отречься от нее. Монахи постоянно навещали ее и не упускали возможности поколебать ее решимость. Они особенно нападали на нее по поводу пресуществления и требовали, чтобы она поклонялась маленьким круглым освященным вафлям, которые они использовали во время мессы, как если бы они были Богом.^[794] Но Венделмута, уверенная, что то, что они преподносили ей как Бога, было не более чем тонким хлебом, ответила— 'Я не обожаю их, я их ненавижу'. Священники, раздраженные тем, что она так упорно цепляется за свои идеи, призвали ее родственников и друзей испробовать все средства, чтобы заставить ее отказаться от своих речей. Это они и сделали.

Среди этих друзей была благородная дама, нежно любившая Вендельмута.^[795] Эти две христианки, хотя и были единой душой, тем не менее имели разные характеры. Голландская леди была полна тревоги и огорчения при мысли о том, что ожидало ее подругу, и сказала ей в душевном смятении— 'Почему бы тебе не замолчать, моя дорогая Вендельмута,^[796] и хранить то, во что ты веришь, в своем собственном сердце, чтобы планы тех, кто хочет лишить тебя жизни, были расстроены?' Венделмута ответила с простой и наигранной твердостью: "Разве ты не знаешь, сестра моя, значение этих слов — сердцем человек верит в праведность, а устами исповедуется во спасение?"

В другой раз один из ее родственников, после тщетных попыток поколебать ее решимость, сказал ей: "Ты выглядишь так, словно совсем не боишься смерти. Но подождите немного, вы еще не пробовали этого". Она немедленно ответила с твердой надеждой: "Я признаюсь, что я еще не пробовала этого; но я также знаю, что никогда не попробую этого; ибо Христос вытерпел это ради меня и положительно сказал — если человек сдержит мое слово, он никогда не увидит смерти".

Вскоре после этого Вендельмута предстала перед Верховным судом Нидерландов и ответила, что ничто не должно отделять ее от ее Господа и ее Бога. Когда ее снова отвели в тюрьму, священник призвал ее исповедаться. 'Сделай это, ' сказал он, ' пока ты еще жива'. Она ответила— 'Я уже мертва, и Бог - моя жизнь. Иисус Христос простил мне все мои грехи, и если я обидел кого-либо из моих соседей, я смиренно прошу его простить меня".

20 ноября 1527 года судебные исполнители повели ее на казнь. Они посадили рядом с ней некоего монаха, который держал в руке распятие, и попросили ее поцеловать изображение в знак почтения. Она ответила: "Я не знаю этого деревянного Спасителя; тот, кого я знаю, находится на небесах одесную Бога, Всемогущего Спасителя".^[797] Она скромно подошла к

костру: и когда пламя собралось вокруг нее, она мирно закрыла глаза, склонила голову, как будто засыпая, и отдала свою душу Богу, в то время как огонь превратил ее тело в пепел.

Кроме того, были принесены и другие жертвы. Среди них был монах-августинец из Турне, которого звали Генри. Познакомившись с Евангелием и найдя бездеятельность монастырской жизни невыносимой, он отправился в Куртрэ, соседний городок, посеял там семя веры, женился и к проповеди добавил пример домашних добродетелей. Арестован в суде,^[798] он был отправлен в тюрьму в Турне. Его судили, лишили символов священства и приговорили к сожжению. В этот момент чувство блаженства, которым он собирался насладиться в присутствии Спасителя, с такой силой овладело его душой, что, не обращая внимания на окружавших его священников и судей, он начал громко петь этот прекрасный старинный гимн, приписываемый Амвросию и Августину, — *Te Deum Laudamus*. Зрители отошли от костра, тронутые мужеством его души и величием его веры.^[799]

"Возрожденное Евангелие".

Таким образом, Реформация показала себя воистину *возрожденным Евангелием*, как ее называли.^[800] Это было именно это Евангелие, не только из-за его соответствия писаниям апостолов, но и по другим причинам. В присутствии великолепных дворцов гордой иерархии она восстановила апостольскую бедность и смирение в приходящем в упадок христианском мире. Посреди смерти она создала жизнь. Свет возник посреди тьмы; преданность и самопожертвование стояли лицом к лицу с монашеским и жреческим эгоизмом. Это была святая религия, святая до уровня героизма, и сформировала христиан, чья жизнь, полная добрых дел, увенчалась триумфальной мученической смертью. Эта вера, это мужество и эти смерти были подготовкой и вступлением в грозный и бессмертный конфликт, который впоследствии прославил Нидерландскую церковь. Это были всего лишь внешние укрепления крепости, которую этот народ однажды воздвигнет против гнета папства. Они образовали связующее звено между скромными стенами, которые вера малых в то время возводила на этих землях, и великолепным зданием, которое было возведено впоследствии. Они послужили началом великого будущего. Более того, эти жизни и эти смерти не были изолированными событиями. Они постоянно повторялись во всех странах в эпоху Реформации, и они наполнили ее славой. Ничего подобного им не было создано ни Римом, ни философскими системами.

ГЛАВА XI. ЖЕРТВЫ КАРЛА ПЯТОГО. (1529-1535.)

"Нежное милосердие" Чарльза.

Карл Пятый продолжал осуществлять свои планы. Каждая из многочисленных стран, которые он объединил под своим скипетром, имела свое предназначение в соответствии с личными взглядами своего повелителя. Нидерланды должны были стать полем для демонстрации его произвола и жестокого деспотизма. Император уже доказал свой свирепый нрав в Мадридском договоре; но теперь он привел еще одно доказательство того же. 29 января 1529 года он заключил в Барселоне союз с папой римским, который был достоин их обоих. В нем было заявлено, что "многие люди полностью отклонились от христианской доктрины, император и

его брат использовали бы свою власть против тех, кто будет упрямо упорствовать в своих заблуждениях'. Все принцы были приглашены присоединиться к этому "священному союзу".^[801] 5 августа того же года император подтвердил Камбрейским мирным договором свою решимость искоренить евангелическое учение; и в том же году повсюду был расклеен новый плакат, датированный Брюссельским 14 октября, в котором предписывалось, чтобы все проживающие в стране до 25 ноября передали в руки местного префекта все книги. и рукописи соответствовали взглядам Лютера. Всякий, кто не сделает этого, и всякий, кто примет еретиков в свой дом, должен быть наказан как конфискацией, так и смертью. "Тем не менее, - было добавлено, - чтобы мы могли показать всем, каким состраданием мы движимы, те, кто до указанной даты исповедует и отрекается от своих ошибок, должны быть примирены с Церковью'. Однако рецидивисты и заключенные были исключены. Впавшие в рецидив были приговорены к сожжению; что касается других еретиков, то мужчины должны были быть обезглавлены, а женщины - брошены в яму, *т.е. быть похороненными заживо*. Половина имущества обвиняемых была обещана информаторам.^[802] Таково было сострадание, которым, согласно его заверениям, было тронуто сердце Карла Пятого. Было ли жестокое наказание, вынесенное женщинам, следствием того факта, что они обычно проявляли больше благочестия и своим рвением больше провоцировали спутников Карла? Это возможно; и, во всяком случае, этот факт делает им честь.

Император был не единственным притеснителем евангелистов Нидерландов. Карл Эгмонтский, герцог Гельдерландский, который в то время проживал в старинном дворце своего города Арнгейм, на правом берегу Рейна, безудержно выражал свой гнев против Реформации. Двое мужчин были объектами его особой ненависти. Одним из них был Герхард Гольденхауэр из Нимегена, корреспондент "Эразма", который привел многих жителей Гелдерленда к познанию Христа. Другим был Адольф Кларенбах, образованный и красноречивый человек, который смело провозглашал евангельскую истину. Вскоре после заключения союза между императором и папой римским герцог решил сделать все, что в его силах, для сокрушения врагов папы римского. "Я хочу, - сказал он, - чтобы все те, кто запятнан лютеранской ересью, молодые и старые, местные жители и иностранцы, мужчины и женщины,^[803] все, кто либо в уединении своих собственных домов, либо в гостиницах, либо на собраниях, сказал или сделал что-либо, отдающее ересью, были лишены пощады и без уважения к людям, их имуществу и их жизням. Одна треть их состояния будет принадлежать мне, другая треть отойдет городам или другим местам, где было совершено преступление, а оставшаяся треть отойдет доносчику'. Герцогский фанатик собственноручно подписал указ, воплощающий эти варварские положения. Он не ограничился угрозами. В Арнгейме, Нимегене и других местах он приказывал арестовывать мужчин, женщин и даже монахов; и после допроса некоторых из них утопил, другим отрубил головы, а многих сослал. Что касается евангелических книг, то он приказал сжечь их все. Во дворце, где подписывались и обсуждались эти приказы, был молодой человек, не очень дружелюбный к папству, сердце которого эти жестокие действия наполнили печалью. Это был Чарльз, сын герцога от знатной дамы, гораздо лучший человек, чем его отец, ведущий добродетельную жизнь и дорогой всем хорошим людям. Но ничто не могло остановить буйство несчастного Эгмонта. Вечно беспокойный, мрачный и свирепый, он не мог наложить лапу на Кларенбаха и Гольденхауэра; но первый, непоколебимый в своем признании истины, был сожжен заживо 20 сентября того же 1529 года в Кельне. Гольденхауэр удалился в Страсбург, а затем был вызван в Марбург в качестве профессора теологии.^[804]

Ничто не могло остановить курс правительства Карла Пятого. Напротив, оно ускорило ход событий. Через шесть дней после публикации последнего плаката был нанесен удар Вильгельму, христианину из Зволла. Он был одним из христианских священников Дании и прибыл в Бельгию вместе с этим принцем. Вскоре некоторые богословы из Лувена, раздраженные его исповеданием евангелической доктрины, арестовали его. Затем они пришли к нему и сказали— ‘Вот некоторые статьи, по которым нам нужно ваше мнение. Мы даем вам двенадцать дней на то, чтобы ответить нам; и если вы откажетесь это сделать, - добавили они угрожающим тоном, - мы будем действовать против вас так, как сочтем нужным.

Казни.

Уильям прочитал статьи, всего восемь, и, почувствовав, что нет необходимости тратить двенадцать дней на то, чтобы ответить на них, он немедленно исповедал свою веру.^[805] "Преподобные доктора, - обратился он к теологам, - я полагаю, что в отношении папы римского, если он намерен владеть мирским мечом, отказаться от повиновения законному судье, а не ограничиться духовным мечом, которым является слово Божье,^[806] у него нет власти ни связывать, ни освобождать совесть. Что касается чистилища, то каждый христианин прекрасно знает, что после смерти он будет благословлен. Что касается призывания святых, то у нас на небесах есть только Христос в качестве посредника, и именно к Нему я цепляюсь. Что касается мессы, то это, конечно, не жертва, ибо крови Христа, пролитой на кресте, достаточно для спасения верующих. Что касается книг Лютера, я признаю, что читал их, однако не из презрения к Его Императорскому Величеству, а для того, чтобы, изучая истину, я мог отвергнуть всякую неправду".

Лувенские врачи, известные своей ненавистью к Евангелию, с отвращением выслушали это чистосердечное признание, в котором так ярко светилось благочестие.^[807] За такое признание, по их словам, человек, который его делает, несомненно, заслуживает смертного приговора. Поэтому в Мехлине был приготовлен костер, и Уильям был сожжен заживо под стенания благочестивых людей, которые все оплакивали смерть этого христианского мученика.^[808]

Молодой человек из Наардена, что на Зюйдер-Зее, недалеко от Амстердама, учился в Лувенском университете. Наделенный определенным добродушием, живой, но не прилежный, он добровольно бросил учебу, пренебрегал правилами, смеялся, пил и тратил свои деньги. Он вернулся в Голландию, в дом своего отца. Влияние родины, по-видимому, было благотворным, и он начал задумываться о своем поведении. Однажды, прогуливаясь недалеко от берега моря, он внезапно упал, как будто в него ударила молния, и растянулся на земле. Был ли этот обвал чисто физическим, или действовали моральные причины? Воспоминание о его злодеяниях, несомненно, имело к этому какое-то отношение. Молодой голландец настолько полностью потерял сознание, что люди, которые подбежали к нему на помощь и подняли его, подумали, что он мертв, и отнесли тело домой. Его положили на кровать, и постепенно он пришел в себя; но он изменился. Он чувствовал, что жестокий удар, нанесенный ему рукой Божьей, был необходим, чтобы привести его к послушанию. Он был в отчаянии, но милосердие Христа утешило его, и с тех пор он ходил непорочно. Когда он был низвержен, подобно Павлу по дороге в Дамаск, он, подобно ему, услышал голос Спасителя. Он распространял свет вокруг себя, переходя с места на место, проповедуя Евангелие. Эти события произошли в 1530 году. Имперский губернатор послал ему приказ явиться в Гаагу. Он поехал добровольно; но он был так прост и правдив, что его уволили. То же самое произошло во второй раз. Но в третий раз его

отправили в тюрьму. Однако он вызвал такой большой интерес у окружающих, что они предложили ему способ побега. Он отказался от предложения и был приговорен к смерти. Он шел на казнь совершенно радостно, с сердцем, полным любви к Богу и к людям. Было слышно, как он поет гимн во славу Господа, который призвал его к себе смертью, ставшей для него сладкой. У него ничего не было с собой, даже самой мелкой монеты; но, увидев возле эшафота нескольких совершенно обездоленных бедняков, он с великой простотой снял свои башмаки и чулки и отдал их им.^[809] Жертвами Чарльза были люди именно такого сорта.

Мария Венгерская.

Перемена, произошедшая в правительстве этого князя, казалось, могла привести к переменам в отношении евангельских христиан, и друзья Реформации возлагали на это большие надежды. Маргарита, тетя императора, которая в течение десяти лет управляла Нидерландами мудро, но сурово, умерла в 1531 году, и ей наследовала Мария, королева Венгрии, сестра Карла. Эта принцесса была большой любительницей и изучала литературу. 'Поистине, - сказал Эразм, говоря о ней, - мир перевернулся с ног на голову; монахи невежественны, а женщины образованны'. Она была умной женщиной, героического духа и великой охотницей. Но, отправляясь на охоту, она носила Евангелие в кармане. Мы уже встречались с ней в Венгрии и не забыли слов утешения, которые Лютер сказал ей после смерти короля, ее мужа.

На Аугсбургском сейме она проповедовала Евангелие в своем собственном доме и завоевала сердца протестантов, которые восхищались ее умеренностью и благочестием. Они говорили, что она любит евангелистов и часто сглаживала гнев императора. Она защищает интересы перед ним, хотя и сдержанно и робко.^[810] Таким образом, она стала объектом подозрений папы римского и его приверженцев, и они обвинили ее в ереси. Папа, узнав о ее поведении, приказал своему легату пожаловаться на нее императору. "Она втайне поддерживает, - сказал нунций Карлу, - лютеранскую фракцию; она унижает католическое дело и выступает против мер ваших министров".^[811] Ее обвинили даже в том, что она отговорила курфюрста Тревского от присоединения к католическому союзу и помешала епископу Лаворскому, посланнику Франциска I., отправиться в Германию с целью посоветоваться с римской партией.

Мария Венгерская прибыла в Брюссель и поселилась в придворном дворце. Не потребовалось много размышлений, чтобы понять, насколько трудным было отведенное ей положение. Хотя она не была полностью просвещенной христианкой и ученицей Реформации, она, тем не менее, любила Евангелие и испытывала жалость к преследуемым евангелистам. С другой стороны, она была послана своим братом исполнять его законы против протестантов, законы, которые император не преминул одобрить и часто усугублял новыми. Что должна была делать Мария? Как избежать этой жестокой дилеммы? Ей следовало бы отказаться от правления, которым наделил ее брат; но этот пост придавал овдовевшей королеве ранг среди принцев Европы, а Карл был не из тех, от чьих милостей было легко отказаться. Он поставил ее в ложное положение, и, к несчастью, она осталась в нем. Она намеревалась лавировать между двумя противоположными течениями; и, выполняя приказы своего господина и брата, стараясь также сохранить его расположение и рассеять его подозрения суровыми письмами против протестантов, она старалась, насколько могла, облегчить их страдания. Некоторые полагали, что, будучи гувернанткой Нидерландов, она отказалась от религиозных чувств, которых придерживалась, будучи королевой. Мы думаем, что это ошибка. Ее жизнь была полна непоследовательности и противоречий, но она придерживалась последних чувств, о которых

подозревали в Риме. Это было продемонстрировано решимостью Филиппа II, который, решив осуществить в этих провинциях свои кровавые замыслы, отозвал свою тетю в Испанию. Бедная женщина, бедная принцесса! Какую внутреннюю борьбу ей пришлось пережить! Тем не менее, следует признать, что муки, которые она перенесла в своем собственном сердце, были наказанием за ее честолюбие и трусость. Своим поступком, который она предприняла, она нанесла вред даже тому делу, которое хотела продвигать. Ее пристрастие к Евангелию, сопровождавшееся разрешением, которое она давала на смерть тех, кого по совести чтит, часто усугубляло страдания благочестивых людей и усиливало слабость и унижение Реформации. Обманутая надежда давит и обескураживает.

Корнелиус Крокус.

Тем временем под руководством Марии количество евангелических собраний увеличилось. Иногда они проводились на открытом воздухе, а иногда в скрытых убежищах; число их участников исчислялось тысячами. Среди всех городов Голландии Амстердам выделялся количеством своих жителей, коммерческой активностью и изобилием своих богатств. Евангельское учение было рано провозглашено там либо некоторыми из его жителей, которые занимались литературой и читали греческий Завет Эразма, либо теми из его горожан, которые ездили в Германию по делам бизнеса и привезли Евангелие с собой обратно, либо благочестивыми иностранцами, которые приезжали к ним ради своего ремесла. Был священник по имени Корнелиус Крокус, ученый человек, который преподавал *художественную литературу*, но в то же время, будучи полон рвения к папству, пристрастился ко всем римским обычаям и презирал Реформацию. Однако она безмолвно продвигалась вперед вокруг него, и он внезапно обнаружил, что окружен евангелистами. Его родственники, его знакомые и его бывшие ученики^[812] приняли доктрину Лютера и *Colampadius* и стремился, как он думал, развратить тех, кто все еще был чист в вере. Он был встревожен. Опасность, которая окружала его, занимала все его мысли и мучила его день и ночь. Тем не менее, полный уверенности в себе, он воображал, что, если бы только он смог написать книгу, опасность была бы рассеяна. Но он видел одно препятствие на своем пути, и только одно. Как члену ордена миноритов, ему приходилось каждый день читать столько молитв, что у него не оставалось ни минуты на сочинение. Он думал, что только месяц, один месяц досуга, позволит выполнить эту задачу. Книга была бы написана, а лютеранство уничтожено. Он решил обратиться к епископальной власти; и накануне Богоявления 1531 года он написал чиновнику из Утрехта, делегату епископа, чтобы тот осуществил свою юрисдикцию в этом вопросе— ‘Я самым искренним образом умоляю вас разрешить мне прервать мои молитвы только на один месяц, чтобы я мог написать работу, приспособленную для того, чтобы отвратить умы людей от Лютера и Николампадия и предотвратить развращение тех, кто еще не затронут. Я вынужден еще больше спешить, потому что некоторые из тех, кого я имею в виду, в следующем месяце должны отправиться в плавание на Восток, согласно обычаю Амстердама’.^[813] Амстердам, уже известный своими морскими экспедициями, уже тогда имел честь нести на своих судах учение Евангелия.

Противоречия.

В Амстердаме был особенно один евангелист, которого Крокус в своей тревоге не упускал из виду. Это был Джон Сарториус, который, как оказалось, был его коллегой по преподаванию *художественной литературы*. Родившийся в этом городе в 1500 году, наделенный замечательными способностями и сильным характером, он много отличился в

студенческие годы. Во время визита в Делфт он познакомился с Вальтером, доминиканцем из Утрехта, который, будучи объявлен вне закона своей собственной партией, нашел убежище в этом городе. Этот монах был первым, кто привил Сарториусу вкус к истине. Впоследствии Сарториус сблизился с Анджело Мерулой, пастором Хеенвлиета, и благодаря общению с этим благочестивым человеком приобрел основательные знания об истине веры.^[814] Сарториус был мастером иврита, греческого и латыни; и будучи ответственным за преподавание изученных языков, он получил разрешение магистратуры давать своим ученикам курс уроков иврита, который, как мы знаем, в то время был почти ересью. Вскоре он привел еще более убедительные доказательства своих религиозных чувств. Занимаясь филологией, он пытался внедрить в умы своих учеников фундаментальные принципы Евангелия; и доктриной, на которой он больше всего останавливался, была доктрина только веры,^[815] потому что он был уверен, как и все реформаторы, что это самый надежный способ наполнить жизнь христианина добрыми делами. Крокус, машинально читая свои длинные молитвы, думал о чем-то другом и, увлекаемый неистовством своей страсти, издавал громкие крики. Он решил напасть на Сарториуса, уверенный, что сокрушит его с первого удара. Поэтому он сочинил и напечатал в Антверпене работу под названием *"О вере и делах", направленную против Джона Сарториуса*. К Крокусу присоединился Алард, еще один амстердамский священник. 'Этот человек, ' сказал он, - обладает развитым умом, но, к сожалению, он выбрал худшего из всех наставников - самонадеянность'. Сарториус, несмотря на жестокую атаку, не дрогнул. Непокколебимый в своей вере, он мужественно защищал ее и, не дрогнув, сражался с врагом. Он не боялся суеверных и был полон решимости противостоять им. Он писал последовательно — *Об оправдании веры против Крокуса* и *О святой Евхаристии*; и в этих работах, стремясь называть вещи своими истинными именами, он бесстрашно использовал выражения, несколько слишком сильные. Он опубликовал также *"Утверждения веры", адресованные спутникам сатаны*.^[816] Но, хотя он оставался непоколебимым в своих убеждениях, ему приходилось часто менять место жительства. Мы находим его в Норвике, Харлеме и Базеле. Другие евангельские христиане были вынуждены, подобно ему, покинуть свою родину. Джон Тиманн, вкусив истину и обнаружив, что не может свободно проповедовать ее своим согражданам, нашел убежище в Бремене, где тридцать лет трудился как верный служитель, и там умер. То, что гражданская власть таким образом лишила христианский народ его наставников, было немаловажным фактом, и однажды ему предстояло научиться этому ценой собственных усилий. Сарториус не смог вынести изгнания и впоследствии вернулся на родину, где

Longtemps tourmenté par un destin cruel,

Rend son corps à la terre et son esprit au ciel.

Это последние две строки его эпитафии, написанной им самим.^[817] Сарториус был одним из самых благородных бойцов Реформации.

Преследование в Амстердаме.

Хотя врачам пришлось бежать, Священное Писание и христианские книги остались. Возможно даже, что Мария Венгерская тайно способствовала печатанию Библии. Эту священную книгу охотно читали в Нидерландах. 'Ах, - обычно говорили люди, - именно потому, что многие догмы,

которым учит духовенство, нельзя найти в Божьих оракулах, чтение их так строго запрещено'. Таким образом, гнев Карла и его советников возгорелся против авторов, печатников и читателей этих книг, которые противоречили Риму; и появился новый плакат (1531 г.), составленный с утонченной жестокостью. Оно было расклеено по всем провинциям и гласило следующее— 'Запрещается писать, печатать или заставляя печатать или сочинять какие-либо книги вообще без разрешения епископов. Если кто-либо сделает это, он должен быть поставлен к позорному столбу; палач должен взять железный крест, раскалить его докрасна и, приложив к себе, заклеить его; или он должен вырвать ему один глаз или отрубить одну из рук,^[818] на усмотрение судьи.' Папство в шестнадцатом веке не одобряло свободу прессы.

В то же время были отданы приказы о незамедлительном обнародовании эдикта 1529 года каждые шесть месяцев. Были некоторые вещи, память о которых Карл V не хотел, чтобы его *верные*, как он их называл,^[819] хотя бы на мгновение утратили. Мужчины были обязаны всегда помнить о *мече*, женщины - о *яме*, а те, кто впал в рецидив, - о *огне*. Это были три хорошие мысли, пригодные для поддержания верности верующих. Правительство не ограничилось словами. Некоторое время спустя агенты имперской власти в Амстердаме, проникнув ночью в определенные дома, которые они отметили днем, бесшумно подобрались к кроватям тех, кого они искали, схватили девять человек, приказали им немедленно и безропотно надеть чулки, а затем увезли их в Гаагу. Там, по приказу императора, они были обезглавлены.

Их подозревали в том, что они предпочитали крещение взрослых младенцам.^[820]

Эти казни вызвали глубокое раздражение среди свободного населения Нидерландов, и в некоторых местах они оказали сопротивление капризам автократа. В Девентере было много евангелистов. Следовательно, в 1532 году некоторые посланники императора получили инструкции провести расследование в отношении лиц, подозреваемых в лютеранстве. Это было задумано для того, чтобы поместить несчастный город под власть огня, меча, и ямы. Когда посланцы Карла прибыли к воротам города, им был запрещен въезд.^[821] Они были поражены, увидев, как горожане отсылают депутатов своего суверена. "Мы требуем впустить вас *именем императора*", - повторили имперские офицеры. Сенат и народные трибуны собрались. Этот вопрос почти не обсуждался. Древние голландские муниципалитеты все еще жили в сердцах этих граждан, и они намеревались реализовать на практике право на свободное волеизъявление совести. Поэтому депутаты сената отправились к воротам города и сказали посланцам Карла— 'Мы ни в коем случае не можем согласиться с тем, чтобы иностранные уполномоченные узурпировали права, на которые вы претендуете. Если у вас есть какая-либо жалоба, подайте ее бургомистру или делегатам сената. "Благородный и мужественный город, чей великодушный пример заслуживает уважения!

Семья Мучеников.

Не все магистраты были такими смелыми. В Лимбурге, небольшом городке в провинции Льеж, многие горожане были обращены в Евангелие, не подвергаясь никакому вмешательству со стороны магистратов. Среди этих обращенных была одна семья, все члены которой были посвящены Богу. Их было шестеро: отец и мать, две дочери и их мужья. Призванные один за другим к познанию Спасителя, они брали в руки свои светильники, чтобы указывать другим путь жизни; и поистине, их праведная и святая жизнь просвещала тех, кто был ее свидетелями. Прибыли несколько эмиссаров императора (1532 г.), и никто не остановил их у ворот. Им немедленно указали на дом этой семьи. Они вошли в дом и схватили отца и мать, сыновей и

дочерей. Рыдания и стоны были слышны теперь в этом жилище, которое раньше оглашалось пением псалмов. Однако в разгар своего великого испытания у этих шести христиан было одно утешение — они не были разлучены друг с другом, но были приговорены к сожжению на одном костре. Свая была сооружена за городом, недалеко от Ротфельд-хайтс.^[822] Когда их вели на казнь, отец и мать, две дочери и зятья, как говорят, почувствовали своего рода священный восторг и издали крики радости.^[823] Однако, похоже, что некоторые из них проявили признаки минутной слабости. Поэтому, желая укрепить друг друга, они начали вместе петь свои прекрасные псалмы — ‘Бог есть наш Бог во веки веков; Он будет нашим наставником даже до смерти’. Так они добрались до места казни, и каждый из них в последний раз воззвал к Господу Иисусу.^[824] Эта благословенная семья была взята на небеса все вместе и без какого-либо болезненного расставания.

Преследования не ослабевали. В 1533 году в Буа-ле-Дюке были казнены четверо мужчин, обвиненных в приверженности евангелическим доктринам. Пятеро мужчин и одна женщина, напуганные перспективой смерти, отреклись от своей веры и были приговорены ходить процессией перед воинством с зажженными свечами, бросать свои лютеранские книги в огонь и постоянно носить на своей одежде желтый крест. Один мужчина по имени Сикке Снайдер был обезглавлен в Леувардене за то, что принял крещение во взрослом возрасте;^[825] а незадолго до этого женщина за то же преступление была брошена в озеро Харлем. Это был самый быстрый способ избавиться от нее, но они оказали честь ее мужу, сожгли его заживо вместе с двумя его друзьями в Гааге.

Подобными преступлениями отмечен 1534 год. Горшечник из Буа-ле-Дюка лишился головы за то, что был евангелистом. Уильяма Виггертсона постигла та же участь, но тайно, в крепости Шаген; а Шол, священник из Амстердама, известный своим красноречием и добродетелями, был приговорен к сожжению в Брюсселе.^[826]

Эти ужасы — а их было много, помимо тех, что мы описали, — не могли не вызвать фатальной реакции. Гонения, обрушившиеся на приверженцев реформатской веры в тех землях, где перемены были наиболее радикальными, - в Нидерландах, Франции, Англии и Шотландии, - должны были оказать длительное влияние. Это чувствуется даже по сей день. Можно сказать, что костры мучеников еще не погасли, что колокол в День Святого Варфоломея все еще звучит, и что все еще видны последние из тех многочисленных групп заключенных и беженцев, которые отправляют одних на галеры, других в изгнание. В лютеранских странах, и особенно в Германии, где кровь мучеников не проливалась совсем или в очень малой степени, существует определенная умеренность и даже некоторая доброта в общении между римскими католиками и протестантами. Конфликт там носит исключительно научный характер. Но иначе обстоит дело в странах реформатской или кальвинистской веры. Там люди не забывают огонь и меч, и две стороны кажутся непримиримыми. Если это нынешний результат жестокостей, совершенных более трех столетий назад, мы можем представить, какой эффект они должны были произвести на современников. Они наполнили сердца благочестивых людей печалью и огорчением.

Энтузиасты.

Еще в 1531 году было общепризнано, что вся масса народа примет Реформацию, если прекратятся преследования. Те, кто не руководствовался страхом Божьим, были раздражены и разгневаны преследователями. И это было не самое худшее; нехватка духовных лидеров оставляла поле деятельности открытым для энтузиастов, которые считали себя

вдохновленными, и для самозванцев, которые притворялись таковыми. Если пастыри отстраняются, глупцы или негодяи выдают себя за пророков и, вместо того чтобы наставлять людей, вводят их в заблуждение. Похоже, что некоторые из учеников восторженных богословов, которым Лютер и Цвинглиус яростно противостояли, когда их изгнали из Германии и Швейцарии, перенесли свои видения в Нидерланды. Они знали, что эти земли долгое время пользовались свободой, и надеялись, что смогут беспрепятственно распространять там свою систему. Преследования римского духовенства бросили в их объятия многих евангелистов. Система этих энтузиастов была совершенно противоположна системе реформаторов. Они расходились, в частности, в учении о бессилии души творить добро. В результате они разделились на две партии. Человек, говорили некоторые из их врачей, способен своими собственными силами обрести спасение. Для них Христос был скорее школьным учителем, чем Спасителем; и некоторые из них, Кетцер, например, категорически отрицали его божественность. "Он искупает нас, - говорили они, - указывая путь, по которому мы должны следовать".^[827] Другие утверждали, что греху подвержена только плоть, что дух не был затронут и что он не участвовал в грехопадении. Все они смотрели на евангелическую церковь и ее институты как на новое папство. Они утверждали, что и то, и другое в равной степени, новое и старое, вот-вот будут уничтожены, и вот-вот произойдет великое преобразование мира. Это началось бы с лишения полномочий королей и магистратов, а также с предания смерти пасторов и священников.

Эти так называемые пророки часто появлялись так, что никто не знал, откуда они пришли и куда направились. Они начинали с приветствия во имя Господа. Затем они заговорили о растлении мира. Они объявили о конце всего сущего, назвав даже день и час, и они называли себя посланниками Бога, чтобы запечатлеть избранных печатью завета. Все те, кто был запечатан, вот-вот будут собраны вместе со всех четырех сторон света, и все нечестивые будут уничтожены. Они особенно обращались к ремесленникам и нашли в них людей более умных, чем крестьяне сельских округов, людей, утомленных своими тяжелыми занятиями, недовольных низкой зарплатой и полных страстного желания занять лучшее положение. Главными лидерами были портные, сапожники и пекари. Большинство этих респектабельных классов стояли в стороне от мечтаний фанатиков и продолжали зарабатывать себе на жизнь честным путем. Но энтузиасты среди них в Швейцарии, Эльзасе, Германии, Нидерландах и других местах предложили создать великую международную лигу, с помощью которой они жили бы в свое удовольствие и ничего не делали. Заявляя, что они вдохновлены Богом для достижения Его целей, они вскоре предались самым постыдным страстям и самым жестоким поступкам. Было отмечено, что самый яркий пример фанатизма, зафиксированный на страницах истории, был вдохновлен преувеличенной преданностью папской системе; и прославились те граждане Парижа, которые в Варфоломеевскую ночь убивали, мясорубили и разрывали на куски тех своих сограждан, которые не пошли на мессу. История, однако, представляет нам фанатизм еще более отвратительный, если не сказать более жестокий. Это был фанатизм секты, которая не была ни романистической, ни протестантской — энтузиастов, о которых мы говорим. И если мы рассмотрим их отношения, будь то с Римом или с протестантизмом, нам кажется, что не будет отклонением от мудрой беспристрастности сказать, что жестокости императорского правительства, часто поддерживаемого священниками, существенно способствовали тому, что эти несчастные люди впадали в экстравагантность и жестокости; в то время как протестантские богословы искренне боролись с ними пером, а князья - мечом.

Если огонь фанатизма иногда заносился из Германии в Нидерланды, то чаще всего он разжигался там без иностранной помощи. Брожение, имевшее место в некоторых грубых натурах, и преследования Рима развили там нездоровый жар, который раздражал характер людей и распалял их воображение. Здесь не было нужды ни в Аисте, ни в Мюнцере, ни в Манце.

Пророки.

В 1533 году агенты правительства обнаружили оружие у некоторых энтузиастов.^[828] "Несомненно, - сказала королева Мария, ' это недалеко от мятежа'. Мельхиор Гофман, швабский торговец мехами, умный, красноречивый и отважный человек, до этого провел несколько лет в Эмбдене, в Восточной Фрисландии, и выдавал себя за призванного Богом бороться с доктринами папы римского, Лютера и Цвинглиуса и нести истину миру.^[829] Джон Маттисон, пекарь из Харлема, проникательный, смелый и безнравственный человек, ныне проживающий в Амстердаме, испытывал восторженный восторг и утверждал, что он Енох.^[830] Он притворился, что как таковой ему поручено возвещать о пришествии царства Божьего; он предсказал настолько ужасные страдания тем, кто отказывался верить ему, что бедные люди в своем ужасе вообразили, что они уже видят разверзшийся перед ними ад; и, охваченные тревогой, они слепо верили всему, что говорил им Енох. Среди его учеников был некто Джон Бокхолд, лейденский портной, которого он рукоположил и отправил с одиннадцатью другими (двенадцатью апостолами!) проповедовать новое Евангелие. Восстановление всего уже близко, говорили эти новые пророки. Приближается духовное и светское царствование Христа. Никто не будет допущен, кроме праведников; нечестивые должны быть уничтожены заранее. Даже министры должны взять меч и установить новое царство силой. Затем, желая отвести каждому его роль, они заявили, что "Лютер и папа римский действительно оба были лжепророками, но что Лютер был худшим".^[831] "Времена гонений закончились", - кричали они среди населения, напуганного жестокостями Карла Пятого; 'Вам больше нечего бояться. Настал момент, когда верующие восторжествуют по всей земле и воздадут тиранам вдвойне за зло, которое они им причинили. 'Если кто-либо колебался верить пророкам, они обвиняли его в противлении Духу Божьему; называли его Кореом, Авирамом или Иамврием; и бедные люди, боясь воспротивиться божественной миссии, с трепетом принимали обещания, которые должны были положить конец их страданиям. Портной Бокхольд проповедовал таким образом в Амстердаме, Энхейзене, Алкмаре, Роттердаме и других местах, основав во всех этих местах небольшие общины верующих численностью от десяти до двадцати человек. Мысль о том, что жестокая тирания Карла вот-вот предстанет перед судом и что необходимо ускорить конец, овладела умами людей. Они стали беспокойными и не думали ни о чем, кроме как отомстить тем, чьими орудиями были яма, огонь и меч.

Иллюзии.

Однажды ночью в уединенном месте провинции Гронинген среди огромной толпы, собравшейся со всех сторон, восстал человек. Он был обнажен по пояс, душа его была встревожена, разум в смятении, мысли бессвязны; и в состоянии самой странной галлюцинации он закричал дрожащим и негармоничным голосом: 'Я Бог Отец.... Убивайте, убивайте священников и монахов; убивайте судей всего мира, но особенно тех, кто управляет нами. Покайтесь, покайтесь! Смотрите, ваше освобождение близко. ' Этот маньяк, которого звали Германн, издавал ужасные стоны и вопли,^[832] разгоряченный и воспламененный, он выпил большими глотками вино, чтобы утолить свою жажду.

Постоянно распространялся слух о приближении судного часа, о том, что все верующие будут спасены, но неверующие погибнут под суровыми наказаниями. Более трехсот человек, охваченных тревогой, собрались вместе за одну ночь и с громкими криками потребовали крещения, которое должно было защитить их от судов небесных, и они приняли его, убежденные, что все те, кто его не получил, погибнут.

Дух тьмы все больше и больше распространялся среди бедных и невежественных людей, напуганных казнями. Она охватила даже самые вульгарные классы, довела их до состояния смертельного страха и подчинила силе экстравагантного воображения. Однажды ночью молодой садовник^[833] встал и подошел к постели Германна, который выдавал себя за вечного Отца, и сказал ему: 'Я Сын Божий'. Затем, преисполнившись жалости к несчастным, которых преследовали агенты императора и священников и которые не верили в провозглашенное избавление, он воскликнул: 'О Отец, сжался над людьми, сжался! и прошу прощения.' Собралась большая толпа; он взял полную чашу крепкого напитка и выпил его, намереваясь почтить Святого Духа; затем, взобравшись на стул, он издавал пронзительные крики, провозглашая себя Сыном Божиим. Увидев в толпе свою мать, он обратился к ней: 'Неужели ты не веришь, - сказал он при всех, - и не исповедуешь, что ты родила Сына Божьего?' Бедная женщина, изумленная и встревоженная, не зная, что случилось с ее сыном, просто ответила, что она этого не знала. Тогда введенный в заблуждение человек пришел в ярость и так напугал свою бедную мать, что она, дрожа, пробормотала, что действительно в это верит. Но один из присутствовавших мужчин, заявив, что он, со своей стороны, вообще в это не верит, бесноватый схватил его и яростно швырнул в навозную кучу, которая лежала возле коровника. 'Смотри, ' сказал он, - ты лежишь в бездне ада". Крепкий мужчина, обладавший здравым смыслом и возмущенный этими глупостями, теперь схватил его и повалил на землю. Другие, не слишком терпимые, набросились на беснующегося маньяка и осыпали его ударами, так что несчастному было очень трудно спастись бегством из рук тех, кто так грубо наказал его. Что касается Германна, то он был арестован по приказу магистрата, доставлен в Гронинген и брошен в тюрьму. Чудовищные жестокости Людовика XIV. это также привело к аналогичным действиям со стороны энтузиастов. Но нет места для сравнения между искренними и часто набожными камизардами и грубыми и нечистыми фанатиками Нидерландов. Эти разного рода факты сходятся только в том, что показывают фатальные последствия уголовных преследований папства. Однако секта энтузиастов со временем стала чище.

Принятие кальвинизма.

В то же время среди евангелистов, оставшихся верными Слову Божьему, постепенно произошли важные перемены. Глубокое знакомство с историей Нидерландов XVI века не во всех случаях исключало ошибку — впрочем, не очень широко распространенную — относительно происхождения Реформации в этих провинциях. Утверждалось, что она попала туда не через Германию, а через Францию с помощью гугенотов.^[834] Мы видели, что она поступила непосредственно из Виттенберга, и что в самом начале движения. Судя по тому, что произошло в Антверпене и в других городах, на этот счет нет места сомнениям. Но после этих безумных, яростных проявлений фанатизма та часть евангелистов, которая оставалась в здравом уме (а они составляли подавляющее большинство), предпочла французскую и швейцарскую реформацию; и шаг за шагом Нидерланды, которые, по-видимому, приняли реформацию Лютера, присоединились к реформации Кальвина. Женева заняла место Виттенберга. Виль, который был назначен Карлом Пятым президентом большого совета в

Мехлине, сказал: "Лишь немногие придерживаются аугсбургского вероисповедания; кальвинизм завладел почти всеми сердцами".^[835] Утверждать, что единственной причиной этого движения был фанатизм, перешедший с берегов Рейна в Нидерланды, было бы преувеличением. В этой трансформации были задействованы и другие причины, но энтузиазм, отвращение и тревога, которые она вызвала, имели большое значение. Этот факт не является принижением лютеранства, поскольку Лютер и его приверженцы были 'в то время самыми решительными порицателями этих беспорядочных действий'. Кроме того, можно назвать еще одну причину столь замечательных и почти уникальных перемен, произошедших в Нидерландах. Именно в этой стране бушевали самые яростные преследования. Итак, было отмечено, что те реформатские партии, которые были объектами жестоких преследований, отвергли изображения, распятия и все, что традиция завещала некоторым протестантским церквям, и решили поддерживать конфликт в соответствии с учением Священного Писания, только словом своего свидетельства и кровью Агнца. Это замечание заслуживает некоторого внимания, но не следует забывать, что никто не черпал больше силы, чем Лютер, из арсенала Слова Божьего.

ГЛАВА XII.

ЛУВЕН.

(1537-1544 гг.)

На данном этапе история Нидерландов представляет нам благородное зрелище: мы видим, с одной стороны, малышей, неизвестных миру, служащих Богу с пылом и неукротимой решимостью, а с другой стороны, гонителей, жаждущих их крови, и ожидающих их конфликтов и мученичества. Героизм простых людей в глазах мира кажется бесконечно малым. В наших глазах это одна из славных сторон Реформации, что в ее истории перед нами предстают прежде всего маленькие люди. Это одна из черт, отличающих его от светской истории, которая восхищается главным образом дворцами и великолепными достижениями завоевателей.

Евангелисты в Генте.

В Брюсселе, Антверпене, Лувене, Генте и других городах было много друзей Евангелия. Евангельское христианство постоянно набирало силу, но в то же время рос и римский фанатизм. Гент, город такой величины, что его называли *скорее деревней, чем поселком*, содержал в этот период многочисленных приверженцев Реформации. Они так сильно жаждали здорового учения, что в 1537 году, когда проповедник, говоривший только по-французски, проповедовал Евангелие в этом городе, где не понимали ничего, кроме фламандского, бесчисленные слушатели столпились вокруг него и припали к его губам. Пьер Брюли (Brulius) — таково было его имя - говорил с таким пылом духа и с таким убедительным красноречием, что фламандцы, хотя и не могли понять того, что он говорил, были воодушевлены искренним и нежным чувством, с которым он говорил. Когда проповедь закончилась, некоторые из его слушателей, которые могли себе это позволить, желая узнать, что именно сказал проповедник, который им так понравился, отправились к людям, знающим оба языка, и достав из их карманов маленький мешочек, в котором они носили свои деньги, сказали им: "Переведите нам, пожалуйста, речь, которую произнес проповедник; мы заплатим вам за это столько— то".^[836] Более трехсот гентцев, мужчин и женщин, по-видимому, были обращены проповедью

Брули. Однако, поскольку ему не терпелось обратиться к людям, которые могли бы его понять, три или четыре года спустя он покинул Фландрию и отправился в Страсбург, где сменил Кальвина на посту пастора Французской церкви. Люди говорили о нем— ‘У него, как и у молодого Пикара (Кальвина), чистое учение и незапятнанная жизнь’. Позже мы снова встретимся с ним в Бельгии.

К счастью, другие друзья Евангелия все еще оставались в Генте. Там был Клава, пожилой человек, сказал Эразм, но который всегда обновляет свою молодость подобно весеннему приливу и приносит самые прекрасные плоды; также Жан Кузар, который был корреспондентом Цвинглиуса; и особенно четверо Утенховых. Николас Утенхов, выдающийся юрисконсульт, элегантный литератор, мудрый, скромный и честный человек, долгое время с большим почетом занимал в Генте пост председателя Верховного совета Фландрии. Каждую свободную минуту, которую он мог улучшить среди шума дворца, многочисленных предъявленных ему дел, восклицаний ухажеров и адвокатов, которые были вокруг него, Утенхов тратил на чтение Священного Писания; и он часто посвящал изучению его часть ночи.^[837]

Мартин ван Клейн, врач, комментатор Гиппократ и Галена, вкушал Слово Божье, радуясь тому, как вера и Евангелие исцеляли больные души и давали им новую жизнь. В практике своего искусства он никогда не видел таких чудесных исцелений; и он сказал себе, что, несмотря на все усилия, которые врачи прилагают, чтобы исцелить их, люди, тем не менее, в конце концов умирают; в то время как Иисус Христос исцеляет навсегда и делает бессмертным. Поэтому он начал рассказывать своим друзьям и соседям о замечательном средстве, которое он открыл. Но, преследуемый инквизицией, он отправился в Лондон под вымышленным именем Микрон и стал там пастором бельгийской церкви.^[838]

Когда Аласко прибыл в Лувен, он нашел там ревностных приверженцев как папства, так и Евангелия; с одной стороны, богословов и фанатичных монахов, а с другой - небольшую паству среди горожан, которые с радостью приняли свет Евангелия. Дама, принадлежащая к одной из знатных семей города, Антуанетта Хавелус (урожденная ван Роэсмалс), многие из предков которой в прежние времена занимали видное место в государстве, была одушевлена живым благочестием и благодаря своим добродетелям была примером для всего города.^[839] В то время она обладала компетенцией, которую впоследствии утратила, и с радостью практиковала гостеприимство. Именно в ее доме поселился Аласко, когда приехал в Лувен.^[840] Антуанетте было тогда около пятидесяти двух лет, и она проживала в местечке под названием Боллебор, происходящем от фонтана, расположенного недалеко от реки Ла Верр. "Превыше всего она отдавалась чтению и размышлениям над Священным Писанием; и таким образом она познакомилась с волей Божьей, которую также претворяла в жизнь, исполняя по отношению к своим соседям обязанности милосердия".^[841] Более того, она считалась душой Реформации в Лувене. У нее была дочь по имени Гудула, изящная по фигуре, безупречно красивая и утонченная, в это время находившаяся в расцвете сил своего возраста.^[842] Гудуль была сдержанной и скромной и не слишком демонстрировала свои религиозные чувства; но у нее были глубокие чувства и особенно большая любовь к своей матери. Семейный круг Антуанетты был большим, и почти все ее племянники и племянницы уверовали в Евангелие.

Ян Ван Усберген.

Реформация также имела многочисленных друзей за пределами этой семьи. Самым верным евангелистом Лувена был Ян ван Усберген. Он не был духом, беспокойным от необдуманного

рвления. Книготорговец Жером Клоэ, который был хорошо с ним знаком, назвал его 'самым тихим человеком в Лувене'.^[843] Он, по-видимому, был хорошо образован и читал латинские труды о вере, которые были опубликованы в Германии и других странах. Он не упускал ни малейшей возможности донести Евангелие до людей, и его личные беседы просвещали души. "Наставлениям Яна ван Усбергена, - сказала набожная женщина Кэтрин, жена скульптора Байертса, - я обязана чувствами, которые исповедую."^[844] Еще чаще Усберген выступал на собраниях, проводимых в частных домах, на фермах по соседству и на открытом воздухе. В Лувене также было небольшое количество священников, которые, хотя и действовали с меньшей свободой, чем Усберген, тем не менее оказывали мощное влияние. Среди них был один шестидесятилетний мужчина, немощный телом, с седой от старости головой, скромный, но очень образованный. Его звали Пол ван Рувер. У него было много гимнов, псалмов и других сочинений на вульгарном языке (фламандском), помимо Священного Писания, на изучение которого он тратил свое время.^[845] Он был поэтом и очень искусен в стихосложении; он также был музыкантом и играл на флейте. Евангелисты Лувена часто приставали к нему, когда видели на улице, в церкви или в кафедральном соборе Лувена, где он, по-видимому, выполнял какие-то церковные функции. Скульптор Ян Беартс однажды Великим постом вступил с ним в разговор в церкви Святого Петра, напротив алтаря святой Анны. Они заговорили о причастии, и мастер Павел, отложив пресуществление в сторону, сказал, что святая вечеря - это просто оставленный нам Христом залог своих страстей, которыми мы спасены. Мастер Поль основал благотворительный фонд для бедных реформатских христиан; и когда он приходил в дом Катрин Склеркс, жены Роже, он часто давал ей деньги для раздачи бедным, "потому что знал, что ей нравится посещать дома нуждающихся".^[846] Этот благочестивый священник был в то же время приятным человеком, и его беседа 'касалась интересных тем'. Это был красивый старик, всегда добрый и добродушный. "Искренние убеждения, - было замечено, - не исключают любви к изящным искусствам или изящества остроумия".^[847]

Умастера Пола был друг Мэтью ван Риллаерт, с которым 'он часто говорил о слове Божьем и таинстве Евхаристии и обсуждал вопросы о том, должно ли причащение быть обоих видов и должны ли священники жениться'. 'Ах, ' сказал Мэтью, - лучше взять жену, чем совершать грех блуда'. Он часто ходил в лавку книготорговца Джерома Клоэта, и "там обсуждались религиозные темы, церковные соборы и оправдание верой".^[848] Но среди верующих Лувена самым выдающимся был мастер Питер Райтоув, школьный наставник Святой Гертруды, которому в этом качестве было поручено воспитание молодых людей, предназначенных для служения. Он был хорошо информированным человеком и самым ученым из богословов. Он был частым гостем у книготорговца Клоэта и даже покупал книги по ботанике, медицине и другим наукам.^[849]

Невинная прогулка.

Одной из самых примечательных личностей евангелической группы в Лувене был Жак Госсю, бакалавр гражданского и канонического права и бывший декан Гильдии драпировщиков. Он жил на свое состояние. Он женился на Марии, племяннице Антуанетты ван Розмалс. Однажды, во время сбора урожая, когда Антуанетта, ее дочь Гудуль и другие друзья были у него дома, Мария сказала, что ей очень хочется полакомиться виноградом, и предложила поехать в Россельберг на виноградник ее сестры Марты. Россельберг - это гряда холмов, получившая свое название из-за железистого цвета почвы. Обширные виноградники существовали там до семнадцатого века. 'От всего сердца', - сказала Антуанетта. Компания поднялась, чтобы

разойтись. Это было после полудня. Когда они подошли к крепостным валам, недалеко от городских ворот, то встретили евангелиста Ван Усбергена, Яна Беяртса и его жену Кэтрин. Они вместе направились к Россельбергу; и по дороге Ян ван Усберген начал читать Новый Завет. Они подошли к винограднику. Носильщик, по словам одного из обвиняемых, был 'верующим'. Они съели немного винограда, а затем на обратном пути компания свернула на дорогу в Бошстратен и немного посидела в поле. Ян ван Усберген снова взял свой драгоценный том и прочитал Новый Завет. Впоследствии многие люди были привлечены к ответственности за эту невинную прогулку.^[850]

Но конференции по вопросам веры, как они привыкли их называть, в основном проводились в доме Антуанетты, либо в Боллбор, либо в блэк Лиз, где она впоследствии поселилась.

Здесь присутствовали как мужчины, так и женщины разного звания, которые свободно беседовали друг с другом. Вполне вероятно, что Аласко присутствовал на этих встречах, особенно на тех, которые проводились в доме Антуанетты, где он часто проживал. Его имя, однако, не фигурирует в протоколах допросов. Ян Шац часто читал там Библию. Чистилища нет, сказал он; душа, когда она покидает тело, пребывает до судного дня в месте, известном Богу.^[851] Ян Викарт, галантерейщик Золотых ворот, сказал— 'Есть две церкви, христианская церковь и римская церковь. Нам достаточно исповедаться Богу, потому что от Него исходит всякое спасение. Я принимаю причастие в память о Христе и воспитываю своих дочерей в этих чувствах'.^[852]

Смелость Беэр.

Вера некоторых из этих учеников не была непоколебимой и чистой. Скульптор Беэр был одним из завсегдатаев этих собраний; но он придерживался некоторых взглядов, которые были скорее пылкими, чем глубокими, и имел больше энтузиазма, чем непоколебимости в своей вере. В каждой из церквей Святого Петра и Святого Иакова висела картина, призванная произвести впечатление на прихожан и побудить их прийти на помощь душам, заключенным в чистилище. Бейертс посвятил себя задаче положить конец скандалу, который эти фотографии вызвали среди его друзей. Однажды вечером он тайком пробрался в церковь Святого Петра, рядом с башней, под звон колоколов, рядом с распятием. Он был один в церкви; он снял картину, спрятал ее под мантией и быстро ушел. Встретив Кэтрин Склеркс, она увидела картину и сказала ему: 'Отличная работа'. Бейертс проделал то же самое с картиной в церкви Святого Джеймса, и все его друзья остались довольны и сказали, что эти картины были 'злостными обманщиками'. Но этот же самый человек, теперь такой смелый, проявил прискорбную слабость, когда предстал перед судьями.

Но было нечто большее, чем слабость. Дух Божий продолжал Свою работу в Лувене и Нидерландах, но лукавый не бездействовал. Паршивая овца забралась в загон. Джордж Стокс, член палаты риторики и автор различных песен и стихотворений, по-видимому, принадлежал к партии развратников. Хотя он был набожным оратором на собраниях, он отрицал свое учение своим образом жизни. Он искал возможности роскошной жизни, пел стихи, вызывавшие смех, танцевал и пил. Однажды вечером, после пира в Жемпе, когда пришло время возвращаться в Лувен, он был так пьян, что его пришлось бросить в повозку.^[853]

Иначе обстояло дело с Яном ван Усбергеном. В отношении него было только одно свидетельство. Люди говорили, что он был святым человеком, который много страдал во славу

Божью.^[854] Он обладал сильной верой во Христа, великим благочестием, исключительной скромностью и удивительной стойкостью. Он был душой собраний, проводившихся в доме Антуанетты. Но два бедствия подряд опустошили маленькую христианскую паству. Эпидемия вспыхнула в Лувене, по-видимому, в 1539 году. Особенно он напал на дом Антуанетты и унес ее мужа и нескольких детей. Безутешная вдова укрылась вместе с Гудулой, которую ей пощадили, в одной из городских башен. Эти башни смотрели на всю страну, и пораженные чумой были вынуждены прибегать к ним, чтобы предотвратить распространение заразы в городе. Эта эпидемия, отнявшая у Антуанетты предметы ее самой нежной привязанности, изменила и условия ее жизни. Отныне она была "бедной старой женщиной, обремененной нищетой и страданиями, потерявшей все, что у нее было, даже самые средства к существованию".^[855] Но Евангелие оставалось для нее.

Ночные аресты.

Преследование 1540 года было лишь частичным. Инквизиторы были спровоцированы тем, что оно не положило конец тому, что они называли ересью. Множились евангельские книги и лекции. Теологи и монахи — банда фарисеев, как их называл тогдашний служитель, — множили свои жалобы и вопли. В начале 1543 года Брабантский собор постановил произвести всеобщий арест подозреваемых лиц в Брюсселе, Антверпене, Ауденарде и особенно в Лувене, где реформатские христиане позволяли себе все больше и больше вольностей. В течение марта в Лувен прибыл генеральный прокурор Питер дю Фиф, человек, печально известный своими жестокими и несправедливыми судебными разбирательствами. Он решил, чтобы никто из тех, на кого ему донесли, не смог сбежать, задержать их в теле во время их первого сна. Однажды ночью, в середине марта, когда уже стемнело, Питер дю Фьеф собрал своих людей и сообщил им, что речь идет о захвате и заточении в тюрьму всех еретиков, без всякого шума и слов, в темноте. Между десятью и одиннадцатью часами вечера офицеры отправились в путь. Бедняки, в основном из класса ремесленников, утомленные своим поденным трудом, прилегли отдохнуть в свои постели, не думая ни о чем происходящем.^[856] Офицеры постучали в дверь. Если, возможно, отец семейства из-за своей тяжелой работы заснул крепким сном и не сразу пришел открыть им, дверь была выломана, и эти *разбойники* поспешили к самой постели отца. Там они застали врасплох мужа и жену, которые, очнувшись ото сна, озирались по сторонам, гадая, в чем дело. Сержанты немедленно хватали мужа, иногда и мужа, и жену, согласно приказу, и уводили их.^[857] Так были замечены выходящие из своих домов скульптор Беяртс и его жена Кэтрин, Дитрих Гейлерт и его жена Мэри, ван дер Донкт и его жена Элизабет. Дети, которые были рядом со своими родителями, иногда даже в одной постели, просыпались последними, и все они дрожали. Весь дом был заполнен вооруженными людьми, тут и там горели факелы, солдаты рыскали по всем углам в поисках книг или людей — подозрительная книга была достаточным основанием для вынесения смертного приговора — обнаженные мечи, алебарды и кирасы поблескивали в бледном свете факелов. Малыши, видевшие, как плохо обращаются с их отцом и матерью, тащили одного в одну сторону, другого в ту, и уносили со связанными руками, громко рыдая. Они кричали им вслед— 'Куда ты идешь, отец? Куда ты идешь, мать? Кто здесь останется? Кто даст нам завтра поесть?' Сержанты, опасаясь, что соседи услышат эти крики и придут им на помощь, схватили малышей. 'Бедных детей выпороли', - говорит хронист. Поскольку они плакали еще сильнее, им силой закрыли рты.

Тем не менее, констебли сделали это напрасно, потому что шум был слишком громким, чтобы его не слышали. Многие евангелисты, 'когда они почувствовали приближение этих хамов',

вскочили с кровати, перепрыгнули через стены в одних рубашках и спаслись бегством. Иногда 'какие-нибудь добрые люди' спешили предупредить своих друзей, которые затем убегали; и это значительно усиливало ярость тиранов. Генеральный прокурор, охваченный яростью и ненавистью к правде, всю ночь охотился со своими людьми, и ничто не могло утихомирить его гнев, кроме как посадить в тюрьму двадцать трех горожан, отцов и детей, мужей и жен, братьев и сестер различных сословий. Он запер их в разных местах, отдав приказ, чтобы им не разрешалось читать, писать или разговаривать с кем бы то ни было, будь то отец, мать или жена. Помимо тех, кого мы назвали, были также схвачены Антуанетта ван Розмальс, капеллан Поль де Рувер, пастор ван Риллаерт, Склеркс, Шатс, Викарий, Джером Клоэт и другие, которые, будучи таким образом оторваны от своих домов, были убеждены, что ничто, кроме их смерти, не утихомирит ярость их врагов.

Честные горожане Лувена не могли сдержать своего негодования. 'Что?' сказали они, обращаясь к жестокому герцогу. - Ты отправляешь в тюрьму людей, которые своей добродетелью подали хороший пример всему городу! Они что, подстрекали к мятежу? Видел ли ты хоть одного из них с окровавленным мечом в руке? Как посмел ты возложить на невинных людей те нечистые и святотатственные руки, которыми ты грабил святые места и лишал бедных их заработка? Не падут ли на тебя эти дома, в которые ты осмеливаешься входить с целью преследования?'^[858]

Экзамены.

Немедленно начались экзамены. Латомус, доктор Лувенского университета, известный своей полемикой с Лютером, декан Руард Таппер из Энхейзена, которого папа шесть лет назад назначил генеральным инквизитором Нидерландов, и другие, кроме него, каждый день отправлялись в тюрьмы; и они шли "так, как будто шли на битву, экипированные и навороченные со всех сторон против группы бедных слабых женщин". Заключенные помоложе скромно хранили молчание, но более опытные обратили доводы теологов против самих себя, так что последние в замешательстве отступили".

Расследование началось 20 марта 1543 года. Катрин Склеркс, жена аптекаря Жака Роже, в тот день, 31 марта и 13 июня, была воспитана в *педе лигато*. 'Что вы думаете о призывании святых?' - спросили они ее. 'Я мало искушена в дискуссиях, - ответила Кэтрин, - но я не буду придерживаться ничего, кроме того, чему учит Священное Писание. Там сказано, что *мы должны поклоняться только Богу и есть только один Посредник*. Поэтому я твердо решил не поклоняться никому, кроме Него, и не призывать никого, кроме Него'. 'Какая наглость! - сказали теологи. - Ты осмеливаешься с руками, полными нечистоты, предстать перед Богом. Если император приедет в этот город, не обратишься ли ты, прежде чем обратиться к нему, к господину де Гранвеллу, чтобы он порекомендовал тебя ему?' 'Но послушайте,' просто ответила Екатерина, 'предположим, император был бы у окна и позвал меня на своем родном языке, сказав— "Женщина, ты имеешь дело со мной; подойди сюда, я дам тебе то, о чем ты попросишь", - стали бы вы по-прежнему советовать мне подождать, пока я не приобрету друзей при дворе?' Тогда эта благородная женщина сказала со святой смелостью— 'У меня есть небесный император, Иисус Христос, искупитель мира. Он громко говорит всем людям: придите ко мне! Это слово он произносит не к одному или двум из вас, джентльмены, наши хозяева. Это касается всех; и всякий, кто, чувствуя бремя своих грехов, давящих на его душу, спешит в слезах откликнуться на призыв Божьего милосердия, не нуждается ни в другом защитнике, ни в святом

Петре, ни в святом Павле, чтобы обеспечить ему доступ к своему князю. ' Судьи в изумлении встали, не придя ни к какому решению, удовлетворившись восклицанием на прощание: 'Лютеранин'. Это был аргумент, который они сочли неопровержимым.^[859]

"Даже женщины насмеются над нами, - сказали богословы. - Давайте как можно скорее положим конец этому испытанию и начнем с тех, кто принадлежит к нашему ордену'. Затем они приказали привести священника Питера Райтоува, школьного учителя Святой Гертруды. Они боялись его больше, чем кого бы то ни было, сознавая, что он хорошо их знает и может раскрыть их махинации.^[860] Им сообщили, что он сбежал. Это добавило им хлопот. 'Скорее, - сказали они, - пусть вывешат плакаты, что он может быть арестован'. Он тщательно следил за тем, чтобы не показываться на глаза, и они объявили его упрямым еретиком. Затем, налетев на его дом, подобно ненасытным гарпиям,^[861] они разграбили все, что ему принадлежало. 'О актеры!' говорили честные люди, ' как хорошо вы соглашаетесь разыгрывать свои фарсы перед простодушным народом! и особенно никогда не возвращаться домой с пустыми руками!"

Paul De Roovere.

Теперь они набросились на бедного священника Поля де Рувера и были полны решимости казнить его с помпой и торжественностью и выставить на всеобщее обозрение. Ремесленники принялись за работу и соорудили платформу в большом зале Августинцев. В день выставки огромная толпа горожан и студентов заполнила как зал, так и прилегающие улицы. Процессия продвигалась вперед. Во главе его шел маленький бледный старичок, худой, с длинной белой бородой, почти исхудавший от горя и изнеможения.^[862] Воистину, сказали зрители, это тень человека, труп, уже находящийся в состоянии разложения. Это был бедный Пол, окруженный вооруженными людьми. За ними шли высокопоставленные лица университета, настоятели монастыря и другие представители духовенства. Эти врачи, одновременно обвинители и судьи, поднялись на помост и заняли свои места в кругу, а Поль де Рувер стоял посреди них. Там сидел канцлер Латомус, ярый враг литературной культуры, который, проповедуя за день до Карла V, едва избежал освидетельствования со стороны некоторых придворных лордов.^[863] Рядом с ним сидел декан и инквизитор Руард Энкхейзенский, "человек, чье ораторское искусство было наихудшим, но чья жестокость была чрезвычайной". Рядом с ним был Дель Кампо а Зон, также инквизитор, каноник собора Святого Петра и настоятель по этому случаю, которого некоторые называли "воплощением дьявола", и было несколько человек. другие. 'Сержанты, вооруженные со всех сторон, окружили платформу, готовые защищать этих храбрых столпов Церкви'. Настоятель, который впоследствии стал епископом Буа-ле-Дюка, встал, призвал к тишине и сказал громким голосом: "Желая добросовестно выполнять наш долг, который заключается в защите овец от яростных нападений волков, убивать последних и душить их,^[864] мы представляем вам, как прогнивший член нашего мистического тела, который этого человека, в доме которого мы нашли огромное количество лютеранских книг и который осмеливается даже говорить, что для спасения достаточно принять милость Божью, предложенную в Евангелии, следует зарубить на куски".

Затем, обратившись к народу, ректор, каноник и инквизитор воскликнули— 'Итак, остерегайтесь, вы, присутствующие здесь, и пусть грозящая вам опасность и страх потерять

свои души удержат вас от презрения к власти римских понтификов. Этот негодяй приговорен к низложению со священства и передаче в руки светских властей для того, чтобы понести заслуженное наказание".

За ректором последовал отец Страйрой, приор доминиканцев, неистовый человек, чей голос был подобен раскату грома дерзости. Но некоторые смеялись над его бурей слов, а другие испытывали отвращение к столь позорному поведению. Многие даже поговаривали о том, чтобы согнать оратора и судей с их мест и спасти священника Павла.^[865] Но никто не хотел быть капитаном и котом Беллом. Одного взгляда Пола было бы достаточно, но бедный священник, ослабевший как телом, так и умом, оставался неподвижным и безмолвным, и это приводило в уныние его сторонников. Священники тоже заметили уныние старика. Они решили воспользоваться этим и, удалившись в соседний зал, прибегли к тому, чтобы заставить его отказаться от неистовых просьб, умолений, лести, обещаний и соблазнов. 'Старик сопротивлялся всему'. Тогда разгневанные инквизиторы, вспомнив тирана Агриджента, который приказал сжечь своих врагов на медленном огне, а друзей - в медном быке, сказали ему— 'Мы заставим тебя подвергнуться более жестоким пыткам, чем когда-либо применял фаларис'. Павел затрепетал при этих словах. Его отвели обратно в тюрьму, и монахи и богословы приходили каждый день и говорили с ним о жестоких страданиях, которые ему готовились.

Его конец.

Тем временем генеральный прокурор готовился к судебному разбирательству над непрофессионалами. Это продолжалось с 21 марта по конец апреля; но достаточных доказательств получено не было. Судьи теперь отвели заключенных в большую тюрьму, где находилась дыба, и там они начали тот ужасный и чудесный процесс, о котором было сказано, что он совершенно точно погубит невинного человека со слабым телосложением и спасет виновного, если он родится здоровым. Это продолжалось пятнадцать дней. Палачи не знали жалости ни к возрасту, ни к полу, ни к немощи. Бедные женщины подвергались преследованиям (*женни*) и мучениям так же, как и мужчины. Жалобные крики этих жестоко замученных несчастных были слышны на улицах Лувена. Их голоса, повышенные горем до более высоких тонов, разносились вдалеке. Нечленораздельные звуки, пронзительные слова, повторяющиеся восклицания, причитания, плач, заунывные звуки, прерывистые рыдания и умирающие голоса распространяли ужас повсюду. По всему городу не было слышно ничего, кроме вздохов, слез и причитаний людей всех сословий, чьи сердца были полны горя.^[866] Почти все были непоколебимы, но одна печальная жертва утешила тиранов, как называет их хронист. Они так напугали бедного Павла, что было видно, как несчастный старик дрожащими шагами поднимается на платформу, и там он зачитал заявление, подготовленное богословами. Он заявил едва слышным голосом, "что ненавидит ту религию, которой по наущению сатаны он до сих пор следовал". Глубокие вздохи и прерывистые рыдания ежеминутно прерывали его. Добрые люди, которые слышали его, были тронуты состраданием при виде этой несчастной жертвы. По приказу своих хозяев бедняк взял свои книги и бросил их в огонь, в то время как врачи и судьи с видом гордости и торжества оскорбляли Евангелие Божье. Несчастный был помещен в тесное заточение в замке Вильворде, питался только хлебом и водой, ему не разрешалось ни читать, ни писать, ни видеть кого-либо. Он был "подобен мертвецу в могиле, пока, наконец, не умер там от истощения".

Теперь настала очередь других заключенных. Яна Викарта и Яна Шаца отвели в ратушу, и там генеральный прокурор повернул к ним жестокое лицо и сказал— ‘Друзья мои, я опечален вашей судьбой; но дьявол обманул вас, и, следовательно, вы приговорены к сожжению и превращению в пепел, как люди, вернувшиеся в лютеранство. Если бы я действовал иначе, я не был бы другом Цезаря.’^[867]

Весь город Лувен был в состоянии сильного возбуждения. Хотя казни обычно проводились за пределами города, инквизиторы решили, что в данном случае жертвы должны страдать на открытом пространстве перед церковью Святого Петра, чтобы устроить людей. Молодой испанец, рассказывающий об этих фактах и находившийся в то время с визитом в Лувене, прибыл на место происшествия в пять часов утра. Многие рабочие уже были очень усердно заняты ограждением части пространства, чтобы никто не мог пройти через барьер. Затем они установили посередине два креста высотой примерно в человеческий рост и навалили вокруг них ‘большое количество хвороста и другой древесины’. После этого генеральный прокурор и его сопровождающие вошли в дом напротив церкви, окна которого выходили на два креста. Всем городским ротам было приказано подняться ‘до рассвета’, чтобы люди не смогли спасти пленников. Ополченцы, сопровождавшие магистратов, окружили это место и выражением своих лиц показали, что они находились там ‘по принуждению и с большой неохотой’. Наконец появились двое заключенных. Сначала был Ян Шац, которому сейчас около сорока трех лет, чье главное преступление состояло в том, что он имел в своем доме немецкую Библию и читал ее, а также *"Жизнь Господа Нашего"*, *"Утешение грешника"*, *"Маленький сад души"*, *"Эммаус"* и другие произведения, переплетенные “в кожаный переплет”. В дополнение к этому его обвинили в том, что он посещал тех, кто принадлежал к его собственной вере, кто заболел, и помогал им своей милостыней. Рядом с Шацем находился Ян Викарт, галантерейщик, которому были предъявлены аналогичные обвинения.^[868] Эти двое мужчин, вышедшие из строгого заключения и подвергшиеся жестоким пыткам, были слабы и почти полумертвы. Тем не менее, прохожие слышали, как они сокрушались о своих грехах перед Богом и утверждали, что приветствовали смерть, будучи уверенными в божественном милосердии.^[869]

Мученичество.

Когда они закончили молитву, смертоносец привязал их к двум кольям, накинул им на шею веревку со скользящим узлом, а затем обложил их хворостом, посыпав соломой и порошком. По сигналу генерального прокурора он затянул веревку, чтобы задушить их. Затем магистрат, “проявляя столько беззаботности, как если бы его называли императором римлян”, по словам очевидца, вручил убийце зажженный факел, и при этом он так энергично наклонился вперед, что едва не выпал из окна. Взгляды толпы были прикованы к нему, и они с изумлением созерцали, как говорит хронист, ‘его отвратительное лицо, пылающее яростью, его свирепые глаза, его рот, изрыгавший пламя, более ужасное, чем пламя факела в его руке. Многие произносили ужасные проклятия в адрес этого кровожадного чудовища’.^[870] Вскоре пожар стал таким большим, что можно было подумать, что пламя коснулось облаков и подожжет их. Некоторые струи пламени поднимались на такую высоту и производили такой шум, что можно было подумать, что громкие голоса зывают с небес к отмщению”.

На следующий день настала очередь женщин. Двое из них, оба довольно пожилые, которые прежде всего непоколебимо отстаивали евангельскую истину, были приговорены к самому жестокому наказанию, а именно к погребению заживо.^[871]

Одной из этих женщин была Антуанетта ван Розмалс, подруга Джона Аласко, Харденберга и дона Франсиско де Энзинаса, чьи предки управляли государством. Сейчас ей было около шестидесяти лет, и она была полна веры и добрых дел. В городе поговаривали, что ее родственники, друзья и даже судебный пристав предлагали большую сумму денег за то, чтобы ее выпустили на свободу, но напрасно. Она приблизилась к тому месту, где ее должны были заживо закопать в землю. Гудула, ее прекрасная дочь, в расцвете сил, питавшая глубочайшую привязанность к своей матери, не хотела расставаться с ней. "Я буду, - сказала она, - зрительницей жертвоприношения моей матери".^[872] Однако было решено, что она не должна стоять у края могилы, в которой та, кто произвела ее на свет, должна быть похоронена заживо, и она согласилась держаться на расстоянии, если только сможет увидеть свою мать. Таким образом, спрятанная в отдельном месте,^[873] она видела, как благочестивую Антуанетту вели на казнь; она видела приготовленную могилу и то, что ее мать все еще оставалась спокойной. Гудула была потрясена, молчаливая и неподвижная. Она не проронила ни слезинки; вся ее жизнь была в ее взгляде.^[874] Пристальным взглядом она наблюдала за ходом унылой казни. Но когда она увидела, что ее мать спускается живой к месту захоронения мертвых, когда слуги палачей бросили на нее несколько лопат земли и она начала засыпаться ею, Гудуль вскрикнула. С этого момента она не могла сдерживаться; ее крики были ужасны. "О Боже! - говорит очевидец, - какими стенаниями, какими воплями она наполнила воздух!"^[875] Ее язык наконец развязался, она больше не была неподвижна. Доведенная до отчаяния, она начала бегать по улицам города, как будто потеряла рассудок. Слезы хлынули из ее глаз, как из фонтана. Она вырывала у себя волосы, она разодрала себе лицо.^[876] "Бедная девочка все еще жива, - говорит свидетель, оставивший нам повествование об этих событиях, - и я искренне надеюсь, что вечный Бог, Отец нашего избавителя, Иисуса Христа, который также является Отцом сироты".

Мы говорили о некоторых смиренных христианах Лувена; теперь мы должны обратиться к их братьям в Брюсселе.

Джайлс Тилманс.

В этой столице наметились признаки пробуждения; и в ней можно было найти людей, которые были истинными подражателями Иисуса Христа, - класс, к несчастью, слишком немногочисленный. Один из горожан, Джайлс Тилманс, уроженец Брюсселя, не был "ни из богатой семьи, ни с большой известностью", но своими добродетелями он снискал более высокое уважение даже со стороны врагов чистого учения. Джайлс никогда не причинил зла ни одному существу и всегда ставил своей целью доставлять удовольствие каждому. Сейчас ему было тридцать три года, и ни у кого никогда не было на него жалоб. Если бы он столкнулся с сопротивлением, он уступил бы. Он предпочел бы отказаться от своих прав, чем ссориться из-за них, чтобы в этой жизни поддерживать мир и милосердие.^[877] Этот христианин выполнил, как по букве, так и по духу, заповедь своего учителя— 'Если кто хочет взять твой плащ, позволь ему взять и твой плащ'. Бог наделил его добрым нравом, но "когда он в юности начал вкушать небесную мудрость, почерпнутую из священных писаний, эта природная доброта улучшилась до невероятной степени". Его взгляд был милым и скромным, манеры - дружелюбными, и все в нем говорило о душе, святой и рожденной для небес, обитающей в чистой и непорочной обители. Большую часть своего времени он проводил, навещая больных, оказывая помощь бедным и заключая мир между любыми своими соседями, которые могли быть в ссоре друг с другом. Тилманс часто говорил, что проводить свою жизнь в праздности - позор. Чтобы избежать этого, зарабатывать себе на жизнь собственным трудом и иметь что-то, что можно

было бы отдать бедным, он стал резчиком по дереву. Он жил очень скромно, почти ничего не тратил на себя, но раздавал нуждающимся плоды своего труда, которые Бог обильно благословил. 'Таким образом, он завоевал любовь народа'. "Все хорошие люди любили разговаривать с ним; все слушали его и все отдавали свое имущество по его приказу".^[878] Но если кто-нибудь делал ему подарок, "он принимал его только для того, чтобы помочь какому-нибудь знакомому бедняку'. У него были в Брюсселе свои пекарь, сапожник, портной и аптекарь. Из первого он взял хлеб для голодных; из второго обувь для босых; из третьего одежду, чтобы прикрывать нагих зимой; и из четвертого лекарства, чтобы исцелять больных. Врачу он заплатил из своего собственного кошелька.

Его главной целью было хорошо ознакомиться с доктринами Евангелия. Поэтому он усердно читал Священные Писания и глубоко размышлял над ними. С таким рвением он вкладывал в молитву все силы своей души, что 'часто друзья находили его стоящим на коленях в молитве и в каком-то восторге'. Он был трудолюбивым работником. Он прочел все лучшие книги, которые были написаны об учении о спасении, но особенно Священное Писание; и когда он объяснял христианскую веру, это было с таким красноречием, что люди восклицали— 'О драгоценная жемчужина! почему ты все еще погребен во тьме, в то время как тебя следовало бы держать на виду и знать всему миру, уважать и ценить всеми!'"^[879]

Его Евангелическое Рвение.

В 1541 году эпидемия свирепствовала снова. Ее сопровождал голод. 'Республика находилась в большом бедствии, и многие бедняки были в очень большой беде'. Тилманс продал свои товары на аукционе, и за них выручили крупную сумму. С тех пор не проходило и дня, чтобы он не заходил в государственные учреждения, где лечили больных чумой. Он давал им то, в чем они нуждались, и обслуживал их своими собственными руками. Он ходил на постоянные дворы, где принимали незнакомых людей, и уносил больных в свой собственный дом, ухаживал за ними и кормил их. Когда они поправились, он дал им средства на продолжение путешествия. Однажды он навестил бедную женщину, которая была близка к родам. У нее уже было пятеро детей, которые спали с ней каждую ночь. Он немедленно вернулся в свой дом, прислал ей свою кровать, единственную, которая оставалась у него, и сам лег спать на соломе.^[880]

Он был врачом не только тел людей, но и их душ. Он приходил к постели больных и учил их познавать Спасителя. С великой силой Он сказал им— 'Не надейтесь на свои собственные дела. Только милость Божья может спасти вас, и за нее нужно ухватиться верой во Христа.'^[881] Масштабы греха были настолько велики, что божественное правосудие могло быть умиловлено только принесением в жертву Сына Божьего. В то же время любовь Бога к человеку была настолько невыразимой, что Он послал Своего Сына в мир из скрытого места своей обители,^[882] очистить людей от греха своей собственной кровью и сделать нас наследниками Его небесного царства". Насколько энергичными были слова Тильманса, что многие из тех, "кто лежал на смертном одре, подверглись нападению дьявола. эпидемия, охваченная бедствием и ужасом, ставшая жертвой всех ужасов, которые следуют за ней по пятам, казалось, вернулась к жизни; и, отбросив все фарисейские мнения и всякую веру в свои собственные заслуги, они приняли учение Спасителя и радостно отправились в свой небесный дом.' Те, кто избежал заражения, будучи приведены Словом к познанию истины, были рассеяны по соседним городам и сеяли там то, что они узнали о ней; говорят, что таким образом 'религия была восстановлена в ее чистоте во всем Брабанте'. Такова была жизнь Джайлза Тилманса. В

нем вера и дела были удивительно едины. Этот случай - один из плодов Реформации, о котором стоит знать.

Преследования не замедлили вызвать волнение и ужас среди верующих Лувена. К сожалению, не все из тех, кто "сказал, что они вкусили Евангелия и ухватились за истинную религию", смогли выстоять. В Лувене было несколько таких, и особенно среди тех, кто принадлежал к высшим классам, которые больше не проявляли никаких признаков истинного христианства и которые, хотя и не верили в римские доктрины, все же выдавали, что они верили, и стали законченными лицемерами. Они прекращали общение с теми, кто, по их мнению, мог их скомпрометировать. Если в их семьях были благочестивые мужчины, они изгоняли их, приказывая им обеспечивать себя в другом месте. 'Ах!' сказал один из тех, кого таким образом выгнали на улицу. 'Я поражаюсь легкомыслию людей. Есть ли какая-либо большая добродетель, какое-либо украшение жизни, более превосходное, чем поддерживать истинную религию с большим мужеством и непобедимым духом даже до своего последнего вздоха? Мне очень больно видеть, как люди, которые не были одними из худших, падают духом при первом дуновении бури и, как трусы, отказываются от исповедания благочестия'.

Такой же удар обрушился и на Брюссель. В приходе Ла Шапель был настоятелем фанатичный священник по имени Уильям Гене, "злой повеса", - говорит хронист. Распорядителем этого бенефиция был Уильям де Ховер, епископ *in partibus* Финикии, суфражистский викарий епископа Турне. Но поскольку другие должности мешали ему лично служить в приходе, он доверил управление приходом Гене в звании вице-пастора. Этот Гене, "которого скорее следовало бы назвать волком, учитывая его злые проделки и отвратительные поступки", постоянно публично выступал с криками, особенно против благочестивого Джайлза Тилманса, человека, столь богатого добрыми делами. Он задавал ему вопросы в своих проповедях, "клялся и призывал небо и землю в свидетели, что, если этого человека не убрать с дороги и не предать смерти, вся страна через некоторое время разделит его мнение". Гене не ограничился высказыванием подобных вещей в своей церкви; он пошел к генеральному прокурору и официально обвинил 'этого невинного и превосходного человека'. Питер дю Фьеф не стал дожидаться повторения. Он схватил Тилманса и посадил его в тюрьму. На этом дело не остановилось.^[883] Было указано более трехсот подозреваемых лиц, жителей городов Брабант и Фландрия. Их имена были занесены в реестр, и их личности подлежали аресту. Многие из них проживали в Брюсселе. Среди них были Генри ван Хассельт, Якоб Вриллеман, Ян Дросхаут, скульптор Габриэль, Кристиан Бройертс с женой, племянница Антуанетты ван Розмальс и другие, не считая 'большого числа самых уважаемых людей города'. Но трагическая сцена в Лувене подняла тревогу. Многие обратились в бегство и скрывались в укромных местах. Однако некоторые были арестованы.

Юстус Ван Усберген.

Был еще один примечательный человек, и это был Юстус ван Усберген, после Тилманса самый преданный евангелист. Ни у кого не было такого рвения, ни у кого не было такого мужества, как у проповедника Евангелия. Однако было одно, чего он боялся, и это был костер. Еретики были приговорены к сожжению; и мысль о том, что их сожгут, возможно, на медленном огне, вызвала у него неслыханное беспокойство и боль. И, несомненно, многим могло быть не по себе и от меньшего. Тем не менее, он не упускал возможности провозгласить Евангелие. Его не было в Лувене во время мартовских гонений, но он находился тогда в аббатстве примерно в двух

лье от города, где работал. Бедняге предстояли тяжелые испытания. Его жена была сварливой. Незадолго до событий марта 1543 года Юстус отсутствовал в Лувене три или четыре месяца, без сомнения, с целью распространения Евангелия, одновременно добывая себе средства к существованию.

Когда он вернулся домой, его жена, 'вместо того чтобы поприветствовать его, приняла постыдным образом'. 'Тебя приходили арестовывать', - сказала она ему и отказалась впустить его в их жилище. Юстус, несмотря на свое рвение, был человеком слабохарактерным, и его жена правила им. Он не входил в свой дом. Выйдя на улицу и изнемогая от усталости, он спрашивал себя, куда ему идти. Небеса почернели, и дождь лил потоками. Он отправился к бакалавру искусств Госсю и попросил его приютить его на одну ночь. 'Я обещаю вам, что завтра утром я уеду', - сказал он. Госсю с радостью выполнили его просьбу. 'Вы совсем продрогли после дождя, - сказали они. - сначала погрейтесь у огня'. Бедняга вытерся, а затем взял немного еды. "Хвала Господу, - сказал он, - за все мои невзгоды и за то, что он дал мне силы подняться над ними!"

Вскоре после ужасной мартовской ночи Юстус, как мы уже упоминали, находился в аббатстве в двух лье от Лувена, где был занят 'оторочкой мехом монашеских одежд", поскольку по профессии был скорняком. Он обосновался у входа в монастырь и выполнял свою работу, не думая о надвигающейся опасности. Внезапно появился *дроссар* из Брабанта с большим количеством лучников. *Дроссар* был судебным приставом, в обязанности которого входило наказывать за бесчинства, совершенные бродягами. Поскольку благочестивый Ван Усберген имел обыкновение переезжать с места на место в поисках работы, магистрат сделал вид, что считает его не еретиком — это было бы слишком большим почтением к нему, — а бродягой. "Сразу же все лучники, - рассказывал он, - набросились на меня, как стая голодных волков на овцу; и они мгновенно схватили мои шкуры и орудия труда'. Волки, однако, не удовлетворились шкурами, они схватили человека и тщательно обыскали его. Усберген не оказал сопротивления. При нем нашли Новый Завет и несколько проповедей Лютера, "которые он всегда носил за пазухой'. Лучники были в восторге от этих открытий. "Вот, - сказали они, указывая на книги, - этого достаточно, чтобы осудить его". Они поспешно связали его и отвезли в Брюссель; и там он был заключен в доме *дроссара*. Собравшиеся монахи были поражены сценой насилия, которая предстала перед их собственными воротами. Они и не подозревали, что человек, украшавший их одежду, хранил в кармане такие еретические книги.^[884]

Его суд.

На следующий день два советника канцелярии Брабанта явились, чтобы провести его допрос. 'Мы прикажем подвергнуть тебя пыткам, - сказали они, - если ты не скажешь правду'. 'Я буду говорить это до самой смерти, ' ответил он, - и мне не понадобятся пытки, чтобы заставить меня'. Они спросили его, что он думает о папе, о чистилище, о мессе, об индульгенциях. 'Я верю, - сказал он, - что спасение дано Богом по его совершенно безвозмездной благодати'; и он подтвердил свою веру словами Священного Писания. 'Почему, ' продолжили члены комиссии, ' у вас есть при себе эти книги, если читать - не ваше призвание?' 'Мое призвание - читать то, что необходимо для моего спасения", - ответил он. 'Искушение, провозглашенное в Новом Завете, принадлежит мне не меньше, чем великим врачам или даже великим князьям мира'. 'Но эти книги еретические". "Я считаю их христианскими и спасительными'. Реформация была и всегда будет самым мощным средством распространения образования. Рим сказал народу— 'Это не

ваше дело - читать'. И люди, наставленные Реформацией, ответили: "Наше дело читать то, что нас спасает".

Допрос продолжался: 'Откройте нам ваших сообщников, таких же еретиков, как и вы', - сказали члены совета. 'Я не знаю других еретиков,' ответил Юстус, 'кроме гонителей небесного учения'. Это слово 'гонители' внезапно привело членов комиссии в ярость. "Вы богохульствуете", - воскликнули они. "Если ты не признаешь, что лжешь, мы заставим тебя подвергнуться таким мучениям, каких еще никогда не испытывал человек; мы разорвем тебя на части раскаленным железом".^[885] "Дроссар собственными глазами видел монахов монастыря, где меня схватили и который я посещал", - ответил он. - "Если вы хотите, чтобы их забрали, делайте это по своему усмотрению".

Его страхи.

После этого Юстуса отвели в тюрьму ла Врунте, в высокую камеру, огороженную решеткой, в которой он просидел девять недель, никого не видя. Ужасны были нападения, которым он подвергся в своей собственной душе. Оставшись без всякой человеческой поддержки и больше не чувствуя в себе прежней энергии, козни врага, воспоминание о своих грехах, образ жестокой смерти через сожжение поражали и заставляли трепетать его. "Помолись со мной, - сказал он другому пленнику. - Умоляй, чтобы милость Божья сохранила меня на пороге смерти и чтобы я мог счастливо дойти до конца этой христианской войны". Ему действительно были приданы новые силы.

В день отъезда Карла Пятого, который некоторое время пробыл в Брюсселе, Юстус предстал перед судом (3 января 1544 года). Члены комиссии зачитали ему признание, сделанное перед ними. 'Вы признаете это?' - спросили они. Он ответил, что да. 'Но,' добавил он, - вы скрыли свидетельства Священного Писания, которыми я подтвердил это'. 'Поскольку вы принимаете это признание, - сказали члены совета, 'мы призываем вас взять его обратно; в противном случае вы будете подвергнуты неслыханным мукам и сгорите заживо'. "Ты можешь применить силу," ответил он, 'но ты не можешь принудить меня к этому беззаконию'. 'Мы даем вам время до завтра, чтобы обдумать это". Когда он возвращался в свою тюрьму, связанный, Джайлс Тилманс подошел к нему и ласково спросил: 'В чем дело?' 'Господь призывает меня", - ответил он. Джайлс собирался продолжить разговор с ним, но лучники грубо оттолкнули его, сказав— 'Убирайся; ты заслужил смерть не меньше, чем он! Придет и твоя очередь. - Подумай и о своей, - сказал Джайлс.

На следующий день Юстус снова предстал перед судьями. 'Ты изменил свое мнение?' - спросили они его. 'Если ты не откажешься от всего, ты погибнешь'. 'Никогда я не буду отрицать на земле и перед людьми вечную истину Божью, потому что я желаю, чтобы она свидетельствовала за меня перед Отцом Небесным'. После этого они приговорили его к сожжению заживо. 'Твое тело будет сожжено, - сказали они, - и полностью обратится в пепел'. Этого было достаточно, чтобы вселить ужас в сердце бедняги, который так боялся огня; но, упав на колени, он поблагодарил Бога, а затем своих судей за то, что они положили конец страданиям его жизни. Однако, придя в ужас при мысли о пламени, он повернулся к своим судьям и сказал— 'Разрешите мне быть обезглавленным'. "Приговор вынесен, - сказали они, - и может быть отменен только королевой".^[886]

Джайлс Тилманс не покидал Усбергена; утешения лились из его уст с таким божественным акцентом, с такой энергией, сладостью и благочестием, что каждое слово проникало в сердце страдальца и вызывало слезы на его глазах.' К сожалению, огромное количество монахов и священников продолжало приходить и постоянно прерывало эти восхитительные беседы. "Не утруждайте себя так сильно, - сказал Юстус монахам, - но если у вас есть власть что-либо сделать для меня, только умоляйте судей, чтобы мне отрубили голову'. Его ужас перед сожжением не уменьшался. 'Посмотрим,' хитро сказали они, 'можно ли это сделать'. Затем они убедили его принять из их рук причастие тела и крови Спасителя. 'Давным-давно я впервые получил это духовно,' сказал он. 'это выгравировано живыми буквами на скрижалях моего сердца. Тем не менее, я не презираю символы, и если вы готовы дать мне их под двумя видами хлеба и вина, согласно установлению Спасителя, я приму их'. Монахи согласились. Это была большая уступка с их стороны. Однако рассказчик, который находился в тюрьме, не может утверждать, что Ужин был подан ему таким образом.^[887]

Накануне казни к нему пришли почти все домочадцы. Он был очень слаб и сильно страдал от жажды. Однако он повернулся к своим друзьям и сказал— 'Моя смерть близка; и поскольку все наши грехи были пригвождены ко кресту нашего Спасителя, я готов скрепить своей кровью его небесное учение'. Все они заплакали и, упав на колени, устами Джайлса вознесли хвалу Юстусу Господу. Когда молитва была закончена, Усберген поднялся и сказал— 'Я ощущаю внутри себя великий свет, который заставляет меня радоваться невыразимой радостью. Сейчас у меня нет другого желания, кроме как умереть и быть со Христом'.

Мученическая смерть Тильманса.

Двое членов совета отправились к правительнице Нидерландов и попросили ее заменить казнь на костре обезглавливанием. Королева Мария немедленно ответила— 'Я так и сделаю; это очень маленькая услуга, когда смерть не прощается'. Была ли какая-либо связь между этой милостью и согласием Юстуса принять Ужин из рук священников при условии, что он был приготовлен в обоих видах? Иногда мы видим, как даже сильные умы сотрясаются от какого-то врожденного отвращения, подобного тому, которое Юстус испытывал при мысли об огне.

7 января, ранним утром, прибыли лучники. Юстуса ван Усбергена вывели из тюрьмы на рыночную площадь, и там ему немедленно отрубили голову. Пока это происходило, вся тюрьма была в слезах.^[888]

Смерти Юстуса было недостаточно. Священник Ла Шапель Уильям Гене и его группа были полны решимости заполучить также тело Джайлза.

22 января за ним пришли сержанты, которые должны были отвести его в тюрьму, где применялись пытки. Это было еще до рассвета, в пять часов утра, потому что они боялись людей. Когда Джайлс услышал, что они спрашивают о нем, он пришел; и, увидев, что все они дрожат (стояла очень холодная погода), он заставил их пойти на кухню и развел для них огонь. Пока они грелись, он подбежал к своему другу, испанцу, который лежал в постели. "Пришли сержанты, - сказал он, - чтобы забрать меня на смерть или еще более жестокую участь".

Тильманс был подвергнут пыткам, а 25 января его приговорили к сожжению. 27-го числа шестьсот человек были взяты под стражу и сопровождали его на место. Там была воздвигнута огромная груда. 'Нет нужды в таком количестве дров, - сказал он, - чтобы сжечь это бедное тело. Вам следовало бы проявить сострадание к бедным людям, которые умирают от холода в этом

городе, и раздать им все, что у них осталось. Они намеревались сначала задушить его, чтобы смягчить наказание. 'Нет, ' сказал он тем, кто хотел оказать ему эту любезность, ' не утруждайте себя. Я не боюсь огня, я охотно перенесу его во славу Господа'. Он был готов встретить страдания, которых Юстус так боялся. Он помолился и вошел в маленькую хижину из дерева и соломы, построенную на свае. Затем, сняв туфли, он сказал— 'Нет необходимости сжигать их; отдайте их какому-нибудь бедняку'. Он опустился на колени, и, когда палачи подожгли костер, добросердечный человек был сожжен, а его пепел выброшен в реку.

Народ открыто роптал на монахов и с этого времени начал ненавидеть их. Когда они приходили в дома горожан просить милостыню, люди обычно отвечали: "Джайлса сожгли за то, что он раздал все свое имущество бедным; что касается нас, мы ничего вам не дадим, из страха быть также преданными смерти". ^[889]

КОНЕЦ СЕДЬМОГО ТОМА.

БРОДВЕЙ, 530, НЬЮ-ЙОРК, ноябрь 1875 года.

"РОБЕРТ КАРТЕР И БРАТЬЯ"

НОВЫЕ КНИГИ.

Сорок лет в Турецкой империи.

Воспоминания преподобного Уильяма Гуделла, покойного миссионера в Константинополе.

Э. Д. Г. Прайм, Д.Д. 2.50

Доктор Гуделл был первым американским миссионером в Константинополе, его жена - первой американской леди, когда-либо посетившей турецкую столицу, и они оба оставались на этом посту, занимаясь полезным трудом, пока в преклонном возрасте не вернулись в эту страну, чтобы умереть среди своих сородичей. Этот том в значительной степени автобиографичен и составлен на основе писем и дневника доктора Гуделла, содержащих также его личные воспоминания, написанные в последний год его жизни. Он был неподражаем как автор писем, и все, что выходило из-под его пера, было отмечено духовностью, особенно метким использованием языка Священных Писаний и остроумием, которое оживляло его разговоры и писания до дня его смерти.

Автобиография и мемуары доктора Гатри.

2 тома, 12 мин. 4,00

"Его истории, которые придают блеск повествованию и приветствуют нас почти на каждой странице, сплетаются в удивительно наглядную картину шотландской жизни". —*Журнал Harper's Magazine*.

Работы Томаса Гатри, доктора философии

9 томов. В коробке. (Работы продаются отдельно) 13.50

"История реформации" Д'Обинье

Во ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА. Том 6. 2.00

"История реформации" Д'Обинье

Во ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА. 6 томов. 12.00

"История реформации" Д'Обинье.

5 об. в 1/8 ч., 3.00; в 5 об. в 12 ч. 6.00

Не прибегая к насилию над исторической правдой, он, кажется, наделяет историю всеми прелестями романтики и с энтузиазмом и мастерством поэта зарисовывает на исторических страницах свои увлекательные и жизнеподобные картины.

Работы Хью Миллера.

Новое издание, очень аккуратное. 10 т., 12 мин.	15.00
СЛЕДЫ ТВОРЦА	1.50
СТАРЫЙ КРАСНЫЙ ПЕСЧАНИК	1.50
ШКОЛЫ И ШКОЛЬНЫЕ УЧИТЕЛЯ	1.50
СВИДЕТЕЛЬСТВА СКАЛ	1.50
КРУИЗ НА "БЕТСИ"	1.50
ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОБ АНГЛИИ	1.50
ПОПУЛЯРНАЯ ГЕОЛОГИЯ	1.50
РАССКАЗЫ И ЗАРИСОВКИ	1.50
ЭССЕ. ИСТОРИКО - БИОГРАФИЧЕСКИЙ	1.50
ГЛАВЕНСТВО ХРИСТА	1.50

От покойного профессора Агассиса:

“В геологических работах Хью Миллера есть свежесть концепции, глубина мысли и чистота чувств, которые редко встречаются в работах такого характера”.

Жизнь и письма Хью Миллера.

Питер Бейн. 2 тома. 3.00

Мистер Бейн ведет увлеченного читателя за собой через весь период, лист за листом раскрывая историю жизни, несомненно, одной из самых интересных, поразительных и полезных в этом столетии.

Автор книги “Широкий, необъятный мир”.

МАЛЕНЬКИЙ ЛАГЕРЬ На ИГЛ-ХИЛЛ	1.25
УИЛЛОУ-БРУК	1.25
СКИПЕТРЫ И КОРОНЫ	1.25
ФЛАГ ПЕРЕМИРИЯ	1.25
ХЛЕБ И АПЕЛЬСИНЫ	1.25
НИАГАРСКИЕ ПОРОГИ	1.25

Серия "Говори и делай".

Содержит вышеупомянутые 6 томов. о молитве Господней. В аккуратной коробке 7.50

“Каждое новое художественное произведение этого одаренного автора мы принимаем с сердечностью, поскольку знаем, что оно станет дополнением к тому чистому, возвышающему и восхитительному классу книг, которые мы, возможно, любим как домашнюю литературу нашей страны. Она пишет для the home circle”. —*Нью-Йоркский обозреватель*.

Того же автора:

История малых начинаний. В 4 т. В коробке	5.00
Прогулки из Рая	1.50
Дом Израиля	1.50
Старый шлем	2.25
Мельбурн Хаус	2.00

Санта-Клаус Элси.

Мисс Джоанна Х. Мэтьюз, автор “Книг Бесси”. 1.25

Девочки мисс Эштон.

Автор: мисс Джоанна Х. Мэтьюз. Включает “Подарок Фанни на день рождения”, “Новые ученые”, “Любимица Розали”, “Визит Элеоноры”, “Эксперимент Мейбл Уолтон” и “Санта-Клаус Элси”. 6 томов.

В коробке 7.50

Того же автора:

Книги Бесси. 6 томов.	7.50
"Цветочки". 6 об.	3.60
Маленьких солнечных зайчиков. 6 томов.	6,00
Книг о Китти и Лулу. 6 томов.	6.00

“Дети в рассказах мисс Мэтьюз совершенно естественны. Они попадают в неприятности и выпутываются из них. Они говорят приятные вещи, и острые, и забавные, но все время детские. Они иллюстрируют правильное и неправильное, но в любом случае таким образом, чтобы привлечь к первому”. —*Олбани Экспресс*.

Дерзай делать правильные серии.

Мисс Джулия А. Мэтьюз. 5 томов. 5.50

“Мальчики мисс Джулии А. Мэтьюз настолько живые и бодрые, насколько можно было бы пожелать, время от времени проказничают, как и большинство мальчиков, но при этом откровенны и мужественны и не стыдятся ‘признаться’, когда обнаруживают свою вину”. —*Очаг и Дом*.

Замок Кулинг, или рыцарь былых времен.

Автор: Агнес Гиберн. 16то. 1.50

Того же автора:

Эйми; Повесть о Джеймсе II. 1.50

Дневная звезда; или Евангельские истории 1.25

Дом викария 1.25

Флосс Сильверторн 1.25

Станный.

Миссис А. М. Митчелл Пейн. 16то. 1.25

Того же автора:

Доверие Кассира 1,00

Родз Корнер 1,25

Фред и Джини: Как они узнали о Боге.

Дженни М. Дринкуотер. 16то. 1.25

Того же автора:

Только Нед 1,25

Не Только Хлеб 1,25

Дом священника в Брентфорде.

Автор книги "Побеждай и надевай". 16то. 1.25

Того же автора:

КТО ПОБЕДИЛ? 1.25

Серия "МАГИСТРАЛЬ" МЕЙБЛ ХАЗАРД 1.25

ДВЕРИ НАРУЖУ" 1.25

Побеждай и носи". В 6 т. 7.50

Рассказы о Зеленых горах. 5 томов. 6.00

Серия "

Выступы". 6 томов. 7.50

Полеты бабочки. 3 тома. 2.25

Имоджен; сказка.

Автор: Эмили Сара Холт. 1.50

Того же автора:

Изолт Барри. 16то.	1.50
Робин Тремейн. 12 час.	1.50
Колодец в пустыне. 16 утра.	1.25
Эшклифф-Холл. 16то.	1.25
Verena. 12 утра.	1.50
Белая роза Лэнгли. 12 утра.	1.50

Разум и Слова Иисуса, Верного Обещателя, Утренние и Ночные Стражи.

Дж. Р. Макдафф, Д.Д.н. "Все в одном томе". Издание Red Line.

Красиво переплетенный в ткань, позолоченный 1.50

Того же автора:

Шаги Святого Павла	1.50
Семейные молитвы	1.25
Воспоминания о Геннисарете	1.50
Воспоминания о Вифании	1.00
Лук в облаках	0.50
Виноград Эшола	1.00
Закаты на еврейских горах	1.50
Мысли о Боге	0.50
Пророк Огня	1.50
Благовония для алтаря	1.00
Пастух и его стадо	1.50
Олень и водные ручьи	1.00
Воспоминания об Елеонской горе	2.00
Полдень в Сихаре	1.50
Воспоминания о Патмосе	2.00
Св . Павел в Риме	1.25
Рассказы о воинах-судьях	1.00
Утешайте, утешайте	1.50
Целебные воды Израиля	1.25
Врата молитвы	1.00
Золотой закат	0.35
Расщелины Скалы	1.50

Путешествие пилигрима.

Двадцать фотографий во всю страницу. Красиво переплетенные в ткань. Позолоченные и черные. 4to. 2.00

“Картеры оказали хорошую услугу делу детской литературы, опубликовав ”Путешествие пилигрима" в стиле, более привлекательном для мальчиков и девочек, чем любое другое издание для широкой публики". — *Christian Observer*.

Сноски

1. *Атенеум* от 25 сентября 1875 года. В этой статье мы находим любопытный анекдот, который мы допускаем не без некоторой сдержанности. Он служит подтверждением следующих соображений. Автор статьи рассказывает, что однажды он слышал дискуссию между месье Мерлем и профессором Ранке относительно некоторых особенностей в жизни его любимых героев. Первый защищал их по всем пунктам, в то время как немецкий историк, с его скептическим темпераментом, казалось, получал злонамеренное удовольствие, выставляя напоказ их слабости. В конце дискуссии месье Мерль воскликнул с некоторым нетерпением— ‘Но я знаю их лучше, чем кто-либо другой, этих людей шестнадцатого века. Я жил с ними. Я человек их времени’. ‘Это все объясняет, - ответил профессор Ранке. - Читая ваши книги, я не мог поверить, что вы человек девятнадцатого века’. Поскольку наша собственная эпоха так сильно отличается во всех отношениях от эпохи Реформации, следует считать очень удачным обстоятельством, что человек шестнадцатого века появился, чтобы описать нам эту великую эпоху.
2. *Journal de Genève*, 30 April-1 May.
3. Том vi. стр. 412.
4. "Объективное очищение".—*Calv. Opp.* том. x. стр. 107.
5. ‘Nos iniquissime in suspicionem adductos.’—*Ibid.*
6. ‘Cujus libelli latinitate donandi occasionem præbuit Petrus Caroli, Sorbonæ Parisiensis doctor atque prior.... Is igitur iniquis contra Farellum Viretum et Calvinum sparsis rumoribus, tandem eo prorupit ut palam illos viros, collegas et doctrina et moribus præstantissimos hæreseos accusaret, arianismi scilicet et sabellianismi, aliarumque talium pravitatum. Nulla alia tunc publica exstabant fidei ecclesiæ Genevensis monumenta præter illam (Farelli) quam diximus confessionem et Calvinii catechismum quæ tamen utpote Gallici conscripta, ceteris Helveticis ecclesiis fere incognita erant. Calvinus itaque suum catechismum et Farelli confessionem latine loquentes fecit ut omnibus istis fratribus fidei doctrinam a se huc usque Genevæ traditam et falso hæreseos accusatam hac versione declararet.’
7. *Le Christianisme au dix-neuvième Siècle*, of February 18, 1876.
8. *La Littérature française, depuis la formation de la langue jusqu’ à nos jours*, by Lieutenant-Colonel Staaf. Первое издание датировано 1870 годом. Пятое (1873) сейчас перед нами.
9. *Теологическое ревю*, Монтобан, октябрь 1875г.

10. Розет, *Хроника. Ср.*, книга iv. глава xxxvii. xlii. *Списки членов Совета* на сегодняшний день —Готье.
11. Розет, *Хроника. Ср.*, книга iv. глава xlv.
12. 'Nec tamen id eo spectat, ut auferatur jus illud vobis a Deo collatum (ut et suis omnibus), ut examini subjiciantur pastores omnes.' Кальв.*Опп.* x. стр. 352.
13. 'Neque auctor velim esse tyrannidis ullius in Ecclesiam invehendæ.'—Calv. *Опп.* x. p. 353.
14. См. *Рег.* упомянутые дни. Розет. Роже, i. стр. 191. Gaberel, *Pièces justificatives*.
15. 'Biduo tanta animi perplexitate æstuasse ut vix dimidia ex parte apud me essem.' Calvin to Farel, Oct. 21, 1540. *Указ. Соч.* xi. стр. 90.
16. 'Locum illum velut mihi fatalem reformido.'—*Ibid.* p. 91.
17. 'Malim vitam centies exponere, quam eam deserendo prodere.'—*Ibid.* p. 92.
18. Calvin, *Lettres françaises*, i. p. 30.
19. Calvin, *Lettres françaises*, i. p. 32. *Опп.* xi. p. 94.
20. Кальвин- Фарелю, 13 ноября. *Опп.* xi. стр. 114.
21. Кальвин, *Комментарий. к Евангелию от Иоанна* xii. 25 (1553).
22. 'Adhibui statim fratrum consilium, aliquid agitatum est.'—Calv. *Опп.* xi. p. 114.
23. 'Obtestatus sum, quibus potui modis, ne me respicerent.'—*Ibid.*
24. 'Quam plus lacrymarum efflueret quam verborum.'—*Ibid.*
25. 'Ut secessum quærere coactus fuerim.'—Calv.*Опп.* xi. p. 114.
26. 'Modo ne quis ventus istinc flaverit.'—*Ibid.*
27. Calvin's *Lettres françaises*, i. p. 33.
28. Там же. i. стр. 30, 34, 37.
29. См. Письмо, *Опп.* xi. стр. 132.
30. *История Реформации*. Первая серия, том ii. книга vii. глава viii.
31. Розет, *Хроника. ср.* книга iv. глава xlvii.
32. 'Sed qui sumus pro tanto populo?'—Бернард. Кальв. *Опп.* xi. стр. 148.
33. 'Populum in lacrymis effusum videns.'—*Ibid.*
34. 'Clamant omnes: Calvinum probum et doctum virum Christi ministrum volumus.'—Calv. *Опп.* xi. p. 148.
35. Там же. стр. 86.

36. 'Duces Luneburgici Calvinum et me nominaverunt ut suo nomine in colloquio adessemus.'—Sturmius, *Antip.* iv. p. 25.
37. Предисловие к *Псалмам*, стр. 9.
38. 'In ea disputatione qua Passaviensem decanum Calvinus percelluerat, territum a Calvino primo Argentinensi congressu.'—Sturmius, *Antip.* iv. 21.
39. 'Ut soliti sumusquoties una fuimus.'—Calv. *Opp.* Amst. ix. стр. 174.
40. 'Ὅπερ ὁὗτος ἐν σφηχίαις.'—Calv. *Epp.* edit. 1575, p. 109.
41. 'Pietas vero angelis et toti mundo testata.'—Calv. *Epp.* edit. 1575, p. 67.
42. 'Utinam, utinam moriar in hoc sinu!'—Calvinus contra Heshusium.
43. Кальвин о *Иоанне XVI.* 33.
44. Бадиус к Т. де Безу.—Кальв. *Opp.* v. стр. 48 Предисловия.
- 45.
- Magnifico celebrem Christi cantate triumphum
- Кармин. Io Pæan cætera turba canat.
- Epinicion.* Calv. *Opp.* v. стр. 425. Эта песнь победы состоит из 124 строк. Опубликовано лишь несколько фрагментов. Стихотворение было переведено на французский метр парижанином Конрадом Бадиусом, и из этой версии мы процитировали две строки.
46. *Lettres françaises*, i. p. 37.
47. Письмо Кальвина Фарелю, Страсбург, 19 февраля 1541 г. —Calv. *Opp.* xi. стр. 156.
48. Письмо Кальвина Бернарду. Ульм, 1 марта 1541 г. —Calv. *Opp.* xi. стр. 166. Письмо Фарелю.—*Там же.* стр. 170.
49. 'Nullum esse locum sub cœlo quem magis reformidem... Jam nescio qui factum sit ut animo incipiam esse inclinatione ad capessenda ejus gubernacula.'—Calv. *Opp.* xi. p. 167.
50. 'In illis (literis) enim Periclis tonitrua mihi audire videbar.'—Cl. Feræus to Farel. Кальв. *Opp.* xi. стр. 171.
51. См. Письмо Кальвина к Фарелю, 29 марта.—Calv. *Opp.* xi. стр. 175, и его письмо Ришбуру, *там же.* стр. 188.
52. 'Minime idoneus mihi ad tales actiones videor, quidquid alii judicent.'—To Farel, Strasburg, Feb. 19, 1541. Кальв. *Opp.* xi. стр. 156.
53. 'Nondum meretur mundus ista bestia liberari.'—Calv. *Opp.* xi. p. 217.
54. 'Contarinus sine sanguine subigere nos cupit, Mutinensis totus est sanguinarius et bellum subinde in ore habet.'—To Farel, March 29. *Там же.* стр. 176.

55. 'Er hasste ihn.'—Kampschulte, *J. Calvin*, i. p. 334.
56. 'Philippus et Bucerus formulas de transsubstantiatione composuerunt ambiguas et fucosas.'—Calv. *Opp.* xi. 217.
57. Кальв. *Против.*, стр. 52. В своих комментариях Кальвин скрывается под именем Евсевия Памфила.
58. 'Quæ pontificii conventicula his viginti annis aut amplius ad opprimendum evangelium habuerunt,' etc.—Calv. *Opp.* v. p. 472. March 1541. Краткое изложение речи кардинала приведено в "*Истории. Реформы*" Слейдана. ii. книга xiii. стр. 207. Редактировать. из Гааги, 1767. Ответ Кальвина содержится в *Opp.* v. стр. 461. Это опущено в предыдущих сборниках его работ.
59. 'Everso sublatoque episcopali munere, sub ejus nomine tyrannidem prorsus antichristianam stabilire.'—Calv. *Opp.* v. p. 472.
60. 'Si qui autem alia requirant, hos nec protestantes inter suos deputabunt.'—*Ibid.* p. 475.
61. 'Cæterarum observationum ecclesiis sua relinquenda est libertas.'—Calv. *Opp.* v. p. 477.
62. 'Nihil itaque a protestantibus existit, cur difficile nedum impossibile sit solidam et piam ecclesiarum concordiam restituere.'—Calv. *Opp.* v. p. 478.
63. 'Catholici protestantes.' Кальвин, очевидно, обозначает этой фразой протестантов, которые, как и он сам, желают единой вселенской церкви, единой в вере, милосердии и надежде, хотя в ней могут быть различия в церковном управлении и формах богослужения. Концепция такой церкви грандиозна.
64. 'Totum etiam orbem ad consortium veræ et unicæ religionis Christi permoveri.'—Calv. *Opp.* v. p. 481.
65. Существует целый массив католической литературы, посвященной описанию безнравственности римских священнослужителей; произведения серьезного характера, сатирические и юмористические произведения и т.д. См. "*О гибели церкви*" Ник. де Клеменжи, ректора Парижского университета, который называет церковников *Porci Epicurei*. Bebel, *Triumphus Veneris*. Théobald, *Conquestus in Concil. Const.*, says—'Sacerdotes non solum tabernas sed etiam lupanaria intrare: puellas, maritatas atque noviciales, corrumpere; episcopos eodem vitio laborare.'
66. 'Esset magnum monstrum in corpore Christi.'—Calv. *Opp.* v. p. 489.
67. Isa. viii. 9, 10. Calv. *Opp.* v. стр. 499.
68. 'Donec uti uno incendio Germaniam viderint conflagrare.'—*Ibid.* p. 498.
69. Кальвин к 1 Тим. i. 17.
70. Это было замечено редакторами сочинений Кальвина. См. том v. "*Пролегомены*", стр. liii, 1866. 'Hoc Farnesii consilium. . . ubi mensibus aliquot post emanasset, Johannes Calvinus excusum typis commentario vestivit' (p. lv).

71. 'Crede mihi, in ejusmodi actionibus opus est fortibus animis qui alios confirmant.'—Calv. *Opp.* xi. p. 216.
72. 'Si essemus dimidio Christo contenti, facile transigeremus.'—*Ibid.* p. 217.
73. Calv. *Opp.* v., стр. 654. Деяния Ратисбона. Считается, что примечания, в которых встречаются эти и другие замечания, принадлежат Кальвину, потому что они находятся во французском издании Деяний, а не в латинском и немецком изданиях. Внутренние свидетельства подтверждают это предположение, поскольку в них отражаются его стиль и склад ума.
74. Calv. *Opp.* v. стр. 658, 659.
75. Там же. стр. 663.
76. Кальв. *Opp.* v. стр. 671. Мы рады видеть, что умеренность Кальвина признана Кампшульте, Дж. Кальвин, i. стр. 341.
77. Calv. *Opp.* v. стр. 680-684.
78. "Occasionem præterire nolui; sic elapsus sum".—Кальвин Фарелю, июль 1541 г. —*Opp.* xi. стр. 252.
79. Кальвин Вирету, Страсбург, 25 июля и 13 августа 1541 г. *Opp.* xi. стр. 259, 262.
80. Хроника г-жи де Розе, книга iv. глава 18. Реестры Совета. Готье. Roget, *Peuple de Genève*, i. p. 304.
81. 'Non ignoratis in quos *tumultus et horrida scandala* ab eo quo pii ministri nostri, magna quidem *injuria, tumultu* et conspiratione potius quam *judicii ordine*, ab urbe nostra injuste profligati fuerunt.'—Archives of Geneva. Готье, Хист. ср., стр. 474. Кальв. *Opp.* xi. стр. 227.
82. 'Unde ingentem piorum et proborum virorum turbam ad gemitum et lacrimas adegerunt.'—Calv. *Opp.* xi. p. 227.
83. 'Per eos rejecti qui propriam sectabantur concupiscentiam, potius quam Dei voluntatem.'—*Ibid.*
84. 'Posteaquam factiosorum seditiosorumque hominum arte et machinationibus.'—Calv. *Opp.* xi. p. 222.
85. 'Nihil præter molestias, inimicitias, lites, contentiones, dissolutiones, seditiones, factiones et homicidia.'—Calv. *Opp.* xi. p. 222.
86. 'Cum hic velut ostium Galliæ, Italiæque simus.'—Calv. *Opp.* xi. p. 122.
87. Синдиками были Ж. А. Куртет, А. Бодьер, Перне-Десфосс и Домен д'Арлод.—Calv. *Opp.* xi. стр. 152. Roget, *Peuple de Genève*, i. p. 320.
88. Кальв. *Opp.* xi. стр. 184, 186, 234.
89. Кальвин - Фарелю, 1 марта 1541 года. 'Sane me vehementer conturbarunt ac consternarunt tua fulgura. . . Ignosce quæso imprudentiæ meæ. . . Spero te veniam daturum.'—*Opp.* xi. p. 170.

90. Кальвин, *Генри*, i. стр. 395. Кальвин в Деяниях, iv. 5.
91. 'Кор мне, великое великое Домино в жертвенном предложении'. —Кальвин Фарелю, октябрь или ноябрь 1540 г. *Указ*. xi. стр. 100.
92. 'Animum vinctum et constrictum subigo in obedientiam Dei.'—*Ibid*.
93. Этот девиз нанесен на гербовую печать Кальвина, а эмблемой является рука, протягивающая сердце небесам.
94. *Préface des Psaumes*, p. ix.
95. Без-Колладон, *Жизнь Кальвина*, стр. 47. Кальв. *Opp*. xi. стр. 97, 267, 271, 273. Roget, *Peuple de Genève*, p. 309.
96. Ручат, В. с. 164-167. Кальвин к лордам Женевы, *Французская литература*, i. стр. 38. К лордам Невшателя, *там же*. стр. 39-43. Кальв. *Opp*. xi. стр. 275-293. Списки заседаний Совета на сегодняшний день.
97. Реестры Совета, 29 августа и 9 сентября. *Дом Кальвина*, автор Т. Хейер. Хейер. *Mémoires d'Archéologie*, ix. pp. 394, 403.
98. *Préface des Psaumes*, p. 8.
99. 'Summa cum *universi* populi ac senatus imprimis *singulare* Dei erga se beneficium serio tunc agnoscentis *congratulatione*.'—Beza, *Vita Calvini*, p. 7.
100. Без-Колладон, *Жизнь Кальвина*, стр. 47.
101. 'So durchzog er jetzt im *Triumph* . . Er hielt *unter dem Jubel der Bevölkerung* seinen *feierlichen Einzug* in Genf . . *richtete an die versammelte Menge Worte*,' &c.—Kampschulte, *J. Calvin*, i. p. 381. Этот полет воображения поражает такого писателя, как Кампшulte. М. Роже, ссылаясь на отрывок из "Генри", отвергает, как и мы, идею внешних демонстраций.—*Peuple de Genève*, i. p. 312.
102. Хейер, *Памятная записка по Археологии*, ix. стр. 396-398, 405, 406. Дом аббата де Бонмона, в котором Кальвин впервые жил, находится на улице Шануан, которая, перестроенная в 1708 году синдиком Бюиссоном, теперь носит номер 13 и принадлежит М. Адриан Навиль, несколько раз президент Евангелического общества и Евангелического альянса.
103. $\tau\eta\nu\ \pi\alpha\nu\omicron\pi\lambda\iota\alpha\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \Theta\epsilon\omicron\upsilon$. Ephes. vi. 11.
104. Beza, *Vita Calvini*, ad finem.
105. 'Non posse consistere ecclesiam, nisi certum regimen constitueretur,' &c. Calvin to Farel, September 16, 1541. *Opp*. xi. p. 281.
106. Гулаза сменил Балард.—Кальвин Фарелю, 16 сентября 1541 г. *Opp*. xi. стр. 281.
107. 'Mit fast kriechender Unterwürfigkeit . . sich so tief vor ihm erniedrigte.'—Kampschulte, *J. Calvin*, i. p. 385.
108. 'Sein Herrscherrecht über Genf . . ein von Gott selbst erklärter Glaubenssatz.'—*Ibid*.

109. Женевский флорин стоил чуть больше половины франка. Таким образом, жалование реформатора составляло около 250 франков. Но, принимая во внимание более высокую стоимость денег в тот период, можно подсчитать, что в настоящее время эта сумма была бы эквивалентна примерно 4000 франкам (160 фунтов стерлингов). Это оценка М. Франклина из Библиотеки Мазарини, и мы думаем, что она точна.
110. Реестры дня. Готье, История. СР., 481.
111. 'Totus in eo erat ut et Viretum . . et Farellum collegas perpetuos haberet.'—Beza, *Vita Calvini*, p. 9.
112. Кальвин - Фарелю, Женева, 16 сентября 1541 г. *Opp.* xi. стр. 281. Кальвин говорит так по поводу уныния Фареля.
113. Комментарий ко II. Кор. vii. 1; Gen. xvii. 1.
114. 'Calvin fühlte sich fast nur noch als Werkzeug in der Hand Gottes, . . . ohne jedes persönliche Zuthun.'—Kampschulte, *J. Calvin*, i. 306.
115. Розет, Хроника. СР., книга iv. глава. 53. Реестры от 26 октября 1541 г.
116. Кальвин в Эфесе., iv. 15.
117. Кальвин Буцеру, 15 октября 1541 г. *Opp.* xi. стр. 299.
118. Кальвин Буцеру, 15 октября 1541 г.—*Opp.* xi. стр. 299.
119. В письме к какому-то анонимному корреспонденту Кэлвин говорит примерно о двадцати днях. 'Intra viginti dies formulam composuimus.' Этот отрывок не может сделать недействительным другой аккаунт, и я недалек от того, чтобы согласиться с ним.
120. Реестры от 28 сентября.
121. Кальвин - Буцеру, 15 октября 1541 года. Списки от 29 сентября.
122. Зарегистрирован 25 и 27 октября; 9 и 20 ноября 1541 года; и 2 января 1542 года. Розет, Хроника. СР. книга iv. гл. 50. Беза, *Жизнь Кальвини*, стр. 8. Готье, книга vi. стр. 485. Кальв. *Opp.* x. стр. 15; xi. стр. 379.
123. Кальв. *Opp.* x. 15-30. Схема церковных таинств. Это введение (стр. 16) находится во главе таинств в Реестрах Достопочтенного Общества пасторов, которому они были официально переданы.
124. Мемуары отправлены в Констанцкий собор. See also *Pici Mirandulæ ad Leonem P. M. de Reformandis Moribus*.
125. *Institution de la Religion Chrétienne*, book iii. ch. 6.
126. Кальвин к Евангелию от Иоанна xv. 4, 5.
127. *Ordonnances ecclésiastiques*.—Calv. *Opp.* x. p. 17.
128. Там же.

129. Там же.
130. Паскаль.
131. *Предписания*.—Calv. *Опр.* х. стр. 19, 20.
132. Притчи, ххii. 6.
133. *Предписания*.—Calv. *Опр.* х. стр. 28.
134. Там же. стр. 28.
135. Расин.—*Аталиа*.
136. *Предписания*.—Calv. *Опр.* х. стр. 23.
137. Там же. стр. 24.
138. Кальв. *Опр.* х. стр. 27.
139. Там же. стр. 27 и 28.
140. Смотрите эти цитаты в *Кретьенском институте*, книга iv. глава 3. раздел I. 15.
141. *Предписания*.—Calv. *Опр.* х. стр. 17.
142. *Предписания*.—Calv. *Опр.* х. стр. 18.
143. Там же. стр. 31, 32.
144. Там же. стр. 21.
145. *Предписания*.—Calv. *Опр.* х. стр. 21, 22.
146. Там же. стр. 22, 23.
147. *Предписания*.—Calv. *Опр.* х. стр. 22.
148. *Предписания*.—Calv. *Опр.* х. стр. 17.
149. Кальвин о Матфее. xxiv. 14.
150. *Предписания*, Calv. х. стр. 20, 21. (В статье Предписаний, по-видимому, говорится о *пяти*, а не о *шести*.) "В рабочие дни, в дополнение к двум обычным проповедям, в соборе Святого Петра должны проводиться проповеди три раза в неделю, а именно в понедельник, вторник и пятницу, прежде чем они начнутся в других местах". — Редактор.
151. 'Где двое или трое собраны вместе во имя Мое, там Я посреди них' —Мф. xviii. 20.
152. *Предписания*.—Calv. *Опр.* х. стр. 25, 26.
153. Там же. стр. 22.

154. Там же. х. стр. 29.
155. *Предписания*.—Calv. *Opp.* х. стр. 30.
156. *Introduction aux extraits des registres du consistoire de Genève, 1541-1814*, by M. the Syndic Auguste Cramer. Эти заметки с автографом не были напечатаны.
157. Реестры Собора от 27 декабря 1542 года.
158. Розет, Хроника г-жи де Женев, книга iv. 61. В средние века имя Иисуса звучало как *h* (Иесус или Иехезус). Он был представлен буквами *Jhss* с аббревиатурой над ними. Впоследствии эти три буквы считались инициалами формулы *Jesus Hominum Salvator*.—Блавиныйяк, Герб Женевы. *Mémoires d'Archéologie*, vol. vi. p. 176.
159. Роже, "Взгляд и Государство", Женева, 1867, стр. 7.
160. Cramer, *Introduction aux extraits des registres du consistoire*. Женева, 1853, стр. 5.
161. Calv. *Opp.* х. стр. 21, примечание 4.
162. *Предписания* и др. Кальв. *Opp.* х. стр. 16, 17, 21, 22, 29, 30.
163. Реестры Собора, 9 ноября 1541 г.
164. "Alternis hebdomadibus totis concionabator". —Беза, *Вита Кальвини*, стр. 8. Письмо Кальвина Микониусу, Женева, 14 марта 1542 г. Кальв. *Opp.* xi. стр. 337. *Ордонансы*, редакция 1561 года. Bèze-Colladon, *Vie française de Calvin*, pp. 55, 56.
165. 'Multos ex Gallia et Italia.'—Beza, *Vita Calvini*, p. 9.
166. *Предписания*.—Кальвин, *Против*. х. стр. 17.
167. Sayous, *Études sur les écrivains de la réformation*, i. p. 173.
168. На титульном листе тома о Второзаконии указано: "Записано верно и дословно, как публично проповедовал месье Жан Кальвин".
169. Kampschulte, *Joh. Кальвин*, i. стр. 406.
170. *Vingt-deux Sermons de M. Jean Calvin sur le Psaume cxix*. Женева: Франсуа Эстьен, для Этьена Анастаза, 1562, стр. 38.
171. *Первые проповеди* с-Вторая проповедь, стр. 26, 27.
172. *Первые проповеди* др. -Вторая проповедь, стр. 41, 42.
173. Там же. Третья проповедь, стр. 52, 53, 61, 62.
174. *Первые проповеди* др. -Восемнадцатая проповедь, стр. 368.
175. *Первые проповеди* др. -Двадцатая проповедь, стр. 405, 406.
176. Там же. Двадцать вторая проповедь, стр. 452, 453.
177. *Sermons de J. Calvin sur les Epîtres de saint Paul à Timothé et à Tite*, 1561, p. 67, &c.

178. Сент-Бев, *Порт-Рояль*, iii. стр. 403.
179. *Institution Chrétienne*, book III. ch. xxiii. § 8.
180. Тамже.
181. *Institution Chrétienne*, ch. 21, § 1, 2.
182. Кальвин д'Апре Кальвин, опубликовано Евангелическим альянсом Женевы к третьей годовщине 27 мая 1564 г., стр. 28.
183. Cramer, *Extraits (autograph) des registres du Consistoire*.
184. *Lettres françaises*, i. p. 188.
185. Cramer, *Extraits (autograph) des registres du Consistoire*.
186. Cramer, *Extraits des registres du Consistoire*.
187. Бонивару пришлось предстать перед консисторией за то, что однажды вечером в квартире Жана Югонье в ожидании ужина он сыграл в кости на кварту вина с Клеманом Маро.—Roget, *Peuple de Genève*, ii. p. 29.
188. Cramer, *Extraits des registres du Consistoire*.
189. Тамже.
190. Кальвин о Мамфее. xviii. 6, 10.
191. Cramer, *Extraits des registres du Consistoire*.
192. Calvin to Myconius, March 14, 1542.—‘Poteram quum veni magno plausu exagitare hostes nostros, et plenis velis invehi in totam illam nationem quæ nos læserat.’—*Opp.* xi. p. 378.
193. Jac. Bernard, H. de la Mare, Aimé Champereau.—*Opp.* xi. p. 364.
194. ‘Nostra mansuetudine et patientia efficimus.’—*Opp.* xi. p. 378.
195. ‘Quam placido humanoque ingenio sit Viretus.’—*Ibid.*
196. ‘Machen dadurch auf den Leser einen oft geradezu unangenehmen Eindruck.’—Kampschulte, *J. Calvin*, i. p. 390. Именно этот же историк отдает должное Кальвину, как упоминалось выше; и можно сказать, что отрывок, в котором встречается это предложение, производит самое приятное впечатление из всех в его книге.
197. “*Meine Milde und Geduld*”, - Кампшulte заставляет Кальвина произнести, как будто он имел в виду только себя. Это, без сомнения, оплошность со стороны историка.
198. Буцеру, Письмо от 15 октября 1541 года. Микониусу, Письмо от 14 марта 1542 г. —*Opp.* xi. стр. 299, 377.
199. Письмо Микониусу от 17 апреля 1542 г.—*Calv. Opp.* xi. стр. 384.

200. *Genève ecclésiastique, ou Livre des spectacles pasteurs et professeurs*, p. 6. Calvin to Viret, July 1542.—*Opp.* xi. p. 420. *Vie française de Calvin*, p. 54. Roget, *Peuple de Genève*, ii. pp. 40, 46.
201. Гренус, *Исторические фрагменты*, стр. 8.
202. Кальвин — Фарелю.—*Opp.* xi. стр. 408.
203. 'Vidi et manu tetigi salutare illud. . .'—Calv. *Opp.* xi. стр. 409.
204. 'Novo prorsus spiritu tunc donatum.'—*Ibid.*
205. Кальвин Вирету, июль 1542 г.—*Opp.* xi. стр. 420.
206. 'Et spes in posterum amplius affulget si mihi reliquatur Viretus.'—Calv. *Opp.* xi. pp. 322, 377.
207. Cramer, *Extraits des registres du Consistoire*. Кальвин о Мамфее. ст. 9.
208. *Ezek.* iii. 9.
209. Сочинения Цвинглиуса, vi. стр. 340, 427.
210. *Кретьенский институт*, книга ii. гл. 3, 4.
211. Мы привели несколько из этих примеров в речи, произнесенной 6 сентября 1861 года в церкви Святого Петра в Женеве на генеральной конференции Евангелического альянса.
212. Посвящение Комментария к Посланию к Титу.
213. "Ne decem quidem maria и eam rem trajicere pigeat". —Кальв. *Epp.* Кранмеру; изд. 1575, стр. 100.
214. 'Quanquam nee parentum rusticorum quippe conditio, nec rei familiaris inopia permetterent ut ad literarum studia applicaret animum.'—Gerdesius, *Annales Reformationis*, iii. p. 355.
215. 'In studia propensionem ab infantia vehementem.'—*Ibid.*
216. Bröndlund, *Memoria J. Tausani*. Munter, *Kirchengeschichte von Dänemark*, i. p. 73.
217. 'Adiret universitatem excepta sola atque unica Witebergensi.'—Gerdesius, *Annal. Реформа*, iii. c. 356. Munter, iii. p. 74.
218. 'Nugarum et ineptiarum.'—*Ibid.*
219. Gerdesius, *Annales Reformationis*, iii. p. 356. Munter, iii. p. 74.
220. Оливарус, *Привет. де Вута П. Элиае Кармель*.—Гердесиус, *Анна.*, iii. стр. 329.
221. Гамст, *Де Петро Парво Росефонтано*. По—датски его звали Литл, вместо *Парвус*, которое было преобразовано в *Лилль*, имя, под которым он наиболее известен.—Гердесиус, *Анна.*, iii. стр. 341.
222. Ознакомьтесь с документами, собранными Gram, *Om Kong Christiern den Andersns перед реформацией*. Молоток, *Ист. du Danemark*, tom. iii.

223. Suaningius, *Christianus II*. Молоток, *Ист. du Danemark*, vol. iii. Raumer, *Geschichte Europas*, ii. p. 100.
224. Понтоппидан, *Кирхенхист*. книга vi. глава 3. Мунтер, iii. стр. 12.
225. [На рукописи автора имеется примечание: "Добавьте некоторые детали из документов." Это намерение не было осуществлено. Подробностей не хватает.— Редактор.]
226. Suaningius, *Vita Christiarni II*. Гердесий, *Анна.*, iii. стр. 342.
227. "Ex jussu principis vocatus huc venit". — Аттестат зрелости теологического факультета Копенгагена.
228. Scultetus, *Hist. Litt. Реформа*. i. стр. 33.
229. 'Ut ludibrio sannisque exceptus fuerit.— Гердесий, *Анна.*, iii. стр. 343.
230. 'Omnibus conviviis et symposiis adhibitus, de rebus levissimis ridiculisque conciones habuit. . . ita ut Martinum ipsum adesse vulgo esset persuasum.'—Huitfeld, *Chron. Дан.* ii. стр. 1152. Suaningius, *Vita Christiarni II*.
231. Документы Грама, стр. 2. Ресен, *Лютеранские триумфаторы*, 1521 год н.э.
232. 'Rex Daniæ etiam persequitur Papistas, mandato dato universitati suæ ne mea damnarent.'—Luther, *Epp.* i. p. 570. (De Wette.)
233. 'Archiepiscopum vero equitantem viginti juvenes cum equis prosequantur.'—Gerdesius, *Анна.* iii. p. 347.
234. Schlegel, *Geschichte der oldemb. Könige in Dänemark*, i. p. 107. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 48.
235. Suaningius, *Christianus II*.
236. 'Mense Octobri inscriptus est in matriculam academici ad theologicæ facultatis professionem.'—Resen, *Lutherus triumphans*, ad an. 521. Гердесий, *Анна.*, iii. стр. 356.
237. Munter, *Kirchengeschichte*, p. 79. Mallet, iii. p. 420.
238. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 82. Raumer, ii. p. 116. Маллет, iii. стр. 595.
239. Raumer, *Geschichte Europas*, ii. p. 142.
240. 'Christiarnus Lutherum diu concionantem audit.'—Scultetus, *Анна.* i. p. 52.
241. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 84.
242. Spalatin, *Leben Friedrichs des Weisen*, p. 137.
243. 'Magna fide excessit accepta cœna Domini.'—Luther, *Opp.* ii. p. 93. (De Wette.)
244. Seckendorf, *Hist. де Лютеранс*, стр. 600, 722.
245. Schlegel, *Geschichte des Oldenburgischen Stammes*, i. p. 53.

246. 'Ut doctrina evangelica per Lutheri quosdam discipulos Cimbrorum animis instillaretur indulserat.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 353.
247. Munter, *Kirchengeschichte von Dänemark und Norwegen*, iii. pp. 101, 145.
248. 'Propriæ virtutis vestræ memores qua Lutheranam hæresin ferro et gladio persequendam semper duxistis.'—Raynaldi, *Ann.* 1525, No. 29. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 115.
249. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 592.
250. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 565.
251. Предисловие Майкельсена. См. 'Диссертацию Хендерсона о переводе Миккельсена'. Dänische Bibliothek, i. p. 120. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. pp. 128-144. Gerdesius, *Annales Reformationis*, iii. pp. 356-362.
252. Olivarii *Vita Pauli Eliæ*, p. 169. Munter, iii. p. 142.
253. Munter, iii. pp. 560, 585, 599.
254. Ответ: М. Малле, *История Дании*, iv. стр. 27. Мунтер, *Церковная хроника*, iii., стр. 169. Гердесий, *Анна*. iii. стр. 360.
255. 'Quantum huc usque a vera salutis via deflexerant monstrando.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 357.
256. 'Virium humanarum defectum, omniumque bonorum operum indigentiam monstrans.'—Gerdesius, *Ann.* p. 357.
257. 'Occæcatos pontificia superstitione superiores totos in se armaret'—*Ibid.* и *Дан. Библ.*, i. стр. 5.
258. Лютер, *Против xxii. (Walch) von der Beruf*, p. 2378 et seq.
259. Гердесий, iii. стр. 358.
260. Schlegel, *Geschichte des Oldenburgischen Stammes*, i. p. 148. Munter, iii. p. 101.
261. Munter, iii. p. 161.
262. Гердесий, iii. *Monum.*, стр. 202.
263. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 171. Гердесий, *Анна*. iii. стр. 354.
264. Гердесий (iii. стр. 626) называет его Николаусом Мартини по прозвищу Тондебиндер; и говорит в примечании —Клаус Мартенсен dictus Vascularius.
265. Munter, iii. p. 190.
266. Munter, iii. p. 191.
267. *Danske Magazin*, глава iii, стр. 236 и далее. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 222.
268. Гердесий, iii. стр. 411. Munter, iii. p. 503.
269. Раббек, *Церковный данийский гимнарий*.

270. 'Latronum speluncam, desperatorum et apostatarum asylum.'—*Schibbyische Chronik*. Munter, iii. pp. 226, 255.
271. *Danske Magazin*, v. стр. 289, 312.
272. Гердесий, iii. *Монум.* стр. 204, 206. Понтоппидан, *Анна Экклз. Дан.* ii. стр. 808, 817. Munter, iii. p. 195.
273. 'Nisi ut spectetur non hominum sed Christi negotium.'—*Erasmi, Epp.* 1. xix. Munter, iii. p. 196.
274. 'Religionem tam Lutheranam quam Pontificiam libere permittendam esse.'—Pontoppidanus, *Reform.* p. 172. Гердесий, iii. стр. 364.
275. Тертуллиан добавляет: "*Religio sponte suscipi debet*".
276. 'Manibus pedibusque agebant.'—Gerdesius, iii. p. 364.
277. Munter, *Reformationgeschichte*, iii. p. 205.
278. Понтоппидан, *Реформа.* стр. 175. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 365.
279. Munter, iii. pp. 209, 211.
280. Munter, iii. p. 230.
281. *История изгнания монаха из Дании*, в Понтоппидане, *Апп.* ii. стр. 821.
282. 'Ее наследник. . Клавемаль. В ретте Кристелиг Фадзон и др. —Виборг, 1528. Munter, iii. p. 233.
283. Munter, iii. p. 250.
284. Munter, iii. pp. 255, 256, 273.
285. 'Si quidem religio vera debuerit esse antiquissima.'—Gerdesius, iii. p. 372.
286. 'Veritatis antehac obscuratæ atque detectæ majori cum perspicuitate, soliditate et eloquentia inculcarentur.'—Gerdesius, iii. p. 372.
287. *Берихт на рейхстаге Г. Садолина в Копенхагене*, 1530.
288. "В самом высоком месте перед победой". —Гердесий, iii. стр. 375.
289. 'Aristotelicos doctores, magistros et monachos.'—*Ibid.* p. 376. *Danske Magazin*, i. стр. 94.
290. Munter, iii. p. 297. Гердесий, vi. стр. 376.
291. Munter, iii. p. 299.
292. 'Nullis interpretationibus, additamentis et commentis humanis corrupta.' Исповедание веры было составлено на датском языке, но мы приводим цитату из латинского перевода, сделанного в семнадцатом веке Понтаном. Этот документ представляется нам слишком важным, чтобы полностью его опустить.—Гердесий, iii. *Монум.* стр. 247. Munter, iii. p. 308.
293. Четвертый артикль относится к Троице; пятый - к воплощению и рождению Сына Божьего.

294. 'Debiti solutionem, expiationem et satisfactionem pro peccatis nostris omnibus.'
295. 'Maledicit iis quibus Deus benedicit, rejicit eos quos Deus recipit.'
296. 'Diaboli dogma est.'
297. 'In quâ ejus corpus editur ac sanguis ejus potatur in certum pignus.'
298. 'Veri episcopi sive presbyteri, quæ voces sunt prorsus synonymæ.'—(Art. 36.)
299. Волдайк, *Confessio Hafniensis*.
300. Muhlius, *De Reformatione in Cimbria*, p. 140. Гердесий, iii. *Monumenta*, p. 232.
301. 'Hominem liberum arbitrium non habere, et ea quæ in mundo fiunt ita fieri ut aliter fieri non possint.'—Gerdesius, iii. *Монум.* стр. 232.
302. *Apologia concionatorum Evangelicorum*.—Там же. с. 234.
303. Речь, несомненно, идет о русских—язычниках, монголах и т. Д. -Мунтер, iii. с. 325.
304. 'Sacrilego principe non solum connivente, verum etiam instigante . . . . debacchati sunt concionatores Lutherani.'—*Chron. Шиббуенс*. Munter, iii. p. 330.
305. *Danske Magazin*, i. стр. 94.
306. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 332.
307. Кэлвин.
308. 'Stupidis, indoctis et profanis. . . qui fabulas hominum inventiones, monachorum somnia et hypocriticas anilesque nugas et gerras populo Christiano pro more papistarum proponunt.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 383.
309. 'Aber von dem was einige von ihnen selbst sind, davon sprechen wir jetzt nicht.'—Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 334.
310. *Danske Magazin*, i. стр. 95.
311. *Мисологон*, стр. 363.
312. Munter, iii. p. 336.
313. 'Et quantis in tenebris hactenus delituissent perspicerent.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 386.
314. Munter, iii. pp. 355, 364.
315. Якоби, *История изгнания монахов*. Ср. цитируется в Munter, iii. 357.
316. Munter, iii. pp. 369-370.

317. Рейнальд, *Энн*. 1530, № 58. Мунтер, iii. с. 86. Раумер, ii. с. 144.
318. 'Adverso numine et certantibus contra ventis.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 390.
319. Geijer, *Schwedensgeschichte*, ii. p. 81.
320. Опзло, бывшая столица Норвегии, сожженная в 1624 году, и по сей день является самой древней частью Христиании.
321. Раумер, ii. с. 146. Маллет, vi. с. 116.
322. 'Epist. Христос. II. ad Regem Fredericum.'—Huitfeld, *Dänische Chronik*, p. 1378.
323. *Хроника Шиббуенсе*, стр. 589. Хольберг, ii. стр. 261. Маллет, vi. стр. 117 и с.
324. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 82.
325. Гердесий, *Анна*. iii. стр. 390. Mallet, *Histoire du Danemark*, vi. p. 125. Schlegel, p. 133.
326. Luther, *Epp.* iv. p. 403 (de Wette).
327. 'Lugentibus omnibus bonis qui gravissimam in morte regis optimi jacturam faciebant.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 391. Хютфельд, *Дан.-Хроник*, стр. 1393.
328. Карл Фридрих, герцог Гольштейн-Готторпский, женился на Анне Петровне, дочери Петра Великого, и ее сын, Карл Петер Ульрик, был выбран императрицей Елизаветой, его тетей, ее преемником. Он взошел на престол в 1762 году под именем Петра III, и его женой была знаменитая Екатерина II. Императорами, происходившими от этого принца, были Павел I., Александр I., Николай I. и Александр II.
329. Автор, по-видимому, написал *два и один раз*, но из-за довольно иероглифического характера его почерка мы можем читать *dix* почти так же хорошо, как *deux*. Раумер (ii, стр. 148) говорит: 'Йоганн эрст звельф яхре альт', двенадцатилетний ребенок: но это, должно быть, ошибка, потому что Фридрих правил с 1523 по 1533 год, а Йоанн родился после восшествия на престол своего отца. См. также стр. 199 ниже. (Редактор.)
330. 'Ut religio evangelica . . opprimeretur et vetus illa restitueretur sacrorum pontificiorum ratio.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 391.
331. 'Invecti graviter in ministros novæ religionis.'—*Ibid.* p. 392.
332. 'Ita enim eviluisse antistitum auctoritatem.'—*Ibid.* p. 393.
333. 'Aliisque pœnis atrocioribus in pervicaces animadvertendum.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 393.
334. 'Magnitudine periculi vehementer sunt turbati.'—*Ibid.*
335. 'Partam ei libertatem rege volente, non nisi rege in contrarium sciscente puto eripi posse.'—*Ibid.* p. 394.
336. 'Multa antistitum astu erant interpolata.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 394. Munter, *Kirchengeschichte*, iv. p. 394. Понтоппидан, стр. 263.

337. *Danske Magazin*, iii. стр. 106. Munter, *Kirchengeschichte*, iv. p. 399. Гердесий, Анна. iii. стр. 395.
338. 'Cum Taussanus in pontificiorum oculis sudes esset,' &c.—*Ibid.*
339. 'At senatores et reliqui magistratus plebei *Taussani* apud antistites *supplicium* deprecantur.'—Gerdesius, *Ann.* ii. p. 397.
340. 'Plebs forum tumultu ac clamoribus implet; indignari enim et fremere.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 397.
341. 'Audiebantur voces restitui *Taussanum* flagitantium.'—*Ibid.*
342. 'Irent igitur pacati domum, et res suas agerent.'—*Ibid.*, p. 398.
343. 'Inclamant exhibendum *Taussanum* aut se fores molituros.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 398.
344. '*Taussani* mansuetudo turbidos compescuit.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 398.
345. Huitfield, *Dän. Chronik*, ii. p. 1402 et seq. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 406 et seq. Гердесий, Анна. iii. стр. 398.
346. 'Edita amissionem vitæ et bonorum profitentibus Lutheri doctrinam denunciante.' (Chytræi *Saxonia*, lib. xiv. p. 362; Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 408.)
347. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 411.
348. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. pp. 414, 415, 429; Gerdesius, *Ann.* ii. p. 400.
349. *Expostulatio adversus exilii sententiam.*—*Dialogus missæ papisticæ extremum spiritum trahentis.*—*De vigiliis superstitiosis.*—*Centum et septuaginta quæstiones*, &c. &c.—Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 431.
350. *Däniske Magazin*, iii. p. 72. Mallet, *Hist. de Danemark*, iv. p. 201. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 435.
351. Hamelman, *Oldenburgische Chronik*, p. 327. Молоток, *Хист. de Danemark*, iv. p. 201.
352. 'Qui non regem se populo obtrudere volebat, quin potius ab ipso populo ad regnum advocari cupiebat.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 401.
353. Гердесий, Анна Маллет, *История*. и с.
354. Geijer, *Geschichte Schweden*, ii. p. 87.
355. Белый батон отличал тех, кто был помилован, от тех, кто сдался по собственному усмотрению. In the *Histoire Universelle* of Théodore Agrippa d'Aubigné, iii. p. 35, we read, on occasion of a victory of Lesdiguières:—'Les soldats de Gascogne *rendus au baston blanc*, ceux de pays à *discretion*.'
356. Эта война называется в Дании "*die Grafenfehde*", война графов; и это название вошло в поговорку для обозначения великого бедствия.

357. *Rerum Danicarum Scriptores*, pp. 65-75. Hamelman, *Oldenburgische Chronik*, pp. 327-340. Маллет, iv. стр. 242, 323. *Histoire Universelle* of Théodore Agrippa d'Aubigné.
358. Иов xii. 19.
359. 'Super laquearia in fœdum latibulum conscenderat.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 405. 'Auf einem Balken unter seinem Dache.'—Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 449.
360. "Antistes Arusiensis (Ove Bilde, епископ Аархууса) castellum Silkeburgicum dedi non patiebatur, лучший противник Ранцовиуса и оппugneta, осужденный за Иоганна Стугиума против его защиты". —Гердесий, *Ann.* iii. стр. 404-406, где рассказывается об этих нескольких арестах.
361. 'Cum nobilitate cives ex plebe urbana æque atque rustica delecti convocabantur.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 406.
362. 'Ipse exoptasset se in diabolum transformari,' &c.—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 407. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 456.
363. 'Dissentientes nedum ut vi contra conscientiam adigantur . . . reddituros ipsos Deo fidei rationem.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 407.
364. См. том v., стр. 413. Ассамблея от 21 мая в Женеве.
365. Nye, *Danske Magazin*, i. 240; in Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 458.
366. 'Regem coronavit et reginam quasi verus episcopus.'—Luther, *Epp.* v. p. 87. De Wette.
367. 'Tausanus constitutus est episcopus Ripensis, præsentе Rege et sex reliquis episcopis.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 412.
368. 'Ordinatio ecclesiastica,' &c.—Hafniæ, 1537. Chytræi, *Saxonia*, xv. p. 379. Граммий, *Дополнение. ad historiam Cragii*, ii. стр. 29.
369. *Описание Норвегии*, стр. 34.
370. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 515, seq.
371. Том III. (Первая серия), книга x, глава vi. и этот том.
372. Финни Йоханнэй, *Его Превосходительство Островитянин*, ii. стр. 491, далее.
373. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 533.
374. *Danske Magazin*, iii. стр. 242. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. p. 534.
375. Munter, *Kirchengeschichte*, iii. pp. 542, seq.
376. This psychology of nations is expounded in M. de Rougemont's *Précis d'ethnographie de statistique et de géographie historique*.
377. Schinmeier, *Lebensbeschreibungen der dreien Schwedischen Reformatoren*, p. 26.
378. Мальтебрун.

379. Schinmeier, *Lebensbeschreibungen der dreien Schwedischen Reformatoren*, pp. 26, 32. Reuterdaahl, *History of the Church of Sweden* (in Swedish), 1866. Anjou, *Histoire de la Réformation de Suède*, 1850. Мы сожалеем, что в ходе нашей работы смогли лишь частично воспользоваться информацией, содержащейся в последних двух работах, обе из которых имеют большое значение.
380. Scheffer, *De Memorabilibus Suecicæ gentis*, p. 159.
381. *Prophéties merveilleuses de sainte Brigitte*, Lyon, 1536.
382. Reuterdaahl, Schinmeier, Anjou, Schroeckh, *Theol. Encyclopädie*.
383. 'Evangelicæ doctrinæ semina per varios mercatores Germanos jam instillata.'—Gerdesius, *Annal. Реформа*. iii. c. 285.
384. 'Stultos quosdam senes . . ut malint barbariem perpetuam regnare.' ...—*Eliæ epistola ad Petrum canonicum*.
385. Рейтердал, *История церкви Швеции*, iv. стр. 172.
386. Ziegler's *Erzählung* in Freh. *Scr.* iii. p. 149. Schinmeier, *Lebensbeschreibung*, p. 30.
387. Contentionem scholasticam, magno sæpe cum impetu agitatam.'—Gerdesius, *Ann.* iii p. 286.
388. Schinmeier, *Die drei Reformatoren*, pp. 31, 32.
389. Шинмайер, стр. 32, 33.
390. Celsius, *Geschichte Gustavs des Ersten*, i. p. 208. Шинмайер, стр. 33, 34.
391. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. pp. 4, 5.
392. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. pp. 4, 5. Schlegel, p. 105.
393. Клем. Rensel's *Bericht*. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 9.
394. Клем. Rensel's *Bericht*. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 13. Raumer, ii. p. 120.
395. *Хроника Скибьенсе*. стр. 570. *Хроника Олая*, стр. 348.
396. Это здание указом от 26 апреля 1668 года было освящено как королевский памятник.
397. Этот дом сохранился, с некоторыми фигурами, изображающими Густава и других людей, и его показывают незнакомым людям.
398. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 13.
399. Рядом с церковью Мора показано место, где Густав обращался к народу.
400. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. pp. 15-17.
401. Von Troil, *Verhandlung zur Reformations-Geschichte Schwedens*, iv. p. 356.
402. Celsius, *Leben Gustavs*, i. p. 139.

403. 'Veritatis luce ac radiis tactus.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 287.
404. "Præsertim contra decreta S. Romani ecclesiae". —Браск епископу Скары, 12 июля 1523г.
405. 'Ut status modernæ ecclesiæ reducatur ad mendicitatem et statum ecclesiæ primitivæ.'—*Ibid.*
406. "Pullulare incipit hæresis illa Lutherana". —Браск епископу Скары, 12 июля 1523г.
407. Spegel, *Schriftliche Beweise*, 16 August, 1540.
408. 'Palam id prodere velle, res periculo plenissima.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 287.
409. Рейналь, *Европейские анекдоты*.
410. Schinmeier, *Lebensbeschreibung*, p. 40.
411. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 43.
412. Schinmeier, *Lebensbeschreibungen*, pp. 42, 43.
413. Schinmeier, *Lebensbeschreibungen*, pp. 43, 44, 45.
414. 'Ein junger Mensch, der darüber frohlockte, war vom Pöbel zerrissen.'—Schinmeier, *Lebensbeschreibungen*, p. 49.
415. 'Ejecerant organa musica, statuas et imagines,' &c.—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 289.
416. 'Quum id occasionem præberet sacrificulis magnam excitandi tempestatem,' &c.—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 290.
417. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 54.
418. 'Thierischen Ausschweifungen.'—Schinmeier, p. 56. 'Scortis multifariis.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 291.
419. *Een liten Underwisning om Eckenskapet*.—Stockholm, 1528.
420. 'Quippe quum Novi Testamenti Scripta omnium manibus tererentur.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 291.
421. 'Inviti aggrediebantur.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 292.
422. 'Die Klerisey erschrak.'—Schinmeier, *Lebensbeschreibung*, p. 57.
423. 'Weit prächtiger und überflüssiger als der König selbst.'—Schinmeier, *Lebensbeschreibung*, p. 58.
424. 'Gustav sprach, zu Pferde sitzend, auf einer der Upsala Hügel.'—Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 55.
425. 'Unsere Gnaden trinken Eurer Gnaden zu.' 'Deine Gnaden und Unsere Gnaden haben nicht Raum unter einem Dache.'—Geijer, iii. p. 55. Schinmeier, p. 60.
426. "У нас буря в наших намерениях, мы хотим примирения".—Гердесиус, *Анна*. iii. стр. 292.

427. 'Cum theologi consuissent eos omnes qui non in omnibus secum conspirarent statim hæreseos accusare.'—*Ibid.* p. 293.
428. 'Eo responso commotior factus archiepiscopus.'—*Ibid.*
429. Аббат Верто, стр. 61.
430. Этот спор передан нам в *Acta Colloquii Upsaliensis habiti* от 1526 года. Эти акты можно найти в *Памятнике или Приложении* к тому iii. из *Анны* Гердесиуса, стр. 153-181.
431. 'In constitutionibus Patrum a S. Scriptura dissentientibus etiam nos discedimus ab illis.'—Gerdesius, *Ann.* iii. Приложение, стр. 155.
432. 'Utrum homo salvetur meritis suis an sola gratia Dei?'—*Ibid.* p. 167.
433. 'Apparitiones indies novæ visuntur,' &c.—Gerdesius, *Ann.* iii. Приложение, стр. 173.
434. 'Gaudens fallacibus novitatibus, tædio verbi Dei.'—*Ibid.* p. 174.
435. 'Ut religiosi lectores possent cognoscere utra pars veritatem detenderet.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 295. Паумер, ii. стр. 125.
436. 'Non laicis aut plebi.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 299.
437. 'Romam mittere . . non convincendos, sed ferro et igne comburendos.'—*Ibid.*
438. Schinmeier, *Lebensbeschreibung*, pp. 59, 60.
439. 'Qui gladium et aratrum, bellum et pacem, mortem et vitam in æquo ponunt.'—Joh. Magnus, *Præfatio ad Historiam Gothicam*, p. 11, in Gerdesius, *Ann.* iii. p. 304.
440. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 58.
441. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 303. Seckendorf, *Hist. Лютер*, стр. 835.
442. Schinmeier, *Lebensbeschreibungen*, pp. 11-13.
443. 'Sie entfärbten sich, zeigten ihre Bitterkeit im Gesichte,' &c.—Schinmeier, *Lebensbeschreibungen*, p. 69. Gerdesius, *Ann.* iii. p. 305. Гейджер, ii. стр. 60.
444. 'Omnibus suis exutos videri castellis et arcibus.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 306.
445. 'Sich im Streite andrer Waffen als einer Wachkerze bedienen.'—Geijer, ii. p. 62.
446. 'Iisque qui alieni laboris fructu ad suas voluptates abutebantur.' Гердесий, *Анна.* iii. стр. 307.
447. 'Non sine quadam animi commotione.'—*Ibid.* p. 308.
448. 'Es möchte die Axt uns in Genick sitzen.' Гейджер, ii. стр. 64.
449. 'In solche Bewegung sprach, dass ihm die Thränen aus den Augen stürzten.'—Geijer, and Raumer, *Geschichte Europas*, ii. p. 131.
450. 'Cum suis per integrum triduum convivari.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 309.

451. Гейджер, ii. стр. 65.

452. Гейджер, ii. с. 65. Пауер, ii. с. 132.

453. 'Es fehlte wenig dass die gemeinen Leute seine Füße küssten.'—Geijer, ii. p. 65.

454. Гердесий, *Анна.*, iii. стр. 311-313. Гейджер, ii. стр. 66, 67.

455. 'Introducentes in solium regni quandoque externos reges.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 313.

456. 'Rex jam non clam sed palam se doctrinæ evangelicæ esse addictum profiteri.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 317.

457. Гердесиус, *Анна.* iii. стр. 312. Пауер, ii. стр. 133. Гейер, ii. стр. 68. Шинмайер, стр. 73.

458. Гердесиус, *Анна.* iii. стр. 318. Шинмайер, стр. 76.

459. 'Ut de toto reformationis negotio plenius definiretur,' &c.—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 319.

460. Рим. xv. 1.

461. *Contra Latomum.*

462. 'Ut voluntas Dei in verbo ejus revelata patefiat auditoribus nostris.'—*Forma Reformationis in consilio Orebrogensi definita.* Этот документ приведен в Приложении к Гердесию iii. стр. 193.

463. 'Id modeste et primo privatim agant.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 197.

464. 'Ut inculcent in memoriam facta Christi qui pro nobis passus est et resurrexit.'—*Ibid.* p. 197.

465. Vertot, *Révolutions de Suède*, ii.

466. 'Quod solus sanguis Christi facit.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 196.

467. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 71. Schinmeier, p. 81.

468. Гейджер, ii. стр. 71.

469. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 320-323.

470. 'Qui frater noster fieri voluit ut officium mediatoris præstaret.' Гердесий, *Анна.* iii. стр. 323.

471. Schinmeier.

472. 'Legimus quod is intellecta veritate evangelica confestim claustro fuerit egressus.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 324.

473. 'Mutato habitu mores quoque mutaverint atque vitæ genus.'—*Ibid.*

474. Schinmeier, *Lebensbeschreibungen der drei Reformatoren*, p. 39. Herzog, *Ency.*, xiv. p. 76.

475. Schinmeier, *Lebensbeschreibungen der drei Reformatoren*, p. 39. Herzog, *Ency.*, xiv. p. 76.

476. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 88.
477. 'Gar zu geneigt seine Person und Regierung zu meistern.'—Geijer, ii. p. 89.
478. 'Daher nahmen seine Feinde, deren Anzahl am Hofe immer stärker ward, täglich Gelegenheit zu manchen Erdichtungen und Vergrößerungen, um ihn vollends verhasst zu machen.'—Schinmeier, *Lebensbeschreibungen der drei Reformatoren*, p. 82.
479. Schinmeier, *Lebensbeschreibungen*, p. 101.
480. Шрекх, *Реформа.*, ii. стр. 52.
481. Мессения. He wrote in verses of very bad taste:—'Es war ein eifriger Katholik, und überdies noch sehr leichtgläubig.'—Schinmeier, p. 20.
482. 'In allen Acten dieser Zeit findet sich auch nicht ein Schatten davon.'—*Ibid.* p. 81. Geijer, ii. p. 88.
483. 'Uns aber setzet kein Ziel im Regiment und in der Religion.'—Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 91.
484. 'Dignus omnino pedagogus regii filii.'—Luther, *Epp.* v. p. 179. De Wette.
485. 'Per totum regnum, in ecclesiis præsertim cathedralibus, scholæ instituantur.'—Luther, *Epp.* v. p. 179.
486. 'Precor Christum ut per hos multum fructum faciat Christus ipse, qui eos per majestatem tuam vocat et ordinat. Benedicat Pater . . omnibus consiliis et operibus regiæ tuæ majestatis.'—Luther, *Epp.* v. p. 179.
487. Raumer, *Geschichte Europas*, ii. pp. 137-141. Гейджер. Гердесий.
488. Гердесий, *Анна*. iii. стр. 326.
489. 'Doch ständen Zeiten bevor, wo Schwedens Kinder gern ihn aus der Erde scharren würden, wenn sie könnten.'—Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 144.
490. Гейджер, ii. стр. 146.
491. Екатерина, дочь Магнуса, герцога Саксен-Лауэнбургского, умерла в 1535 году. Эрик родился 13 декабря 1533 года.—*Там же*. ii. стр. 94.
492. Гейджер, ii. стр. 136.
493. Гейджер, ii. стр. 138.
494. 'Præter insignem artium liberalium et præsertim matheseos ac linguarum exoticarum cognitionem.'—Messenius, *Scondia*, vi. Geijer, ii. p. 149.
495. 'Omnes ii qui manducant Christi carnem et bibunt ejus sanguinem vivent in æternum.'—Baazius, *Inventarium ecclesiæ Sueo-Gothorum*, lib. iii. cap. 3, p. 295.
496. Баазиус, *Инвентариум*, библиотека. iii. глава. iv. стр. 302. О. Цельсий, *История Эрика*, ii. стр. 29.

497. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 163.
498. 'Er stürzte mit gezücktem Dolch in der Hand in das Gefängniszimmer Nils Stures.'—Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 182.
499. 'Dionysius Beurres wurde auf Befehl des Wahnsinnigen niedergestochen.'—Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 184.
500. 'Er rief dass er nicht König wäre.'—Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 184.
501. Гейджер, ii. стр. 193.
502. Schinmeier, *Die drei Reformatoren in Schweden*, p. 157.
503. 'Nam mundus est satis amplius ut odia inter fratres distantia locorum et regionum bene possint sedari.'—*Ericus ad Johannem*. Гейджер, ii. стр. 194.
504. 'Sacerdotium et sacrificium.'—S. Хосийская опера, ii, стр. 338.
505. 'Insinuat se Pater in amicitiam Germanorum; hi enim faciles sunt.'—(Feyt, *De statu religionis in regno*.) Гейджер, ii. стр. 221.
506. 'Promptitudinem latini sermonis et elegantiam mirantur, operam omnem promittunt.' Гейджер, ii. стр. 221.
507. 'Insinuat se in familiaritatem aliquorum, nunc hunc, nunc illum, dante Deo, ad fidem occulte reducit.'—*Ibid*.
508. Гейджер, ii. стр. 217.
509. Geijer, *Geschichte Schwedens*, pp. 220, 225, 273. Мессений, *Скондия*. Баазий и др.
510. Смотрите эти письма в работе Баазиуса, lib. iii. cap. x. стр. 334-358, 346-351-365.
511. 'Ego nihil magis in votis habuerim quam ut si quis adhuc in V.M. animo scrupulus resideret, eum, D. j., eximere possem.'
512. Гейджер, ii. стр. 224.
513. 'Mit Gewalt auf sein Bett legen, und ihn mit Polstern oder grossen Kissen ersticken.'—(Letter of January 19, 1577). Гейджер, ii. стр. 196, 199.
514. 'Toxicum ignarus in pisonum, ut fertur, juscule præbitum absorbsit, indeque miseram efflavit animam.'—Messenius, *Scondia*, vii. p. 48.
515. Гейджер, ii. стр. 204.
516. Представления, сделанные изгнанниками из королевства Швеция Генриху III. добиться правосудия за убийство, совершенное в лице Эрика, короля Швеции.—Библ. Рой. М.С.
517. Его жизнь, написанная Дориньи, была опубликована в Париже в 1712 году.—*Жизнь отца А. Поссевенаи* др.
518. Мессениус, *Скондия*, vii. стр. 41; xv. стр. 157; iii. стр. 60.

519. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. p. 241.
520. Geijer, *Geschichte Schwedens*, ii. pp. 226, 272, 338.
521. Отношение Николая Ботнического к Упсальскому консилиуму.—Гейджер, ii. стр. 272.
522. Spalatinus, *Relatio de Comitiis August.* 1530.
523. *Archiep. Стругон. сост. дат. Тырнавия*, стр. 96.
524. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn, mit einer Einleitung von Merle d'Aubigné*, p. 35. Berlin, 1854.
525. 'Incredibilem in multis accendit ardorem ad videndum Lutherum.'—Scultetus, *Annal. Ев. руновати*, стр. 51.
526. 'Ex publicis academiæ matriculis constat.'—*Ibid.*
527. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 41.
528. Сен-Мартен.
529. Пол Джанет.
530. Seckendorf, *Hist. де Лютерм.*, стр. 603. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 45.
531. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 42.
532. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 42.
533. 2 Царств XVIII. 27.
534. 'Pœna capitis et ablatione omnium bonorum suorum punire dignetur.'—*Hist. Diplomatica*, p. 3.
535. 'Jam pridem ediximus ne quis in hoc regno nostro sectam illam auderet amplecti aut approbare.' Это постановление, до сих пор неопубликованное, можно найти в венгерском журнале "Мадьяр", стр. 524—Фигельмезо, Дебрецен, 1871.
536. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 44.
537. Ханер, *История. Эклз. Трансильвания*, стр. 147-178.
538. 'Juvenis bonitate abutebatur.'—Scultetus, *Annales*, p. 62.
539. Baronius, *Annales*, anno 1525.
540. 'Georgium quemdam bibliopolam una cum libris evangelicis exusserunt.'—Scultetus, *Annales*, p. 62. Luther, *Epistolæ*.
541. *Критическая история Англии*, xix. с. 89.
542. 'Sarei contento che quel regno si perdesse,' &c.—*Relazione del Signor d'Orio*, Dec. 1523. Ranke, *Deutsch. Geschichte*, ii. p. 407.

543. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 45. Broderichus, *Clades Mohacziana*, apud Schardium, p. 558. Ранке, ii. стр. 409.

544. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 47.

545. 'Wobei Tödtenblässe sein Angesicht überzog,' &c.—*Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 47.

546. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 48.

547. Эти предложения взяты из Комментария Лютера к Псалмам xxxvii, lxii, xciv и cix. См. Письмо и комментарий, Лютер, *Opp.* Лейпциг, т. v., стр. 609-640.

548.

'Herr Jesu Christ,

Du wirst mir stehn zur Seiten,

Und sehen auf das Unglück mein,

Als wäre es dein,

Wenn's wider mich wird streiten.'

Bunsen, *Evang. Gesang- und Gebet-Buch*, p. 290. Рамбах, *Anthologie*, ii. стр. 78. (Рамбах предполагает, что гимн был написан для королевы Лютером одновременно с изложением четырех псалмов.— Ред.)

549. *Matricula Plebanorum*, xxiv. стр. 463. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 51.

550. Смотрите Первую серию, том iv. книга xiii. глава ix.

551. Ferdinand's Mandat. Лютер, *Против.* xix. стр. 596. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, pp. 51-53.

552. 'Pulsi de regnis Ferdinandi, pauperem Christum in paupertate imitantur.'—Luther, *Epp.* iii. p. 289.

553. 'Tu vero vir esto fortis, ora et pugna in spiritu et verbo adversum ipsum.'—*Ibid.*

554. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, pp. 55, 56. Herzog, *Ency.* xvi. p. 641.

555. Ханнер, *История. Экклз.* стр. 199. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 59. *Timon, Epit Chronol.* p. 118.

556. 27 августа 1526 года было принято решение о том, что в ожидании национального совета каждое государство должно действовать в религиозных вопросах таким образом, чтобы нести ответственность перед Богом и императором.

557. *De sanctorum dormitione.*

558. "Ошибочное суждение Маттиаса Девэя, что означает рудимент спасения континента", - сказал его оппонент, доктор Сегеди (Вена, 1535 г.).

559. 'Faber hortatur ut deficiam a causa habiturum me defectionis præmium.'—*Corp. Ref.* i. p. 798.
560. 'Iis solis sunt salutaria qui *in fide spiritualiter* et sacramentaliter hæc mysteria percipiunt.'—Devay, *Expositio examinis quomodo a Fabro in carcere sit examinatus*. Базель, 1537 год.
561. Ревеш, в *Энциклопедии* Герцога, xix. стр. 407.
562. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 62.
563. 'Intelligo te magno sumptu scholam constituere et optimarum artium studia excitare.'—Melanchthon to Count Nadasdy, *Corp. Ref.* iii. p. 417.
564. *Censuræ fratris Gregorii Zegedini*, &c. Vien, bey Syngren, 1535.
565. Рибини, *Памятные вещи августа*. *Conf.* p. 38. *Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 64.
566. 'Talis hospes, ut Homerus jubet, ὅντι κασιγνήτου esse debet.'—Melanchthon Vito Theodoro. Ссылка на корпорацию. iii. стр. 416.
567. Em. Revesz., *M. B. Devay und die ungarische reformirte Kirche*. *Энциклопедия Герцога*. xix. стр. 410.
568. 'Olim Græci Herculem addiderunt Musis, earumque ducem vocabant.'—*Corp. Ref.* iii. p. 418.
569. От Луки, ст. 5.
570. *Hispaniai vadaszag*. Эта редкая и замечательная книга подробно описывает диспут, возможно, делая в нем акцент в пользу Реформации. See also *Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 66.
571. Dr. Burgovzky, *Ungarn*. Херцог, *Энциклопедия*. xvi стр. 641.
572. 'Sic nullum tandem haberemus articulum fidei, si iudicio rationis nostræ æstimandum fuerit.'—Ribini, *Memorabilia*, p. 44. Luther, *Epp. Wittenberg*, 4 Aug. 1539.—*Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 69.
573. *Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 70.
574. Ревеш, в *Энциклопедии* Херцога, XIX. стр. 409.
575. Меланхтон, lib. ii. *Epp.* стр. 339.
576. *Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 71.
577. Иоганн Манилий в сборнике. i.; *О бедствии, которое постигает*. стр. 139. *Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 72.
578. His book was entitled, *Reform der Sächsischen Gemeinde in Siebenbürgen*, 1547. Херцог, *Энциклопедия*. xiv. стр. 344.
579. "Cum apud nos sit ipse adeo boni odoris". — Письмо Лютера от 31 апреля 1544 г.
580. 'Certe non a nobis habet sacramentariorum doctrinam.'—*Ibid.*

581. 'Maxime autem invehitur in Devayum, quod ritus quosdam a suis valde diversos doceret exerceretque.'—Timon, *Epitome chronologica rerum Hungaricarum*.
582. 'Minden embernek illik ezt megtudni.'—Herzog, *Ency.* xix. p. 410.
583. 'Hic Calmanchehi spiritu erroris infectus, hæresi postea sacramentariorum magnam partem Ungariæ infecit.'—Revesz, *Devay und die Ungar. реформа. Kirche*. Херцог, *Энци.* xix. стр. 411.
584. Там же.
585. Анализ Скипуса. часть ii. стр. 234. *Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 73.
586. Анализ Скипуса. часть ii. стр. 234. *Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 73.
587. *Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 74.
588. 'Tanta in homine fuerat pietas, gravitas et prudentia administrandæ rei ecclesiasticæ.'—*Ep. Michaelis Paxi*, April 5, 1573, ad Simlerum.
589. 'Ut magno illi Luthero ac sancto Melanchthoni in magnis rebus gerendis profuerit.'—*Ep.* Михаэлис Пакси, 5 апреля 1573 года.
590. 'Ordinis in discendo et docendo ita amans, ut qui maxime.'—Skarica, *Vita Szegedini*.
591. 'Seine an den Volk. . . mit grosser Begeisterung gerichtete Predigten.'—*Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 75.
592. 'Id quod conciones ejus, et imprimis quæ in publicum evulgatæ sunt, sacra hypomnemata, luculentur testantur; quæque, ut ille de alio, canescent sæclis innumerabilibus.'—Skarica, *Vita Szegedini*.
593. 'Orthodoxæ veritatis in illis arianismo, mahometanismo, aliisque (ut de pontificiis nihil dicamus) sectis infestis regionibus propugnator acerrimus.'—Skarica, *Vita Szegedini*.
594. 'Secundus erat inter cos qui, me puero, corruptelam de Cœna emendarunt ac sustulerunt penitus.'—*Ep. Paxi ad Simler*.
595. *Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 75.
596. Паскаль. Эти слова непосредственно относятся к борьбе римского католицизма против порто-роялистов; но они гораздо более верны по отношению к Реформации.
597. De Maistre.
598. Gieseler, *Kirchengeschichte*, iii. p. 465.
599. *Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 77.
600. Ribini, *Memorabilia*, p. 67. *Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, pp. 75, 76. Guericke, *Kirchengeschichte*, iii. p. 239.
601. Это, несомненно, *Извинение за Признание*. Шрекх, *Реформа.*, ii. стр. 734.
602. Ribini, *Memorabilia*, p. 66. Gebhardi, *Geschichte des Reichs Ungarn*.

603. В этом месте автор написал на своей рукописи в качестве указания своему помощнику: 'Оставьте одну страницу пустой'. Этот пробел не был заполнен.—Редактор.
604. 'Vestem vulpina pelle subductam.'—Skarica, *Vita Szegedini. Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 79.
605. Skarica, *Vita Szegedini. Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 80.
606. *Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, p. 80.
607. Epist. Czigerii ad M. Flacium Illyricum, в Ribini, *Памятные вещи*, i. стр. 501.
608. *Geschichte der evangelischen Kirche in Ungarn*, pp. 81, 83. Рибини, *Памятные вещи*, i. стр. 78.
609. 'Crassum quendam Satanam papisticum vehementer obstitisse.'—Adalb. Wurmloch in Bistriz ad Joh. Гесс в Бреслау. (Ср. цитируется в Gieseler, iii. стр. 465.)
610. 'Approbare evangelium, quod doceat unum colendum Deum reprobetque abusum imaginum quas Turcæ abominantur.'—(MS. cited in Gieseler, iii. p. 465.)
611. 'Mirum namque in modum evangelium gloriæ Dei sub istis bellicis tumultibus quam latissime vagatur.'—Joh. Creslingus ad Ambrosium Moibanum.—(Ср. в Gieseler, iii. стр. 465.)
612. Лютер, *Верке*, xix. стр. 554. (Walch.)
613. Лютер, *Ерр.*, ad Nic. Османнум.
614. Лютер, *Верке*, XIX. стр. 1593. (Walch.)
615. *Apologia veræ doctrinæ eorum qui appellantur Waldenses vel Picardi*. (Цюрих, 1532 год. Wittenberg, 1538.)
616. 'Sed liberrimum vestrum sit et omnium iudicium.'—Luther, *Ерр.* ii. p. 452.
617. Красинский, *История. религия. des peuples Slaves*, p. 114.
618. Красинский, *История. религия. des peuples Slaves*, pp. 115, 116.
619. Фишер, *Реформа в Польше*, i. стр. 44.
620. Шрекх, *Реформа*, ii. стр. 671.
621. Евр. xiii. 2.
622. Hartknoch, *Preussische Kirchenhistorie*, p. 654.
623. Ознакомьтесь с учебной программой.
624. Hartknoch, *Preussische Kirchenhistorie*, pp. 565-568. Красинский, *История. религия. des peuples Slaves*, chap. vi. p. 119.

625. "Вопрос мира в действии Данцига и Христа". —Лютер, *Ерр.* ii. стр. 642.
626. "Сед статим ирем". —Лютер, *Ерр.* ii, стр. 642.
627. Лютер на Данцигском соборе, 5 мая 1525 г.—*Ерр.* ii. стр. 656.
628. 2 Кор. х. 4. Красинский, *История. религия. des Peuples Slaves*, chap. vi. p. 120.
629. Красинский, *История. религия. des Peuples Slaves*, vi. p. 121.
630. Friese, *Kirchengeschichte Polens*, ii. p. 64.
631. Лютер епископу Замланда, апрель 1525 г.—*Ерр.* ii. стр. 449.
632. Обращение Лютера к христианам Ливонии, апрель 1523 г.—*Ерр.* ii. стр. 374.
633. Красинский, *История. религия. des peuples Slaves*, chap. xiv. p. 261.
634. Главными источниками о жизни Аласко являются — Дж. А. Ласко, *Опера*, Амстердам, 1866, passim; Эразм, *Эпистола*; Бертрам, *История. Крит. Иоан. Ласко. Гердесий, Анналы*. Красинский, *История. религия. des peuples Slaves*, ch. vii. Bartels, *Joh. а. Ласкои др.*
635. 'Lovanii, anno 1523, versatus est, atque cum Alberto Hardenbergio contraxit amicitiam,' — Gerdesius, *Ann.* iii. p. 146.
636. 'Me per virum illum (Zwinglium) ad sacrarum literarum studia inductum esse.'—Alasco, *Opera*, i. p. 338.
637. 'Illum primum omnium.'—*Ibid.*
638. 'Divino beneficio.'—*Ibid.*
639. 'Ut missa superstitione pontificia ad Evangelium se converteret.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 146. Трудно точно установить время, в которое Аласко находился в различных городах, которые он посетил. Гердесиус говорит, что он был в Лувене в 1523 году. Бартельс предполагает, что он переехал в Цюрих осенью 1524 года. Сам Аласко утверждает в своем ответе Вестфалю, *Opera*, i. стр. 338, что он был в Цюрихе *до того, как наступила четверть века*. На этой работе, напечатанной в Базеле Опоорином, указана дата —*Anno salutis 1560, mense Martio*. Это зафиксировало бы переезд Аласко в Цюрих в 1526 году. Письмо Эразма, которое мы процитируем, относит пребывание Аласко в Базеле после Цюриха к 1525 году. Эта дата кажется наиболее вероятной. Аласко, возможно, ошибся на несколько месяцев.
640. 'Scio viro illi adscribi, de quibus nunquam videtur cogitasse, imo quorum contraria in ejus monumentis passim habentur,'—Alasco, *Opp.* i. p. 338.
641. 'Cum per Tiguram in Galliam iter facerem.'—*Ibid.*
642. Гердесий, рассказав о визите к Цвинглиусу, говорит: "Deinceps vero Basileae moratus". — *Ann.* iii. стр. 146.
643. Красинский, *История. религия. des peuples Slaves*, p. 132. Английское издание, стр. 140. Французский перевод выполнен М. Габриэлем Навиллем, которого слишком рано отняли у его

друзей. Ему предшествует введение, написанное по просьбе автора и переводчика автором *Истории реформации*.

644. 'Erasmus mihi auctor fuit ut animum ad sacra adjicerem; imo vero ille primus me in vera religione instituere cœpit'—To Bullinger. Аласко, *Opp.* ii. стр. 569.

645. 'Глареанус', то есть из Глариса. Его личное имя было Лорити.

646. *De Geographia*. Фрейбург, 1529 год.

647. 'Nunquam possum sine magna animi voluptate meminisse consuetudinis nostræ Basiliensis.'—Alasco to C. Pellican. *Приложение*. ii. стр. 583.

648. 'Moribus est plane niveis: nihil magis aureum aut gemmeum esse potest.'—Erasmi *Epp.* xviii. 10.

649. 'Joanne a Lasco, juvene citra arrogantiam erudito, citra supercilium, magno ac felici, sed moribus adeo candidis, amicis, jucundis, ut per ejus amabilem consuetudinem pæne repubuerim, alioqui jam morborum, laborum et obtrectatorum tædio marcescens.'—*Ibid.* 13.

650. 'Brevique summus futurus.' (Обращаясь к Эгнатию.) 'Brevique ad res maximas evehendus.' (Обращаясь к Лупсету.)—Erasmi *Epp.* xvii. 11.

651. 'Cum jussu regis ad magna negotia vocareris.'—Erasmi *Epp.* xviii. 26.

652. Аласко, *Против*. (К Пелликану) ii. стр. 583.

653. 'Dum illustris a Lasco parat equos conscendere.'—Erasmi *Epp.* xviii. 16.

654. 'Tam nunc abitu discrucior.'—Erasmi *Epp.* xviii. 15.

655. 'Sudandum erat ut domum hanc tua magnificentia corruptam ad pristinam frugalitatem revocarem.'—*Ibid.* 26.

656. 'Hic ne musca quidem quæ peteret Venetiam.'—*Ibid.* p. 26.

657. 'Tempus illud *misere* mihi totum periit, in cursitationibus, bellicis tumultibus et *fastu aulico*, quod studiis alioquin meis impende e multo *felicius* potuissem.'—Alasco, *Opp.* ii. p. 583.

658. 'Affirmaret se nec duxisse uxorem nec doctrinæ Evangelii adhæsisse.'—Alasco, *Opp.* ii. p. 548.

659. Sanctiones ecclesiasticæ. (Краков, 1525 год.) Constitutiones synodorum, &c.

660. 'Archiepiscopo Gnesnensi et episcopo Cracoviensi.'—*Ibid.*

661. 'Volentem et scientem.'—Juramentum. Аласко, *Opp.* ii. стр. 548.

662. 'Quod si, ut sumus homines,' &c.—*Ibid.*

663. 'In omnibus licitis et honestis.'—*Ibid.*

664. Текст гласит *ad ea designatis*. Автор, похоже, прочитал это *ab ea*, *седе* понятно.—(Редактор.)

665. Эрасми, *Эпп.* XIX. 26. Аласко, по-видимому, задумывался о переводе некоторых работ Эразма.

666. Там же. xviii. 26.

667. Там же. XIX. 11. Кристоферу де Шюдловицу, канцлеру королевства.

668. То же письмо.

669. 'Curares ut quicquid novi post Hyperaspistem prodiit ab Erasmo vel Luthero, is consilio tuo mea pecunia emat.' Это письмо Аласко, датированное 17 ноября 1526 г., является самым ранним из дошедших до нас.—*Opp.* ii. стр. 547.

670. Бартельс, Йоханнес А. Ласко, стр. 8.

671. 'Ut vel hoc uno amico mihi videar sat beatus.'—*Erasmi, Epp.* xix. 5.

672. 'Fieri non potest ut Christi regno exoriente alicubi Sathanas dormiat, cujus artes et furias,' &c.—*Alasco, Opp.* ii. p. 555.

673. 'Sed peculiari quodam malleo petras contundente præstandum sane esset.'—*Alasco, Opp.* ii. p. 557.

674. 'Si te multa simulare ac dissimulare cogat et tu illi obsequaris, estne hoc libere reprehendisse?' Там же.

675. 'Cum is, anno 1536, nominatus jam esset in Hungaria Episcopus Vesprimensis.'—*Gerdesius, Ann.* iii. p. 147.

676. 'Sed bonus Deus me mihi rursum restituit atque ad veram sui cognitionem, e medio Pharisaismo demum mirabiliter evocavit, Illi gloria!'—*Alasco, Opp.* ii. p. 583. К Пелликану.

677. *Calv. Opp.* v. стр. 279.

678. Кельвин.

679. 'Jam sum hac scriptione fatigatus ... cum hæc pauca toto hoc die ex intervallis vix etiamnum absolverim.'—*Alasco, Opp.* ii. p. 553.

680. Аласко, *Opp.* ii. стр. 552.

681. Бартельс, Джон А. Ласко, стр. 12.

682. Аласко, *Opp.* ii. стр. 556.

683. 'Quæ tu de pudore, dolore, tristitia atque ea quæ, te perpetuo, ut scribis, excarnificat, miseria adfers.'—*Alasco to Hardenberg, Opp.* ii. p. 556.

684. 'Qui sabbathum in Christo suum sanctificat, non est cur apud homines turbetur.'—*Ibid.*

685. Несомненно, имеется в виду ведущий в массе.

686. Аласко, *Opp.* ii. стр. 588.

687. 'Spem magni cujusdam episcopatus, si redirem.'—*Alasco, Opp.* ii. p. 588.

688. 'His jam respondi me nolle esse neque *cornutum* neque *cucullatum* apostolum.'—*Ibid.*

689. 'Desiderabatur ultima adhuc lima.'—Gerdesius, iii. p. 148.
690. 'Audis fulmina,' &c.—Alasco, *Opp.* ii. 588.
691. 'Adversus hæc me tutata est divina bonitas.'—*Ibid.*
692. Bartels, *Joh. ласко*, стр. 14.
693. 'Expectanda nova fulmina ab Aula Brabantia; sed potentior est Deus.' (Эмбден, 31 августа 1544 г.). —*Там же*.
694. '... Sed usque ad aras; hæc septa transilire non posse, etiam si deserenda sit omnium amicitia, atque adeo familia in summa inopia et mendicitate relinquenda.'—*Opp.* ii. p. 560. Согласно заявлению Кайпера, он реконструировал письмо по цитатам, сделанным *oratione obliqua* Эммиусом, *историком*. *Пт.* стр. 919.
695. 'Defensio veræ doctrinæ de Christi incarnatione adversus Mennonem Simonis.'—*Opp.* i. pp. 5-60.
696. Bartels, *Joh. ласко*, стр. 18.
697. 'Huic sane debemus omnem Papæ et Mahumetis tyrannidem.'—Alasco, *Epp.* *Указ.* ii. стр. 567.
698. Вандербок, 4 июля 1542 года.
699. 'In quo videlicet nec falli possis nec fallere.'—Alasco, *Opp.* ii. p. 571.
700. Alasco, *Opp.* passim. Trechsel, *Антитринитарий*, в Herzog i. стр. 30-35. Bartels, *Joh. ласко*, стр. 18-20. Гердесий, *Анна*. iii. стр. 116.
701. 'Si dum in alios severi sumus, in vitiis interim ipsi nobis indulgeamus.'—To Hardenberg, July 28, 1544.—*Opp.* ii. p. 574.
702. Аласко, *Opp.* ii. стр. 575. *Gutachten über die Stellung des Cætus*, Embden, 1857. Bartels, *Joh. ласко*, стр. 22.
703. Аласко, *Opp.* ii. стр. 586. Буллингеру, 31 августа 1544 г.
704. 'Ad eum, ut ad servatorem nostrum omnium ac patrem omnium longe optimum, omnium beneficentissimum longeque omnium indulgentissimum, decurramus.'—*Epitome Doctrinæ Ecclesiarum Phrisiæ Orientalis*.—*Opp.* i. p. 493.
705. 'Ut qui paulo frugalius velit vivere, mox pro sectario habeatur... In his culices, si Deo placet, persecuti sumus, et vespas interim et crabrones ipsos alimus: danda est corvis venia.' Письмо написано Герману Лентиусу, советнику графини Анны.—Аласко, *Opp.* ii. стр. 597. 6 Сентября 1545 года.
706. Аласко, *Против.* ii. стр. 606, 607.
707. Аласко, *Против.* ii. стр. 609, 617.
708. Первое письмо Аласко Кальвину датировано Виндзором, 14 декабря 1548 года. Среди работ Аласко сохранилось всего четыре письма польского реформатора к женевам. Это 1548,

1551, 1555 и 1557 годы. Но Аласко отправил Кальвину несколько книг. В публичной библиотеке Женевы хранятся два тома—фолианта, напечатанные в Лувене в 1555 году и носящие такое название:

‘Explicatio articulorum venerandæ facultatis sacræ theologia Generalis Studii Lovaniensis’. — Автором этих томов является Руард Таппер из Энкхейзена. Под названием первого тома изящным почерком выведены следующие слова: "Виро санктиссимо, Д. Джо. Кальвин, Джо. а Ласко миттит".

709. ‘Quo tuæ me insinuari benevolentiaē posse sperarem. A puero non alius mihi vehementior ad studia stimulus fuerit quam ut sic proficerem,’ &c. *Erasmi Epp.* lib. xx. *Ep.* 80.

710. ‘Meditare quibus rationibus laudem absque invidia tibi pares.’—*Ibid.* *Ep.* 81.

711. Письмо герцогини Пармской, написанное из Брюсселя, в *Переписке Филиппа II.*, из архива Симанкаса, опубликованное М. Гашаром, генеральным архивариусом королевства, том i, стр. 318.

712. Информацию, выдвинутую против Виглиуса, можно найти в *Переписке Филиппа II.*, том i. стр. 319.

713. Морери, арт. *Viglius*.

714. ‘Urbes supra trecentas et quinquaginta censenter.’—Strada, *De Bello*, i. p. 32.

715. *Histoire de la Cause de la Désunion des Pays-Bas*, by Messer Renom de France, chevalier, vol. i. chap. 5.

716. Для получения более подробной информации о предшественниках Реформации в Нидерландах см. *Историю. реформы*. Первая серия, том i, книга i, главы 6 и 8.

717. "Est Antverpiae Prior, qui te unice deamat".—Эразм Лютер, *Epp.* 427, в Gerdesius, *Ann.* iii. стр. 18.

718. ‘Is omnium pæne solus Christum prædicat.’—*Ibid.*

719. ‘Curavimus ne in nostra universitate liber publice venderetur.’—Bulla damnatoria. Лютер, *Против лат.* i. стр. 416.

720. ‘Asserentes hujus libri doctrinam vere esse Christianam.’—*Ibid.*

721. "Miras excitarunt tragædias".—Гердесий, *Анна.* iii. стр. 19.

722. ‘Nec adhuc vacavit hominis libros evolvere præter unam et alteram pagellam.’—Erasmus, *Epp.* 317; in Gerdesius, *Ann.* iii. p. 17.

723. ‘Ego in quotidianis concionibus lapidor a prædicatoribus.’—Erasmus, *Epp.* 234.

724. Лютер, *Против лат.* i. стр. 416. Löscher, iii. p. 850.

725. ‘Obtrectator pertinacissimus.’—Erasmus, *Epp.* 562.

726. ‘Pro fide capitis subire periculum.’—Erasmus, *Epp.* 562.

727. 'Ite et prædicate sincere evangelium Christi sicut Lutherus.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 22. Seckendorf, lib. i. s. 81.
728. 'Totus mundus plus credet multis doctis quam uni indocto.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 22. Seckendorf, lib. i. s. 81, p. 23.
729. 'Unus homo Christianus surrexit in quadringentis annis, quem Papa vult occidere.'—*Ibid.*
730. 'Vocavit nos grues, asinos, bestias, stipites, anti-christos.'—Erasmus, *Epp.* 314.
731. 'Etiam si noctis concubuerint cum aliquo scorto.'—*Ibid.*
732. 'Ut malim parere Turcæ quam horum ferre tyrannidem.'—Erasmus, *Epp. Приложение.* стр. 307.
733. 'Ordonnantie en Statuten van Vlaenderen.'—Deel, i. p. 88.
734. 'Capite truncata, submersa, suspensa, defossa, exusta, aliisque mortis generibus extincta, ultra quinquaginta hominum millia.'—Scultetus, *Ann.* p. 87.
735. 'Aleander plane maniacus est, vir malus et stultus.'—Erasmus, *Epp.* 317.
736. 'Captivus ducitur Bruxellas, ubi mire divexatus, atque ignis supplicio gravissimo perterrefactus.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 23.
737. 'Articulos ad abjurandos miserum Jacobum metu mortis cogere veriti non fuerunt.'—*Ibid.* p. 24.
738. 'Cum ipsi non credant . . animum superesse a morte corporis.'—Erasmus, *Epp.* p. 587; in Gerdesius, *Ann.* iii. p. 24.
739. 'Præsumitur jam exustus esse.' . . Luther, *Epp.* ii. pp. 76, 80. Ad Langium et ad Hausmannum. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 25.
740. Лютер, *Epp.* ii. стр. 182.
741. Эразм, *Epp.* 669; в Gerdesius, *Ann.* iii. стр. 27.
742. Письмо Графеуса архиепископу Палермо, канцлеру Брабантского двора.—Brandt, *Hist. der Reformatie*, i. p. 71.
743. 'Profecisse atque ad altiora esse enisum.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 28.
744. Мы приводим лишь часть замечательных тезисов Генриха Зютфенского.—Gerdesius, *Ann.* iii. *Приложение.* стр. 16.
745. 'Sola quippe folia sunt ficus et occultamenta dedecoris quicquid unquam est ab hominibus morale consutum.'—*Ibid.*
746. 'Sicut sol excitat fœtorem cadaveris.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 16.
747. 'Mortis rapina simul et laqueus. Captus in infero quem disruptit.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 16.
748. 'Omnes movebat lapidem.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 29.
749. "Я всегда от тебя зависим". —*Там же.* стр. 30.

750. 'Ex quo noctu fueram educendus et Bruxellas deducendus.'—Henrici *Epist.* ад Джак. Spreng. Gerdesius, *Ann.* iii. *Приложение.* стр. 13.
751. 'Vespere dum sol occubisset.'—Gerdesius, *Ann.* iii. *Приложение.* стр. 13.
752. 'Aliquot mulierum millia concurrentibus simul viris.'—*Ibid.* 'Credo te nosse quomodo mulieres vi Henricum liberarint.'—Luther, *Epp.* ii. p. 265.
753. Первая серия, том iii. l. x. глава vi.
754. 'Monasterio expulsi fratres, alii aliis locis captivi.'—Luther, *Epp.* ii. p. 265. De Wette.
755. 'Monasterium illud solo plane esse æquatum.'—Cochlæus. Гердесиус, *Анна.* iii стр. 29.
756. Первая серия, том iii. книга x. глава iv.
757. 'Ut monte parturiente nascatur ridiculus mus.'—Ep. Fr. Canirmii ad Hedionem, 1522.
758. 'Tum demum ex improvise aderit ecclesiæ suæ.'—*Ibid.*
759. Гердесиус, *Анна.* iii. стр. 55. См. также Ван Тилля, Ле Лонга и др.
760. 'Similiter sumens eucharistiam pignus sponsi sui, firmiter credere debet Christum jam esse suum.'—Epistola Christina per Honium.
761. "Причина неявки в преступлении, связанном с правосудием". — Гнафей, *Товия и Лазарь.*
762. 'Regnum illud cæremoniarum et falsorum cultuum non assectari.'—*Ibid.* Предисловие.
763. Матф. vii. 15.
764. 'Non ait: *Perdite, trucidate, jugulate.*'—Disputatio habita. Гронинг, 1529 год. Gerdesius, *Ann.* iii. *Приложение.* стр. 29-60.
765. Матф. xiv. 14-21.
766. 'Juvenis quidam Nicolaus in navem littori proximam ascendit et Evangelium. . . пирог экспликавит.'—Скультетус, *Энн.* раздел i., стр. 192 в Гердесии, *Энн.* iii. стр. 37.
767. 'Postero autem die sacco indutus. . . subito in profluentem projectus est.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 37.
768. 'Nos vero eum vobis vendimus et non tradimus.'—Scultetus, *Ann.* p. 210.
769. Эразмус, *Эпп.* 266. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 40.
770. 'Ut omnis compulsæ castitatis necessitas tolleretur.'—Mathæi, *Analecta*, vol. i. pp. 192-203.
771. Лютер, *Эпп.* Гердесий, *Анна.* iii. стр. 42 и *Приложение.* стр. 63.
772. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 44.

773. Государственные документы кардинала Гранвеллы, том i, стр. 253.
774. 'Suppliciis etiam extremis adficiendi.'—Pontanus, *Hist. Гвельд.* библиотека. xi. fol. 720. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 46.
775. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 46.
776. 'Fulgore veritatis quæ tum renasci cœperat tactus.'—*Ibid.* p. 48.
777. Joh. Pistorii Woerdenatis Martyrium e MS. editum a Jac. Ревиио. Lugd. Batav. 1649.—Scultetus, *Ann.* ad annos. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 48, 49.
778. 'Manibus pedibusque egit.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 49.
779. 'Se extra scripturam sacram nil quicquam quod ad salutarem attinet doctrinam fide accipere.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 50.
780. 'Diuque et multum ab inquisitoribus vexatus.'—Scultetus, *Ann.* ad annum.
781. Гердесий, *Анна.* iii стр. 51.
782. 'Paratum se quidem Abrahami exemplo filium oppido carum ... Deo offerre.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 51.
783. 'Stupendo quodam et inusitato animi gaudio.'—Gnapheus, *Hist. Pistorii*, p. 163.
784. Revius, Schroeckh, Brandt, Scultetus, ad annum.
785. 'Cadaver ex oculis adstantium disparuisse, secuta constanti fama virum Dei ad cœlum translatum esse.'—Schelhorn, *Amœnit. литература.* iv. стр. 418 и далее.
786. Эразмус, *Ерр.* 757. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 43.
787. Фраза, использованная преподобным отцом Феликсом в его проповедях в Соборе Парижской Богоматери.
788. 'Per eorum doctrinam fabulis refertam vel mores impurissimos.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 54.
789. Документ, датированный Гаагой 27 сентября 1525 г. —*Там же.*
790. *Там же.*
791. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 53.
792. 'Ejus virtute permulti ad veritatis cognitionem sunt perducti.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 56.
793. Dumont, *Corps universel diplomatique du droit des gens*, iv. i. p. 399.
794. 'Illas rotundas hostiolas.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 62.
795. 'Nobili cuidam feminæ Wendelmutham unice diligenti.'—*Ib.* 63.
796. 'Cur non taces, mea Wendelmutha?'—*Там же.*
797. 'Hunc ego ligneum salvatorem non agnosco.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 63.

798. 'Propter verbum Dei captus.'—Scultetus, *Ann.* ad annum.
799. 'Magna animi fortitudine et fidei magnitudine supplicium sustinuisse traditur.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 64.
800. Этот термин используется Гердесиусом и Скультетом в названии их *Анналов*.
801. Dumont, *Corps universel diplomatique*, iv. pp. 1, 5.
802. Haræi, *Annales Ducum Brabantiae*, ii. p. 582, Gerdesius, *Ann.* iii. p. 65. Brandt, Schook.
803. Pontanus, *Hist. Geldr.* библиотека. xi. fol. 762.
804. Sleidan, Scultetus, Rabus, *Martyrologium*, Gerdesius, *Ann.* iii. pp. 41, 67. Melchior Adam.
805. 'Sine mora fidei suæ rationem exhibendam esse.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 68.
806. Ephes. vi. 17.
807. 'Illa confessio ingenua certe ac singulari pietate conspicua.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 70.
808. 'Magno piorum luctu vivus sit combustus.'—*Ibid.*
809. Brandt.
810. 'Pro quibus non semel, timide licet et verecunde, apud Cæsarem intercesserat.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 74.
811. Сарпи, *История. Тридентского собора*, § lxi.
812. 'Sunt quidam partim cognati mei partim noti partim etiam qui fuerunt discipuli mei.'—Letter from Crocus to the official of Utrecht, 1531. Foppens, *Bibliotheca Belgica*, i. p. 197. Гердесий, *Анна*. iii. стр. 76.
813. 'Mense proximo quidam illorum navibus profecturi sunt in partes orientales, ut hic Amsterdami mos est.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 76.
814. Pauli Merulæ, *Descriptio rerum adv. Ang. Merulam gestarum*, p. 108.
815. 'Quum. . . imprimis de justificatione ex sola fide doctrinam evangelicam urgeret.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 77.
816. 'Assertiones fidei ad Satanæ satellitium.'—*Ibid.* p. 78.
- 817.
- 'Sed postquam virtus duris exercita fatis
Destituit corpus, spiritus astra tenet.'
- Гердесиус, *Анна*. iii. стр. 78.
818. 'Et candentem crucem cauterio inurendam.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 79.
819. "Цезарь да здравствует". — Эдикт 1529 года.

820. Брандт. i. стр. 37.
821. 'Legatos Cæsaris admittere suam in urbem noluerunt.'—Revii, *Deventria illustrata*, p. 250. Гердесий. *Ann.* iii. 80.
822. "Ад Монтаны Ротфельдии". — *История мучеников*, том 686.
823. 'Jubilis dicuntur replevisse viam supplicii.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 80.
824. Гердесиус. Брандт, i. стр. 40.
825. Брандт, i. стр. 40.
826. Брандт И., стр. 41.
827. Röhrich, *Ref. in Elsass*, i. p. 338. Ранке, iii, стр. 367.
828. 'In Transisalaniam arma bellica apud sectarios quosdam inveniri.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 82.
829. 'Non papismum solum, sed Lutheri quoque et Zwinglii doctrinam vehementer reprehendebat.'—*Ibid.* p. 83. Emmius, *Hist. rer. Frisic.* lib. lv. стр. 860.
830. 'Se Enochum esse affirmavit.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 87.
831. 'Lutherum et pontificem Romanum esse falsos prophetas, Lutherum tamen altero deteriorem.'—*Opus restitutionis.* Гердесий, *Анна.* iii. стр. 83.
832. 'Ululantes potius quam clamantes.'—Emmius, *Hist. rerum Frisicarum*, lib. lvii. fol. 884. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 91.
833. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 92.
834. Смотрите великую работу мистера Мотли "Об основании Соединенных провинций", часть ii. глава i. В ней содержится отчет о первых днях Реформации в Нидерландах. Христианство, распространявшееся во времена, о которых мы говорим, стало главной причиной великой и трагической революции, описанной этим историком.
835. "Исповедь приверженца Августа пауциссими, посвященная кальвинизму во всем мире, оккупирующему корду" — Виглиус ван Зуйхем Хопперу.
836. 'Sibi pretio oblato ea explicari curarint quæ dicta erant.'—Gerdesius, *Ann.* iii. p. 126. Шок, *Канон. Ультрадж.* стр. 461.
837. 'Frequenter noctis aliquam partem huic curæ decidens.'—Erasmus, *Epist.* lib. xxviii. 23.
838. Гердесий, *Анна.* iii. стр. 123.
839. *Воспоминания Энцинаса*, i. стр. 10. Латинский текст мемуаров этого испанского христианина и французский перевод 16 века были опубликованы М. Кампаном из Бельгийского исторического общества в Брюсселе в 1862 году. 'Pietatis ardore flagrabat ... quæ virtutis ac pietatis velut exemplar semper fuisset habita.'—*Ibid.* i. pp. 104, 106.
840. 'Antonia de præcipua pene familia urbis, cujus hospitio aliquando usus est D. Johannes a Lasco.'—*Ibid.* p. 102.

841. *Воспоминания Энцинаса*, перевод 1558 г., стр. 105.
842. 'Filiam perelegantem, forma liberali atque ætate integra.'—*Ibid.* p. 112.
843. *Воспоминания Энцинаса*, перевод 1558 г., стр. 611.
844. *Там же*. стр. 463.
845. Этот отрывок и другие взяты из *оправдательных материалов* судебного процесса над жителями Лувена. См. *Воспоминания Энзинаса*, i. стр. 466, 467 и др.
846. *Воспоминания Энзинаса*, стр. 466.
847. Кампан. *Там же*. стр. 469.
848. *Там же*. стр. 539, 541.
849. *Воспоминания Энзинаса*, стр. 37, 619.
850. *Мемуары Энцинаса*, оправдательные материалы, i. стр. 324, 325, 331, 409, 419, & с.
851. *Воспоминания Энцинаса*, отрывки оправданий, i. стр. 361.
852. *Там же*. стр. 379, 381.
853. *Воспоминания Энзинаса*, i. стр. 487.
854. *Там же*. ii. стр. 249.
855. *Воспоминания Энзинаса*, i. стр. 319, 323, 391.
856. *Мемуары Энзинаса*, i. стр. 14. Автор этих мемуаров прибыл в Лувен на следующий день после этого происшествия.
857. Crespin, *Actes des Martyrs*, iii. p. 125. *Воспоминания Энзинаса*, i. стр. 15.
858. *Воспоминания Энцинаса*, iii. стр. 17, 18, 26. Впоследствии было начато общее расследование деятельности Питера дю Фьефа, и через год после расследования он больше не занимал свой пост.
859. Crespin, *Actes des Martyrs*, book iii. p. 125. Гердесий, Анна. iii. стр. 144. *Воспоминания Энзинаса*, i. стр. 23-33.
860. 'Eorum fraudes et scelerata consilia præ ceteris propalare poterat.'—*Memoirs of Enzinas*, i. p. 38.
861. "Танкам ненасытных гарпий". —*Там же*.
862. 'Homo perpusillus, barba prominenti, exsanguis, macilentus, dolore atque inedia pæne consumptus.'—*Memoirs of Enzinas*, i. p. 40.
863. 'Riderent ac tantum non exsibilarent.'—*Ibid.* i. p. 46.
864. 'Lupos occidere ac trucidare debemus.'—*Ibid.* i. p. 58.

865. 'Vidi et audiui multos in eo loco. . . qui deposuissent.' — *Воспоминания Энцинаса*, i. стр. 68.
866. 'Clamores tristissimi eorum qui in carcere cruciabantur, universam urbem personabant, ut nemo quantumvis barbarum aut efferatum natura finxisset, sine ingenti animi dolore, miserandos illos gemitus et clamores audire potuisset.' — *Memoirs of Enzinas*, i. p. 74.
867. 'Et si vos dimitterem, non essem amicus Cæsaris.' — *Ibid.* i. p. 82.
868. *Воспоминания Энцинаса*, оправдательные материалы. Материалы для допросов, i. стр. 337-383.
869. *Там же*. i. стр. 93.
870. 'Plures fuerant qui horrendis imprecationibus sanguinariam belluam diabolis devoverunt.' — *Ibid.* p. 94.
871. Crespin, *Actes des Martyrs*, book iii. p. 126.
872. 'Spectatrix materni sacrificii.' — *Ibid.* p. 112.
873. Старофранцузский перевод неточен во всем этом отрывке. В латинских мемуарах говорится: "In aliquo fortassis angulo, aut certe in domo proxima". — *Там же*.
874. 'Ita maternam fortunam in anima filiæ fixam insedissee.' — *Ibid.*
875. 'Deum immortalem! quibus lamentationibus, quibus ejulatibus aera complebat.' — *Actes des Martyrs*, book iii. p. 126.
876. 'Ferebatur velut insana per urbem; magna vis lacrymarum ex oculis tanquam ex fonte promanabat; capillos ac faciem dilaniabat.' — *Ibid.*
877. *Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 23.
878. 'Suarum facultatum Ægidium dominum faciebant.' — *Memoirs of Enzinas*, ii. p. 26.
879. *Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 31.
880. 'Unum lectum quem sibi tantum domi reliquum fecerat, ad foeminam parturientem misit, et ipse deinceps in stramine jacuit.' — *Memoirs of Enzinas*, ii p. 32.
881. 'Una misericordia Dei (quæ fide in Christum apprehenditur) servari nos oportere.' — *Ibid.*
882. 'Ex arcana sua sede.' — *Ibid.*
883. *Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 35, 37.
884. *Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 252-255.
885. *Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 256, 264.
886. Crespin, *Actes des Martyrs*, p. 121. *Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 261, 273.
887. *Воспоминания Энцинаса*, ii. стр. 280, 281, 285.

888. 'Nec in tota domo quisquam fuit qui a lacrimis potuerit temperare.'—*Memoirs of Enzinas*, ii. p. 296.

889. *Воспоминания Энзи́наса*, ii. стр. 330-353. Там же. pièces justificatives. Письмо королеве Марии, стр. 517.

- Примечания переписчика:
  - Пропущенные или затемненные знаки препинания были исправлены автоматически.
  - Типографские ошибки были исправлены автоматически.
  - Непоследовательная орфография и расстановка переносов были приведены в соответствие только тогда, когда в этой книге была найдена преобладающая форма.
  - Сноски приведены в конце текста и связаны для удобства использования.